

МЕЖДУНАРОДНЫЙ  
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

# ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2014

№ 3  
(49)

**ОБЩЕСТВО И ПРАВО**

2014 № 3 (49)

Выходит с 2003 г. ежеквартально

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

**Калиниченко И.А.** кандидат педагогических наук,  
начальник Краснодарского университета МВД России

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

**Ильяшенко А.Н.** доктор юридических наук, профессор,  
заместитель начальника Краснодарского университета  
МВД России по научной работе

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**

**Агафонов Ю.А.** доктор философских наук, кандидат юридических наук,  
профессор, заслуженный юрист РФ,  
председатель Контрольно-счетной палаты Краснодарского края

**Аврутин Ю.Е.** доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,  
профессор кафедры административного права  
Санкт-Петербургского университета МВД России

**Антонян Ю.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель  
науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

**Баев О.Я.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель  
науки РФ, академик РАЕН, заведующий кафедрой  
криминалистики Воронежского государственного университета

**Борчашвили И.Ш.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель  
Казахстана, академик КазНАЕН, директор ГУ «Центр судебной  
экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан» (Казахстан)

**Волков Ю.Г.** доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель  
науки РФ, директор Института по переподготовке и повышению  
квалификации Южного федерального университета

**Гилинский Я.И.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры  
уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права  
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)  
Академии Генеральной прокуратуры РФ

**Голик Ю.В.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой  
правовых средств борьбы с преступностью  
Европейского института JUSTO

**Головненков П.В.** доктор права, главный научный сотрудник кафедры  
уголовного права Потсдамского университета (Германия)

**Зайцев О.А.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель  
науки РФ, почетный работник высшего профессионального  
образования РФ, проректор по научной работе  
Московской академии экономики и права

- Ищенко Е.П.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Камышанский В.П.** доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член РАЮН, заведующий кафедрой гражданского права Кубанского государственного аграрного университета
- Кибальник А.Г.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета
- Клейберг Ю.А.** доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, президент Международной академии ювенологии и Международной академии социальной работы, профессор факультета психологии Московского государственного областного университета
- Курдюк П.М.** доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края
- Ларичев В.Д.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России
- Лукашов А.И.** кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Беларусь)
- Мацкевич И.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Меретуков Г.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кубани, заслуженный юрист Республики Адыгея, заведующий кафедрой криминалистики Кубанского государственного аграрного университета
- Миндагулов А.Х.** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан)
- Наумов А.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
- Подшибякин А.С.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России
- Понятовская Т.Г.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

- Пудовочкин Ю.Е.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российской академии правосудия
- Рарог А.И.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Рассказов Л.П.** доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета
- Сапрунов А.Г.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета
- Старилов Ю.Н.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета
- Тупанчески Н.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Университета «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония)
- Хелльманн У.** доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Потсдамского университета (Германия)
- Шалин В.В.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета

#### **РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**

- Ганченко И.О.** доктор педагогических наук, профессор, первый заместитель начальника КрУ МВД России
- Важенин В.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД КрУ МВД России
- Вишневецкий К.В.** доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права КрУ МВД России
- Герасимов А.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса КрУ МВД России
- Грицай В.В.** кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Денисенко В.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Жеребцов А.Н.** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД КрУ МВД России
- Карнаушенко Л.В.** доктор исторических наук, профессор, начальник управления учебно-методической работы КрУ МВД России

- Кубякин Е.О.** доктор социологических наук, начальник кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Лозовский Д.Н.** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса КрУ МВД России
- Мятченко И.В.** кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и иностранных языков КрУ МВД России
- Нарыков Н.В.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Натура Д.А.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры предварительного расследования КрУ МВД России
- Палазян А.С.** доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства КрУ МВД России
- Пахомов С.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики КрУ МВД России
- Рычкалова Л.А.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КрУ МВД России
- Самойлов С.Ф.** доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Сизоненко А.Б.** кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры информационной безопасности КрУ МВД России
- Таганова А.А.** кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики КрУ МВД России
- Труфанов М.Е.** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД КрУ МВД России
- Фатальникова Е.В.** кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета КрУ МВД России
- Яковлев В.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии КрУ МВД России

#### **УЧРЕДИТЕЛЬ:**

Краснодарский университет МВД России

#### **РЕДАКЦИЯ:**

М.Ю. Савченко, Е.С. Малько, Т.А. Лосева, Н.К. Алексаньян

#### **АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:**

Российская Федерация, 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128

Тел.: +78612583596

Web-сайт: sl.krdu-mvd.ru

Электронный адрес: society\_and\_law@mail.ru

© Краснодарский университет МВД России, 2014

## **SOCIETY AND LAW**

2014 № 3 (49)

Published since 2003 quarterly

### **CHIEF EDITOR**

**Kalinichenko I.A.** Master of Pedagogics, Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

### **DEPUTY CHIEF EDITOR**

**Ilyashenko A.N.** Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

### **EDITORIAL COUNCIL:**

**Agafonov Yu.A.** Doctor of Philosophy, Master of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of Control Audit Chamber of Krasnodar Region

**Avrutin Yu.E.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of a Chair of Administrative Law of the St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

**Antonyan Yu.M.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia

**Baev O.Ya.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of a Chair of Criminalistics of the Voronezh State University

**Borchashvily I.Sh.** Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Kazakhstan, Academician of Kazakh National Academy of Natural Sciences (KNANS), Director of SI «Center of Judicial of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan» (Kazakhstan)

**Volkov Yu.G.** Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Director of the Institute for Refresher of the Southern Federal University

**Gilinsky Ya.I.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology, Criminal-executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation

**Golik Yu.V.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Legal Meanings of Fight with Criminality of the European Institution JUSTO

**Golovnenkov P.V.** Doctor of Law, Chief Science Worker of a Chair of Criminal Law of the Potsdam University (Germany)

- Zaitsev O.A.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice Rector on Scientific Work of the Moscow Academy of Economics and Law
- Ishchenko E.P.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of a Chair of Criminalistics of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Kamyshansky V.P.** Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Science Worker of Kuban, Full Member of the Russian Academy of Law Sciences (RALS), Head of a Chair of Civil Law of the Kuban State Agrarian University
- Kibalnik A.G.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasian Federal University
- Kleyberg Yu.A.** Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, Honored Science and Education Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the International Academy of Juvenology and the International Academy of Social Work, Professor of the Faculty of Psychology of the Moscow State Regional University
- Kurdyuk P.M.** Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region
- Larichev V.D.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia
- Lukashov A.I.** Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Belarus)
- Matskevich I.M.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, President of the Union of Forensic Scientists and Criminologists, Professor of a Chair of Criminology and Criminal-executive Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Meretukov G.M.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of Kuban, Honored Lawyer of the Republic of Adygeya, Head of a Chair of Criminalistics of the Kuban State Agrarian University
- Mindagulov A.Kh.** Doctor of Law, Professor, Chief Science Worker of the Kazakh National University of Al-Faraby (Kazakhstan)
- Naumov A.V.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

- Podshibyakin A.S.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry
- Ponyatovskaya T.G.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Pudovochkin Yu.E.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Russian Academy of Justice
- Rarog A.I.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honorary Lawyer of Moscow, Head of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Rasskazov L.P.** Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University
- Saprunov A.G.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University
- Starilov Yu.N.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Administrative and Municipal Law of the Voronezh State University
- Tupanchesky N.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia)
- Hellmann U.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Potsdam University (Germany)
- Shalin V.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Head of a Chair of Sociology and Culturology of the Kuban State Agrarian University

#### EDITORIAL BOARD:

- Ganchenko I.O.** Doctor of Pedagogics, Professor, First Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Vazhenin V.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Vishnevetsky K.V.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Gerasimov A.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Civil Law and Civil Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Gritsay V.V.** Master of History, Assistant Professor, Head of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

- Denisenko V.V.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Zherebtsov A.N.** Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Karnaushenko L.V.** Doctor of History, Professor, Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Kubyakin E.O.** Doctor of Sociology, Head of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Lozovsky D.N.** Doctor of Law, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Myatchenko I.V.** Master of Philology, Assistant Professor, Head of a Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Narykov N.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Natura D.A.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Palazyan A.S.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Pakhomov S.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Rychkalova L.A.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Samoilov S.F.** Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Sizonenko A.B.** Master of Technics, Assistant Professor, Head of a Chair of Information Security of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Taganova A.A.** Master of Psychology, Assistant Professor, Head of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Truphanov M.E.** Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

**Fatalnikova E.V.**

Master of Sociology, Assistant Professor,  
Scientific Secretary of an Academic Council  
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

**Yakovlev V.V.**

Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminology  
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

**FOUNDER:**

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

**EDITION:**

M.Yu. Savchenko, E.S. Malko, T.A. Loseva, N.K. Aleksanyan

**ADDRESS OF THE PUBLISHER OF EDITION:**

Russian Federation, 350005, Krasnodar region, Krasnodar, Yaroslavskaya street, 128  
Tel.: +78612583596  
Web-site: [sl.krdu-mvd.ru](http://sl.krdu-mvd.ru)  
e-mail: [society\\_and\\_law@mail.ru](mailto:society_and_law@mail.ru)

© Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, 2014

<b>КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА</b>	<b>19</b>	<b>CHIEF EDITOR`S COLUMN</b>
<b>ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!</b>	<b>20</b>	<b>CONGRATULATIONS WITH ANNIVERSARY!</b>
<b>ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА</b>	<b>21</b>	<b>THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE</b>
<b>Карнаушенко Л.В.</b> Криминализация сознания россиян как социальная проблема: теоретико-прикладной анализ	<b>21</b>	<b>Karnaushenko L.V.</b> Criminalization consciousness of Russians as a social problem: theoretical and applied analysis
<b>Завьялова Н.Ю.</b> Несоблюдение государственных стандартов как правонарушение	<b>25</b>	<b>Zavialova N.Yu.</b> Failure to comply with state standards as an offense
<b>Мартыненко Б.К.</b> Основные тренды терроризма в современной России	<b>28</b>	<b>Martynenko B.K.</b> The main trends of terrorism in Russia today
<b>Набиев Р.Ф.</b> Элементы судебной бухгалтерии в древности и Средневековье	<b>33</b>	<b>Nabiev R.F.</b> Forensic accountant elements in ancient and Medieval
<b>КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО</b>	<b>39</b>	<b>CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW</b>
<b>Зинков Е.Г.</b> Административная природа законодательной инициативы Президента Российской Федерации № 352924-6 «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»	<b>39</b>	<b>Zinkov E.G.</b> Administrative nature of the legislative initiative of the President of the Russian Federation № 352924-6 «On the Supreme Court of the Russian Federation and the Office of the Public Prosecutor of the Russian Federation»
<b>ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС</b>	<b>43</b>	<b>CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS</b>
<b>Либанова С.Э.</b> Проблемы обеспечения единства конституционного правоприменения по гражданским делам и пути их решения	<b>43</b>	<b>Libanova S.E.</b> Problems of ensuring the unity of the constitutional enforcement of civil cases and decide-making of it
<b>Захарова Г.С.</b> Порядок возмещения вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов и суда	<b>47</b>	<b>Zakharova G.S.</b> Order compensation for damage caused by illegal actions of law-enforcement bodies and court
<b>Непомнящая И.С.</b> Коммерческая концессия или франчайзинг: проблема дефиниций	<b>52</b>	<b>Nepomnyashaya I.S.</b> Commercial concession or franchise: the definition problem

<b>Устинова Л.Г.</b> Особенности рассмотрения трудовых споров отдельных категорий дел	<b>56</b>	<b>Ustinova L.G.</b> The features of labour disputes of some categories of cases consideration
<b>Арсналиев М.А.</b> Особенности государственной регистрации публичных сервитутов	<b>62</b>	<b>Arsnaliev M.A.</b> Features state registration of public easements
<b>Ерофеева Е.А.</b> Проблемы защиты чести, достоинства и деловой (профессиональной) репутации в системе МВД России	<b>67</b>	<b>Erofeeva E.A.</b> Problems of protection of honor, dignity and business (professional) reputation in the system of the Ministry of the Interior of Russia
<b>Ильенко Е.Н.</b> Понятие и правовой статус национальных парков	<b>71</b>	<b>Ilienko E.N.</b> The concept and the legal status of national parks
<b>Попова Е.И.</b> К вопросу о правоотношении застройки	<b>74</b>	<b>Popova E.I.</b> To the question of the relationship building
<b>Ростовцева А.М.</b> Меры имущественной ответственности участников гражданско-правовых отношений при наступлении неблагоприятных последствий	<b>78</b>	<b>Rostovtseva A.M.</b> Measures of property responsibility of the participants of civil legal relations at the offensive of unfavorable consequences
<b>УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА</b>	<b>83</b>	<b>CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE</b>
<b>Минязева Т.Ф., Абдикарим Али Ахмед</b> Иные меры уголовно-правового характера в России и Сомали	<b>83</b>	<b>Minyazeva T.F., Ahmed Abdikarim Ali</b> Security measures under criminal law in Russia and Somalia
<b>Понятовская Т.Г.</b> Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел как обстоятельство, отягчающее наказание	<b>89</b>	<b>Ponyatovskaya T.G.</b> Committing an intentional crime of law-enforcement officer as a circumstance aggravating the punishment
<b>Гузеева О.С.</b> Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности	<b>95</b>	<b>Guzeyeva O.S.</b> Problems qualification of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the person
<b>Танага И.В.</b> Особенности объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 228 <sup>1</sup> Уголовного кодекса Российской Федерации	<b>99</b>	<b>Tanaga I.V.</b> Features of the objective side of the crime under article 228 <sup>1</sup> of the Criminal code of the Russian Federation

<b>Хун А.З.</b> Применение самоходного транспортного плавающего средства как квалифицирующий признак статьи 256 Уголовного кодекса Российской Федерации	<b>104</b>	<b>Hun A.Z.</b> Application of a self-propelled vehicle floating assets as a qualifying sign of article 256 of the Criminal code of the Russian Federation
<b>Тарасенко Г.В.</b> К вопросу об уголовной ответственности за незаконное лишение свободы и похищение человека	<b>107</b>	<b>Tarasenko G.V.</b> To the question about the criminal liability for illegal imprisonment and kidnapping of human
<b>Авдалян М.Э.</b> Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: основание криминализации и криминообразующие признаки	<b>110</b>	<b>Avdalyan M.E.</b> Violation of traffic rules and operation of the vehicle: base of criminalization and crime forming signs
<b>Докуев А.А.</b> Проблемы квалификации содействия террористической деятельности	<b>114</b>	<b>Dokuyev A.A.</b> Qualification problems facilitating terrorist activities
<b>Мальковский Д.В.</b> Содержание бюджетных отношений и формирование института юридической ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств (средств государственных внебюджетных фондов)	<b>120</b>	<b>Malkovskiy D.V.</b> The maintenance of the budgetary relations and formation of institute of legal responsibility for the misuse of the state budget funds (non-budgetary funds)
<b>Хамтаку Р.Ш.</b> Категория общественной опасности деяния в структуре преступления: вопросы элементной иерархии и использования в качестве критерия классификации преступлений	<b>125</b>	<b>Khamtakhu R.Sh.</b> The category of the public danger of act in crime structure: the questions of element hierarchy and use as criterion of crime classification
<b>ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ</b>	<b>129</b>	<b>THE PREVENTION OF CRIMINALITY</b>
<b>Киркина Н.В.</b> Некоторые личностные особенности женщин, совершающих наркопреступления	<b>129</b>	<b>Kirkina N.V.</b> Some particularities to personalities of women making crimes connected with illegal turn drug
<b>Палазян А.С.</b> Историко-правовой аспект проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе	<b>134</b>	<b>Palazyan A.S.</b> Historical and legal aspect of the problem of religious extremism in North Caucasus
<b>Паршина И.А., Чуб И.С.</b> Криминологический анализ эффективности деятельности подразделений органов внутренних дел по противодействию преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности	<b>139</b>	<b>Parshina I.A., Chub I.S.</b> Criminological analysis of the effectiveness of activity of departments of Internal Affairs to fight against crimes and offenses of extremist orientation

<b>Стукалов В.В., Запорожец Е.В.</b> Проблемы противодействия криминальному контролю организованных преступных групп за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий	<b>145</b>	<b>Stukalov V.V., Zaporozhets E.V.</b> Problems of counteraction to criminal control of organized criminal groups for the financial and economic activities of enterprises
<b>Авакян Л.А.</b> Конфликтные отношения в среде отрицательно характеризующихся осужденных	<b>150</b>	<b>Avakian L.A.</b> Conflictual relations among negatively characterized convicted
<b>УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО</b>	<b>154</b>	<b>CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS</b>
<b>Адаменко И.Е.</b> К вопросу о смысловом уровне разрешения проблемы повышения качества реализации уголовно-процессуального закона	<b>154</b>	<b>Adamenko I.E.</b> To the issue of semantic level solving the problem of improvement of quality implementation the criminal-procedural law
<b>Башинская И.Г.</b> О правовом положении заявителя на досудебной стадии уголовного судопроизводства	<b>157</b>	<b>Bashinskaya I.G.</b> On the legal status of applicant at the pre-trial stage of criminal proceedings
<b>Данильян Э.С.</b> Особенности возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом земель	<b>161</b>	<b>Danilyan E.S.</b> Peculiarities of criminal laws excitation connected with illegal land operation
<b>Голова С.И.</b> Процессуальная деятельность следователя по уведомлению участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного следствия с обвинительным заключением	<b>166</b>	<b>Golova S.I.</b> Procedural actions of the investigator to notify participants of criminal proceedings that the preliminary investigation to the indictment
<b>Кабанцов Ю.Н.</b> Доказательства, влияющие на квалификацию преступлений террористической и экстремистской направленности	<b>171</b>	<b>Kabantsov Yu.N.</b> Evidence affecting the qualification crimes of terrorist and extremist orientation
<b>Владимирова Ю.К.</b> Классификация уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы	<b>176</b>	<b>Vladimirova Yu.K.</b> Classification of criminal-procedural rights of the participants of criminal proceedings, custody or serving a sentence of imprisonment
<b>РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ</b>	<b>180</b>	<b>DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES</b>
<b>Брылев В.И., Лях Л.А.</b> Теоретические основы и актуальные проблемы экологического развития на современном этапе развития криминалистики	<b>180</b>	<b>Brylev V.I., Lyakh L.A.</b> Theoretical foundations and challenges of ecology science at the present stage of development of criminalistics

<p><b>Важенин В.В., Баженов С.В., Сафронов А.А.</b> Гласное обследование: подготовка, проведение, использование результатов</p> <p><b>Герман Т.В.</b> Особенности организации расследования злоупотреблений должностными полномочиями</p> <p><b>Дараган В.В.</b> Особенности расследования преступлений в сфере государственных закупок, связанных с ремонтом асфальтобетонного покрытия, в Украине</p> <p><b>Можаева И.П.</b> К вопросу о методологических основах криминалистического учения об организации расследования преступлений</p> <p><b>Пахомов С.В., Гусев А.В.</b> Использование геодезических спутниковых систем при эксцентрическом способе осмотра места происшествия</p> <p><b>Горбунов А.Н., Калюжный К.Ю.</b> Особенности раскрытия и расследования карманных краж, совершаемых в общественном транспорте</p> <p><b>Дрога А.А., Першин С.П.</b> Актуальные вопросы производства судебно-бухгалтерской экспертизы в современных условиях</p> <p><b>Науменко О.А.</b> Особенности назначения судебных экспертиз при расследовании преступления, предусмотренного статьей 326 Уголовного кодекса Российской Федерации</p> <p><b>Сарычева И.В.</b> Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности</p> <p><b>АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС</b></p> <p><b>Зайцев Р.Я.</b> Остановка транспортных средств в целях проверки правомерности их использования</p>	<p><b>183</b></p> <p><b>190</b></p> <p><b>194</b></p> <p><b>197</b></p> <p><b>202</b></p> <p><b>207</b></p> <p><b>211</b></p> <p><b>217</b></p> <p><b>220</b></p> <p><b>225</b></p> <p><b>225</b></p>	<p><b>Vazhenin V.V., Bazhenov S.V., Safronov A.A.</b> Vowels survey: preparation, holding, use of results</p> <p><b>Herman T.V.</b> Organization of special investigation abuse of official powers</p> <p><b>Daragan V.V.</b> Features of the investigation of crimes in public procurement related to the repair of asphalt concrete pavement in Ukraine</p> <p><b>Mozhaeva I.P.</b> To the question about methodological basis of criminalistics doctrine of organization of crimes investigation</p> <p><b>Pakhomov S.V., Gusev A.V.</b> The use of geodesic satellite systems when eccentric method of examination of the scene</p> <p><b>Gorbunov A.N., Kalyuzhniy K.Yu.</b> Peculiarities of disclosure and investigation of pickpocketing committed in public transport</p> <p><b>Droga A.A., Pershin S.P.</b> The present day actual questions of execution of judicial-account expertise</p> <p><b>Naumenko O.A.</b> Features purpose in forensic investigation crimes under article 326 of the Criminal code of the Russian Federation</p> <p><b>Sarycheva I.V.</b> The offender's personality as an element of criminalistic characteristic of crimes of extremist orientation</p> <p><b>ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS</b></p> <p><b>Zaitsev R.Ya.</b> Vehicles stop in order to verify the legality of their use</p>
--	---	--

<b>Затолокин А.А.</b> Экстремизм как социальная болезнь	<b>229</b>	<b>Zatolokin A.A.</b> Extremism as the social disease
<b>Сычев Е.А., Андрухов В.А.</b> Применение средств видеофиксации административных правонарушений в Краснодарском крае	<b>233</b>	<b>Sychev E.A., Andrukhov V.A.</b> The use of means of video fixing of administrative offences in the Krasnodar region
<b>Панфилова Л.Б.</b> Понятие и сущность общественной безопасности на водном транспорте	<b>238</b>	<b>Panfilova L.B.</b> Concept and summary for public security on water transport
<b>АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ</b>	<b>242</b>	<b>ACTUAL QUESTIONS OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS</b>
<b>Чепелева Л.М., Дружинина Э.Л.</b> Причины выбора суицидального поведения современными подростками	<b>242</b>	<b>Chepeleva L.M., Druzhinina E.L.</b> Reasons for choosing suicidality modern teenagers
<b>Гирин А.В.</b> Формирование готовности курсантов к работе в поликультурной среде региона: компетентностный подход	<b>246</b>	<b>Girin A.V.</b> Forming of readiness of cadets to work in multicultural environment of region: competence approach
<b>Чанышев Р.И.</b> О теоретической модели подготовки курсантов к педагогической профилактике подростковых девиаций	<b>251</b>	<b>Chanyshv R.I.</b> On the theoretical model of cadets training for pedagogical prevention of juvenile deviance
<b>ОБЩЕСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА</b>	<b>257</b>	<b>SOCIETY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW</b>
<b>Гревцова Д.В.</b> Профсоюзы на саммите G20	<b>257</b>	<b>Grevtsova D.V.</b> Trade unions at the summit G20
<b>ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ</b>	<b>261</b>	<b>QUESTIONS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE</b>
<b>Бондаренко Г.И., Берсиров Т.Б.</b> Роль правосознания в формировании актора	<b>261</b>	<b>Bondarenko G.I., Bersirov T.B.</b> Role of legal cognition in formation of the actor
<b>Кубякин Е.О.</b> Экстремальность и экстремизм: пропедевтика социального основания	<b>265</b>	<b>Kubyakin E.O.</b> Extremality and extremism: propaedeutics of social foundation
<b>Гринь М.В.</b> «Постдемократия» К. Крауча и кризис западного демократического проекта	<b>268</b>	<b>Grin M.V.</b> Colin Crouch's «Post-democracy» and west democratic project crisis
<b>Лубский Р.А.</b> Государственность и концепты модернизации в России	<b>273</b>	<b>Lubsky R.A.</b> Statehood and modernization concepts in Russia

<b>Нарыкова С.П.</b> Политическая власть как естественный социальный процесс: к вопросу о раскрытии понятия через континуальность	<b>278</b>	<b>Narykova S.P.</b> Political power as a natural social process: to the question of expanding the concept through continual nature
<b>Анастасов В.Д.</b> Аксиологические ориентиры хозяйственной культуры	<b>283</b>	<b>Anastasov V.D.</b> Axiological landmarks of economic culture
<b>Пилюгина Ю.Г.</b> Синергетический анализ моделей корпоративного управления	<b>286</b>	<b>Pilyugina Yu.G.</b> Synergetic analysis of models of corporate governance
<b>Савченко Д.В.</b> Социальные группы в структуре общества: теоретические концепции и управленческие модели	<b>292</b>	<b>Savchenko D.V.</b> Social groups in the structure of society: theoretical concepts and management models
<b>ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ</b>	<b>297</b>	<b>ECONOMY QUESTIONS</b>
<b>Баранов Н.С.</b> Стратегическое значение Севера для экономики России	<b>297</b>	<b>Baranov N.S.</b> Strategic role of northern territories for Russian economy
<b>Измеров А.И.</b> Влияние модернизации на экономическое поведение россиян	<b>302</b>	<b>Izmerov A.I.</b> Influence of modernization on economic behavior of the Russians
<b>Сорокожердьев В.В., Солонина С.В., Болдырева Л.В.</b> Потенциал и перспективы развития России в современном мире: экономико-правовые аспекты	<b>306</b>	<b>Sorokozherdiev V.V., Solonina S.V., Boldyreva L.V.</b> Potential and prospects of development of Russia in the contemporary world: economic and legal aspects
<b>Ушаков А.С.</b> Развитие виртуальных экономических отношений и воспроизводство фиктивного капитала	<b>312</b>	<b>Ushakov A.S.</b> Development of virtual economic relations and reproduction of fictitious capital
<b>ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ</b>	<b>318</b>	<b>PHILOLOGY QUESTIONS</b>
<b>Герасименко Э.В.</b> Проблемы языковой концептуализации в современном русском языке	<b>318</b>	<b>Gerasimenko E.V.</b> Problems of language conceptualization in modern Russian language
<b>АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ</b>	<b>323</b>	<b>TOPICAL QUESTIONS OF SCIENCE AND PRACTICE</b>
<b>Шаров Е.Н., Самойлов С.Ф.</b> Теоретико-методологические аспекты социальной коммуникации сотрудников полиции с представителями мусульманской религии	<b>323</b>	<b>Sharov E.N., Samoilov S.F.</b> Theoretical and methodological aspects of social communication police officers with representatives of the Muslim religion

<b>Щеголихин Е.Н.</b> Самореализация личности курсантов в мультимедийной образовательной среде образовательной организации МВД России: междисциплинарный анализ проблемы	<b>329</b>	<b>Shchegolikhin E.N.</b> Self-actualization of cadet personalities in multimedia educational environment of education organization of the Ministry of the Interior of Russia: interdisciplinary analysis of the problem
<b>Скрипкина А.В., Щуров Е.А.</b> Профессиональное саморазвитие личности курсанта в условиях модернизации высшего образования	<b>335</b>	<b>Skripkina A.V., Shchurov E.A.</b> Professional self-development identity of cadet in the modernization of higher education
<b>Воробьев В.В.</b> Побуждение к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний: уголовно-правовое значение в составе преступления, предусмотренном частью 2 статьи 239 Уголовного кодекса Российской Федерации	<b>340</b>	<b>Vorobyev V.V.</b> Encouraging to the refusal to perform civil duties or to commit other illegal acts: the penal value of the crime provided by part 2 of article 239 of the Criminal code of the Russian Federation
<b>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</b>	<b>344</b>	<b>INTO CONSIDERATION OF AUTHORS</b>
<b>ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК</b>	<b>345</b>	<b>REGISTRATION OF BIBLIOGRAPHIC REFERENCE</b>

**У**важаемые коллеги!  
Представляем Вашему вниманию очередной выпуск журнала «Общество и право», в котором освещаются наиболее актуальные вопросы различных областей науки.

В рубрике «Теория и история права и государства» следует отметить статью Н.Ю. Завьяловой «Несоблюдение государственных стандартов как правонарушение», посвященную анализу состава правонарушения, связанного с несоблюдением требований обязательных и рекомендуемых технических нормативов при производстве и обороте продукции, выполнении работ, оказании услуг.

В рубрике «Гражданское право и гражданский процесс» интерес читателей, на наш взгляд, вызовет работа Е.А. Ерофеевой «Проблемы защиты чести, достоинства и деловой (профессиональной) репутации в системе МВД России». В ней анализируются вопросы правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой (профессиональной) репутации в системе МВД России, проблемы, возникающие в данной области. На основе проведенного анализа автор формулирует предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего правоотношения в этой сфере.

В рубрике «Уголовная политика: теория и практика» особо хочется отметить статью Т.Г. Понятовской «Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел как обстоятельство, отягчающее наказание», в которой проанализированы точки зрения ученых на понятие такого обстоятельства, отягчающего наказание, как совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел. На основе анализа судебной практики предложены пути решения имеющихся проблем применения уголовного законодательства в данной области.

В рубрике «Предупреждение преступности» внимание читателей привлечет статья И.А. Паршиной, И.С. Чуб «Криминологический анализ эффективности деятельности подразделений органов внутренних дел по противодействию преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности». В статье

выделены основные источники информации об экстремистских проявлениях, определены меры по ее проверке и установлению фактов, подтверждающих отклоняющееся поведение лиц. Предупредительная работа подразделений ОВД разделена на два направления, предусматривающих проведение мероприятий, обеспечивающих действенное предупреждение преступлений.

В рубрике «Уголовное судопроизводство» представлена статья Ю.К. Владимировой «Классификация уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы», в которой рассматриваются права участников уголовного процесса, проанализировано действующее законодательство, а также предлагается классификация уголовно-процессуальных прав лиц, содержащихся под стражей.

В рубрике «Раскрытие и расследование преступлений» заслуживает внимания работа С.В. Пахомова, А.В. Гусева «Использование геодезических спутниковых систем при эксцентрическом способе осмотра места происшествия». В ней обозначаются перспективы использования геодезических спутниковых систем для обеспечения точности прямых измерений при производстве следственных действий, предлагается новый подход к определению пространственных ориентиров расположения объектов, обладающих криминалистически значимой информацией, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия.

В рубрике «Административное право и административный процесс» интересна работа Р.Я. Зайцева «Остановка транспортных средств в целях проверки правомерности их использования». В статье поднимается вопрос о проблемах правового регулирования оснований остановки автотранспортных средств в целях проверки правомерности их использования.

Приглашаем всех читателей к плодотворному творческому сотрудничеству. Спешим снова встретиться с Вами, дорогие читатели и авторы, на страницах нашего журнала.

**С уважением,  
главный редактор  
кандидат педагогических наук  
начальник Краснодарского  
университета МВД России  
генерал-майор полиции  
И.А. Калиниченко**

## Поздравляем Александра Георгиевича Сапрунова!

**В** этом году 1 октября отмечает свое 65-летие член редакционного совета журнала «Общество и право» доктор юридических наук, профессор Александр Георгиевич Сапрунов.

Александр Георгиевич родился на Кубани, в хуторе Прогресс Гиагинского района. Воплощая в жизнь мечту своей юности – стать офицером милиции, поступил в Омскую высшую школу милиции МВД СССР. С первых дней учебы проявил качества, необходимые будущему офицеру, и был назначен командиром отделения.

Первое крупное преступление, в раскрытии которого пришлось участвовать Александру Георгиевичу Сапрунову, выпало на годы его учебы. Было совершено разбойное нападение в парке в Куйбышевском районе Омска. Действия Александра Георгиевича при раскрытии данного преступления были столь успешны, что он единственным из слушателей был награжден престижным знаком «Отличник советской милиции».

К моменту поступления в Академию МВД СССР А.Г. Сапрунов уже обладал опытом ведения особо сложных дел.

С 1967 г. работая в органах МВД, Александр Георгиевич прошел все ступени по служебной лестнице – от милиционера до начальника УВД; ушел в отставку в звании генерал-лейтенанта милиции. В течение своей службы был награжден медалью «За отличную службу по охране общественного порядка» (1982), Орденом Мужества (2003), Орденом «Честь и слава» (2004), имеет звание «заслуженный работник МВД СССР и России».

За все время службы А.Г. Сапрунов зарекомендовал себя опытным специалистом и мудрым руководителем. Огромен его вклад в обеспечение правопорядка и борьбы с преступностью в Краснодарском и Ставропольском краях. Нередко действуя в экстремальных условиях, Александр Георгиевич всегда проявлял образец находчивости и инициати-

вы, смелость и решительность, объективно оценивал сложившуюся ситуацию и принимал высокопрофессиональные решения. Он лично участвовал и обеспечивал эффективное руководство в раскрытии сотен тяжких и особо тяжких преступлений, которые имели широкий общественный резонанс.

Помимо службы в органах, Александр Георгиевич Сапрунов достиг многих высот в научно-исследовательской деятельности в области профилактики преступлений. В марте 2002 г. он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук. Обладая огромным багажом знаний, зарекомендовал себя как эксперт в области уголовного права, криминалистики, административного права, социологии. Труды, опубликованные профессором Сапруновым за годы его научной деятельности, получили положительные оценки как среди практических сотрудников органов внутренних дел, так и среди ученых, решающих проблемы совершенствования современной теории и практики правоохранительной деятельности.

Личностными качествами, выделяющими Александра Георгиевича и в работе, и в повседневной жизни, всегда были надежность и порядочность. Именно эти качества он сам продолжает ценить в людях. Его удивительная работоспособность, эрудиция, чувство ответственности, а также искренность и отзывчивость востребованы и сегодня. Преданностью выбранной профессии этот необыкновенный человек заслужил уважение коллег и является отличным примером для молодого поколения сотрудников полиции.

От имени руководства и всего личного состава Краснодарского университета МВД России хочется поздравить Александра Георгиевича с юбилеем и пожелать ему крепкого здоровья, счастья и благополучия!

С уважением,  
главный редактор  
кандидат педагогических наук  
начальник Краснодарского  
университета МВД России  
генерал-майор полиции  
И.А. Калининченко

**Карнаушенко Леонид Владимирович**

доктор исторических наук, профессор,  
начальник управления учебно-методической работы  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612585079)

## *Криминализация сознания россиян как социальная проблема: теоретико-прикладной анализ*

В статье представлен материал, посвященный междисциплинарному анализу одной из системных социальных проблем современной России – криминализации сознания населения. Автор рассматривает как общетеоретические, так и прикладные аспекты проблемы, анализирует перспективы методически ориентированного исследования криминализации сознания индивидов.

**Ключевые слова:** криминализация сознания, деформация духовно-нравственного облика, антиценности, социализация, деидеологизация, аномия.

**L.V. Karnaushenko**, Doctor of History, Professor, Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585079.

### **Criminalization consciousness of Russians as a social problem: theoretical and applied analysis**

The article presents the material, devoted to the interdisciplinary analysis of one of system social problems of modern Russia – the criminalization of consciousness of the population. The author considers both the theoretical and applied aspects of the problem and analyzes possibilities of methodologically oriented research of criminalizing the consciousness of individuals.

**Key words:** criminalization of consciousness, deformation of spiritual morality, anti-values, socialization, deideologization, anomie.

Сфера сознания индивидов – весьма сложный объект междисциплинарного научного анализа. Под сознанием в научной литературе понимается состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, а также в отчете об этих событиях [1]. С еще большей сложностью сталкивается анализ тенденций криминализации сознания, при проведении которого необходимо учитывать действие комплекса факторов – социокультурных, правовых, политических, экономических, коммуникативных.

Стоит отметить, что криминализация как социальный процесс характеризуется массовым распространением делинквентных практик и участием в них в той или иной степени большинства населения страны. Такое описание явления, по сути, приводит к переопределению понятия «криминализация»: оно должно быть рассмотрено не как проявление поведения в отдельном сегменте функционирования общества, а как процесс, захвативший все общество и поэтому, по справедливому замечанию А.В. Артюхова, требующий адекватной социокультурной методологии анализа [2, с. 3–4].

Проблема криминализации сознания неразрывно связана с низким уровнем правовой культуры, под которой целесообразно понимать общий уровень знаний и объективное отношение общества к праву; совокупность правовых знаний в виде норм, убеждений и установок, создаваемых в процессе жизнедеятельности, регламентирующих правила взаимодействия личности, социальной, этнической, профессиональной группы, общества, государства и оформленных в виде законодательных актов [3].

Правовая культура личности предполагает: наличие правовых знаний, правовой информации, т.к. информированность была и остается важным каналом формирования юридически зрелой личности (интеллектуальный срез);

превращение накопленной информации и правовых знаний в правовые убеждения, привычки правомерного поведения (эмоционально-психологический срез);

готовность действовать, руководствуясь этими правовыми знаниями и правовыми убеждениями, т.е. поступать правомерно – в соответствии с законом: использовать свои права, исполнять обязанности, соблюдать запреты, а

также уметь отстаивать свои права в случае их нарушения (поведенческий срез) [3].

В настоящее время вызывает беспокойство низкий уровень правовой культуры, как следствие – отчетливо проявляющийся правовой нигилизм многих россиян. Анализ теоретического и прикладного материала по данной проблеме показывает, что среди населения формируются значительные по размеру кластеры, а входящие в них индивиды характеризуются отсутствием сколько-нибудь систематических и исчерпывающих сведений в области гражданского и уголовного права, что выливается в неконтролируемое совершение действий, являющихся административно или уголовно наказуемыми деяниями.

Корни данной проблемы лежат в дисфункциональности процессов социализации молодого поколения на фоне деидеологизации духовной сферы и распространения установок массовой потребительской культуры.

Основная проблема современного российского общества заключается в хаотичном, стихийном характере социализации, одним из последствий данной ситуации выступает низкий уровень правовой культуры, усвоение молодежью нежелательной с точки зрения формирования правовой культуры информации. В последние годы развитие Интернета актуализирует стихийную составляющую процесса социализации. В результате формируется мозаичный тип сознания молодежи, в котором происходит «наслоение» самой разнообразной информации, в том числе криминального, антисоциального характера. Пропорции соотношения информационных блоков в сознании молодежи зависят от уровня активности коммуникаторов, от степени освоения криминалом массово-коммуникативного и информационно-компьютерного пространства.

Касаясь механизмов освоения людьми элементов криминальной культуры, необходимо сделать следующие пояснения. Данный процесс проходит, как минимум, в два этапа. На первом этапе индивид осваивает «внешний» романтизированный уровень криминальной культуры (посредством интеграции в пространство криминального жаргона, символов, произведений массовой культуры, идеализирующих и пропагандирующих криминальный мир, – «блатная» музыка, некоторые произведения литературы, художественные фильмы, сериалы и т.д.). Происходит ломка сознания, оно криминализируется, формируются соответствующие ценностно-нормативные и мировоззренческие комплексы.

А.В. Артюхов справедливо отмечает, что литературно-публицистический дискурс о криминальной сфере в современном обществе выполняет различные явные и латентные функции.

Явные функции – воспитательная, интеллектуальная, коммерческая – направлены на рядовых граждан. Однако по отношению к субъектам преступных практик этот дискурс выполняет латентные функции обучения, моделируя более эффективные практики делинквентных действий и группового самосознания, структурируя взаимодействия субъектов преступных практик и вербализуя нормы, принципы и способы организации криминальных сообществ [2, с. 6–9].

На втором этапе индивид, потенциально готовый к более глубокой интеграции в криминальную среду, может совершать различного рода аморальные поступки, незначительные правонарушения, получая первый опыт юридических санкций и формируя своеобразный психологический «иммунитет» относительно их.

Отдельно стоит коснуться проблемы диагностики признаков криминализации сознания в ходе эмпирических исследований. Для оптимизации данного процесса целесообразно выработать понимание индикаторов (признаков), которые бы свидетельствовали о наличии тенденции криминализации сознания, соответствующих социальных установок и поведенческих практик индивидов и групп. В частности, представляется целесообразным учет следующих индикаторов:

пренебрежение нормами общепринятого поведения (регулярное сквернословие, нахождение в нетрезвом виде, вызывающее поведение в отношении окружающих);

систематическое проявление злобности, мстительности, грубости, актов насильственного поведения, демонстрация негативного, пренебрежительного отношения к общественной морали, нравственности;

постоянная готовность к совершению противоправных действий;

агрессивная идеология, мировоззрение, подверженность радикальным, экстремистским идеям асоциального и антисоциального характера;

культивирование вражды между индивидами, группами, общностями, классами на основе установок ксенофобии и интолерантности.

Общим системообразующим признаком (присутствие которого необходимо подтвердить или опровергнуть в ходе эмпирического исследования) выступают отторжение права как социального института общества, деградация правосознания как инструмента духовно-нравственной регуляции социального поведения индивидов.

Также к числу индикаторов криминализации сознания респондентов можно отнести:

выдвижение собственных устремлений, интересов, потребностей выше норм закона, а

также требований общества, принятых в нем социальных «правил игры»;

одобрительное отношение к фактам нарушения закона, отрицательное отношение к закону как инструменту социальной регуляции (если это соответствует их убеждениям, мировоззрению, мироощущению);

предпочтение специфических произведений художественного творчества (фильмы, музыка, литературные и поэтические произведения), пропагандирующих идейные основания криминальной культуры.

Одним из методических инструментов сбора эмпирической информации об уровне криминализации сознания россиян может выступать анкета или бланк формализованного интервью. В этом случае программными вопросами могут быть следующие:

В какой мере Вы ориентированы на безусловное соблюдение законов?

Согласны ли Вы с утверждениями о том, что: коррупция власти, криминализация и «теневизация» экономики стали массовыми явлениями жизни в России;

преступления превратились в повседневный элемент жизни общества;

в общественном сознании стали нормальными и привычными установки на корысть, обогащение любой ценой и легкую жизнь?

Используете ли Вы в своей повседневной речи воровской жаргон, криминальные вульгаризмы (например, «базарить», «бабки», «крышевать», «кидалово», «крутой», «опустить», «понты», «разборка», «халява», «шестерить» и т.д.)?

Как Вы оцениваете действующее законодательство и морально-нравственные принципы в нашем обществе?

Как Вы относитесь к людям, нарушающим закон?

Если бы Вам представилась возможность повысить свое материальное благосостояние путем нарушения закона, Вы пошли бы на это?

Как сделать правовые знания востребованными и актуальными для людей?

Какие источники Вы используете для получения правовой информации, повышения своей правовой культуры?

Необходимо отметить, что программные вопросы требуют определенной доработки, последующего «перевода» на язык респондентов. Такие вопросы закладывают общее направление стратегического поиска информации, преломленной в сознании респондентов. Кроме того, не стоит упускать из вида и появление эффекта социально приемлемых ответов, учитывая щекотливую тему опроса. Таким образом,

основными исследовательскими задачами эмпирического анализа криминализации сознания людей будут являться:

изучение общего отношения людей к криминальной культуре и криминальным социальным практикам, анализ факторов, катализирующих контакты индивидов с криминальной культурой и ее наиболее яркими представителями;

исследование заблуждений, мифов, слухов, стереотипов, связанных с правовой культурой и правым сознанием населения.

анализ проблем и перспектив массово-коммуникативного и пропагандистского воздействия на население с целью снижения влияния криминального мира и повышения правовой культуры людей.

Также в ходе эмпирического анализа необходимо рассматривать репрезентацию проблемы высокой степени институционализации бытовой коррупции в сознании респондентов. Сложность ситуации заключается в том, что в таких условиях люди, выступающие за борьбу с коррупцией, воспринимаются обществом либо как неопытные идеалисты, либо как карьеристы, спекулирующие на актуальной теме. При этом бытовая коррупция как отрицательная практика и инструмент криминализации сознания людей представляет собой серьезную опасность, поскольку выступает своеобразным средством адаптации некриминализованной части населения к установкам, идеям, идеалам и ценностям криминальной культуры.

В последние годы все отчетливее проявляется тенденция «привыкания» общества к криминальному стилю поведения, его легитимизации, открытой и спокойной демонстрации окружающим людям.

Стоит учитывать, что криминализируется, в первую очередь, уровень обыденного сознания индивидов. Под обыденным сознанием целесообразно понимать вид общественного сознания (системы духовных ориентиров, в которой осмысливаются и реализуются интересы, представления и социальные ценности), характерный для социальных субъектов в их повседневной жизни. Обыденное сознание основано на житейских обобщениях личного опыта, складывающегося в повседневной, устойчивейшей, повторяющейся жизнедеятельности индивида и группы; проявляется в способности и умении практически разбираться в окружающей действительности на основе здравого смысла и ограниченного знания [4, с. 225–226].

Анализ криминализации обыденного сознания целесообразно проводить как с использованием классических опросных методов, так и с

привлечением возможностей метода экспертных оценок, а также анализа документов и включенного наблюдения. Такой широкий спектр используемых методов объясняется сложностью объективного сбора эмпирической информации вследствие осознанного или неосознанного сопротивления части респондентов вмешательству в их внутренний, духовный мир.

Таким образом, можно констатировать, что процесс криминализации общественного сознания длится на протяжении уже более двадцати лет и непосредственно связан с трансформациями социально-экономической, духовно-нравственной и социокультурной сфер жизни общества. Под воздействием с каждым годом набирающих силу процессов «массовизации» и «потребительства» духовной культуры в российском обществе изменяются ценностные ориентации людей, морально-нравственные принципы, идеи и идеологии, привычки, традиции, социальные практики, стиль и образ жизни.

Необходимо отметить, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стали утрачивать социальное воздействие такие обычаи и привычки, как подчинение авторитету власти, уважение к закону, нетерпимость к аморальному поведению, отвращение к лицам, ведущим антисоциальный, аморальный, криминальный образ жизни. К сожалению, необходимо констатировать, что и в настоящее время ситуация кардинальным образом не улучшилась, позиции криминальной культуры оказались сильны в обществе, где кризис морально-нравственной, духовной сферы наложился на процесс деидеологизации, разрушения ценностно-нормативного ядра советской моностилистической культуры [5].

Анализ эмпирических данных по проблеме показывает, что среди населения России сфор-

мировался серьезный по размеру кластер, а входящие в него индивиды потенциально готовы к включению или реально интегрированы в криминальную культуру, толерантны к криминальной идеологии, жаргону, стилю и образу жизни, антиценностям и специфическому нормативному регулированию.

Стоит отметить, что в настоящее время представляется крайне сложным эффективно противодействовать процессу криминализации общественного сознания. Посредством ряда незамедлительных мер, конечно, можно ослабить действие данных негативных тенденций. Особенно важно взять под контроль бытовой, стихийный процесс криминализации общественного сознания в России, т.к. он оказывает негативное влияние на подростков, молодежь, способствует генезису отклоняющихся социализационных траекторий, подрывает основы процесса преемственности и смены поколений.

Однако наиболее опасным фактором, способным привести процесс криминализации сознания россиян на запредельно высокий, необратимый уровень, выступает феномен «аномии» – духовно-нравственного вакуума, описанного еще классиком французской социологии Э. Дюркгеймом. Это такое опасное состояние общества, при котором значительная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно [6].

Именно такая ситуация сложилась в социально-нормативной сфере современного российского общества. И если не принять эффективных и оперативных мер по преодолению ситуации, ее негативные социальные последствия могут серьезно дестабилизировать российское общество.

1. Лекторский В.А. Сознание // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

2. Артюхов А.В. Криминализация современного российского общества: социокультурный анализ: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2003.

3. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 11.02.2014).

4. Социология: словарь-справочник / под общ. ред. Ю.Г. Волкова. М.; Краснодар, 2006.

5. Ионин Л.Г. Культура на переломе // Социс. 1995. № 2. С. 78–84.

6. Дюркгейм Э. О разделении общественно-го труда. М., 1996.

1. Lectorsky V.A. Consciousness // New philosophical encyclopedia / Institute of philosophy of RAS; Nat. societies.-sci. fund. 2nd ed., corr. and add. Moscow, 2010.

2. Artyukhov A.V. Criminalization of modern Russian society: socio-cultural analysis: diss. ... Master of Sociology. Rostov-on-Don, 2003.

3. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (date of access: 11.02.2014).

4. Sociology: reference dictionary / gen. ed. by Yu.G. Volkov. Moscow; Krasnodar, 2006.

5. Ionin L.G. Culture at the turn // Socis. 1995. № 2. P. 78–84.

6. Durkheim E. The division of labour in society. Moscow, 1996.

**Завьялова Наталья Юрьевна**кандидат юридических наук,  
преподаватель кафедры теории и истории права и государства  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: zavyalovan1@rambler.ru)

## *Несоблюдение государственных стандартов как правонарушение*

Статья посвящена анализу состава правонарушения, связанного с несоблюдением требований обязательных и рекомендуемых технических нормативов при производстве и обороте продукции, выполнении работ, оказании услуг.

**Ключевые слова:** правонарушение, состав правонарушения, обязательные и рекомендуемые государственные стандарты, технический регламент.

**N.Yu. Zavialova**, Master of Law, Teacher of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zavyalovan1@rambler.ru

### **Failure to comply with state standards as an offense**

The article is devoted to analysis of an offense relating to non-compliance with mandatory and recommended technical standards in the production and circulation of goods, performance of works, rendering services.

**Key words:** offense, composition of offense, mandatory and recommended state standards, technical regulations.

**С**оциальная справедливость (в том числе, правовая справедливость) тесно взаимосвязана с ответственностью. В свою очередь, юридическая ответственность является следствием правонарушения. Именно поэтому необходима тщательная разработка теории юридической ответственности применительно к каждому конкретному составу.

Остановимся на случаях несоблюдения государственных стандартов, которые влекут наступление юридической ответственности.

Несоблюдение государственного стандарта – технического норматива – является несоблюдением требования технической нормы, что, в свою очередь, означает невыполнение одним из участников правоотношения обязанности обеспечить соблюдение государственных стандартов в производимых (передаваемых) товарах, оказываемых услугах, выполняемых работах. Таким образом, несоблюдение государственного стандарта – технического норматива – можно расценить как нарушение соответствующей правовой нормы. Другими словами, такое действие есть правонарушение.

Обращаем внимание на то, что не всегда несоблюдение государственного стандарта можно считать нарушением правовой нормы, поскольку только часть правовых норм, содержащих в себе технические нормы, имеют обязательный харак-

тер, остальные являются рекомендательными. Обязательность правовой нормы как раз закрепляет обязанность производителя (иного лица, имеющего дело с товаром, работой, услугой) обеспечить показатели качества товара (работы, услуги) не ниже тех, которые закреплены в государственных стандартах. Несоблюдение этого требования следует считать нарушением правовой нормы. Другими словами, любые действия (бездействия), которые ведут к несоблюдению обязательных государственных стандартов, есть противоправные деяния. Иначе выглядит дело при несоблюдении рекомендуемых государственных стандартов. Здесь нельзя сказать однозначно, нарушена ли правовая норма или нет, т.к. не всегда требование соблюдения рекомендуемый государственный стандарт является обязанностью одной из сторон правоотношения. Такая обязанность возникает только в том случае, если эта сторона добровольно принимает на себя такую обязанность, что имеет место в договорных отношениях.

В теории права под правонарушением понимается волевое виновное противоправное деяние, причиняющее вред интересам государства, общества и граждан, совершенное деликтоспособным лицом [1, с. 134; 2, с. 438; 3, с. 391]. Правонарушение можно квалифицировать только тогда, когда присутствуют все элементы

юридического состава правонарушения: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона правонарушения.

Остановимся на элементах состава рассматриваемого правонарушения.

Субъектом правонарушения выступает любое лицо, осуществляющее какое-либо действие (бездействие), следствием которого является факт несоответствия установленному государственному стандарту (стандартам) показателя (показателей) качества товара, работ, услуг, если лицо имеет обязанность соблюсти установленные государственным стандартом показатели качества. Причем субъектом правонарушения может выступать только такое лицо, которое имеет дело с продукцией, работой, услугами на стадии производства с целью последующего обращения – производитель, работник предприятия, хранитель, реализатор, даритель, перевозчик, арендодатель и т.д., а также любое лицо, оказывающее любые услуги, выполняющее любые работы. Если же лицо выполняет работу или производит продукцию, предназначенную только для собственных нужд, оно не является субъектом данного правонарушения даже в том случае, если в результате его действий не будут соблюдены государственные стандарты, обязательность которых установлена техническим регламентом. Следует добавить, что субъект данного правонарушения должен быть правоспособным и деликтоспособным, что определяется гипотезой соответствующей правовой нормы.

Субъективная сторона рассматриваемого правонарушения (как и любого другого) характеризуется виной – психическим отношением субъекта к своему действию (бездействию), к его результатам [4, с. 627; 5, с. 29]. Мы полагаем, что несоблюдение в должных случаях государственных стандартов является правонарушением как в случае умышленных действий лица, так и в случае действий по неосторожности.

Кроме субъекта и субъективной стороны правонарушения, теория права выделяет также объект и объективную сторону правонарушения. В рассматриваемом случае общий объект посягательства – это установленный и охраняемый государством правопорядок. Можно выделить несколько родовых и видовых объектов анализируемого правонарушения. Это могут быть жизнь и здоровье человека (например, производство и реализация алкогольной, парфюмерной продукции, медицинских препаратов с нарушением обязательных требований технических регламентов), частная или государственная собственность (например, нарушение

государственных стандартов, повлекшее повреждение чужого имущества), личная или общественная безопасность (например, нарушение государственных стандартов, установленных требованиями техники безопасности), эпидемиологическое благополучие населения (например, нарушение санитарно-эпидемиологических требований к питьевой воде), охрана природной среды (например, несоблюдение экологических требований при проектировании, размещении, строительстве, эксплуатации сооружений или иных объектов), экономические отношения (например, продажа товаров, выполнение работ либо оказание населению услуг ненадлежащего качества), нарушение трудовых обязанностей (например, нарушение государственных стандартов, установленных законодательством об охране труда), договорных обязательств и т.д. Очевидно, что родовые и видовые объекты анализируемого правонарушения определяются негативными последствиями действий (бездействия), связанных с несоблюдением государственных стандартов. Сами же эти действия (бездействия) есть лишь способ достижения негативных последствий правонарушения. Негативные последствия связаны со свойствами объекта стандартизации.

Что касается объективной стороны рассматриваемого правонарушения, то она заключается в осуществлении субъектом действий (бездействия), влекущих несоблюдение государственных стандартов, которые должны быть соблюдены в силу закона или договора. По нашему мнению, такие действия всегда имеют технический характер, поскольку речь идет о недостижении показателей технического норматива. Необходимо подчеркнуть, что объективная сторона рассматриваемого правонарушения включает только такие технические действия, следствием которых является несоответствие характеристик продукции (работы, услуги) качественным показателям, установленным государственным стандартом.

Отметим, что несоблюдение обязательных технических требований может и не привести к негативным последствиям. Так, далеко не всегда потребление продуктов питания, технические характеристики которого ниже установленных государственным стандартом, приводит к отравлению. Тем не менее, несоблюдение обязательных государственных стандартов всегда есть правонарушение, поскольку требование об их соблюдении фиксируется соответствующими правовыми нормами как обязательный императив. В случае же несоблюдения рекомендуемых государственных стандартов

правонарушением может быть признан только тот случай, когда стороны отношения договорились о соблюдении данного стандарта, – здесь несответствие показателей качества товара (работы, услуги) рекомендуемому государственному стандарту означает нарушение правовой нормы ст. 309 Гражданского кодекса РФ об исполнении обязательств в соответствии с условиями обязательства и требованиями законодательства.

Подводя итоги вышеизложенному, сделаем следующие выводы.

1. Не всегда несоблюдение государственного стандарта можно считать правонарушением. Противоправными являются любые действия (бездействия) лица, которые ведут к несоблюдению обязательных государственных стандартов. При несоблюдении же рекомендуемых государственных стандартов обязанность соблюсти рекомендуемый государственный стандарт возникает только в том случае, если эта сторона добровольно принимает на себя такую обязанность, что имеет место в договорных отношениях.

2. Субъектом правонарушения может выступать только такое деликтоспособное лицо, которое имеет дело с продукцией, работой, услугами на стадии производства с целью последующего

обращения. Если же лицо выполняет работу или производит продукцию, предназначенную только для собственных нужд, оно не является субъектом данного правонарушения.

3. Субъективная сторона рассматриваемого правонарушения характеризуется виной, что имеет место как в случае умышленных действий лица, так и в случае действий по неосторожности.

4. Объект анализируемого правонарушения определяется негативными последствиями действий (бездействия), связанных с несоблюдением государственных стандартов. Негативные последствия, в свою очередь, связаны со свойствами объекта стандартизации.

5. Объективная сторона рассматриваемого правонарушения заключается в осуществлении субъектом действий (бездействий), влекущих несоблюдение государственных стандартов, которые должны быть соблюдены в силу закона или договора. При этом объективная сторона рассматриваемого правонарушения включает только такие технические действия, следствием которых является несоответствие характеристик продукции (работы, услуги) качественным показателям, установленным государственным стандартом.

1. Рассказов Л.П., Упоров И.В., Жинкин С.А. Теория права. Краснодар, 2000.

2. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2011.

3. Теория права: учеб.-практ. пособие / под ред. Р.Б. Головкина, С.А. Софроновой. М., 2012.

4. Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. М., 2004.

5. Гогин А.А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2011.

1. Rasskazov L.P., Uporov I.V., Zhinkin S.A. Theory of law. Krasnodar, 2000.

2. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2011.

3. Theory of law: study and practical manual / ed. by R.B. Golovkin, S.A. Sofronova. Moscow, 2012.

4. Marchenko M.N. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2004.

5. Gogin A.A. The general concept of offense: problems of methodology, theory and practice: auth. abstr. ... Dr of Law. Kazan, 2011.

**Мартыненко Борис Константинович**

кандидат юридических наук,  
профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин  
Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия  
(e-mail: ckvorcov@inbox.ru)

## *Основные тренды терроризма в сегодняшней России*

В статье представлено авторское понимание тенденций и условий проявления и развития терроризма, в том числе и в политике. Изложена авторская аксиома невозможности уничтожения современного терроризма.

**Ключевые слова:** насилие, терроризм, политическое насилие, политический терроризм, государство, политика.

**B.K. Martynenko**, Master of Law, Professor of a Chair of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasian branch of the Russian Academy of Justice; e-mail: ckvorcov@inbox.ru

**The main trends of terrorism in Russia today**

The article presents the author's understanding of the trends and conditions of appearance and development of terrorism, including in politics. Shows the author's axiom the indestructibility of modern terrorism.

**Key words:** violence, terrorism, political violence, political terrorism, state, politics.

**П**о мнению Р. Шайхутдинова, можно выделить три причины возникновения и невозможности уничтожения современного терроризма [1].

Первая причина заключается в том, что мир раскололся на три части – «три человечества», т.к. различные державы по-разному участвуют в процессе глобализации.

Первое человечество – это человечество, находящееся в процессе всемирной интеграции и унификации. Второе включает в себя людей из тех стран, которые уже не располагают возможностью влиться в процессы всемирной интеграции и унификации. В силу этого значительное расстояние между двумя человечествами уже не удастся существенно сократить, а тем более устранить.

Второе человечество по численности значительно крупнее (например, это исламский мир), однако оно не располагает возможностью поднять свою цивилизацию до равнозначности западной, что-либо противопоставить цивилизации Запада и в итоге сталкивается с тем, что его не замечают прочие типы «человечества». Третье человечество этот вопрос разрешило: ряд стран, в их числе Индия и Китай, сберегли свою культуру, а из глобализованного пространства обучились забирать и овладевать разнообразными технологиями. Перед ними вопрос терроризма встает не так злободневно.

Как правило, родником для нынешнего терроризма является второе человечество. Сначала террористические группы приобретают образ либо движения в защиту своего пространства, нации, обычаев, либо движений, воюющих за независимость. Это уже отшлифованные в культуре защитные действия тех сообществ, которые не могут сопротивляться прочим сообществам с поддержкой вооруженных сил или политических, экономических механизмов. Человечество, выпавшее из процессов глобализации, может вызвать к себе интерес, сделав нечто такое, чего не смогут соорудить иные люди; самый простой способ – осуществить теракт. В любом случае заявить о себе им просто необходимо.

Вторая причина – подпитывающая база терроризма.

В рамках глобализованного мира совершается усиленное формирование сообществ и отдельных людей, которые находятся вне общественных, воспитательных, юридических и прочих норм. Чем устойчивее общество, тем больше возникает людей, понимающих ограниченность норм, в которых проживают другие члены общества. Это огромное объединение людей (продавцы алмазов, наркотиков, человеческих органов, рабов, контрабандисты, финансовые спекулянты; различные рекламисты, что постигли науку сближать нормы человеческой жизни и привлекать за счет этого интерес к

новациям; рейдеры, политики, которых можно привлечь к ответственности только за что-то второстепенное), которое за счет глобализации и раскручивания орудий коммуникации начинает жить вне государственных распорядков. Зарождаются колоссальные индустрии, находящиеся вне закона. Они, как правило, не преступны, действуют вне поля, обозначенного законом, начинают применять эту относительность.

Применять теракт, который выполнит террористическая группа, пытающаяся вызвать интерес к себе, делается, во-первых, действительно, а во-вторых – достаточно рентабельно. Выгода в подобном эпизоде намного значительнее, чем расходы на теракт.

Вследствие умножения сообществ, разумеющих ограниченность норм и могущих это применять, формируется двойное устройство жизни. В границах второй, нелегальной занятости такие люди могут в наше время сделать все, что нужно: оказать помощь в транспортировке ядерных составляющих, реализовать взрывчатку либо химическое оружие и т.п. Это общество формирует потенциал для бытия терроризма, для его неистребимости.

Почти весь Северный Кавказ живет в подобной двойной ситуации: днем – добропорядочный гражданин идет на работу, а ночью этот же добропорядочный гражданин за тысячу долларов устанавливает заряд взрывчатого вещества. Именно такая двойная структура стандартов жизни особенно развита на Кавказе.

Терроризм переключается в иную фазу, потому что теперь уже ему удастся охватывать своими программами всецело добропорядочных людей.

Третья причина – неспособность власти реагировать на террор.

Террористы начинают постигать, как можно определить границы и как их покинуть, чтобы уйти от контроля спецслужб, государства. Когда террористам понятно, что правоохранительные органы отстаивают приоритет ценности жизни человека, они действуют наоборот: ведется розыск людей, которые за счет наркологического, психологического обольщения могут осуществить теракт, который предупредить простыми методами государство не может.

Особенностью современного терроризма является все чаще встречающаяся политизация предметов деятельности террористов, в то время как в законодательстве большинства развитых держав и в документах международного характера терроризм квалифицирован как криминальное преступление, полностью

самостоятельное – от его оснований, целей, мотивов. Нельзя не подметить, что прежде отличие между политическим терроризмом и криминальной преступностью было довольно внятным: политические террористы не относили себя к уголовникам. Это важнейшее отличие в целях и аргументах поступков политических террористов.

В России наши «золотые миллиардеры» добились колоссальных последствий в маргинализации российского общества и создали необыкновенно подходящую, тучную почву для проявления экстремизма и его крайней конфигурации – терроризма. До настоящего времени тривиальные несчастные люди скорее отыскивают выход из ситуации, в которой они очутились, в добровольном бегстве из жизни или в спуске на самое дно общества, нежели в войне за свое право на справедливое житье. Но дальнейшее усугубление всеобщей обстановки в стране может и их вынудить поразмыслить о переходе к иным действиям и приемам борьбы за жизнь [2].

Существенная особенность нынешнего терроризма обнаруживается в его хорошо структурированном и сформированном качестве. Террористические организации образуют единые управляющие органы, конструкции управления, планирующие подразделения, организуют совещания и встречи руководства наиболее больших группирований, согласуют деятельность организаций, ими организована информационно-пропагандистская деятельность. Проводится работа по отбору и подготовке адептов, инициативных функционеров и боевиков для их целеустремленного применения в районах столкновений [2].

Е.С. Любарский [3, с. 12] раскрывает такие основания широкого распространения нынешнего терроризма:

стабильно увеличивающееся неравенство в доле доходов, отображающееся в образовавшейся пропасти между уровнями развития «центра» и «окраины»;

перераспределение самостоятельности и полномочий государств полуокраин и окраин в пользу государств центра и ТНК усугубляет внутренние политические и общественные сложные вопросы, делает нерезультативным определенный порядок государственной борьбы с терроризмом;

сверхнасыщенность запасами стран центра множит глобализацию нищеты, маргинализацию и криминализацию значительного большинства граждан, создавая и развивая социальную опору терроризма;

коррупция национальной элиты стран полуокраин и окраин, проведение в жизнь элитой выгоды стран центра, вражда между демократическими воззрениями и подлинной жизнью, отчужденность между властью и значительным большинством граждан порождают недоверие населения к власти и содействие террористическому порядку;

энергичное применение властными организациями терроризма как технологии махинации социальным сознанием.

По мнению Р. Шайхутдинова, террористы нашли способ решения своих проблем, совершая для привлечения внимания все более шокирующие теракты. Они уже не в силах отречься от террористической деятельности. Почему? «Первое – семьи получают средства к существованию за счет отправки некоторых своих детей в террористы. Второе – как только они прекратят террор, их территории, общности, нации и они сами физически исчезнут. К примеру, в России, если бы не террор, вряд ли бы кто-то вспомнил о маленькой, нищей и незначительной Чечне, которая ныне известна на весь мир, во всех СМИ Чечня и ее проблемы мелькают в главных заголовках.

Если мы хотим обсуждать террор, если мы хотим как-то ему противостоять, то должны иметь в виду, что это – не отдельные группы и не сумасшедшие, не преступники и не военные противники. Мы должны признать, что терроризм приобрел статус самостоятельного общественного самовоспроизводящегося механизма» [1].

Терроризм усиливается в переходные периоды жизни государства, что является благодатной основой для увеличения агрессивности и насилия в обществе. Сейчас мы находимся в очередном резком повороте, промежутке времени, который связан с проявлением преобразующего действия элит. И здесь уместна кризисная оценка современного терроризма учеными Института философии РАН (сентябрь 2004 г.):

«1. Международный терроризм во многом есть обратная сторона политики глобализации США и других стран. Современная глобализация – это ограбление более слабых стран. Глобализация по-американски – это еще и навязывание всему миру своей массовой культуры, способов жизни и мировоззрения. Тогда терроризм может рассматриваться как уродливый ответ на этот процесс.

2. Совершенно ясно, что терроризм – это одна из глобальных проблем человечества, это нарушение нравственности и глобальная угроза жизни.

3. Острые международного терроризма повернулось в сторону Российской Федерации» [4, с. 66].

В середине 1990-х гг. ученые, исследовавшие терроризм в нашей стране, подмечали «новую идею»: объединение терроризма с организованной преступностью и наркобизнесом, притягивание некоторыми политиками криминальных обществ к битве за власть [5, с. 129]. Это направление в последующее время существенно углубилось. Благодаря такой интеграции находят решение многочисленные вопросы снабжения деньгами террористов, их прикрытия. Г.А. Зюганов вполне закономерно полагает, что сегодня один из неизбежных спутников и отличительных признаков терроризма – взаимопроникновение спецслужб и террористических организаций вплоть до их сращивания [6, с. 147].

В настоящее время в России отмечается большая странность: провозгласив войну терроризму, власти, наряду с этим, усиливают финансирование плана социально-экономического состояния Чечни, а тем самым формируют и существенно приумножают базу для появления и формирования терроризма.

В связи с широким распространением феномена террористического насилия по всему миру, повсеместными проявлениями псевдодемократии в российском обществе и т.п. именно в России стало почему-то популярным обсуждение российской ксенофобии, фашизма и национального террора как исконных черт национального характера русского народа. Почему это происходит?

Развал Советского Союза, преобразования союзных республик в независимые государства, «суверенизация» автономных республик бывшего СССР, оставшихся в составе России, национальное самоутверждение новых гособразований – все это проходило методом гнусного и жесточайшего геноцида русского населения, проживающего на их территории.

У миллионов русских беженцев в России есть родственники и друзья, сопереживающие их беде и уже в силу этого автоматически настроенные негативно в отношении бывших «братьев», так жестоко обошедшихся с людьми, чья «вина» заключалась лишь в том, что они «поднимали национальные окраины» и несли их забитому, необразованному, отсталому нерусскому населению блага цивилизации. Появление в России огромного количества русских людей, травмированных геноцидом, является первым фундаментальным фактором возникновения и распространения ксенофобии среди жителей России.

Второй фактор порожден массовой иммиграцией коренного населения из бывших советских республик в Российскую Федерацию. Обретя независимость, многие из них к самостоятельной жизни оказались совершенно неприспособленными. Без постоянной подпитки за счет экономически развитых и богатых русских регионов, да еще и без изгнанных русских специалистов, на которых там держалось все: производство, наука, образование, – большинство новых государств быстро пришли в состояние экономического банкротства и не могут прокормить собственное население, которое в Европу и Америку не пускают, остается только Россия. Чрезвычайно дешевая рабочая сила иммигрантов, готовых работать на любых условиях, создает для российских граждан дополнительные проблемы с трудоустройством, что усугубляет социальную напряженность.

Третье. Этнический баланс на территории России, складывавшийся веками, оказался грубо нарушенным, что само по себе вызывает протестную реакцию со стороны местного населения (преимущественно русского). И вполне понятно, что такая реакция только усиливается, когда граждане России наблюдают, как к ним домой вторгаются люди, только что в своих странах убивавшие и грабившие русских [7].

Четвертое. В «новых независимых государствах» довольно быстро восстановились условия жизни восточного средневековья с его антисанитарией. И волна иммиграции несет с собой опасные экзотические болезни, в СССР давно считавшиеся изжитыми, что пугает русское население.

Пятый фактор. Иммиграционный потоп, разливающийся по русской земле вне правового поля, создает идеальные условия для произвола этнического криминала, терроризирующего коренных, русских жителей.

Все это в целом обостряет межнациональную напряженность и создает благоприятную атмосферу для распространения в русском обществе ксенофобских настроений, облегчаемых колоссальной маргинализацией и повальной люмпенизацией значительной части населения. Резкое падение интеллектуального и культурного уровня, целенаправленное разрушение традиционных морально-нравственных устоев, девальвация ценности человеческой жизни – все это дает колоссальный рост ксенофобских настроений, сионизма, национализма и фашизма среди широких народных масс, способствует появлению национального терроризма.

Характерной чертой современного терроризма является интернационализация. Суждение о распространении терроризма во всем мире захватывает две установки: во-первых, желание к выходу за пределы национальных рубежей терроризма как облика преступной деятельности; во-вторых, к нахождению и упрочению отношений в кругу криминальных террористических организаций, образованию некоторого глобального террористического конгломерата.

К середине 90-х гг. XX в. появление организованного криминала, направляемого из-за рубежа терроризма, повальная криминализация бюрократов, продвижение криминальных предпринимателей к политической власти, концентрация денег и власти в руках олигархов – все это доказывает перерастание «количества» негативных модификаций в качество новой общественной системы: «Любые социально-общественные технологии связаны с конфликтами, противоборством и играми. Насилие со стороны одной социальной группы может рождать ответное насилие. Если социально-политическая ситуация в государстве характеризуется явлениями депривации, фрустрации у членов общества и как их следствием – повышением социальной напряженности и нестабильности, то это говорит (кроме прочих причин) о “критическом” уровне насилия со стороны государства» [8, с. 102].

В. Серебрянников предельно четко определил фундаментальные сдвиги в России, обуславливающие вероятность нарастания вооруженного насилия [9]:

1. Создание новой властью криминального капитала за счет санкционированного разграбления государственной, общественной, коллективно-групповой и индивидуальной собственности.

Постоянное слежение за уровнем социальной напряженности позволяет своевременно выявить группы населения, попавшие в наиболее тяжелую ситуацию, готовые к массовым акциям протеста. Для таких групп используется комплекс мер, повышающих уровень жизни членов этих групп.

2. Образование в социальной структуре общества агрессивных, экспансионистских, захватнических, грабительских социальных групп и группировок. По некоторым данным, глобалисты из спецслужб получили в результате приватизации 1992 г. около 65% всей бывшей государственной собственности [10, с. 45]. Успехи новых миллионеров и миллиардеров объясняются тем, что они получили долю госсобственности в соответствии со своим старым (номенклатур-

ным) положением. Если власть в акционерных обществах распределяется по капиталу, то в гигантском акционерном обществе, которым стала современная Россия, деньги делятся по власти, согласно месту расположения в бывшей номенклатуре [11, с. 127–128].

3. Формирование механизмов осуществления политики, соответствующей интересам указанных групп и группировок, которые не могут не делать ставку на силу, принуждение, подавление других социальных сил.

Верно отмечено, что все крупномасштабные социальные модернизации и цивилизационные прорывы осуществлялись в России сверху и, как правило, сопровождалась применением массового насилия. Метод реформаторского насилия использовался для ускорения экономического и культурного развития при каждой попытке прорубить окно в более развитую западную цивилизацию [12].

Жестокость терроризма постоянно растет.

1. Шайхутдинов Р. Охота на власть. М., 2005. URL: [http://www.i-u.ru/biblio/archive/shayhutdinov\\_ohota/06.aspx](http://www.i-u.ru/biblio/archive/shayhutdinov_ohota/06.aspx)

2. Гушер А.И. Проблема терроризма на рубеже третьего тысячелетия новой эры человечества. URL: <http://sec4u.ru/text/1-analist/835/index.shtml>

3. Любарский Е.С. Терроризм в условиях глобализирующегося мира: методологический аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.

4. Социальные болезни современности // Вестн. Российского философического общества. 2004. № 3.

5. Белая книга российских спецслужб. М., 1996.

6. Зюганов Г.А. Глобальное порабощение России, или «Глобализация по-Американски». М., 2011.

7. Никитин А. Анатомия современного террора в России. URL: <http://www.planet-kob.ru/analytics/211>

8. Кузина С.И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире: дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2010.

9. Диалог. 1996. № 8.

10. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000.

11. Швец Л.Г. Взаимосвязь доминирования и влияния в функционировании современной государственной власти: дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2007.

12. Денисов В.В. Размышления о насилии в современном мире. URL: <http://2info.ru/index.php?dn=article&to=art&id=12>

1. Shaikhutdinov R. Hunt for power. Moscow, 2005. URL: [http://www.i-u.ru/biblio/archive/shayhutdinov\\_ohota/06.aspx](http://www.i-u.ru/biblio/archive/shayhutdinov_ohota/06.aspx)

2. Gusher A.I. Problem of terrorism at the turn of the third Millennium of a new era of mankind. URL: <http://sec4u.ru/text/1-analist/835/index.shtml>

3. Lubarsky E.S. Terrorism in a globalizing world: methodological aspect: auth. abstr. ... Master of Political Sciences. Moscow, 2010.

4. The social disease of modern times // Bull. of the Russian philosophical society. 2004. № 3.

5. White book of the Russian special services. Moscow, 1996.

6. Zyuganov G.A. Global enslavement of Russia, or «American-style globalization». Moscow, 2011.

7. Nikitin A. Anatomy of modern terror in Russia. URL: <http://www.planet-kob.ru/analytics/211>

8. Kuzina S.I. Political violence: nature, manipulation and dynamics in a globalizing world: diss. ... Dr of Political Sciences. Rostov-on-Don, 2010.

9. Dialogue. 1996. № 8.

10. Panarin A.S. Temptation with globalism. Moscow, 2000.

11. Shvets L.G. Relationship of dominance and influence in the functioning of a modern state power: diss. ... Dr of Political Sciences. Rostov-on-Don, 2007.

12. Denisov V.V. Reflections on violence in the modern world. URL: <http://2info.ru/index.php?dn=article&to=art&id=12>

**Набиев Рустам Фанисович**кандидат исторических наук, доцент,  
профессор кафедры криминалистики  
Казанского юридического института МВД России  
(e-mail: elabuga\_2013@mail.ru)

## *Элементы судебной бухгалтерии в древности и Средневековье*

Сведения исторических источников позволяют утверждать, что с глубокой древности экономические знания применялись для разрешения проблем права. Сопоставляя документы, отражающие торговые отношения XIV в., автор выявляет первый случай применения на территории нашей страны специальных бухгалтерских познаний в сфере международного права.

**Ключевые слова:** судебная бухгалтерия, расчетные документы, метод (принцип) двойной записи, счет-фактура, платежная ведомость.

**R.F. Nabiev**, Master of History, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminalistics of the Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: elabuga\_2013@mail.ru

### **Forensic accountant elements in ancient and Medieval**

Information of historical sources suggest that since antiquity economic knowledge applied to solve the problems of law. Comparing documents reflecting trade relations of XIV century, the author reveals the first case of application in our country special accounting knowledge in the field of international law.

**Key words:** forensic accountant, settlement documents, method (principle) of double entry, invoice, pay-sheet.

**Н**е секрет, что учебные дисциплины «Бухгалтерский учет» (БУ) и «Судебная бухгалтерия» (СБ) представляют значительную трудность для гуманитариев. Они могут казаться скучными и сухими предметами, требующими заучивания и скрупулезных арифметических расчетов.

И это в какой-то мере верно. Особенно если настаивать на механическом заучивании базового материала. Вместе с тем, БУ и СБ являются прикладными предметами, которые позволяют преподавателю опираться на реальные примеры оперативной и следственной работы. Эти примеры делают указанные дисциплины интересными для будущих правоприменителей. К тому же связь учебного материала с реальными проблемами значительно оживляет атмосферу в аудитории.

Еще более привлекает внимание слушателей неисчерпаемый иллюстративный материал, содержащийся в исторических источниках. Не секрет, что слушатели и курсанты перегружены разнообразной информацией. Порой в ходе занятия ощущается некий предел восприятия ими нового материала. В этих случаях возможно проведение короткой психологической разрядки. Одним из вариантов такой разрядки может быть приведение примеров из истории.

Это позволяет слушателю даже в условиях относительной релаксации оставаться в теме, прослеживая вслед за преподавателем генезис того или иного вопроса, изучать его в развитии и через понимание механизма.

В «просвещенном мире» принято считать, что бухгалтерский учет появился в XV в., когда его изобрел итальянский монах Лука Пачоли. По всей видимости, это легенда из того же ряда, что и «изобретение» европейцами пороха, печати, фаянса и др. При исследовании исторических источников становится очевидным, что основные признаки бухгалтерского учета появляются примерно за тысячелетие до Пачоли. Так, деньги в виде круглых монет были стандартизированы и заверены символикой правителя в Лидии в VI в. до н.э. [1]. Это означает, что, по крайней мере, с этого времени универсальный измеритель существовал и применялся в учете. В трудах древнегреческих историков и легендах сохранились сведения о широком применении денежных расчетов в государственно-правовых отношениях.

Таким образом, сведения исторических источников позволяют утверждать, что бухгалтерский учет в основных своих проявлениях появился задолго до итальянских просветителей XV в. Причем это верно не только для Китая и Ирана.

На территории нашей страны учетные записи некоего купца (примерно VIII в.) были зафиксированы на Северном Кавказе (Мощевая балка) [2].

Нельзя исключить и того, что перевод бухгалтерского учета на «арабские» цифры мог произойти также на территории нашей страны, т.к. в «чистом виде» эти цифры были зафиксированы не в арабском мире и не в Индии, а в Кавказской Албании [3, с. 44–47]. Северная часть Кавказской Албании охватывала значительную территорию Дагестана.

Примечательно, что письменная история содержит довольно много интересных примеров применения специальных бухгалтерских познаний в праве еще со времен Древнего Египта и Троянской войны. Так, в одной из легенд подлинной причиной Троянской войны называется задолженность спартанцев перед Троей, зафиксированная документально (на дощечке). То есть в легенде зафиксирован не только древнейший прототип векселя, но и его использование в государственно-правовых отношениях.

В Древней Греции широко применялись разделяющиеся надвое дощечки. Предъявитель такой половинки мог претендовать на получение услуг или ценностей от своего партнера в другой области (стране) [4, с. 279]. То есть надежность подобного рода «документов» и претензий их держателя подтверждалась применением приема «встречная проверка». Кстати, этот вариант удостоверений длительное время сохранялся среди казаков под тюркским названием «бирка».

В речи Цицерона перед римским сенатом (I в. до н.э.) опровергалось обвинение, построенное на черновых записях. Западная история юриспруденции считает этот случай первым применением специальных бухгалтерских знаний в юриспруденции. Но прошлое нашей Родины (если рассматривать ее как евразийскую державу со сменяющимися династиями) содержит не менее интересные примеры.

Один из примеров применения приемов документального исследования в межгосударственных отношениях фиксируется китайскими историями.

Во взаимоотношениях «Вечной империи» с соседями нередко возникала проблема идентификации того или иного народа или посольства. Союзы и государственные объединения «варваров» нередко меняли территории, состав племен, письменность, границы и наименования. Города «варваров» часто разрушались до основания, архивы и бумажные документы не

сохранялись. Извечное стремление ханьцев к порядку и систематизации регулярно терпело фиаско по отношению к северным варварам.

Для китайцев порой было сложно определить правомерность претензий «нового» объединения на льготы и прием в рамках дипломатического протокола. «Северные варвары» нередко требовали недоимки по дани за прошлые годы. Торговые дома «варваров» нередко проводили свои караваны через китайские таможни под видом государственных посольств.

В истории «Тайпин хуань-юйцзи» («Старинные дела») отмечается, что при династии Тан (представители этой династии были потомками степняков-победителей) был найден довольно простой способ идентификации. Для «варваров» были изготовлены медные таблички в виде парных рыбок. «Вассальным» государствам (иных отношений китайский протокол не предусматривал) выдавалась одна («женская») рыбка. Другая («мужская») рыбка оставалась в архиве китайского учреждения.

Отныне путем сопоставления двух рыбок (применяя прием «встречной проверки») китайские чиновники могли ориентироваться в динамично меняющейся обстановке в Степи. Учитывая, что рыбки (как документ) предполагали определенные различные обязательства империи, их можно считать прообразом расчетного документа, подобного чеку, корешок которого остается у владельца чековой книжки.

Свидетельства письменных источников о документальном оформлении хозяйственных операций с течением веков нарастали. К рубежу XIII–XIV вв. сложились основные элементы метода бухучета и прототипы ценных бумаг. К числу достижений международной торговли в Причерноморье исследователи относят создание «системы двойной бухгалтерии, по которой велось делопроизводство (по всей видимости, С.П. Карпов имел в виду правило «двойной записи» – Р.Н.). Уже тогда был изобретен вексель. Уже был известен ломбард, закладные, переводные операции с обменом одной валюты на другую. Эта вся коммерческая техника широко использовалась в Причерноморье в разных итальянских факториях» [5]. Весьма важное свидетельство. Казалось бы, цитата приведена некорректно, потому что специалист комментирует генуэзский бухучет, а не Империи Джучидов (ИД). Однако это не совсем так. Во-первых, все основные фактории итальянцев и византийцев в Северном Причерноморье территориально располагались на землях ИД и платили установленную плату за аренду участков. Это означает, что даже формально итальянский бухучет (как и

иных стран) успешно применялся на территории Золотой Орды.

Кроме того, в любой международной торговой операции участвуют две стороны, эта информация должна быть в полной мере отнесена к расчетным операциям, применяемым обоими партнерами. Тем более, что нормы налогообложения устанавливало правительство ИД и ее наместники. Еще более значимым фактором было то, что европейцы проигрывали в торговом противоборстве и вынуждены были применять защитные меры для ограничения утечки серебра.

Даже неподготовленному читателю известно, что Золотая Орда собирала налоги, которые исчислялись в денежном эквиваленте. Известно также о нерегулярности выплаты «выхода» русских княжеств и периодически накапливающихся задолженностях. А это означает наличие в государстве Джучидов не только хорошо налаженных механизмов исчисления различных налогов по видам и регионам, но также системы сохранения налоговых данных.

В связи с налоговым учетом в договорных грамотах русских князей и в летописях встречается термин «дафтар/дэфтэр» [6, с. 29–30]. Этим термином обычно обозначались учетные книги, которые вел казначей («дафтардар»). На Украине в период польского господства этот термин еще в XVII в. был заменен термином «реестр».

В источниках сохранилась восточная терминология «золотоордынского» времени, относящаяся к сфере налогов и их сборов, например: таможня, оброк. Причем некоторые термины, сохранившиеся в источниках (например: алам/алман/алманщик), позднее неверно переводили не только западные ученые, но порой и сами турки.

Таким образом, мы можем констатировать, что не только правило двойной записи, но и перевод бухучета на единый денежный измеритель произошел задолго до XV в. и приписывается итальянцу незаслуженно.

На большей части Евразийского континента в период существования Великой Монгольской Империи (ВМИ), частью которой какое-то время была Золотая Орда, порядок обращения расчетных документов был в определенной мере унифицирован и получил широкое распространение. Причем некоторые из понятий с небольшими семантическими изменениями дошли до наших дней. К таковым можно отнести термины денежной сферы (деньга, полушка, алтын), а также понятия, относящиеся к документальному оформлению расчетных операций: бирка, кабала, товар/товарищ, тариф, этикетка (< этик) и др. [7; 8].

А. Джувейни приводит пример проплаты каганом Менгу долговых обязательств своего предшественника и бывшего противника кагана Гуока. Причем серебро выплачивалось и тем купцам, которые не могли представить расписок и «платежных обязательств» (*barat*), подтверждающих обещанную (заявленную) сумму (*havala*) [9, с. 78, 352, 371; 8, с. 76, 113] – долговое обязательство (вексель). Выплаты по долгам якобы составили 500000 балышей серебра [9, с. 437] – около 100 т серебра. По существу это акцепт юридически обоснованных претензий.

Вексельное обращение и гособязательства неплохо представлены в опубликованных источниках. О расчетах векселями, применявшимися на Востоке, писал Г.А. Федоров-Давыдов [10, с. 62]. Н.А. Хан на основе долговых надписей на серебряных блюдах также утверждал о былом наличии вексельного обращения в Золотой Орде [11, с. 443–446].

О применении векселя на межрегиональном и межгосударственном уровнях сообщают летописи. Так, русские источники сохранили упоминания о долговых расписках (кабала) [12, с. 43]. Факт займа с оформлением кабалы зафиксирован, например, в «Повести о Митяе», она упоминается также при описании займа митрополита Киприана 1389 г. Интересно описание долгового обязательства с предъявлением поручительства. Причем в 1389 г. кредит был получен под поручительство патриарха [13], в 1379 г. кредит был получен у татарских купцов под имя Великого Московского князя. В летописи указано: «кабала моя и с печатью» [14, стб. 127]. Денежный займ в 27 тыс. динаров, полученный под гарантии султана Египта у купцов государства, описывал ал-Макризи [15, т. 1, с. 198].

Обыденность описаний займов может свидетельствовать о том, что подобный вид расчетов применялся неоднократно, реквизиты Московского князя были знакомы кредиторам, а сам князь считался платежеспособным.

Работая с документами из архива Венеции, В.П. Григорьев и С.П. Карпов обнаружили тексты, описывающие механизм перевода задолженности с одного плательщика на другого. Относя этот документ к известному делу об ограблении купцов ИД на море, они сопоставили ряд документальных данных и реконструировали первый случай применения специальных бухгалтерских познаний в сфере международного права [16].

В числе отобранных ими документов особый интерес представляют переписка знаменитой Тайдуллы-катун и венецианского дожа, а также

поручения парламента Республики Святого Марка своим представителям в Тане/Азаке.

История началась с того, что в 1334 г. венецианский военный корабль напал на корабль с «золотоордынскими» негоциантами и ограбил их. Купцам удалось добраться до своей территории, где они составили «челобитную» на имя хана Бердибека, выставив претензии на крупную сумму в серебряном эквиваленте. Долг не погашался несколько лет до повторения схожего случая.

Интересно, что в числе ограбленных купцов были христианские и мусульманские имена. В рамках политики протекционизма все они оценивались в Сарае как «свои». На основе их жалоб сам Великий хан Бердибек выставил претензии Венеции за ущерб, нанесенный его людям: «Идумелик, Иоанн (Иван?), Стефан (Степан?) и Айниддин, Юсуф пришли к нам, и ими подано прошение по торговому делу...» [17, с. 176–182]. По тому же (?) делу в архивах Венеции сохранились копии писем и так называемая «платежная ведомость» (платежное требование) Тайдуллы [18].

Сохранившиеся венецианские акты позволяют оценить обороты морской торговли. Так, при разграблении венецианцами корабля с товаром девяти имперских купцов (терминология итальянского текста) они оценили потери в 4 тыс. сомов (примерно 749 кг серебра). При разграблении корабля купца Бачмана пострадавший оценил свои потери в 500 сомов (около 94 кг серебра) [18, с. 19–20].

В свете заявленной темы особый интерес представляет собой письмо ханши Тайдуллы правительству Венецианской республики. В нем, в частности, указывалось: «Девять Ваших галей, встретив упомянутую кокку, напали (на нее – Р.Н.) и ... ограбили людей империи, которые возвращались с Кипра... Все те упомянутые ... придя к императору и представив свидетелей, оценили свой ущерб в 2830 сомов...» [18].

По всей видимости, нападения на моряках «золотоордынцев» были не единичными. В «Предписании хана Бердибека», например, писалось, что купец «... Бачман подал такое прошение, что, когда он следовал с Кипра, на него напали галеи венецианцев и похитили у него товаров на сумму в 500 сомов» [17]. В течение ряда лет венецианцы уклонялись от уплаты компенсации, после чего купцы обратились с прошением на имя хана.

Особенность деятельности крупных торговых домов того времени заключалась в том, что их «дольщиками-акционерами» (товарищ, уртак)

являлись правители. Имена членов ханской семьи были отличной страховкой и гарантировали безопасность на суше. Иногда это помогало и на море. Если не помогало, то ханами применялись штрафные санкции, порой к целым городам и странам. Великий хан Бердибек в данном случае утвердил иск и постановил взыскать всю сумму с консула Азака/Таны [17; 19].

Известия о штрафных санкциях за ограбление купцов следует рассматривать в качестве меры, направленной на защиту и стимуляцию крупной торговли. Как и в наше время, затруднение юридического плана вызывало определение ответчика [20, с. 80–84]. В случае отсутствия ответчика сумма ущерба могла взиматься с населения района, из которого происходили бандиты, или области, на территории которой был нанесен ущерб, или целой страны. Подобные меры были зафиксированы не только в Китае (где ими злоупотребляли «мусульманские» купцы-уртаки), но и на территории русских княжеств (суд над ушкуйниками, поход Идегея и др.). За провинности земляков наказывались общины городов-колоний Кафы и Таны/Азака, а также купцы из иных стран.

Сохранившиеся тексты документов свидетельствуют о том, что хан повелел немедленно компенсировать потери и альтернативы у Республики Святого Марка не было. В период расцвета ИД решения Великих ханов были безальтернативными. Если хан принял решение защищать своих купцов, то его решение уже некому было оспорить.

Сопrotивление воле императора грозило обвалом восточной торговли и крахом экономики торговой республики: ее позиции сразу же перешли бы конкурирующим городам-государствам. Следовало быстро обозначить начало процесса уплаты. Но одномоментная выплата Венецией огромной суммы серебром (в условиях торгового дефицита) была, по всей видимости, невозможной. Назревала «гроза».

Покровительницей христиан при дворе хана считалась «царица» Тайдулла [19]. Не исключено, что венецианцы обратились к ней за содействием, т.к. она погасила задолженность Венеции, предварительно занизив сумму задолженности в несколько раз. Выплаты и сопутствующие издержки были изложены и суммированы в документе, который условно обозначается как «платежная ведомость» Тайдуллы [18]. Однако если использовать современную терминологию, этот документ правильнее было бы называть платежным требованием, т.к. в нем предъявляются финансовые претензии за оказанную услугу (экстренную выплату штрафа).

Примечательно, что претензии, изложенные в платежном требовании Тайдуллы, не были признаны сразу. То есть источники сохранили косвенную информацию о процедуре эксцепта (exsert), которая присуща данному виду расчетов с безналичными средствами. Возможно, итальянцы пытались оспорить ряд позиций этого документа, послав дополнительно своего представителя для обсуждения. Но, скорее всего, они понимали, что ханское решение оспорить теперь не удастся, т.к. Тайдулла пользовалась всемерной поддержкой Папы Римского.

Вкладом Венеции в историю мировой экономики XIV в. обычно считается массовое введение в обращение долговых расписок (банка) Республики Святого Марка и построение одной из первых в Европе финансовых пирамид. Поэтому совершенно неудивительно их решение расплатиться по долгу не «живыми» деньгами (серебром и золотом), а векселем.

С.П. Карпов, рассматривая венецианские акты, относящиеся к Тане, обнаружил текст поручения послу Республики Святого Марка, направлявшемуся в ИД. Послу предписывалось

для разрешения денежного спора получить кредит на месте под письменное поручительство «властей» Таны.

Это, в частности, означает, что механизм предоставления гарантий и их принятия применялся обеими сторонами. Причем уже С.П. Карпов связывал это поручительство с вышеупомянутой «платежной ведомостью ханши Тайдуллы» [21]. Если его предположение верно, то венецианцы «расплатились» векселем, который вряд ли был обналичен, потому, что вскоре в ИД началась так называемая «великая замятня».

Таким образом, приведенные нами сведения из некоторых документов Венецианского архива, отражающих особенности международных торговых отношений в Причерноморье XIV в., позволили выявить первый случай применения на территории Восточной Европы специальных бухгалтерских познаний в сфере международного права – иными словами, первый надежно зафиксированный в разных документах случай применения судебной (правовой) бухгалтерии на территории нашей страны.

1. Краткая история появления монет. URL: <http://www.e-allmoney.ru/coins1.html/>

2. Иерусалимская А.А. Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб., 2012.

3. Абдурагимов Г.А. Кавказская Албания – Лезгистан. СПб., 1995.

4. Хрестоматия по античной литературе для вузов. М., 1947. Т. 1.

5. Карпов С.П. Причерноморье. Перекресток цивилизаций: публичная лекция. URL: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=95990/>

6. Духовные и Договорные грамоты Князей Великих и удельных / под ред. С.В. Бахрушина. М., 1950.

7. Гилазетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2011.

8. Юналиева Р.А. Тюркизмы в русской классике: словарь с текстовыми иллюстрациями. Казань, 2005.

9. Джувейни А. Чингисхан: История завоевателя мира. М., 2004.

10. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

11. Хан Н.А. Вексельное обращение в Восточной Европе // Печати времени. 2005. № 6. С. 443–446.

12. Гилазетдинова Г.Х. Формирование словообразовательных гнезд с исходным тюркским

1. Brief history of the emergence of coins. URL: <http://www.e-allmoney.ru/coins1.html/>

2. Jerusalemkaja A.A. Moshchevaya Balka. Unusual archaeological site on the North Caucasus Silk Road. St. Petersburg, 2012.

3. Abduragimov G.A. Caucasian Albania – Lezgistan. St. Petersburg, 1995.

4. Readings in ancient literature for universities. Moscow, 1947. Vol. 1.

5. Karpov S.P. Black sea. Crossroads of Civilizations: public lecture. URL: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=95990/>

6. Wills and contracts Great Princes and dukes / ed. by S.V. Bakhrushin. Moscow, 1950.

7. Gilazetdinova G.H. Oriental borrowing language Muscovite Russia: diss. ... Dr of Philology. Kazan, 2011.

8. Yunalieva R.A. Türkizms in Russian classics: dictionary with text illustrations. Kazan, 2005.

9. Juvayny A. Genghis Khan: The Story of the conqueror of the world. Moscow, 2004.

10. Fedorov-Davydov G.A. Money-spinner of the Golden Horde. Moscow, 2003.

11. Khan N.A. Paper circulation in Eastern Europe // Print time. 2005. № 6. P. 443–446.

12. Gilazetdinova G.H. Formation derivational nests with the original Turkic loanwords in Russian language of XV–XVII centuries // Bull. of Chelyabinsk State University. 2009. № 39(177). Philology. Fine Arts. Iss. 38. P. 38–45.

заимствованием в русском языке XV–XVII веков // *Вестн. Челябинск. гос. ун-та*. 2009. № 39(177). Филология. Искусствоведение. Вып. 38. С. 38–45.

13. Макарий – Митрополит Московский и Коломенский. URL: [http://www.velib.com/book.php?avtor=m\\_151\\_2&book=9672\\_118\\_44/](http://www.velib.com/book.php?avtor=m_151_2&book=9672_118_44/)

14. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРП. СПб., 1863. Т. 15.

15. Золотая Орда в источниках / сост. Р. Храпачевский. М., 2003. Т. 1: Арабские и персидские сочинения.

16. Григорьев А.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: источниковедческое исследование. СПб., 2002.

17. Григорьев А.П. Предписание Бердибека правителю Крыма Кутлуг-Тимуру (1358 г.) // *Востоковедение*. СПб., 1999. Вып. 21. С. 176–182.

18. Григорьев А.П. Послание ханши Тайдулы Венецианскому дожу (1359) // *Вестн. С.-Петербург. ун-та*. 1996. Сер. 2. Т. 4. С. 18–23.

19. Правители Земли тульской: Великая Императрица Тайдула. URL: <http://forum.megatula.ru/viewtopic.php?t=3835/>

20. Сабирова Л.Л. Надлежащий ответчик в делах о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами // *Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России*. 2012. № 2(8). С. 80–84.

21. Карпов С.П. Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–60 гг.). URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000177/st003.shtml/>

13. Makarios – Metropolitan of Moscow and Kolomna. URL: [http://www.velib.com/book.php?avtor=m\\_151\\_2&book=9672\\_118\\_44/](http://www.velib.com/book.php?avtor=m_151_2&book=9672_118_44/)

14. *Annalistic compilation called Tverskaya chronicle* // *Complete coll. of the Russian chronicles*. St. Petersburg, 1863. T. 15.

15. *The Golden Horde in the sources / comp. R. Hrapachevsky*. Moscow, 2003. Vol. 1: Arab and Persian writings.

16. Grigoriev A.P. *The collection documents the Golden XIV century Venice: the source study*. St. Petersburg, 2002.

17. Grigoriev A.P. *Prescription Berdibek to ruler Crimea Kutlug Timur (1358)* // *Oriental*. St. Petersburg, 1999. Iss. 21. P. 176–182.

18. Grigoriev A.P. *Message Horde Hansha Taydula to Venetian Doge (1359)* // *Vestn. St. Petersburg Univ*. 1996. Ser. 2. Vol. 4. P. 18–23.

19. *The rulers of the Earth Tula: Great Empress Taydula*. URL: <http://forum.megatula.ru/viewtopic.php?t=3835/>

20. Sabirova L.L. *Proper defendant in cases of damages caused by public authorities, local governments and their officials* // *Bull. of the Kazan Law Institute of Russian Interior Ministry*. 2012. № 2(8). P. 80–84.

21. Karpov S.P. *Venice Tan on acts Chancellor Benedetto Bianco (1359–60)*. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000177/st003.shtml>

**Зинков Евгений Геннадьевич**

доктор философских наук,  
 профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин  
 Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия  
 (тел.: +79184466559)

## *Административная природа законодательной инициативы Президента Российской Федерации № 352924-6 «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»*

В статье изложен краткий обзор тех проблем и событий, которые вынудили Президента РФ пойти на серьезные меры по объединению судов и изменению Конституции РФ. Высказан предполагаемый сценарий мер по осуществлению тотальной административной реформы в области конституционных прав граждан Российской Федерации.

**Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, Президент Российской Федерации, федеральный закон, Кодекс административного судопроизводства, административная реформа.

**E.G. Zinkov**, Doctor of Philosophy, Professor of a Chair of Socio-humanitarian and Natural Sciences Disciplines of the North Caucasian branch of the Russian Academy of Justice; tel.: +79184466559.

### **Administrative nature of the legislative initiative of the President of the Russian Federation № 352924-6 «On the Supreme Court of the Russian Federation and the Office of the Public Prosecutor of the Russian Federation»**

In the article is presented the brief survey of those problems and events which forced President of the Russian Federation to go to serious measures for the association of vessels and a constitutional reform of the Russian Federation. The assumed scenario of measures for the realization of total administrative reform in the region of the constitutional rights of citizens of the Russian Federation is expressed.

**Key words:** Constitution of the Russian Federation, President of the Russian Federation, federal law, Code of administrative legal procedure, administrative reform.

**В**опрос, затрагиваемый в данной научной статье, далеко не праздный по той причине, что касается основного документа Российской Федерации. Долгое время мы представляли себе Конституцию РФ как «Основной Закон» государства, однако это время уже давно ушло ввиду сложившейся юридической практики, основывающейся на том, что «закон» может быть обжалован и отменен судом соответствующей ему инстанции. В то время как «документ» не подлежит обсуждению и отмене, за исключением одного – четкого и должного его исполнения. Это уяснило для себя все правоведческое сообщество Российской Федерации.

Оно также помнит и об Указе Президента РФ от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства в Российской Федерации» [1]. Не-

смотря на вышесказанное, практика российского суда всех уровней и инстанций старается нас убедить в обратном, забывая о ч. 4 ст. 3 Конституции РФ, в которой сказано: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону».

Нам могут возразить в части «присвоения властных полномочий», т.к. суд от имени государства и вершит это самое правосудие и «присвоения властных полномочий» здесь нет и быть не может по природе. А мы и не будем оспаривать этот постулат. По причине того, что нас интересует одно – каким образом «Российское Правосудие» соблюдает и соответствует ст. 2 Конституции РФ, в которой сказано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и

защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», которую на суд и возлагает это самое государство. К тому же согласно ч. 1 ст. 3 «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», а ч. 2 ст. 3 Конституции РФ говорит нам о том, что «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Сюда следует присовокупить и ст. 90 Конституции РФ, которой в свое время был дан исчерпывающий комментарий в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», в том числе касаясь вопросов нормативных Указов Президента РФ как главы государства, подлежащих обязательному применению судами при разрешении конкретных судебных дел [2].

Утешительной практики по указанному нами вопросу в российском правосудии, к сожалению, очень мало. Это и вызывает дискуссию среди юристов, но не среди граждан Российской Федерации, т.к. они уже давно перестали отождествлять правосудие с конституционными нормами права. С этим уже не может мириться и Аппарат Президента, поскольку описанные нами проблемы в сфере правоприменительной практики приняли угрожающие масштабы в области суверенитета страны и самого института президентской власти.

Президент РФ долго уговаривал российское правосудие встать на конституционный путь развития, но этого, к сожалению, не произошло.

В результате были приняты меры по своевременному пресечению и устранению искажений и коллизий в части конституционных норм в российском правосудии.

На наш взгляд, возможно субъективный, все разговоры и дискуссии вокруг президентской законодательной инициативы носят чисто провокационный характер, не совместимый с положительным решением указанной выше по тексту возникшей проблемы в части соблюдения судами конституционных норм права.

Проделанная Президентом РФ работа всего лишь первый шаг на этом нелегком пути. Само по себе объединение судов ничего существенно не изменит. Здесь необходим комплексный подход, который кроется в тотальной административной реформе российского правосудия и не только его одного.

Такая реформа уже намечена и в ближайшее время будет осуществлена полностью. Хотелось бы уточнить некоторые ее детали по составу судейского корпуса, по форме отчетности аппарата судов, по формам переподготовки судей и аппарата судов, по функциональным особенностям правосудия и ряда других показателей и составляющих.

В части административной реформы показателен положительный опыт южных регионов Российской Федерации в реализации положений Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», которые самостоятельно пошли по конституционному пути развития в применении данного закона [3], привлекая казачество к наведению конституционного порядка в регионах Российской Федерации. Осталось изыскать средства для муниципального уровня осуществления административной реформы, которая должна быть полностью привязана к Кодексу административного судопроизводства. Без этих мер объединение судов не даст положительного результата.

Опыт, сложившийся в судебной практике вокруг административных коллегий краевых, республиканских и областных судов, не годится для Кодекса административного судопроизводства, т.к. носит явно репрессивный характер в отношении граждан Российской Федерации, нарушая указанные выше статьи Конституции Российской Федерации [4–7].

Для того чтобы избежать в дальнейшем ошибок в построении единого правового пространства Российской Федерации, необходимо более профессионально относиться к подбору кандидатов в судьи.

А что для этого требуется, чего сейчас нет в российском правосудии для осуществления этой процедуры? Нет главного, четкого изложения того, кто, собственно, будет осуществлять этот самый подбор и подготовку будущих судей, а также переподготовку судейского корпуса Российской Федерации. Механизм назначения судей отработан, а механизм подбора и квалифицированной подготовки вновь назначаемых судей не до конца ясен. Несмотря на то, что у судебной системы есть ведомственное высшее учебное заведение – Российская академия правосудия, ее статус носит факультативный характер и ничем не закреплен в рамках закона об объединении судов, а также других нормативных документов. Многие председатели краевых, областных и республиканских судов не воспринимают Российскую академию правосудия как одно из многих подразделений судейского

корпуса Российской Федерации. Отсюда вытекает неопределенный статус профессорско-преподавательского состава и выпускников вуза в том значении, как это принято у ведомственных вузов МВД России, Министерства финансов РФ и др. От этого страдает учебный процесс, поскольку носит отвлеченный характер от складывающейся практики в судах и не соответствует ее требованиям. На этой почве возникают коллизии и непонимание происходящего как внутри судов, так и внутри учебного заведения. Нельзя научить тому, чего не знаешь, т.к. судьи дистанцируются от вуза и не прозрачны в своей деятельности даже внутри одного регионально-го субъекта правосудия Российской Федерации.

Чтобы избежать этого, следует определиться с рынком образовательных услуг и признать Российскую академию правосудия единственным вузом российского правосудия, отвечающим требованиям судейского корпуса, т.к. для этого есть все основания.

Что касается настоящего судейского корпуса Российской Федерации, то здесь следует вести вневедомственный мониторинг судебной практики и на его материале организовывать силами Российской академии правосудия спецкурсы для судей, допускающих в своей работе отклонения и коллизии в общепринятом производстве судебных дел относительно конституционных прав граждан. Если судья вновь практикует неточности в комментировании текстов законов и постановлений, допуская разночтения в исполнении судебного производства по применению законов Российской Федерации, тем самым нарушая конституционные права граждан, то в отношении его следует применять «Кодекс судейской этики» и отстранять действующего судью от ведения и рассмотрения судебных дел до окончания срока полномочий с сохранением минимальной заработной платы, а затем отправлять в отставку без сохранения пожизненного денежного содержания как потерявшего доверие со стороны лиц, наделивших его полномочиями с учетом ч. 4 ст. 3 Конституции

РФ, в которой сказано: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону». В этом случае судьи будут исключительно конституционно настроенными гражданами Российской Федерации [8] и навсегда из их речей уйдет фраза: «Нечего нам здесь своей Конституцией судебный процесс засорять».

В отношении функциональных особенностей судов в связи с их объединением необходимо учесть то, что судьи осуществляют только две функции, такие как репрессивная, которую все с удовольствием и гипертрофированным усердием исполняют. И другая, менее почитаемая, реституционная, всеми забытая, но четко прописанная в Конституции РФ, несоблюдение которой приводит к деструктивным последствиям в соблюдении, построении и поддержании конституционного строя, а также суверенитета Российской Федерации и института президентства.

В заключение хочется отметить, что российское правосудие давно утратило доверие граждан в том виде, в котором оно существует в настоящий момент, и Президент РФ с этим мириться не может.

Искренне надеемся на то, что мы дали внятный и краткий ответ на притязания Общественной палаты РФ, которая направила в Совет Федерации заключение по результатам общественной экспертизы проекта Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», где сказано, что палата в целом поддерживает принятие документа, но с учетом ряда замечаний [9], которые выглядят довольно неубедительно по сравнению с теми проблемами, что приходится решать Президенту РФ по наведению конституционного порядка в российском правосудии.

Таковыми нам видятся меры по вопросу тотальной административной реформы в сфере соблюдения конституционных норм права в Российской Федерации.

1. Собр. законодательства РФ. 2000. № 33. Ст. 3356.

2. URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=11522> (дата обращения: 20.01.2013).

3. Зинков Е.Г. Коллизионные особенности пространственного действия статьи 43 Федерального закона «О полиции» // Административное право и процесс. 2013. № 10. С. 53–57.

4. Зинков Е.Г. Функциональные связи как элемент гуманизации и модернизации судеб-

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2000. № 33. Art. 3356.

2. URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=11522> (date of access: 20.01.2013).

3. Zinkov E.G. Conflict of laws especially the spatial scope of article 43 of the Federal law «On police» // Administrative law and process. 2013. № 10. P. 53–57.

4. Zinkov E.G. Functional links as the humanization and the modernization of the judiciary //

ной системы // *Административное право и процесс*. 2011. № 11. С. 12–14.

5. Зинков Е.Г. Правовостановительная функция как элемент гуманизации и модернизации российской судебной системы // *Административное право и процесс*. 2012. № 7. С. 25–29.

6. Зинков Е.Г. О некоторых проблемах реализации административной ответственности в сфере конституционно-правовых отношений // *Административное право и процесс*. 2013. № 8. С. 33–36.

7. Дроздова А.М., Зинков Е.Г. Коллизионное единство и многообразие феномена «правопонимание» // *Юрид. вестн. Дагестан. гос. ун-та*. 2013. № 1. С. 25–31.

8. Александр Муранов: Об истинных причинах слияния высших судов // Муранов А. *Новый Верховный Суд РФ: pro et contra*. URL: <http://www.garant.ru/article/510579/> (дата обращения: 20.12.2013).

9. Сибирские финансы / Заключение на закон об объединении ВАС И ВС РФ. URL: <http://910960.ru/page/news/1646-zaklyuchenie-na-zakon-ob-ob-edinenii-vas-i-vs-rf> (дата обращения: 20.12.2013).

*Administrative law and process*. 2011. № 11. P. 12–14.

5. Zinkov E.G. Function of restoration of the right as an element of humanization and the modernization of the Russian judicial system // *Administrative law and process*. 2012. № 7. P. 25–29.

6. Zinkov E.G. Some issues of realization of administrative responsibility in the sphere of constitutional-legal relations // *Administrative law and process*. 2013. № 8. P. 33–36.

7. Drozdova A.M., Zinkov E.G. Conflict of unity and diversity of the phenomenon «legal thinking» // *Law Gazette of Dagestan State University*. 2013. № 1. P. 25–31.

8. Alexander Muranov: About the true reasons for the merger of superior courts // Muranov A. *New Russian Supreme Court: pro et contra*. URL: <http://www.garant.ru/article/510579/> (date of access: 20.12.2013).

9. Siberian finance / Opinion on the law on the uniting the SAC and the SC of the RF. URL: <http://910960.ru/page/news/1646-zaklyuchenie-na-zakon-ob-ob-edinenii-vas-i-vs-rf> (date of access: 20.12.2013).

**Либанова Светлана Эдуардовна**доктор юридических наук, доцент,  
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин  
Курганского государственного университета  
(e-mail: libany@rambler.ru)

## *Проблемы обеспечения единства конституционного правоприменения по гражданским делам и пути их решения*

Автор полагает, что единый концептуальный подход к защите прав и свобод в гражданских делах отсутствует, концепция лишь формируется. Одним из ее действенных элементов, базирующихся на конституционных принципах, может стать презюмирование судами договорного регулирования отношений сторон, исключающее субъективное вмешательство и судебное усмотрение.

**Ключевые слова:** несовершенство законов, субъективизм правоприменителей, презюмирование договорного регулирования в судебной практике.

**S.E. Libanova**, Doctor of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Civil Law Disciplines of the Kurgan State University; e-mail: libany@rambler.ru

### **Problems of ensuring the unity of the constitutional enforcement of civil cases and decision-making of it**

The author believes that a unified conceptual approach to the protection of the rights and freedoms in civil cases is absent, the concept is formed only. One of its most effective elements, based on the constitutional principles, may be presuming by courts contractual regulation of relations between the parties excluding subjective interference and judicial discretion.

**Key words:** law imperfections, subjectivism of enforcers, presuming of contractual regulation in court practice.

**А**бсолютно совершенного, идеального законодательства нет нигде в мире. Коллизии законов и пробелы в регламентации судопроизводства создают предпосылки для произвола и коррупции, позволяя судьям действовать по собственному усмотрению, выбирать в аналогичных случаях разные правовые позиции, что приводит к отсутствию единообразия судебной практики.

Президент РФ Владимир Путин подписал Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», а также ряд сопутствующих федеральных законов. С 26 июля 2014 г., после окончания переходного периода для реализации этих законов, в нашей стране начнет функционировать единый Верховный Суд РФ, которому станут подведомственны, в том числе, и дела по экономическим спорам. Предполагается, что объединенный Верховный Суд позволит как повысить эффективность судопроизводства в целом, так и обеспечить единство правоприменительной практики. Предположим, что объединение судов обеспечит конституционное

правоприменение гражданского законодательства, позволяющее реально решить проблему единообразия правоприменительной практики на всей территории России.

Предупреждение, выявление и устранение юридических коллизий в законодательстве является важнейшей задачей юридической науки. Обеспечение единообразия правоприменения возможно при наличии максимальной четкости изложения нормы права и неукоснительном следовании всех правоприменителей конституционным принципам.

Действующей норму права делает наличие объективных условий для ее реального применения. Проблема из руслу принятия законного и обоснованного решения переходит в проблему реального исполнения: чем четче изложен закон, тем меньше требуется его толковать. Законы должны быть четкими, иметь экономическую основу, финансовое обеспечение, а правоприменение должно стать конституционным.

Существует два легитимных, применяемых судом вида толкования: по духу закона и по букве закона.

В силу ст. 56 ГПК РФ и ст. 65 АПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается в обоснование своих требований. В соответствии со ст. 71 АПК РФ и ст. 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем и полном исследовании имеющихся в деле доказательств без поиска истины. Главной его задачей является оценка представленных сторонами в дело доказательств. Проблема кроется в том, что перевод судебной системы на принцип состязательности осуществлен в отсутствие в процессуальной науке однозначных, равнопонимаемых и единообразно применяемых критериев определения элементов такого правового феномена, как доказывание.

Отсутствие реальной возможности осуществления конституционных прав каждым без помощи адвоката обусловлено сложностью применения принципа состязательности в гражданском процессе без профессионального знания права. Одной из важных проблем обеспечения конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленной в ст. 48 Конституции РФ, является реализация права на судебную защиту.

Полагаем, что реализацию этого конституционного права каждого можно обеспечить путем конституционного правоприменения при наличии коллизий любого уровня.

Данный тезис проиллюстрируем на примере межотраслевого института «взыскания убытков», универсальность которого обусловлена теоретической возможностью взыскания практически при любом нарушении прав и законных интересов в различных отраслях права. Взыскать убытки в полном объеме невозможно, т.к. сложно определить их размер, несмотря на доказанность факта причинения и наличие причинной связи. Анализ судебно-арбитражной практики свидетельствует о значительных колебаниях при рассмотрении дел о взыскании убытков [1, с. 62–195; 2]. Нами неоднократно отмечалась необходимость выработки рекомендаций, направленных на совершенствование практики применения гражданско-правовых норм, регулирующих данный институт права [1, с. 62–195]. Возмещение убытков является одной из форм гражданско-правовой ответственности, под которой понимается «форма выражения дополнительных обременений, возлагаемых на правонарушителя» [3, с. 526–527]. В соответствии с п. 1 ст. 393 ГК РФ возмещению подлежат лишь убытки, причиненные противоправным поведением должника. Добросовестный кредитор

(истец по делам о взыскании убытков) обязан представить доказательства в обоснование своих требований (как по поводу нарушенного права, так и в отношении самого нарушения), в том числе «разумности» установленного в договоре метода и размера исчисления убытков, при отсутствии четкого определения «разумности» в законе и науке. Поэтому недобросовестному должнику (ответчику) не требуется прилагать усилия для состязательности в суде. Одним из негативных последствий судебного решения является существенное отличие суммы реальных и номинальных убытков, возникших у истца, что порождает неверие в справедливое правосудие и судебную реформу, прогрессирование правового нигилизма, повсеместное неисполнение обязательств, упадок экономики.

Одной из концепций, способствующих гармоничному развитию цивилизованного рынка, является утверждение автора о том, что недобросовестным должником должно быть экономически невыгодно. Возможны два пути решения данной проблемы для обеспечения восстановления нарушенных прав без представителя: законодательный и правоприменительный [1, с. 42].

Для решения проблем возмещения убытков полагаем возможным использовать категорию, известную в англо-американском праве, – «заранее оцененных убытков». Согласно ЕТК США «убытки, подлежащие возмещению при нарушении договора, называются заранее оцененными, если в договоре указана либо подлежащая уплате при нарушении договора сумма, либо способ исчисления такой суммы» [4, с. 346].

Представляется, что в России в условиях развития рыночных отношений следует упразднить негативное отношение к штрафным убыткам и предоставить сторонам сделки возможность указывать в договоре сумму, взыскиваемую в качестве «компенсации» за нарушение обязательств, не подлежащую снижению судом, назвав ее «заранее оцененными убытками». В этом случае сократится количество неисполненных обязательств, право выбора останется за стороной, имеющей возможность не платить ее, выполнив обязательства (ст. 307 ГК РФ), упростится расчет рисков, снизится стоимость доказательств. Для истца это может оказаться единственной возможностью компенсировать убытки, а возможно, и избежать их возникновения из-за экономической нецелесообразности для должника. Преимущества бесспорны, поэтому нами предлагается законодательно закрепить данную концепцию в ст. 15 ГК РФ, указав: «Сторонами могут быть предусмотрены

заранее оцененные убытки, размер которых не подлежит пересмотру судом, за исключением случаев, прямо указанных в законе».

Законодательное нововведение концепции «заранее оцененных убытков», размер которых согласован сторонами договора и признан при споре судом, бесспорно взыскиваемых им, позволит устранить наличие субъективности в оценочной деятельности суда по определению экономической категории, увеличить число удовлетворенных исков добросовестных кредиторов. А в конечном счете искоренить недобросовестных должников, сделав надлежащее исполнение обязательств правилом, а не исключением. Например, германское законодательство предусматривает возможность требовать даже компенсацию так называемого «интереса» (п. 250 Германского гражданского уложения) [5, с. 227].

Признавая целесообразность и актуальность внедрения концепции «заранее оцененных убытков», нельзя не отметить, что такая возможность была известна дореволюционному российскому законодательству и судебной практике. Положениями о поставках продукции и товаров народного потребления 1988 г. рассматривалась возможность включения твердых убытков в текст договора. Пунктом 65 этого Положения предусмотрены форма их выражения, преимущества применения и вероятные ограничения. Соглашение об ограничении размера убытков является легитимным и соответствует природе гражданско-правовых отношений (ст. 421 ГК РФ), норма п. 2 ст. 9 ГК РФ также не препятствует таким договоренностям. Следовательно, право сторон на формирование условий соглашения включает в себя и возможность определять режим ответственности. Ограничения размера компенсации, установленные национальной правовой системой, могут быть преодолены в результате действия международных правил (например, ст. 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Представляется, что кредитор-истец должен быть освобожден от обязанности принятия каких-либо мер по предотвращению убытков при наличии в договоре размера «заранее оцененных убытков», презюмируемого судом при отсутствии доказательств должником наличия неосновательного обогащения у кредитора и его размера.

Решение описанной проблемы требует законотворческого подхода. Но уже сегодня возможно в порядке разъяснения постановления Пленума объединенного Верховного Суда РФ определить порядок правоприменения договорного закрепления «заранее оцененных сторонами убытков», отметив не только их легитимность, но и презумпцию, соответствующую конституционным принципам при определении размера, подлежащего взысканию в суде, и признания Конституционным Судом РФ конституционно-правовой природы принципа свободы договора [6, с. 830].

Предлагаем следующую редакцию ст. 15 ГК РФ: «1. Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в ином размере. 2. Убытки – это уже имеющиеся либо предстоящие имущественные потери, возникшие в результате правонарушения, подлежащие возмещению по выбору кредитора либо в натуральном виде, либо в денежном выражении в размере, предусмотренном законом или договором.

Сторонами могут быть предусмотрены «заранее оцененные убытки», размер которых не подлежит пересмотру судом, за исключением случаев, прямо указанных в законе. Должник может доказать неосновательное обогащение кредитора» [7, с. 96].

Предлагаемый автором подход к реализации конституционных принципов договорного регулирования отношений можно применить со ссылкой на указанные выше нормы материального права к регулированию споров по оплате услуг адвоката.

С помощью судебных разъяснений, обеспечивающих единообразие правоприменения значимых положений закона, можно ускорить внедрение норм, требующих незамедлительно закрепления в законе в силу изменившихся экономических условий жизни. Стороны единого гражданского процесса получают реальную возможность осуществлять защиту своих прав самостоятельно, не прибегая к помощи адвоката. При этом сократится загруженность судов, т.к. включатся экономические механизмы и не выполнят обязательства надлежащим образом станет экономически не выгодно.

1. Либанова С.Э. Особенности возмещения убытков в различных отраслях права: учеб. пособие. Курган, 2007.

2. Практика возмещения убытков в различных отраслях права: особенности, сравнительный анализ: учеб. пособие. Курган, 2013.

1. Libanova S.E. Features damages in different branches of law: study aid. Kurgan, 2007.

2. The practice of damages in different branches of law: particularly, comparative analysis: study aid. Kurgan, 2013.

3. *Гражданское право: учеб. / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М., 1996. Ч. 1.*

4. *Ансон В. Договорное право / под ред. О.Н. Садикова. М., 1984.*

5. *Jauerning. Schlechtriem-Sturner. Teichmann-Vollkommer. GB. Burgerliches Gesetzbuch. 7 Aufl. 1994.*

6. *Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февр. 2004 г. № 3-П // Собр. законодательства РФ. 2004. № 9. Ст. 830.*

7. *Либанова С.Э. Проблемы возмещения убытков и пути их решения. Курган, 2006.*

3. *Civil law: textbook / ed. by Yu.K. Tolstoy, A.P. Sergeev. Moscow, 1996. Pt. 1.*

4. *Anson V. Contract law / ed. by O.N. Sadikov. Moscow, 1984.*

5. *Jauerning. Schlechtriem-Sturner. Teichmann-Vollkommer. BGB. Burgerliches Gesetzbuch. 7th ed. 1994.*

6. *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of Febr. 24, 2004 № 3-P // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2004. № 9. Art. 830.*

7. *Libanova S.E. Problems of damages and their solutions. Kurgan, 2006.*

**Захарова Галина Серафимовна**  
кандидат юридических наук, доцент,  
профессор кафедры общеправовых дисциплин  
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: galina.zakharova.64@mail.ru)

## *Порядок возмещения вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов и суда*

В статье проводится анализ ответственности правоохранительных органов за ущерб, причиненный незаконными действиями их должностных лиц, обобщены основные нормы российского законодательства, регулирующие порядок возмещения причиненного вреда. Приводятся практические рекомендации по восстановлению нарушенных прав.

**Ключевые слова:** ответственность, реабилитация, имущественный вред, моральный вред, восстановление нарушенных прав.

**G.S. Zakharova**, Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of General Law Disciplines of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: galina.zakharova.64@mail.ru

### **Order compensation for damage caused by illegal actions of law-enforcement bodies and court**

The article analyzes the responsibility of law-enforcement bodies for damage caused by illegal actions of their officials, summarizes the main rules of Russian legislation governing the order compensation of damages. Provides practical recommendations for redress.

**Key words:** responsibility, rehabilitation, property damages, moral damages, redress.

**П**рактические работники правоохранительных органов: дознаватель, следователь, прокурор или судья – при прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления, а также при постановлении оправдательного приговора обязаны разъяснить гражданину порядок восстановления его нарушенных прав и принять предусмотренные законом меры к возмещению ущерба, причиненного гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу. Орган дознания, следователь, прокурор или суд обязаны предоставить такому лицу лично или направить по почте заверенную копию постановления о прекращении уголовного дела или о вынесении оправдательного приговора.

Уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации предусмотрено направление реабилитированному лицу извещения с разъяснением порядка возмещения вреда.

Пострадавший от судебнo-следственных ошибок гражданин имеет право на возмещение

ущерба в полном объеме. Здесь следует разъяснить гражданину, что согласно ст. 135 УПК РФ возмещение имущественного вреда при реабилитации включает в себя возмещение заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых лицо лишилось в результате уголовного преследования; возврат имущества или возмещение ущерба, причиненного конфискацией или обращением имущества в доход государства на основании приговора или решения суда; возмещение штрафов и процессуальных издержек, взысканных с него во исполнение приговора суда; возмещение сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи защитникам, и иных расходов, понесенных реабилитированным вследствие незаконного или необоснованного уголовного преследования, подтвержденных документально либо иными доказательствами.

Гражданин должен знать, что неполученные заработная плата, пенсия, пособие, другие средства, которых он лишился в результате уголовного преследования, исчисляются с момента прекращения их выплаты. Исходя из положений ч. 1 ст. 133 УПК РФ о полном возмещении вреда период, за который они подлежат возмещению, определяется судом с учетом конкретных обстоятельств дела.

Размер возмещения вреда за оказание юридической помощи определяется подтвержденными материалами дела, фактически понесенными расходами, непосредственно связанными с ее осуществлением. При определении размера сумм, подлежащих взысканию в пользу реабилитированного за оказание юридической помощи, суд должен учитывать, что положения ч. 1 ст. 50 УПК РФ не ограничивают количество защитников, которые могут осуществлять защиту одного обвиняемого, подсудимого или осужденного.

Для определения размера ущерба граждан в течение 6 месяцев после направления ему извещения может обратиться:

при прекращении производства по делу органами дознания или следствия, входящими в систему МВД России, – в соответствующее областное управление и приравненное к нему звено;

при прекращении производства по делу следователем прокуратуры либо органами дознания, не входящими в систему МВД России, – в прокуратуру области и приравненное к ней звено, осуществляющие надзор за расследованием дела;

при вынесении оправдательного приговора или прекращении дела судом первой инстанции либо в кассационном или надзорном порядке – в суд, рассматривающий дело в первой инстанции.

Определение размера ущерба производится вышеуказанными органами в месячный срок со дня обращения гражданина путем вынесения постановления (определения), в котором должен быть приведен подробный расчет подлежащих выплате сумм и разъяснен порядок его обжалования и опротестования.

В случае если гражданин согласен с указанным расчетом, соответствующие документы передаются финансовому органу, который также в месячный срок должен произвести их проверку и выплатить гражданину причитающуюся ему сумму. Гражданин, не согласный с размером начисленного ему возмещения, может обжаловать его соответствующему прокурору, в суд.

Возможность обращения потерпевшего с иском в суд допускается лишь в отдельных случаях, в частности по требованиям о возврате имущества или возмещении его стоимости. Реабилитированный вправе обратиться в суд с требованием о возмещении имущественного вреда в течение сроков исковой давности, установленных Гражданским кодексом РФ, со дня получения извещения с разъяснением порядка возмещения вреда (ч. 2 ст. 135 УПК РФ). Пропу-

щенный срок исковой давности в соответствии со ст. 205 ГК РФ может быть восстановлен.

Данный порядок возмещения ущерба вписывается в действующую систему защиты гражданских прав, допускающую, в частности, их защиту в административном порядке в предусмотренных законом случаях (п. 2 ст. 11 ГК РФ).

Требование реабилитированного о возмещении имущественного вреда должно быть рассмотрено судом не позднее 1 месяца со дня его поступления (ч. 4 ст. 135 УПК РФ). О месте и времени судебного заседания должны быть извещены реабилитированный, его представитель и законный представитель (при их наличии), прокурор, соответствующий финансовый орган, выступающий от имени казны Российской Федерации, и другие заинтересованные лица.

Извещение указанных лиц допускается, в том числе, посредством СМС-сообщения в случае их согласия на уведомление таким способом и при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресату. Факт согласия на получение СМС-извещения подтверждается распиской, в которой наряду с данными об участнике судопроизводства и его согласием на уведомление подобным способом указывается номер мобильного телефона, на который оно направляется.

Исходя из положений ч. 1 ст. 133 УПК РФ и ч. 4 ст. 135 УПК РФ о возмещении вреда реабилитированному в полном объеме и с учетом уровня инфляции размер выплат, подлежащих возмещению реабилитированному, определяется судом с учетом индекса роста потребительских цен по месту работы или жительства реабилитированного на момент начала уголовного преследования, рассчитанного государственными органами статистики Российской Федерации в субъекте Российской Федерации на момент принятия решения о возмещении вреда.

Возмещение морального вреда, согласно ст. 136 УПК РФ, помимо компенсации морального вреда в денежном выражении, предусматривает принятие прокурором реабилитированному официального извинения от имени государства за причиненный ему вред; помещение в средствах массовой информации сообщения о реабилитации, если сведения о применении мер уголовного преследования в отношении реабилитированного были распространены в средствах массовой информации; направление письменных сообщений о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или по месту жительства.

Иски о компенсации морального вреда в денежном выражении в соответствии со ст. 136

УПК РФ предъявляются в порядке гражданского судопроизводства.

При определении размера денежной компенсации морального вреда реабилитированному суд учитывает степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, иные заслуживающие внимания обстоятельства, в том числе продолжительность судопроизводства, длительность и условия содержания под стражей, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, и другие обстоятельства, имеющие значение при определении размера компенсации морального вреда, а также требования разумности и справедливости. Мотивы принятого решения о компенсации морального вреда указываются в решении суда.

Помимо возмещения имущественного и морального вреда, реабилитированный имеет правовую возможность восстановить и другие нарушенные права. Так, в соответствии с трудовым законодательством гражданин восстанавливается в нарушенных трудовых правах: гражданину, освобожденному от работы (должности) в связи с незаконным осуждением либо отстраненному от должности в связи с незаконным привлечением к уголовной ответственности, должна быть предоставлена прежняя работа (должность), а при невозможности этого, например ликвидация предприятия, учреждения, организации, сокращение должности, а также наличие иных предусмотренных законом оснований, препятствующих восстановлению на работе (в должности), – другая равноценная работа (должность). Работа (должность) предоставляется гражданину не позднее месячного срока со дня обращения, если оно последовало в течение 3 месяцев с момента вступления в законную силу оправдательного приговора либо вынесения постановления (определения) о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

Время содержания под стражей, время отбывания наказания, а также время, в течение которого гражданин не работал в связи с отстранением от должности, засчитывается как в общий трудовой стаж, так и в стаж работы по специальности. Это время включается также в непрерывный стаж, если перерыв между днем вступления в законную силу оправдательного приговора либо вынесения постановления (определения) о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в

совершении преступления и днем поступления на работу не превышает 3 месяцев.

Происходит восстановление пенсионных прав. Согласно законодательству о трудовых пенсиях осужденные имеют право на получение пенсии. Возмещение неполученных пенсий и приравненных к ним выплат производится с индексацией, размеры которой определяются законодательными актами Российской Федерации на момент получения возмещаемых сумм.

Восстанавливаются жилищные права гражданина. В частности, гражданину, утратившему право пользования жилым помещением вследствие незаконного осуждения, возвращается ранее занимаемое им жилое помещение, а при невозможности возврата предоставляется в установленном порядке вне очереди в том же населенном пункте равноценное благоустроенное жилое помещение с учетом действующих норм жилой площади и состава семьи.

Реабилитированный гражданин в соответствии с ч. 2 ст. 138 УПК РФ может обратиться в суд по вопросу о восстановлении в воинском, специальном, почетном звании или классном чине, а также о возвращении ему государственных наград, которых он был лишен. Суд, рассмотрев требование в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ, и признав его обоснованным, должен указать на это в своем постановлении и в целях реализации прав реабилитированного направить копию постановления в соответствующий государственный орган для решения вопроса о восстановлении реабилитированного лица в воинском, специальном, почетном звании или классном чине, а также о восстановлении его в правах на государственные награды.

В случае смерти реабилитированного, исходя из положений ч. 2 ст. 134 УПК РФ, при наличии у суда, прокурора, следователя, дознавателя на момент вступления в законную силу решения о признании права на реабилитацию сведений о смерти реабилитированного и месте жительства его наследников, близких родственников, родственников или иждивенцев они обязаны направить данным лицам извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием. Если сведения о месте жительства указанных лиц отсутствуют, извещение должно быть направлено им не позднее 5 суток со дня их обращения в органы дознания, органы предварительного следствия, к прокурору или в суд.

Право требовать возмещения имущественного вреда, причиненного реабилитированному, в случае его смерти имеют его наследники.

Учитывая, что право на компенсацию морального вреда в денежном выражении неразрывно связано с личностью реабилитированного, оно в соответствии со ст. 1112 ГК РФ не входит в состав наследства и не может переходить в порядке наследования. Поэтому в случае смерти реабилитированного до разрешения поданного им в суд иска о компенсации морального вреда производство по делу подлежит прекращению, однако присужденная реабилитированному лицу, но не полученная им при жизни денежная компенсация морального вреда входит в состав наследства.

Исходя из того, что требование реабилитированного о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав подлежит рассмотрению в порядке исполнения приговора, постановление, принятое судом по его требованию, с учетом положений ст. 401, 402, 413 УПК РФ также может быть пересмотрено в порядке, установленном гл. 43–45, 48, 49 УПК РФ.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что процедура возмещения вреда реабилитируемым лицам в настоящее время совершенствуется, но конкретная работа правоохранительных органов и суда далека от совершенства, что приводит к затягиванию сроков рассмотрения дел, удорожанию судебной процедуры. Кроме того, в некоторых законах прямо определены органы, к которым могут быть предъявлены требования о возмещении вреда и которые сами возмещают вред.

Следует отметить, что ввиду отсутствия четкого механизма реализации нормы ст. 1070 ГК РФ даже суд сталкивается при рассмотрении требований истца с проблемой определения надлежащего ответчика. Так, судом Новоселицкого района Ставропольского края было принято решение признать действия должностных лиц незаконными и взыскать с Отдела МВД России по Новоселицкому району в пользу Василенко Н.С. 5000 рублей – оплата услуг представителя и 200 рублей уплаченной госпошлины. С данным решением Отдел МВД России по Новоселицкому району не согласился и 21 марта 2013 г. направил апелляционную жалобу в Ставропольский краевой суд. Судебная коллегия по административным делам Ставропольского краевого суда 14 мая 2013 г. в полном объеме отменила решение суда и прекратила производство по делу [1].

Статья 1070 ГК РФ определяет, что вред возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, – за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Впервые за время существования внедоговорной ответственности, предусмотренной п. 1 ст. 1070 ГК РФ, Гражданский кодекс предоставил Российской Федерации, субъекту Федерации и муниципальному образованию права предъявить регрессный иск к виновному должностному лицу (п. 3 ст. 1081 ГК РФ).

Согласно ст. 1071 ГК РФ в случаях, когда в соответствии с гражданским законодательством вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы либо другой орган, юридическое лицо, гражданин, если эта обязанность возложена на него (ст. 125 ГК РФ).

Однако на сегодняшний день в практике применения данной нормы существует ряд противоречий. Так, очень часто суды в качестве «ответчиков» по данным делам привлекают различные органы: от департамента финансов субъекта Федерации и территориальных органов федерального казначейства до соответствующих органов государственной власти и непосредственно должностных лиц.

С учетом существующего ныне разграничения компетенции орган местного самоуправления не может выдавать чек, на основании которого будет осуществляться возмещение причиненного гражданам ущерба за счет средств федерального бюджета. По тем же причинам гражданин не может обратиться и в финансовый орган субъекта Российской Федерации, который также не уполномочен распоряжаться средствами казны Российской Федерации.

Позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу однозначна: возложение материальной ответственности в связи с незаконным привлечением лица к уголовной ответственности на орган местного самоуправления противоречит закону.

Так, постановлением судьи на финансовый отдел администрации района возложена обязанность возместить ущерб гражданам в связи с незаконным привлечением их к уголовной ответственности.

Судебная коллегия, отменяя это постановление судьи по протесту, указала следующее: в соответствии со ст. 53 Конституции РФ вред, причиненный гражданину незаконным привлечением к уголовной ответственности, возмещается государством.

В силу ст. 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

В соответствии со ст. 1070, 1071 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате неза-

конного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством, – за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме.

Случаи, когда ущерб возмещается за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования, законодательством не определены.

Согласно Положению о Министерстве финансов РФ, утвержденному постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 329 [2], от имени казны Российской Федерации вы-

ступает Министерство финансов РФ. Однако данное министерство не привлечено в деле в качестве ответчика. В связи с тем, что финансовому управлению администрации города не поручалось в соответствии с п. 3 ст. 125 ГК РФ выступать от имени Министерства финансов РФ, оно не может быть признано надлежащим ответчиком по делу [3].

В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 указано, что к участию в делах по требованиям реабилитированных о возмещении имущественного вреда в качестве ответчика от имени казны Российской Федерации привлекается Министерство финансов РФ. Интересы Министерства финансов РФ в судах представляют по доверенности (с правом передоверия) управления Федерального казначейства по субъектам Российской Федерации [4].

1. *Определение Судебной коллегии по административным делам Ставропольского краевого суда от 14 мая 2013 г. [Электронный ресурс] // Ставропольский краевой суд. Судебная практика по административным делам. URL: <http://stavsud.ru/dokumenty-suda> (дата обращения: 20.10.2013).*

2. *О Министерстве финансов Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 329 (в ред. от 26.08.2013). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2013).*

3. *Положение о Министерстве финансов Российской Федерации: утв. постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 329 (в ред. от 26.08.2013). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2013).*

4. *О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2011 г. № 17 (с изм., внесенным постановлением Пленума от 9 февр. 2012 г. № 3). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2013).*

1. *Determination of Judicial board on administrative cases of the Stavropol regional court of May 14, 2013 [Electronic resource] // Stavropol regional court. Jurisprudence in administrative cases. URL: <http://stavsud.ru/dokumenty-suda> (date of access: 20.10.2013).*

2. *About the Ministry of finance of the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2004 № 329 (as amended of 26.08.2013). URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 20.10.2013).*

3. *Regulations of the Ministry of finance of the Russian Federation: approved with resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2004 № 329 (as amended of 26.08.2013). URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 20.10.2013).*

4. *About the practice of courts provisions of chapter 18 of the Criminal procedure code of the Russian Federation regulating rehabilitation in criminal proceedings: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Nov. 29, 2011 № 17 (as amended with the resolution of the Plenum of Febr. 9, 2012 № 3). URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 20.10.2013).*

**Непомнящая Ирина Станиславовна**

кандидат юридических наук,  
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин  
Волгоградской академии МВД России  
(тел.: +79199867006)

## *Коммерческая концессия или франчайзинг: проблема дефиниций*

В статье предпринимается попытка выделить основные критерии, в рамках которых соотносятся категории «договор коммерческой концессии» и «договор франчайзинга» в отечественном законодательстве. На основе анализа правовой природы франчайзинга предлагается авторское определение правовой категории «договор франчайзинга».

**Ключевые слова:** франчайзинг, коммерческая концессия, правообладатель, пользователь, франшиза.

**I.S. Nepomnyashaya**, Master of Law, Senior Teacher of a Chair of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79199867006.

**Commercial concession or franchise: the definition problem**

In the article attempt to identify the main criteria which relate to the category of «contract of commercial concession» and «franchise agreement» in the national legislation is undertaken. Based on the analysis of the legal nature of franchising author gives the definition of the legal category «franchising agreement».

**Key words:** franchising, commercial concession, owner, user, franchise.

**С**фера малого и среднего бизнеса постоянно развивается, что неизбежно ведет к появлению новых форм взаимодействия субъектов, задействованных в этой сфере. При этом, как показывает сложившаяся в стране ситуация, одной из наиболее выгодных форм такого сотрудничества является коммерческая концессия (франчайзинг), в рамках которой небольшой компании более крупная фирма предоставляет права выходить на рынок с использованием технологий и лицензий последней.

Следует отметить, что при достаточно развитых отношениях в рамках коммерческой концессии в США и Европе в России указанная область является малоурегулированной. В данном вопросе возникает очень много проблем правового характера, обусловленных тем, что договор коммерческой концессии является достаточно новым и малоизученным институтом в доктрине гражданского права. До принятия ныне действующего Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) коммерческая концессия (франчайзинг) не была известна отечественному законодательству.

Тем не менее, появление указанного института в системе гражданского права России закономерно, поскольку обусловлено существенными преимуществами, которые предоставляет коммерческая концессия. Так, например, лицо,

предоставляющее право использовать свои средства индивидуализации, освобождается от необходимости открывать филиалы и дочерние юридические лица, нанимать работников для осуществления соответствующей предпринимательской деятельности. Лицо, которое приобретает возможность использования таких средств индивидуализации, может работать под хорошо известным, зарекомендовавшим себя брендом, оставаясь при этом хозяином своего.

Бесспорно, все указанное выше свидетельствует о широком применении коммерческой концессии в предпринимательской деятельности. Тем не менее, как и любое относительно новое явление, коммерческая концессия имеет ряд неопределенностей как в сфере теории, так и в правоприменительной практике. Научных исследований по данной теме достаточно, но они не отражают на сегодняшний день те особенности, которые накладываются на указанные правоотношения в силу специфики национального законодательства.

Гражданский кодекс РФ оперирует термином «коммерческая концессия», хотя в доктрине гражданского права большинство авторов считают, что по своей сути она представляет собой франчайзинг. При этом важно отметить необходимость отличия франчайзинга и франшизы. На наш взгляд, сами термины «франчайзинг»

и «франшиза» отнюдь не идентичны. Франчайзинг – это способ организации и осуществления предпринимательской деятельности, представляющий собой систему отношений, основанных на договоре франчайзинга и иных сопутствующих договорах. Франшизой же, как правило, именуют комплекс исключительных прав, передаваемых по договору.

Рассматривая соотношение терминов «коммерческая концессия» и «франчайзинг», важно отметить, что большинство отечественных ученых сходятся во мнении о том, что гл. 54 ГК РФ регулирует именно отношения франчайзинга (М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой, А.А. Иванов, Е.А. Суханов и др.).

Поскольку употребление термина «франчайзинг» в литературе и нормативных актах России является бессистемным и фрагментарным, далее в настоящей статье мы будем отождествлять термины «договор коммерческой концессии» и «франчайзинг».

Термин «франчайзинг» происходит от французского слова «franchir» – «освобождение от рабства», определяющего право на свободу ведения какой-либо деятельности [1]. Данный термин упоминается в отечественной литературе [2; 3] и в некоторых подзаконных нормативных актах [4].

Как мы уже отмечали, в Гражданском кодексе РФ правовое регулирование отношений франчайзинга осуществляется путем регламентации договора коммерческой концессии в нормах гл. 54, что приводит к значительному сужению сферы регулирования соответствующих предпринимательских отношений.

Необходимо также заметить, что для обозначения франчайзинга в отечественной юридической и экономической литературе используются термины «франшизинг» и «френчайзинг».

Франчайзер именуется франчайзером, франшизиаром, франшизодателем или просто продавцом, а франчайзи – франшизиатом, франшизом, франчайзиатом, франшизополучателем и покупателем.

Более того, отсутствует единство по поводу содержания используемых терминов. Как считают Ф.Г. Панкратов и Т.К. Серегина, как правило, в России термин «франчайзинг» используют, преимущественно характеризуя определенную систему организации рыночных отношений в целом, а термин «франшиза» употребляется при характеристике договорных отношений между конкретными партнерами при реализации этой системы отношений на практике [5, с. 521].

Согласно позиции Л.А. Трахтенгерца понятия «франчайзинг» и «франшиза» являются равно-

значными, эквивалентными наименованию «коммерческая концессия» в российском праве [6, с. 614].

Таким образом, отечественное законодательство еще не знает четкой дефиниции франчайзинга, а сформулировать универсальное определение франчайзинга достаточно сложно. Тем более этот факт усугубляется отсутствием единой терминологической базы.

Так, по мнению В. Кора, франчайзинг – это «...понятие-хамелеон, содержание которого меняется в зависимости от вида рассматриваемых отношений. При этом одни исследователи дают определение самого франчайзинга, другие раскрывают отношения по франчайзингу через определение договора, которым опосредуются такого рода отношения» [6, с. 614].

В целом франчайзинг может быть определен как форма предпринимательской деятельности, основанная на системе взаимоотношений, закрепленных рядом соглашений, заключающаяся в возмездном предоставлении одной стороной (организацией, имеющей, как правило, ярко выраженный имидж и высокую репутацию на рынке товаров и услуг) другой стороне (организации или индивидуальному предпринимателю) своих средств индивидуализации производимых товаров, выполняемых работ или оказываемых услуг (товарный знак или знак обслуживания, фирменный стиль), технологии ведения бизнеса и другой коммерческой информации, использование которой другой стороной будет содействовать росту и надежному закреплению на рынке товаров и услуг [7, с. 25].

В указанных позициях единым является лишь то, что основная функция франчайзинга заключается в предоставлении правообладателем пользователю права использования комплекса исключительных прав в предпринимательской деятельности пользователя.

Подобная функция – это не что иное, как юридическая форма реализации экономической функции франчайзинговых отношений, заключающаяся в создании или расширении производственной, сбытовой сети для продвижения товаров или услуг, расширения рынка их сбыта.

Важно при этом отметить, что франчайзинг – это не просто покупка или продажа франшизы, это целый комплекс наисложнейших отношений.

Суть франчайзинга состоит в том, что, как правило, известная крупная компания предоставляет другому, «молодому» предприятию право вести предпринимательскую деятельность с использованием уже отработанной технологии, известного и популярного товарного знака, с возможностью обучения персонала и получения необходимых консультаций.

На основе вышеизложенного анализа сущности франчайзинга мы предлагаем следующее его определение: франчайзинг – это совокупность средств и приемов организации и осуществления предпринимательской деятельности, составляющих собой систему отношений, основанных на соглашении между лицом, предоставляющим комплекс исключительных и иных прав (франчайзером), и лицом, приобретающим данные права (франчайзи) для использования в различных сферах предпринимательской деятельности (производственной, торговой, посреднической и др.).

На наш взгляд, позиция, признающая предметом договора коммерческой концессии комплекс исключительных прав, представляется наиболее обоснованной, поскольку основной является цель договора, которая заключается в переходе комплекса правомочий от правообладателя к пользователю. Все остальные действия и обязательства сторон являются лишь иными существенными условиями договора, но не его предметом.

Более того, мы полагаем, что, рассматривая в качестве предмета договора коммерческой концессии комплекс исключительных прав, этот предмет можно разделить на две составляющие:

обязательный элемент предмета, без которого договор не может считаться заключенным; обязательным элементом комплекса является товарный знак и (или) знак обслуживания;

факультативный элемент предмета договора коммерческой концессии, т.е. тот элемент, который фиксируется в договоре по воле сторон, включает в себя другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, а также секрет производства (ноу-хау), коммерческое обозначение, деловую репутацию и коммерческий опыт.

Предлагается изложить п. 2 ст. 1027 ГК РФ в следующей редакции: «По договору коммерческой концессии использование комплекса исключительных прав, деловой репутации и

коммерческого опыта правообладателя должно предусматриваться в определенном объеме (в частности, с установлением минимального и (или) максимального объема использования), с обозначением территории использования применительно к определенной сфере предпринимательской деятельности».

В процессе реализации попытки выявить основные направления развития законодательства о франчайзинге мы считаем необходимым отметить следующее.

Об окончательном решении ряда проблем, связанных с правовым регулированием франчайзинга в России, пока говорить преждевременно. В частности, нуждается в более глубоком изучении вопрос о допустимости заключения договора коммерческой концессии в качестве правообладателя группой лиц, объединившихся на основе договора о совместной деятельности, если к моменту заключения договора о совместной деятельности указанные лица не обладают общими исключительными правами. Отсутствует универсальное решение проблемы дискриминации пользователя в рамках франшизной сети правообладателя и т.д.

Некоторые вопросы правового регулирования франчайзинга вообще не могут быть решены до тех пор, пока не будут внесены необходимые коррективы в нормы действующего гражданского законодательства. Так, условия и порядок раскрытия правообладателем пользователю информации на этапе, предшествующем заключению договора коммерческой концессии, должны быть предусмотрены законом. Требуется законодательного решения и вопрос о содержании договора мастер-франчайзинга.

Таким образом, достаточно молодой институт коммерческой концессии в России еще только набирает обороты. И еще только формируются те рамки, в которых предстоит развиваться такому удивительному правовому явлению, как «отечественный франчайзинг».

1. Лозовская С.О. Договор коммерческой концессии // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2009. № 5.

2. Сосна С.А. Новое в гражданском праве: франчайзинг // *Государство и право*. 1997. № 7.

3. Райников А.С. Договор коммерческой концессии. М., 2009.

4. Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ развития торговли: приказ Минпромторга РФ от 28 июля 2010 г. № 637. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Lozovskaya S.O. Contract of commercial concession // *Laws of Russia: experience, analysis, and practice*. 2009. № 5.

2. Sosna S.A. New in the civil law: franchising // *State and law*. 1997. № 7.

3. Raynikov A.S. Contract of commercial concession. Moscow, 2009.

4. On approval of methodological recommendations on the development of regional programs of development of trade: order of the Ministry of industry and trade of the Russian Federation of July 28, 2010 № 637. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

5. Панкратов Ф.Г., Серегина Т.К. *Коммерческая деятельность*. М., 2000.

6. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. О.Н. Садикова*. М., 2009.

7. Черепанова Е.А. *Франчайзинг в России: правовой аспект*. Екатеринбург, 2005.

5. Pankratov F.G., Seregina T.K. *Commercial activities*. Moscow, 2000.

6. *Commentary to the Civil code of the Russian Federation / ed. by O.N. Sadikov*. Moscow, 2009.

7. Cherepanova E.A. *Franchising in Russia: legal aspect*. Ekaterinburg, 2005.

**Устинова Лариса Геннадьевна**

кандидат социологических наук, доцент,  
начальник кафедры общеправовых дисциплин  
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583596)

## Особенности рассмотрения трудовых споров отдельных категорий дел

В статье проводится системный анализ теоретических и практических проблем трудовых споров с участием сотрудников ОВД в гражданском процессе, рассматривается правоприменительная практика, выявляются гражданско-процессуальные особенности трудовых споров с участием сотрудников ОВД.

**Ключевые слова:** трудовые споры, сокращение штата, увольнение сотрудника (работника) ОВД, восстановление на службу в ОВД, разрешение трудовых споров.

**L.G. Ustinova**, Master of Sociology, Assistant Professor, Head of a Chair of General Law Disciplines of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583596.

### The features of labour disputes of some categories of cases consideration

In the article the system analysis of theoretical and practical problems of labour disputes with participation of law-enforcement bodies officers in civil process is given, practice of its application is considered, civil-procedural features of labour disputes with participation of law-enforcement bodies officers are revealed.

**Key words:** labour disputes, downsizing, dismissal of employee (worker) of BIA, restore service in BIA, resolution of labour disputes.

За последние годы теоретические проблемы, связанные с процессуальными особенностями рассмотрения и разрешения судами трудовых споров с участием сотрудников ОВД, остаются малоизученными. Это подтверждается небольшим количеством публикаций по данной проблеме. Ранее в научных работах затрагивались процессуальные особенности рассмотрения трудовых споров в судах общей юрисдикции, но не исследовались особенности рассмотрения и разрешения судами дел, связанных с восстановлением на службе сотрудников ОВД.

Совокупный анализ юридической литературы позволяет утверждать, что на сегодняшний день практически отсутствуют работы, посвященные процессуальным особенностям рассмотрения судами трудовых споров с участием сотрудников ОВД, хотя правоприменительная практика требует научных разработок.

Более того, не всеми руководителями органов внутренних дел учитывается положение о том, что решение о восстановлении незаконно уволенного работника нужно выполнить незамедлительно (ст. 396 ТК РФ). При этом исполненным оно считается, если сотрудник допущен к выполнению прежних трудовых обязанностей

и отменен приказ о его увольнении (п. 1 ст. 106 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Работодатель на основании решения суда издает приказ по личному составу о восстановлении работника. Унифицированная форма приказов для такой ситуации не разработана, поэтому его составляют в свободной форме, но со всеми необходимыми реквизитами. До работника приказ доводят под роспись с указанием даты ознакомления.

По справедливому мнению О.Д. Ороевой [1, с. 2], основной причиной возникновения исков о восстановлении на службу в органах внутренних дел, взыскании денежного содержания за вынужденный прогул и компенсации морального вреда является несоблюдение порядка увольнения, предусмотренного действующим законодательством.

К примеру, сотрудник С. проходил службу в органах внутренних дел в специальном звании полковника юстиции в должности заместителя начальника одного из управлений Следственного комитета при МВД России. Он был уволен на основании приказа по личному составу МВД России приказом начальника Следственного комитета при МВД России по сокращению шта-

тов при осуществлении реорганизации СК при МВД России. В течение восьми месяцев находился за штатом, сразу после увольнения был принят на работу в Генеральную прокуратуру РФ и одновременно обратился в суд с иском о восстановлении на службе в органах внутренних дел. Решением суда С. был восстановлен на службе в органах внутренних дел. Решение не обжаловалось. После восстановления С. написал рапорт об увольнении по собственному желанию. Рапорт удовлетворен.

При рассмотрении дела в суде в качестве ответчика было привлечено лишь МВД России, т.к., по мнению суда, Следственный комитет не может быть ответчиком в связи с тем, что не является самостоятельным юридическим лицом. Решением Замоскворецкого районного суда г. Москвы [2, с. 3] восстановлен по формальным основаниям: в связи с тем, что вопреки требованиям инструкции, утвержденной приказом МВД России от 14 декабря 1999 г. № 1038 «О порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации», С. не был отдан в распоряжение соответствующего органа внутренних дел, а также не был уведомлен о предстоящем увольнении в письменной форме за два месяца до него.

Имеются и другие примеры. 7 ноября 2011 г. решением Ленинского районного суда г. Ставрополя удовлетворен иск сотрудника Р. о восстановлении на службе в органах внутренних дел Российской Федерации в равнозначной должности, взыскании денежного довольствия за время вынужденного прогула. Основной причиной удовлетворения требований данного искового заявления послужило некачественное проведение служебной проверки: вина истца в совершении грубого дисциплинарного проступка не доказана.

14 декабря 2011 г. Ленинским районным судом г. Ставрополя были удовлетворены требования бывшего сотрудника органов внутренних дел Ставропольского края К. о признании незаконным увольнения в связи с сокращением штатов, восстановлении на службе в органах внутренних дел Российской Федерации. Работодатель допустил увольнение, нарушив процедуру увольнения, т.к. не предложил все вакантные должности.

Основанием удовлетворения судом исковых требований о восстановлении Т. послужило нарушение им служебной дисциплины (отказ от медицинского освидетельствования) в период нахождения в отпуске. Суд мотивировал это тем, что в период нахождения в отпуске сотрудник не мог быть уволен за грубое нарушение служебной дисциплины, т.к. в соответствии с п. 3 ч. 2

ст. 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (далее – Федеральный закон № 342-ФЗ) грубым нарушением служебной дисциплины сотрудником органов внутренних дел является нахождение сотрудника на службе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения либо отказ сотрудника от медицинского освидетельствования на состояние опьянения, в свою очередь, ч. 4 ст. 85 данного Федерального закона запрещает увольнять сотрудника в период временной нетрудоспособности либо в период его пребывания в отпуске.

По иску М. о восстановлении на службе было заключено мировое соглашение в связи с тем, что его уволили в период его временной нетрудоспособности в нарушение ч. 4 ст. 85 Федерального закона № 342-ФЗ, запрещающей увольнение сотрудника в период его временной нетрудоспособности. Также в отношении данного сотрудника была нарушена процедура увольнения, а именно увольнение произошло в день отказа сотрудника от дачи объяснений в рамках служебной проверки. Федеральным законодательством, в частности Трудовым кодексом РФ (ст. 193), установлено, что до применения дисциплинарного взыскания работодатель должен затребовать от работника письменное объяснение. Если по истечении двух рабочих дней указанное объяснение работником не предоставлено, то составляется соответствующий акт. Поскольку специальное законодательство в сфере внутренних дел не регулирует данный вопрос, следует руководствоваться нормами ТК РФ и соблюдать двухдневный срок до увольнения сотрудника (привлечения к дисциплинарной ответственности) со дня отказа им от дачи объяснений.

Спорным в практике применения норм Федерального закона № 342-ФЗ также является вопрос о том, имеет ли право вышестоящий руководитель утверждать заключение служебной проверки, назначенной нижестоящим руководителем, в случаях применения к сотруднику дисциплинарного взыскания в виде увольнения. Согласно ч. 8 ст. 52 Федерального закона № 342-ФЗ заключение по результатам служебной проверки подписывается лицами, ее проводившими, и утверждается руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем, принявшими решение о проведении служебной проверки. Вместе с тем, согласно ч. 4 ст. 51 Федерального закона № 342-ФЗ, если на сотрудника органов внутренних дел необходимо наложить такое дисциплинарное взыскание, которое соответствующий руководитель

(начальник) не имеет права налагать, он ходатайствует о наложении этого дисциплинарного взыскания перед вышестоящим руководителем (начальником).

Таким образом, основными причинами удовлетворения исков послужили следующие факторы (увольнение производилось с нарушением процедуры):

1) в период временной нетрудоспособности и нахождения в отпуске (во многих случаях имело место злоупотребление правом со стороны сотрудников: не уведомление работодателя о периодах нетрудоспособности);

2) несвоевременное направление уведомлений об увольнении (отсутствие доказательств направления уведомлений), несвоевременная выдача трудовых книжек;

3) при увольнении по сокращению штатов не предлагаются вакантные должности;

4) при увольнении по результатам проведения служебных проверок судами устанавливается некачественное проведение служебных проверок ответственными лицами (отсутствие в материалах проверок объяснений сотрудников, не в полном объеме установление доказанности вины сотрудника в совершении проступка, обстоятельств совершения проступка);

5) несоразмерность тяжести совершенного проступка и степени дисциплинарного воздействия, а также неправильное применение оснований к увольнению.

Основными причинами восстановления сотрудников органов внутренних дел на службе являются формальные факторы, связанные, как правило, с нарушением юридических оснований, процедуры и порядка увольнения. Так, с должности начальника одного из управлений ГУВД г. Москвы за грубое нарушение служебной дисциплины был уволен сотрудник М., полковник милиции. Решением Замоскворецкого районного суда ЦАО г. Москвы от 18 ноября 2009 г. он был восстановлен в ранее занимаемой должности. С ГУВД г. Москвы взыскано в его пользу денежное содержание за вынужденный прогул, а также 2000 рублей в счет компенсации морального вреда.

Основанием для восстановления М. явились неоднократные нарушения процедуры его увольнения, допущенные сотрудниками Управления кадров ГУВД г. Москвы. Ими не были осуществлены необходимые действия по фиксации факта нарушения М. служебной дисциплины (не проведены надлежащим образом служебная проверка и аттестация), пропущены сроки привлечения к дисциплинарной ответственности. К тому же М. незаконно был

освобожден от занимаемой должности и отдан в распоряжение ГУВД г. Москвы (хотя по утверждению самого М. в суде, это было сделано по «настоятельной просьбе» руководителя ГУВД г. Москвы).

Таким образом, на практике возникают случаи, когда сотрудники ОВД, желающие продолжать службу в органах внутренних дел, не обращаются за судебной защитой своих трудовых прав, а активно данное конституционное право используется лишь при увольнении.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. определяет подсудность трудового спора, беря за критерий предмет проверки – законность увольнения.

Постановлением установлено: «...Дела по искам работников, с которыми уже прекращены трудовые отношения, о признании увольнения незаконным и об изменении формулировки причины увольнения также подлежат рассмотрению районным судом, поскольку по существу предметом проверки в этом случае является законность увольнения».

Дела по искам сотрудников, служебно-трудовые отношения с которыми прекращены, о признании увольнения незаконным и об изменении формулировки причины увольнения также подлежат рассмотрению районным судом, поскольку по существу предметом проверки в этом случае является незаконность увольнения.

Следует отметить, что первый этап совершенствования производства по делам, связанным с восстановлением на службе незаконно уволенных сотрудников органов внутренних дел, должен быть связан с иском заявлением о восстановлении на службе сотрудника органа внутренних дел, которое подается в районный суд в месячный срок со дня вручения ему копии приказа об увольнении или со дня выдачи трудовой книжки либо со дня, в который сотрудник отказался от получения приказа об увольнении или трудовой книжки.

При рассмотрении споров о восстановлении на службе судам надлежит обращать внимание на следующее:

по инициативе сотрудника ОВД или работодателя расторгнут контракт;

соответствуют ли основания и формулировка увольнения, указанные в приказе, трудовой книжке, закону и действительным причинам увольнения;

соблюдены ли порядок данного увольнения, сроки выдачи трудовой книжки, сроки денежного расчета с сотрудником ОВД;

соблюдены ли правила увольнения по данному основанию;

какова сумма, которая может быть взыскана при оплате вынужденного прогула в случае восстановления сотрудника ОВД;

не имеет ли сотрудник ОВД дополнительные гарантии и преимущественное право при увольнении, и соблюдены ли они (при увольнении несовершеннолетних, беременных женщин, членов профкома, женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, в период временной нетрудоспособности и др.).

Как показывает судебная практика, ч. 1 ст. 179 ТК РФ относится к числу норм, регламентирующих порядок увольнения в связи с сокращением штата работников. Она определяет основанное на объективных критериях правило отбора работников для оставления на работе. Правильность применения работодателем указанных критериев при проведении мероприятий по сокращению численности или штата работников по заявлению работника может быть проверена в судебном порядке.

Анализ судебной практики за период с 2007 г. по настоящее время свидетельствует о том, что работодатель допускает различные нарушения порядка увольнения работника при проведении сокращения штата или численности персонала. Поэтому Верховный Суд РФ неоднократно обращал внимание судов, прежде всего, на необходимость тщательной проверки того, происходит ли реальное сокращение штата или численности работников, в том числе при реорганизации предприятий, учреждений, организаций (ныне ст. 75 ТК РФ). Если в суде не будет доказан факт реального сокращения рабочих мест, увольнение по данному основанию не может быть признано законным.

Необходимо различать трудовую статус работника и сотрудника органов внутренних дел. Особенности, отличающими работника от сотрудника органов внутренних дел, являются следующие: во-первых, работники заключают трудовой договор, а не контракт, как сотрудники полиции; во-вторых, работники не имеют специальных званий; в-третьих, на них в полном объеме распространяются нормы Трудового кодекса с особенностями, предусмотренными специальными нормативными правовыми актами.

В ТК РФ необходимо определить правовой статус работника органов внутренних дел. При этом следует исходить из того, что работник органов внутренних дел – это физическое лицо, не имеющее специального звания, обладающее трудовым статусом, которое на основании заключенного с органом внутренних дел трудового договора лично выполняет трудовую

функцию с подчинением правилам внутреннего трудового распорядка и получает за свой труд заработную плату в полном размере и в установленные сроки.

В целях совершенствования правового регулирования труда работников органов внутренних дел МВД России необходимо принять инструкцию, регуливающую их труд, которой нужно придать статус нормативного правового акта, обладающего приоритетом над другими актами МВД России по предмету правового регулирования, т.е. в ней должно быть установлено, что регулирование труда работников органов внутренних дел осуществляется данной инструкцией, а новые нормы приказов МВД России, регулирующие труд работников органов внутренних дел, подлежат включению в нее и не должны ей противоречить.

На всех работников органов внутренних дел целесообразно заводить личные дела. Личное дело на лиц, допущенным к секретным и совершенно секретным работам и документам, должно содержать два раздела: секретный и несекретный. В секретном разделе должны быть сосредоточены документы, отражающие результаты проверки, осуществляемой с помощью оперативно-розыскных мероприятий, а в несекретном – иные документы.

Характеризуя динамическую составляющую трудовых отношений работников органов внутренних дел, можно сказать, что их стабильность следует связывать не с длительностью работы в определенном подразделении органа внутренних дел, а с неизменностью правового статуса работника, которая проявляется, прежде всего, в постоянстве выполняемой трудовой функции и сохранении гарантий, компенсаций и льгот. Что же касается изменения трудовых отношений работников органов внутренних дел, то чаще всего они связаны с изменением: 1) законодательства и ведомственных нормативных правовых актов МВД России, регулирующих трудовые и связанные с ними отношения; 2) правового положения органа внутренних дел; 3) трудовых функций или условий работы. Во всех органах внутренних дел необходимо принять локальные нормативные акты, регулирующие порядок проведения аттестации работников органов внутренних дел, которые должны соответствовать Конституции Российской Федерации, Трудовому кодексу Российской Федерации, международным договорам Российской Федерации и другим федеральным законам. Между органами внутренних дел и лицами, оказывающими им конфиденциальное

содействие в борьбе с преступностью, могут возникать трудовые отношения.

Эти отношения основаны: 1) на соглашении; 2) на выполнении лицом трудовой функции; 3) на подчинении конфиденанта определенным правилам трудового распорядка; 4) на обеспечении органом внутренних дел условий труда.

Исходя из этого, лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам внутренних дел на постоянной основе и получающих за это ежемесячную плату, следует считать работниками органов внутренних дел.

С лицами, оказывающими конфиденциальное содействие органам внутренних дел на постоянной основе и получающими за это ежемесячное денежное вознаграждение, следует заключать не контракт, а трудовой договор. Именно на них распространяется действие ч. 6 ст. 18 Закона об ОРД, а именно: лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находятся под защитой государства.

Государство гарантирует лицам, изъявившим согласие содействовать по контракту органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, выполнение своих обязательств, предусмотренных контрактом, в том числе гарантирует правовую защиту, связанную с правомерным выполнением указанными лицами общественного долга или возложенных на них обязанностей.

При возникновении реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество отдельных лиц в связи с их содействием органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а равно членов их семей и близких эти органы обязаны принять необходимые меры по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, предусмотренной законом Российской Федерации.

Лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с нормами законодательства Российской Федерации.

Лица, сотрудничающие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, либо оказавшие им помощь в раскрытии престу-

плений или установлении лиц, их совершивших, могут получать вознаграждения и другие выплаты. Полученные указанными лицами суммы вознаграждений и другие выплаты налогами не облагаются и в декларациях о доходах не указываются.

Период сотрудничества граждан по контракту с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в качестве основного рода занятий включается в трудовой стаж граждан. Указанные лица имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии с нормами законодательства Российской Федерации.

Трудовой договор между органом внутренних дел и конфиденантом должен составляться в одном экземпляре и храниться только в органе внутренних дел по правилам секретного производства.

Наиболее перспективным вариантом правового регулирования труда лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам внутренних дел, будет принятие федерального закона, регулирующего труд и социальную защиту конфиденантов.

Специфика регулирования оплаты труда и материального обеспечения работников органов внутренних дел заключается в том, что в настоящее время существует ряд нормативных актов, устанавливающих особенности в данной сфере. Эти нормативные акты можно объединить в четыре группы: 1) федеральные законы; 2) подзаконные; 3) ведомственные; 4) локальные акты.

Реализация трудовых прав в сфере оплаты труда и материального обеспечения для работников органов внутренних дел усложнена по сравнению с другими категориями работников, а получение денежных средств (заработной платы) работником возможно только при их поступлении на соответствующую статью расходов органа внутренних дел.

В органах внутренних дел присутствует дискриминационный подход (по территориальному нахождению) к оплате труда работников, что нарушает принцип, декларированный ч. 37 Конституции РФ, согласно которой каждый человек имеет право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации. Такая практика не соответствует ч. 1 ст. 129 ТК, определяющей, что компенсационные и стимулирующие выплаты должны обуславливаться тяжелыми и особыми условиями работы, а также определяться сложностью, количеством, качеством и условиями деятельности.

В целях совершенствования оплаты труда работников органов внутренних дел, участвующих во внебюджетной деятельности, МВД России необходимо принять нормативный правовой акт, регламентирующий внебюджет-

ную деятельность органов внутренних дел и, соответственно, порядок оплаты труда участвующих в ней работников, в том числе и тех, которые состоят на должностях, оплачиваемых из бюджета.

---

1. Ороева О.Д. Досудебное урегулирование трудовых споров с участием сотрудников ОВД // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. № 8.

2. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2009 г. (по гражданским делам): утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 12 марта 2009 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 2009. № 7.

---

1. Oroeva O.D. Pre-trial settlement of labour disputes involving the employees of the Internal Affairs Bodies // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences. Postgraduate notebook. 2007. № 8.

2. Overview of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the fourth quarter of 2009 (civil division): approved with resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of March 12, 2009 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. № 7.

**Арсналиев Муслим Аскералиевич**

преподаватель кафедры гражданского права  
филиала Московского института предпринимательства и права  
(г. Махачкала)  
(e-mail: vpkam@rambler.ru)

## Особенности государственной регистрации публичных сервитутов

В статье рассматриваются особенности регистрации сервитутов как ограниченных вещных прав на объекты недвижимого имущества, порядок регистрации публичных сервитутов на земельный участок. Обосновывается вывод о том, что в случае принятия нормативного акта об установлении публичного сервитута и уклонения собственника объекта недвижимости от регистрации сервитута суд вправе по иску пользователей, указанных в акте об установлении сервитута, принять решение о регистрации.

**Ключевые слова:** сервитут, государственная регистрация прав на недвижимое имущество, публичный сервитут, ограничения права собственности, государственный реестр прав, право собственности на земельный участок.

**M.A. Arsnaliev**, Teacher of a Chair of Civil Law of branch of the Moscow Institute of Entrepreneurship and Law (Makhachkala); e-mail: vpkam@rambler.ru

### Features state registration of public easements

The article discusses the features of the registration of easements as limited real rights to immovable property, considers the procedure for registration of public easements on land. The conclusion is that in the case of a regulation on the establishment of a public easement and evading the owner of the property from the registration of the easements the court may, at the suit of users specified in the act of easements, to take a decision on registration.

**Key words:** easement, state registration of rights to immovable property, public easement, restriction of the right of property, state register of rights, right to ownership of the land.

Государственная регистрация является юридическим фактом признания, а также подтверждения государством установления сервитута и доказательством его существования. Осуществление государственной регистрации сервитутов имеет большое значение для реализации собственниками земельных участков, арендаторами, иными титульными владельцами своих прав и законных интересов. Эта информация имеет существенное значение при совершении гражданско-правовых сделок с земельными участками в связи с тем, что сервитут сохраняется при переходе прав на земельный участок, обремененный сервитутом, к иным лицам. Следует иметь в виду, что это правило, установленное законом, действует независимо от его наличия в качестве условия в содержании договора.

Осуществление государственной регистрации сервитута дает возможность приобретателю получить информацию о его наличии. Соответствующие права возникают с момента внесения записи в Единый государственный реестр прав

на недвижимое имущество и сделок с ним, ведение которого предусмотрено постановлением Правительства РФ от 18 февраля 1998 г. № 219 «Об утверждении правил ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (в редакции постановлений Правительства РФ от 23 декабря 1999 г. № 1429, от 3 октября 2002 г. № 731, от 3 сентября 2003 г. № 546, от 12 ноября 2004 г. № 627), т.е. с момента государственной регистрации.

Регистрация сервитутов допускается только при существовании государственной регистрации возникшего ранее права на земельный участок в Едином государственном реестре прав. В правоустанавливающих документах об установлении сервитута должны содержаться следующие сведения: наименование сервитута, содержание предоставляемых сервитутом ограниченных вещных прав, границы пространства сервитута, кадастровый номер служащего земельного участка, на котором устанавливается сервитут, кадастровый номер господствующего земельного участка, дата

возникновения правоотношения, срок действия сервитута, размер платы за пользование сервитутом (если он установлен).

Государственная регистрация публичного сервитута осуществляется путем подачи заявления органом государственной власти или органом местного самоуправления с представлением заверенной надлежащим образом копии решения об установлении сервитута на земельный участок.

Перечень документов, требуемых для регистрации публичного земельного сервитута, закрепляется в специальных актах субъекта Российской Федерации или муниципального образования. К таким документам относятся: заявление о регистрации, копия документа, подтверждающего уплату пошлины за государственную регистрацию сервитута, копия постановления органа местного самоуправления об установлении сервитута, план земельного участка с указанием сферы действия сервитута, выданный органом кадастрового учета, либо технический паспорт с нанесением сервитутов на объект недвижимости, выданный органом технического учета. Если действие публичного сервитута распространяется на весь земельный участок, то кадастровый план не требуется (ст. 27 Закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»).

Государственный кадастровый учет проводится в соответствии с Федеральным законом «О государственном земельном кадастре». В нем предусмотрено, что в Едином государственном реестре земель содержатся сведения о зарегистрированных в установленном порядке ограничениях (обременениях); сведения о правах на земельные участки и об ограничениях (обременениях) этих прав вносятся в Единый государственный реестр земель на основании сведений Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а также на основании иных документов о правах на земельные участки, являющихся юридически действительными на момент внесения указанных сведений в государственный земельный кадастр.

Таким образом, по смыслу Федерального закона «О государственном земельном кадастре», сведения об ограничениях (обременениях) прав на земельные участки вносятся в Единый государственный реестр земель после их регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Такой порядок ведения государственного кадастрового учета, на наш взгляд, представляется неточным, поскольку для государственной

регистрации прав на земельные участки, ограничений (обременений) этих прав земельный участок должен, прежде всего, пройти государственный кадастровый учет, и лишь после него проводится государственная регистрация прав и ограничений (обременений) прав на земельные участки.

Кроме этого, в Федеральном законе «О государственном земельном кадастре» термин «сведения о правах на земельные участки и об ограничениях (обременениях) этих прав» ясно не связан с занесением сведений о публичном сервитуте в Единый государственный реестр земель.

Поэтому мы убеждены, что на сегодня незрела актуальная необходимость в уточнении рассмотренных правовых норм Федерального закона «О государственном земельном кадастре» в части занесения сведений о публичном сервитуте в Единый государственный реестр земель на основании правового акта о его установлении.

После занесения сведений о публичном сервитуте в Единый государственный реестр земель проводится информирование собственников земельных участков об установлении публичного сервитута и занесение данных об ограничениях прав в использовании земельных участков, прошедших государственный кадастровый учет, в Единый государственный реестр прав.

Государственная регистрация ограничений, а также обременений права собственности и иных вещных прав правами третьих лиц может осуществляться по инициативе субъектов вещных прав либо лиц, приобретающих названные права.

Если ограничение либо обременение регистрируется не обладателем титула, то регистрация осуществляется по правилам, установленным ст. 16 Федерального закона для регистрации договоров и сделок, при обязательном уведомлении правообладателей о зарегистрированном ограничении либо обременении.

Государственная регистрация ограничений или обременений прав, установленных в соответствии с законодательством в публичных интересах органами государственной власти и органами местного самоуправления, осуществляется по инициативе указанных органов с обязательным уведомлением правообладателей обременяемого объекта недвижимости. Уведомление правообладателей обременяемого объекта недвижимости направляется органом, осуществляющим госрегистрацию прав и их обременений. Срок подачи уведомления не

должен превышать пять рабочих дней со дня осуществления государственной регистрации.

Таким образом, нуждаются в уточнении следующие вопросы. Во-первых, о том, могут ли органы публичных образований, если право собственности не зарегистрировано, заставить собственника служащего земельного участка, права которого будут обременяться, зарегистрировать свое право, предоставить правоустанавливающие документы. Во-вторых, кто будет компенсировать ему затраты на проведение землеустроительных и кадастровых работ, регистрационный сбор? Как нам представляется, эти затраты должны быть возложены на заинтересованную сторону.

Для государственной регистрации публичных сервитутов, установленных в целях обеспечения строительства, эксплуатации, ремонта, реконструкции и охраны линейных сооружений, на наш взгляд, необходимо внести дополнения в федеральные законы, уточняющие порядок государственной регистрации публичных сервитутов.

Во-первых, целесообразно внести дополнение в п. 9 ст. 23 Земельного кодекса РФ, предусматривающее, что публичные сервитуты подлежат государственной регистрации как ограничения (обременения) в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Во-вторых, необходимо внести дополнение в определение термина «ограничения (обременения)» в ст. 1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», дополнив перечень примеров, содержащихся в скобках, словами «публичные сервитуты».

В-третьих, следует также уточнить правило ст. 27 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», указав, что при установлении публичного сервитута с целью осуществления строительства линейных сооружений, а также их эксплуатации, ремонта, реконструкции и охраны соответствующие ограничения (обременения) регистрируются в отношении земельных участков, прошедших государственный кадастровый учет. Регистрация ограничений (обременений) в отношении вновь образуемых земельных участков и земельных участков, не прошедших государственный кадастровый учет, проводится при наличии государственной регистрации прав на эти земельные участки.

Размер оплаты за госрегистрацию публичного сервитута земельного участка устанавливается

актами субъектов Российской Федерации. При этом он не должен превышать максимальный размер, установленный Правительством РФ. Согласно постановлению Правительства РФ от 16 февраля 1998 г. № 248 «Об установлении максимального размера платы за государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним и за предоставление информации о зарегистрированных правах» [1] максимальный размер платы за госрегистрацию публичного сервитута для физических лиц составляет 500 руб., для юридических лиц – 7500 руб. Минимальный размер платы за публичный сервитут на уровне Правительства РФ не установлен. Размер платы за регистрацию публичного сервитута может быть привязан к минимальному размеру оплаты труда. К примеру, в Республике Калмыкия он составляет 0,5 МРОТ для физических лиц и 1 МРОТ для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [2], в Ленинградской области плата за регистрацию публичного сервитута не взимается [3].

В Инструкции города Москвы, утвержденной приказом Москорегистрации от 12 октября 2000 г. № 109-П [4], а также в актах целого ряда иных субъектов Российской Федерации установлено, что оплата осуществляется по взаимному соглашению одной из сторон договора об установлении публичного сервитута при наличии доброй воли соответствующей стороны. Как нам представляется, такие правила уместны для регистрации не публичных, а частных сервитутов. Например, в соответствии с постановлением Правительства Кировской области от 14 мая 2002 г. инициатор установления публичного земельного сервитута, после получения решения об установлении сервитута, обеспечивает проведение государственной регистрации за свой счет (п. 2.5 постановления). На наш взгляд, и в других субъектах Российской Федерации было бы целесообразно при отсутствии прямого упоминания обязанность по оплате регистрации публичного сервитута возлагать на инициатора установления публичного сервитута.

Если в отношении земельного участка установлено несколько сервитутов, то каждый из них подлежит государственной регистрации с внесением соответствующей записи в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним [5].

Можно предположить ситуацию, когда собственник обремененного земельного участка, несмотря на принятое государственным органом на основе общественных слушаний решение об установлении публичного земельного сервитута, отказывается осуществлять регистрацию

публичного сервитута. В качестве одного из способов разрешения такой ситуации предлагается ввести правила о том, что если нормативный акт об установлении публичного сервитута не противоречит действующему законодательству, а собственник служащего объекта недвижимости уклоняется от регистрации публичного сервитута, то суд вправе по требованию любого пользователя, определенного в акте об установлении сервитута, вынести решение о регистрации. Таким образом, публичный сервитут регистрировался бы в соответствии с решением суда. Аналогичное правило применительно к сделкам, требующим государственной регистрации, закреплено в п. 3 ст. 165 ГК РФ, где предусмотрено, что «если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но одна из сторон уклоняется от ее регистрации, суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о регистрации сделки. В этом случае сделка регистрируется в соответствии с решением суда».

Создание объектов инженерной и транспортной инфраструктуры и их развитие, в том числе линейных сооружений, должно быть предусмотрено в документах территориального планирования и документах градостроительного зонирования.

В целях обеспечения строительства, эксплуатации, ремонта, реконструкции и охраны новых линейных сооружений публичный сервитут может быть установлен, как уже отмечалось ранее, лишь на основании документов территориального планирования и документов градостроительного зонирования (при их наличии), пред-

усматривающих создание и развитие объектов инженерной и транспортной инфраструктуры.

Для этой цели следует уточнить отдельные положения Градостроительного кодекса РФ, касающиеся содержания генеральных планов поселений и городских округов в части охранных зон линий связи, электрических сетей и трубопроводов (подп. 10 п. 6 ст. 23), определения зоны инженерной и транспортной инфраструктур в части линий электропередачи и охранных зон линий связи, электрических сетей и трубопроводов (п. 8 ст. 35), содержания проекта планировки территории в части линий электропередачи и охранных зон линий связи, электрических сетей и трубопроводов (подп. «б» п. 3 ст. 42).

Взаимосвязь документов градостроительного планирования, зонирования и публичных сервитутов не определена в числе оснований установления публичных сервитутов, предусмотренных в п. 3 ст. 23 Земельного кодекса РФ.

Поэтому в Земельный кодекс РФ следует внести дополнение о том, что публичный сервитут может быть установлен в целях обеспечения строительства, эксплуатации, ремонта, реконструкции и охраны новых линейных сооружений лишь на основании документов территориального планирования и (или) документов градостроительного зонирования, предусматривающих создание и развитие объектов инженерной и транспортной инфраструктуры. При отсутствии документов территориального планирования или документов градостроительного зонирования требуется их разработка в соответствии с Градостроительным кодексом РФ.

1. Собр. законодательства РФ. 1998. № 9. Ст. 1121.

2. Об утверждении Положения о плате за государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним и предоставление информации о зарегистрированных правах: постановление Правительства Республики Калмыкия от 19 июня 2002 г. // Известия Калмыкия. 2003. 28 июня.

3. О плате за государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, за предоставление информации о зарегистрированных правах, выдачу копий договоров и других документов, выдачу свидетельств о государственной регистрации прав, внесение изменений в Единый государственный реестр прав на территории Ленинградской области: постановление Правительства Ленинградской области от 31 окт.

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 9. Art. 1121.

2. On approval of the Regulations on payment for the state registration of rights to immovable property and transactions therewith and the provision of information on registered rights: resolution of the Government of the Republic of Kalmykia of June 19, 2002 // Bulletin of Kalmykia. 2003. June 28.

3. On payment for the state registration of rights to immovable property and transactions therewith, for providing information on registered rights, the issuance of copies of contracts and other documents, the issuance of certificates of state registration of rights, changes in the Unified state register of rights on the territory of the Leningrad region: resolution of the Government of the Leningrad region of Oct. 31, 2003 // Bull. of the Government of the Leningrad region. 2003. № 3.

2003 г. // *Вестн. Правительства Ленинградской области*. 2003. № 3.

4. Инструкция по приему документов на регистрацию земельных отношений: утв. приказом Москомрегистрации от 12 окт. 2000 г. № 109-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2008.

5. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / под ред. С.А. Боголюбова, Е.Л. Мининой. 2-е изд., перераб. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2008.

4. *Instructions for receiving documents for registration of land relations: approved with the order of Moscomregistration of Oct. 12, 2000 № 109-P. Access from legal-reference system «ConsultantPlus», 2008.*

5. *Comment to the Land code of the Russian Federation / ed. by S.A. Bogolyubov, E.L. Minina. 2nd ed., rev. and add. Access from legal-reference system «ConsultantPlus», 2008.*

**Ерофеева Евгения Александровна**инспектор группы обеспечения учебного процесса  
Московского университета МВД России  
(e-mail: lgi-86@bk.ru)

## *Проблемы защиты чести, достоинства и деловой (профессиональной) репутации в системе МВД России*

В статье анализируется правовое обеспечение защиты чести, достоинства и деловой (профессиональной) репутации в системе МВД России. На этой основе автор формулирует предложения по его совершенствованию.

**Ключевые слова:** честь, достоинство, деловая репутация, гражданско-правовая защита.

**E.A. Erofeeva**, Inspector of the Group of Support of Educational Process of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: lgi-86@bk.ru

### **Problems of protection of honor, dignity and business (professional) reputation in the system of the Ministry of the Interior of Russia**

The article analyzes the legal protection of honor, dignity and business (professional) reputation in the system of the Ministry of the Interior of Russia. On this basis the author formulates proposals for its improvement.

**Key words:** honour, dignity, business reputation, civil-legal protection.

Представление о полиции, как показывают результаты социологических исследований, в наибольшей степени формируется за счет теле- и радиопередач, общения с близкими, через печатную прессу и личный опыт, причем доля респондентов, отметивших влияние средств массовой информации, за прошедшие три года выросла [1]. При этом все острее стоит вопрос о достоверности излагаемых в них сведений о деятельности полиции, не вполне адекватных оценках принимаемых ими действий и решений. Более того, из мониторинга СМИ, как отмечает начальник Договорно-правового департамента А.Г. Авдейко, следует, что «в отношении ОВД публикуется больше отрицательной информации, чем в отношении Министерства обороны, Генеральной прокуратуры, ФСБ, МЧС, ФНС России и других федеральных органов исполнительной власти» [2]. Однако при большом количестве весьма критических публикаций количество исков, направленных на защиту чести, достоинства и репутации сотрудников, остается крайне незначительным. Более того, даже редкие попытки отстоять свои законные интересы, как правило, вызывают новую волну негативных реакций со стороны СМИ. Это, в свою очередь, требует разработки и принятия комплекса организационно-правовых мер, направленных на совершенствование ме-

ханизмов защиты чести, достоинства и деловой (профессиональной) репутации.

В настоящее время приходится констатировать, что в действующем законодательстве существует ряд пробелов, препятствующих эффективной реализации мер правовой защиты, как того требует приказ МВД России от 2 октября 2012 г. № 900 «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России».

Прежде всего, следует обратить внимание, что гарантии защиты в Законе о полиции (ст. 30) связываются только с преступными посягательствами на рассматриваемые нематериальные блага, что, на наш взгляд, вряд ли оправданно, поскольку ставит под сомнение эффективность предоставляемой защиты. С формально-юридической точки зрения это означает, что сотрудник полиции получает поддержку государства только в том случае, если посягательство на его честь, достоинство и репутацию содержит в себе признаки состава преступления. Поэтому более корректной представляется формулировка, предлагаемая в Федеральном законе от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ (в редакции от 08.12.2011) «О внешней разведке» [3], ст. 20 которого предусматривает защиту от любых противоправных посягательств. Аналогичный подход реализуется в Федеральном законе

от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (в редакции от 08.12.2011) «О государственной охране» [4] и Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в редакции от 25.06.2012) «О статусе военнослужащих» [5].

С учетом изложенного представляется необходимым закрепить в ч. 6 ст. 30 Закона о полиции положение о том, что государственная защита предоставляется сотруднику полиции и членам его семьи от любых противоправных посягательств в связи с выполнением им служебных обязанностей.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что МВД России, ставя перед собой задачу по организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации, не имеет достаточных нормотворческих полномочий в этой сфере. С одной стороны, на основании п. 7 ст. 3 ГК РФ за министерствами и иными федеральными органами исполнительной власти признаются полномочия издавать акты, содержащие нормы гражданского права. Однако они могут реализовать их лишь в случаях и в пределах, предусмотренных самим Кодексом, а также другими законами и иными правовыми актами. Таким образом, законодатель ограничил произвольное ведомственное нормотворчество в гражданско-правовой сфере.

Как следует из анализа действующего законодательства, МВД России не наделено полномочиями издавать нормативные правовые акты по вопросам защиты чести, достоинства и деловой (профессиональной) репутации. Вряд ли соответствующие полномочия можно вывести и из общих положений о Министерстве, а также перечня выполняемых им функций, как это в свое время было сделано ФАС СЗО в отношении Минобороны России на основе систематического толкования п. 7 ст. 3 ГК РФ, а также п. 1, пп. 36 п. II действовавшего тогда Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 11 ноября 1998 г. № 1357 (утратил силу) [6]. Упомянутый выше приказ МВД России № 900 проблемы не решает, поскольку заложенные в нем вопросы организационного обеспечения работы в данном направлении не имеют должной гражданско-правовой основы, которая отражала бы специфику защиты чести, достоинства и репутации в системе МВД России.

В силу этого представляется целесообразным закрепить в ч. 6 ст. 30 Закона о полиции положение о том, что государственная защита сотрудника полиции и членов его семьи осуществляется в порядке, установленном не только законодательством Российской Феде-

рации, но и нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Проблемой, на наш взгляд, является и то, что действующее законодательство не учитывает многогранность содержания категорий «честь», «достоинство» и «деловая репутация», из которой логически вытекает необходимость выделения их разновидностей. Между тем она не только обусловлена многообразием общественных отношений, но и имеет под собой законодательную основу. Так, законодатель говорит о чести и достоинстве судей [7], сотрудников органов государственной охраны [4, ст. 8], военнослужащих [5, ст. 5], сотрудников полиции (ст. 30 Закона о полиции). При этом нельзя не отметить, что в этих случаях уже привычные категории наполняются новым содержанием, отражающим принадлежность данных нематериальных благ лицам, имеющим специальный статус. Именно этим обусловлено рассмотрение защиты чести и достоинства как предоставляемой государством гарантии в случае их умаления в связи с исполнением указанными лицами своих служебных обязанностей.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что государство, предоставляя подобные гарантии, одновременно предъявляет повышенные требования и к самим сотрудникам. Так, согласно Федеральному закону от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8] при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел должен заботиться о сохранении своей чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, которая неразрывно связана с авторитетом МВД России и государственной власти в целом.

С учетом этого есть все основания говорить о необходимости выделения в качестве самостоятельных категорий понятий «профессиональная честь» и «профессиональное достоинство» для обозначения нематериальных благ, принадлежащих субъектам, к поведению которых в силу специфики их профессиональной деятельности предъявляются повышенные требования, и пользующихся повышенной правовой защитой в силу наличия частного-публичного интереса к поддержанию их репутации.

Еще более актуален этот вопрос в отношении репутации, поскольку, как справедливо отмечает М.П. Сошникова, если рассматривать деловую репутацию в узком смысле, т.е. как атрибут только субъектов предпринимательской деятельности, то возникают проблемы защиты репутации иными субъектами, поскольку закон не содержит понятия «профессиональная (служебная) репутация» либо просто «репутация» [9, с. 27].

Между тем очевидно, что репутация государственных служащих не может отождествляться ни с репутацией предпринимателей и лиц, занимающихся частной практикой, ни с репутацией гражданина как такового. Об этом отчетливо свидетельствует позиция законодателя, установившего более высокий уровень защиты чести, достоинства и репутации судей, прокуроров, следователей, лиц, производящих дознание, судебных приставов (ст. 298<sup>1</sup> УК РФ). Видимо, предполагается, что в подобных случаях защищается не только нематериальное благо конкретного лица, но и связанный с этим публичный интерес в полноценном осуществлении правосудия. Правда, в этом контексте не вполне логичной представляется ситуация, когда санкции за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде в два раза превышают санкции за клевету в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава в связи с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта.

Насущная необходимость в определенных случаях делать акцент на способности субъекта осуществлять деятельность в какой-либо специфической области, требующей особых знаний и навыков, требует разграничения профессиональной и деловой репутации, которое уже прослеживается в судебной практике [10; 11; 12]. В то же время нельзя не отметить, что профессиональной репутации присущи некоторые признаки деловой репутации: она носит публичный характер, поскольку отражает общественную оценку профессиональных качеств конкретного лица, а также позитивный характер, поскольку предполагается, что судебной защите

подлежит только репутация, сопровождающаяся положительной оценкой [13, с. 18].

В контексте профессиональной репутации нельзя не затронуть вопрос о понятии «служебная репутация», которое также встречается в литературе и судебной практике [14; 15]. При этом данные категории нередко отождествляются, с чем нельзя не согласиться [16, с. 97; 9, с. 29], хотя встречается и иная позиция. Так, М.В. Бондаренко делает вывод о персонифицированном характере служебной репутации, которую он, соответственно, определяет как «нематериальное благо, неразрывно связанное с личностью военнослужащего, основанное на предшествующем знании о выполнении им служебных обязанностей и его поведении, проявляющееся во внешней оценке деятельности военнослужащего со стороны воинского командования и сослуживцев, признании его профессионального военного авторитета и определяющее потенциальные возможности его карьерного роста» [17]. Однако подобный подход является приемлемым лишь в контексте внутрисистемных отношений, карьерного роста, авторитета внутри соответствующей профессиональной среды, но ничего не дает с точки зрения внешних оценок представителей данной профессии, поскольку в его основе, насколько можно судить из приведенного определения, лежит реализация права на продвижение по службе.

С учетом изложенного можно сделать вывод о необходимости совершенствования нормативной правовой базы защиты чести, достоинства и репутации в системе МВД России, включая:

- 1) нормативное закрепление понятий «профессиональная честь», «профессиональное достоинство» и «профессиональная репутация»;
- 2) изложение ч. 6 ст. 30 Федерального закона «О полиции» в следующей редакции: «Государственная защита жизни и здоровья, чести и достоинства сотрудника полиции и членов его семьи, а также имущества, принадлежащего ему и членам его семьи, от противоправных посягательств в связи с выполнением служебных обязанностей осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел».

1. Комплексный анализ результатов работ по изучению общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. URL: [vnii-mvd.ru/node/1480](http://vnii-mvd.ru/node/1480)

1. A comprehensive analysis of the findings of the study of public opinion about the level of safety of the personality and activity of the bodies of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: [vnii-mvd.ru/node/1480](http://vnii-mvd.ru/node/1480)

2. Авдейко А. Защита деловой репутации ОВД в современных условиях. URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/15604/>
3. Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 143.
4. О государственной охране: федер. закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (в ред. от 08.12.2011) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.
5. О статусе военнослужащих: федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в ред. от 25.06.2012) // Собр. законодательства РФ. 1998. Ст. 2331.
6. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 12 янв. 2007 г. по делу № А56-9223/2006.
7. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2010) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
8. Собр. законодательства РФ. 2011. № 49, ч. 1. Ст. 7020.
9. Сошникова М.П. Гражданско-правовые и экономические аспекты деловой репутации // Законодательство и экономика. 2008. № 1.
10. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 3 мая 2012 г. по делу № А28-1721/2012. URL: [base.garant.ru/39624751](http://base.garant.ru/39624751)
11. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 24 дек. 2008 г. № 05АП-2024/2008 по делу № А51-14052/2007-19-541/57. URL: [www.lawmix.ru/5ap/2645](http://www.lawmix.ru/5ap/2645)
12. Апелляционное определение Тверского областного суда от 24 апр. 2012 г. № 33-1264. URL: [www.reshenia-sudov.ru](http://www.reshenia-sudov.ru)
13. Беспалов А.В. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
14. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 10 мая 2012 г. по делу № 33-4470. URL: [base.garant.ru/100458998](http://base.garant.ru/100458998)
15. Кассационное определение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 13 апр. 2011 г. по делу № 33-418/2011 г. URL: <http://sudact.ru>
16. Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / под ред. Л.А. Новоселовой, М.А. Рожковой. М., 2011. Вып. 14.
17. Бондаренко М.В. К вопросу о понятийном аппарате в механизме гражданско-правовой защиты некоторых неимущественных прав военнослужащих // Администратор суда. 2012. № 1. С. 11–14.
2. Avdeyko A. Protection of business reputation of bodies of Internal Affairs in modern conditions. URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/15604/>
3. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 143.
4. On state protection: fed. law of May 27, 1996 № 57-FL (in ed. of 08.12.2011) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 22. Art. 2594.
5. On the status of national servicemen: fed. law of May 27, 1998 № 76-FL (in ed. of 25.06.2012) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. Art. 2331.
6. Resolution of the FAC of the North-Western District of Jan. 12, 2007 on the case № А56-9223/2006.
7. On the Constitutional Court of the Russian Federation: fed. constitutional law of July 21, 1994 № 1-FCL (in ed. of 28.12.2010) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1994. № 13. Art. 1447.
8. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 49, pt. 1. Art. 7020.
9. Soshnikova M.P. Civil and legal and economic aspects of business reputation // Legislation and economics. 2008. № 1.
10. Resolution of the Second arbitration appeal court of May 3, 2012 on case № А28-1721/2012. URL: [base.garant.ru/39624751](http://base.garant.ru/39624751)
11. Resolution of the Fifth arbitration appeal court of Dec. 24, 2008 № АР-2024/2008 on case № А51-14052/2007-19-5457. URL: [www.lawmix.ru/5ap/2645](http://www.lawmix.ru/5ap/2645)
12. Appeal determination of the Tver regional court of Apr. 24, 2012 № 33-1264. URL: [www.reshenia-sudov.ru](http://www.reshenia-sudov.ru)
13. Bepalov A.V. Honor, dignity and business reputation as objects of civil rights: auth. abstr. ... Master of Law. Krasnodar, 2004.
14. Appeal determination of the Kemerovo regional court of May 10, 2012 on case № 33-4470. URL: [base.garant.ru/100458998](http://base.garant.ru/100458998)
15. Decision of the Supreme Court of the Kabardino-Balkarian Republic of Apr. 13, 2011 on case № 33-418/2011. URL: <http://sudact.ru>
16. Practice of examination of commercial disputes: analysis and comments of resolutions of the Plenum and reviews of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation / ed. by L.A. Novoselova, M.A. Rozhkova. Moscow, 2011. Iss. 14.
17. Bondarenko M.V. To the question of the conceptual device of the mechanism of civil and legal protection of certain non-property rights of national servicemen // Court manager. 2012. № 1. P. 11–14.

**Ильенко Елена Николаевна**

главный специалист юридического отдела  
департамента муниципальной собственности и городских земель  
администрации муниципального образования город Краснодар  
(e-mail: Ilienko@bk.ru)

## *Понятие и правовой статус национальных парков*

В статье рассматриваются основные этапы законодательного регулирования правового положения национальных парков. Раскрывается понятие национального парка как субъекта и объекта права в совокупности общих и специальных правовых норм. Излагается система действующего законодательства, регулирующего правовое положение национальных парков.

**Ключевые слова:** правовое регулирование, национальный парк, природный парк, особо охраняемая природная территория, объекты гражданских прав, субъекты гражданского права, юридическое лицо.

**E.N. Ilienko**, Chief Specialist of the Legal Group of Department of Municipal Property and Urban Land of Administration of the Municipal Entity Krasnodar City; e-mail: Ilienko@bk.ru

### **The concept and the legal status of national parks**

This paper examines the main stages of the legislative regulation of the legal status of national parks. The notion of a national park as the subject and object of law in general and specific set of legal rules is opened. The system of the current legislation governing the legal status of national parks is described.

**Key words:** legal regulation, national park, natural park, specially protected natural territory, civil rights objects, subjects of civil law, legal entity.

**С**овременное понятие национального парка прошло долгую историю становления и формировалось по мере осознания необходимости законодательного закрепления статуса особого субъекта, наделенного управленческими полномочиями в целях сохранения естественных экологических систем, имеющих экологическую, историческую и эстетическую ценность.

Положения Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» уже содержали элементы современного понятия национального парка, раскрываемого в ст. 12 Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – Закон) [1], согласно которой национальные парки определяются как природоохранные, эколого-просветительские и научно-исследовательские учреждения, территории (акватории) которых включают в себя природные комплексы и объекты, имеющие особую экологическую, историческую и эстетическую ценность, и предназначены для использования в природоохранных, просветительских, научных и культурных целях и для регулируемого туризма.

Данное понятие указывает на то, что национальный парк является учреждением, т.е.

субъектом права. Дополняет данное положение ст. 16 Закона, указывающая, что национальные парки являются юридическими лицами, которые не имеют в качестве цели своей деятельности извлечение прибыли, т.е. являются некоммерческими организациями и создаются в форме финансируемого за счет средств федерального бюджета природоохранного учреждения.

Из п. 1 ст. 1 Закона следует, что законодательство Российской Федерации об особо охраняемых природных территориях основывается на соответствующих положениях Конституции РФ и состоит из настоящего Федерального закона, принимаемых в соответствии с ним других законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и п. 1 ст. 7 ГК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Основные задачи и функции национальных парков, а также основы механизма правовой охраны объектов, расположенных на территории национальных парков, закреплены в таких международных правовых актах, как Конвенция об

охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г., ратифицированная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1988 г. № 8595-XI; Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц, от 2 февраля 1971 г. [2, с. 191], ратифицированная в СССР в 1976; Конвенция о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г. [3, с. 3], ратифицированная Федеральным законом от 17 февраля 1995 г. № 16-ФЗ.

В Конституции РФ [4] можно выделить следующие нормы, затрагивающие правовой статус национальных парков: земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, и могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ст. 9); каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58); особо охраняемые природные территории находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Анализ вышеуказанных конституционных норм позволяет сделать вывод, что они в основном направлены на закрепление положения национальных парков как объектов права, при этом их установление во многом определяет деятельность и охранные функции национального парка как учреждения.

Общее понятие учреждения установлено п. 1 ст. 120 Гражданского кодекса РФ и п. 1 ст. 9 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [5], согласно которым учреждением признается не имеющая членства организация, созданная и финансируемая собственником в качестве субъекта ограниченного вещного права под его дополнительную ответственность для осуществления управленческих, социально-культурных и иных некоммерческих функций.

Порядок создания национальных парков регулируется общими нормами Гражданского кодекса РФ о юридических лицах, а также положениями Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Отношения, возникающие в связи с государственной регистрацией национальных парков при их создании, реорганизации и ликвидации, при внесении изменений в их учредительные документы, а также в связи с ведением Единого государственного реестра юридических лиц, регулируются Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной ре-

гистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», с учетом положений гл. 3 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Кроме того, правовой статус каждого национального парка закреплен Положением, представляющим специальный акт, содержащий особенности статуса учреждения, управление и контроль за деятельностью национальных парков, функциональное зонирование территории парка, режимные ограничения в границах парка и его охранной зоны.

Типовая форма Положения о национальных природных парках Российской Федерации регламентируется постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 10 августа 1993 г. № 769 [6], утверждающего Положение о национальных природных парках Российской Федерации, в то время как Закон об особо охраняемых природных территориях разделяет понятия «национальный парк» и «природный парк», указав, что национальные парки являются природоохранными, эколого-просветительскими и научно-исследовательскими учреждениями, территории (акватории) которых включают в себя природные комплексы и объекты, имеющие особую экологическую, историческую и эстетическую ценность, и предназначены для использования в природоохранных, просветительских, научных и культурных целях и для регулируемого туризма. Природные парки определены как природоохранные рекреационные учреждения, находящиеся в ведении субъектов Российской Федерации, территории (акватории) которых включают в себя природные комплексы и объекты, имеющие значительную экологическую и эстетическую ценность, и предназначены для использования в природоохранных, просветительских и рекреационных целях. Таким образом, Закон указывает на два отдельных субъекта права, с разным режимом имущества, разной целевой направленностью и различным порядком создания и функционирования, в связи с чем гражданско-правовой статус национальных парков и природных парков имеет существенные различия, что не допускает утверждения для них единого положения.

На основании изложенного предполагается необходимым внесение изменения в постановление Правительства РФ от 10 августа 1993 г. № 769 «Об утверждении Положения о национальных природных парках Российской Федерации» путем замены по всему тексту данного постановления слова «национальные природные парки» на слова «национальные парки».

Понятие национального парка является производным от понятия «особо охраняемая при-

родная территория», одной из категорий особо охраняемых природных территорий, указанных в ст. 2 Закона, с особыми задачами и целями, присущими национальным паркам, и способами их достижения.

Кроме Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», который регулирует порядок создания и управления национальным парком, основные задачи деятельности, особенности правового положения, режим особой охраны территории национальных парков и является основополагающим законом в закреплении правового статуса национальных парков, их правовой статус определяется правовыми актами различной отраслевой принадлежности, в том числе экологическим, природо-ресурсным, земельным и гражданским законодательством.

Следует отметить, что за последнее время субъектами Российской Федерации было принято значительное число нормативных правовых актов, направленных на реализацию конституционных положений о разграничении предметов ведения между Федерацией и ее субъектами в отношении особо охраняемых природных территорий. При этом такое законодательство в отношении национальных парков сводится в основном к правовому закреплению полномочий органов власти субъектов Российской Федерации в части согласования предложений по созданию национальных парков, установлению границ и режима использования земель национальных парков.

Так, к примеру, в Краснодарском крае издан Закон от 31 декабря 2003 г. № 656-КЗ «Об особо охраняемых природных территориях Краснодарского края» [7], согласно которому к полномочиям высшего исполнительного органа государственной власти Краснодарского края в сфере организации, охраны и функционирования особо охраняемых природных территорий относятся полномочия по подготовке и направлению в Правительство РФ представлений об образовании на территории Краснодарского края национальных парков, а также согласо-

ванию положения о режиме использования земель, включенных в границы национальных парков без изъятия из хозяйственной эксплуатации, утверждаемого государственным органом, в ведении которого находится конкретный национальный парк. Такие полномочия имеют весьма важное практическое значение, поскольку по сути являются первоначальным этапом создания национального парка.

Также существенное значение в правовом регулировании положения национальных парков имеет судебная практика, на которую во многом опираются при возникновении спорных ситуаций при практическом применении законодательства об особо охраняемых природных территориях.

Анализ судебной практики показывает, что большинство споров связано с полномочиями национальных парков по распоряжению земельными участками территории национальных парков, порядком передачи земельных участков во владение и (или) пользование третьих лиц, а также правовым положением земельных участков, включенных в границы национальных парков без их изъятия из хозяйственной эксплуатации.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в целом законодательная база, регулирующая правовое положение национальных парков в Российской Федерации, сформирована. Однако предполагается необходимым усовершенствование действующего законодательства путем издания правовых норм, детально регламентирующих порядок создания национальных парков как особых учреждений, разработки механизма выполнения национальными парками возложенных на них задач, усовершенствования режима особой охраны земельных участков, включенных в границы национальных парков без изъятия из хозяйственной эксплуатации, проработки порядка передачи земельных участков, входящих в границы территории национальных парков, во владение и пользование третьих лиц с учетом приоритета сохранения экологических систем, а также уточнения субъектного состава таких сделок.

1. Собр. законодательства РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

2. Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М., 1991.

3. Бюл. международных договоров. 1996. № 9.

4. Рос. газ. 1993. 25 дек.

5. Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

6. Собр. актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 34. Ст. 3180.

7. Информ. бюл. Законодательного собрания Краснодарского края. 2004. № 14(1).

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 12. Art. 1024.

2. The set of regulations of UNESCO. Moscow, 1991.

3. Bull. of international treaties. 1996. № 9.

4. Rus. newsp. 1993. Dec. 25.

5. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 145.

6. Coll. of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1993. № 34. Art. 3180.

7. Inform. bull. of Legislative Assembly of Краснодар region. 2004. № 14(1).

**Попова Екатерина Ивановна**

аспирант кафедры гражданского права  
Кубанского государственного аграрного университета  
(e-mail: vpkam@rambler.ru)

## *К вопросу о правоотношении застройки*

В статье содержится анализ права застройки как субъективного гражданского права. Исследуются особенности содержания правоотношения застройки. Раскрываются общие признаки правоотношения застройки.

**Ключевые слова:** право застройки, субъективные гражданские права, правоотношение, обременение права собственности, абсолютные права, ограниченные вещные права, охрана вещных прав.

**E.I. Popova**, Post-graduate of a Chair of Civil Law of the Kuban State Agrarian University; e-mail: vpkam@rambler.ru

### **To the question of the relationship building**

This paper analyzes the development rights as subjective civil right. Researches the features in the content of relationship building. Discloses common signs of relationship building.

**Key words:** right to development, subjective civil rights, law relationship, encumber property rights, absolute rights, limited property rights, protection of property rights.

**В** догматической юриспруденции, основанной на римском праве, была впервые высказана точка зрения о возникновении правоотношений между лицами и вещами. Вслед за делением в римском праве исков на вещные и личные было проведено соответствие между всеми правами. При этом, по выражению Г.Ф. Пухты, к обязательственным юридическим отношениям (правоотношениям) было отнесено все, что не было отнесено к вещным. Деление на вещные и обязательственные правоотношения полностью следовало за делением римско-правовых исков [1, с. 370–371]. Такое деление видов правоотношений в гражданском праве принято в современной западной юриспруденции. Значительный шаг в понимании правоотношений был сделан в период социалистической юриспруденции. Именно диалектико-материалистический подход позволил определить невозможность возникновения общественных отношений между лицом и вещью с помощью постулата о том, что право – это общественный регулятор. Следует отметить, что в современности вещные правоотношения понимаются как правоотношения, фиксирующие статику имущественного положения субъектов [2, с. 117]. Вещные правоотношения относят зачастую к абсолютным правоотношениям, т.е. предполагается, что определенному управомоченному субъекту противостоит неопределенный круг пассивно обязанных субъектов. В.А. Белов резко высказался в отношении критериев классификации прав на вещные и

обязательственные аргументом о том, что критерия классификации правоотношений на вещные и обязательственные просто не существует [3].

С другой стороны, автор выделил правоотношения абсолютные и относительные, причислив к самым наглядным примерам первых вещные права, к числу вторых – обязательства. В.К. Райхер подверг критике деление прав на абсолютные и относительные, в особенности отнесение к числу абсолютных правоотношений вещных прав на чужие вещи [4]. Такой подход выглядит достаточно убедительным, потому что не видеть общественную связь между собственником вещи и обладателем вещного права на эту вещь было бы недалекоглядным.

В отношении права собственности абсолютность была также подвергнута сомнению некоторыми авторами. В.Е. Карнушин рассмотрел право собственности через призму его ограничений, высказав точку зрения о том, что ограничения обеспечивают интересы некоторого неопределенного круга лиц и правоотношение собственности возникает между собственником и тем неопределенным кругом лиц, интересы которого обеспечены ограничениями [5, с. 91–101]. Особую значимость имеет обременение права собственности правом застройки. Обременение устанавливается в пользу определенного лица. Следовательно, можно предположить, что в рамках обременения возникает правовая связь между собственником и обладателем ограниченного вещного права. Такая связь возникает между застройщиком и собственником.

Следует отметить, что теория абсолютных правоотношений не укладывается ни в одно из теоретически разработанных учений о правоотношении как о конкретике общественно-правового бытия. Л.И. Петражицкий разработал теорию о правоотношениях, правах, обязанностях как эмоциональных проекциях в психике того, кто переживает эти проекции [6, с. 308], при этом ключевым моментом в теории является лицо, психика которого подвергается воздействию. Действительно, применительно к праву собственности сложно найти того «неопределенного» субъекта, который испытывает чувство долга по отношению к неизвестному ему собственнику вещи. Н.М. Коркунов отмечал, что всякое отношение предполагает связь, зависимость и вытекающую из этой зависимости возможность воздействия. Где нет зависимости, не может быть и отношения [7, с. 201]. С точки зрения советской диалектики разработка Р.О. Халфиной [8, с. 99] правоотношения как конкретики общественного бытия, как проекции правовой формы на общественное отношение, рассматриваемое в качестве содержания, также предполагает конкретику этой общественной связи.

Существуют, однако, теории, которые понимают правоотношение шире, чем результат воздействия конкретной правовой нормы на общественное отношение. С.И. Аскназий понимал абсолютные правоотношения как отношения, закрепляющие экономические процессы производства и потребления материальных благ, а относительные – как отношения распределения и обмена материальных благ, в то же время абсолютность предполагает возможность существования связи с любым третьим лицом [9, с. 579–580]. Данный автор вынужден отойти от категории «действительность» и перейти к категории «возможность». Возможность не имеет ничего общего с правоотношением. Возможность – это категория, применимая к такой предпосылке правоотношения, как правоспособность.

В современности рождаются еще более ожесточенные споры о классификации гражданских прав на вещные и обязательственные и абсолютные и относительные. После обстоятельной критики всевозможных теорий современный ученый С.А. Сеницын приходит к неожиданному выводу о том, что вещные права в качестве своего признака имеют абсолютность, а также что направлены на вещь [10, с. 4–64].

Правоотношение представляет собой единство правовой формы и материального содержания. Также следует причислять к юридическому содержанию корреспондирующие права и обя-

занности субъектов правоотношения. Исходя из этого, абсолютность правоотношений следует не признавать вообще – такой вывод имеет два взаимоисключающих следствия: либо абсолютное право не является субъективным правом, либо оно является субъективным правом, существующим вне правоотношения. Фактически приходится признавать первое следствие в качестве верного, потому что субъективное право – это обязательный элемент структуры всякого правоотношения. Это неотъемлемая часть правоотношения. Там, где есть субъективное право, есть правоотношение, есть корреспондирующая ему обязанность лица, там, где есть правоотношение, всегда есть его юридическое содержание. Такой подход фактически сводит правоотношения к относительности всех правоотношений. М.М. Агарков, давая широкое понимание обязательства как определенного действия или воздержания от действий определенным лицом или лицами перед определенным лицом или лицами [11, с. 9–10], придал обязательству более широкое понимание, чем существовало до его определения. Воздержание от действий в обязательстве сближает его с «абсолютными правоотношениями». Тем не менее, учение М.М. Агаркова проливает свет на сущность всякого правоотношения, а не только обязательства. Не впадая в крайности о том, что все правоотношения в гражданском праве сводятся к обязательствам, рискнем предположить, что правоотношения всегда должны носить относительный характер в силу того постулата, что субъекты правоотношения всегда должны иметь место быть и всегда должны быть определены. В связи с этим в праве застройки как правоотношении всегда будет присутствовать связь между собственником и застройщиком. Наименование этой связи обязательством не будет вполне корректным, потому что сам закон переносит акценты не на взаимоотношения застройщика с собственником, а на правомочия застройщика в отношении вещи.

Если обратить внимание на признаки вещного права, которые приводятся в ст. 221 Проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Законопроект), не трудно убедиться, что законодатель подходит в этой статье к понятию вещного права, раскрывая признаки правоотношения. Пункт 1 ст. 221 Законопроекта говорит о непосредственном господстве лица над вещью и о правомочиях обладателя этого вещного права.

Это круг действий в отношении вещи. Из п. 1 ст. 221 можно сделать вывод о том, что законодатель признает вещными правами отношения между лицами и вещами, но, как раньше было выяснено, такой подход к субъективным правам умаляет социальную сущность права. Абзац 2 п. 1 ст. 221 Законопроекта устанавливает, что вещное право непосредственно обременяет вещь и следует за вещь. В действительности это признаки вещного права, но они не являются качественно отличающими вещные права от таких обязательств, как аренда и безвозмездное пользование (ст. 617, ст. 700 ГК РФ). Бессрочность вещных прав в силу оговорки в абз. 3 п. 1 ст. 221 Законопроекта фактически действует только в отношении права собственности. Утрата владения, не прекращающая вещного права, также объяснима с той точки зрения, что владение понимается как факт и ничего общего не имеет с правами. Охрана вещного права от всех третьих лиц, конечно, тоже присуща вещным правам, но это вовсе не означает, что обязательство и вообще всякое правоотношение не охраняется от посягательств любых третьих лиц. Правопорядок требует, чтобы все регулируемое правом защищалось правом, за исключением отдельных случаев, которые прямо не поименованы законом как не защищаемые государством (натуральные обязательства).

Вещные права как правоотношения раскрываются в п. 3 ст. 221 Законопроекта: «Субъекты, объекты и содержание вещных прав, основания их возникновения и прекращения, а также правила их защиты определяются настоящим Кодексом».

Осуществление вещных прав регулируется настоящим Кодексом, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, – также иными законами».

«Субъекты» – это в обязательном порядке элемент структуры правоотношения. Отдельное выделение объекта и содержания вещных прав позволяет сделать вывод о подходе, который избрал законодатель, по пониманию содержания правоотношения и объекта правоотношения. Содержание – это права и обязанности сторон. Объект понимается в плюралистическом смысле, как объекты материального мира. Здесь обращается внимание на ст. 221 Законопроекта, поскольку она дает все основания рассматривать право застройки как особое правоотношение, которое, как и любые другие правоотношения, имеет свои собственные элементы структуры.

Право застройки имеет особое материальное содержание. Будучи абстрактными, правовые

нормы, закрепляющие такое правомочие, как пользование, которое может скрывать практически необъятный круг действий носителя этого правомочия, имеют более высокий уровень конкретизации в праве застройки. От застройщика требуется, чтобы он возводил на земельном участке здания и сооружения. Это не просто цель (п. 1 ст. 300 Законопроекта), это и позитивная обязанность застройщика перед собственником возвести на земельном участке здания и сооружения (п. 2 ст. 300.1 Законопроекта).

Особенности содержания этого правоотношения проявляются в особом виде общественного производства. Это не статика общественного производства. Правильным выглядит подход В.Ф. Яковлева о том, что отношения собственности составляют ядро предмета гражданского права, первый и необходимый массив правоотношений, регулируемых гражданским правом, причем регулируются они в статике. Статика имеет внешний характер, с другой стороны, в отношениях собственности проявляется внутренняя динамика по потребительскому использованию вещей [12, с. 271].

В праве застройки имеется не только внутренняя (закрывающаяся в создании зданий и сооружений), но и внешняя динамика. Участок отдается собственником под застройку другому лицу. Затем в силу срочности права застройки происходит переход права собственности на строения от создателя строений собственнику земельного участка. Экономически отношения схожи с отношениями строительного подряда. Правовое регулирование этих отношений совершенно различное.

Также следует остановиться на двояком понимании отношений собственности в литературе: как отношений лица к имуществу и как отношений между людьми по поводу этого имущества [13, с. 80].

Только отношение собственности как отношение между людьми по поводу имущества может являться предметом регулирования института права собственности. В отношении права застройки и прочих вещных прав должно применяться то же самое правило: отношения между собственником и застройщиком по поводу использования земельного участка – предмет регулирования права застройки. В этой связи только здесь и образуются правоотношения. Наличие отношений между другими людьми (неопределенным кругом лиц) нельзя в полной мере назвать правоотношениями. Правоотношениями эти неопределенные отношения можно с уверенностью назвать только в случае индивидуализации субъектов этих правоотношений,

а также в случае оформления правовой связи между этими субъектами (наличие субъективных прав и корреспондирующих этим правам обязанностей).

Таким образом, общие признаки правоотношения, основанные на праве застройки, заклю-

чаются в следующем: относительный характер этого правоотношения, отношение характеризуется динамикой общественно-экономического производства, отношение возникает между застройщиком и собственником земельного участка по поводу пользования земельным участком.

1. Пухта Г.Ф. Курс Римского гражданского права. М., 1874. Т. 1.

2. Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2008.

3. Белов В.А. Понятие и определение вещных прав // Законодательство. 2009. № 6.

4. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестн. гражданского права. 2007. № 2.

5. Карнушин В.Е. Абсолютное правоотношение права собственности через призму его ограничений // Власть Закона. 2014. № 1.

6. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.

7. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М., 2010.

8. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.

9. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М., 2008.

10. Сеницын С.А. Вещные и абсолютные права: единство и противоположность // Вестн. гражданского права. 2013. № 5.

11. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.

12. Яковлев В.Ф. Избр. тр. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М., 2012.

13. Виницкий А.В. Публичная собственность. М., 2013.

1. Puhta G.F. The course of the Roman civil law. Moscow, 1874. Vol. 1.

2. Civil law: in 4 vol. Vol. 1: General part / resp. ed. E.A. Suhanov. Moscow, 2008.

3. Belov V.A. The concept and definition of property rights // Legislation. 2009. № 6.

4. Rayher V.K. Absolute and relative rights (to the problem of division of economic rights). In particular with regard to the Soviet law // Bull. of civil law. 2007. № 2.

5. Karnushin V.E. Absolute relationship of property rights through the prism of his limitations // Power of Law. 2014. № 1.

6. Petrazhitzky L.I. Theory of law and state in connection with the theory of morality. St. Petersburg, 2000.

7. Korkunov N.M. Lectures on the General theory of law. Moscow, 2010.

8. Halfina R.O. The General doctrine of the legal relationship. Moscow, 1974.

9. Asknazy S.I. The main questions of the theory of socialist civil law. Moscow, 2008.

10. Sinitsyn S.A. Property and absolute rights: unity and contrast // Bull. of civil law. 2013. № 5.

11. Agarkov M.M. The obligation of the Soviet civil law. Moscow, 1940.

12. Yakovlev V.F. Sel. works. Vol. 2: Civil law: history and modernity. B. 1. Moscow, 2012.

13. Vinnitsky A.V. Public ownership. Moscow, 2013.

**Ростовцева Анна Михайловна**

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградской академии МВД России

(e-mail: blond-rost@yandex.ru)

## *Меры имущественной ответственности участников гражданско-правовых отношений при наступлении неблагоприятных последствий*

В статье автор говорит о приемлемом определении гражданско-правовой ответственности, которое возможно применить для участников гражданско-правовых отношений, допустивших правонарушение.

**Ключевые слова:** имущественная ответственность, правонарушение, солидарная ответственность, хозяйственное общество.

**A.M. Rostovtseva**, Teacher of a Chair of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: blond-rost@yandex.ru

### **Measures of property responsibility of the participants of civil legal relations at the offensive of unfavorable consequences**

In the article the author talks about acceptable determination of civil liability, that it maybe to apply for participants, assuming offence.

**Key words:** property responsibility, offence, solidary responsibility, economic society.

**К**ак констатирует М.И. Брагинский, гражданско-правовая ответственность рассматривается как обязанность должника, допустившего нарушение обязательства, возместить кредитору причиненные убытки и уплатить установленную законом либо предусмотренную договором неустойку, при этом автор отмечает, что «ответственностью за нарушение обязательства называют установленные законом меры имущественного воздействия на должника, нарушившего обязательство. Существуют две формы ответственности за нарушение обязательства... во-первых, возмещение причиненных убытков и, во-вторых, уплата неустойки» [1, с. 269].

Нам представляется, что самое удачное определение гражданско-правовой ответственности дал О.С. Иоффе, по мнению которого «гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей» [2, с. 97].

Считаем, что это самое приемлемое определение гражданско-правовой ответственности, которое возможно применить для участников

гражданских правоотношений, допустивших правонарушение.

Так как гражданско-правовые отношения складываются между равными субъектами, то в имущественном обороте нарушение обязанностей одним участником всегда влечет за собой нарушение прав другого участника.

Гражданско-правовая ответственность носит имущественный характер, т.е. связана с возмещением убытков, взысканием причиненного ущерба, уплатой неустоек (штрафов, пеней). Когда правонарушение затрагивает личные неимущественные права или причиняет потерпевшему лицу нравственные страдания (моральный вред), применение гражданско-правовой ответственности будет означать присуждение потерпевшему лицу соотвествующей денежной компенсации в форме возмещения убытков, компенсации морального вреда.

Пределом гражданско-правовой ответственности является соответствие размера ответственности размеру причиненного вреда или убытков. Но стороны обязательств могут договориться и о штрафной неустойке (ст. 394 ГК), когда убытки могут быть взысканы в полном объеме.

В соблюдение принципа равноправия участников гражданско-правовых отношений (ст. 1 ГК) особенностью гражданско-правовой ответственности является применение равных по объему мер ответственности к различным участникам имущественного оборота, в том числе к участникам корпоративных отношений, за однотипные правонарушения.

Понятие гражданско-правовой ответственности позволяет отделить его от иных категорий гражданского права, которые, так же как и ответственность, применяются в связи с имеющим место нарушением субъективных гражданских прав, иногда в качестве последствий такого нарушения.

Для участников гражданско-правовых отношений при наступлении неблагоприятных последствий характерны меры имущественной ответственности. Нам представляется, что в рассматриваемом случае возможно применять меры принуждения к надлежащему исполнению обязательств.

В случае применения мер принуждения (исправление допущенного нарушения, исполнение дополнительного обязательства) необходимо равно применить имущественную ответственность в форме взыскания убытков.

В.П. Грибанов отмечал, что «наряду с гражданско-правовой ответственностью гражданскому праву свойственны и иные формы и способы воздействия на поведение людей. Например, меры оперативного воздействия, государственно-принудительные меры превентивного и регулятивного характера, которые не могут быть отождествлены с юридической ответственностью, поскольку не отвечают признакам ответственности» [3, с. 38–39]. Кроме того, он указывал, что меры оперативного воздействия представляют собой особые специфические способы правового реагирования на нарушения обязательств и что они должны ограничиваться от имущественной ответственности [4, с. 4].

В.М. Огрызков определяет меры оперативного воздействия как «оперативные санкции» и видит их отличие от денежных санкций единственно в возможности односторонней (собственными действиями сторон в обязательстве) реализации [5, с. 4].

Б.И. Пугинский отмечает, что меры оперативного воздействия существенно отличаются от ответственности в общепринятом понимании этого термина, имеют иную природу. «Применение оперативных мер, как правило, не создает для сторон нового, дополнительного к нарушенному, правоотношения. Принятие таких мер предполагает наличие договора... между сторо-

нами, тогда как имущественная ответственность может наступать независимо от существования указанных отношений» [6, с. 143–144].

В юридической науке гражданско-правовая ответственность делится на виды. В зависимости от основания возникновения ответственности различают договорную и внедоговорную ответственность.

Под договорной ответственностью принято понимать ответственность, наступающую в случаях неисполнения и ненадлежащего исполнения обязательства, возникшего из договора.

Нарушение обязательства, возникшего не из договора, а по другим основаниям, влечет внедоговорную ответственность. Такая ответственность применяется, в частности, в случае причинения вреда личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица, когда вред подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (ст. 1064 ГК), вследствие неосновательного приобретения или сбережения имущества за счет другого лица (ст. 1102 ГК) и в некоторых других случаях. Несмотря на то, что как деликтные обязательства, так и обязательства из неосновательного обогащения могут возникнуть в связи с договором, основанием для применения ответственности все же является не нарушение договорных обязательств, а соответствующий факт причинения вреда либо неосновательного приобретения или сбережения чужого имущества.

Характерен пример из судебной практики, показывающий особенность привлечения к ответственности участников гражданских правоотношений. Суды из-за неурегулированных норм действующего законодательства приходят к интересным выводам в поисках верного решения.

Так, в постановлении Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 было указано, что «удовлетворение иска о восстановлении корпоративного контроля (в виде возврата истцу утраченной им доли участия в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью) непосредственно затрагивает имущественные права и интересы других участников общества (внесших дополнительные вклады в уставный капитал), поэтому их следовало привлечь к участию в деле в качестве ответчиков, определив соотношение долей в уставном капитале общества в отношении каждого из его участников». При этом, как указал Президиум ВАС РФ, «следует исходить из того, что имущественные интересы этих ответчиков в отношении внесенных в уставный капитал общества сумм подлежат защите по отдельному или встречному иску, поскольку в сложившихся обстоятельствах

при восстановлении корпоративного контроля в интересах одного из участников общества (истца) они образуют неосновательное обогащение этого участника, не вносившего указанных сумм в уставный капитал общества».

Если исполнение обязательств осуществляется несколькими лицами, то ответственность распределяется между ними и различается на долевую, солидарную и субсидиарную.

Еще одним примером применения солидарного обязательства (солидарной ответственности) могут служить следующие положения ГК: вновь возникшие юридические лица несут солидарную ответственность по обязательствам реорганизованного юридического лица перед его кредиторами, если разделительный баланс не дает возможности определить его правопреемника (п. 3 ст. 60); участники полного товарищества солидарно несут ответственность своим имуществом по обязательствам товарищества (п. 1 ст. 75); участники общества с дополнительной ответственностью солидарно несут ответственность по его обязательствам в кратном размере к стоимости их вкладов (п. 1 ст. 95); акционеры, не полностью оплатившие акции, несут солидарную ответственность по обязательствам акционерного общества в пределах непоплаченной части стоимости принадлежащих им акций (п. 1 ст. 96); основное общество (товарищество) отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение его указаний (п. 2 ст. 105); при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором субсидиарно (п. 1 ст. 363); лица, совместно причинившие вред, несут перед потерпевшим солидарную ответственность (ст. 1080 и др.).

Важным моментом является установление факта солидарного обязательства участников гражданско-правовых отношений. В этом также заключается особенность привлечения участника к ответственности.

В соответствии с положениями, содержащимися непосредственно в ГК и законах, регулирующих корпоративную деятельность, субсидиарную ответственность несут: учредители (участники), собственники имущества юридического лица или другие лица, которые имеют право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, если несостоятельность (банкротство) юридического лица вызвана указанными лицами (п. 3 ст. 56); участники полного товарищества (п. 1 ст. 75); участники общества с дополнительной

ответственностью в кратном размере к стоимости их вкладов в уставный капитал (п. 1 ст. 95); основное хозяйственное общество или товарищество по долгам дочернего общества в случае его несостоятельности (п. 2 ст. 105); члены производственного кооператива по обязательствам кооператива (п. 2 ст. 107); Российская Федерация по обязательствам казенного предприятия при недостаточности его имущества (п. 5 ст. 115); члены потребительского кооператива по его обязательствам в пределах невнесенной части дополнительного взноса для покрытия убытков кооператива каждым из членов кооператива (п. 4 ст. 116); собственник имущества учреждения по его долгам при недостаточности денежных средств, находящихся в распоряжении учреждения (п. 2 ст. 120); члены ассоциации (союза) по ее обязательствам в размере и в порядке, предусмотренных учредительными документами ассоциации (п. 4 ст. 121), и некоторые другие.

Что касается процессуальных норм Закона о банкротстве (в редакции Закона № 73-ФЗ), касающихся порядка привлечения к субсидиарной ответственности (п. 6–8 ст. 10 Закона о банкротстве), то они подлежат применению после вступления в силу Закона № 73-ФЗ независимо от даты, когда имели место упомянутые обстоятельства и было возбуждено дело о банкротстве.

При этом дела о привлечении к субсидиарной ответственности, возбужденные вне рамок дела о банкротстве, подлежат рассмотрению в соответствии с процессуальными нормами законодательства о банкротстве, действовавшими до этой даты, и не подлежат передаче для рассмотрения в дело о банкротстве. Об этом также свидетельствует п. 3 информационного письма № 137, в соответствии с которым заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, ранее принятые судами к производству в общеисковом порядке, не подлежат передаче для рассмотрения в делах о банкротстве.

В соответствии с п. 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» (далее – постановление Пленума ВАС РФ № 29) иски конкурсных управляющих о привлечении лиц к субсидиарной ответственности рассматриваются судами по установленной процессуальным законодательством подведомственности. «Анализ судебной практики показывает, что арбитражные суды до настоящего времени по-разному подходят к решению вопроса о том, каким судам подведомственны дела по требованиям конкурсных управляющих о привлечении к субсидиарной

ответственности руководителя, учредителя (участника) или иного физического лица по долгам должника. При этом, как правило, не учитывается, в каких отношениях данное физическое лицо состоит (состояло) с должником (трудовых или корпоративных)» [7].

От субсидиарной ответственности, безусловно, отличается ответственность должника за действия третьих лиц. ГК (ст. 313) предусмотрено, что исполнение обязательства может быть возложено должником на третье лицо, если из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа не вытекает обязанность должника исполнить обязательство лично. Кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом, вместе с тем, за нарушение обязательства, исполнение которого возложено должником на третье лицо, перед кредитором отвечает должник (ст. 403 ГК).

Возникают трудности привлечения к ответственности основного общества по долгам дочернего хозяйственного общества, например при банкротстве.

Представляется необходимым в первую очередь определить виды и основания привлечения к ответственности основного общества по долгам дочернего.

В зарубежном законодательстве «игнорирование обособленного характера юридических лиц, входящих в группу компаний, исходя из принципа “единой экономической единицы”, находит широкое применение».

«Следует согласиться с авторами Концепции развития гражданского законодательства, предлагающими исключить из сферы правового регулирования категорию “зависимого общества” как не обладающую самостоятельным смысловым значением (п. 4.1.4 ч. III). Действительно, раскрытие информации о наличии более 20% голосующих акций (долей участия в ООО), признание лиц аффилированными, заинтересованными в совершении сделок как правовые последствия отношений зависимости не обусловлены необходимостью установления особого правового статуса зависимого общест-

ва, а определяются самим фактом владения определенным количеством голосов.

Если в ситуации существующего законодательного регулирования попытаться ответить на два вопроса: 1) кто должен нести ответственность за убытки, причиненные дочернему обществу исполнением членом совета директоров полученной директивы на голосование, и 2) какие последствия могут наступить для “непослушного” представителя, который проголосовал вопреки выданной директиве, то мы получим неутешительные ответы с точки зрения защиты прав и интересов как члена совета директоров, так и самого мажоритарного акционера, выдавшего директиву» [8].

Представляют интерес решения судов, устанавливающих факт злоупотребления правом участника гражданско-правовых отношений.

Судебная практика позволяет сделать вывод, что одной из типичных форм злоупотребления правом являются действия по реализации гражданских прав, осуществляемые их обладателями с целью получения неосновательного обогащения за счет других лиц (см., например: постановление ФАС Волго-Вятского округа от 10 марта 2006 г. № А43-12269/2005-27-385; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 25 октября 2005 г. № А19-1705/05-12-Ф02-5231/05-С2; постановления ФАС Московского округа от 1 февраля 2006 г. № КГ-А41/44-06, от 29 января 2003 г. № КГ-А40/9180-02, от 5 августа 2002 г. № КГ-А40/4914-02; постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 8 июля 2002 г. № Ф08-2366/2002).

Сегодня особенности привлечения к ответственности членом совета директоров переросли в проблемы привлечения к ответственности членом совета директоров хозяйственных обществ.

По нашему мнению, действовать в интересах общества для члена совета директоров хозяйственного общества означает исполнять конкретные обязанности, предусмотренные уставом общества, ежегодно отчитываться за результаты своей деятельности, не превышать пределы предоставляемых полномочий, не злоупотреблять правом.

1. Брагинский М.И. Гражданское право России: курс лекций. Часть первая / под ред. О.Н. Садикова. М., 1996.

2. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975.

3. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М., 1973.

1. Braginsky M.I. Russian civil law: course of lectures. Part one / ed. by O.N. Sadikov. Moscow, 1996.

2. Joffe O.S. Law of obligations. Moscow, 1975.

3. Griбанov V.P. Responsibility for violation of civil rights and responsibilities. Moscow, 1973.

4. Грибанов В.П. Пределы применения мер оперативного характера при поставках продукции // Сов. юстиция. 1968. № 7.

5. Огрызков В.М. Пределы применения мер оперативного характера при поставках продукции // Сов. юстиция. 1968. № 7.

6. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984.

7. Цыганкова И.Н. Проблемы применения положений Закона о банкротстве, о субсидиарной ответственности виновных лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Губин Е.П., Лаутс Е.Б. Право и бизнес в условиях экономического кризиса: опыт России и Германии. 2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Gribanov V.P. Limits of the application of measures of an operational nature in the supply of products // Soviet justice. 1968. № 7.

5. Ogryzkov V.M. Limits of the application of measures of an operational nature in the supply of products // Soviet justice. 1968. № 7.

6. Puginsky B.I. Civil remedies in economic relations. Moscow, 1984.

7. Tsygankova I.N. Problems of application of the provisions of the law on bankruptcy, the subsidiary responsibility of the perpetrators // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2011. № 7. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

8. Gubin E.P., Lauts E.B. Law and business at a time of economic crisis: experience of Russia and Germany. 2010. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

**Минязева Татьяна Федоровна**доктор юридических наук,  
профессор кафедры уголовного права и процесса  
Российского университета дружбы народов**Абдикарим Али Ахмед**аспирант кафедры уголовного права и процесса  
Российского университета дружбы народов

(тел.: +74954331480)

## *Иные меры уголовно-правового характера в России и Сомали*

В статье рассматриваются иные меры уголовно-правового характера в России и Сомали. Выявляются основание и критерии их применения. Авторы определяют сходство и различие данных мер в разных странах, их связь с наказанием.

**Ключевые слова:** преступление, наказание, меры безопасности, иные меры уголовно-правового характера, цели мер безопасности, социально опасные лица.

**T.F. Minyazeva**, Doctor of Law, Professor of a Chair of Criminal Law and Procedure of the Peoples' Friendship University of Russia;

**Ahmed Abdikarim Ali**, Post-graduate of a Chair of Criminal Law and Procedure of the Peoples' Friendship University of Russia; tel.: +74954331480.

### **Security measures under criminal law in Russia and Somalia**

The article discusses security measures provided by the Criminal code in Russia and Somalia. Analyzes the basis and criteria for their application. The authors bring out the similarities and distinctions of the relevant measures in other countries, their link to punishment.

**Key words:** crime, punishment, security measures, other measures of criminal legal nature, goals of security measures, socially dangerous persons.

**В** уголовном законодательстве многих стран, помимо наказания за проявление негативного отношения к правам и интересам личности, общества и государства, в котором содержатся признаки деяния, предусмотренного нормами Особенной части Уголовного кодекса, могут быть применены и (или) иные уголовно-правовые меры, не установленные в санкциях соответствующих статей. Такие меры, как и наказание, применяются в соответствии с законом, что прямо отражено, например, в ст. 17 Конституции Сомали 1960 г. [1].

Уголовно-правовые меры, не являющиеся наказанием, в разных странах имеют разное название. Традиционно их называют «меры безопасности». Однако в ряде стран их именуют по-иному, например: в Германии и Греции это «меры исправления и безопасности» (§ 61–70 УК ФРГ), в Италии, Испании, Сомали – меры безопасности (ст. 202–228 УК Италии; ст. 95–105 УК Испании; ст. 162–180 УК Сомали), в России – иные меры уголовно-правового характера

(ст. 90, 91, 97, 99, 104<sup>1</sup>, 104<sup>2</sup>, 104<sup>3</sup> УК РФ); в Австрии – «предупредительные меры» (ст. 21–25 УК Австрии) и др. [2, с. 271]. Эти меры применяются к лицам, страдающим психическими расстройствами, или к несовершеннолетним. В России к таким мерам относятся: применительно к несовершеннолетним – предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (ст. 90 УК РФ); применительно к лицам, страдающим психическими расстройствами или расстройствами сексуального предпочтения малолетних, – принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях; принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа; принудительное лечение в медицинской организа-

ции, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа; принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением; принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях (ст. 99 УК РФ).

В Сомали к таким мерам относятся: помещение в госпиталь или интернат для психически больных; помещение в психиатрическую больницу; помещение в реформаторий, полицейский надзор; депортация иностранца из страны (высылка) – ст. 173 УК Сомали.

Термин «иные меры уголовно-правового характера» появился в УК РФ с момента его принятия, однако выделение их отдельных видов в специальном разд. VI (гл. 15 и 15<sup>1</sup>) произошло спустя десять лет – в 2006 г. Следует отметить, что в разд. VI УК содержатся только принудительные меры медицинского характера (гл. 15) и конфискация имущества (гл. 15<sup>1</sup>), принудительные меры воспитательного воздействия содержатся в разд. V УК РФ (ч. 2 ст. 87, ст. 90, 91). Эти меры могут быть применены к несовершеннолетним, совершившим преступление небольшой или средней категорий тяжести, как особый вид освобождения их от уголовной ответственности. Вместе с тем, в ч. 4 ст. 90 УК РФ содержится положение о том, что в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

Уголовное законодательство Российской Федерации и Федеративной Республики Сомали относится к континентальной правовой семье романской группы и имеет сходство в подходе к применению уголовно-правовых мер.

УК Сомали 1962 г. составлен по модели УК Италии 1930 г., в нем усматривается сходство и с законодательством других стран (Австрии, Германии, Франции). В настоящее время Уголовный кодекс является основным источником уголовного права в Сомали, нормы шариата не оказывают существенного влияния на решение уголовно-правовых вопросов.

В центральной части Сомали все еще действуют отдельные враждующие вооруженные группировки, имеющие ярко выраженную самостоятельность по отношению к Переходно-

му Федеральному Правительству Республики Сомали, отстаивающему автономию будущего единого федеративного государства. В такой обстановке изучение применения к нарушителям общественного спокойствия в Сомали уголовно-правовых мер имеет не только правовое, но и политическое значение. Для России регламентация применения мер безопасности в Сомали представляет научный и информационный интерес.

Уголовное законодательство не дает определения иным мерам уголовно-правового характера. Вместе с тем, анализ норм о мерах безопасности, основании, условиях и целях их применения, сходстве и различии с наказанием позволяет его сформулировать. Как и наказание, меры безопасности (иные меры уголовно-правового характера) являются мерами государственного принуждения, применяются от имени государства за совершение деяний, предусмотренных нормами Особенной части УК (в Сомали такие меры могут быть применены и за деяния, не содержащиеся в Уголовном кодексе), они содержатся в нормах Общей части УК; применяются к лицу, виновному в совершении деяния (исключение составляют принудительные меры медицинского характера, назначаемые лицам, совершившим деяния, предусмотренные Особенной частью УК, в состоянии невменяемости, – п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ, ст. 172 УК Сомали, в деяниях таких лиц нет вины); по своему содержанию выражаются в ограничениях прав и свобод лиц, которым они назначены; назначаются в одинаковых с наказанием целях – предупреждения совершения новых правонарушений (исключение – принудительные меры медицинского характера, которые также имеют цель излечения лиц, которым они назначены, или улучшения их психического состояния) (ст. 98 УК РФ).

Законодательство Германии предусматривает наиболее широкий набор мер безопасности (именуемых «мерами исправления и безопасности»), среди которых превентивное заключение (§ 66 УК ФРГ). В Швейцарии, например, трудно-воспитуемым подросткам наряду с воспитательной помощью может быть назначено заключение под стражу до 14 дней (ст. 91 УК Швейцарии).

Основанием для применения этих мер согласно § 62 УК ФРГ является совершенное субъектом деяние и степень исходящей от него опасности [3, с. 499].

В Российской Федерации иные меры уголовно-правового характера применяются только к лицам, достигшим возраста уголовной ответственности. Основанием их применения является

уже совершенное лицом деяние, предусмотренное в Уголовном кодексе, и исходящая от этого лица опасность, связанная с его психическим расстройством (а также расстройством сексуального предпочтения малолетних), причинения им иного существенного вреда либо опасность для себя или других лиц (ч. 2 ст. 97 УК РФ). По этому поводу Н.Ф. Кузнецова писала, что основной критерий для назначения мер безопасности – «опасность субъекта, определяемая по опасности его образа жизни и образа мыслей». Она отмечала, что «устранение, пресечение этой опасности – главная цель мер исправления и безопасности» [4, с. 128].

Законодательство Сомали имеет свою специфику относительно применения мер безопасности: так, они могут быть назначены и лицу, не совершавшему деяния, предусмотренного в УК Сомали, просто в силу признания судьей опасного состояния этого лица; они не преследуют цели общего предупреждения; сроки мер безопасности могут быть неопределенными, их продолжительность нередко зависит от административных органов, от состояния здоровья лица или усмотрения судебных органов.

Меры безопасности применяются, как правило, на длительный период времени. В УК Сомали установлены только минимальные сроки применения мер безопасности. Их применение прекращается, когда лицо перестает быть опасным для общества. Отбывание лицом установленного законом минимального срока меры безопасности обязательно. Например, минимальный период заключения в реформаторий в Сомали составляет 3 года, судья не может освободить несовершеннолетнего из реформатория до истечения этого срока. Минимальные сроки применения мер безопасности в Сомали связаны со сроками наказания, установленными за совершение соответствующих деяний.

Согласно ч. 1 ст. 173 УК Сомали лицо, обвиняемое в умышленном преступлении, за которое по закону предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее 5 лет, и приговоренное к наказанию, подлежащему смягчению в силу его психической неустойчивости, хронической интоксикации алкоголем или наркотиками или по причине глухоты и немоты, будет помещено в госпиталь или интернат для психически больных на срок не менее 1 года. Если за совершенное лицом деяние установлено наказание в виде смертной казни, или пожизненного лишения свободы, или лишения свободы на срок не менее 10 лет, то срок назначенной лицу меры безопасности не может быть менее 3 лет (ч. 2 ст. 173 УК Сомали). Если за

деяние установлено наказание в виде лишения свободы и при этом лицо является общественно опасным, то оно будет помещено в госпиталь или интернат для психически больных на период не менее 6 месяцев (ч. 3 ст. 173 УК Сомали). Помещение в госпиталь или интернат для психически больных может применяться только в случаях совершения лицом умышленного деяния (ч. 1 и 2 ст. 173 УК Сомали).

Помещение в реформаторий является специальной мерой безопасности для несовершеннолетних в Сомали. Если несовершеннолетний, не достигший возраста 14 лет, совершил предусмотренное уголовным законом умышленное деяние, наказуемое смертной казнью, или пожизненным лишением свободы, или лишением свободы на срок до 3 лет, то его следует поместить в реформаторий на срок не менее 3 лет (ст. 117 УК Сомали).

В случае признания лица социально опасным судья не должен дополнительно мотивировать назначение ему меры безопасности, он просто должен ее назначить. Проблему представляет выявление общественно опасных лиц.

Судья может отменить свое постановление, если придет к выводу, что лицо перестало быть опасным для общества (ст. 166 УК Сомали). Таким образом, ст. 166 УК Сомали предусматривает дискреционное назначение судьей предварительных мер безопасности, перед тем как будет вынесен приговор в отношении этого лица. Это право применяется лишь в отношении установленного законом круга лиц. Как отмечает Паоло Контини, целью предоставления судьей дискреционного права является наделение его законной возможностью защитить общество от лиц, которые представляют опасность для общества и которые могут совершить и другие опасные деяния до судебного разбирательства, вынесения приговора [5, р. 11].

В лечебные психиатрические заведения помещаются лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности вследствие психической неустойчивости, хронической интоксикации алкоголем или наркотиками или по причине глухоты или немоты, на срок не менее 2 лет (ст. 176 УК Сомали), если за совершенное ими преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее 2 лет. Если за совершенное преступление закон предусматривает наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы, минимальный срок помещения в психиатрическую больницу составляет 10 лет. Такая мера безопасности назначается на срок не менее 5 лет, если за совершение преступления предусматривается

наказание в виде лишения свободы на срок не менее 10 лет. Положения этой статьи также будут применяться к лицам, оправданным за содеянное по причине их возраста, в этом случае применимы любые условия, содержащиеся в ч. 1 этой статьи (ч. 4 ст. 176 УК Сомали). Данное положение ст. 176 УК Сомали применяется и в случаях оправдания лица по причинам психической неустойчивости, хронической интоксикации алкоголем или наркотиками или по причинам глухоты или немоты. Считается, что такие лица не способны отвечать за совершенное ими деяние [6, р. 197].

В случае совершения лицом деяния, предусмотренного уголовным законом, меры безопасности могут либо заменять наказание, либо применяться наряду с ним. В последнем случае эти меры назначаются лицу с учетом данных, характеризующих его личность, а не тяжесть совершенного им деяния (ст. 162–180 УК Сомали) [7].

Применение мер безопасности регламентируется не только уголовным, но и уголовно-процессуальным законодательством (ст. 78–258 УПК Сомали) [8]. В гл. 50 (ст. 427, 431, 432) и 51 УПК РФ регламентируются особенности производства по делам о применении к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия и о применении принудительных мер медицинского характера. Это обеспечивает юридическую гарантию охраны прав таких лиц.

Обобщенный анализ норм о мерах безопасности в Российской Федерации, в Сомали, в Италии, Германии и других странах позволяет определить их как совокупность установленных уголовным законом предупредительных мер, применяемых уполномоченными органами к лицу, признанному социально опасным в силу его психического состояния или склонности к употреблению одурманивающих средств, несовершеннолетия или недостижения возраста уголовной ответственности, и выражающихся в ограничении его прав и свобод вплоть до изоляции от общества в целях предупреждения совершения таким лицом общественно опасных деяний и (или) его излечения или улучшения психического состояния.

Меры безопасности могут применяться к иностранным гражданам и лицам без гражданства, находящимся на территории Республики Сомали (ч. 3 ст. 163 УК), по тому же основанию, что и для граждан Сомали. В УК РФ нет специальной нормы о применении иных мер уголовно-правового характера к иностранным гражданам и лицам без гражданства – они применяются к ним

в соответствии с общими правилами действия уголовного закона в отношении таких лиц.

В Российской Федерации применение к несовершеннолетним таких мер воспитательного характера, как передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, устанавливается продолжительностью от 1 месяца до 2 лет при совершении преступления небольшой тяжести и от 3 месяцев до 3 лет – при совершении преступления средней тяжести. В специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа несовершеннолетний может быть помещен на срок до достижения им возраста 18 лет, но не более чем на 3 года (ч. 3 ст. 90, ч. 2 ст. 92 УК РФ).

В России минимальный срок применения принудительных мер медицинского характера составляет 6 месяцев, а максимальный зависит от психического состояния лица. Лицо, которому назначена принудительная мера медицинского характера, подлежит освидетельствованию комиссией врачей-психиатров не реже 1 раза в 6 месяцев для решения вопроса о наличии оснований для внесения представления в суд о прекращении применения или об изменении такой меры. Продление, изменение и прекращение применения принудительных мер медицинского характера осуществляются судом по представлению администрации медицинской организации, осуществляющей принудительное лечение, или уголовно-исполнительной инспекции, контролирующей применение принудительных мер медицинского характера, на основании заключения комиссии врачей-психиатров. Первое продление принудительного лечения может быть произведено по истечении 6 месяцев с момента начала лечения, в последующем продление принудительного лечения производится ежегодно (ст. 102 УК РФ).

Меры безопасности, содержащиеся в ст. 172 и 182 УК Сомали, классифицируются законодателем на личные, связанные и не связанные с ограничением свободы и имущественные. К последним относится конфискация.

К личным мерам безопасности, связанным с ограничением свободы, в соответствии со ст. 172 УК Сомали относятся:

- помещение в госпиталь или интернат для психически больных;
- помещение в психиатрическую больницу;
- помещение в реформаторий.

К личным мерам безопасности, не связанным с ограничением свободы, относятся:

полицейский надзор;

депортация иностранца из страны (высылка).

В законодательстве России такого деления иных мер уголовно-правового характера нет.

Порядок применения мер безопасности в Сомали мало чем отличается от порядка их применения в Италии, России и других странах. Судья должен рассмотреть характер и природу совершенного лицом преступления или проступка – тяжесть причиненного вреда и степень преступного намерения. Затем он должен рассмотреть личностные характеристики лица, совершившего деяние, его мотивы, жизненные ситуации, образ жизни, привычки, семейное положение и общественный статус [9, с. 516]. После рассмотрения этих факторов судья должен решить вопрос о том, склонно ли лицо к совершению общественно опасных деяний в будущем.

Если правонарушитель, страдающий психическим расстройством или душевно больной, обвиняется в совершении уголовных правонарушений, которые по закону караются наказанием в виде лишения свободы на срок не менее 5 лет, следовательно, это довольно опасные деяния, например ограбление с отягчающими последствиями (ч. 3 ст. 484 УК Сомали); тяжкое телесное повреждение (ч. 3 ст. 440 УК Сомали) и вымогательство с отягчающими последствиями (ч. 2 ст. 485 УК Сомали), поэтому судья должен назначить меру безопасности в виде заключения в госпиталь или интернат для психически больных на срок не менее чем 1 год.

Помещение в реформаторий является специальной и наиболее строгой мерой безопасности для несовершеннолетних в Сомали. Во время следствия или судебного разбирательства судья может постановить, чтобы лицо, не достигшее 18 лет, или лицо с нездоровой психикой, наркоман, хронический алкоголик были предварительно отправлены в реформаторий, больницу для психически больных, госпиталь или интернат для психически больных.

Как указывалось выше, в соответствии со ст. 166 УК Сомали судья может отменить свое постановление, если придет к выводу, что лицо перестало быть опасным для общества. Это право применяется лишь в отношении установленного законом круга лиц.

В 2007 г. в Сомали впервые в истории страны в целях обеспечения государственной и общественной безопасности был принят закон о противодействии терроризму [10]. Согласно этому закону лица, чьи действия подпадают под признаки экстремизма или терроризма,

могут быть подвергнуты мерам безопасности (ст. 8 Закона).

Мера безопасности в виде полицейского надзора назначается на срок не менее 1 года. В случаях, когда полицейский надзор назначен за деяние, санкцией за которое является лишение свободы на срок не менее 10 лет, полицейский надзор устанавливается на срок не менее 3 лет. Полицейский надзор налагается на лицо во всех случаях условного его освобождения от наказания.

Лицу, находящемуся под полицейским надзором, может быть запрещено покидать определенное место, посещать определенные места, например бары, где продаются спиртные напитки. Для контроля за ним его могут обязать еженедельно или ежемесячно, а в случаях необходимости и ежедневно посещать полицейский участок. Поставленные условия должны соответствовать природе преступления и степени опасности преступника. Необходимо отметить, что в законодательстве Сомали и ФРГ эти вопросы регламентируются сходным образом [11, с. 201].

Мера безопасности в виде запрета проживания в стране применяется в отношении иностранных граждан, виновных в совершении преступления и приговоренных к лишению свободы на срок не менее 10 лет, эти лица должны быть высланы из республики (ст. 181 УК Сомали). Данная статья применяется только в отношении иностранных граждан, высылка собственных граждан запрещается Конституцией страны (ст. 11 Конституции Сомали гласит, что гражданин не может быть депортирован из республики). Однако во Временной Конституции Федеративной Республики Сомали, которая действует в настоящее время, такое положение не нашло закрепления.

Несмотря на достаточное законодательное регулирование порядка и условий назначения мер безопасности, предусмотренных УК Сомали, указанный институт в современном Сомали применяется редко.

До распада государства превентивные меры к политическим противникам были одними из распространенных и часто используемых инструментов предупреждения совершения уголовных нарушений. Но в связи с отсутствием политической конкуренции утратили свое значение как средство принуждения. Хотя в некоторых случаях применение превентивных мер может быть исторически оправдано. Как отмечал Ф.М. Решетников, «превентивное заключение политических противников может быть оправдано

в исключительных случаях, как вынужденная и временная мера со стороны правительства, проводящего прогрессивную политику и наталкивающегося на сопротивление реакционных элементов» [12, с. 176].

Следует отметить, что в настоящее время в Сомали заметна тенденция к сокращению применения мер, связанных с помещением лица в специальные учреждения (реформатории для несовершеннолетних, в госпиталь или интернат для психически больных, в психиатрическую больницу). Это объясняется отсутствием у государства достаточных

средств и квалифицированных специалистов, способных оказывать требуемую помощь таким лицам.

Иные меры уголовно-правового характера – институт, отражающий политику государства в части экономии мер репрессии, с одной стороны, и средство предупреждения совершения новых общественно опасных деяний со стороны психически нездоровых лиц – с другой. Его эффективность зависит от организации процесса исполнения этих мер, что предполагает подготовку квалифицированных сотрудников, исполняющих данные меры.

1. *The Constitution of the Democratic Republic of Somalia. Mogadishu, 1960.*

2. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. М., 2009.

3. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учеб. для магистров / под ред. Н.Е. Крыловой. 4-е изд. М., 2013.

4. Кузнецова Н.Ф., Вельцель Л. Уголовное право ФРГ. М., 1980.

5. Contini Paolo. *Integration of Laws in the Somali Republic. Mogadiscio, 1964.*

6. Ganzglass Martin R. *The Penal code of the Somali Democratic Republic; with cases, commentary and examples. New Brunswick, N.J., 1971.*

7. *The Penal code of the Somali Democratic Republic. Mogadishu, 1962.*

8. *The Criminal Procedure Code of Democratic Republic of Somalia. Mogadishu, 1963.*

9. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учеб. / под ред. И.Д. Козочкина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

10. *Xeerka ka hortaga argagaxisada. Muqdisho, 2007.*

11. Крылова Н., Серебренникова А. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). М., 2009.

12. Решетников Ф.М. Уголовное право зарубежных государств. Вып. 4: Наказание. М., 1975.

1. *The Constitution of the Democratic Republic of Somalia. Mogadishu, 1960.*

2. Dodonov V.N. *Comparative criminal law. General part. Moscow, 2009.*

3. *Criminal law of foreign countries. General and Special parts: textbook for masters / ed. by N.E. Krylova. 4th ed. Moscow, 2013.*

4. Kuznetsova N.F., Veltzel L. *Criminal law of FRG. Moscow, 1980.*

5. Contini Paolo. *Integration of Laws in the Somali Republic. Mogadiscio, 1964.*

6. Ganzglass Martin R. *The Penal code of the Somali Democratic Republic; with cases, commentary and examples. New Brunswick, N.J., 1971.*

7. *The Penal code of the Somali Democratic Republic. Mogadishu, 1962.*

8. *The Criminal Procedure Code of Democratic Republic of Somalia. Mogadishu, 1963.*

9. *Criminal law of foreign countries. General and Special parts: textbook / ed. by I.D. Kozochkin. 3th ed., rev. and add. Moscow, 2010.*

10. *Xeerka ka hortaga argagaxisada. Muqdisho, 2007.*

11. Krylova N., Serebrennikova A. *Criminal law of foreign countries (England, USA, France, Germany). Moscow, 2009.*

12. Reshetnikov F.M. *Criminal law of foreign countries. Iss. 4: Sanction. Moscow, 1975.*

**Понятовская Татьяна Григорьевна**  
доктор юридических наук, профессор,  
профессор кафедры уголовного права  
Московского государственного юридического университета  
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
(тел.: +74992448835)

## *Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел как обстоятельство, отягчающее наказание*

В статье проанализированы точки зрения ученых на понятие такого обстоятельства, отягчающего наказание, как совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел. На основе анализа судебной практики предложены пути решения имеющихся проблем применения уголовного законодательства в данной области.

**Ключевые слова:** уголовный закон, преступление, отягчающие обстоятельства, назначение наказания.

**T.G. Ponyatovskaya**, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA); tel.: +74992448835.

### **Committing an intentional crime of law-enforcement officer as a circumstance aggravating the punishment**

The article analyzes the point of view of scientists on the concept of such circumstances aggravating punishment, as intentional crime committed by an employee of the body of Internal Affairs. Based on the analysis of the court practice proposed solutions to the existing problems of application of the criminal legislation in this area.

**Key words:** criminal law, crime, aggravating circumstances, sentencing.

**Р**ассматриваемое отягчающее обстоятельство дополнило перечень ст. 63 УК в соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2010 г. № 155-ФЗ. За недолгий период своего функционирования в системе общих начал назначения наказания это обстоятельство вызвало столько нареканий научной общественности, скольких не удостоилось ни одно из обстоятельств.

Между тем, мотивы этого законодательного установления представляются вполне уважительными. Достаточно подробно они изложены в определении Конституционного Суда РФ от 24 января 2013 г. № 129-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нигматзянова Рамиля Наиловича на нарушение его конституционных прав пунктом “о” части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». В частности, Конституционный Суд РФ указал в своем определении: «Совершение умышленного преступления сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру – даже в сравнении с сотрудниками иных правоохранительных органов – ответственность

по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, свидетельствует об их осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой Присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного соблюдения и, как следствие, предполагает допустимость поиска законодателем наиболее адекватных мер уголовно-правового реагирования на подобного рода преступные деяния, в том числе при определении общих начал назначения уголовного наказания.

Соответственно, отнесение пунктом “о” части первой статьи 63 УК Российской Федерации к числу обстоятельств, отягчающих наказание, совершения умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел не выходит за рамки полномочий федерального законодателя, обладающего значительным усмотрением при

определении содержания и приоритетов проводимой в условиях конкретной социально-экономической ситуации уголовной политики, и не может расцениваться как противоречащее конституционному принципу равенства всех перед законом, поскольку оно объективно обусловлено повышенной степенью общественной опасности указанных преступных деяний и их последствий и направлено на обеспечение в соответствии с принципом справедливости дифференциации уголовной ответственности и наказания».

Эта позиция Конституционного Суда РФ согласуется с мнениями некоторых ученых. Например, Н.А. Вакуленко отмечает, что нарушения законности и факты совершения преступлений сотрудниками органов внутренних дел противоречат самой природе, сути правоохранительной деятельности и службы, понижают авторитет правоохранительной системы в целом [1, с. 92].

М.А. Багмет справедливо отмечает, что особенности криминологической характеристики преступлений сотрудников органов внутренних дел заключаются в совокупности уголовно наказуемых деяний, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в связи с исполнением непосредственных профессиональных или служебных обязанностей сотрудника органов внутренних дел, посягающих на нормальную работу правоохранительных органов, интересы правосудия, а также законные права, свободы и интересы граждан. Значительная доля таких преступлений является латентной [2].

Приведенные научные позиции отражают потребность общества в противодействии едва ли не особому виду преступности. Однако вряд ли эта проблема может быть решена средствами института назначения наказания. Вряд ли для решения указанной задачи допустимо расшатывать принципы уголовного права, уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

Так, А.В. Елинский отмечает: «Осторожность требуется и в вопросе установления отягчающих наказание обстоятельств. Например, едва ли отвечает критерию справедливости введение в статью 63 УК РФ (п. «о» ч. 1) такого отягчающего обстоятельства, как совершение преступления сотрудником органа внутренних дел (осуществлено Федеральным законом от 22 июля 2010 года № 155-ФЗ). Федеральный законодатель, действительно, вправе устанавливать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления отдельными категориями граждан, наделенных специальными полномочиями, усиливающими их криминальную опасность. Однако в этом случае, исходя из конституционного принципа равенства и

справедливости, следует признать отягчающим обстоятельством совершение преступления не только сотрудником органов внутренних дел, но и сотрудниками других правоохранительных органов, которые наделены схожим правовым статусом, в частности имеют право на хранение и ношение огнестрельного оружия, а также выполняют функции борьбы с преступлениями и иными правонарушениями» [3].

Такого же мнения придерживается А.Л. Чуцаев: «Это дополнение принято, скорее всего, по соображениям политического характера, на волне резко негативного отношения населения к сотрудникам органов внутренних дел... без учета требований законодательной техники и правил подбора смягчающих и отягчающих обстоятельств» [4, с. 57–58].

Сомнения относительно соответствия п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ принципу равенства высказывает А.С. Денисова, также справедливо отмечая, что «наличие одного лишь статуса сотрудника органа внутренних дел при совершении умышленного преступления автоматически будет блокировать применение статьи 62 УК РФ независимо от обстоятельств совершения преступления» [5, с. 270–271].

В.И. Гладких относит положение п. «о» ч. 1 ст. 63 УК к парадоксам современного законодательства. «Получается, что, кроме сотрудников органов внутренних дел, в стране нет других силовых структур, в обязанности которых входят выявление и пресечение преступлений, которые тоже иногда выходят за рамки закона.

С этими язвами современного общества необходимо бороться, равно как коренным образом пересматривать уголовно-правовую базу противодействия преступлениям, совершаемым в сфере экономики, но исключительно на принципах законности, справедливости, системности законодательства, а не руководствуясь соображениями практической целесообразности, политической конъюнктуры и революционного правосознания, а также повальным внедрением в закон исключений из правил. Правила игры должны соблюдаться всегда и везде, в том числе и в законотворчестве» [6].

А.М. Шаганян отнес п. «о» ч. 1 ст. 63 УК к числу ограничений прав и свобод человека и гражданина. «Запрет произвола ограничений в однотипных ситуациях призван исключить проявление неравного подхода к ограничениям прав и свобод смежных категорий граждан. Например, п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, который к обстоятельствам, отягчающим наказание, относит совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел» [7].

По справедливому мнению Т.В. Кленовой, положения п. «о» ч. 1 ст. 63 УК нарушают принцип равенства всех перед законом: «Государство провозглашает принцип равенства и запрещает посягательства на равноправие, вместе с тем само государство пользуется большой свободой при ограничении прав по критерию социальной принадлежности, устанавливая правила уголовной ответственности и наказания. Например, Федеральным законом от 22.07.2010 № 155-ФЗ ч. 1 ст. 63 УК РФ дополнена пунктом “о”, согласно которому совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел признается обстоятельством, отягчающим наказание. Такое законодательное решение не только означает изъятие из ст. 4 УК РФ, где предусмотрено, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от должностного положения. Оно также влечет неравенство должностных лиц как субъектов уголовной ответственности в зависимости от их ведомственной принадлежности. Представляется, что исходя из принципа равенства должностное положение лица само по себе, вне связи с характеристиками совершенного преступления, не может служить основанием ни усиления, ни смягчения уголовной ответственности» [8].

Таким образом, по общему мнению, пунктом «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ нарушается принцип равенства, справедливости, индивидуализации наказания. Представляется, что в данном случае можно говорить не об индивидуализации наказания, а о его объективизации. Единственно возможным средством реализации принципа индивидуализации наказания является отнесение к числу отягчающих лишь тех обстоятельств, которые обладают свойством существенно влиять на степень общественной опасности преступления и преступника. Формальные по содержанию обстоятельства существенно затрудняют реализацию этого принципа. При наличии их формальных признаков гарантией индивидуализации наказания является возможность судебного усмотрения в вопросе их установления. При отсутствии такой возможности индивидуализация наказания посредством формального учета формальных отягчающих обстоятельств становится невозможной.

Рассматриваемое обстоятельство является формальным как по своему содержанию, так и по установлению, для которого не требуется учета иных обстоятельств дела, а достаточно одного лишь факта служебной принадлежности. При этих условиях об индивидуализации наказания не может идти речи. В этом смысле

весьма показательна выдержка из кассационного определения Верховного Суда РФ от 23 мая 2012 г. № 81-О12-37: «Доводы адвокатов Доренского В.Г. и Воронина Ю.Н., заявленные ими во время заседания суда кассационной инстанции, о том, что учет судом обстоятельства, предусмотренного п. “о” ч. 1 ст. 63 УК РФ, ухудшил положение подсудимых и нарушил их право на защиту, нельзя признать обоснованными, поскольку указанное обстоятельство, характеризующее должностное положение виновных, является очевидным фактом, защищаться от которого, то есть отрицать его, представляется неразумным».

Включение в перечень отягчающих обстоятельств, которые являются формальными и не отвечают критериям индивидуализации наказания, мягко говоря, должно вызывать настороженность. Наличие в перечне ст. 63 УК РФ обстоятельств, обладающих подобными свойствами, а тем более – дополнение этого перечня новыми, такими же обстоятельствами, является нетерпимым. Напомним также мнение А.С. Денисовой о том, что рассматриваемое обстоятельство «блокирует» применение смягчающих обстоятельств в соответствии с ч. 1 ст. 62 УК [5].

В действительности практика применения рассматриваемого отягчающего обстоятельства представляет собой весьма любопытную (а точнее – противоречивую) картину. Как представляется, в ней отразилась неясность уголовно-правовой сущности этого отягчающего обстоятельства. Поскольку, как уже отмечалось, «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел» является формальным обстоятельством, суды обращаются к нему часто, но учитывают противоречиво.

Так, С. был признан виновным в том, что совершил покушение на мошенничество, т.е. хищение чужого имущества путем обмана, с использованием своего служебного положения. Кассационным определением Московского городского суда от 18 июля 2012 г. по делу № 22-9488 приговор по делу о покушении С. на мошенничество был изменен: исключено указание на признание отягчающим наказание обстоятельством совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел. Назначенное наказание было снижено, «поскольку данное отягчающее обстоятельство предусмотрено УК РФ в качестве признака преступления, поэтому оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания».

Аналогичная позиция была отражена в кассационном определении Московского городского

суда от 2 июля 2011 г. по делу № 22-7873/12, которым был изменен приговор по делу о мошенничестве: «исключено указание на наличие в действиях осужденного отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного пунктом “о” части 1 статьи 63 УК РФ, поскольку квалифицирующий признак “использование своего служебного положения” не может учитываться повторно как обстоятельство, отягчающее наказание».

Приведенные примеры свидетельствуют о ситуации коллизии между квалифицирующим признаком «совершение преступления с использованием служебного положения» и отягчающим обстоятельством «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел». Как видно, суды кассационной инстанции отождествляют содержание указанных признаков.

Содержание рассматриваемого отягчающего обстоятельства отождествляется практически работниками также с содержанием отягчающего обстоятельства «совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти» (п. «н» ч. 1 ст. 63 УК). Применение обоих признаков (п. «о» и п. «н» ч. 1 ст. 63 УК) являлось пунктами обжалования и предметом кассационного рассмотрения.

Так, в кассационной жалобе в защиту осужденного С. адвокат просил приговор в отношении С. изменить и смягчить назначенное наказание. Он указал, что С. активно способствовал раскрытию преступления, изобличил соучастника преступления, а также нельзя признавать отягчающим наказание обстоятельством совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел, т.к. на момент совершения преступления он не был одет в форменную одежду.

Кассационным определением Верховного Суда РФ от 14 марта 2012 г. № 42-О12-1 приговор по делу о разбое, убийстве был оставлен без изменения. В нем указывалось: «Доводы жалобы о том, что данное отягчающее наказание обстоятельство не могло быть учтено в отношении С., так как в момент совершения преступления он не был одет в форменную одежду и не находился при исполнении служебных обязанностей, не могут быть признаны обоснованными, так как совершение сотрудником органа внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об

их осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, предполагает применение адекватных мер уголовно-правового реагирования на подобного рода преступные деяния, в том числе при определении общих начал наказания. В связи с этим оснований к исключению указанного отягчающего наказания обстоятельства не имеется».

Эта позиция кассационной инстанции Верховного Суда РФ представляется нам обоснованной, т.к. в ней нашли отражение сущностная характеристика рассматриваемого отягчающего обстоятельства, его социальное значение в согласии с приведенным в начале статьи разъяснением Конституционного Суда РФ. Главное в этом значении – статус сотрудника органа внутренних дел. Для отягчающего обстоятельства «совершение преступления с использованием форменной одежды и документов представителя власти» существенным является использование атрибутов власти, а не сама власть.

Кроме того, способ совершения преступления ни при каких обстоятельствах не конкурирует с отягчающим обстоятельством «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел». Усиление наказания сотрудника органа внутренних дел преследует цель повышения ответственности лиц, наделенных соответствующим статусом, за совершение любых преступлений, независимо от конкретных жизненных ситуаций, обстоятельств совершения преступлений, способов их совершения.

С этой точки зрения представляется неоправданной, противоречащей социальному и правовому смыслу положения п. «о» ч. 1 ст. 63 УК позиция судов, отождествляющих рассматриваемое отягчающее обстоятельство с признаком «совершение преступления с использованием служебного положения».

Статусное содержание отягчающего обстоятельства может конкурировать только со статусным признаком состава преступления. Практика нередко сталкивается с такой конкуренцией и разрешает ее. Так, определением Московского городского суда от 28 февраля 2011 г. по делу № 22-2236/11 был изменен приговор по делу о злоупотреблении должностными полномочиями: из описательно-мотивировочной части приговора было исключено указание на признание отягчающим наказание виновному обстоятельством совершения умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел, «так как это обстоятельство предусмотрено ч. 1 ст. 285 УК РФ в качестве признака преступления».

Аналогичным, по сути, обстоятельствам другой судебной инстанцией была дана противоположная оценка. Б. был осужден по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. В надзорной жалобе осужденный Б., не оспаривая вину и квалификацию содеянного, просил приговор суда изменить в части назначенного наказания, полагая, что суд необоснованно признал в качестве отягчающего наказание обстоятельство, предусмотренное п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел. В постановлении Московского городского суда от 24 декабря 2012 г. № 4у/5-10156/12 был дан следующий ответ на эту жалобу: «Что же касается доводов надзорной жалобы об исключении из приговора отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. “о” ч. 1 ст. 63 УК РФ – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел, то они являются несостоятельными, поскольку, вопреки утверждению осужденного, данное обстоятельство не предусмотрено в качестве квалифицирующего признака преступления, за которое Б. осужден».

И снова противоположное решение: Ш. был признан виновным в превышении должностных полномочий, т.е. в совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства.

Кассационным определением Московского городского суда от 18 января 2012 г. по делу № 22-0422 приговор был изменен: исключено из описательно-мотивировочной части приговора наличие отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, «так как суд учел должностное положение виновного при юридической оценке его действий, признание этого же обстоятельства в качестве отягчающего наказание, то есть повторно, противоречит положениям ч. 2 ст. 63 УК РФ и учтено судом необоснованно, в связи с чем подлежит исключению».

Кассационным определением Московского городского суда от 24 сентября 2012 г. по делу № 22-13019 также был изменен приговор по делу о покушении на получение должностным лицом взятки в значительном размере: из его описательно-мотивировочной части было исключено обстоятельство, отягчающее наказание, наказание снижено, поскольку к обязательным признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ, относится должностное лицо в соответствии с прим. 1 к ст. 285 УК РФ, полномочиями которого обладала осужденная. «Судебная коллегия пришла к выводу исключить из описательно-мотивировочной части приговора признанное судом обстоятельство, отягчающее наказание “совершение преступления сотрудником органа внутренних дел”, поскольку к обязательным признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ относится должностное лицо в соответствии с примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, полномочиями которого обладала осужденная».

В отличие от способа совершения преступления, должностное положение субъекта преступления имеет много общего с отягчающим обстоятельством «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел». Как один, так и другой признак являются статусными, отражающими значение полномочий этих лиц, которые определяют характер и степень общественной опасности совершенных ими преступлений. Сложившаяся практика отождествления судами содержания признаков должностного лица с отягчающим обстоятельством, предусмотренным п. «о» ч. 1 ст. 63 УК, не вступает в противоречие с доктриной и, как нам представляется, является приемлемой. Она свидетельствует о том, что учет рассматриваемого отягчающего обстоятельства возможен при назначении наказания только за общеуголовные преступления.

Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках проектной части государственного задания на выполнение НИР по проекту 1503.

1. Вакуленко Н.А. Законность и правопорядок в деятельности органов внутренних дел // Правовой порядок: актуальные проблемы социально-правовой теории. Ростов н/Д, 2010.

2. Багмет М.А. Преступность сотрудников органов внутренних дел // Рос. следователь. 2011. № 22. С. 31–35.

3. Елинский А.В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 159–176.

1. Vakulenko N.A. Law and order in the activity of bodies of Internal Affairs // Legal order: actual problems of social and legal theory. Rostov-on-Don, 2010.

2. Bagmet M.A. Crime of employees of Internal Affairs bodies // Russian investigator. 2011. № 22. P. 31–35.

3. Elinsky A.V. Constitutional measurement criminal law // Comparative constitutional review. 2012. № 3. P. 159–176.

4. Чучаев А.Л. Сотрудник органа внутренних дел – особый субъект уголовно-правовых отношений? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф., 27–28 янв. 2011 г. М., 2011.

5. Денисова А.С. Совершение преступления сотрудником органа внутренних дел // Там же.

6. Гладких В.И. Парадоксы современного законодательства: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Рос. следователь. 2012. № 11. С. 15–18.

7. Шаганян А.М. К вопросу о принципах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Общество и право. 2011. № 3. С. 78–82.

8. Кленова Т. О равенстве и неравенстве. Политике не место в уголовном законодательстве // Юрид. газ. 2011. № 17. С. 8–9.

4. Chuchaev A.L. An official of the body of Internal Affairs – special subject of criminal legal relations? // Criminal law: strategy of development in the XXI century: proc. of the Eighth Intern. sci.-pract. conf., Jan 27–28, 2011. Moscow, 2011.

5. Denisova A.S. The Commission of a crime by an employee of the body of Internal Affairs // Ibid.

6. Gladkih V.I. Paradoxes of modern lawmaking: critical notes in the margin of the Criminal code // Russian investigator. 2012. № 11. P. 15–18.

7. Shaganyan A.M. To the question about the principles of restriction of the rights and freedoms of man and citizen // Society and law. 2011. № 3. P. 78–82.

8. Klenova T. About the equality and inequality. Politics have no place in the criminal legislation // Legal newsp. 2011. № 17. P. 8–9.

**Гузеева Ольга Сергеевна**кандидат юридических наук,  
ведущий научный сотрудникНаучно-исследовательского института  
Академии Генеральной прокуратуры РФ  
(e-mail: o.s.guzeeva@mail.ru)

## *Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности*

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы, возникающие при квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, сформулированы научно обоснованные рекомендации по разрешению этих проблем, которые могут быть востребованы в правоприменительной практике.

**Ключевые слова:** преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, половые преступления, посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

**O.S. Guzeyeva**, Master of Law, Leading Researcher of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: o.s.guzeeva@mail.ru

### **Problems qualification of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the person**

The article considers controversial issues arising in the qualification of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the person, formulated scientifically based recommendations for solving these problems, which can be used in law-enforcement practice.

**Key words:** crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the person, sexual offenses, sexual assault of minors.

**В** соответствии с Конституцией РФ каждому человеку и гражданину гарантируется защита его прав и свобод, в том числе право на половую свободу и половую неприкосновенность.

Современная судебная практика выработала ряд рекомендаций по квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Вместе с тем, некоторые серьезные проблемы остались за рамками судебного толкования, что предопределило различную судебно-следственную практику по одним и тем же вопросам квалификации половых преступлений.

Так, например, из материалов судебно-следственной практики следует, что в настоящий момент нет однозначной позиции по вопросу необходимости дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ в тех случаях, когда применение насилия или угрозы применения насилия осуществляется в отношении не самого потерпевшего, а в целях подавления его сопротивления в отношении других лиц.

На наш взгляд, применение насилия или угрозы его применения в отношении не самого

потерпевшего, а в отношении других лиц не требует дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ, устанавливающим ответственность за преступления против здоровья, чести и достоинства личности, поскольку эти действия составляют объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ.

В связи с этим применение насилия при изнасиловании и совершении насильственных действий сексуального характера в отношении других лиц, в результате чего им причиняется легкий или средней тяжести вред здоровью, на наш взгляд, полностью охватывается диспозициями ст. 131 и 132 УК РФ.

Вместе с тем, судебная практика исходит из сопоставления строгости конкретных санкций, поскольку характер общественной опасности преступления, степень важности того или иного объекта уголовно-правовой охраны, в том числе и опасность причиненного ему вреда, формально отражены в санкции.

Квалификация сложного насильственного преступления производится по одной статье (или части) в тех случаях, когда санкция за такое преступление является более строгой

по сравнению с санкциями за применение физического насилия в соответствующих статьях гл. 16 УК РФ. Так, А.В. Наумов указывает на необходимость квалификации по совокупности преступлений, если санкция за одно из деяний, образующих составное преступление, строже санкции, предусмотренной за составное преступление [1, с. 15]. Л.Д. Гаухман полагает, что более полная норма не должна быть менее строгой по сравнению с менее полной нормой [2, с. 299].

В тех случаях, когда санкция сложного насильственного преступления меньше, чем санкция преступления, предусмотренного гл. 16 УК РФ, или равна ей, требуется квалификация по совокупности этих преступлений. Поэтому если речь идет об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью другим лицам при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера либо покушении на них, действия виновного лица должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 131 или ст. 132 УК РФ и ст. 111 УК РФ.

Указанная позиция вполне согласуется с п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым применение насилия при изнасиловании и совершении насильственных действий сексуального характера, в результате которого такими действиями потерпевшему лицу причиняется легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается диспозициями ст. 131 и 132 УК РФ, однако, если такими действиями потерпевшему умышленно причиняется тяжкий вред здоровью, действия виновного квалифицируются по соответствующей части ст. 131 или ст. 132 УК РФ и по ст. 111 УК РФ.

Как следует из материалов судебно-следственной практики ряда субъектов Российской Федерации, довольно распространенной является позиция, согласно которой действия лица, приведшего потерпевшего в беспомощное состояние, но непосредственно не вступавшего в половое сношение или не совершавшего действия сексуального характера с потерпевшим лицом и не применявшего к нему физического или психического насилия при совершении указанных действий, не являются соисполнительством в групповом изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера.

Однако отнесение таких действий к пособничеству в совершении изнасилования не соответствует ч. 5 ст. 33 УК РФ, согласно которой пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий. По ч. 5 ст. 33 УК РФ и при отсутствии квалифицирующих признаков по ч. 1 ст. 131 УК РФ или, соответственно, по ч. 1 ст. 132 УК РФ возможно квалифицировать действия лица, непосредственно не вступавшего в половое сношение или не совершавшего действия сексуального характера с потерпевшим лицом и не применявшего к нему физического или психического насилия при совершении указанных действий, а лишь содействовавшего совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации виновному лицу либо устранением препятствий и т.п.

Использование беспомощного состояния является составообразующим признаком преступления, следовательно, приведение потерпевшего в беспомощное состояние нельзя рассматривать как устранение препятствия к совершению изнасилования (насильственных действий сексуального характера).

В связи с этим приведение в беспомощное состояние с умыслом на совершение другим лицом насильственного полового акта (действий сексуального характера) возможно квалифицировать только как соисполнительство в групповом изнасиловании (совершении насильственных действий сексуального характера).

При этом действия лица, приведшего потерпевшего в беспомощное состояние, но непосредственно не вступавшего в половое сношение или не совершавшего действия сексуального характера с потерпевшим лицом и не применявшего к нему физического или психического насилия при совершении указанных действий, следует квалифицировать как соисполнительство в групповом изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

В связи с этим довольно серьезной проблемой является квалификация указанных деяний, если соисполнителями выступают лица, которые не могут быть привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости, недостижения возраста уголовной ответственности или по другим предусмотренным законом основаниям.

Так, в некоторых субъектах Российской Федерации складывается следующая судебно-следственная практика: каждый из участвующих

в совместной преступной деятельности должен обладать признаками субъекта преступления. В связи с этим соучастниками преступления признаются только лица, отвечающие общим условиям уголовной ответственности, предусмотренным ст. 19 УК РФ. Следовательно, объединение нескольких лиц, не обладающих общими признаками субъекта преступления, может образовывать группу как социальное явление, но такая группа не будет отвечать признакам соучастия. Эту позицию разделяет ряд ученых: «Отсутствие в уголовно-правовом смысле двух или более лиц в совершении преступления исключает соучастие. Поэтому в случаях совершения преступления несколькими лицами, из которых только одно обладает признаками субъекта преступления, содеянное может быть квалифицировано только как индивидуально совершенное преступление (включая случаи так называемого “посредственного причинения”), но не как преступление, совершенное в соучастии» [3, с. 32].

Однако, по нашему мнению, текст закона допускает возможность под соучастниками понимать фактических участников преступления, в том числе не способных нести уголовную ответственность. Поэтому совершение всякого умышленного преступления лицом, способным нести уголовную ответственность, совместно с одним или несколькими лицами, не обладающими признаками субъекта преступления, следует квалифицировать как преступление, совершенное группой лиц, если это обстоятельство предусмотрено в соответствующей части УК РФ как квалифицирующий признак [4, с. 52].

Следовательно, изнасилование и насильственные действия сексуального характера, на наш взгляд, подлежат квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 131 или п. «а» ч. 2 ст. 132 УК РФ независимо от того, что остальные участники преступления не могут быть привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости, недостижения возраста уголовной ответственности или по другим предусмотренным законом основаниям.

В связи с этим необходимо приведение к единообразию всех действующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ, в которых затрагивается проблема соучастия с лицом, не подлежащим уголовной ответственности.

Довольно много сложностей возникает у суда и органов предварительного расследо-

вания при квалификации нескольких половых актов либо насильственных действий сексуального характера, которые не прерывались либо прерывались на непродолжительное время.

По нашему мнению, если несколько половых актов либо насильственных действий сексуального характера не прерывались либо прерывались на непродолжительное время и обстоятельства совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера свидетельствуют о едином умысле виновного лица на совершение указанных тождественных действий, их следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ. Как справедливо указывает В.П. Коняхин, в анализируемом случае «содеянное должно охватываться рамками единичного преступления, т.е. единым умыслом, реализуемым, как правило, одновременно или с незначительным разрывом во времени» [5, с. 111]. Изложенная позиция основывается на разъяснениях, содержащихся в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: в соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам ч. 2 данной статьи при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден.

В то же время нельзя квалифицировать как единое продолжаемое преступление систематическое совершение половых актов либо насильственных действий сексуального характера в отношении лиц, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии в силу возраста, слабоумия или другого хронического психического расстройства, а также в отношении лиц, находящихся в материальной зависимости от виновного, поскольку длительная психотравмирующая ситуация может вызвать у него психическое расстройство. В данном случае систематичность указанных преступлений, напротив, свидетельствует о повышенной общественной опасности виновного.

1. Красиков Ю.А. Множественность преступлений (понятие, виды, наказуемость). М., 1988.

1. Krasikov Yu.A. Plurality of crimes (concept, types, punishable). Moscow, 1988.

2. Гаухман Л.Д. *Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.*

3. Звечаровский И. *Совершение преступления в соучастии: проблема квалификации // Законность. 1999. № 11.*

4. Рарог А., Есаков Г. *Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Рос. юстиция. 2002. № 1.*

5. *Уголовный кодекс Российской Федерации. Особенная часть: постатейный науч.-практ. коммент. / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М., 2012.*

2. Gaukhman L.D. *Qualification of crimes: law, theory, practice. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2003.*

3. Zvecharovsky I. *Committing a crime of complicity: problem of qualification // Legality. 1999. № 11.*

4. Rarog A., Yesakov G. *Understanding by the Supreme Court of the Russian Federation «group of persons» corresponds to the principle of fairness // Russian justice. 2002. № 1.*

5. *Criminal code of the Russian Federation. The Special part: itemized sci. and pract. comment. / ed. by A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. Moscow, 2012.*

Танага Ирина Владимировна

кандидат юридических наук,  
преподаватель кафедры уголовного права  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583563)

## *Особенности объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 228<sup>1</sup> Уголовного кодекса Российской Федерации*

В статье рассматриваются вопросы и проблемы, связанные с особенностями объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 228<sup>1</sup> УК РФ «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества».

**Ключевые слова:** наркотические средства, психотропные вещества, аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, незаконное производство, сбыт, пересылка, объективная сторона преступления.

**I.V. Tanaga**, Master of Law, Teacher of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

### **Features of the objective side of the crime under article 228<sup>1</sup> of the Criminal code of the Russian Federation**

The paper examines the issues and problems associated with the peculiarities of the objective side of the crime under article 228<sup>1</sup> of the Criminal code of the Russian Federation «Illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, and also the illegal sale or shipment of plants containing narcotic drugs or psychotropic substances, or their parts containing narcotic drugs or psychotropic substances».

**Key words:** narcotics, psychotropic substances, analogues, plants containing narcotic drugs or psychotropic substances, illegal production, sale, shipment, objective side of crime.

**О**бъективная сторона преступления представляет собой внешнюю сторону преступления, или, иначе говоря, выраженный вовне акт поведения человека [1, с. 119]. Объективная сторона включает следующие элементы: действие или бездействие, общественно опасные последствия, причинную связь между действием (бездействием) и последствиями, место, время, обстановку, орудия, средства, способ совершения преступления. К обязательным элементам относятся действие или бездействие, последствия и причинная связь между первыми и вторыми. Остальные элементы объективной стороны факультативные [2, с. 359].

Элементы объективной стороны, имеющие общий характер для всех составов преступлений, изучаются в Общей части уголовного права. Объективная сторона каждого отдельного преступления рассматривается в Особенной части.

Значение объективной стороны определяется тем, что правильное ее установление важно для квалификации преступления и его отграничения от других, сходных с ним по иным признакам преступлений. Так, различные формы хищений можно разграничить между собой только благодаря признакам объективной стороны, поскольку другие признаки – объект, субъект, субъективная сторона, предмет преступления – у них общие. Однако в других случаях признаки объективной стороны позволяют правильно судить о совершении того или иного конкретного преступления, характеризующегося определенными способом, местом совершения, последствиями и т.д. Анализ объективной стороны позволяет установить дополнительные объекты преступления.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 228<sup>1</sup> УК РФ «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их анало-

гов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», характеризуется как незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Закон связывает уголовную ответственность с совершением любого из упомянутых деяний. Объективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется совершением активных действий.

Под незаконным производством следует понимать совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия, направленные на серийное получение таких средств или веществ из растений, химических и иных веществ (например, с использованием специального химического или иного оборудования, производство наркотиков в приспособленном для этих целей помещении, изготовление его партиями, в расфасованном виде) [3, с. 87].

Кроме того, под незаконным производством наркотических средств и психотропных веществ понимаются действия, направленные на серийное получение наркотических средств или психотропных веществ из химических веществ и (или) растений [4], при этом для квалификации действий лиц по ч. 1 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ как оконченного преступления не имеет значения размер фактически полученного наркотического средства или психотропного вещества.

Место изготовления – квартира, общежитие, предприятие, химическая лаборатория, равно как и квалификация лица (работник фармацевтического предприятия, аптеки, частное лицо и др.), значения не имеет. Момент окончания состава связан с фактом производства (изготовления) подобных средств и веществ. Поэтому преступление следует считать оконченным в любой момент технологической цепочки выработки, создания наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов.

Под незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ следует понимать любые способы их возмездной или безвозмездной передачи другим лицам (продажу, дарение, обмен, уплату долга, дачу взаймы и т.д.), а также иные способы распространения, например путем введения инъекции наркотических средств или психотропных веществ. При

этом не может квалифицироваться как незаконный сбыт введение одним лицом другому лицу инъекций наркотического средства или психотропного вещества, если указанное средство или вещество принадлежит самому потребителю и инъекция вводится по его просьбе, либо совместно приобретено потребителем и лицом, производившим инъекцию, для совместного потребления, либо наркотическое средство или психотропное вещество вводится в соответствии с медицинскими показаниями [5, с. 187].

Ответственность лица за сбыт наркотических средств, психотропных веществ по ч. 1 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ наступает независимо от их размера.

В тех случаях, когда лицо в целях лечения животных использует незаконно приобретенное наркотическое средство или психотропное вещество (кетамин, кетамин гидрохлорид), в его действиях отсутствуют признаки преступления, влекущего уголовную ответственность за незаконный сбыт этих средств или веществ, т.к. в данном случае отсутствует объект преступления, действия не причиняют вреда отношениям по охране здоровья населения.

В случае, когда препараты, используемые при лечении животных, были незаконно приобретены в крупном или особо крупном размере, наступает ответственность по соответствующей части ст. 228 УК РФ.

Действия лица, сбывающего с корыстной целью какие-либо иные средства или вещества под видом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, следует рассматривать как мошенничество. В этих случаях покупатель при наличии предусмотренных законом оснований могут нести ответственность за покушение на незаконное приобретение наркотиков в крупном или особо крупном размере.

Под незаконной пересылкой следует понимать действия лица, направленные на перемещение наркотических веществ адресату (в почтовых отправлениях, посылках, багаже с использованием средств почтовой связи, воздушного или другого вида транспорта), когда эти действия по перемещению осуществляются без непосредственного участия отправителя. При этом ответственность лица по ст. 228<sup>1</sup> УК РФ как за оконченное преступление наступает с момента отправления письма, посылки, багажа и т.п. с содержащимися в нем наркотическими веществами независимо от получения их адресатом. Транспортировка наркотика может

осуществляться и при помощи животных [3, с. 89–90].

Незаконную пересылку наркотических средств или психотропных веществ необходимо ограничивать от контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, т.е. от ст. 229<sup>1</sup> УК РФ.

Если лицо незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает или перерабатывает наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги в целях последующего сбыта этих средств или веществ, но умысел не доводит до конца по не зависящим от него обстоятельствам, то действия виновного квалифицируются как приготовление к незаконному сбыту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Передача наркотического средства при проверочной закупке, проводимой представителями правоохранительных органов в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», квалифицируется как покушение на преступление, поскольку в этих случаях происходит изъятие наркотического средства из незаконного оборота.

Действия лица, сбывающего с корыстной целью под видом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих или ядовитых веществ какие-либо иные средства или вещества, следует рассматривать как мошенничество (ст. 159 УК РФ).

Состав преступления формальный, деяние окончено с момента совершения любого из указанных в ст. 228<sup>1</sup> УК РФ действий.

Квалифицирующими признаками преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ, являются сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный:

а) в следственном изоляторе, исправительном учреждении, административном здании, сооружении административного назначения, образовательной организации, на объектах спорта, железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена, в общественном транспорте либо помещениях, используемых для развлечений или досуга;

б) с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Квалифицирующими признаками преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ, являются деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 настоящей статьи, совершенные:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) в значительном размере.

Группой лиц по предварительному сговору является группа в составе не менее двух человек, каждый из которых совместно с другими соучастниками выполняет объективную сторону состава преступления.

Постановлением Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» утверждены значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ, а также растений, их содержащих, для целей статей 228, 228<sup>1</sup>, 229 и 229<sup>1</sup> УК РФ.

Квалифицирующими признаками преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ, являются деяния, предусмотренные ч. 1, 2 или 3 настоящей статьи, совершенные:

- а) организованной группой;
- б) лицом с использованием своего служебного положения;
- в) лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении несовершеннолетнего;
- г) в крупном размере.

Организованной группой признается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения производства, сбыта, пересылки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Такая группа характеризуется наличием руководителя, четким распределением ролей, строгим подчинением групповой иерархии и дисциплине.

Под использованием служебного положения понимаются действия любых лиц, которые по роду деятельности связаны с легальным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (работники медицинских, фармацевтических, научных и т.п. учреждений, а также, например, работники почты).

Квалифицирующими признаками преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 228<sup>1</sup> УК РФ, являются деяния, предусмотренные ч. 1, 2, 3 или 4 настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере.

Действия посредника в сбыте или приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов следует квалифицировать как соучастие в сбыте или в приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в зависимости от того, в чьих

интересах (сбытчика или приобретателя) действует посредник.

В настоящее время в следственно-судебной практике актуальным является вопрос о квалификации действий лица, сбывающего партию наркотического средства в несколько приемов (например, часть наркотика изъята при проверочной закупке, остальная часть партии – в ходе обыска). При квалификации указанных действий следует исходить из того, что, когда лицо, имея умысел на сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном или особо крупном размере, совершило такие действия в несколько приемов, реализовав лишь часть имеющихся у него указанных средств или веществ, не образующую крупного или особо крупного размера, все содеянное им подлежит квалификации по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части ст. 228<sup>1</sup> УК РФ.

Если органами предварительного расследования изначально дана неверная квалификация и единое преступление оценено как совокупность преступлений (покушение на сбыт наркотического средства, изъятого при проверочной закупке, и приготовление к сбыту оставшегося наркотика), то кассационная или надзорная инстанции вынуждены изменять приговор, но при этом, поскольку суд не может выйти за пределы предъявленного обвинения, у него нет возможности оценить все содеянное с единым умыслом как покушение на сбыт всей партии наркотика, образующей, например, крупный или особо крупный размер, если наркотик, изъятый при проверочной закупке, крупного размера не образует.

Характер и размер вреда, причиненного преступлением, подлежат обязательному доказыванию по каждому уголовному делу в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Однако преступления, связанные с незаконным сбытом наркотиков, имеют определенную специфику, которая, по нашему мнению, не позволяет установить характер и размер причиненного вреда.

Во-первых, по делам рассматриваемой категории отсутствует такой участник судопроизводства, как потерпевший – физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, или юридическое лицо, которому преступлением причинен вред его имуществу или деловой репутации (ч. 1 ст. 42 УПК РФ).

Во-вторых, анализ ст. 44 УПК РФ показывает, что в ходе расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, невозможно участие гражданского истца, который мог бы предъявить требование о возмещении

имущественного вреда, нанесенного ему непосредственно преступлением.

Проблеме определения характера и размера вреда, причиненного незаконным сбытом наркотических средств, в теории уголовно-процессуального права уделяется определенное внимание. Так, высказано мнение о возможности доказывания причиненного вреда «путем установления количества наркоманов, которые пользовались наркотиками, сбываемыми обвиняемыми, и стали привычными наркоманами в результате преступных действий; времени, в течение которого эти люди не работали и лечились за государственный счет; стоимости лечения и поврежденного государственного имущества. При этом следователь должен принять все меры для обеспечения возмещения ущерба и возможного гражданского иска» [6, с. 765].

Т.В. Жукова, отмечая, что материальный вред от подобного вида преступлений наносится конкретному индивидууму, здоровью всей нации и национальной безопасности государства в целом, предлагает свою, достаточно сложную методику расчета причиненного материального вреда [7].

Разделяя мнение ученых о том, что незаконным сбытом наркотических средств причиняется вред, прежде всего здоровью населения, позволим себе не согласиться с возможностью применения на практике приведенных рекомендаций.

Во-первых, установление причинной связи между приведенными элементами практически невозможно; во-вторых, сумма затрат правоохранительных органов в соответствии со ст. 131 УПК РФ относится к процессуальным издержкам, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета; и наконец, по делам рассматриваемой категории отсутствуют такие участники судопроизводства, как потерпевший и гражданский истец, что исключает возможность взыскания с виновного причиненного вреда.

Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, подлежат доказыванию по уголовному делу в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Данные обстоятельства конкретизируются уголовным законом. Они характеризуют совершенное виновным преступление, его личность и в силу этого способны повлиять на вид и меру назначаемого наказания. Факторы, действие которых значительно повышает общественную опасность преступления, выводятся законодателем за рамки основного состава в квалифицированные или особо квалифицированные составы преступления, которые предусматриваются отдельными частями статьи Особенной части УК РФ.

В случае, если приобретение наркотического средства происходит при проверочной закупке, в ходе которой наркотическое средство изыма-

ется из оборота, содеянное следует квалифицировать как неоконченное преступление.

1. *Российское уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2010.*

2. *Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1.*

3. *Шалагин А.Е. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: учеб. пособие / под ред. Ф.Р. Сундрова, Н.Х. Сафиуллина. М., 2007.*

4. *Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 1 окт. 2012 г. № 1002 (в ред. постановлений Правительства РФ от 23.11.2012 № 1215, 04.02.2013 № 78, 13.06.2013 № 496, 10.07.2013 № 580, 09.09.2013 № 788).*

5. *Боровиков В.Б. Вопросы уголовного права в судебной практике: тематич. сб. / под общ. ред. В.Б. Боровикова. М., 2003.*

6. *Криминалистика / под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина. М., 2001.*

7. *Жукова Т.В. О роли следователя в возмещении вреда, причиненного государству преступлениями, связанными с незаконным сбытом наркотических средств, совершенным организованной группой // Рос. следователь. 2006. № 6.*

1. *Russian criminal law. General part: textbook for universities / ed. by L.V. Inogamova-Khegai, V.S. Komissarov, A.I. Rarog. Moscow, 2010.*

2. *The full course of criminal law / ed. by A.I. Korobeev. St. Petersburg, 2008. Vol. 1.*

3. *Shalagin A.E. Crimes against public health and public morality: study aid / ed. by F.R. Sundrov, N.H. Safullin. Moscow, 2007.*

4. *On approving significant, large and particularly large amounts of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as significant, large and extra large sizes for plants containing narcotic drugs and psychotropic substances or their parts containing narcotic drugs or psychotropic substances for articles 228, 228.1 and 229 and 229.1 of the Criminal code of the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation of Oct. 1, 2012 № 1002 (as amended resolutions of the Government of the Russian Federation of 23.11.2012 № 1215, 04.02.2013 № 78, 13.06.2013 № 496, 10.07.2013 № 580, 09.09.2013 № 788).*

5. *Borovikov V.B. Issues of criminal law in judicial practice: thematic coll. / gen. ed. by V.B. Borovikov. Moscow, 2003.*

6. *Criminalistics / ed. by I.F. Krylov, A.I. Bastrykin. Moscow, 2001.*

7. *Zhukova T.V. About the role of the investigator in compensation of damage caused to the state crimes connected with the illegal marketing of drugs, committed by an organized group // Russian investigator. 2006. № 6.*

**Хун Аслан Заурканович**

кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры уголовного права  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583563)

## *Применение самоходного транспортного плавающего средства как квалифицирующий признак статьи 256 Уголовного кодекса Российской Федерации*

В статье рассмотрены проблемы законодательной практики, связанные с особенностями применения самоходного транспортного плавающего средства как квалифицирующего признака ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов».

**Ключевые слова:** самоходное транспортное плавающее средство, водные биологические ресурсы, незаконная добыча, квалификация преступления, квалифицирующий признак.

**A.Z. Hun**, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

### **Application of a self-propelled vehicle floating assets as a qualifying sign of article 256 of the Criminal code of the Russian Federation**

The paper considers the problems of legal practice connected with peculiarities of use a self-propelled vehicle floating assets as a qualifying attribute of art. 256 of the Criminal code of Russian Federation «Illegal mining (catch) of aquatic biological resources».

**Key words:** self-propelled floating vehicle, water biological resources, illegal mining, crime qualification, qualifying sign.

**А**нализ изученных уголовных дел в Ростовской области и Краснодарском крае по ст. 256 УК РФ свидетельствует о неоднозначности такого криминообразующего признака, как «применение самоходного транспортного плавающего средства». Имеются случаи неправильного применения законодательства, что приводит к судебным ошибкам. Суды неодинаково квалифицируют действия лиц, совершивших незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов с применением самоходного транспортного плавающего средства, запрещенных орудий лова, а также иных способов массового истребления водных животных и растений. По-разному судами решаются вопросы о конфискации транспортных плавающих средств и иных орудий совершения незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, в том числе при исследовании, поиске, разведке, разработке природных ресурсов континентального шельфа Российской Федерации и исключительной экономической

зоны Российской Федерации, проводимых без соответствующего разрешения.

Понятие «самоходное плавающее транспортное средство» разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 14 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)». В постановлении указано, что к самоходным транспортным плавающим средствам следует относить те из них, которые оснащены двигателями (например, суда, яхты, катера, моторные лодки), а также иные плавающие конструкции, приводимые в движение с помощью мотора (п. «б» ч. 1 ст. 256 УК РФ). При этом должно быть установлено, что данное самоходное транспортное плавающее средство непосредственно использовалось как орудие добычи водных биологических ресурсов (например, для установки и (или) снятия рыболовной сети).

Обратимся к законодательству, регулирующему вопросы плавания по внутренним водным путям. В соответствии с Федеральным законом от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ «Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации» были разработаны «Правила плавания по внутренним водным путям Российской Федерации», утвержденные приказом Минтранса России от 14 октября 2002 г. № 129 (в редакции от 31.03.2003). Статья 2 указанных Правил содержит обозначение таких понятий, как самоходное транспортное судно, скоростное судно, маломерное судно, парусное судно и др.

По мнению некоторых авторов, самоходное плавающее средство представляет собой средство передвижения по воде, снабженное двигателем [1, с. 185; 2]. Э.Н. Жевлаков шире трактует рассматриваемое понятие: «Под самоходным транспортным плавающим средством понимают плавающие средства, приводимые в действие не мускульной силой человека, а имеющие двигатель или двигающиеся с использованием силы ветра: моторные лодки, катера, шхуны, боты, суда на воздушной подушке, парусники и т.д.» [3]. Аналогичное мнение высказывает И.А. Паршина [4].

На наш взгляд, использование силы ветра не позволяет относить транспортное средство к самоходному. В соответствии со ст. 2 «Правил плавания по внутренним водным путям Российской Федерации» под маломерным судном понимается парусное несамоходное судно валовой вместимостью менее 80 регистровых тонн. Однако самоходным считается судно, передвигающееся с помощью паруса и одновременно использующее свою силовую установку. При этом понятие «маломерное судно» дано в соответствии с примечанием к ст. 11.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Таким образом, из систематического толкования действующего законодательства следует, что законодатель относит парусное судно к «несамоходным судам».

Практика применения такого квалифицирующего признака, как использование самоходного транспортного плавающего средства, показывает, что при квалификации действий лиц по данному признаку учитываются такие самоходные плавающие средства, как катера, моторные

лодки, лодки с подвесными моторами, а также весельные и резиновые надувные лодки. При этом из приговоров видно, что в одних случаях судом исключается данный криминообразующий признак при добыче водных биоресурсов с использованием весельной лодки, в других лица осуждаются за их незаконную добычу с применением самоходного транспортного плавающего средства – весельной лодки.

На наш взгляд, правильной является позиция, которой придерживаются правоприменители, не относящие весельную лодку к «самоходному транспортному плавающему средству». Ведь в примечании к ст. 11.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях гребная лодка, байдарка, надувное судно отнесены к категории «иное несамоходное судно». Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что самоходным транспортным средством признается любое транспортное средство, предназначенное для плавания и приводимое в движение двигателем.

Для квалификации преступления по признаку «применение самоходного плавающего средства» необходимо его использование в процессе добычи, т.е. для расстановки сетей, крючков и др. Не признается незаконной добыча водных животных и растений с применением самоходного плавающего средства, если плавающее средство было использовано для перевозки браконьеров к месту совершения преступления, для доставки добытого преступным путем. Мы согласны с мнением Д.Б. Чуракова и А.И. Чучаева, которые под применением самоходного плавающего средства понимают его использование как орудия в процессе добычи водных животных и промысловых морских растений [5, с. 229].

При установлении размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам, в качестве одного из обязательных признаков объективной стороны преступного посягательства законодателем должны быть установлены порядок и способ его определения. Для этого необходимо включить в ст. 256 УК РФ примечание, в котором указать, что крупный и особо крупный ущерб, причиненные водным биологическим ресурсам, для целей настоящей статьи подтверждаются Правительством РФ.

1. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: комментарий к главе 26 УК РФ. СПб., 2002.

2. Практика применения Уголовного кодекса РФ: комментарий судебной практики и докт-

1. Lopashenko N.A. Environmental crime: comment. to chapter 26 of the Criminal code of the Russian Federation. St. Petersburg, 2002.

2. Practice of use of the Criminal code of the Russian Federation: comment. of judicial practice

ринальное толкование / под ред. Г.М. Резника. 2005. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Жевлаков Э.Н. Уголовно-правовая охрана окружающей природной среды в Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Паршина И.А. Незаконная добыча рыбы (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

5. Чураков Д.Б., Чучаев А.И. Экологические преступления в уголовном праве России: науч.-практ. коммент. с постатейным материалом. Ульяновск, 2002.

and doctrinal interpretation / ed. by G.M. Reznik. 2005. Access from legal-reference system «Consultant Plus».

3. Zhevlakov E.N. Criminal-law protection of the environment in Russian Federation. Access from legal-reference system «Guarant».

4. Parshina I.A. Illegal fishing (criminal and legal and criminological aspects): diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2003.

5. Churakov D.B., Chuchaev A.I. Environmental crimes in the criminal law of Russia: sci.-pract. comment. with art by art material. Ulyanovsk, 2002.

Тарасенко Галина Владимировна

преподаватель кафедры специальных дисциплин  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: galina.tarasenko.78@mail.ru)

## *К вопросу об уголовной ответственности за незаконное лишение свободы и похищение человека*

В статье дается краткая характеристика двух составов преступления – похищения человека и незаконного лишения свободы. Проведен их сравнительный анализ с целью разграничения при квалификации деяний, дана оценка сложившейся правоприменительной судебной практики по указанным проблемам.

**Ключевые слова:** преступное деяние, состав преступления, объективная сторона преступления, субъект преступления, квалификация преступного деяния, незаконное лишение свободы, похищение человека.

**G.V. Tarasenko**, Teacher of a Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: galina.tarasenko.78@mail.ru

### **To the question about the criminal liability for illegal imprisonment and kidnapping of human**

This paper provides a brief description of two crime compositions – kidnapping and illegal imprisonment. Their comparative analysis with a view to distinguishing when qualifying acts is given, assessed the current law jurisprudence on the above issues.

**Key words:** criminal act, corpus delicti, objective side of crime, perpetrator, qualification of criminal act, illegal imprisonment, kidnapping.

**В** современный период приоритетным направлением активного реформирования правовой системы России является обеспечение прав и свобод личности. В процессе применения уголовно-правовых норм в данной сфере наметился ряд актуальных проблем. Одной из них является разграничение двух составов преступлений – похищения человека и незаконного лишения свободы.

Уголовная ответственность за похищение человека закреплена в ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). При этом законодатель в диспозиции статьи не раскрывает понятие данного состава преступления, что порождает ряд проблем, связанных с его разграничением со смежными составами, в первую очередь с незаконным лишением свободы (ст. 127 УК РФ).

Традиционно в судебной практике и доктрине уголовного права отграничение похищения человека от незаконного лишения свободы осуществляется по объективной стороне преступления. В качестве структурных элементов объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, можно назвать действия преступника, которые совершаются последовательно. Во-первых, к ним относится

захват человека. Во-вторых, это перемещение потерпевшего в определенное место. В-третьих, необходимо, чтобы в дальнейшем он удерживался преступниками вопреки его воле. Преступление по своей конструкции является формальным, поскольку считается оконченным с момента противоправного пространственного перемещения потерпевшего вопреки его воле.

В диспозиции ст. 127 УК РФ указывается, что незаконное лишение человека свободы не должно быть связано с его похищением. В этом проявляется дополнительная сложность разграничения исследуемых составов преступления. Незаконное лишение свободы предполагает установление факта удержания потерпевшего помимо его воли в определенном месте, где он находился на момент осуществления посяательства. В результате потерпевший лишается возможности беспрепятственно перемещаться в пространстве, избирать место своего пребывания. Преступление считается оконченным с начала незаконного удержания лица вопреки его воле. Как справедливо отмечается в юридической литературе, период удержания не оказывает влияния на юридическую оценку деяния. Исключение составляет случай явной кратковременности незаконного лишения сво-

боды, исключая общественной опасность, а следовательно, и преступность указанного деяния [1, с. 27, 28].

Таким образом, главное отличие незаконного лишения свободы от похищения человека проявляется в том, что удержание потерпевшего происходит без перемещения его в пространстве. В частности, Санкт-Петербургским городским судом Ш., Л. и Г. были признаны виновными в похищении Ф., принуждении его к даче ложных показаний, которое было сопряжено с угрозой убийством и причинением вреда здоровью потерпевшего. Из материалов дела следовало, что, прибыв из Санкт-Петербурга в Москву, члены группы разработали план действий, распределили роли. Затем потерпевший вопреки своей воле был перевезен в автомобиле из Москвы в Санкт-Петербург и более месяца незаконно удерживался в квартире одного из членов группы, где его пристегивали наручниками к батарее отопления. В его адрес поступали угрозы убийством, были причинены телесные повреждения с целью дачи ложных показаний о том, что он оговорил Ш. в преступлении, связанном со сбытом наркотических средств [2, с. 22].

В качестве существенного отличительного признака незаконного лишения свободы называется и возможность его совершения путем бездействия. Н.В. Бойко приводит пример незаконного лишения свободы путем лишения человека инвалидной коляски, без которой он не может самостоятельно передвигаться, а также случай, когда потерпевший находится в помещении, которое было ранее заперто с его согласия, а впоследствии виновный отказывается его освободить [3, с. 11].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что квалифицирующие признаки исследуемых составов преступлений в большинстве своем совпадают. Это совершение деяния: группой лиц по предварительному сговору; с применением насилия, опасного для жизни и здоровья; с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; в отношении заведомо несовершеннолетнего; в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в отношении двух или более лиц. Похищение человека и незаконное лишение свободы могут быть совершены с особо отягчающими обстоятельствами. Это случаи совершения деяния организованной группой, повлекшие за собой по неосторожности смерть потерпевшего, а также иные тяжкие последствия. Отличие проявляется в том, что незаконное лишение свободы, предусмотренное ст. 127 УК РФ, не содержит таких

квалифицирующих признаков деяния, как угроза применения насилия, корыстный мотив преступления, которые предусмотрены для похищения человека.

Для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 126 УК РФ установлен возраст 14 лет, а по ст. 127 УК РФ – 16 лет.

Существенным отличительным признаком похищения человека может служить примечание к ст. 126 УК РФ. В нем сказано, что лицо освобождается от уголовной ответственности, если добровольно освободило потерпевшего и в его действиях не содержится иного состава преступного деяния. Подобное положение в ст. 127 УК РФ отсутствует. Учитывая, что по степени общественной опасности похищение человека является более тяжким, позиция законодателя не вполне понятна.

При квалификации таких деяний, как похищение человека и незаконное лишение свободы, следует учитывать умысел преступников. Речь идет о ситуациях, когда их действия могут быть сопряжены с другими преступлениями против жизни и здоровья граждан, собственности и т.д. Следует определить, представляют ли подобные деяния самостоятельные составы преступления (ст. 126, 127 УК РФ). В качестве иллюстрации сказанного можно привести пример из судебной практики. Так, В. был признан судом первой инстанции виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 162, пп. «а», «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ. Обращаясь с надзорной жалобой, защитник В. просил суд исключить его осуждение по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ. Из материалов уголовного дела следовало, что В., вступив в преступный сговор с И., С. с целью хищения автомобиля, принадлежавшего Ш., совершил нападение на потерпевшего. Из материалов дела следовало, что нанесение сообщниками телесных повреждений потерпевшему и его удержание в автомобиле в течение 4–5 часов осуществлялось с целью подавления сопротивления с его стороны, а также лишения возможности его обращения в правоохранительные органы. Суд надзорной инстанции пришел к выводу, что умысел осужденного был направлен на открытое завладение чужим имуществом, а действия по удержанию потерпевшего являлись одним из способов насилия, примененного к нему в процессе разбойного нападения. В связи с этим не было необходимости квалифицировать действия В. как незаконное лишение свободы [4].

Полагаем, что основной проблемой разграничения исследуемых составов преступления является отсутствие описательной диспозиции

в ч. 1 ст. 126 УК РФ. В юридической литературе неоднократно предлагались различные дефиниции. Так, Р.А. Адельханян под похищением человека понимает умышленные противоправные действия, которые направлены на захват человека, изъятие его из привычной микросреды, дальнейшее перемещение и удержание его помимо воли в определенном месте путем применения физического либо психического насилия или обмана [5, с. 28].

По мнению Е.В. Ушаковой, похищение человека представляет собой противоправное завладение человеком, которое совершено против его воли, с применением насилия или угрозы применения такого насилия. Автор дополняет свое определение целью преступного деяния – получение от потерпевшего выгод или иных благ [6, с. 20].

Заметим, что цели и мотивы похищения человека могут быть самыми различными. Например, в качестве мотива может выступать месть, ненависть и т.д. Не случайно законодатель корыстные побуждения относит к квалифицирующим признакам исследуемого состава преступления.

Другие авторы считают, что диспозиция ст. 126 УК РФ должна содержать следующее описание объективной стороны преступления: захват и (или) перемещение в пространстве потерпевшего с удержанием похищенного человека в месте, отличном от обычного его местопребывания, неизвестном его близким, коллегам и друзьям. При этом продолжительное (более 8 часов) незаконное ограничение свободы применительно к убийству, побоям, изнасилованию, вымогательству и самоуправству должно требовать дополнительной квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 126 и 127 УК РФ [7, с. 123].

Подводя итог, представим собственное видение диспозиции ст. 126 УК РФ. Под похищением человека следует понимать умышленное противоправное завладение человеком путем его захвата, дальнейшее перемещение его в пространстве и удержание помимо его воли в определенном месте, совершенное с применением насилия или угрозы его применения либо путем обмана.

Действие примечания к ст. 126 УК РФ целесообразно распространить и на состав преступления, предусмотренный ст. 127 УК РФ.

1. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Проблемы квалификации похищения человека и незаконного лишения свободы // *Рос. судья*. 2013. № 4.

2. Обвинительный приговор Санкт-Петербургского городского суда от 28 июня 2007 г. в отношении Ш., Л., Г. // *Бюл. Верховного Суда РФ*. 2008. № 6.

3. Бойко Н.В. Незаконное лишение свободы по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1989.

4. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 июня 2011г. № 41-Д11-9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Адельханян Р.А. *Расследование похищения человека*. М., 2003.

6. Ушакова Е.В. *Ограничение похищения человека от захвата заложника – вопросы согласования и рассогласования* // *Рос. следователь*. 2010. № 9.

7. Михаль О.А., Власов Ю.А. *Некоторые аспекты объективного состава похищения человека* // *Современное право*. 2013. № 4.

1. Avdeev V.A., Avdeeva E.V. *Qualification problems of kidnapping and illegal imprisonment* // *Russian judge*. 2013. № 4.

2. *Conviction of the St. Petersburg city court on June 28, 2007 against S., L., G.* // *Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2008. № 6.

3. Boyko N.V. *Unlawful imprisonment by the Soviet criminal law: auth. abstr. ... Master of Law*. Kharkov, 1989.

4. *Determination of judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 21, 2011 № 41-D11-9*. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

5. Adelkhanyan R.A. *Investigation of kidnapping*. Moscow, 2003.

6. Ushakova E.V. *Delimitation of kidnapping from the taking of hostages – issues of harmonization and the error* // *Russian investigator*. 2010. № 9.

7. Michal O.A., Vlasov Yu.A. *Some aspects of the objective composition of kidnapping* // *Modern law*. 2013. № 4.

**Авдалян Марина Эдуардовна**

аспирант кафедры уголовного права  
Московского государственного юридического университета  
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
(тел.: +74992448835)

## *Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: основание криминализации и криминообразующие признаки*

В статье рассматриваются основания, причины и критерии криминализации нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Дана криминологическая характеристика, определены и проанализированы криминообразующие признаки указанного деяния.

**Ключевые слова:** криминализация, транспортные преступления, уголовная ответственность, криминообразующий признак, объект посягательства.

**M.E. Avdalyan**, Post-graduate of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA); tel.: +74992448835.

**Violation of traffic rules and operation of the vehicle: base of criminalization and crime forming signs**

The article considers the bases, reasons and criteria for the criminalization of violations of traffic rules and operation of vehicles. Criminological characteristics, identified and analyzed crime forming signs of the specified acts is given.

**Key words:** criminalization, traffic offences, criminal liability, crime forming sign, object of abuse.

**П**од криминализацией деяния понимается процесс выявления форм общественно опасного поведения с последующей констатацией возможности и целесообразности борьбы с ними средствами уголовного права, сопровождающейся закреплением признаков такого поведения в законе.

В доктрине принято говорить о различных составляющих криминализации, при этом ни их круг, ни их наименование не могут быть обозначены единообразно. Представляется, что применительно к рассматриваемому понятию речь следует вести о ее принципах, причинах, основании и признаках.

Причины криминализации представляют собой те факторы, которые ее в конечном итоге обуславливают. Они отвечают на вопрос, почему она происходит. Из совокупности причин формируется ее основание – обстоятельство, порождающее криминализацию, делающее ее необходимой. Представляется, что в качестве такого выступает общественная опасность деяния (основание криминализации в узком смысле).

Основание криминализации в широком смысле включает в себя обстоятельство, порождающее криминализацию, ее причины, обуславливающие ее факторы (именуемые в литературе принципами или условиями криминализации), а также признаки конкретного общественно опасного деяния (также называемые в науке критериями криминализации).

Исследуя общественную опасность деяния как основание криминализации в узком смысле, нельзя не обратиться к мнениям, высказанным в уголовно-правовой литературе относительно рассматриваемого понятия. Так, Н.Ф. Кузнецова пришла к выводу, что общественная опасность деяния по природе является объективным свойством преступления и не зависит от ее правовой оценки в законе, однако становится свойством преступления только после закрепления в Уголовном кодексе. По содержанию она представляет собой объективно-субъективную категорию, которая определяется совокупностью всех обязательных элементов состава преступления [1, с. 90].

По мнению Н.Д. Дурманова, общественную опасность преступления определяют само

деяние, значение объекта преступления, причиненный деянием вред, конкретные условия места, времени и обстановки совершения деяния, элементы субъективной стороны, свойства субъекта и способ совершения преступления [2].

Объективное свойство общественной опасности, в первую очередь, выражается в причинении существенного вреда объектам уголовно-правовой охраны. Нарушения правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств приводят к наступлению таких общественно опасных последствий, как тяжкий вред здоровью человека или смерть.

Однако было бы неверным утверждать, что общественная опасность автотранспортных преступлений сводится только к причиненному ущербу. Она зависит от распространенности и типичности, динамики преступлений, посягающих на безопасность дорожного движения.

Проблема повышения безопасности дорожного движения в России на современном этапе является одной из важнейших, поскольку от ее решения зависят жизнь и здоровье многих людей. В основе неосторожного преступления лежит виновная ошибка субъекта, порождаемая его невнимательностью, а источником выступают дефекты взаимодействия субъекта с источником повышенной опасности.

Общественная опасность автотранспортной преступности характеризуется как количественными (степень общественной опасности, относительная распространенность и типичность, динамика), так и качественными показателями (причиняемый преступлениями ущерб).

В свете рассмотрения вопроса об общественной опасности автотранспортных преступлений необходимо обратиться к их криминологической характеристике. Таковая важна, прежде всего, в социальном и экономическом аспектах, а также в свете их восприятия общественным сознанием. Криминальная ситуация в данной сфере обусловлена не только и не столько количественным ростом преступности, сколько качественным изменением характера совершаемых деяний. Так, нарушение правил дорожного движения, не повлекшее уголовно наказуемых последствий, в последние годы приобрело поистине массовый характер. Растет и число соответствующих правонарушений с преступными последствиями. Уровень коррумпированности представителей власти, ответственных за процедуру выдачи права на управление транспортным средством, чрезвычайно высок.

Встречаются и случаи совершения данных деяний чиновниками, в том числе сотрудниками правоохранительных органов, использующими

служебное положение для ухода от уголовной ответственности. Возрастает и число преступлений, совершенных в состоянии опьянения, а также цинизм соответствующих действий. Большой общественный резонанс получило дело Анны Шавенковой, дочери председателя избирательной комиссии Иркутской области, которая сбила двух пешеходов и, не оказывая им помощи, прежде всего стала звонить по мобильному телефону и осматривать повреждения своего автомобиля [3].

Автотранспортными преступлениями причиняется колоссальный вред. В сфере, не связанной с выполнением того или иного вида опасных работ, соблюдением специальных правил безопасности и т.п., просто в результате ежедневного поведения людей в обществе гибнет большое количество людей (либо причиняется вред их здоровью). Кроме того, данными деяниями причиняется значительный материальный ущерб, который неизбежно возрастает как в связи с увеличением количества транспортных средств, так и в связи с повышением их стоимости, вызванным, в свою очередь, общим ростом уровня жизни. Последствия преступлений являются основным показателем причиняемого обществу вреда.

Государство вынуждено тратить все больше средств на ликвидацию последствий дорожно-транспортных происшествий, расследование дел соответствующей категории и т.п. Безнаказанность в данной сфере порождает и подпитывает правовой нигилизм населения. Наконец, уровень безопасности дорожного движения не соответствует тому уровню, на который Российская Федерация претендует на международной арене, в том числе и в свете общесоциальных показателей благополучия.

Причины преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств по неосторожности многообразны. В наиболее общем виде следует вести речь о противоречии между способностями, состоянием и намерениями личности, с одной стороны, и объективными обстоятельствами (т.е. ситуацией), в которых допускается преступное поведение, – с другой.

Конечно, конкретная опасная или чрезвычайная обстановка может наложить отпечаток на действия любого человека, однако нельзя недооценивать и корни преступной невнимательности, которые, безусловно, лежат в самой личности преступника. Социальные установки дезорганизирующего характера, небольшой водительский стаж, недостаточная профессиональная подготовка, стрессы и неуверенность

в себе, волнение, психологические проблемы в ситуации необходимости быстрого принятия решения – все эти факторы относятся к причинам неосторожных автотранспортных преступлений.

Вместе с тем, было бы несправедливым утверждать, что названными обстоятельствами исчерпываются причины неосторожных автотранспортных преступлений. Существует еще одна важная составляющая – это дорога, по которой осуществляется движение транспортных средств. По данным А.И. Коробеева, доля дорожно-транспортных происшествий, причиной которых стало плохое состояние дороги, в 2–3 раза превышает долю аварий, связанных с неисправностью транспортного средства, и составляет 8–14% [4, с. 369].

Действительно, в отдельных случаях нарушение правил дорожного движения не должно было привести к наступлению тяжких последствий, но это все же происходит вследствие объективных причин, которые, однако, остаются уголовно релевантными, прежде всего применительно к ситуациям преступной небрежности. В названный компонент можно включить не только качество дорожного покрытия, но и регулирование дорожного движения специальными знаками или людьми, освещенность, возможность беспрепятственного проезда того или иного участка, ширину проезжей части, наличие рядом с дорогой различных объектов и многое другое.

Следует учитывать и специфику механизма неосторожного нарушения правил дорожного движения. Обычно соответствующее деяние происходит в рамках правомерного и обыденного поведения (которое может иметь место в бытовой либо производственной сфере). При этом отсутствуют такие стандартные компоненты механизма преступного посягательства, как предварительное формирование мотивации, планирование посягательства, за которыми следуют действие (бездействие) и причинение соответствующих последствий.

Тем не менее, криминологи склонны говорить о мотивах автотранспортных преступлений. Как и применительно ко многим другим неосторожным преступлениям, совершаемым в системе «человек – техника», мотивами преступного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств выступают такие побуждения, которые в науке принято именовать «лихачеством», «стремлением проявить неоправданную удалость», «излишней самоуверенностью» и «пренебрежительным отношением к правилам безопасности» [5, с. 545–546].

Также необходимо отметить, что установление уголовной ответственности за нарушение

правил дорожного движения немыслимо без своего нормативного основания – тех правовых предписаний, которые призваны урегулировать общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и которые нарушаются соответствующими преступными действиями. В противном случае наступление аналогичных последствий оценивалось бы как простое преступление против личности. Новое качество – автотранспортное преступление – рождается объединением в одном деянии, с одной стороны, последствий, образующих другие преступления, с другой – признаков бланкетности, которые предполагают позитивное регулирование соответствующих отношений.

В связи с этим следует подчеркнуть, что одним из факторов, неизбежно влияющих на состояние преступности в данной сфере, выступает правовая регламентация вопроса на уровне регулятивного законодательства. Именно отраслевое регулирование призвано установить правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, нарушение которых может повлечь юридическую ответственность различной природы, в том числе и уголовную.

Наиболее распространенными нарушениями водителями автотранспорта правил дорожного движения выступают: превышение скорости движения, нарушение правил обгона и маневрирования, выезд на полосу встречного движения, нарушение правил проезда перекрестков, управление неисправным транспортным средством, передача управления транспортным средством лицу, не имеющему такого права, и, конечно, управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Вместе с тем, очевидно, что в вопросе криминализации нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств нельзя ограничиться характеристикой бланкетной и отсылочной составляющих; необходимо обращение к критериям криминализации этого деяния, по-другому называемым признаками криминализации или криминообразующими признаками.

Как известно, криминообразующими являются признаки основного состава конкретного деяния, за совершение которого законодатель устанавливает уголовную ответственность. Однако неверным было бы утверждать, что признаками криминализации являются все без исключения основные признаки состава этого преступления. Представляется, что только некоторые из них отражают общественную опасность деяния и, как следствие, входят в основание его криминализации. Существуют

признаки, которые хотя и обязательны с точки зрения конструкции состава, но являются общими для всех преступлений (физическое лицо и вменяемость), поэтому не могут обосновывать уголовную ответственность за конкретные формы человеческого поведения. Именно по этой причине анализируемые признаки в целях экономики законодательного текста не указываются в статьях Особенной части УК РФ – они едины для всех преступлений и подразумеваются в любом из них. В материальных составах причинно-следственная связь выступает конструктивным, но также не криминообразующим признаком, поскольку вообще не имеет самостоятельного значения, а выступает в неразрывном единстве с общественно опасными последствиями.

В то же время для каждого конкретного деяния существует набор признаков, позволяющих его криминализировать. Именно они и указываются в статье Особенной части, предусматривающей ответственность за то или иное преступление.

Таким образом, под криминообразующим признаком следует понимать признак основного состава преступления, отражающий общественную опасность деяний данного вида и обосновывающий уголовную ответственность за их совершение. При этом криминообразующий признак состава любого преступления характеризует один из его элементов, всегда носит конструктивный характер. Его значение заключается в том, что он входит в основание уголовной ответственности, разграничивает преступления между собой, а также отграничивает преступные деяния от не преступных.

Для деяния, предусмотренного в ст. 264 УК РФ, криминообразующими признаками выступают: объект посягательства, деяние, выражающееся в нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, последствия в виде тяжкого вреда здоровью человека, транспортное средство, вина в форме неосторожности и специальный субъект.

1. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2004.

2. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948.

3. Дочь иркутской чиновницы, сбившую двух женщин на тротуаре, отправят в колонию лишь через 14 лет // Автоновости. URL: <http://auto.newsru.com/article/17aug2010/irkutsk> (дата обращения: 04.03.2014).

4. Коробеев А.И. Транспортные преступления. СПб., 2003.

5. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2010.

1. *Criminal law of Russia. General part* / ed. by N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. Moscow, 2004.

2. Durmanov N.D. *The notion of crime*. Moscow, 1948.

3. *Daughter of Irkutsk official, who hit two women on the sidewalk, will be sent to the colony only 14 years later* // Top gear. URL: <http://auto.newsru.com/article/17aug2010/irkutsk> (date of access: 04.03.2014).

4. Korobeev A.I. *Road traffic offences*. St. Petersburg, 2003.

5. *Criminology* / ed. by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. Moscow, 2010.

**Докуев Адам Андарбекович**аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин  
Академии Генеральной прокуратуры РФ  
(e-mail: asad0950@yandex.ru)

## *Проблемы квалификации содействия террористической деятельности*

В статье сформулированы научно обоснованные рекомендации по отграничению содействия террористической деятельности от смежных преступлений; разработаны правила преодоления конкуренции ст. 205<sup>1</sup> и ст. 150 УК РФ, возникающей в случаях вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность.

**Ключевые слова:** содействие террористической деятельности, вовлечение несовершеннолетнего в террористическую деятельность, квалификация преступления.

**A.A. Dokuyev**, Post-graduate of a Chair of Criminal Law Disciplines of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: asad0950@yandex.ru

### **Qualification problems facilitating terrorist activities**

The article defines the scientific advice on the delimitation of facilitating terrorist activities related crimes; designed to overcome the competition rules of articles 205<sup>1</sup> and 150 of the Criminal code of the Russian Federation, arising in cases involving minors in terrorist activities.

**Key words:** facilitating terrorist activities, involving minor in terrorist activities, qualification of crime.

**Н**еотъемлемым элементом уголовно-правовой характеристики содействия террористической деятельности (ст. 205<sup>1</sup> УК РФ) являются анализ и разрешение проблем, возникающих при квалификации указанного преступления. Как известно, квалификация преступления является довольно сложным процессом, поскольку каждый состав преступления имеет ряд общих, совпадающих с другими составами преступлений признаков. Следовательно, «для того чтобы правильно квалифицировать преступление, необходимо очень четко представлять себе разграничительные линии между ними и смежными преступлениями. Устанавливая свойственные данному деянию признаки, отбрасывая те признаки, которые ему не присущи, постепенно углубляя анализ и правовой нормы, и фактических обстоятельств содеянного, мы приходим к единственной совокупности признаков, характеризующих данное преступление и отличающих его от других». А значит, «по сути дела, весь процесс квалификации состоит в последовательном отграничении каждого признака совершенного деяния от признаков других, смежных преступлений» [1, с. 126].

Проблема разграничения преступлений приобретает особую сложность в тех случаях, когда их составы отличаются всего одним-двумя признаками, причем подобные ситуации

являются довольно типичными. Так, например, состав содействия террористической деятельности имеет определенное сходство с составом преступления, предусмотренного ст. 205<sup>2</sup> УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», что позволяет рассматривать их в качестве так называемых «смежных» составов преступлений.

Часть 1 ст. 205<sup>2</sup> УК РФ устанавливает уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, а согласно ч. 2 ст. 205<sup>2</sup> УК РФ квалифицированным видом этого преступления является его совершение с использованием средств массовой информации. Исходя из предписаний ст. 205<sup>1</sup> УК РФ, под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ. Соответственно, по ст. 205<sup>2</sup> УК РФ уголовно наказуемыми являются публичные призывы к совершению одного или нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ.

Нетрудно заметить, что публичные призывы к террористической деятельности имеют немало общего с вовлечением лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК

РФ, которое является одним из альтернативных деяний, образующих содействие террористической деятельности. Действительно, каждое из указанных деяний объективно выражается в активных действиях, направленных на формирование у других лиц желания совершить одно или несколько преступлений террористического характера.

Однако вовлечение в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, и публичные призывы к террористической деятельности все же являются различными преступными деяниями, квалифицируемыми по разным статьям уголовного закона. По этой причине необходимо четко представлять критерии разграничения указанных преступлений.

Сравнительный анализ ст. 205<sup>1</sup> и 205<sup>2</sup> УК РФ приводит к выводу, что отграничение содействия террористической деятельности в форме вовлечения в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, от публичных призывов к террористической деятельности необходимо осуществлять на основании двух критериев.

Во-первых, критерием разграничения указанных деяний является их адресная направленность. Вовлечение в совершение преступлений террористического характера имеет место в случае, когда виновный предпринимает действия, направленные на формирование умысла совершить одно или несколько из указанных преступлений у конкретного, персонифицированного лица либо группы таких лиц. В отличие от вовлечения, публичные призывы к террористической деятельности обращены к персонально не определенному кругу лиц, т.е. имеют безличный характер [2, с. 23].

Так, например, Верховный суд Республики Татарстан признал Зарипова, Файзулина, Зялилова, Джураева, Сабитова, Сабирова и Нурмухаметова виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30, ст. 278 (Приготовление к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации), ч. 1 ст. 282<sup>2</sup> (Организация деятельности экстремистской организации), ч. 1 ст. 205<sup>1</sup> (Содействие террористической деятельности) УК РФ. Указанные лица признаны виновными в организации и осуществлении экстремистской деятельности в интересах международной террористической организации, создании условий для совершения действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, а также вовле-

чении несовершеннолетних лиц в совершение преступлений экстремистской направленности. Установлено, что указанные лица создавали группы, где специально отобранные люди проходили идеологическую обработку. Им внушалась необходимость принятия мер по установлению на территории Российской Федерации всемирного исламского теократического унитарного государства Халифат. Для достижения этой цели предполагалось насильственное свержение законной власти в России, уничтожение противников исповедуемой экстремистами идеологии, в том числе путем ведения священной войны «джихад» [3].

Приведенный пример подчеркивает важность учета адресной направленности обращений, нацеленных на побуждение к террористической деятельности. Несмотря на то, что в рассматриваемой ситуации действия виновных были направлены на вовлечение в террористическую деятельность довольно значительного числа лиц, суд квалифицировал содеянное по ст. 205<sup>1</sup> УК РФ, а не по ст. 205<sup>2</sup> УК РФ. Соглашаясь с такой квалификацией, отметим, что осужденные склоняли к осуществлению террористической деятельности конкретных, «специально отобранных лиц», что исключает возможность квалификации указанных деяний по ст. 205<sup>2</sup> УК РФ.

Во-вторых, отличительным признаком указанных преступлений может являться количество лиц, на которых направлены действия виновного. Для квалификации по ст. 205<sup>1</sup> УК РФ достаточно, чтобы вовлечение в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, осуществлялось в отношении одного лица, в то время как обязательным признаком призывов к осуществлению террористической деятельности является их публичный характер, который имеет место, если призывы производятся в отношении как минимум двух человек (хотя, как правило, аудитория, к которой обращены призывы, гораздо больше). Как разъясняется в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», вопрос о публичности призывов к осуществлению террористической деятельности или оправдания терроризма (ст. 205<sup>2</sup> УК РФ) должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращений в информационно-телекоммуника-

ционных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например на сайтах, форумах или в блогах, распространение обращений путем массовой рассылки электронных сообщений и т.п.).

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о соотношении уголовно-правовой нормы, сформулированной в ст. 205<sup>1</sup> УК РФ, с нормой об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Дело в том, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, одновременно содержит признаки двух составов преступлений – содействия террористической деятельности (ст. 205<sup>1</sup> УК РФ) и вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). Иными словами, в этом случае возникает конкуренция уголовно-правовых норм, которая требует преодоления.

Правила преодоления конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступления зависят от характера соотношения конкурирующих норм. Как известно, в теории уголовного права и судебной практике принято различать три вида конкуренции уголовно-правовых норм (конкуренцию общей и специальной норм; конкуренцию специальных норм; конкуренцию нормы-части и нормы-целого), которые отличаются друг от друга характером соотношения конкурирующих норм [4, с. 37; 5, с. 34–35; 6, с. 140–154]. Следовательно, для решения вопроса о том, какая из вышеуказанных норм обладает приоритетом, необходимо установить, в каком соотношении они находятся.

Рассматривая проблему конкуренции уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 205<sup>1</sup> и ст. 150 УК РФ, С.У. Дикаев пришел к выводу о том, что «в части ответственности за “вовлечение” ст. 205<sup>1</sup> УК является специальной по отношению к общей норме – ст. 150 УК, устанавливающей ответственность за все иные, кроме перечисленных ст. 205<sup>1</sup> УК, случаи вовлечения в совершение преступления лиц, не достигших 18 лет. Таким образом, установление ответственности по статье 205<sup>1</sup> означает невозможность применения ст. 150 УК к случаям, когда в совершение перечисленных в диспозиции ст. 205<sup>1</sup> преступлений вовлекаются лица, не достигшие совершеннолетия» [7, с. 258–259]. Однако, на наш взгляд, мнение С.У. Дикаева не соответствует действительности. В теории уголовного права принято считать, что конкуренция общей и специальной нормы имеет место в случае, когда одно преступление одновременно может быть квалифи-

цировано по двум уголовно-правовым нормам, одна из которых (общая) формулирует признаки состава преступления в обобщенном виде, а другая (специальная) – конкретизирует один или несколько признаков состава преступления, указанных в общей норме. При такой конкуренции общая и специальная уголовно-правовые нормы находятся в отношении подчинения по объему [8, с. 34, 41]. Это означает, что состав преступления, предусмотренный специальной нормой, обладает всеми признаками состава преступления, определенного в общей норме, но при этом конкретизирует один или несколько из них.

Между тем, содействие террористической деятельности в форме вовлечения лица в совершение преступлений террористического характера (ст. 205<sup>1</sup> УК РФ) не обладает всеми признаками состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. В частности, обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, является несовершеннолетний возраст лица, вовлекаемого в совершение преступления, а для квалификации по ст. 205<sup>1</sup> УК РФ возраст вовлекаемого не имеет значения. Следовательно, для вывода о специальном характере ст. 205<sup>1</sup> УК РФ по отношению к ст. 150 УК РФ нет достаточных оснований.

На наш взгляд, в части вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления террористического характера уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 205<sup>1</sup> и ст. 150 УК РФ, соотносятся как специальные нормы. Статья 205<sup>1</sup> УК РФ позволяет учесть тот факт, что лицо вовлекается в совершение преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, однако не придает значения возрасту вовлекаемого. Статья 150 УК РФ, наоборот, дает возможность учесть несовершеннолетие вовлекаемого, но оставляет без внимания террористический характер преступлений, в совершение которых вовлекается лицо.

К сожалению, правила преодоления конкуренции специальных норм не нашли отражения в уголовном законе. Не получили они необходимой теоретической разработки и в доктрине уголовного права. Имеющиеся в уголовно-правовой литературе отдельные рекомендации по преодолению конкуренции специальных норм сводятся к тому, что: а) при конкуренции различных частей одной статьи предпочтение отдается норме с более строгой санкцией; б) при конкуренции норм с привилегированным и квалифицированным составами следует применять специальную норму с привилегированным

составом; в) при конкуренции норм с привилегированными составами применяется норма с более мягкой санкцией.

Нетрудно заметить, что конкуренция специальных норм, возникающая при квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления террористического характера, «не вписывается» ни в одну из трех перечисленных моделей. Таким образом, в случае вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления террористического характера возникают неустранимые сомнения в квалификации, которые, на наш, взгляд, следует разрешать на основании предписаний ч. 3 ст. 49 Конституции России.

Согласно ч. 3 ст. 49 Конституции РФ неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого. Как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, указанное конституционное «правило толкования сомнений» имеет не только процессуальное, но и непосредственное материальное уголовно-правовое значение. В частности, положения ч. 3 ст. 49 Конституции России применяются для разрешения сомнений, возникающих при квалификации преступлений [9, с. 71; 10, с. 277–279]. По этому поводу в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» разъясняется, что «по смыслу закона в пользу подсудимого толкуются не только неустранимые сомнения в его виновности в целом, но и неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов предъявленного обвинения, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств и т.д.».

Конституционное правило о толковании сомнений приводит к выводу, что конкуренция специальных норм (ст. 150 и ст. 205<sup>1</sup> УК РФ), возникающая при квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления террористического характера, должна разрешаться в пользу нормы, которая имеет более мягкую санкцию. Исходя из этого, при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступлений террористического характера, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, приоритетом обладает ч. 4 ст. 150 УК РФ, предусматривающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, санкция которой мягче санкции ч. 1 ст. 205<sup>1</sup> УК РФ.

В определенной мере этот вывод подтверждается судебной практикой.

Так, например, приговором Шалинского городского суда Чеченской Республики от 22 августа 2011 г. Мадаев А.Г. был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 150 УК РФ. Как установлено судом, он уговаривал несовершеннолетнего вступить в незаконное вооруженное формирование, однако тот оказался. Действия Мадаева А.Г. были квалифицированы как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Чеченской Республики оставила приговор без изменения [11].

Таким образом, несмотря на наличие признаков покушения на содействие террористической деятельности (в форме вовлечения в совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ), суд квалифицировал содеянное по ст. 150 УК РФ. Правда, при этом судом была допущена ошибка, поскольку покушение на вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого преступления, каковым является участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ), требует квалификации по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 150 УК РФ.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, возникающих при квалификации преступления, предусмотренного ст. 205<sup>1</sup> УК РФ, является вопрос о квалификации так называемого «результативного» содействия террористической деятельности, т.е. такого, в результате которого было фактически совершено одно или несколько из преступлений террористического характера. К решению этого вопроса в теории уголовного права наметилось два принципиально различных подхода.

Представители первого подхода считают, что вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 205<sup>1</sup> УК РФ, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма, в результате которых было фактически совершено одно или несколько из указанных преступлений, необходимо квалифицировать только по ст. 205<sup>1</sup> УК РФ [7, с. 259; 12, с. 149].

Другой подход сводится к тому, что так называемое «результативное» содействие террористической деятельности следует квалифицировать не только по ст. 205<sup>1</sup> УК РФ, но и как подстрекательство и (или) пособничество в совершении конкретного преступления террористического характера, т.е. по совокупности преступлений [13, с. 16; 14, с. 6–7].

На наш взгляд, при квалификации так называемого «результативного» содействия террористической деятельности необходимо учитывать

позицию Верховного Суда РФ, выработанную применительно к уголовно-правовой оценке вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). В п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъясняется, что «действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по статье 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления». Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ предписывает квалифицировать «результативное» вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления как идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ и статьей Особенной части об ответственности за совершенное несовершеннолетним деяние, со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Представляется, что сформулированные в названном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации правила квалификации следует распространить и на уголовно-правовую оценку «результативного» содействия террористической деятельности, которое необходимо квалифицировать как по ст. 205<sup>1</sup> УК РФ, так и по одной или нескольким

из ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Примечательно, что судебная практика по конкретным делам идет именно по такому пути.

Так, например, Муртазалиева З.Х. осуждена Московским городским судом по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205; ч. 1 ст. 205<sup>1</sup>; ч. 1 ст. 222 УК РФ. Из материалов дела следует, что Муртазалиева в сентябре 2003 г. прибыла в Москву и в октябре того же года в помещении мечети познакомилась с двумя русскими девушками В. и К. с целью их вербовки для осуществления актов терроризма. Муртазалиева готовила В. и К. к совершению взрыва эскалатора в торговом комплексе «Охотный ряд» (г. Москва), однако ее деятельность на этой стадии была пресечена сотрудниками правоохранительных органов. Верховный Суд РФ признал такую квалификацию правильной.

Если же взять за основу первый подход, т.е. квалифицировать «результативное» содействие террористической деятельности только по ст. 205<sup>1</sup> УК РФ, то это приведет к неоправданному смягчению ответственности виновного, поскольку санкции ч. 1 и 2 ст. 205<sup>1</sup> УК РФ, как правило, ниже санкций, предусмотренных за конкретные преступления террористического характера. Так, санкция ч. 1 ст. 205<sup>1</sup> УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет, в то время как ч. 1 ст. 205 УК РФ имеет санкцию в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

1. Кудрявцев В.Н. *Общая теория квалификации преступлений*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

2. Шибзухов З.А. *Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2012.

3. Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 28 окт. 2009 г. по делу № 2-13/2009. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/339228> (дата обращения: 06.06.2014).

4. Иногамова-Хегай Л.В. *Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений*. М., 2002.

5. Кадников Н.Г. *Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

6. Корнеева А.В. *Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / под ред. А.И. Рапога*. М., 2008.

1. Kudryavtsev V.N. *The general theory of crime qualification*. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2001.

2. Shibzoukhov Z.A. *Criminal liability for public incitement to terrorist activity or public justification of terrorism: auth. abstr. ... Master of Law*. Moscow, 2012.

3. *The verdict of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan of Oct. 28, 2009 in the case № 2-13/2009*. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/339228> (date of access: 06.06.2014).

4. Inogamova-Khegay L.V. *Competition of criminal and legal rules law in qualifying crimes*. Moscow, 2002.

5. Kadnikov N.G. *Qualification of crimes and issues of judicial interpretation*. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2009.

6. Korneeva A.V. *Theoretical foundations of qualifying crimes: study aid / ed. by A.I. Rarog*. Moscow, 2008.

7. Dikaev S.U. *Terrorism: the phenomenon, conditionality and countermeasures (criminal and*

7. Дикаев С.У. *Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.*
8. Кириллов В.И., Старченко А.А. *Логика: учеб. для юрид. вузов. М., 1998.*
9. Ображиев К.В. *Формальные (юридические) источники российского уголовного права. М., 2010.*
10. Коростылев О.И. *Часть 3 ст. 49 Конституции РФ как основание для разрешения сомнений при квалификации преступлений // Конституционные основы уголовного права: матер. I Всерос. конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 2006.*
11. *Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Чеченской Республики от 2 нояб. 2011 г. по делу № 22-223/11. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/571188> (дата обращения: 06.06.2014).*
12. Феоктистов М.В. *Ответственность за терроризм и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А.И. Долговой. М., 2004.*
13. Бриллиантов А.В. *Уголовная ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению // Рос. следователь. 2006. № 6.*
14. Елизаров И.Е. *Уголовно-правовой анализ вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ст. 205<sup>1</sup> УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.*
- legal and criminological research): diss. ... Dr of Law. St. Petersburg, 2004.*
8. Kirillov V.I., Starchenko A.A. *Logic: textbook for law schools. Moscow, 1998.*
9. Obrazhiyev K.V. *Formal (legal) sources of the Russian criminal law. Moscow, 2010.*
10. Korostylev O.I. *Part 3 of art. 49 of the Constitution of the Russian Federation as the basis for resolving doubts in qualifying crimes // Constitutional basis of criminal law: proc. of the I All-Russian congress of criminal law, devoted to the 10th anniversary of the Criminal code of the Russian Federation. Moscow, 2006.*
11. *Cassation ruling of Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Chechen Republic of Nov. 2, 2011 in the case № 22-223/11. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/571188> (date of access: 06.06.2014).*
12. Feoktistov M.V. *Responsibility for terrorism and the problem of improving the Russian criminal law // Terrorism in Russia and the problems of systemic response / ed. by A.I. Dolgova. Moscow, 2004.*
13. Brilliantov A.V. *Criminal liability for involvement in crimes of a terrorist nature or otherwise participating in its // Russian investigator. 2006. № 6.*
14. Elizarov I.E. *Criminal and legal analysis of involvement in the commission of terrorist offenses (art. 205<sup>1</sup> of the Criminal code of the Russian Federation): authr. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2003.*

**Мальковский Денис Владимирович**  
соискатель кафедры уголовного права  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: mdv99@mail.ru)

## *Содержание бюджетных отношений и формирование института юридической ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств (средств государственных внебюджетных фондов)*

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов. В ней раскрывается понятие содержания бюджетных отношений, а также рассматриваются вопросы формирования института юридической ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов.

**Ключевые слова:** бюджетные отношения, юридическая ответственность, нецелевое расходование бюджетных средств, экономические отношения, финансовый менеджмент.

**D.V. Malkovskiy**, Competitor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mdv99@mail.ru

### **The maintenance of the budgetary relations and formation of institute of legal responsibility for the misuse of the state budget funds (non-budgetary funds)**

The article is devoted to such an urgent issue as a responsibility for the misuse of the state budget funds and non-budgetary funds. It reveals the concept of contents budget relations, and also considers the issues of formation of the institute of legal responsibility for misuse of budgetary funds and means of the state non-budgetary funds.

**Key words:** budgetary relations, legal responsibility, misuse of budgetary funds, economic relations, financial management.

**С** началом развития в России рыночной экономики (с 1991 г.) и, соответственно, ослаблением принципа плановости в народном хозяйстве стали возникать и актуализироваться проблемы, связанные с нецелевым расходованием и хищением бюджетных средств. В СССР такой проблемы не могло быть по определению, поскольку практически все средства бюджетов всех уровней при их расходовании проходили через государственные финансово-кредитные учреждения и зачислялись на счет государственных же предприятий, учреждений и организаций (а также колхозов, профсоюзов, кооперативных и общественных организаций, что ничуть не меняло ситуации, поскольку все они фактически находились под жестким контролем государственных органов), а все бюджеты формировались на строго плановой основе. Нужно также иметь в виду, что обналичить бюджетные средства

в пользу какого-либо физического лица было очень трудно.

Переход к рынку, безусловно, оживил российскую экономику. Вместе с тем, упомянутые выше препятствия по нецелевому расходованию бюджетных средств становились все более и более преодолеваемыми. К этому следует добавить важнейшее обстоятельство, которое заключается в том, что изменилось значение самих бюджетных отношений – они довольно быстро превратились, что называется, в «альфу и омегу» социально-экономического развития российского общества, поскольку именно через них, через эту финансовую форму определяется и перспектива, и оценка такого развития на всех территориях, в том числе на территории всей страны (федеральный бюджет), на территории каждого субъекта Российской Федерации (региональный бюджет), на территории каждого муниципального образования (местный бюджет).

Соответственно, произошло усложнение бюджетных отношений, включая взаимодействие бюджетов разных уровней, изменилась система контроля за прохождением бюджетных средств, стал развиваться институт юридической ответственности за нарушения бюджетной дисциплины. Нужно также заметить, что с бюджетом связываются такие масштабные сферы, как экономика и функционирование государственной власти, первая – поскольку бюджет формируется благодаря экономической деятельности, а вторая – потому что распоряжение находящимися в бюджете (в государственных внебюджетных фондах) средствами осуществляется решениями органов государственной (муниципальной) власти.

Такое двуединство порождает определенные трудности в определении объекта правонарушений в сфере бюджетных отношений: с одной стороны, правонарушитель посягает на нормальное функционирование экономических отношений, а с другой – имеют место очевидные злоупотребления служебным положением распорядителей бюджетных средств, т.е. наличествует посягательство на объект, который можно охарактеризовать как нормальную, регламентированную соответствующими правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, Вооруженных сил РФ, других войск и воинских формирований Российской Федерации [1, с. 294].

В любом случае, как показывает практика, все более значимыми становятся негативные последствия действий ответственных должностных лиц, направляющих бюджетные средства в обход установленных целей [2, с. 34–36]. Об этом свидетельствует, например, и тот факт, что вошло в оборот и уже несколько последних лет никого не шокирует такое понятие, как «бюджетный откат», когда преступники из числа чиновников пытаются поставить предоставление оплачиваемого из бюджета заказа для частного бизнеса под условие такого «отката» в виде наличных средств для личного обогащения. Но одновременно с этим бюджетная сфера настолько сложна, что разграничить правомерные и неправомерные действия удается нередко с большим трудом [3, с. 26–27; 4, с. 34–35].

В связи с этим представляется необходимым раскрыть основное содержание бюджетных отношений в России, учитывая, что именно оно во многом определяет ответ на поставленный и иные вопросы при квалификации правонарушений, связанных с неправильным

расходованием бюджетных средств (средств государственных внебюджетных фондов).

Понятие «бюджет» происходит от старинного норманнского слова «budget», которым обозначался «кожаный мешок». В Англии «бюджет» первоначально означал как раз эту кожаную сумку, в которой начиная с XIV в. к председателю счетной палаты парламента носили правительственные планы по налогообложению и государственным расходам. Со временем словом «бюджет» стали именоваться финансовые планы правительства [5, с. 17]. Сегодня под бюджетом вообще понимается план расходов и доходов экономического субъекта на определенный период, причем не только на государственном уровне, но и на уровне частного предпринимательства, где также составляются свои бюджеты [6, с. 42]. Бюджет составляется, как правило, для учета количества денежных ресурсов, которыми участник экономических отношений располагает, и денежных ресурсов, которые данный субъект расходует за установленный период. Бюджет, представленный в форме росписи, таблицы, ведомости и т.п., является основным инструментом проверки сбалансированности доходов и расходов экономических субъектов.

Бюджетные отношения используются для характеристики как публичных (прежде всего государственных и муниципальных), так и частных финансов. Проникнув в сферу частных финансов, бюджет стал использоваться в качестве инструмента финансового менеджмента. В современном финансовом и управленческом лексиконе укоренилось понятие «бюджетирование», означающее систему управления частными финансами (финансами организации), основанную на процессе формирования и исполнения бюджета. Бюджетирование осуществляется в целях достижения оптимальных финансовых результатов деятельности предприятия, увязки параметров развития предприятия с его ресурсами (как собственными, так и заемными), гарантирования выполнения финансовых обязательств. Бюджетирование обеспечивает полной и точной информацией о настоящем и будущем финансовом положении предприятия, необходимой для принятия управленческих решений оперативного характера [7, с. 11–12].

Вместе с тем, в финансовом праве понятие «бюджет» используется исключительно в связи с функционированием публичных финансов, которые, в свою очередь, представлены финансами государственными (государственный бюджет всей России и ее субъектов) и муниципальными

(местный бюджет). Государственные и муниципальные финансы являются важнейшим звеном финансовой системы любого государства и главным инструментом социально-экономического макрорегулирования. В настоящее время в экономически развитых государствах через бюджет перераспределяется от четверти до половины валового национального продукта [8, с. 106].

Определяя сущность бюджета, его обычно рассматривают в трех аспектах – экономическом, материальном и юридическом. Бюджет как экономическая категория представляет собой совокупность общественных отношений в связи с формированием, распределением и использованием соответствующих централизованных денежных фондов. Именно в таких отношениях и проявляется сущность любого бюджета. Рассматриваемый в экономическом аспекте бюджет осуществляет распределительную и контрольную функции. Через распределительную функцию происходит накопление в руках государства (муниципального образования) денежных средств и их использование в целях удовлетворения общегосударственных (муниципальных) нужд. По бюджетным каналам осуществляется межотраслевое и межтерриториальное перераспределение финансовых ресурсов. Бюджетные отношения складываются у государства практически со всеми участниками общественного производства, с самыми широкими слоями населения [9, с. 31]. В материальном аспекте бюджет представляет собой централизованный денежный фонд, формируемый в масштабах конкретного публично-территориального образования (государства, муниципального образования) и предназначенный для обеспечения выполнения задач, стоящих перед таким публично-территориальным образованием, и осуществляемых им функций. Материальное содержание бюджета гарантирует существование соответствующего публично-территориального (государственного или муниципального) образования. Бюджетные ресурсы выступают в качестве материальной основы функционирования государственных органов и органов местного самоуправления. Вновь созданная производительным трудом стоимость, объективированная в бюджете, должна не только способствовать решению производственных задач, но и гарантировать бесперебойное функционирование государственного механизма, соблюдение законности и обеспечение правопорядка в обществе.

И здесь важно обеспечить не только контроль за прохождением бюджетных средств,

но и реализацию контрольной функции самого бюджета, которая состоит в том, что через информацию о движении бюджетных ресурсов, отражаемую в показателях бюджетных поступлений и расходных назначений, государство или иное публично-территориальное образование получает объективные сведения о происходящих в обществе экономических процессах и тем самым их контролирует [10, с. 12; 11, с. 18]. Кроме того, контрольную функцию бюджета принято считать в том, что в процессе формирования, распределения и использования фонда создается объективная основа для осуществления государственного финансового контроля. Сбалансированность и дефицит бюджета позволяют выявить динамику экономических процессов и обуславливают возможность предпринять регулирующие меры.

В целом в рамках общих функций государственных финансов сущность бюджета проявляется в следующих специфических функциях: функции обеспечения доходными источниками органов государственной (муниципальной) власти для выполнения расходных полномочий; функции финансирования функциональных обязанностей органов государственной (муниципальной) власти; контрольно-регулирующей функции. Следует отметить, что указанные функции находятся на стыке теории и практики построения бюджетных отношений, науки о бюджете и бюджетной политики, наиболее полно отражая сущность бюджета, а также цель и экономические мотивы субъектов бюджетного процесса [12, с. 27].

Таким образом, определение бюджета, содержащееся в действующем законодательстве Российской Федерации, в известной степени учитывает материальный и экономический аспекты данной категории, а также факт раздельного существования государственных финансов и местных финансов (финансов муниципальных образований) в соответствии с общими началами современного российского конституционализма.

Указанные и другие аспекты бюджетных отношений на системном уровне стали регулироваться с принятием в 1998 г. Бюджетного кодекса Российской Федерации. Этот нормативно-правовой акт за время своего существования претерпел множество изменений. Данный факт лишний раз свидетельствует о том, что бюджетные отношения в России развиваются достаточно противоречиво, в том числе в части регламентации критериев, позволяющих определять нарушения в сфере расходования бюджетных средств.

В настоящее время актуализировалась проблема расходования бюджетных средств в связи с имеющимися проявлениями целевого расходования, причиняющего вред общественным отношениям как в сфере экономики, так и в сфере нормального функционирования органов государственной и муниципальной власти. Что касается образования бюджета, то, как показывает наше исследование, здесь также имеются попытки намеренного формирования такого бюджета, который по отдельным статьям финансовых затрат может принести материальную выгоду отдельным физическим лицам, однако пока это явление не носит общественно опасного характера, и если предпринять ряд мер, в том числе контрольного характера, то до общественной опасности такого рода действий дело так и не дойдет. Но в любом случае данная проблематика выходит за пределы настоящей статьи, и о ней говорим лишь для того, чтобы показать, что вокруг бюджетов всех уровней «кружатся» нечистые на руку граждане, которые в ряде случаев, когда возникает криминальная ситуация, пытаются использовать бюджеты для личной выгоды.

Поэтому очень важно защитить бюджеты от нецелевого расходования. Не следует забывать, что под опекой государства (а значит, по гарантиям государственного бюджета) находится та часть населения, которая не в состоянии самостоятельно, без помощи государства обеспечить свое существование. Социальная сфера государства, уровень развития которой является индикатором общественного благополучия в данной стране, правоохранительные органы и армия, гарантирующие безопасность государства и граждан, также требуют выделения на их содержание значительных ресурсов, т.е. бюджет, понимаемый как централизованный денежный фонд, удовлетворяет потребности государства и муниципальных образований в денежных средствах, идущих на покрытие все возрастающих расходов в связи с осуществлением государством и иными публично-территориальными образованиями социальной, экономической, правоохранительной, экологической и иных функций. Бюджетные ресурсы являются также важнейшей материальной гарантией основных прав и свобод граждан, закрепленных Конституцией РФ.

1. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. М., 2007.*

2. *Бойко А.И. Назревшие проблемы и приемы правовой охраны бюджетных средств // Юрист. 2000. № 6.*

3. *Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 2005 год» // Бюл. Счетной палаты Российской Федерации. 2004. № 12.*

4. *Обухов С. Лазейки на правовом поле // Финансовый контроль. 2006. № 11.*

5. *Кучеров И.И. Бюджетное право России. М., 2002.*

6. *Крохина Ю.А. Базисные категории бюджетного права: доктрина и реальность // Журнал российского права. 2002. № 3.*

7. *Едронova В.Н. Методы коммерческого бюджетирования. М., 2005.*

8. *Крохина Ю.А. Бюджетное право и российский федерализм. М., 2002.*

9. *Рутковская Е.В. Методология бюджетного управления предприятием // Налоги. 2007. № 12.*

10. *Бюджетная система Российской Федерации / под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской. М., 2005.*

1. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / ed. by V.M. Lebedev. Moscow, 2007.*

2. *Boyko A.I. Urgent problems and techniques of legal protection budget // Lawyer. 2000. № 6.*

3. *Conclusion of the Accounts chamber of the Russian Federation on the draft Federal law «On the Federal Budget for 2005» // Bull. of the Accounts chamber of the Russian Federation. 2004. № 12.*

4. *Obukhov S. Loopholes in the legal field // Financial control. 2006. № 11.*

5. *Kuchеров I.I. Budget law of Russia. Moscow, 2002.*

6. *Krokhina Yu.A. Basic categories of budget law: doctrine and reality // Journal of Russian law. 2002. № 3.*

7. *Edronova V.N. Methods of commercial budgeting. Moscow, 2005.*

8. *Krokhina Yu.A. Budget law and Russian federalism. Moscow, 2002.*

9. *Rutkovska E.V. Methodology of the budgetary business management // Taxes. 2007. № 12.*

10. *Budgetary system of the Russian Federation / ed. by M.V. Romanovsky, O.V. Vrublevskaya. Moscow, 2005.*

11. *Бюджетная система России / под ред. Г.Б. Поляка. М., 2004.*

12. *Ковалева Т.М., Барулин С.В. Бюджет и бюджетная политика в Российской Федерации. М., 2005.*

11. *Budgetary system of Russia / ed. by G.B. Polyak. Moscow, 2004.*

12. *Kovaleva T.M., Barulin S.V. Budget and budgetary policy in the Russian Federation. Moscow, 2005.*

**Хамтаху Рустам Шихамович**  
 адъюнкт кафедры уголовного права  
 Краснодарского университета МВД России  
 (тел.: +79186911119)

## *Категория общественной опасности деяния в структуре преступления: вопросы элементной иерархии и использования в качестве критерия классификации преступлений*

В статье исследуются вопросы, связанные с местом и значением общественной опасности деяния в структуре преступления. Показаны иерархия элементов, входящих в структуру преступления (виновность, общественная опасность деяния, запрещенность уголовным законом, наказуемость), их взаимозависимость. Обосновывается авторское предложение по корректировке ч. 1 ст. 15 УК РФ.

**Ключевые слова:** общественная опасность деяния, структура преступления, состав преступления, общественная вредность деяния, объект преступления, классификация преступлений.

**R.Sh. Khamtakhu**, Adjunct of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79186911119.

### **The category of the public danger of act in crime structure: the questions of element hierarchy and use as criterion of crime classification**

In the article the questions connected with a place and importance of the public danger of act in crime structure are investigated. The hierarchy of the elements entering into a crime structure (guilt; public danger of act; ban by the criminal law; ability for the punishment), their interdependence are shown. The author's offer on updating of the pt. 1 of the art. 15 of the Criminal code of the Russian Federation is proved.

**Key words:** public danger of act, crime structure, corpus delicti, public harm of act, object of crime, classification of crimes.

**В** каждой отрасли права формируются определенные устоявшиеся конструкции, появление которых показывает технико-юридический уровень развития той или иной отрасли права. Следует согласиться с К.К. Панько в том, что юридические конструкции представляют собой совокупность определенных правовых средств, образующих типизированные модели, которые соответствуют разновидностям соответствующих общественных отношений [1, с. 53]. Как отмечал С.С. Алексеев, правовые конструкции можно расценивать как органический элемент его внутренней формы, который появляется на первых порах спонтанно, в результате процесса типизации, но затем развивается в правоприменительной деятельности, находит юридическое закрепление в тех отраслях права, нормами которых регулируются отдельные области общественных отношений [2]. Если иметь в виду уголовное право, среди наиболее устоявшихся

конструкций следует назвать «преступление» и «состав преступления».

Данные понятия («преступление» и «состав преступления») хотя и являются близкими, но не тождественны. Как указывает в этом контексте В.В. Диаконов, если совершение общественно опасного деяния является фактическим основанием для привлечения к уголовной ответственности, то формальным, т.е. юридическим, основанием для привлечения к уголовной ответственности является наличие в данном общественно опасном деянии состава конкретного преступления, который предусмотрен в статьях Особенной части уголовного закона [3, с. 51].

Доминирующими в науке уголовного права являются суждения о том, что понятие преступления включает в себя четыре признака, вытекающие из содержания ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а именно: 1) виновность; 2) общественная

опасность деяния; 3) запрещенность уголовным законом; 4) наказуемость.

В свою очередь, в состав преступления входят также четыре элемента, но иные, чем в конструкции преступления, а именно: 1) объект преступления; 2) объективная сторона преступления; 3) субъективная сторона преступления; 4) субъект преступления. Как видно, в понятие состава преступления не входит наказуемость, а в понятии преступления нет субъекта преступления. Хотя, конечно, здесь многое условно, поскольку, например, общественно опасное деяние не может быть совершено без наличия субъекта соответствующих действий (бездействий).

Здесь важно подчеркнуть, что каждая юридическая конструкция имеет свою структуру, соответственно, выделяются такие понятия, как «структура преступления», «структура состава преступления». Рассмотрим подробнее структуру преступления (в литературе структура преступления исследуется также с точки зрения психологии [4], однако мы имеем в виду только уголовно-правовой аспект структуры преступления).

Как видно из ч. 1 ст. 14 УК РФ, общественная опасность деяния (действий, бездействий) является структурным элементом преступления в числе четырех элементов, которые там указываются (виновность, общественная опасность, запрещенность, наказуемость). Здесь, как представляется, важно выявить элементную иерархию в структуре преступления, чтобы понять, какой элемент является ключевым, поскольку от этого в немалой степени зависит методология классификации преступлений.

Логический анализ формулировки ч. 1 ст. 14 УК РФ дает основание считать, что главным элементом в структуре преступления является общественная опасность деяния. Так, в самой законодательной формулировке («преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания») три элемента (виновность, запрещенность, наказуемость) являются по сути не чем иным, как характеристиками одного и того же элемента конструкции преступления, а именно общественной опасности деяния:

общественно опасное деяние должно быть совершено виновно;

общественно опасное деяние должно быть запрещено уголовным законом (этот элемент в уголовно-правовой литературе, как правило, обозначается как «запрещенность» или как «противоправность»);

общественно опасное деяние должно предусматривать, в случае его совершения, наказание.

Ни один другой элемент структуры преступления, законодательно закрепленной в ч. 1 ст. 14 УК РФ, не обладает таким свойством, как общественная опасность деяния, т.е. быть предметом, который характеризуется посредством других элементов, входящих в эту же структуру преступления. Например, виновность как элемент структуры преступления для цели формирования понятия преступления не имеет самостоятельности, поскольку этот признак необходим для уточнения статуса общественной опасности деяния: если деяние было совершено невиновно, то общественно опасное деяние не может быть квалифицировано как преступление.

Это касается также запрещенности деяния уголовным законом (противоправности). Данный признак необходим для решения той же задачи, а именно уточнения статуса общественно опасного деяния. Так, даже когда общественно опасное деяние совершено виновно, оно не может квалифицироваться как преступление, если не является запрещенным уголовным законом (например, некоторое время лица, совершавшие общественно опасные деяния, причинявшие реальный вред общественным отношениям в сфере использования компьютерных технологий, не подвергались уголовному преследованию по той причине, что уголовно-правового запрета в виде закрепленных составов соответствующих преступлений в уголовном законе не было – они появились вместе с принятием УК РФ 1996 г.).

Что касается наказуемости, то это и вовсе вспомогательный, можно сказать, факультативный признак, которому, на наш взгляд, не должно быть места в элементном составе структуры преступления, поскольку уголовно-правовой запрет уже включает в себя наказуемость: не может быть уголовно-правового запрета без наказуемости. Здесь имеет место и еще один аспект, связанный с тем, что в случае совершения общественно опасного деяния лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, или невменяемым лицом уголовный закон предполагает применение к таким лицам принудительных мер уголовно-правового воздействия, и поэтому, строго говоря, общественная опасность должна рассматриваться не только как признак преступления, но и как признак такого деяния, совершение которого влечет применение указанных мер принудительного характера. Однако эти аспекты в данной статье мы не затрагиваем.

Поскольку общественная опасность деяния представляет собой ключевой элемент струк-

туры преступления, то, следовательно, именно этот признак должен браться в основу уголовно-правовой категоризации преступлений, иначе говоря, дифференциация преступлений фактически означает прежде всего дифференциацию общественной опасности деяний. И в этом смысле законодатель достаточно последователен, определяя в ч. 1 ст. 15 УК РФ общественную опасность как критерий классификации преступлений. Но здесь имеются и неоднозначные положения, о которых речь идет ниже.

В литературе в этой связи указывается, что оценка тяжести преступления должна осуществляться по ценности объекта, на который направлено преступное посягательство, и основываться также на том, какой вред причинен (или мог быть причинен) данному объекту общественных отношений, т.е. суд при определении наказания конкретным физическим лицам, признанным виновными в совершении преступления, де-факто оценивает не общественную опасность, а первичное последствие деяния, которое, в свою очередь, характеризует общественную вредность преступления, которая поддается различным измерениям. Соответственно, в уголовное законодательство целесообразно включить новое понятие – «общественная вредность». При этом упоминание об общественной опасности следует оставить в той норме УК РФ, которая дает понятие преступления, а во всех иных случаях речь должна идти об общественной вредности [5, с. 45; 6, с. 9]. Однако с такими рассуждениями мы не можем полностью согласиться.

Как нам представляется, правовое регулирование общественных отношений и правоприменительную практику в рамках тех же общественных отношений нельзя ставить в один ряд. Разумеется, суд, назначая наказание виновному в совершении преступления, рассматривает все обстоятельства конкретного уголовного дела, выявляет причиненный преступлением вред, который в совокупности некоторые авторы именуют как «вредность преступления». Однако вредность не может определяться произвольно, она должна иметь точку отсчета, и таковой как раз и является общественная опасность деяния, поэтому использование в ст. 15 УК РФ категории общественной опасности деяния вполне оправданно.

Вместе с тем, законодатель, определяя общественную опасность деяния как критерий классификации преступлений, уточняет, что речь идет только о «характере и степени» общественной опасности деяния, которые имеют далеко не однозначные доктринальные толкования.

Наиболее сильно это проявляется, если иметь в виду характер общественной опасности. Так, одни авторы полагают, что таковой определяется посредством правового отражения меры опасности вида посягательства [7, с. 123], другие характер общественной опасности «привязывают» к той главе уголовного закона, где содержится оцениваемый состав преступления [8, с. 253], третьи определяют характер общественной опасности, исходя из принадлежности оцениваемого преступления к группе преступлений того или иного вида (хищения чужого имущества, причинение вреда здоровью и т.д.) [9, с. 77]. По мнению О.А. Михалы и Н.А. Черемновой, основным признаком характера общественной опасности (вредности) являются качественные, объективно существующие изменения в общественных отношениях, т.е. осуществление преступного посягательства на объект уголовно-правовой охраны. Характер общественной вредности – это качественное отражение общественной вредности. Признаком характера общественной вредности является, помимо ценности объекта посягательства, также форма вины [10, с. 66]. Как видно, мнения довольно сильно расходятся.

Что касается степени общественной опасности, то здесь разночтений меньше. В частности, степень общественной опасности предлагается определять через показатель ценности объекта уголовно-правовой охраны: «Степень ценности объекта при прочих равных условиях определяет степень общественной опасности посягательства на него, и чем ценнее объект, тем более опасным при прочих равных условиях является преступное посягательство на него» [7, с. 74]. Такая позиция является доминирующей. Но есть и другие мнения: в частности, к признакам степени общественной опасности относят тяжесть последствий и способ совершения преступлений [10, с. 66]. С последним трудно согласиться, поскольку способ совершения преступления можно считать и признаком характера общественной опасности деяния.

Нельзя в этом контексте не затронуть некоторые положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания». В нем указывается, в частности, что характер общественной опасности преступления определяется в соответствии с законом с учетом объекта посягательства, формы вины и категории преступления (ст. 15 УК РФ), а степень общественной опасности преступления – в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного,

в частности от размера вреда и тяжести наступивших последствий, степени осуществления преступного намерения, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличия в содеянном обстоятельстве, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части УК РФ.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Верховный Суд РФ как в характер общественной опасности преступления, так и в степень общественной опасности преступления включает довольно много различных признаков, и такой подход вряд ли можно считать рациональным, поскольку, как мы отмечали, способ совершения преступления, на наш взгляд, больше подходит под характер преступления.

Однако здесь для нас важнее подчеркнуть другой момент, который касается того, что Верховный Суд РФ ведет речь о характере и степени общественной опасности преступления, т.е. уже о совершенном преступном посягательстве, в то время как предмет нашего анализа – характер и степень не преступления, а общественно

опасного деяния, которое рассматривается к контексте правового регулирования, а не в контексте правоприменительной практики. Соответственно, те признаки, которые даны в постановлении Пленума Верховного Суда РФ в отношении «преступления», причем уже совершенного, не могут в полной мере относиться к общественной опасности деяния как элемента правовой конструкции в виде преступления.

Исходя из этого, мы полагаем, что признаков для оценки общественной опасности деяния должно быть немного, и в этом контексте, на наш взгляд, из ч. 1 ст. 15 УК РФ, с учетом вышеизложенных доводов, целесообразно исключить слово «характер» по отношению к общественной опасности деяния, поскольку его целесообразно использовать при оценке уже совершенного преступления, а здесь, при закреплении критерия категоризации преступлений, следует оставить только «степень общественной опасности», что в большей мере будет соответствовать методике дифференциации преступлений по категориям, а именно по количественному признаку – длительности сроков лишения свободы.

---

1. Панько К.К. Юридические конструкции как категории внутренней формы (структуры) уголовного права // *Право и политика*. 2005. № 3.

2. Алексеев С.С. *Восхождение к праву. Поиски и решения*. М., 2001.

3. Диаконов В.В. *Уголовное право России (Общая часть)*. М., 2003.

4. Еникеев М.И. *Психология преступного поведения* // *Юрид. психология*. 2006. № 4.

5. Марцев А.И. *Общие вопросы учения о преступлениях*. Омск, 2000.

6. Марцев А.И. *Преступление как социальное явление // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики*. Красноярск, 1998.

7. Демидов Ю.А. *Социальная ценность и оценка в уголовном праве*. М., 1975.

8. Карпец И.И. *Социальные, правовые и криминологические проблемы*. М., 1973.

9. Бушуев И.А. *Исправительные работы*. М., 1968.

10. Михаль О.А., Черемнова Н.А. *О некоторых проблемах классификации преступлений* // *Юрид. наука*. 2011. № 4.

---

1. Panko K.K. *Legal constructions as categories of the internal form (structure) of criminal law* // *Law and policy*. 2005. № 3.

2. Alexeev S.S. *Ascension to the right. Searches and decisions*. Moscow, 2001.

3. Diakonov V.V. *Criminal law of Russia (General part)*. Moscow, 2003.

4. Enikeev M.I. *Psychology of criminal behaviour* // *Legal psychology*. 2006. № 4.

5. Martsev A.I. *Common questions of the doctrine on crimes*. Omsk, 2000.

6. Marzev A.I. *Crime as the social phenomenon // Actual problems of the theory of struggle against criminality and law-enforcement practice*. Krasnoyarsk, 1998.

7. Demidov Yu.A. *Social importance and estimation in criminal law*. Moscow, 1975.

8. Karpez I.I. *Social, legal and criminological problems*. Moscow, 1973.

9. Bushuev I.A. *Corrective works*. Moscow, 1968.

10. Mikhal O.A., Cheremnova N.A. *About some problems of crimes classification* // *Jurisprudence*. 2011. № 4.

Киркина Надежда Валерьевна  
помощник прокурора Московского района г. Чебоксары  
(e-mail: prokur26@cap.ru)

## Некоторые личностные особенности женщин, совершающих наркопреступления

В статье анализируются нравственно-психологические и уголовно-правовые свойства и качества женщин, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Фиксируется наличие у них таких негативных качеств, как злоупотребление наркотиками и алкоголем, отсутствие перспективных жизненных ориентаций, отсутствие связи со своей семьей, в том числе с детьми. Отмечается, что такие женщины, как правило, не ограничиваются совершением одного преступления, сочетая их с иными уголовно наказуемыми деяниями.

**Ключевые слова:** наркопреступность, личность женщин, совершающих наркопреступления, нравственно-психологические и уголовно-правовые особенности.

**N.V. Kirkina**, Assistant of the Public Prosecutor of the Moscow District of Cheboksary; e-mail: prokur26@cap.ru

### **Some particularities to personalities of women making crimes connected with illegal turn drug**

In the article morally-psychological and criminal-legal characteristic and quality of women making crimes connected with illegal turn drug are analysed. Presence is fixed beside them such negative quality as abuse drug and alcohol, absence perspective life orientation, absence relationship with their family, including children. Such women, as a rule, are not limited by completion of one crime, combining them with other criminal punishable actions.

**Key words:** crimes, connected with illegal turn drug, personality of women making crimes connected with illegal turn drug, morally-psychological and criminal-legal particularities.

Обычно при изучении личности преступника в криминологии анализу подвергаются три основных группы свойств и качеств преступника: 1) социально-демографические, 2) нравственно-психологические, 3) уголовно-правовые [1, с. 262]. Не занижая роль социально-демографических свойств и качеств преступника, в рамках данной статьи мы остановимся именно на нравственно-психологических и уголовно-правовых свойствах и качествах, в частности, такой категории преступников, как женщины, совершающие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (наркопреступления).

К нравственно-психологическим свойствам и качествам относятся те, которые определяют потребности, интересы, увлечения жизненные цели и ориентации преступницы, ее психический мир. Нравственные – это те свойства и качества, которые, как отмечают психологи, «являются основными, конституирующими (образующими) единицами сознания личности, определяют главные и относительно постоянные отношения человека к основным сферам жизни – к миру, к другим людям, к самому себе» [2, с. 132]. Иными словами, это те идеи, принципы, взгляды,

убеждения личности, которые влияют на формирование и реализацию ее образа мышления и характера поведения [3, с. 148].

Психологические свойства и качества личности преступника определяют ее способности, характер, темперамент, составляют основание любой человеческой личности и ее психологический облик. Таким образом, нравственно-психологические свойства и качества преступника в криминологическом плане, на наш взгляд, являются наиболее значимыми, т.к. именно они, в частности, определяют его преступное поведение, его направленность, мотивацию. А в целом, именно эти свойства и качества характеризуют внутренний мир преступника, его отношение к обществу, закону, другим лицам и к самому себе.

Многочисленные криминологические исследования преступников фиксируют у них:

- 1) существенные пробелы в нравственном сознании;
- 2) искажения, ведущие к нравственному конфликту с общепринятыми в обществе нормами морали, морали разных групп, двойной морали [4, с. 352].

Как отмечают авторы монографии «Личность преступника», преступники отличаются от законо-

послушных граждан негативным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников [5, с. 67–68].

Проведенное нами исследование показывает, что женщины намного законопослушнее мужчин, но, как и все преступники в целом, женщины-преступницы в основной своей массе характеризуются негативными нравственно-психологическими свойствами и качествами. Прежде всего, следует отметить, что у основной массы опрошенных преступниц (75,2%) преобладают корыстные устремления. Смысл своей жизни они видят в том, чтобы «хорошо жить» в материальном плане, иметь престижную квартиру, машину, красиво одеваться. Лишь незначительная часть опрошенных (7,1%) отметили, что хотят получить высшее образование, 6,7% смысл жизни видят в создании крепкой, дружной и материально обеспеченной семьи, 5,9% – в воспитании детей, 4,1% – в занятии любимой профессией или любимым делом.

Характерно, что значительная часть опрошенных преступниц (45,3%), совершивших уголовно наказуемые деяния с наркотиками, сами употребляли наркотики, тем не менее, 32,3% из них наркоманами себя не признают. Эти данные подтверждаются и другими исследованиями. Так, А.Я. Гришко отмечает, что у лиц, совершающих наркопреступления, эти показатели у мужчин и женщин составляют соответственно 68 и 39% [6, с. 88]. Не случайно значительная доля преступлений, совершенных опрошенными женщинами, а именно 8,3%, были совершены в состоянии наркотического опьянения. Для сравнения можно отметить, что в 2013 г. по всем преступлениям этот показатель составил всего 2,3% [7, с. 39].

У женщин пик наркозависимости выпадает на возраст 18–20 лет, а пик наркопреступности – на возраст 20–24 года, у мужчин же, соответственно, на возраст 18–19 и 19–20 лет. Таким образом, к моменту совершения наркопреступлений женщины, как и мужчины, уже имели некоторый «стаж» употребления наркотиков. У женщин он составляет примерно полтора-два года, а у мужчин – год-полтора.

Некоторое «отставание» женщин по этим показателям объясняется их большей осторожностью, повышенной чувствительностью к опасности, которая таится в употреблении наркотиков и в совершении наркопреступлений. Эти обстоятельства сдерживают женщину лишь в первое время употребления наркотических средств или психотропных веществ.

Во всех изученных случаях приобщение к употреблению наркотиков произошло у женщин еще в молодом возрасте (в 20% случаев – в несовершеннолетнем).

Установлено, что деградация у лиц, употребляющих наркотики, происходит примерно в 20 раз быстрее, чем у лиц, употребляющих спиртные напитки [8, с. 3]. Если лицо, употребляющее алкоголь, спивается примерно через 5–7 лет, то лицо, употребляющее наркотики, становится наркозависимым намного раньше. Если алкоголик в среднем живет 15–20 лет (после начала употребления спиртных напитков), то наркоман – в лучшем случае 5–7 лет, а зачастую смерть наступает (от «передозировки», «некачественного» наркотика и т.п.) уже в течение года. Поэтому наркоманы в возрасте старше 50 лет составляют в общей массе наркоманов только 1% [9, с. 35].

По мнению 26% опрошенных сотрудников исправительных колоний, в которых отбывают наказание опрошенные осужденные, излечиваются от наркозависимости примерно 15–25% женщин, по мнению 21% опрошенных, вылечивается только 10–15%, по мнению 10% опрошенных, – 1–10%, по мнению 9%, – 15–40%, по мнению 7%, – 40–60%, по мнению 2,5%, – 0,5%. Все эти данные свидетельствуют о достаточно низком показателе женщин-наркопреступниц, вылечившихся от наркозависимости.

Ученые отмечают, и это подтверждается результатами нашего исследования, что женщины до совершения наркопреступления допускали всевозможные правонарушения, вели антиобщественный образ жизни. Прежде всего, это правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений: ссоры, скандалы (более 50% всех случаев); половая распущенность, занятие проституцией (свыше одной трети всех случаев); кражи, мошенничество и другие подобные преступления (25% случаев); иждивенчество (паразитизм) и бродяжничество (15% случаев).

Женщины-наркопреступницы нередко отличаются артистизмом, находчивостью и изобретательностью. Они порой склонны к изменению внешности для того, чтобы не попасть в поле зрения сотрудников правоохранительных органов, основательнее укрывают совершенные преступления, более внимательны при уничтожении орудий и средств совершения преступлений, уличающих их документов, обстоятельнее прячут предметы, добытые преступным путем. Они «убедительнее» вводят в заблуждение оперативных работников, следователей, судей и адвокатов. Их заведомо ложные показания на предварительном следствии и в суде труднее

изобличать, они основательнее «запираются» и «отпираются», категоричнее отказываются от дачи показаний, ссылаясь на то, что им «ничего по делу не известно», что им «нечего сказать», что они «ничего не знают».

В безвыходных ситуациях, когда улики неопровержимы, как показывает практика, наркопреступницы часто пускают в ход «слезы», преследующие цель разжалобить сотрудника, заставить его «снизойти», «пожалеть бедную и несчастную женщину», «сострадать» и т.д. И это нередко им удается, особенно если «слезы» подкрепляются готовностью к интимной близости, «ласковыми и нежными» словами, жестами, действиями.

В случае же выявления наркопреступления совершившие его женщины легко идут на коррупционные взаимоотношения с сотрудниками правоохранительных органов, даже при меньшем уровне «криминализации», чем это обнаруживается у мужчин. К тому же «откупаться» от уголовной ответственности им удается, как правило, посредством меньших денежных сумм.

Характерно, что значительная доля опрошенных преступниц (51,7%) полностью признали свою вину в совершенном преступлении, треть их (33,1%) признали вину частично, и шестая часть (15,2%) отрицали вину. При этом лишь 24,3% отбывающих наказание винили в случившемся саму себя, 35,2% – своих друзей, приятелей, знакомых, 40,5% – жизненные обстоятельства. То есть основная масса (59,5%) вину за совершенное преступление возлагают на других лиц или стечение жизненных обстоятельств, но только не на себя.

Изучение уголовных дел также позволило выделить некоторые негативные нравственные свойства и качества женщин-наркопреступниц. Так, по 5,7% дел суды констатировали ненадлежащее отношение женщин к воспитанию своих детей. В 83,3% случаев в делах на осужденных имелись характеристики с места работы, учебы или (и) проживания, 80% которых были положительными, 15% – отрицательными, 5% – двойственными (т.е. в характеристиках осужденным давались как положительные, так и отрицательные оценки).

Со своими родственниками поддерживали отношения 52,3% опрошенных женщин, 5,3% указали на отсутствие таковых, 17,1% поддерживали отношения только со знакомыми, 15,3% ни с кем никаких отношений не поддерживали. Характерно, что, по оценкам сотрудников исправительных учреждений, только 9,5% осужденных женщин за период отбывания наказания характеризуются отрицательно, основная же масса

положительно или нейтрально. У осужденных мужчин, как правило, показатели иные, среди них больше отрицательно характеризующихся лиц [4, с. 867].

К уголовно-правовым свойствам и качествам личности преступника следует относить характер совершенного преступления, их количество, групповой или одиночный характер совершенного преступления, наличие или отсутствие рецидива.

Основная масса опрошенных лиц (46,1%) совершили преступления, предусмотренные ст. 228<sup>1</sup> УК РФ; 43,7% – предусмотренные ст. 228 УК РФ; оставшаяся доля (10,2%) – все иные наркопреступления.

Женщины, совершившие только деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков, составили 53,7%; женщины, совершившие наркопреступления в совокупности с иными преступлениями, – соответственно 46,3%. Из них 35,3% совершили преступления в совокупности с преступлениями против собственности (прежде всего кражами, грабежами, мошенничеством); 9,7% – против личности (убийствами, причинением вреда здоровью различной степени тяжести); 1,3% – со всеми иными преступлениями.

Основная масса изучаемых преступлений, а именно 84,7%, женщинами совершались в одиночку, а 15,3% – в составе группы лиц. Групповой характер преступления повышает его общественную опасность. Как отмечает А.В. Шеслер, групповое преступление опаснее преступления, совершенного в одиночку, т.к. разделение функций и согласование усилий совместно действующих лиц повышает результативность преступления, а следовательно, усугубляет его приспособительные и преобразовательные социально-негативные последствия [10, с. 22–23].

Основная масса изученных преступных групп действовала по предварительному сговору (11,7%), и лишь 3,6% групп носили организованный характер. Данный показатель, на наш взгляд, является очень низким и не соответствующим действительности, т.к. именно в сфере незаконного оборота наркотиков наиболее активно действуют организованные преступные формирования. Указанный показатель организованных групповых преступлений в очередной раз свидетельствует о высокой степени латентности организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков.

Преступные группы, как правило, были немногочисленны. В основной массе (90,3%) они состояли из 2–3 человек, в 8,6% случаев – из 4–5 человек, и лишь в 1,1% случаев – из 6 и более

человек. В основной массе (72,7%) соучастниками женщин были мужчины.

Количество совершаемых преступлений (без рецидива) также подчеркивает общественную опасность личности преступницы. Установлено, что 40,1% женщины-наркопреступниц осуждались к лишению свободы за совершение одного преступления, 31,7% – за совершение двух преступлений, 16,9% – за совершение трех преступлений и 11,3% – за совершение четырех и более преступлений.

Средний срок лишения свободы, назначенного судами женщинам-наркопреступницам, составил 5,4 года.

Рецидив преступления также повышает опасность личности преступника. На протяжении длительного времени уровень рецидива у женщин намного ниже, чем у мужчин, и составляет около 15% [11, с. 21]. Иными словами, в сравнении с мужским рецидивом, рецидив женский выражен менее отчетливо, но если сопоставить рецидив наркоманов и рецидив наркоманок, то грань здесь практически не обнаруживается. Среди опрошенных нами женщин 12,3% были ранее судимы, причем каждая третья из них (35,1%) за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Наиболее высокий уровень рецидива среди женщин в возрасте свыше 40 лет (до 40%), несколько ниже (около 33%) – в возрасте 31–40 лет, а еще ниже (около 27%) – в возрасте до 30 лет.

При изучении личности любого преступника, в том числе и совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, невозможно обойти вопрос о мотивах преступления. Как отмечает Ю.М. Антонян, мотивы выражают наиболее важные черты и свойства, потребности и стремления личности [5, с. 102]. По мнению Г.А. Аванесова, мотив – это внутренний, субъективный смысл поведения, то, ради чего оно реализуется [12, с. 22].

Как показало исследование, основной побудительный мотив совершения женщинами

наркопреступлений, как они сами отмечают, – это стремление к «легкой и быстрой наживе». Иными словами, корыстный мотив. Он присутствовал в 68,7% случаев совершения женщинами наркопреступлений. При этом следует отметить, что многие из опрошенных осужденных отмечали не какой-то один, единственный мотив их преступного поведения, а порой несколько.

Так, для женщин, страдающих наркозависимостью, мотивом совершения преступления явилось стремление любой ценой, любым способом получить от наркодиллера очередную дозу наркотика (12,1%).

8,3% опрошенных ответили, что совершили наркопреступление, в частности хранение наркотических средств, из-за того, что хотели «попробовать» наркотики, «испытать» эйфорию, которую они приносят.

5,6% опрошенных ответили, что совершили наркопреступление из-за «сострадания», «жалости» к своим близким (детям, супругам), для которых они приобретали наркотики. 3,3% опрошенных, а это были прежде всего молодые лица, отметили, что пробовали наркотики, хранили их, чтобы не «отрываться от компании друзей», не портить с ними отношений, быть такими же, как они. То есть присутствовали так называемые «конформистские» [13, с. 411] мотивы.

2% опрошенных затруднились определить мотивы своего преступного поведения или назвали иные мотивы.

Таковы наиболее характерные, на наш взгляд, нравственно-психологические и уголовно-правовые свойства и качества женщин, совершающих наркопреступления. Их знание необходимо правоохранительным органам для организации предупредительной работы по указанным преступлениям, в частности для успешной индивидуально-профилактической работы с женщинами, склонными к совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

1. Аванесов Г.А. *Криминология: учеб. М., 1984.*

2. Братусь Б.С. *Смысловая сфера личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2001.*

3. Абызов Р.М. *Типология личностных деформаций несовершеннолетних преступников. Ижевск, 1998.*

4. *Криминология: учеб. / под ред. А.И. Долговой. М., 2005.*

5. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Э. *Личность преступника. СПб., 2004.*

1. Avanesov G.A. *Criminology: textbook. Moscow, 1984.*

2. Bratus B.S. *Semantic sphere to personalities // Psychology to personalities in works of domestic psychologist. St. Petersburg, 2001.*

3. Abyzov R.M. *Typology of larval deformation minor criminal. Izhevsk, 1998.*

4. *Criminology: textbook / ed. by A.I. Dolgova. Moscow, 2005.*

5. Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. *Personality of the criminal. St. Petersburg, 2004.*

6. Гришко А.Я. О незаконном обороте наркотиков // *Российский криминологический взгляд*. 2005. № 3.
7. *Состояние преступности в России за 2013 год: стат. сб. М., 2014.*
8. Ожиганов Н.И., Кадыров М.М. *Уголовно-правовая борьба с преступлениями, связанными с наркотическими средствами. Ташкент, 1989.*
9. Омигов В.И. *Криминологические и правовые проблемы борьбы с наркоманией и наркотизмом. М., 1992.*
10. Шеслер А.В. *Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2006.*
11. Морозов А.Ю. *Рецидив преступлений и рецидивная преступность женщин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000.*
12. Аванесов Г.А. *10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии. М., 2012.*
13. *Большой словарь иностранных слов. М., 2010.*
6. Grishko A.Ya. *About illegal drug turn // Russian criminological glance. 2005. № 3.*
7. *Condition to criminality in Russia for 2013: statistical coll. Moscow, 2014.*
8. Ozhiganov N.I., Kadyrov M.M. *Criminal-legal fight with crimes, connected with narcotic facility. Tashkent, 1989.*
9. Omigov V.I. *Criminological and legal problems of the fight with drug addiction and narcotism. Moscow, 1992.*
10. Shesler A.V. *Group criminality: criminological and criminal-legal aspects. Saratov, 2006.*
11. Morozov A.Yu. *Relapse of the crimes and relapse criminality of the womans: auth. abstr. ... Master of Law. Stavropol, 2000.*
12. Avanesov G.A. *10 chapters about motivations and motive. Through prism of the criminology science. Moscow, 2012.*
13. *Big dictionary of foreign words. Moscow, 2010.*

**Палазян Арутюн Сергеевич**

доктор юридических наук,  
кандидат философских наук, профессор,  
начальник кафедры теории и истории права и государства  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583414)

## *Историко-правовой аспект проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе*

В статье представлен историко-правовой анализ проявлений экстремизма на Северном Кавказе как регионе Российской Федерации. Автор формулирует собственную концепцию историко-правового исследования экстремизма как деструктивного феномена современного российского общества и борьбы государства с данной противоправной деятельностью.

**Ключевые слова:** экстремизм, терроризм, Россия, Северный Кавказ, история, право.

**A.S. Palazyan**, Doctor of Law, Master of Philosophy, Professor, Head of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

### **Historical and legal aspect of the problem of religious extremism in North Caucasus**

Historical and legal analysis of manifestations of extremism in the North Caucasus as the region of the Russian Federation is presented in article. The author formulates own concept of historical and legal research of extremism as destructive phenomenon of modern Russian society and fight of the state against this illegal activity.

**Key words:** extremism, terrorism, Russia, North Caucasus, history, law.

**Э**кстремизм и терроризм в современной России являются одними из наиболее злободневных и актуальных проблем, стоящих перед обществом и государством. Проникновение и распространение на территории Российской Федерации многих религиозных движений и идеологических направлений экстремистского содержания происходило под влиянием либерализации политики государства в религиозной сфере в 1990-е гг. Произошла актуализация идей исламского фундаментализма радикального русла в Северо-Кавказском и некоторых других регионах России, что представляет угрозу национальной безопасности Российского государства, формирует дестабилизационные процессы в социально-политическом аспекте его функционирования не только внутри страны, но и за рубежом.

Об этом, в частности, свидетельствуют данные официальной статистики правоохранительных органов. Как отметил временно исполняющий обязанности заместителя главы управления Генпрокуратуры в СКФО А. Медведев, только за девять месяцев 2013 г. число преступлений экстремистской направленности на Северном Кавказе выросло на 40%. По его словам, было совершено 399 терактов, более

100 сотрудников полиции были убиты, еще около 300 получили ранения [1].

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 10 января 2000 г. № 24, особо подчеркивается важность нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий – социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, терроризма, а также необходимость эффективного сотрудничества с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, с международными организациями, в задачу которых входит борьба с терроризмом [2].

В Уголовном кодексе РФ отсутствует определение понятия «экстремистская деятельность». Для этого необходимо обращение к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», формулирующему признаки данного преступного деяния, к числу которых отнесены:

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [3].

Также существуют особые нормы уголовного закона, которые в наибольшей степени определяют позицию законодательного обоснования

общественно опасного характера экстремистских преступлений. Они включают в себя:

публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности;

возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства;

организацию экстремистского сообщества; организацию деятельности экстремистской организации.

Как считает А.М. Кадиева, по своей организационной форме экстремистская религиозная организация в ее наиболее развитом виде обычно строится как тоталитарная секта. Ее основные черты: 1) идеократический принцип организации; 2) харизматическое лидерство; 3) жесткая иерархическая структура; 4) тотальный контроль за деятельностью членов организации и их психикой с помощью деструктивных психотехнических приемов; 5) эксклюзивность или оппозиционность по отношению к традиционной, лояльной к существующей общественно-политической системе официальной церкви и к существующей социально-политической системе вообще; 6) сочетание, с одной стороны, агрессивной открытости по отношению к внешнему миру, вне секты и, с другой стороны, закрытости членов секты от внешнего мира; 7) сочетание благопристойной маскировки и конспиративной закрытости; 8) сочетание формальной и неформальной структуры (формальная организационная иерархия секты) [4].

Б.Б. Бидова отмечает роль местных нормативных актов республик Северного Кавказа в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Так, в Республике Дагестан был принят Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан», в Кабардино-Балкарской Республике – Закон «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности»; в Карачаево-Черкесской Республике принят Закон «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории Карачаево-Черкесской Республики» и др. [5].

По нашему мнению, особую рискогенность в современном российском социуме приобрели этнорелигиозная и этнополитическая разновидности экстремизма. Присутствие на Северном Кавказе идеологии и практики «исламского интернационализма» является существенной отличительной характеристикой политического экстремизма в данном регионе. Эта идеология формирует в людях и сообществах террор и насилие. Поэтому стоит обратиться к теоретиче-

ским и прикладным работам в области изучения экстремизма и терроризма в Северо-Кавказском регионе.

По справедливому замечанию А.В. Бязрова, события на Северном Кавказе показывают, что именно на современном этапе большую угрозу представляет экстремизм. Религиозно-политический экстремизм – это религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственное отторжение территорий, захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти. Религиозно-политический экстремизм отвергает переговорные, компромиссные, а тем более консенсусные пути решения социально-политических проблем [6].

С точки зрения Д.В. Новикова, этнорелигиозный экстремизм – доминирующая на Северном Кавказе форма политического экстремизма. В отличие от этнорелигиозного радикализма, декларирующего свою исключительность и превосходство, этнорелигиозный экстремизм необходимо квалифицировать как идеологию и политическую деятельность, направленную на использование насильственных методов достижения декларируемых этнорелигиозных интересов, создание незаконных вооруженных формирований, или призывы к насилию на этнорелигиозной основе. Историческими формами этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе являлись: наездничество (традиционный тип социализации горской молодежи), похищения людей с целью продажи или получения выкупа, абречество, призывы к джихаду, вооруженный сепаратизм, аграрный террор. Опыт репрессивного подавления этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе в Российской империи и Советском Союзе свидетельствует о том, что запрет и силовое подавление антиправительственной деятельности на этнорелигиозной почве не преодолевает социальные девиации, а загоняет их в подполье [7].

По мнению В.Г. Казанцева, в 1990-е гг. на Юге России обозначилась тенденция повышения общественной опасности экстремизма многочисленных радикальных структур, стремящихся к ослаблению или вооруженному изменению конституционного порядка. Основным показателем тенденции являлось расширение практики и географии терроризма. Повышение общественной опасности экстремизма было вызвано антиконституционным режимом Чечни, соединением национал- и религиозно-экстремистских групп с

организованной преступностью, сохранением очагов межнациональной напряженности на Северном Кавказе. Вследствие роста безработицы и теневой экономики произошло расширение социальной базы политического экстремизма. В целях противодействия повышению общественной опасности политического экстремизма на Юге России федеральная власть применила стратегию его подавления. Главными тактическими средствами стали военная и антитеррористическая операция в Чечне, а также усиление уголовно-правовой ответственности и контрпропаганды. В ходе военной операции в Чечне 1999–2000 гг. были разгромлены незаконные вооруженные формирования, базы терроризма, отменена шариатская система власти и суда [8].

Необходимо отметить, что радикальный религиозно-политический экстремизм стремится навязать российскому обществу модель «исламского государства». Именно это, на наш взгляд, составляет одну из важнейших угроз национальной безопасности Российской Федерации. Экстремизм проявляется в неприятии радикальными исламистами и ваххабитами региональной модели ислама, нетерпимости к исламским традициям. С точки зрения известного российского исламоведа А.А. Игнатенко, «внедрение ваххабизма обязательно приводит (об этом свидетельствует 30-летний опыт его распространения в мире) к следующим сугубо негативным для общественной стабильности и государственной безопасности последствиям:

раскол национального мусульманского сообщества в той или иной стране;

создание из части расколотого национального мусульманского сообщества (она может быть небольшой) активной антисистемной (антиобщественной и антигосударственной) группы или групп;

включение этой группы (групп) во всемирную сеть ваххабистских организаций с единой идеологией, централизованным руководством, внешним финансированием и, естественно, идущим извне, из ваххабистского центра (центров) политическим целеполаганием;

распространение идеологии религиозной и национальной нетерпимости и вражды, реальное осуществление религиозной дискриминации и сегрегации в тех зонах, где ваххабизм сумел закрепиться;

теоретическое оправдание насилия, экстремизма и терроризма в отношении всех тех, кто провозглашается “неверными”;

активное ведение вооруженной борьбы или осуществление террористических актов против “неверных”» [9].

Особую опасность в этой связи представляет такое идейное течение в исламе, как ваххабизм. По мнению Р.А. Силантьева, «сейчас под ваххабизмом понимается не конкретная и четко выраженная религиозная идея, а совокупность идеологий исламского происхождения, проповедующих крайнюю нетерпимость к инаковерующим и инакомыслящим. И оправдывающих их убийство. Проще говоря, традиционные мусульмане уживаются с представителями иных исповеданий, а ваххабиты — нет». Висхан Халидов отмечает, что «центральное место в идейной платформе сторонников ваххабизма занимает концепция непризнания любой власти, отходящей от предписаний шариата». По некоторым оценкам, количество ваххабитов в России на 2013 г. составляет около 700 тыс. человек [10].

С.Е. Пролетенкова справедливо полагает, что в настоящий момент реализуются целенаправленные политические устремления зарубежных религиозных центров по усилению своего влияния и на российский Северный Кавказ. Опираясь прежде всего на социально-экономические трудности населения Юга России, они стремятся придать сознанию и поведению населения северокавказского региона устойчивую антиправославную, а в конечном итоге — антирусскую и антироссийскую направленность. Боевые действия на территории Чечни и Дагестана показали всю серьезность намерений отдельных мусульманских религиозных сил, в том числе международных, создать единое исламское государство на юге России — от Каспийского до Черного морей. Экстремисты и их зарубежные покровители давно не скрывают, что будут продолжать работу по исламизации горских республик и влиянию на российскую молодежь [11].

По справедливому замечанию Р.М. Тимошева, деструктивную роль в эскалации межэтнической и межконфессиональной напряженности играют также различные зарубежные фонды и неправительственные организации, традиционно оказывающие всемерную помощь, прежде всего финансовую, лидерам местных экстремистских организаций и бандформирований. Так, по данным ФСБ, деятельность различного рода экстремистских организаций, в том числе бандформирований, резко активизируется с поступлением финансовых средств в их адрес. При этом этноконфессиональная напряженность в Северо-Кавказском регионе генерируется интенсивным внешним религиозным воздействием, причем не только со стороны ваххабитских радикалов. Внешне религиозное

воздействие осуществляется посредством того, что значительная часть представителей исламского духовенства получила и продолжает получать образование в зарубежных исламских образовательных центрах (Турция, Саудовская Аравия и др.), многие из которых находятся под патронажем спецслужб указанных государств и международных террористических центров, что, безусловно, формирует потенциальную радикальную этнорелигиозную среду [2].

Как полагает Ю.А. Дорохов, идеология ультрарадикального ислама, насчитывающая сотни лет, до недавнего времени существовала лишь в рамках определенной территории. В конце XX в. Россия столкнулась с проблемой религиозного, а именно исламского экстремизма, который получил наибольшее распространение на Северном Кавказе. После известных событий в Чеченской Республике волна экстремизма и терроризма захлестнула Дагестан — одну из наиболее религиозных северокавказских республик, имеющую в своем составе более 30 национальностей. В условиях многонационального региона Дагестан стал плацдармом для развития этнорелигиозных противоречий и межнациональных конфликтов. Разрешение проблемы экстремизма представляется нам возможным лишь в процессе принятия комплекса различных долгосрочных мер, таких как идеологическое воздействие на местное население, улучшение экономической ситуации в регионах, борьба с коррупцией и т.д. Именно поэтому исследование и понимание религиозно-политического конфликта на Северном Кавказе с целью не допустить его дальнейшего развития и распространения в других регионах России невозможно без изучения давних теологических разногласий между ваххабитами-фундаменталистами и традиционалистами и понимания их значимости для общества в настоящее время [12].

Таким образом, мы можем отметить, что в настоящее время экстремизм и терроризм являются одними из наиболее значимых проблем Северо-Кавказского региона. На наш взгляд, необходима разработка комплексной системы противодействия религиозно-политическому экстремизму, который направлен на подрыв безопасности Северного Кавказа. Он приводит к возбуждению социальной, религиозной, национальной вражды. Значимой мерой является воспитание населения в духе межнациональной и межконфессиональной толерантности, сопротивления идеологическим установкам религиозного и политического экстремизма.

1. URL: <http://www.interfax-russia.ru/South/news.asp?id=454877&sec=1671>

2. Тимошев Р.М. Противодействие процессам межэтнической и межконфессиональной конфликтности // *Армия и общество*. 2009. № 4.

3. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс: Дагестанский выпуск».

4. Кадиева А.М. Религиозный экстремизм: сущность, причины, пути преодоления: дис. ... канд. филос. наук. Махачкала, 2008.

5. Бидова Б.Б. Историко-правовые аспекты феномена экстремизма в России // *Молодой ученый*. 2013. № 5. С. 498–501.

6. Бязров А.В. Взаимосвязь этнотерриториальных конфликтов на Северном Кавказе с религиозно-политическим экстремизмом // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена*. 2009. № 111.

7. Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия: политико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.

8. Казанцев В.Г. Рискогенный потенциал экстремизма на Северном Кавказе // *ИСОМ*. 2012. № 5.

9. Игнатенко А.А. Обыкновенный ваххабизм. Социально-политические последствия распространения ваххабизма в мире // *Русский журнал*. 2001. Сент.

10. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ваххабизм>

11. Пролетенкова С.Е. Противодействие религиозному экстремизму в Российской Федерации: административно-правовой аспект. М., 2013.

12. Дорохов Ю.А. Причины популяризации, развития и распространения исламского радикализма в республике Дагестан // *Вестн. АГТУ*. 2010. № 2.

1. URL: <http://www.interfax-russia.ru/South/news.asp?id=454877&sec=1671>

2. Timoshev R.M. Counteraction to processes of an interethnic and interfaith conflictness // *Army and society*. 2009. № 4.

3. About counteraction to extremist activity: fed. law of July 25, 2002 № 114-FL // *Union of Right Forces «ConsultantPlus: Dagestan release»*.

4. Kadiyeva A.M. Religious extremism: essence, reasons, ways of overcoming: diss. ... Master of Philosophy. Makhachkala, 2008.

5. Bidova B.B. Historical and legal aspects of the phenomenon of extremism in Russia // *Young scientist*. 2013. № 5. P. 498–501.

6. Byazrov A.V. Correlation ethnoterritorial conflicts in the North Caucasus with religious and political extremism // *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2009. № 111.

7. Novikov D.V. Ethnoreligious extremism in the North Caucasus: counteraction methods: political and legal aspect: diss. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2002.

8. Kazantsev V.G. Risk potential of extremism in the North Caucasus // *ISOM*. 2012. № 5.

9. Ignatenko A.A. Ordinary Wahhabism. Socio-political consequences of distribution of a Wahhabism in the world // *Russian magazine*. 2001. Sept.

10. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Wahhabism>

11. Proletenkova S.E. Counteraction to religious extremism in the Russian Federation: administrative and legal aspect. Moscow, 2013.

12. Dorokhov Yu.A. The reasons of promoting, development and distribution of Islamic radicalism in the Republic of Dagestan // *AGTU bull*. 2010. № 2.

**Паршина Ирина Алексеевна**

кандидат юридических наук, доцент,  
заместитель начальника кафедры криминологии  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: parshina\_i@rambler.ru)

**Чуб Инна Сергеевна**

кандидат юридических наук,  
преподаватель кафедры криминологии  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: innulya31@yandex.ru)

## *Криминологический анализ эффективности деятельности подразделений органов внутренних дел по противодействию преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности*

В настоящей статье выделены основные источники информации об экстремистских проявлениях, определены меры по ее проверке и установлению фактов, подтверждающих отклоняющееся поведение лиц. С целью эффективной борьбы с экстремистскими преступлениями и правонарушениями предупредительная работа подразделений ОВД разделена на два направления, предусматривающих проведение мероприятий, обеспечивающих действенное предупреждение преступлений.

**Ключевые слова:** экстремистские преступления, источники информации, меры предотвращения, предупредительная работа ОВД.

**I.A. Parshina**, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: parshina\_i@rambler.ru;

**I.S. Chub**, Master of Law, Teacher of a Chair of Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: innulya31@yandex.ru

### **Criminological analysis of the effectiveness of activity of departments of Internal Affairs to fight against crimes and offenses of extremist orientation**

The main sources of information about extremist manifestations are discussed in this article, it identifies measures to check and establish facts supporting the deflection behavior of individuals. In order to fight against extremist crimes and offenses effectively preventive work of DIA units is divided into two areas that provide effective prevention of crimes.

**Key words:** extremist crimes, sources of information, prevention measures, preventive work of DIA.

**В** российском обществе в настоящее время существует реальная угроза безопасности жизни и здоровью граждан, исходящая от экстремистских и террористических организаций. Действительным подтверждением этому являются непрекращающиеся террористические акты на территории нашей страны. Так, за 2013 г. на территории Российской Федерации были зарегистрированы 661 акт терроризма и 896 преступлений экстре-

мистской направленности [1], что вызывает особую обеспокоенность государства и общества. Несмотря на неоспоримость наличия сдерживающего эффекта уголовного наказания, наиболее перспективным способом противодействия экстремизму следует признать предупреждение совершения новых преступлений. Сложная обстановка в обществе вынуждает государство и силовые структуры принимать практические меры по нейтрализации потенциальных угроз.

Первым серьезным рывком в сфере борьбы с экстремистскими проявлениями в нашей стране стало принятие Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В нем определены правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, а также устанавливается ответственность за ее осуществление [2]. Однако принятие данного нормативно-правового акта не смогло серьезно повлиять на снижение экстремистских преступлений. Так, в период с 2003 г. по 2013 г. количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности возросло на 570,70% (с 157 преступлений до 896) [1]. Но не стоит забывать, что имеющиеся данные не отражают объективную картину распространения экстремистских проявлений в стране, поскольку они характеризуются достаточно высокой латентностью.

Далее, в 2009 г. была принята Стратегия национальной безопасности до 2020 г., в которой определено, что «Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма наряду с другими преступными посягательствами» [3].

В ст. 4 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» определен круг субъектов противодействия экстремистской деятельности (Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления участвуют в противодействии экстремистской деятельности в пределах своей компетенции). Однако главная роль в решении задач по борьбе с экстремистскими проявлениями на территории России принадлежит Министерству внутренних дел РФ. Так, в 2008 г. Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» были созданы службы по противодействию экстремизму системы МВД России [4]. Новое наименование данное подразделение получило во время реформы МВД России, и в соответствии с Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» [5] было сформировано Главное управление по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел РФ (ГУПЭ МВД России), которое является самостоя-

тельным структурным подразделением полиции, входящим в центральный аппарат Министерства внутренних дел РФ. Главное управление является головным оперативным подразделением Министерства в сфере противодействия экстремистской деятельности и терроризму.

В структуре МВД России созданы и действуют центры (группы) по противодействию экстремизму министерств внутренних дел [6], которые являются самостоятельными оперативными подразделениями в области предупреждения экстремизма. Однако при наличии специализированных подразделений, главной задачей которых является борьба с преступлениями экстремистской направленности, имеет место нарастающая угроза распространения экстремизма в Российской Федерации.

В территориальных органах МВД России (отделах полиции) решением задач по противодействию рассматриваемому виду преступлений, как правило, занимаются 1 или 2 сотрудника оперативного подразделения [7, с. 88], поэтому эффективно и рационально осуществлять мероприятия, направленные на борьбу с данным явлением, не представляется возможным. Отсюда вывод, что работа правоохранительных органов по выявлению и пресечению экстремистских проявлений в обществе и деятельности экстремистских объединений в настоящее время неадекватна сложившейся в стране криминогенной обстановке.

Условием эффективности предупреждения преступлений экстремистской направленности является комплексный подход к выбору и дальнейшему осуществлению мероприятий профилактического воздействия и предупредительного характера во взаимодействии с органами, подразделениями и учреждениями системы МВД России, территориальными органами ФМС России, а также в установленном порядке с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, общественными организациями и объединениями.

Рассмотрим наиболее характерные способы и методы предупреждения экстремистских проявлений в деятельности подразделений органов внутренних дел по противодействию преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности. Прежде всего, следует отметить, что необходимым условием эффективной работы правоохранительных органов является достоверная информация. Основными ее источниками являются:

- ведомственный обмен информацией между подразделениями органов внутренних дел;
- оперативная информация оперативных подразделений (ОУР, ЦПЭ);

средства массовой информации, в частности сведения, размещенные в сети Интернет (интернет-ресурсы, интернет-страницы);

информационные материалы (печатные издания, листовки, видеофайлы, видеодиски, журналы и т.д.);

информация, поступающая от других ведомств (Департамент образования, Министерство здравоохранения и т.д.);

индивидуальная работа с уже выявленными лицами, причастными к экстремистской деятельности;

иные правоохранительные органы: суд, прокуратура, ФМС, ФСИН и др.;

общественные, религиозные организации, объединения, отдельные граждане.

В случае получения подобной информации сотрудники подразделений ОВД по противодействию преступлениям и правонарушениям экстремистской направленности ЦПЭ, ОУР (УУП и ПДН – в части, их касающейся) обязаны проверить ее достоверность и полноту. Изучается источник первичной информации, обстоятельства, при которых был выявлен факт совершения экстремистских преступлений, наличие очевидцев. Только при условии установления достоверности полученные сведения могут быть эффективно реализованы.

Исходя из ст. 3 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» противодействие экстремистской деятельности должно осуществляться по следующим основным направлениям:

1. Принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности.

2. Выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

В дальнейшей деятельности уполномоченных лиц, направленной на предупреждение преступлений экстремистской направленности, следует придерживаться данного алгоритма.

На наш взгляд, подобная схема является весьма упрощенной и требует конкретизации. Следует отметить, что в практике профилактической и предупредительной работы с лицами, подготавливающими, непосредственно осуществляющими, совершившими или готовящимися совершить экстремистские преступления, не существует идентичных случаев, характеризующихся идеально совпадающими

обстоятельствами и факторами, влияющими на девиантное поведение. Тем не менее, современные социально-экономические, политические, правовые и иные условия развития нашего общества формируют некий поведенческий стереотип лиц, склонных к рассматриваемому виду антисоциального поведения. В связи с этим мы имеем возможность сформировать определенный алгоритм действий сотрудников органов внутренних дел в случае обнаружения фактов совершения экстремистских преступлений.

При поступлении информации, свидетельствующей о необходимости принятия мер предупредительного воздействия, сотрудники ЦПЭ, ОУР, УУП обязаны принять меры к ее проверке и установлению фактов, подтверждающих отклоняющееся поведение лица. С этой целью должно осуществляться следующее:

1. Изучение обстоятельств, при которых было выявлено совершение преступления экстремистского характера: время, место, ситуация совершения, очевидцы произошедшего.

2. Регистрация факта совершения лицом противоправных действий экстремистского характера.

3. Организация сбора информации, необходимой для осуществления предупредительного воздействия:

мировоззрение лица: отношение к политике, религии – сочувствие или поддержка общественных движений; приверженность к определенному виду конфессиональных идей (классическая религия, секта, атеизм);

принадлежность лица к общественным, религиозным объединениям, иным организациям либо группировкам, занимающимся пропагандой радикальных идей;

досуг и интересы (спорт, литература, музыка, кино, мода, техника и т.д.), возможность удовлетворения возникающих в связи с этим потребностей;

наличие судимости выявленного лица, а также его близких родственников, могущих оказать воздействие на него и в дальнейшем вовлечь в преступную экстремистскую деятельность;

профессиональная ориентация лица: желание либо нежелание трудиться, представления о трудовой деятельности и желание заниматься общественно полезным трудом для достижения своих интересов и потребностей;

окружение, знакомые – выявление лиц, вовлекающих их в совершение антиобщественных действий;

источники, из которых лицо черпает информацию об экстремистских проявлениях;

источники финансирования и материально-технического обеспечения экстремистов;

причины и условия, а также иные обстоятельства, способствующие совершению экстремистских проявлений в обществе.

В случае выявления факта, подтверждающего отклоняющееся поведение несовершеннолетнего, связанного с экстремистской преступностью, необходимо принять меры к его проверке и установлению. С этой целью сотрудниками ПДН, помимо вышеупомянутого, должна собираться следующая информация:

осведомленность родителей, опекунов или лиц, их заменяющих, отношение к происшествию и меры, принятые ими по данному поводу;

условия проживания несовершеннолетнего – домашняя обстановка, взаимоотношения с родителями, опекунами или лицами, их заменяющими; материальный достаток семьи; образ жизни родителей, род занятий, круг их интересов, влияние, оказываемое ими на несовершеннолетнего, наличие или отсутствие вредных привычек, судимости их и близких родственников, могущих оказать воздействие на несовершеннолетнего;

информация о процессе получения несовершеннолетним среднего, специального образования: отношение к учебе, посещаемость занятий, перечень предметов, наиболее интересующих несовершеннолетнего, состояние его успеваемости и взаимоотношения с другими учащимися класса, группы, школы, профессионального учебного заведения;

причины и условия совершения экстремистских преступлений: жизненные обстоятельства, оказывающие негативное воздействие на настроение несовершеннолетнего и восприятие им окружающей действительности; нежелание выделяться из микросреды несовершеннолетних, в которой он находится; прямое давление со стороны друзей, взрослых правонарушителей, распространяющих среди несовершеннолетних экстремистские идеи.

При выявлении фактов совершения лицами преступлений экстремистской направленности необходимо решить вопрос о привлечении виновных лиц к уголовной ответственности. Однако при совершении таких преступлений несовершеннолетними, не подлежащими уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности, данных лиц необходимо поставить на учет с целью дальнейшей профилактической работы с ними.

4. Разработка и планирование на основе собранной информации комплекса профилактических и предупредительных мероприятий, направленных на устранение и нейтрализацию

факторов, оказывающих прямое или опосредованное влияние на совершение преступлений или административных правонарушений. Указанная работа должна проводиться в тесном взаимодействии с представителями других подразделений органов внутренних дел, а также с учреждениями и организациями иных ведомств – департаментами образования, здравоохранения, органами государственной власти и местного самоуправления.

С целью эффективной борьбы с экстремистскими проявлениями в обществе следует разделить предупредительную работу на два направления, в связи с чем необходимо:

осуществлять постоянный контроль за поведением лиц с целью исключения возможности совершения ими экстремистских преступлений, а также за деятельностью общественных, религиозных организаций и иных объединений;

проводить разъяснительную работу с целью информирования причастных лиц о степени общественной опасности совершаемых ими действий и тяжести наступивших последствий.

В рамках реализации первого направления необходимо осуществлять следующие мероприятия для эффективного и действенного предупреждения:

проведение рейдов и операций по выявлению лиц, подготавливающих, непосредственно осуществляющих, совершивших или готовящихся совершить экстремистские преступления, а также лиц, которые оказывают содействие им в их преступной деятельности, либо лиц, распространяющих экстремистские идеи в обществе или вовлекающих в преступную экстремистскую деятельность (сотрудники ЦПЭ, УУП, ОУР и ПДН совместно с представителями других служб, подразделений и общественности);

выявление мест концентрации лиц, придерживающихся и распространяющих экстремистскую идеологию (сотрудники ЦПЭ, ОУР);

осуществление мер по выявлению и пресечению деятельности организованных групп и преступных сообществ экстремистской направленности (сотрудники ЦПЭ, ОУР);

установление лиц, которые подвержены влиянию со стороны членов экстремистских организаций (как запрещенных, так и нелегально действующих на территории нашей страны) и способны в дальнейшем совершать данные преступления, судя по их антиобщественному образу жизни (сотрудники ЦПЭ, ОУР);

проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление общественных, религиозных объединений либо иных организаций, деятельность которых направлена

на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, мечетей и иных возможных мест сбора радикально направленных группировок, занимающихся пропагандой псевдоисламских радикальных идей, т.к. наибольшая часть участников таких экстремистских организаций не подозревают об экстремистском характере их деятельности (сотрудники ЦПЭ, ОУР);

выполнение оперативно-розыскных мероприятий по перекрытию источников финансирования и материально-технического обеспечения экстремистов, общественных и религиозных объединений, пресечению попыток использования ими денежных средств, полученных преступным путем (сотрудники ЦПЭ, ОУР);

осуществление мероприятий по выявлению нелегальных мигрантов с целью выявления лиц, занимающихся продвижением радикальных идей, либо лиц, принадлежащих к экстремистским организациям, в местах возможных скопления мигрантов, таких как рынки, стройки, кафе и т.д. (сотрудники ЦПЭ, УУП, ОУР совместно с Федеральной миграционной службой);

анализ сведений, размещенных в сети Интернет, с целью выявления распространения запрещенных экстремистских материалов и радикальных идей на сайтах сети, установление лиц, причастных к их распространению, для решения вопроса о привлечении их к ответственности (сотрудники ЦПЭ, ОУР);

обмен информацией с другими подразделениями ОВД, а также ФСИН по фактам и обстоятельствам, связанным с совершением экстремистских преступлений или распространением экстремистских идей (сотрудники ЦПЭ, ОУР, УУП и ПДН).

В рамках реализации второго направления необходимо проводить следующие мероприятия:

проведение индивидуальных бесед с лицами, ранее судимыми или причастными к совершению экстремистских преступлений или к деятельности экстремистских организаций или сообществ, с целью недопущения их вовлечения в преступную деятельность (сотрудники УУП);

осуществление разъяснительной, воспитательной и профилактической работы с привлечением педагогов и представителей власти органов местного самоуправления с лицами, которые находятся на стадии становления личности – несовершеннолетними и молодежью, т.к. они наиболее подвержены воздействию со стороны радикально настроенных лиц, с целью

дальнейшего недопущения вовлечения их в свою преступную экстремистскую деятельность (сотрудники ПДН);

организация и осуществление программ по профилактике экстремизма среди несовершеннолетних и молодежи: проведение встреч, семинаров и иных мероприятий в образовательных и социальных учреждениях с участием представителей различных религиозных и молодежных организаций (сотрудники ПДН);

инструктирование и информирование населения через СМИ об опасности бесед и контактов с лицами, пропагандирующими ислам вне мечетей или мусульманских учебных заведений; при установлении таких фактов лицам, обладающим какой-либо информацией, необходимо сообщать в правоохранительные органы (сотрудники пресс-службы);

информирование населения сотрудниками пресс-службы о современном состоянии экстремистской преступности, положениях действующего законодательства Российской Федерации, в частности об административной и уголовной ответственности за их нарушения.

Для грамотного и действенного предупреждения преступлений экстремистской направленности необходимо всем сотрудникам структурных подразделений в правоохранительной системе изучать и уметь определять принадлежность различных печатных изданий, видеоматериалов и листовок к экстремистским с целью дальнейшего запрета и распространения таких материалов на территории Российской Федерации.

Результаты работы по предупреждению и профилактике экстремизма необходимо анализировать, выявляя проблемные направления, и принимать меры к повышению эффективности деятельности подразделений органов внутренних дел по выявлению и нейтрализации причин и условий, способствующих совершению указанных проявлений. Важно и необходимо при осуществлении предупредительной деятельности в области борьбы с преступлениями экстремистской направленности выбирать и использовать те приемы и методы, которые дают наиболее высокую отдачу по противодействию экстремизму. Также не стоит забывать о комплексности выбора и дальнейшего осуществления мероприятий, направленных на предупреждение преступлений экстремистской направленности. Достижение высокого уровня эффективности правоприменительной деятельности невозможно без высокой эффективности правовых норм.

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: [www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/](http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/)

2. О противодействии экстремисткой деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Рос. газ. 2002. 30 июля.

3. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Рос. газ. 2009. 19 мая.

4. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 6 сент. 2008 г. № 1316 // Рос. газ. 2008. 10 сент.

5. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 // Рос. газ. 2011. 2 марта.

6. Об утверждении типового положения о центрах (группах) по противодействию экстремизму МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации и примерной модели организационного построения центров по противодействию экстремизму МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации: приказ МВД России от 31 окт. 2008 г. № 942. URL: <http://www.consultant.ru>

7. Лукашин М.В., Огурцов А.Е. Проблемы правового регулирования и осуществление безопасности общества и государства от угрозы экстремизма // Право и безопасность. 2012. № 2(42).

1. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: [www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/](http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/)

2. On countering extremist activities: fed. law of July 25, 2002 № 114-FL // Rus. newsp. 2002. July 30.

3. On the Strategy of national security of the Russian Federation until 2020: decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 № 537 // Rus. newsp. 2009. May 19.

4. On some issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of Sept. 6, 2008 № 1316 // Rus. newsp. 2008. Sept. 10.

5. Issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of March 1, 2011 № 248 // Rus. newsp. 2011. March 2.

6. On approval of model regulations for centers (groups) to combat extremism of Interior Ministry, police, police department on the subjects of the Russian Federation and an organizational model building centers to combat extremism of Interior Ministry, police, police department on the subjects of the Russian Federation: order of the Ministry of the Interior of Russia of Oct. 31, 2008 № 942. URL: <http://www.consultant.ru>

7. Lukashin M.V., Ogurtsov A.E. Problems of legal regulation and implementation of social and state security from the threat of extremism // Law and security. 2012. № 2(42).

**Стукалов Вячеслав Владимирович**

кандидат юридических наук,  
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности  
в органах внутренних дел  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79183623746)

**Запорожец Екатерина Владимировна**

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности  
в органах внутренних дел  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79184970822)

## *Проблемы противодействия криминальному контролю организованных преступных групп за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий*

В статье рассматриваются проблемные вопросы противодействия криминальному контролю организованных преступных групп за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий. Раскрываются понятие криминального контроля, его цели и способы.

**Ключевые слова:** организованные преступные группы, способы криминального контроля, финансово-хозяйственная деятельность, легализация денежных средств.

**V.V. Stukalov**, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183623746;

**E.V. Zaporozhets**, Teacher of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79184970822.

**Problems of counteraction to criminal control of organized criminal groups for the financial and economic activities of enterprises**

The article deals with the problematic issues of combating criminal control of organized criminal groups for the financial and economic activities of enterprises. The notion of criminal control, its goals and methods are revealed.

**Key words:** organized criminal groups, criminal control methods, financial and economic activities, legalization of funds.

**К**риминальная обстановка последних лет показывает, что организованная преступность продолжает занимать лидирующие позиции на общем фоне преступности и представляет серьезную угрозу нормальному функционированию общества и государства. Важная роль в предупреждении и противодействии организованной преступности отводится правоохранительным органам [1, с. 4].

Организованные преступные структуры контролируют как отдельные предприятия, так и комплексы предприятий, образующих важнейшие экономические секторы конкретных регио-

нов либо субъектов Российской Федерации, а также коммерческие организации и индивидуальных предпринимателей – представителей малого и среднего бизнеса. На данный момент это выражается в криминализации всех стадий производственных процессов: производства, обмена, потребления; всей системы экономических отношений: сферы денежного обращения, отношений собственности, внешнеэкономических отношений, отношений потребительского рынка.

Организованная преступность является главным поставщиком «грязных» денег, циркулирующих по финансовым каналам страны.

Однако свободное использование «грязных» денег невозможно из-за существующей системы государственных мер, препятствующих их проникновению в легальную экономику. В связи с этим лидеры организованной преступности проводят политику, направленную на создание возможностей слияния теневых и легальных капиталов с целью придания первым признака законного происхождения.

Проведение финансовых махинаций по сокрытию источника происхождения доходов и введению в хозяйственный оборот коммерческих организаций денежных средств и иного имущества, приобретенных противоправным путем, с целью их отмывания упрощается в связи с тем, что лидеры организованной преступности могут оказывать влияние на финансово-хозяйственную деятельность ряда коммерческих структур, полностью или частично контролируя их, владея предприятиями, пакетами акций либо иными криминальными способами.

Криминальный контроль за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий представляет собой совокупность действий организованных преступных групп, направленных на вмешательство в финансово-хозяйственную деятельность с целью легализации капиталов, получения прибыли от теневого инвестирования и незаконной предпринимательской деятельности, следствием чего является нарушение законного функционирования хозяйствующего субъекта в рыночных отношениях.

Как правило, криминальный контроль устанавливается следующими способами:

покупка крупных пакетов акций предприятий на преступные доходы;

использование установленных законом процедур банкротства и иных схем смены собственника и управленческого персонала;

внедрение преступными формированиями своих доверенных лиц на ключевые посты предприятия;

принуждение руководителей предприятий к совершению сделки через членов организованных преступных формирований либо через подконтрольные им коммерческие структуры;

осуществление контроля за предприятиями через представителей органов государственной власти или правоохранительных органов;

передел и захват собственности с использованием ценных бумаг;

передел или захват собственности путем участия в операциях с признаками предпринимательского риска.

Криминальный контроль также может осуществляться путем:

купли-продажи имущества по заведомо заниженной цене с последующим получением доли от ценовой разницы или иного вознаграждения от заинтересованной стороны;

совершения директором, назначенным при участии представителей ОПГ, заведомо невыгодных для возглавляемой организации действий в интересах его собственной фирмы, подконтрольной ОПГ фирмы;

выдачи под давлением ОПГ сотрудниками банка кредита по заведомо низким процентам, без обеспечения или с фиктивным обеспечением, а равно с другими явными признаками невозвратности полученных заемщиком средств и с последующим получением вознаграждения за оказанную услугу;

заключения подрядных договоров с фирмами на льготных для них условиях с последующим получением вознаграждения;

подписания актов о выполненных работах с заведомо завышенными объемами строительной организацией, подконтрольной ОПГ;

учреждения директором, представляющим интересы ОПГ, на паях с возглавляемой им организацией хозяйственного общества и перечисления денежных средств от организации в уставный капитал вновь созданного общества с получением полномочий от организации на управление созданным обществом, а в последующем с полным переоформлением его на себя;

приобретения у организации дорогих транспортных средств, объектов недвижимости с оформлением их на частных лиц, представляющих интересы ОПГ, якобы в целях экономии налоговых платежей, гарантированного сохранения имущества от возможной конфискации и т.д. с неуказанием этих операций в бухгалтерской отчетности и присвоением имущества;

предоставления льготных (беспроцентных, безвозвратных) займов фирмам или частным лицам, представляющим интересы ОПГ, и т.д.;

оказания давления на предприятия розничной торговли с целью вынуждения принятия ими на реализацию подпольно изготовленных товаров массового спроса без документального отражения оборотов по реализации;

заключения сделок, рассчитанных на юридическую некомпетентность или иные недостатки в организации работы предприятия. На практике часто встречаются договоры, предоставляющие односторонние преимущества страховым компаниям, турфирмам, другим организациям, оказывающим услуги. В них много умышленных неясностей, противоречий, неконкретных формулировок. Все это делается представителями ОПГ с целью обмана и намерениями извлечь из

такого обмана собственные выгоды в надежде на юридическую неподготовленность партнера, ситуационные особенности при заключении сделки (отсутствие времени на изучение, необходимость срочного исполнения и т.д.), организационную неразбериху и другие недостатки в организации работы [2, с. 10].

Криминальный контроль за предприятиями осуществляется с целью регулирования хозяйственной деятельности организаций в собственных интересах ОПГ, извлечения части прибыли и использования материальной базы и ресурсов предприятия.

Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, осуществляется посредством организации коммерческих банков, первоначальным капиталом которых являются денежные средства «общака». При этом осуществляется строгий контроль за распределением и использованием указанных денежных средств. Целевые кредиты выдаются членами преступных сообществ только в те организации, которые также подконтрольны преступным организациям. Указанный способ наиболее распространен, поскольку таким образом осуществляется наиболее эффективное и легальное использование преступно нажитых денежных средств.

Внедрение в коммерческие структуры осуществляется, как правило, с помощью запугивания руководителей коммерческих организаций и осуществления через них завуалированного вымогательства и мошенничества. Возможно также введение представителя ОПГ в штат предприятия на руководящую должность с минимумом ответственности и обязанностей, внедрение представителя в состав учредителей, совет директоров, собрание акционеров; вложение капитала, добытого преступным путем, в производственные мощности предприятия.

Для осуществления этих действий активно используются представители органов государственной власти или сотрудники правоохранительных органов, а также частные охранные структуры, службы безопасности.

Таким образом, многие предприятия попали под контроль криминальных структур либо в различного рода зависимость от созданных ими легальных коммерческих структур [3, с. 38].

Естественным следствием либерализации экономики стала легализация теневых капиталов и проникновение преступных группировок в хозяйственную сферу. Процесс слияния теневого капитала с преступными группировками способствовал развитию организованных форм преступности по следующим основным

направлениям. Это поиск определенных компромиссов между различного рода теневыми коммерсантами, с одной стороны, и паразитирующими на них лидерами и членами ОПГ – с другой, т.е. заключение своеобразного договора между ними. Заниматься бизнесом в настоящее время становится хлопотно, результаты усилий непредсказуемы, процесс работы связан с различными дополнительными, в том числе значительными расходами (оплата труда, налоги, поборы, взятки и т.д.). Это не позволяет достаточно реалистично планировать будущее, получать предполагаемую прибыль (а скорее всего – сверхприбыль), не задумываясь о собственной безопасности. Действительно, не только дельцы стали пытаться использовать с пользой в своей преступной деятельности уголовных лидеров, но и последние, в свою очередь, стали заинтересованы в увеличении доходов дельцов в экономике. Уголовные лидеры становятся компаньонами преступных дельцов, вкладывают в подпольные предприятия собственные средства, берут на себя функции обеспечения бизнесменов услугами, связанными с их охраной, поиском сырья, сбытом «левой» продукции, контролем за компаньонами, борьбой с конкурентами и т.д. Такова в общих чертах схема сращивания экономической и общеуголовной преступности.

Цель совершения преступлений организованными преступными группами – получение значительных финансовых средств, т.к. наличием большой финансовой базы и сильна организованная преступность.

Любой криминальный капитал всегда требует вложения с целью получения еще большей прибыли. Это вложение состоит из следующих этапов:

создание и наращивание преступного капитала;

легализация преступных средств и внедрение в легальный бизнес, получение дохода с легализованных капиталов и его использование с целью дальнейшего закрепления и развития его позиций в различных сферах жизнедеятельности Российской Федерации;

обеспечение безопасности и эффективности оборота преступных средств [4, с. 18].

Между различными организованными преступными группами существует распределение сфер влияния в экономике, за которыми они осуществляют контроль. Обычно каждая отдельная ОПГ специализируется и контролирует определенную сферу или отрасль экономики, однако в одной и той же сфере экономической деятельности могут заниматься и осуществлять

раздельный либо совместный контроль различные ОПГ. В то же время существуют ОПГ, которые специализируются и контролируют различные сферы и отрасли экономики.

Вкладывая большую часть доходов от преступной деятельности в легальный бизнес, организаторы преступной деятельности все более превращаются в крупных бизнесменов, руководителей учредителей или различных предприятий, что позволяет им получать прибыль преимущественно в легальном секторе экономики, тем самым уменьшается возможность привлечения их к уголовной ответственности. Как правило, для легализации своей деятельности представитель организованной преступной группы назначается в этих организациях на должности заместителя руководителя либо заместителя главного бухгалтера. Это значительно облегчает ему возможность осуществлять контроль за финансовой деятельностью предприятия и соответственно за распределением прибыли.

Особо следует отметить наличие криминального контроля за деятельностью предприятий, осуществляемого представителями органов государственной власти и правоохранительных органов. Отсюда возникает криминальный контроль в форме покровительства – «крыша», влияние которой на деятельность фирм проявляется, в частности, в виде возможности проведения операций, заключения сделок, которые при прочих равных условиях фирма не смогла бы осуществить. Соответственно, она не смогла бы получить прибыль. Появляется преимущество в бизнесе путем предотвращения рисков неполучения средств от недобросовестных партнеров. При этом фирма должна оплатить эти услуги, т.е. изъять из своего оборота часть денег в пользу «крыши» [5, с. 37].

Следует отметить, что криминальный бизнес осуществляется в тесном сотрудничестве с коррумпированными государственными служащими всех уровней власти. При этом представители власти занимают далеко не последнюю ступень на иерархической лестнице той или иной преступной группировки, а иногда даже возглавляют их. Использование своего служебного положения в целях преступного обогащения является большим подспорьем при сокрытии преступной деятельности и придании ей видимости законной.

Кроме этого, участники ОПГ предлагают покровительство – «крышу» по принципу «надо делиться» и за невмешательство в деятельность предприятия, при этом «крышей» устанавливается размер дани в виде фиксированной суммы

за установленный период или определенный процент от получаемой прибыли. За определенную дань отдельно взятая ОПГ гарантирует оградить подконтрольное предприятие от посягательств других ОПГ, в случае необходимости решает вопрос по «выбиванию» долгов предприятия и т.д.

По различным оценкам специалистов правоохранительных органов и средств массовой информации, освещающих данную проблему, под «крышей» преступных группировок в настоящее время работают от 40 до 60% промышленных и почти 80% торгово-закупочных и торгово-посреднических предприятий, а также предприятий, работающих в сфере коммунально-бытового обслуживания населения.

При этом необходимо отметить, что преступников не интересует форма собственности указанных организаций. Не является секретом и то обстоятельство, что организованная преступность рвется к власти, используя при этом любые средства, приспособившись к новым условиям значительно быстрее, чем перестраиваются на борьбу с ней правоохранительные органы. Сегодня невозможно оценить или измерить количественно вливание «грязных денег» в легальный бизнес и экономику страны в целом. Путей проникновения этих средств в экономику существует множество: от оказания финансовой помощи подконтрольным фирмам в период сложного для них финансового положения до соучредительства в этих организациях на принципах партнерства с распределением прибыли в результате их производственной или коммерческой деятельности.

Практика работы правоохранительных органов показывает, что наибольшее влияние организованные преступные группировки оказывают на отрасли экономики, характеризующиеся высокой доходностью, инвестиционной привлекательностью, гарантированным характером сбыта продукции, экспортной ориентированностью, присутствием в системе расчетов наличного денежного оборота, возможностью включения в легальный оборот незаконно полученных капиталов [2, с. 16].

В последнее время «общаки» ОПГ пополняются за счет средств, полученных в результате совершения мошенничеств в кредитно-банковской сфере (незаконное получение кредитов, автострахование), мошенничеств с использованием «финансовых пирамид», фальшивомонетничества, незаконной предпринимательской деятельности, рейдерства и т.д. Для совершения данных видов преступлений разрабатываются

сложные мошеннические схемы с четким распределением ролей внутри преступных групп.

Следует отметить, что организованная преступность вызывает серьезные опасения в обществе. Изменилась и качественная характеристика организованной преступности: она пронизывает практически все сферы жизнедеятельности государства и общества, ее представители проникают в органы государственной власти и местного самоуправления. Происходит дальнейшее укрепление материально-технической и финансовой базы криминальных структур, рост профессионализма их участников.

До тех пор, пока Россия остается государством, в котором борьба с организованной преступностью ослаблена в силу ряда причин, ее позиции в жизнедеятельности государства и общества будут крепнуть, транснациональный

характер организованной преступности будет приобретать все более заметные очертания.

Для успешного противостояния организованной преступности и выполнения стоящих перед правоохранительными органами задач необходимо осуществление организационной деятельности государства, направленной на перекрытие каналов легализации преступно нажитых средств и подрыв экономической основы организованной преступности.

Необходимо также выработать единую уголовную политику, как одно из направлений деятельности государства, предметом которого является целенаправленное противодействие преступности, т.е. разработка и реализация необходимых мер, задач, средств и форм противодействия организованной преступности и коррупции.

1. Сафин Н.М. Организация преступного сообщества (преступной организации) лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: метод. рекомендации. Казань, 2011.

2. Позднышов А.Н. Институт государственной службы в сфере обеспечения общественной безопасности (теоретико-методологические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

3. Молокоедов В.В. Сращивание организованной и экономической преступности – новая форма криминальной активности. М., 2012.

4. Арестов А.И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с организованной преступностью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

5. Вылегжанина Е.В. Финансовое взаимодействие государства и малого бизнеса: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

1. Safin N.M. Organization of a criminal community (criminal organization) by a person holding the highest position in the criminal hierarchy (pt. 4 of art. 210 of the Criminal code of the Russian Federation): criminal and legal characterization and qualification issues: methodical recommendations. Kazan, 2011.

2. Pozdnyshov A.N. Public service institution in the field of public safety (theoretical and methodological problems): diss. ... Master of Law. Moscow, 2003.

3. Molokoedov V.V. Splicing of organized and economic crime – a new form of criminal activity. Moscow, 2012.

4. Arestov A.I. Criminal and legal and criminological problems of combating organized crime: diss. ... Master of Law. Moscow, 2006.

5. Vylegzhanina E.V. Financial interaction between the state and small business: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2003.

**Авакян Левон Араратович**

аспирант кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права  
Московского государственного юридического университета  
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
(e-mail: kcrim@msal.ru)

## Конфликтные отношения в среде отрицательно характеризующихся осужденных

В статье исследуется проблема конфликта в среде осужденных. Особую роль в таком конфликте играют отрицательно характеризующиеся осужденные.

**Ключевые слова:** осужденный, конфликт, исправительное учреждение, межгрупповые отношения, внутригрупповые конфликты.

**L.A. Avakian**, Post-graduate of a Chair of Criminology and Penitentiary Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutafin (MSLA); e-mail: kcrim@msal.ru

### **Conflictual relations among negatively characterized convicted**

This article examines the problem of conflict among the convicts. A special role in this conflict is played by negatively characterized convicted.

**Key words:** convicted, conflict, correctional institution, intergroup relations, intragroup conflicts.

**И**зучение внутригрупповых и межгрупповых отношений имеет давнюю традицию в социальной психологии, особенно западной [1; 2]. Впервые особенности межгруппового поведения, в частности проявления агрессивности организованной и неорганизованной толпы, были проанализированы в работах Г. Лебона [3] и З. Фрейда [4].

В этих работах были сформулированы принципиальные выводы относительно закономерностей межгрупповых взаимодействий. Для межгрупповых отношений общим свойством является наличие межгрупповой враждебности, которая выступает необходимым средством поддержания внутригрупповой сплоченности. Таким образом, внутригрупповая идентификация и сплоченность и межгрупповая враждебность являются фундаментальными и взаимосвязанными свойствами любых межгрупповых отношений.

Эти положения нашли свое отражение и в теории фрустрации, в соответствии с которой фрустрация – это необходимое и достаточное условие агрессивного поведения [5]. Причем объектом агрессии может стать не только сам индивид, оказавший фрустрирующее воздействие, но и другие члены группы, с которой он ассоциируется. Это положение теории часто использовалось для объяснения расовых и этнических конфликтов.

С другой стороны, возникновение агрессии возможно и в том случае, когда субъект непосредственно не испытывал фрустрирующего воздействия, а был только его свидетелем. К примеру, осужденный, сам не подвергнутый дисциплинарному взысканию, может испытывать враждебность и проявлять агрессию по отношению к сотрудникам ИУ, когда наказывают его знакомого.

Природу межгрупповой агрессии, коренящейся в особенностях социализации личности в детстве, исследовал в знаменитой концепции «авторитарной личности» Т. Адорно [6]. Эта концепция вскрыла психологические истоки фашизма и оказала огромное влияние на становление новой педагогики на Западе.

Среди межличностных и межгрупповых отношений в среде отрицательно характеризующихся осужденных особый интерес и значимость представляют конфликтные. Именно конфликтам уделяется основное внимание в специальной литературе, поскольку они часто разрешаются противоправным способом [7–10]. Обычно конфликты, возникающие между осужденными, классифицируют по сферам деятельности, в частности выделяют сферу официальных отношений и неофициальных.

В официальной сфере конфликты, как правило, по форме являются межличностными, а по содержанию – межгрупповыми. Объективная

возможность таких конфликтов заложена в самой структуре официальных отношений. В целях использования влияния коллектива на исправление осужденных, надлежащей организации производственной деятельности часть осужденных (актив) наделяется определенными полномочиями, реализация которых затрагивает интересы других осужденных. Функционально активисты занимают положение между осужденными и администрацией: не переставая быть осужденными, они должны (вынуждены) защищать интересы другой группы – сотрудников ИУ. Такая их позиция объективно конфликтотенна.

Но уровень конфликтности в официальной сфере может значительно повышаться и в силу субъективных факторов. К примеру, нередко администрация часть своих властных полномочий делегирует (по разным причинам) активу. И даже если активисты не злоупотребляют этими полномочиями, сам факт их наличия вызывает скрытый или открытый протест у других осужденных (особенно у отрицательно характеризующихся), ухудшает социально-психологический климат в коллективе. Следует также отметить, что конфликты между активистами и другими осужденными всячески подогреваются и провоцируются лидерами отрицательной направленности с целью дискредитации официальной власти.

В сфере неофициальных (неформальных) отношений конфликты по форме могут быть и межгрупповыми, и межличностными. Чаще всего в межгрупповые конфликтные взаимодействия вступают отрицательные малые группы в борьбе за лидерство в сообществе осужденных. Но в межгрупповой конфликт могут вступать не только они. Начавшийся как межличностный по форме конфликт может перерасти в межгрупповой, вовлечь в свою орбиту лиц, не имевших отношения к созданию изначальной конфликтной ситуации. Межличностный по форме и содержанию конфликт является делом двух конфликтующих сторон (осужденных) и может быть в принципе разрешен на этом уровне восстановлением нарушенного права, выплатой компенсации, наконец, мстью.

Межличностный по форме и межгрупповой по содержанию конфликт отличается тем, что затрагивает интересы не только отдельной личности, но и группы в целом, посягает на общегрупповые ценности, грубо нарушает нормы субкультуры осужденных. Например, требование возврата карточного долга может быть обращено, при несостоятельности должника, к малой группе, членом которой он является. А это уже может превратить конфликт и в межгрупповой по форме. При краже личных вещей («крысятни-

чество») не только нарушается имущественное право отдельного осужденного, но и налицо нарушение норм сообщества. Поэтому стороной конфликта здесь может выступить (и применить санкции) само сообщество осужденных.

В зависимости от представительства сторон, участвующих в процессе взаимодействия, можно зафиксировать шесть вариантов межгруппового взаимодействия: между положительными группами; положительными и отрицательными группами; положительными и нейтральными группами; между отрицательными группами; отрицательными и нейтральными группами; между нейтральными группами.

Наряду с межличностным, внутригрупповым и межгрупповым конфликтами, в социальной среде мест лишения свободы важное значение имеют и внутриличностные, или статусно-ролевые, конфликты. Возможность таких конфликтов обусловлена тем, что индивид обладает множеством статусов и исполняет множество ролей, которые могут расходиться друг с другом. Статусно-ролевым конфликтом называется такое расхождение статусов (ролей), которое характеризуется несовместимостью (противоположностью) статусно-ролевых предписаний.

Статусно-ролевые конфликты не такая уж редкость, но, как правило, они длятся недолго. При длительном конфликте личность испытывает постоянный психологический дискомфорт, поэтому пытается как-то разрешить его, вплоть до отказа от статусно-ролевых обязательств. Но есть социальная среда, в которой возможность длительного статусно-ролевого конфликта запрограммирована изначально, этот конфликт как бы навязывается личности. Это места лишения свободы и исправительные учреждения [11, с. 93–95].

В колонии осужденный оказывается зажатым в тиски между двумя противоположными нормативными системами: одна – официальная, соблюдение ее требований контролируется администрацией колонии; другая – неформальная, за соблюдением правил которой бдительно следят уголовные «авторитеты». Нормы поведения каждой из этих систем не просто не совпадают, а предъявляют к личности взаимоисключающие требования.

Администрация требует: хорошо работай; активно участвуй в общественной жизни; борись с правонарушениями. Тогда ты заслужишь условно-досрочное освобождение и выйдешь на свободу с чистой совестью. «Авторитеты» требуют прямо противоположного поведения.

Основная масса осужденных («мужики») все же приспособливается, стараясь хотя бы

внешне соблюдать правила официальной и неформальной систем, внутренне не принимая ценности ни той, ни другой. Они выполняют нормы выработки – и отдают положенную долю в «общак»; они ходят на политзанятия – и никогда не сядут за один стол с «опущенными»; они выполняют распоряжения администрации – и никогда не слушаются авторитета. Такая модель поведения позволяет им сохранить определенную независимость и избегать острых конфликтов. В целом это устраивает как администрацию, так и уголовных лидеров: формально их власть вроде бы признается.

Другое положение у двух полярных групп – привилегированных высокостатусных осужденных (воры, бугры, авторитеты) и непривилегированных низкостатусных (шестерки, чушки, опущенные), а также у желающих подняться наверх или боящихся упасть вниз «мужиков». Они должны строго соблюдать нормы субкультуры.

Первые – потому что глубоко усвоили ценности преступной среды, сами являются проводниками и защитниками этих ценностей, да и их неформальный авторитет во многом зиждется на знании и умении толковать воровские законы.

Вторые – потому что этого требует от них группа. Поэтому «опущенные» обычно отбывают весь срок «от звонка до звонка»: они не могут стать передовиками производства, отличниками учебы, активистами самодеятельных организаций, т.е. не могут претендовать на условно-досрочное освобождение.

У членов этих групп статусно-ролевые конфликты протекают в наиболее острой форме. Например, начальник отряда, по неопытности или специально, направляет «авторитета» на «грязную» работу (уборка помещений, территории и т.д.), а авторитет не может этого делать, иначе он «потеряет лицо».

У неформального лидера есть два возможных выхода. Первый – открытое неповиновение начальнику. Это может повлечь за собой дисциплинарные взыскания, хотя именно так часто поступают осужденные: «страдания за веру» только укрепляют авторитет. Но если по каким-то причинам открытый конфликт невыгоден (например, осужденный рассчитывает на скорое условно-досрочное освобождение), то может быть выбран другой путь – членовредительство. Это позволяет не нарушать статусные обязательства и в то же время не вступать в конфликт с администрацией.

Очень часто взаимоотношения среди осужденных, их поступки, не укладывающиеся в

рамки здравого смысла и свидетельствующие, на первый взгляд, об аномальности личности, можно объяснить с позиций статусно-ролевого конфликта.

Например, некоторые психологи связывают побег незадолго до освобождения с наличием у осужденных особого психологического времени [12, с. 20]. Все сталкивались с тем, что когда мы ждем кого-нибудь, то время тянется невыносимо медленно, а когда опаздываем – оно летит быстро. Психологически время как бы «сжимается» или «растягивается». Исследователи утверждают, что у осужденного время течет настолько медленно, что ожидание становится невыносимым, и поэтому он совершает побег за день до освобождения.

Между тем факты таких побегов можно объяснить более естественным образом. Грубое нарушение осужденным неформальных норм или его конфликт с лидером группы чреват трагическими последствиями. Например, осужденный был замечен в частых контактах с оперативником. Если он не сможет удовлетворительно объяснить их, ему грозит весьма строгое наказание. В побеге видится подчас единственная возможность выхода из критической ситуации: лучше получить еще два года за побег, но остаться в живых. Здесь имеет место даже не побег в правовом смысле, как уклонение от отбывания наказания, а попытка сменить само место отбывания наказания.

Настолько же непонятными выглядят факты членовредительства среди осужденных. Зачем они добровольно причиняют вред своему здоровью? Во-первых, членовредительство является альтернативой побегу, поскольку осужденного переводят из колонии в тюремную больницу. Это опять же является попыткой сменить место отбывания наказания. Во-вторых, чтобы не работать. Конечно, работа дает осужденным заработок и вносит какое-то разнообразие в их однообразную жизнь. Но, как мы упоминали выше, бывают ситуации, когда осужденный вынужден отказываться от работы, невзирая ни на какие санкции.

Крайней формой разрешения конфликта является совершение осужденным преступления. Многие осужденные, совершившие преступления в колонии, считают, что в тех условиях у них не было другого способа разрешения конфликта. С их точки зрения, они фактически действовали в состоянии крайней необходимости.

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. М., 1978.

1. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L. Contemporary social psychology in the West. Moscow, 1978.

2. Агеев В.С. Исследование межгрупповых отношений в зарубежной социальной психологии // Вопросы психологии. 1980. № 4.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.
4. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 1925.
5. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М., 1983.
6. Роцин С.К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. М., 1980.
7. Шмаров И.В., Галкин Е.Б. и др. Конфликты среди осужденных и профилактика правонарушений в местах лишения свободы. М., 1981.
8. Усс А.В. Конфликты между осужденными, сопровождающиеся насильственными посягательствами. Красноярск, 1984.
9. Мокрецов А.И., Шмаров И.В. Микросреда осужденных в ИТУ. М., 1979.
10. Сухов А.Н. Конфликты в первичных коллективах осужденных. Рязань, 1978.
11. Курганов С.И. Основания криминологической теории. М., 1999.
12. Головаха С., Кроник А. Психологическое время: удивительные свойства сжиматься и прерываться // Знание – сила. 1983. № 11.
2. Agueyev V.S. Study of intergroup relations in a foreign social psychology // Questions of psychology. 1980. № 4.
3. Lebon G. Psychology of peoples and the masses. St. Petersburg, 1896.
4. Freud Z. Mass psychology and the analysis of the «I». Moscow, 1925.
5. Agueyev V.S. Psychology of intergroup relations. Moscow, 1983.
6. Roschin S.K. Western psychology as a tool of ideology and politics. Moscow, 1980.
7. Shmarov I.V., Galkin E.B. et al. Conflicts among prisoners and prevention of crime in prison. Moscow, 1981.
8. Uss A.V. Conflicts between prisoners, accompanied by violent assaults. Krasnoyarsk, 1984.
9. Mokretsov A.I., Shmarov I.V. Microenvironment convicted in the IUT. Moscow, 1979.
10. Sukhov A.N. Conflicts in the primary collectives convicted. Ryazan, 1978.
11. Kurganov S.I. Grounds of criminological theory. Moscow, 1999.
12. Golovakha S., Kronik A. Psychological time: the amazing properties of compressed and interrupted // Knowledge – power. 1983. № 11.

**Адаменко Игорь Евгеньевич**

кандидат юридических наук, доцент,  
профессор кафедры уголовного процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583757)

## *К вопросу о смысловом уровне разрешения проблемы повышения качества реализации уголовно-процессуального закона*

Статья посвящена анализу смыслового уровня разрешения проблемы повышения качества уголовно-процессуального закона. Определены причины несоответствия уголовно-процессуального закона культурно-историческому наследию и духовно-нравственным основам российского народа. Продемонстрировано ущербное влияние процессов глобализации на качество уголовно-процессуального закона. Обоснована возможность разрешения проблемы повышения качества уголовно-процессуального закона посредством творческого подхода.

**Ключевые слова:** смысловой уровень, качество, уголовно-процессуальный закон, глобализация, культурно-историческое наследие, духовно-нравственные основы, творческий подход.

**I.E. Adamenko**, Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

### **To the issue of semantic level solving the problem of improvement of quality implementation the criminal-procedural law**

The paper considers the semantic level solving the problem of improvement of quality of criminal-procedural law. The reasons discrepancy criminal-procedural law cultural and historical heritage and spiritual and moral foundations of the Russian people defined. Flawed influence of globalization on the quality of criminal-procedural law demonstrated. The possibility of solving the problem of increasing the quality of the criminal-procedural law through creative approach substantiated.

**Key words:** semantic level, quality, criminal-procedural law, globalization, cultural and historical heritage, spiritual and moral foundations, creative approach.

**П**роблема повышения качества реализации уголовно-процессуального закона является ключевой для уголовно-процессуальной науки. В разрешении этой проблемы принимало участие не одно поколение отечественных исследователей. Столь пристальное внимание к проблеме уголовного закона неизбежно должно было привести к появлению разнообразных способов (направлений) ее разрешения. Однако этого не произошло. В своем большинстве исследователи прямо и косвенно предлагали разрешение проблемы уголовно-процессуального закона, опираясь на гносеологическую (в значительной части логическую) основу. Это привело к формированию внешне привлекательной, но внутренне противоречивой доктрины уголовного-процессуального закона, в основу которой была заложена весьма агрессивная идея.

На смысловом уровне ее суть состояла (и, по всей видимости, состоит до сих пор) в подмене

фундаментальных (ценностных) оснований отечественного уголовно-процессуального закона. В последующем такая подмена указанных оснований должна была обеспечить включение российской правовой системы в западноевропейскую (мировую) систему права в качестве одного из ее сегментов. В результате вопрос о реализации уголовно-процессуального закона в соответствующей для него среде функционирования остался без должного осмысления. Сказанное в полной мере относится к обозначенной нами проблеме.

Желание процессуалистов любыми путями обеспечить соответствие отечественного уголовно-процессуального законодательства западноевропейской правовой системе привело к следующей весьма парадоксальной ситуации: российское уголовно-процессуальное законодательство, формально соответствующее правовому мышлению западноевропейской цивилизации, в своей сущности оказалось не

соответствующим ментальным, духовно-нравственным, национальным и религиозным особенностям российского общества (общности).

В значительной мере парадоксальность данной ситуации объясняется тем, что уголовно-процессуальная доктрина, воплощенная в УПК РФ, является своеобразной формой ограничения национальной и духовно-нравственной самостоятельности российского народа, его государства и общества. При этом подобное ограничение реализуется под внешне неагрессивной идеей глобализации. Однако по существу посредством глобализации осуществляется подмена ментальных, духовно-нравственных, национальных и религиозных особенностей системы ценностей российской общности на систему антиценностей. Например, посредством глобализации происходит подмена коллективных (публичных) начал в отечественном уголовном судопроизводстве на положения индивидуализма, которые выдаются в качества торжества ее процесса. Так, Г.В. Абшилава пишет: «...проникновение частного права в различные, в том числе и публичные, сферы правовых отношений, к которым относятся и уголовно-процессуальные, значительно расширяется в условиях глобализации. Глобализация – это объективное явление. Она многомерна и всеуща. Ее проявления усматриваются в появлении таких институтов уголовного судопроизводства, как досудебное соглашение о сотрудничестве, медиационные формы разрешения уголовно-правовых конфликтов. По этой причине попытки изоляционизма, отгораживание своей правовой системы от мировых тенденций, отрицание очевидных явлений – обречены на провал» [1, с. 12].

Мы уважительно относимся к изложенному высказыванию. Ведь в нем автор косвенно указывает на одно из возможных направлений решения проблемы реализации уголовно-процессуального закона. Его смысл схематично возможно обозначить следующим образом: воспринимайте все западные нормы и правовые институты, тем самым вы включаетесь в данную правовую систему. Результатом такого восприятия и включения является следование мировым тенденциям глобализации. В противном случае все усилия, включая и творческие, связанные с проблемой реализации уголовно-процессуального закона, обречены на неудачу, поскольку они являются попытками изоляционизма.

Мы не поддерживаем подобного оптимизма в отношении ни тенденций глобализации, ни призыва, связанного с утратой национальных и духовно-нравственных оснований отечественного уголовно-процессуального закона. Истории

отечественного уголовно-процессуального закона известны мировые тенденции глобализации, связанные с восприятием и включением норм и правовых институтов западноевропейского общества. Но созданные на подобной мировоззренческой основе, они не привели к его эффективной и качественной реализации.

На наш взгляд, исторический опыт показывает, что проблема реализации уголовно-процессуального закона не может быть концептуально разрешена посредством следования (соответствия) мировым тенденциям глобализации. В противном случае положения уголовно-процессуального закона, созданные на данной методологической основе, должны реализовываться в несвойственной им обстановке, обусловленной бытием российского народа.

Возникает вопрос: была ли создана отечественной процессуальной наукой действенная концепция разрешения проблемы реализации уголовно-процессуального закона? Ответ на поставленный вопрос не может быть однозначным. И дело тут не в том, что проблема реализации уголовно-процессуального закона для процессуалистов была неведомой. Даже беглый взгляд на историю исследования проблемы реализации уголовно-процессуального закона [2] показывает, что она явно и неявно была объектом внимания исследователей.

Несмотря на столь пристальное внимание процессуальной общественности к разрешению проблемы уголовно-процессуального закона, она так и не была разрешена, что дает нам основание осмыслить имеющийся опыт по анализируемому вопросу. В свою очередь, осмысление проблемы реализации уголовно-процессуального закона в истории уголовно-процессуальной науки мы начнем с акцентирования на нижеследующем. Способы (направления) разрешения проблемы реализации уголовно-процессуального закона непосредственно связаны с господствующим в то или иное время мировоззрением, обуславливающим соответствующую научную парадигму мышления. Например, Б.А. Галкин при разрешении проблемы советского уголовно-процессуального закона избрал научную парадигму мышления, опирающуюся в своих основаниях на труды В.И. Ленина [2, с. 7–40].

При всем своем внешнем многообразии научная парадигма мышления в уголовно-процессуальной сфере определяет выбор между альтернативными направлениями (способами) исследования в пользу общепринятого (общепризнанного) научным сообществом. В нашем исследовании такая роль научной парадигмы позволяет нам диагностировать положения,

воплощенные в уголовно-процессуальном законе, определить их мировоззренческую составляющую.

К определению мировоззренческой составляющей уголовно-процессуального закона не следует подходить шаблонно. Для решения указанных задач наиболее приемлемым является творческий подход. Использование инструментария творческого подхода позволяет при решении системообразующих (узловых) положений проблемы реализации уголовно-процессуального закона абстрагироваться от логических программ исследования, определяемых господствующей научной парадигмой мышления. В этом смысле при разрешении проблемы реализации уголовно-процессуального закона мы исходим из диалектического единства развитого научного интеллекта и нелогических форм мышления, например чувственного познания и интуиции. В результате готовые логические программы разрешения проблемы реализации уголовно-процессуального закона как бы отбрасываются на нижние уровни интеллекта, и мы имеем дело с типами (видами) уголовно-процессуального закона, характерными для каждого из исследуемых периодов.

С позиции психологии взаимосвязь между творческим и нетворческим подходами к решению задачи объясняется следующим образом: «При нетворческой задаче развитый интеллект реализует готовые логические программы.

Однако при творческой задаче картина меняется. Провал избранной программы отбрасывает организацию деятельности решающего на нижние структурные уровни интеллекта. Он повторяет смену типов поведения, характерных для каждого из этапов развития. Человек как бы карабкается по лестнице структурных уровней интеллекта. А лестница эта построена из трансформированных этапов развития. Структурные уровни организации интеллекта выступают теперь как функциональные ступени решения творческой задачи» [3, с. 96].

Творческое решение проблемы реализации уголовно-процессуального закона предусматривает исследование взаимосвязи между собственно уголовно-процессуальным законом и научной парадигмой мышления, обусловленной средой функционирующего в нашем обществе мировоззрения. В контексте настоящего исследования под функционирующим в нашем обществе мировоззрением мы понимаем «духовно-практическое явление, посредством которого взгляды, ценности, идеалы и убеждения объективируются (преобразуются в реальную действительность)» [4, с. 6]. Реальной действительностью является и уголовно-процессуальный закон. В нем объективированы взгляды, ценности, идеалы и убеждения, в то или иное время господствующие в том или ином обществе. В нашем случае речь идет прежде всего о российской общности.

1. Абшилава Г.В. *Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации* / под ред. О.А. Зайцева. М., 2012.

2. Галкин Б.А. *Советский уголовно-процессуальный закон*. М., 1962.

3. Пономарев Я.А. *К вопросу об исследовании психологического механизма «принятия решения» в условиях творческих задач // Проблемы принятия решения*. М., 1976.

4. Агутин А.В., Агутина Н.В. *Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве*. М., 2009.

1. Abshilava G.V. *Conciliation proceedings in criminal proceedings of the Russian Federation* / ed. by O.A. Zaitsev. Moscow, 2012.

2. Galkin B.A. *Soviet criminal-procedural law*. Moscow, 1962.

3. Ponomarev Ya.A. *To the issue of research the psychological mechanism of «decision» in a creative problem solving // Problems of decision*. Moscow, 1976.

4. Agutin A.V., Agutina N.V. *Theoretical and ethical foundations of the principles in the modern domestic criminal proceedings*. Moscow, 2009.

**Башинская Инна Геннадьевна**кандидат юридических наук,  
доцент кафедры предварительного расследования  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: Bashinskaya\_ig@mail.ru)

## *О правовом положении заявителя на досудебной стадии уголовного судопроизводства*

Статья посвящена правовому положению заявителя на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Рассмотрены проблемы обеспечения прав лиц, пострадавших от преступлений, на стадии рассмотрения сообщений.

**Ключевые слова:** заявитель, преступление, потерпевший, права, обязанности, жалоба, материалы доследственной проверки.

**I.G. Bashinskaya**, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Bashinskaya\_ig@mail.ru

### **On the legal status of applicant at the pre-trial stage of criminal proceedings**

The article is devoted to the legal position of the applicant's on pre-trial stage of criminal proceedings. The problems of ensuring the rights of victims of crime on stage of pending messages are considered.

**Key words:** complainant, crime, victim, rights, duties, complaint, investigation verification materials.

**П**о данным статистики, ежегодно каждый десятый житель России становится потерпевшим от того или иного преступления, а ущерб, причиненный преступными деяниями, исчисляется миллиардами рублей. Так, согласно статистическим отчетам Судебного департамента при Верховном Суде РФ прямой материальный ущерб от преступлений, определенный по приговорам и решениям судов, в 2007 г. составил 17,5 млрд руб. [1, с. 21].

Скорейшее и полное восстановление прав людей, против которых были совершены те или иные преступления, обеспечение их беспрепятственного доступа к правосудию и компенсация причиненного им вреда являются главной задачей государства, которая решается на конституционном и законодательном уровнях.

Для надежной защиты своих прав и законных интересов каждый гражданин, независимо от наличия у него гражданства, обладает целым рядом конституционно закрепленных прав, таких как право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (закреплено в ст. 20, 22 и 23 Конституции РФ), право на получение от государственных органов информации и документов, которые имеют непосредственное отношение к его правам и свободам (ч. 2 ст. 24), право на пользование родным языком

(ст. 26), право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга или близких родственников (ст. 51), право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53), право обжалования в суд решений и действий (бездействия) должностных лиц, право обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты в соответствии с международными договорами (ст. 46).

Эти и другие права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, права и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

Реализация защиты указанных конституционных прав осуществляется посредством уголовного законодательства, определяющего конкретные противоправные деяния, образующие состав преступления. Потерпевшие от преступлений в соответствии со ст. 52 Конституции РФ имеют право на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Анализ вышеуказанных конституционных норм позволяет судить о реализации права на защиту лица, пострадавшего от преступления, с момента обращения его в правоохранительный орган, что совпадает с началом уголовно-процессуальных отношений, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела, а именно с момента подачи лицом заявления о совершенном преступлении.

Заявление о преступлении в соответствии со ст. 140 УПК РФ является поводом для возбуждения уголовного дела, причем, как показывает практика, самым распространенным.

Обращаясь с заявлением в правоохранительный орган, лицо вступает в уголовно-процессуальные отношения, которые определены в ст. 141 УПК РФ, предписывающей порядок и форму принятия письменного заявления о преступлении и предупреждение заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ. Статья 144 УПК РФ регламентирует порядок рассмотрения сообщения о преступлении, а ст. 145 УПК РФ – решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении.

Однако, несмотря на то, что нормы о правах и обязанностях заявителя содержатся в разных статьях УПК РФ, заявитель не включен в число участников уголовного судопроизводства, а значит, его процессуально-правовой статус не регламентирован. Проблема регламентации прав лиц, пострадавших от преступлений, в ходе проверки сообщения обсуждается в юридической литературе уже длительное время [2, с. 82–83].

Статус потерпевшего в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ лицо, обратившееся в правоохранительный орган с заявлением о преступлении, может приобрести лишь после того, как дознавателем, следователем или судом будет вынесено соответствующее постановление.

Только с момента вынесения постановления о признании лица потерпевшим на него распространяются права, регламентированные в ч. 2 ст. 42 УПК РФ. В частности, потерпевший имеет право ходатайствовать о применении в отношении его и его близких родственников мер безопасности, знать о характере предъявленного своему обидчику обвинения, давать показания, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, бесплатно пользоваться помощью переводчика, иметь представителя, участвовать с разрешения дознавателя или следователя в проведении следственных действий, также знакомиться с протоколами следственных действий, а по окончании предварительного

следствия знакомиться со всеми материалами уголовного дела и т.д.

Для преодоления препятствий на пути защиты своих прав и законных интересов заявитель вынужден пройти несколько психологически и юридически непростых этапов, выполняя разные роли: заявителя о преступлении или, возможно, его свидетеля, частного обвинителя или гражданского истца. Практика знает много случаев, когда после возбуждения уголовного дела заявитель получает процессуальный статус участника уголовного судопроизводства почти в конце срока расследования, что не позволяет ему принять своевременное участие в сборе доказательств.

В 2008 г. на данную проблему обратил внимание Уполномоченный по правам человека в РФ, указав, что «срок принятия постановления о признании потерпевшим законом не установлен. В силу этого пострадавший от преступления зачастую признается потерпевшим только на завершающей стадии досудебного производства. До тех пор пока его не признают потерпевшим, пострадавший от преступления рассматривается в качестве заявителя. Это, в свою очередь, ведет к нарушению права пострадавшего на получение информации о ходе и результатах предварительного расследования, на предоставление предметов и документов, подтверждающих его заявление о преступлении, и др.». В этом же докладе Уполномоченный по правам человека предложил дополнить ст. 146 УПК РФ положением о том, что пострадавшее от преступления лицо должно признаваться потерпевшим одновременно с возбуждением уголовного дела [1, с. 21].

Следует отметить, что законодатель прислушался к этому предложению и Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ внес изменения в ст. 42 УПК РФ, регламентирующую правовое положение потерпевшего, закрепив, что «решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела...».

На наш взгляд, признание потерпевшим лица, пострадавшего от преступления, одновременно с возбуждением уголовного дела, конечно, носит прогрессивный характер. Однако его реализация позволит решить только одну проблему – обеспечит участие потерпевшего, как участника уголовного судопроизводства, с начала предварительного расследования. При этом по-прежнему останется открытым вопрос реализации права этих лиц в процессе доследственной проверки, предусмотренной ст. 140–145 УПК РФ.

Отсутствие процессуальной регламентации правового положения заявителя не обеспечивает защиту его прав и законных интересов, создает препятствия в доступе к правосудию, а также трудности в сборе доказательств на этапе возбуждения уголовного дела.

Изменения, внесенные в ч. 2 ст. 144 УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, обязывают дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа разъяснять права и обязанности лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, и обеспечивать возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении. Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства. При необходимости участнику досудебного производства, в том числе и при приеме сообщения о преступлении, должна быть обеспечена безопасность.

Таким образом, законодатель предпринял попытку защитить интересы пострадавших лиц на стадии рассмотрения заявлений о преступлении. Вместе с этим вне поля зрения остается вопрос о том, могут ли эти лица воспользоваться услугами переводчика бесплатно, поскольку в УПК РФ не регламентирован механизм обеспечения права на пользование родным языком при подаче заявления. Хотя в соответствии с принципом национального языка судопроизводства любое лицо вправе обратиться в правоохранительные органы на своем родном языке, в ч. 2 ст. 18 УПК РФ говорится, что переводчик предоставляется участвующим в деле лицам. Однако в стадии возбуждения уголовного дела участников с процессуальной точки зрения еще не существует.

Современное положение заявителя лишает его возможности реализовать даже предоставленные ему уголовно-процессуальные права. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 145 УПК РФ лицо, принимающее решение по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, обязано уведомить заявителя о принятом решении и разъяснить право и порядок его обжалования.

В свою очередь, заявитель в соответствии со ст. 123–125 УПК РФ имеет право обжаловать это решение в вышестоящем порядке подчиненности или в суд (в случае если принятое решение причинило ущерб его конституционным правам и свободам либо затрудняет доступ к правосудию). Однако для составления мотивированной жалобы заявителю не достаточно одного уведомления о принятом решении. Для того чтобы убедиться в объективности рассмотрения заявления о преступлении и обоснованности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, необходимо ознакомиться не только с текстом постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, но и всеми материалами (отказным материалом), на основании которых принято это решение.

В правоприменительной практике встречаются случаи, когда заявитель обращается с жалобой на бездействие дознавателя или следователя и просит дать ему возможность ознакомиться с материалами проверки его заявления о совершенном преступлении, однако ему отказывают в этом, ссылаясь на то, что ознакомление заявителя с материалами проверки не предусмотрено УПК РФ.

В подобных случаях заявитель вправе добиваться предоставления ему материалов для ознакомления путем обжалования таких действий в вышестоящем порядке подчиненности или в судебном порядке. Конституционный Суд РФ в постановлении от 18 февраля 2000 № 3-П сформулировал такую правовую позицию: гражданам должны предоставляться для ознакомления материалы, непосредственно затрагивающие их права и свободы, даже если такое право прямо не предусмотрено законом [3]. Поэтому при наличии ходатайства лицо, заявившее о преступлении, должно быть ознакомлено с материалами проверки его заявления о преступлении, чтобы в жалобе четко обосновать свою позицию. Данная мысль подчеркивается и в более поздних решениях Конституционного Суда РФ, например в определении от 11 июля 2006 г. № 300-О [4].

В целях обеспечения правоохранительной и судебной системой действенной защиты прав и интересов лиц, пострадавших от совершенных преступлений, необходимо совершенствовать законодательную базу и правоприменительную практику.

В этой связи считаем необходимым на законодательном уровне причислить заявителя к участникам уголовного судопроизводства, т.е. дополнить гл. 8 УПК РФ, регламентиру-

ющую правовое положение иных участников уголовного судопроизводства, статьей «Заявитель», в которой перечислить его права и обязанности.

Реализация данного предложения позволила бы:

1) лицу, обратившемуся за защитой в правоохранительный орган, с момента подачи заявления о преступлении стать полноправным

участником уголовного процесса и активно отстаивать свои права и законные интересы на стадии возбуждения уголовного дела и в течение всего дальнейшего расследования дела;

2) органу дознания, дознавателю и следователю расширить возможности доказывания в стадии возбуждения уголовного дела именно за счет увеличения числа иных процессуальных действий.

1. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Рос. газ. 2008. 4 июня.

2. Василенко Л.А. Производство по делам частного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.

3. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана: постановление Конституционного Суда РФ от 18 февр. 2000 г. № 3-П. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_26325/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26325/)

4. По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 300-О. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_63720/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63720/)

1. Problems of protection of rights of victims of crime: special report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation // Rus. newsp. 2008. June 4.

2. Vasilenko L.A. Production for private prosecution: diss. ... Master of Law. Omsk, 2005.

3. In the case on the constitutionality of paragraph 2 of article 5 of the Federal Law «On the prosecutor's office of the Russian Federation» in connection with the complaint of citizen B.A. Kehman: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of Febr. 18, 2000 № 3-P. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_26325/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26325/)

4. On the complaint of a citizen Andreev Andrei Ivanovich on violation of his constitutional rights with paragraphs 1, 5, 11, 12 and 20 of the second part of article 42, the second part of article 163, the eighth part of article 172 and the second part of article 198 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 11, 2006 № 300-O. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_63720/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63720/)

**Данильян Элина Сергеевна**  
кандидат юридических наук,  
старший преподаватель кафедры криминалистики  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79182791586)

## *Особенности возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом земель*

В статье рассматриваются вопросы возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом земель.

**Ключевые слова:** земля, уголовное дело, проверка, обстоятельства, преступление, доказательства.

**E.S. Danilyan**, Master of Law, Senior Teacher of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79182791586.

### **Peculiarities of criminal laws excitation connected with illegal land operation**

The article considers the questions of criminal laws excitation, connected with illegal land operation.

**Key words:** land, criminal case, control, circumstances, crime, proof.

**Р**аскрытие и расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом земель, представляют достаточно сложную задачу, поскольку при получении первоначальной информации следователю трудно определить наличие состава преступления и выявить лиц, причастных к совершению данного преступления. При рассмотрении заявления о сообщении и изучении собранного материала следователю (дознавателю) необходимо установить, имело место преступление или неисполнение обязательств гражданско-правового характера. При изучении уголовных дел было установлено, что в 65% случаев потерпевшие заявляют в полицию о совершенном в отношении их преступлении в сфере земельных правоотношений спустя время, что затрудняет розыск злоумышленника, возврат похищенных денежных средств или объекта недвижимости (земельный участок, доля и др.).

Поэтому огромное значение для процесса расследования и установления истины имеет своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела. Доследственную проверку по сообщениям о преступлении в сфере незаконного оборота земель рекомендуется проводить обязательно, т.к. именно на этой стадии должен быть решен вопрос о наличии либо отсутствии состава преступления.

Возбуждению уголовного дела предшествует появление надлежащего повода и основания. Поводами для возбуждения уголовных дел (ч. 1 ст. 140 УПК РФ) служат:

заявление о преступлении;  
явка с повинной;  
сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;  
постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

При анализе следственной практики было установлено, что поводами для возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом земель, являются:

результаты прокурорских проверок по соблюдению земельного законодательства;

заявления и жалобы граждан на неправомерные действия должностных лиц УФРС, на осуществление неправомерных застроек на близлежащих земельных участках, на неправомерные действия определенных (либо неизвестных) лиц, совершающих неправомерные посторонние действия на принадлежащих заявителям земельных участках согласно свидетельству о регистрации права собственности;

результаты оперативно-розыскной деятельности по выявлению признаков противозаконной деятельности в сфере оборота земель должностных лиц, реализовавшиеся в уголовный процесс;

результаты расследования уголовных дел, возбужденных по признакам другого преступления;

сообщения из контролирующих органов о результатах рассмотрения жалоб, заявлений при обнаружении признаков преступления в сфере земельных правоотношений;

сообщения или заявления очевидцев;

сообщения из различных СМИ.

Проверку по сообщениям (заявлениям) по факту незаконного оборота земель проводят:

следователь;

оперуполномоченный подразделения по борьбе с экономическими преступлениями и противодействия коррупции;

дознатель отдела дознания.

В ходе доследственной проверки по преступлениям данного вида выдвигаются две общие версии:

имело место преступление (мошенничество, регистрация незаконных сделок с землей и др.);

имела место гражданско-правовая сделка.

При проведении проверки заявления следователю (дознателю, оперуполномоченному) необходимо обратиться к специалисту – лицу, которое обладает специальными знаниями. В качестве специалиста можно привлечь сотрудника территориального отдела Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, БТИ, межевых организаций и др. Данное лицо при проведении доследственной проверки не исследует документы либо предметы, а дает консультации следователю (дознателю, оперуполномоченному), способствующие решению задач проверки. Вопросы, задаваемые следователем специалисту, не должны раскрывать сущности проводимой проверки.

При проведении проверки обязательно привлечь и специалиста для установления признаков подделки документов (решить вопрос о наличии в документе частичной подделки (подчистка, травление и др.), установить групповые признаки объектов (печатающего устройства, с помощью которого изготовлен документ)). Специалист может решить и идентификационные задачи (установить лицо, выполнившее подпись или рукописный текст, установить подлинность оттиска штампа или печати).

Если в ходе предварительной проверки следователем будет установлена поддельность документа, то это указывает на немедленное возбуждение уголовного дела.

При проведении доследственной проверки следователь (дознатель, оперуполномоченный) должен обязательно истребовать под-

линники документов, на основании которых было зарегистрировано право собственности на земельный участок (либо был закреплен за гражданином земельный участок), фиктивные документы, получить образцы рукописных записей и подписей, печати, штампы и их оттиски, машинописные тексты. В данном случае следователю рекомендуется перед назначением судебной экспертизы обратиться к специалисту-криминалисту и получить консультацию в устной форме относительно качества и количества образцов, которые необходимы для проведения криминалистической экспертизы.

К образцам необходимо предъявлять следующие требования:

несомненность происхождения образца от определенного объекта;

получить образцы в необходимом количестве и надлежащего качества;

соблюдать необходимые условия при получении и хранении образца;

применять необходимые научно-технические средства в процессе получения, фиксации и хранения образцов, а также пользоваться помощью специалиста и т.д. [1, с. 137].

Истребованные документы (после возбуждения уголовного дела будут являться вещественными доказательствами) рекомендуется хранить при материале доследственной проверки, а после возбуждения уголовного дела – при уголовном деле. Возвращать документы гражданам либо организациям нецелесообразно, т.к. они могут быть утрачены, повреждены и др., что лишит возможности полностью, объективно установить истину.

При проведении предварительной проверки средством фиксации информации являются объяснения лиц, понесших ущерб от действий мошенников. Объяснения данных лиц должны содержать сведения, оценив которые в совокупности с другими сведениями, следователь делает правильный выбор об их достаточности для принятия законного и обоснованного решения.

Объяснения потенциальных потерпевших должны содержать следующие сведения:

о принадлежности земельного участка – предмета преступного посягательства, полные данные о данном участке (его местонахождение, адрес, вид разрешенного использования, площадь);

стоимость данного земельного участка (согласно оценке БТИ, кадастровой стоимости, рыночной стоимости);

о документах, подтверждающих право собственности на данный земельный участок (свидетельство о регистрации права собственности на

земельный участок, различные гражданско-правовые договоры, доверенности, завещание, выписки из похозяйственной книги, постановления главы администрации муниципального органа о выделении земельного участка (данные постановления выдавались до 2003 г.), кадастровый паспорт на земельный участок и др.);

причиненный потерпевшему ущерб, и в чем он выражается;

какие действия были предприняты мошенником, в чем выражался обман либо злоупотребление доверием;

время, место, обстоятельства, при которых были совершены мошеннические действия с земельным участком, очевидцы произошедшего, данные о мошеннике, о его местонахождении, в каких отношениях состоят между собой потерпевший и злоумышленник, какие документы составлялись между ним и потерпевшим: договоры, доверенности, расписки и др.;

как производился расчет между сторонами, в какой валюте, каким достоинством были купюры, время и место расчета, кто присутствовал при расчете, какие документы составлялись по факту расчета;

какие последствия имели место после совершения преступления.

Свидетелям-очевидцам рекомендуется задавать следующие вопросы:

каковы отношения между ним и участниками произошедшего события;

знаком ли с лицами, совершившими преступное посягательство, в каких отношениях с ним состоит;

какое событие он наблюдал, был участником, какова именно его роль в данном событии; от кого ему стало известно о совершенном преступлении.

Потерпевшему, свидетелю необходимо задавать и другие вопросы, в которых возникнет необходимость, для установления всех обстоятельств произошедшего.

Материал предварительной проверки должен быть тщательно изучен следователем, при этом необходимо уделить особое внимание наличию достаточных данных, указывающих на признаки противоправного деяния, при установлении таковых принимается решение о возбуждении уголовного дела.

На этапе возбуждения уголовного дела следователь:

1. Анализирует весь собранный материал с целью установления оснований к возбуждению уголовного дела либо к отказу в его возбуждении.

2. Проверяет законность данного материала.

3. Предварительно квалифицирует действия виновных лиц.

Материал предварительной проверки по факту преступления в сфере незаконного оборота с земельными участками должен содержать следующие данные:

1. Действия в отношении имущества – земельного участка (приобретение права собственности на земельный участок) – носят противоправный характер.

2. Действия в отношении земельного участка (приобретения права собственности на него) совершены из корыстных побуждений: получение материальной выгоды (денежные средства, акции, ценные бумаги, приобретение права собственности на какое-либо имущество и др.), продвижение по карьерной лестнице (в случае причастности к совершению данного преступления должностного лица из администрации муниципального органа, БТИ, территориального отдела Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии и др.).

3. Предмет преступного посягательства или право собственности на него, а также денежные средства обращены в пользу виновного лица либо других лиц.

4. Кому причинен ущерб, кто собственник данного объекта недвижимости: физическое лицо, организация, государство – Российская Федерация либо муниципалитет.

5. Характер и размер причиненного ущерба (ущерб исчислять в денежном эквиваленте в отечественной валюте).

6. Способ совершения преступления (обман, злоупотребление доверием и др.).

7. Хищение совершено с прямым умыслом.

8. Право собственности на объект – земельный участок – не оспаривается в законном порядке.

Одним из основных требований уголовно-процессуального закона является соблюдение сроков проведения предварительной проверки. В ст. 144 УПК РФ установлен срок проведения проверки – 3 суток (ч. 1), который может быть продлен до 10 суток, при необходимости проведения проверочных действий, мероприятий можно продлить срок до 30 суток в установленном законом порядке (ч. 3).

Материал доследственной проверки, поступивший либо находящийся у следователя, может содержать следующие документы, позволяющие принять законное и обоснованное решение по факту незаконного оборота земель:

1. Заявление лица о совершенном преступлении (либо рапорт сотрудника полиции или сообщение от государственных органов о совершенном или готовящемся преступлении). Указанные документы должны содержать

сведения о месте, времени, признаках обнаруженного преступления, обстоятельствах обнаружения признаков преступления, сведения о подозреваемом в совершении преступления лице (если оно установлено), о лицах, которым известны обстоятельства произошедшего (если таковые есть), о местонахождении документов и предметов, которые могут быть вещественными доказательствами согласно УПК РФ, и другие сведения, которые имеют значение для квалификации преступного деяния и принятия решения. Материал предварительной проверки поступает к следователю с сопроводительным письмом, в котором обязательно должно быть отражено место хранения всех изъятых документов.

2. Протокол осмотра места происшествия (осмотр местонахождения объекта недвижимости).

3. Объяснения заявителя, свидетелей.

4. Свидетельство о государственной регистрации права собственности на объект – земельный участок.

5. Кадастровый паспорт на земельный участок.

6. Договор купли-продажи, выписку из хозяйственной книги, постановление главы администрации муниципального органа (в зависимости от рассматриваемого события).

7. Постановление о назначении судебной экспертизы и заключения эксперта (в случае если была назначена экспертиза).

8. Объяснение привлекаемого специалиста.

9. Иные документы и предметы.

На этапе возбуждения уголовного дела после проведенного анализа материала проверки следователь выдвигает общую версию: мошенничество в сфере захвата земельного участка имело место. Уголовное дело может быть возбуждено при наличии такой версии. В случае выдвижения версии «мошенничества не было» принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

На данном этапе следователь выдвигает и частные версии о субъекте преступления и способах совершения преступления.

При проверке сообщения о преступлении в сфере незаконного оборота земель следователь должен установить характер размера: значительный ущерб, крупный размер, особо крупный размер.

Согласно п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ значительный ущерб определяется с учетом имущественного положения потерпевшего, но не может составлять менее 2500 рублей.

Размер ущерба, причиненного преступными действиями, определяется исходя из стоимости

земельного участка по оценке БТИ, из стоимости, указанной в гражданско-правовом договоре, из кадастровой стоимости, из среднерыночной стоимости.

При незаконном приобретении права собственности на земельный участок ущерб причиняется:

муниципальному образованию (как собственнику), в данном случае причиненный ущерб равен стоимости данного участка, указанной в справке БТИ, кадастровом паспорте, либо среднерыночной цене;

физическому лицу – размер ущерба равен стоимости участка, указанной в гражданско-правовом договоре.

Возбуждать уголовные дела данной категории целесообразнее по факту совершенного преступления. Следователь может сделать вывод о том, что лицо незаконно получило право собственности на объект недвижимости только после того, как проведено предварительное следствие.

При расследовании незаконного оборота земель подлежат доказыванию следующие обстоятельства:

1. Событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).

Время совершения преступления представляет собой и промежуток времени, и момент окончания противоправного деяния.

При расследовании уголовных дел данной категории необходимо устанавливать момент начала осуществления преступного умысла, продолжительность преступной деятельности и момент окончания преступления. Это в полной мере относится и к месту совершения преступных действий.

При установлении времени совершения преступления необходимо установить календарную дату, по возможности часы и минуты, когда были совершены преступные действия и получены документы, их подтверждающие.

Место преступления – место, где совершались основные действия мошенников. Местом совершения преступлений, связанных с незаконным захватом земель, следует считать места выдачи документов: государственные учреждения, иные организации и места, где, возможно, изготавливались фиктивные документы.

При расследовании преступлений данной категории может возникнуть проблема при доказывании места изготовления, приобретения или сбыта поддельных документов. В данном случае необходимо установить обстоятельства изготовления поддельных документов, испол-

нителей данных документов, после чего будет установлено место преступления.

Основными местами совершения незаконного оборота земель являются:

Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии России (по сделкам, заключенным до 31 января 1998 г., – БТИ (органы технической инвентаризации));

место составления передаточного акта, по которому подтверждается факт передачи права собственности на земельный участок;

место выдачи документа, уполномочивающего злоумышленника на владение, пользование или распоряжение имуществом.

2. Виновность лица в совершении незаконного оборота земель, форма вины, мотивы. Преступления в данной сфере совершаются исключительно с прямым умыслом, т.е. виновный сознавал противоправность и общественную опасность своих действий и желал наступления преступных последствий. Мотив преступления – корысть: злоумышленник желает получить материальную выгоду (денежные средства, имущество, право собственности на какое-то имущество и т.д.). Виновность лица в совершении преступления доказывается путем сбора и оценки вещественных доказательств, допросов лиц и проведения других следственных действий.

3. Обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого). Кроме паспортных данных, сведений о судимости, наличии образования (профиль образования) и характеристики с места жительства, необходимо установить, способен ли подозреваемый (обвиняемый) самостоятельно совершить преступление в сфере земельных правоотношений, установить соучастников преступления (организаторов, пособников и др.). Также необходимо допросить соседей подозреваемого

лица, родственников, членов семьи, коллег по работе об образе его жизни, связях, воспитании, поведении в обществе и т.д.

4. Характер и размер вреда, причиненного преступными действиями. Вред, причиняемый мошенничеством, является материальным ущербом.

Доказывание размера ущерба сводится к установлению стоимости похищенного земельного участка, права на него или размера похищенных денежных средств.

Стоимость земельного участка можно определить по справке БТИ, по кадастровому паспорту и согласно рыночной стоимости. Однако в целях объективности и справедливости установление стоимости земельного участка осуществляется посредством заключения эксперта (судебно-товароведческая экспертиза).

5. Обстоятельства, исключаящие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

6. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность (указаны в ст. 61 и 63 УК РФ).

7. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (к данному пункту относят причины и условия, способствовавшие совершению преступления). Данные обстоятельства выясняются в ходе проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, а также посредством проведения иных процессуальных действий.

Согласно ч. 2 ст. 158 УПК РФ следователь, выявив причины и условия, способствовавшие совершению преступления, обязан внести представление в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона.

1. Белкин Р.С. *Криминалистическая энциклопедия*. М., 2000.

1. Belkin R.S. *Criminalistics encyclopedia*. Moscow, 2000.

**Голова Светлана Ивановна**

преподаватель кафедры предварительного расследования  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: golovasvetlana@mail.ru)

## *Процессуальная деятельность следователя по уведомлению участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного следствия с обвинительным заключением*

В статье рассматриваются порядок и форма уведомления участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного следствия с обвинительным заключением. На основе анализа положений уголовно-процессуального закона высказаны предложения по совершенствованию норм, регулирующих исследуемые отношения.

**Ключевые слова:** уведомление, окончание предварительного следствия, следователь, участники уголовного судопроизводства, ознакомление с материалами уголовного дела, обвинительное заключение.

**S.I. Golova**, Teacher of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: golovasvetlana@mail.ru

### **Procedural actions of the investigator to notify participants of criminal proceedings that the preliminary investigation to the indictment**

The article discusses the procedure and the notification form participants to criminal proceedings that the preliminary investigation to the indictment. On the basis of analysis of the provisions of criminal procedure law suggestions for improving the rules governing the relationship studied.

**Key words:** notification, ending of preliminary investigation, investigator, participants of criminal proceedings, familiarization with the materials of the criminal case, indictment.

Этап окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения включает в себя комплекс последовательных процессуальных действий, направленных на обеспечение гарантий прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения. Важное значение в комплексе таких действий приобретает уведомление участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного следствия.

В первую очередь, следователь обязан уведомить об этом обвиняемого. При этом уголовно-процессуальный закон предусматривает, что ему должно быть разъяснено право на ознакомление с материалами уголовного дела не только лично, но и с помощью защитника (законного представителя). Это процессуальное действие оформляется протоколом в соответствии с правилами, которые предусмотрены ст. 166 и 167 Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации (далее – УПК РФ). Далее уведомляются и другие участники уголовного процесса, т.е. защитник и законный представитель обвиняемого, если они участвуют в уголовном деле, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители.

Считаем, что в действующем законодательстве защитник и законный представитель неоправданно включены в перечень участников, который предусмотрен ч. 2 ст. 215 УПК РФ. Исходя из процессуальных функций правила их уведомления об окончании предварительного следствия, разъяснения права на ознакомление с материалами уголовного дела должны располагаться в ч. 1 ст. 215 УПК РФ.

К сожалению, в действующем законодательстве не предусмотрена обязанность следователя при уведомлении потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей об окончании предварительного следствия разъяснять их право на

ознакомление с материалами уголовного дела. Этот пробел в законодательстве достаточно часто подвергается критике со стороны ученых и практических работников, отдельными авторами предлагалась форма бланка уведомления данной категории участников процесса [1, с. 79–80]. Полагаем, что подобное упущение законодателя нарушает принцип равенства сторон защиты и обвинения на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

В следственной практике разъяснение потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику права на ознакомление с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия осуществляется, как правило, в период проведения следственных действий. Обычно это происходит после получения показаний и признания за ними определенного процессуального статуса (потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика). При этом отказ от ознакомления с делом фиксируется в соответствующем постановлении, а на этапе окончания предварительного следствия он уже не уточняется. Вполне естественно, что названные участники к этому моменту утрачивают интерес к уголовному делу. Но возможна и другая ситуация, когда их мнение, особенно потерпевшего, меняется. Так, с кассационной жалобой по поводу отмены приговора в Верховный Суд РФ обратился потерпевший Ч. Один из доводов состоял в том, что органами следствия были нарушены требования ст. 216 УПК РФ. Судом установлено, что на стадии расследования потерпевший отказался знакомиться с материалами дела, о чем письменно уведомил следователя [2].

Несмотря на пробелы в законодательстве, Верховным Судом РФ уже выработана определенная позиция по этому поводу. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 8 декабря 1999 г. № 84 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования» [3], которое в настоящий момент утратило силу, разъяснялось, что уголовное дело подлежит возвращению для производства дополнительного расследования, если участники процесса, включая потерпевшего, не ознакомлены со всеми материалами дела (п. 13).

В п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 (в редакции от 09.02.2012 № 3) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [4] содержится близкое по смыслу положение. В случаях вынесения судом решения о возвращении уголовного дела прокурору

следует учитывать, что нарушение в досудебной стадии гарантированного Конституцией РФ права потерпевшего на доступ к правосудию исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора.

Полагаем, что этого явно недостаточно. Право потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела является выражением доступа к правосудию. Нельзя не согласиться с высказыванием О.В. Гладышевой о том, что обязанность следователя разъяснить участникам уголовного судопроизводства их права (а также обязанности и ответственность) и обеспечивать возможность их осуществления закреплена в ч. 1 ст. 11 УПК РФ. Непринятие подобных мер признается нарушением уголовно-процессуального закона и влечет негативные последствия, например, в соответствии со ст. 221 УПК РФ расценивается как основание возвращения прокурором уголовного дела для производства дополнительного расследования [5, с. 126–127].

При этом следователь должен не просто сказать участнику о наличии у него определенного права, но и разъяснить его смысл и содержание в понятных для него выражениях. Это производится сразу после того, как конкретное лицо признается участником уголовного судопроизводства. В частности, необходимо разъяснить лицу его роль и значение как участника процесса, объем его прав и обязанностей, механизм их реализации и т.д. [5, с. 126–127].

Разделяем точку зрения ученых о необходимости дополнения ч. 2 ст. 215 УПК РФ обязанностью следователя разъяснять потерпевшему его право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела. Такое разъяснение необходимо, поскольку материалы уголовного дела будут ему предъявлены только в случае заявления соответствующего ходатайства [6, с. 53].

Это дополнение касается и других участников уголовного процесса. Следователь при уведомлении гражданского истца и гражданского ответчика об окончании предварительного следствия обязан разъяснить их право на ознакомление с материалами уголовного дела в части, которая относится к гражданскому иску.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что закон содержит указание на форму уведомления лишь в отношении обвиняемого (составление протокола), что позволяет ученым-процессуалистам различным образом толковать положения ст. 215 УПК РФ. Так, Э.И. Бордиловский и О.А. Галустьян считают, что уведомление об окончании предварительного следствия и разъяснение каждому из участников судопроизводства их права на ознакомление с материалами

дела может быть как письменным (например, повесткой по почте), так и устным (при личной явке указанных лиц к следователю) [7, с. 70–71].

По мнению К.Б. Гранкина, указанные участники извещаются об окончании предварительного следствия посредством направления или личного вручения письменного уведомления, на практике оформляемого в виде делового письма [8, с. 108].

Д.В. Лящев вполне обоснованно полагает, что уведомление названных участников письмом, повесткой и т.д. не является гарантией их надлежащего извещения, требуется составление протокола [9, с. 51–52].

С лексической точки зрения слово «уведомление» означает документ, письмо, содержащее извещение о чем-нибудь [10]. Заметим, что ранее в ст. 201 УПК РСФСР по отношению к рассматриваемому процессуальному действию законодатель использовал глагол «объявляет», но затем отказался от него, заменив термином «уведомляет». Этимологическое значение слова «объявить» – сообщить, довести до всеобщего сведения, огласить [10]. Исходя из этого, можно предполагать, что уведомление названных участников уголовного процесса должно осуществляться в письменном виде.

Как полагает Ю.Е. Кайгородова, правовая сущность уведомления как процессуального документа заключается в том, что, отражая порядок процессуальных действий, оно показывает законность деятельности правоприменительных органов, с одной стороны, и соблюдение прав и законных интересов субъектов права, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, – с другой [11, с. 27].

Срок уведомления участников процесса об окончании предварительного следствия, возможности ознакомления с материалами уголовного дела не определен каким-либо промежутком времени. Следователь должен учитывать затраты времени, необходимые для прохождения почтовой корреспонденции, прибытия участника в следственный орган из определенного населенного пункта, ознакомления его с материалами уголовного дела и т.д. Не случайно нарушение следователем обязанности по своевременному извещению потерпевшего о времени, месте ознакомления с материалами уголовного дела характеризуется как основание для дополнительного следствия (п. 2 ч. 1 ст. 221, 237 УПК РФ). В связи с этим высказано предложение о дополнении ч. 1 ст. 237 УПК РФ пунктом соответствующего содержания [12, с. 79].

В исследуемых нормах, регулирующих порядок уведомления участников уголовного

судопроизводства составлением обвинительного заключения, выявлены и другие недостатки. В частности, в числе уведомляемых лиц в ч. 2 ст. 215 УПК РФ не названы законные представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, а речь идет лишь о представителях. Данное положение явно противоречит ч. 3 ст. 45 УПК РФ [13, с. 92].

Исследуя особенности окончания предварительного расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних, О.В. Боровик, как и предыдущие авторы, обращает внимание на положение ч. 2 ст. 215 УПК РФ. Она считает, что отсутствие закрепленной в законе обязанности следователя разъяснить законному представителю несовершеннолетнего обвиняемого его право на ознакомление с материалами уголовного дела противоречит содержанию п. 7 ч. 2 ст. 426 УПК РФ, в котором оно закреплено. Кроме того, автор предлагает в ст. 426 УПК РФ закрепить правило, в соответствии с которым ознакомление несовершеннолетнего обвиняемого с материалами уголовного дела должно происходить с помощью защитника или законного представителя. Такой вывод объясняется процессуальными функциями названных участников уголовного судопроизводства, которые являются гарантами защиты и соблюдения прав несовершеннолетнего [14, с. 187].

Стоит отметить, что обязательное участие защитника несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном судопроизводстве закреплено в п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ и в дополнительной регламентации не нуждается. Вопрос о возможности несовершеннолетнего обвиняемого знакомиться с материалами уголовного дела совместно или отдельно с законным представителем должен зависеть от усмотрения самого несовершеннолетнего. Мотивы, которыми он будет руководствоваться при этом, могут быть самыми различными: конфликтные отношения с законным представителем, укоры совести за совершенное деяние и т.д.

Завершая анализ различных воззрений ученых на проблемы правового регулирования уведомления участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного следствия, обозначим собственную позицию.

В целом, можно согласиться с предложением Д.В. Лящева о необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законе единого порядка уведомления всех участников процесса об окончании предварительного следствия путем составления протокола. В этом документе должны фиксироваться разъяснение

участникам права на ознакомление с материалами уголовного дела, дата, время, место осуществления процессуального действия. В нем необходимо отразить наличие или отсутствие ходатайства потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей на ознакомление с материалами уголовного дела.

Вместе с тем, сама структура норм ст. 215 УПК РФ, их содержание в редакции автора выглядят, на наш взгляд, не вполне удачными. Он предлагает исключить ч. 1 ст. 215 УПК РФ, а в ч. 2 сосредоточить правила уведомления всех предусмотренных законом участников процесса [9, с. 51–52]. Полагаем, что эти новеллы позволят следователю произвольно устанавливать очередность уведомления участников процесса о завершении процессуальных действий. Законодатель не случайно установил правило, согласно которому обвиняемый уведомляется об окончании предварительного следствия в первую очередь. Он является процессуальной фигурой, в отношении которой по решению суда будут применяться уголовно-правовые санкции, в то время как другие участники на завершающем этапе досудебного производства уже утрачивают определенный интерес к делу.

Считаем, что в действующем законодательстве защитник и законный представитель неоправданно включены в перечень участников, который предусмотрен ч. 2 ст. 215 УПК РФ. Исходя из процессуальных функций, правила их уведомления об окончании предварительного следствия, разъяснения права на ознакомление с материалами уголовного дела должны располагаться в ч. 1 ст. 215 УПК РФ.

Несомненно, перечень участников, подлежащих уведомлению об окончании производства процессуальных действий, должен быть дополнен законными представителями потерпевшего,

гражданского истца, гражданского ответчика (ч. 2 ст. 215 УПК РФ).

Предлагаемая нами редакция ст. 215 УПК РФ выглядит следующим образом:

«1. Признав, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения, следователь уведомляет об этом обвиняемого, его защитника, законного представителя, если они участвуют в деле, разъясняет им право и порядок ознакомления с материалами уголовного дела, о чем составляется протокол в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса. В протоколе фиксируется разъяснение предусмотренного пунктом 12 части 3 статьи 47 и статьей 217 настоящего Кодекса право обвиняемого на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, за исключением случаев, предусмотренных ст. 51 настоящего Кодекса.

2. Следователь уведомляет об окончании следственных действий потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, законных представителей, разъясняет им право и порядок ознакомления с материалами уголовного дела, о чем составляется протокол в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса. В протоколе фиксируется наличие или отсутствие ходатайства участников на ознакомление с материалами уголовного дела.

3. В протоколах уведомления обвиняемого, его защитника, законного представителя, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, законных представителей фиксируются дата, время и место, где они могут ознакомиться с материалами уголовного дела».

1. Мириев Б.А. Окончание предварительного расследования в уголовном процессе Российской Федерации: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

2. Определение Верховного Суда РФ от 23 сент. 2010 г. № 8-10-23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Бюл. Верховного Суда РФ. 2000. № 2.

4. Там же. 2004. № 5; 2012. № 4.

5. Гладышева О.В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Рос. юрид. журнал. 2012. № 6.

1. Miriyev B.A. Closing the preliminary investigation in the criminal proceedings of the Russian Federation: issues of theory and practice: diss. ... Master of Law. Vladimir, 2007.

2. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of Sept. 23, 2010 № 8-10-23. Access from legal-reference system «Consultant-Plus».

3. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2000. № 2.

4. Ibid. 2004. № 5; 2012. № 4.

5. Gladysheva O.V. The competence of the investigator to ensure that the legitimate interests of the person in pre-trial proceedings // Russian legal journal. 2012. № 6.

6. Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации: учеб. пособие. Краснодар, 2005.
7. Бордиловский Э.И., Галустьян О.А. Приостановление, возобновление, прекращение уголовного дела и окончание предварительного следствия с обвинительным заключением: учеб. пособие. М., 2004.
8. Гранкин К.Б. Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору // Новое в процессуальном законодательстве РФ (досудебное производство). Тюмень, 2004.
9. Ляцев Д.В. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: [http://slovonline.ru/slovar\\_ojegov\\_shvedova/b-20/id-35936/uvedomlenie.html](http://slovonline.ru/slovar_ojegov_shvedova/b-20/id-35936/uvedomlenie.html)
11. Кайгородова Ю.Е. Уведомление в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
12. Чекулаев Д.П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. М., 2006.
13. Марфицин П.Г. К вопросу о совершенствовании правового регулирования направления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: материалы межвуз. науч.-практ. конф. Омск, 2006.
14. Боровик О.В. Особенности окончания предварительного расследования по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 2.
6. Volkolup O.V., Chupilkin Yu.B. Guarantee the rights of participants in criminal proceedings of the Russian Federation: study aid. Krasnodar, 2005.
7. Bordilovsky E.I., Galustyan O.A. Suspension, renewal, termination of criminal proceedings and the end of the preliminary investigation to the indictment: study aid. Moscow, 2004.
8. Grankin K.B. Direction of the criminal case with the indictment to the prosecutor // New in procedural legislation of the Russian Federation (pre-trial proceedings). Tyumen, 2004.
9. Lyashev D.V. Closing preliminary investigation drafting the indictment: diss. ... Master of Law. Tyumen, 2007.
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Dictionary of Russian. URL: [http://slovonline.ru/slovar\\_ojegov\\_shvedova/b-20/id-35936/uvedomlenie.html](http://slovonline.ru/slovar_ojegov_shvedova/b-20/id-35936/uvedomlenie.html)
11. Kaigorodova Yu.E. Notice in Russian criminal proceedings: auth. abstr. ... Master of Law. Omsk, 2005.
12. Chekulaev D.P. Victim: access to justice and compensation for damages. Moscow, 2006.
13. Marfitsin P.G. To the question of improvement of legal regulation of transmittal of the case to the indictment the prosecutor // Improvement of rules and institutions of the Criminal procedure code of the Russian Federation: proc. of interuniv. sci.-pract. conf. Omsk, 2006.
14. Borovik O.V. Features completion of the preliminary investigation in criminal cases involving juveniles // «Black holes» in the Russian legislation. 2006. № 2.

Кабанцов Юрий Николаевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: kabantsov78@mail.ru)

## *Доказательства, влияющие на квалификацию преступлений террористической и экстремистской направленности*

В статье анализируются доказательства, влияющие на квалификацию преступных деяний террористической и экстремистской направленности. Раскрывается понятийный аппарат исследуемой проблематики, определяются перспективы совершенствования механизма регулирования в сфере противодействия данной категории преступлений.

**Ключевые слова:** экстремистская деятельность, экстремистские материалы, преступления экстремистской направленности, преступления террористической направленности, доказательства.

**Yu.N. Kabantsov**, Teacher of a Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kabantsov78@mail.ru

### **Evidence affecting the qualification crimes of terrorist and extremist orientation**

The paper analyzes the evidence that affect the qualification of the criminal acts of terrorist and extremist orientation. Conceptual apparatus of researched issues is disclosed, the prospects of improving the mechanism of regulation in the sphere of combating this category of crime are identified.

**Key words:** extremist activity, extremist materials, extremist crimes, terrorist crimes, evidence.

**В** Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Президентом РФ 12 мая 2009 г. [1], одним из главных направлений государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности является совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с терроризмом и экстремизмом (п. 38).

Борьба с преступлениями экстремистской и террористической направленности требует правильной квалификации общественно опасных деяний. В данной научной статье мы остановимся на некоторых аспектах, связанных с доказательствами, влияющими на квалификацию преступлений экстремистской и террористической направленности. Рассмотрение исследуемых проблем целесообразно начинать с понятийного аппарата.

В плане правовой регламентации первая попытка международного закрепления понятий «экстремизм», «терроризм» была сделана в ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. [2].

В отечественном законодательстве базовыми стали Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в редакции от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ) «О противодействии экстремистской деятельно-

сти» (далее – Федеральный закон № 114-ФЗ) [3] и Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в редакции от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) «О противодействии терроризму» (далее – Федеральный закон № 35-ФЗ) [4].

В ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ законодатель пытался наиболее полно путем перечисления охватить все виды экстремистской деятельности.

С момента принятия данного федерального закона нормы, регламентирующие наступление уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности, непрерывно модернизируются. К сожалению, они разбросаны по множеству глав Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В связи с этим Генеральным прокурором РФ были названы преступления, которые относятся к деяниям экстремистской направленности. Они предусмотрены ст. 136, 141, 148, 149, 212, 239, 277, 278, 280, 282–282<sup>2</sup>, 357 УК РФ, а также ст. 105, 111, 112, 115–117, 119, 150, 213, 214, 244 УК РФ, если совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [5].

Верховный Суд РФ, исходя из положений прим. 2 к ст. 282<sup>1</sup> УК РФ, к числу преступлений

экстремистской направленности относит деяния, предусмотренные ст. 280, 282, 282<sup>1</sup>, 282<sup>2</sup> УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Помимо этого, к названной категории относятся иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание [6].

В Федеральном законе № 114-ФЗ к экстремистской деятельности относится публичное оправдание терроризма и иной террористической деятельности. В связи с этим в юридической литературе высказано мнение, что «терроризм является наиболее опасной формой экстремизма» [7, с. 288]. Данную точку зрения поддерживают далеко не все ученые. Не позволяют сделать подобный вывод и положения УК РФ. В ст. 205, 205<sup>1</sup>, 205<sup>2</sup> УК РФ, предусматривающих ответственность за преступные действия террористической направленности, не указан в качестве возможного мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы. Более того, терроризм предполагает совершенно определенную цель совершения преступного деяния – воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями [8, с. 187].

В ст. 3 Федерального закона № 35-ФЗ в содержании понятий «терроризм», «террористическая деятельность» и «террористический акт» также отсутствует какое-либо указание на экстремизм либо мотив ненависти по расовому, национальному, политическому, идеологическому либо социальному признаку.

Как известно, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ).

Доказательствами, которые указывают на собственно экстремистское содержание содеянного, как правило, являются вещественные доказательства и иные документы. Федеральный закон № 114-ФЗ содержит понятия «экстремистские материалы» и «символика экстремистской организации» (ст. 1). Первое из них определяется как предназначенные для обнародования документы (информация на иных носителях),

призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие (оправдывающие) необходимость осуществления такой деятельности. К этим материалам относятся и труды руководителей Национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, а также публикации, которые обосновывают (оправдывают) национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывают практику совершения военных, иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Символикой экстремистской организации признается официально зарегистрированная символика организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ст. 1).

Таким образом, преступления экстремистской направленности совершаются при помощи распространения литературы, видео- и аудиоматериалов, листовок, брошюр, книг, содержащих воззвания, тексты, изображения, рисунки экстремистского характера, включая нацистскую символику и атрибутику. В этих материалах усматриваются признаки возбуждения ненависти или вражды, обосновывается превосходство одной конфессии или национальности над другими, содержится призыв к насильственному искоренению или уничтожению приверженцев иных религиозных убеждений, представителей других народов.

В качестве иллюстрации можно привести пример из судебной практики. Так, К., К. и В. были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 282<sup>1</sup>, пп. «а», «ж», «л» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 (3 эпизода), ч. 2 ст. 213, ч. 2 ст. 214, ч. 3 ст. 223, ч. 3 ст. 222 УК РФ. Среди прочих доказательств, подтверждающих экстремистскую мотивацию совершенных преступлений, были изъяты при осмотре ученические тетради с надписями и рисунками следующего содержания: рисунок из буквы «В», круга, который пересекают две линии, образующие крест, букв «S», «H», «W», «P», знака свастики; рисунок предмета, похожего на сапог, под которым имеется надпись: «Этим бить приятней и хачу веселее!!!»; «Скинхед, не забудь! Ведь ты же на рынок идешь! Возьми же с собой за пазуху нож!»; «Фанат легавых не боится и отомстит за смерть друзей»; «1, 2, 3, 4, 5 – будем чурок убивать» и пр. При осмотре квартир, где проживали К., К. и В., были изъяты DVD-

диски с песнями, озаглавленными «Эра правой руки», «Циклон Б», «Хор SS», «Ф. волков», «Рок кованых сапог»; брошюра «Правый салют», в которой содержатся призывы к уничтожению «антифашистов, пропагандируется движение скинхедов и националистов»; диск с надписью «A.C.A.B.H8-X-EDGE», на котором содержались фотоизображения двух рук, силуэта человека в черном без лица, надпись «Радикальный расизм – наш наркотик-адреналин» и др.

Мотивируя свою позицию при постановлении приговора, суд указал, что «о том, что все трое подсудимых разделяли националистические взгляды, помимо характера их преступлений, совершаемых исключительно в отношении лиц определенной категории, убедительно свидетельствуют вещественные доказательства, изъятые у них дома при обысках, а именно: тетради, DVD-диски, книги, в которых содержатся записи выражений и символики националистического толка, проповедаются ценности этой идеологии» [9].

Аналогичные доказательства могут использоваться при квалификации преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280 УК РФ. В частности, С. обвинялся в совершении действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства человека, группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения. Из материалов дела следовало, что он, проникнувшись идеями национал-социализма, национализма, антисемитизма, имея намерения на осуществление экстремистской деятельности, публично распространял и пропагандировал данные идеи, с этой целью зарегистрировал в сети Интернет (средство коммуникации интерактивного характера) блог-дневник «Живой журнал».

К разряду экстремистских проявлений суд отнес следующую информацию:

размещение в блог-дневнике «Аватара» (графического изображения) – эмблемы национал-социалистической партии Германии – свастики;

пост-материал, содержащий комментарий к кинофильму «Папа», в котором использовались термины «жид», «хач» и производные от них;

в материале о холокосте отрицание факта систематического истребления нацистами евреев в годы Второй мировой войны;

комментарии о В. Новодворской и А. Политковской, содержащие оскорбительный и бранный термин «жид», антисемитскую риторику;

картинку под заголовком «Идет погром», изображающую обычный процесс поиска вирусов антивирусными программами, где вместо файлов указано «проверено гражданами», отмечено

«обезврежено недочеловеков» и «утилизировано жидов», время запуска – 1 января 1939 г. [10].

Чрезвычайно важное значение в расследовании преступлений рассматриваемой направленности имеют специальные познания. Для определения экстремистской направленности материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. В некоторых случаях может возникнуть необходимость производства комплексной экспертизы, к участию в которой, помимо лингвистов, привлекаются историки, религиоведы, политологи и другие специалисты. При этом производство экспертиз целесообразно начинать на самом раннем этапе предварительного расследования, сразу после возбуждения уголовного дела.

При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды [11, с. 16].

Вещественные доказательства, иные документы могут влиять на квалификацию преступлений террористической направленности. В частности, угроза совершения террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) может быть обращена к общественности, государственным органам путем распространения листовок, надписей на стенах зданий и т.д. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205<sup>2</sup> УК РФ) могут быть выражены как в устной, так и письменной форме, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей. При этом вопрос о публичности призывов должен решаться судом, исходя из обстановки и других обстоятельств. Это может быть обращение к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, а также распространение листовок и вывешивание плакатов. Публичные призывы могут осуществляться в виде обращений в информационно-телекоммуникационных сетях, т.е. на сайтах, форумах, в блогах, путем массовой рассылки электронных сообщений и т.п. [12].

Ни один террористический акт не может быть совершен без средств насилия. Одним из таких средств является огнестрельное оружие. Применение огнестрельного оружия для непо-

средственного исполнения террористического акта является квалифицирующим признаком состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205 УК РФ. Помимо этого, диспозиция ч. 1 ст. 205<sup>1</sup> УК РФ рассматривает как содействие террористической деятельности вооружение лица в целях совершения преступлений террористической направленности. Эти действия могут выражаться в предоставлении холодного и огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Завершая исследование, можно еще раз подчеркнуть, что отдельные доказательства (вещественные доказательства, иные документы)

могут влиять на квалификацию преступлений экстремистской и террористической направленности. К этому следует добавить, что нуждается в обновлении понятийно-категориальный аппарат («преступления экстремистской направленности», «преступления террористической направленности»), отсутствуют рекомендации методического характера, которые должны способствовать качественному применению законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности, а также процедур поиска доказательственной информации.

1. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собр. законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

2. Собр. законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

3. Там же. 2002. № 30. Ст. 3031; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.02.2014).

4. Собр. законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146; 2013. № 44. Ст. 5641.

5. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности: приказ Генерального прокурора РФ от 9 нояб. 2009 г. № 362. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Рос. газ. 2011. 4 июля.

7. Кочои С.М. Экстремизм: проблемы противодействия // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия. Саратов, 2005.

8. Юдичева С.А. Актуальные проблемы юридического анализа составов преступлений организации экстремистского сообщества и участия в нем // Новый юридический журнал. 2013. № 2.

9. Архив Нижегородского областного суда, дело № 2-6/10. Приговор от 28 апр. 2010 г.

10. Погодин И.В. Практика рассмотрения дел об экстремистской направленности районными судами // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4.

11. Погодин И.В. Уголовные дела о преступлениях экстремистской направленности в практике мировых судей // Мировой судья. 2012. № 1.

1. About National Security Strategy of the Russian Federation to 2020: decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 № 537 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2009. № 20. Art. 2444.

2. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 41. Art. 3947.

3. Ibid. 2002. № 30. Art. 3031; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 04.02.2014).

4. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Art. 1146; 2013. № 44. Art. 5641.

5. On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of the law on countering extremist activity: order of the General Prosecutor of the Russian Federation of Nov. 19, 2009 № 362. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

6. On judicial practice in criminal cases involving crimes of extremist orientation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 № 11 // Rus. newsp. 2011. July 4.

7. Kochoi S.M. Extremism: how to combat // Modern varieties of Russian and world crime: status, trends, opportunities and prospects of counteraction. Saratov, 2005.

8. Yudicheva S.A. Actual problems of legal analysis of the crimes of an extremist community organization and participation in it // New law journal. 2013. № 2.

9. Archive of the Nizhny Novgorod regional court, case № 2-6/10. Judgment of Apr. 28, 2010.

10. Pogodin I.V. Practice of considering cases of extremist orientation by district courts // Criminal justice. 2011. № 4.

11. Pogodin I.V. Criminal cases involving crimes of an extremist in practice magistrates // Magistrate. 2012. № 1.

12. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1 // Рос. газ. 2012. 17 февр.

12. *On some issues of judicial practice in criminal cases involving crimes of terrorist nature: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Febr. 9, 2012 № 1 // Rus. newsp. 2012. Febr. 17.*

**Владими́рова Ю́лия Константи́новна**  
аспирант юридического факультета  
Воронежского государственного университета  
(e-mail: rusgirl-s15@yandex.ru)

## *Классификация уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы*

В статье рассматриваются права участников уголовного процесса. Особое внимание уделяется подозреваемым и обвиняемым, анализируется действующее законодательство. Автором предлагается классификация уголовно-процессуальных прав лиц, содержащихся под стражей.

**Ключевые слова:** уголовно-процессуальные права, лицо, содержащееся под стражей, обеспечение прав и свобод личности, классификация.

**Yu.K. Vladimirova**, Post-graduate of the Faculty of Law of the Voronezh State University; e-mail: rusgirl-s15@yandex.ru

### **Classification of criminal-procedural rights of the participants of criminal proceedings, custody or serving a sentence of imprisonment**

In the article the rights of participants of criminal proceedings are considered. The special attention is paid to suspected and accused, the current legislation is analyzed. The author offers classification of the criminal procedure rights of the persons holding in custody.

**Key words:** criminal-procedural rights, detainee, ensuring personal rights and freedoms, classification.

**В**опросы, касающиеся классификации в уголовно-процессуальной науке, относятся к числу обязательных и необходимых условий научного исследования уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства. В специальной литературе обоснованно подчеркивается, что задачи, решаемые научной классификацией, многосторонние: сбор и систематизация нового фактического материала, выработка единой научной терминологии, открытие новых законов, теоретическое обобщение, обоснование новых разделов теории, предсказание и доказательство новых, еще неизвестных видов исследуемых явлений и объектов, путей и форм их развития [1, с. 1].

Отметим, что классификационная система уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы, должна иметь практическое значение. Она необходима для четкого уяснения фактического содержания уголовно-процессуальных прав данной категории участников

уголовного судопроизводства и правовых механизмов их реализации на практике работниками правоохранительных органов, адвокатами и судами.

Классификацию уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей, можно осуществлять по различным основаниям.

В частности, уголовно-процессуальные права участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы, можно разделить в зависимости от места нахождения этих лиц в учреждениях МВД России, ФСБ РФ, ФСИН РФ.

На основании данного критерия можно выделить следующие группы:

1. Уголовно-процессуальные права лиц, находящихся «в местах содержания под стражей».

В данном случае выделяются следующие подгруппы:

уголовно-процессуальные права лиц, находящихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел;

уголовно-процессуальные права лиц, находящихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов федеральной службы безопасности;

уголовно-процессуальные права лиц, находящихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, а также в ПФРСИ (помещения, функционирующие в режиме следственного изолятора) в исправительных колониях ФСИН;

уголовно-процессуальные права лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы;

уголовно-процессуальные права лиц, находящихся в местах, определяемых капитанами морских судов, находящихся в дальнем плавании или начальниками зимовок в период отсутствия транспортных связей с зимовками.

2. Уголовно-процессуальные права лиц, находящихся в «местах отбывания наказания в виде лишения свободы».

В данной классификационной группе выделяются следующие подвиды:

уголовно-процессуальные права лиц, находящихся в исправительных колониях: колониях-поселениях; исправительных колониях общего режима; исправительных колониях строгого режима, исправительных колониях особого режима;

уголовно-процессуальные права лиц, находящихся в воспитательных колониях;

уголовно-процессуальные права лиц, находящихся в тюрьмах;

уголовно-процессуальные права лиц, находящихся в лечебных исправительных учреждениях;

уголовно-процессуальные права лиц, находящихся в следственных изоляторах, в случаях, когда следственные изоляторы выполняют функцию исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию; осужденных, в отношении которых приговор суда вступил в законную силу и которые подлежат направлению в исправительные учреждения для отбывания наказания; осужденных, перемещенных из одного места отбывания наказания в другое; осужденных, оставленных в следственном изоляторе или переведенных в следственный изолятор в порядке, установленном ст. 77.1 УИК РФ, а также осужденных на срок не свыше 6 месяцев, оставленных в следственных изоляторах с их согласия (ч. 1 ст. 74 УИК РФ).

Отметим, что классификация уголовно-процессуальных прав как лиц, содержащихся под стражей, так и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, по иным основаниям, в частности по содержанию, будет носить скорее формальный характер. Содержание уголовно-процессуальных прав для всех лиц, независимо от того, находятся они в определенных местах содержания под стражей либо отбывают наказание в местах лишения свободы, должно быть единым. Иное означало бы приоритет места нахождения подозреваемого, обвиняемого над общим процессуальным статусом указанных субъектов уголовного судопроизводства, что противоречит принципам уголовного судопроизводства Российской Федерации и требованиям международных правовых стандартов.

Однако подчеркнем, что место нахождения определенных групп подозреваемых или обвиняемых существенным образом сказывается на особенностях реализации уголовно-процессуальных прав данных субъектов уголовного судопроизводства. В частности, крайне негативные последствия для механизма реализации указанных прав имеет нахождение подозреваемых, обвиняемых в местах, определяемых капитанами морских судов, находящихся в дальнем плавании, или начальниками зимовок в период отсутствия транспортных связей с зимовками.

В связи с нахождением подозреваемых, обвиняемых в указанных местах возникает несколько проблем, связанных с обеспечением уголовно-процессуальных прав подозреваемых, обвиняемых.

В частности, представляет несомненный интерес проблема получения санкции на арест лиц, которые задержаны лицами, выполняющими функции органов дознания в указанных местах. Думается, настоящая процессуальная регламентация разрешения данной проблемы позволяет говорить об ущемлении права указанных лиц на законность заключения под стражу. В литературе предлагаются различные варианты решения данной проблемы. Так, М.С. Александров, констатируя, что в УПК РФ не предусмотрена специальная форма для применения мер пресечения в особых условиях, предлагает следующий вариант решения проблемы. Данная ситуация, по его мнению, может быть разрешена введением ареста без ордера (так называемый гражданский арест без решения суда) при соблюдении условий, указанных в ст. 91 УПК РФ, до доставления задержанного правоохранительным органам порта приписки или властям прибрежного государства. Постанов-

ление об аресте выносится капитаном судна или другим лицом, выполняющим функции органов дознания [2, с. 46].

Согласиться с указанным вариантом нельзя. Прежде всего, указанное предложение противоречит положению ч. 1 ст. 1 УПК РФ о том, что порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции РФ. В ч. 2 ст. 22 Конституции РФ однозначно указывается, что арест, заключение под стражу допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Кроме того, данное предложение противоречит и законодательному положению о том, что лица, указанные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, производящие задержание в труднодоступных местах, входят в общую систему органов дознания, следовательно, должны подчиняться общим правилам производства дознания, установленным УПК РФ. Напомним, что законодатель отнес к таким лицам не только капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании [3, с. 26], но и руководителей геологоразведочных партий и зимовок, начальников российских арктических станций и сезонных полевых баз (пп. 1 и 2 ч. 3 ст. 40 УПК РФ).

Считаем, что в целях обеспечения уголовно-процессуальных прав лиц, которые задерживаются капитанами и другими лицами, указанными в пп. 1 и 2 ч. 3 ст. 40 УПК РФ, следует внести в ст. 46 УПК РФ следующее дополнение: «Лица, указанные в пп. 1 и 2 ч. 3 ст. 40 УПК РФ, обязаны обеспечить посредством использования информационно-телекоммуникационных систем уголовно-процессуальные права лиц, в отношении которых они возбудили уголовное дело и произвели задержание, в том числе права на защиту и судебный порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу».

Отметим, что большинство представителей практически всех опрошенных профессиональных групп участников уголовного судопроизводства (следователи, прокуроры, судьи и адвокаты) положительно отнеслись к указанному предложению. Попутно отметим, что в уточнении нуждается механизм обеспечения права лиц, задержанных в дальнем плавании, на разумный срок уголовного судопроизводства. В связи с этим следует согласиться с высказанным в литературе предложением о том, что в УПК РФ необходимо закрепить норму, в соответствии с которой капитан обязан задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, до передачи его компетентным органам в ближай-

шем порту или ближайшем населенном пункте Российской Федерации [4, с. 32].

Анализ законодательства и практики уголовного судопроизводства, а также результаты проведенного автором опроса практических работников позволяют выделить следующие классификационные группы уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы.

1. Уголовно-процессуальное право на защиту и представительство. В свою очередь, с учетом процессуального статуса участников уголовного судопроизводства рассматриваемого вида в структуре данного права выделяются:

уголовно-процессуальное право на защиту и представительство подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы;

уголовно-процессуальное право на представительство потерпевших и свидетелей, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Стоит отметить, что указанное право по своему содержанию представляет особую значимость и важность для обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В такой оценке единодушны и теоретики и практики уголовного судопроизводства. Так, М.С. Строгович указывал, что право обвиняемого на защиту есть основа всех процессуальных прав, предоставляемых законом обвиняемому, интегрированное выражение этих прав [5, с. 17].

Не случайно подавляющее большинство опрошенных нами профессиональных участников уголовного судопроизводства отметили указанное право как наиболее важное в системе уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы.

2. Уголовно-процессуальное право на разумный срок уголовного судопроизводства:

В структуре данного права выделяются:

уголовно-процессуальное право на разумный срок задержания;

уголовно-процессуальное право на разумный срок содержания под стражей;

уголовно-процессуальное право на разумный срок досудебного уголовного судопроизводства;

уголовно-процессуальное право на разумный срок судебного уголовного судопроизводства.

По уровню значимости данное право, по оценке опрошенных работников правоохранитель-

ных органов, уступает лишь праву на защиту и представительство.

3. Уголовно-процессуальное право участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы, на уважение чести и достоинства личности.

Недооценка указанного права и его реализации в уголовном судопроизводстве недопустима. Именно субъекты уголовного судопроизводства, находящиеся под стражей или отбывающие наказание в виде лишения свободы, наиболее часто подают жалобы в Европейский суд по правам человека на нарушение права не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. В большинстве случаев эти жалобы удовлетворялись.

4. Уголовно-процессуальное право участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы, на предоставление права на личную безопасность в ходе уголовного судопроизводства.

5. Уголовно-процессуальное право участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы, на личное участие в уголовном судопроизводстве, в том числе на представление доказательств и участие в формировании доказательств. Данное право имеет особую актуальность для указанной категории лиц ввиду обширной территории Российской Федерации и распространенности значительной

удаленности мест содержания под стражей и мест отбывания наказания в виде лишения свободы от мест нахождения судебных инстанций, особенно кассационных.

6. Уголовно-процессуальное право участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы, на обжалование процессуальных действий и решений. В условиях ограниченности свободы передвижения указанных субъектов уголовного судопроизводства реализация права на обжалование является основным средством, к которому прибегают данные участники для обеспечения иных принадлежащих им уголовно-процессуальных прав и законных интересов. Как показывает практика уголовного судопроизводства, указанное право реализуется достаточно активно и является наиболее распространенным и доступным для указанных участников уголовного судопроизводства способом обращения внимания на нарушения и упущения со стороны органов уголовной юстиции в сфере обеспечения их прав.

Предлагаемая в данной статье классификация процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых не является исчерпывающей, но отражает обязательный перечень прав, содержащихся в процессуальном законодательстве Российской Федерации. Безусловно, дальнейшее изучение и совершенствование данной отрасли уголовно-процессуального права являются необходимыми для достижения задач уголовного судопроизводства.

1. Бойко А.П. *Логический анализ структуры классификации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983.*

2. Александров М.С. *Дознание на судах, находящихся в плавании // Российский судья. 2010. № 6.*

3. Смотряева Н.П. *Правовое положение капитана судна при осуществлении функций органов дознания // Науч. тр. Моск. гуманитарн. ун-та. 2006. Вып. 67.*

4. Малаев С.С. *Механизм действия уголовно-процессуального закона в пространстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 4.*

5. Строгович М.С. *Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1975.*

1. Boyko A.P. *Logical analysis of the classification structure: auth. abstr. ... Master of Philosophy. Moscow, 1983.*

2. Alexandrov M.S. *Enquiry on ships at sea // Russian judge. 2010. № 6.*

3. Smotryaeva N.P. *Legal status of the ship's captain in the exercise of functions of inquiry bodies // Proc. of the Moscow Humanitarian University. 2006. Iss. 67.*

4. Malaev S.S. *Mechanism of action of the criminal-procedural law in space // International criminal law and international justice. 2011. № 4.*

5. Strogovich M.S. *The defendant's right to a defense and the presumption of innocence. Moscow, 1975.*

**Брылев Виктор Иванович**

доктор юридических наук,  
профессор кафедры криминалистики  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583181)

**Лях Лариса Анатольевна**

кандидат юридических наук,  
доцент кафедры криминалистики и правовой информатики  
Кубанского государственного университета  
(тел.: +79094627901)

## *Теоретические основы и актуальные проблемы экологического права на современном этапе развития криминалистики*

В статье рассматриваются вопросы создания частной криминалистической теории – экологического права.

**Ключевые слова:** охрана окружающей среды, экологическое право, преступления, экологические преступления, предмет, объект, расследование.

**V.I. Brylev**, Doctor of Law, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583181;

**L.A. Lyakh**, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Criminalistics and Legal Informatics of the Kuban State University; tel.: +79094627901.

### **Theoretical foundations and challenges of ecology science at the present stage of development of criminalistics**

In article questions of creation of the private criminalistic theory – an ecology science are considered.

**Key words:** environmental protection, ecology science, crimes, ecological crimes, subject, object, investigation.

Охрана окружающей природной среды – одно из важнейших направлений деятельности государства. В ст. 42 Конституции РФ отмечено: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением».

Охрана окружающей среды регламентирована многочисленными экологическими, природо-ресурсными и иными законодательными актами Российской Федерации и ее субъектов, указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, актами министерств и ведомств, в том числе санитарными правилами, стандартами (ГОСТами), инструкциями и методическими письмами, имеющими нормативный характер, нормативно-правовыми актами органов местного самоуправления.

Экологические преступления в соответствии с гл. 26 УК РФ относятся к преступлениям против

общественной безопасности и общественного порядка и наносят огромный вред окружающей природной среде. Данные общественно опасные деяния, особенно связанные с нарушением правил охраны окружающей среды, можно классифицировать на следующие группы:

- при производстве различных работ;
- при обращении с экологически опасными веществами и отходами;
- при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами;
- при охране водной, морской и воздушной среды;
- при охране водных биологических ресурсов;
- при землепользовании;
- при использовании недр; и др.

В соответствии с гл. 34 УК РФ экологические преступления будут отнесены к преступлениям против мира и безопасности человечества, если в результате противоправных действий произойдет массовое уничтожение растительного

или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершены иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу (ст. 358 УК РФ «Экоцид»).

Как отмечает Н.П. Яблоков, данные преступления «весьма разноплановы, но все они связаны с нарушением самых различных правил, требований, положений и норм экологического характера, обеспечивающих экологическую безопасность природного и животного мира и населения» [1, с. 762].

Продолжает сохраняться тенденция угрожающего распространения преступлений против экологической безопасности в стране и за рубежом [2, с. 266–267; 3, с. 32–34; 4, с. 15–16]. В 2013 г. в России зарегистрировано 24728 экологических преступлений, что на 10,4% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Остались нераскрытыми 11300 преступлений. В числе тяжких и особо тяжких преступлений удельный вес экологических преступлений составил всего 4,6%.

Однако следует отметить, что данная статистика не соответствует реальной ситуации, поскольку преступления против экологической безопасности имеют высокую латентность. Это связано, как отмечено в литературе, с несовершенством государственного экологического контроля, отсутствием современных методик оценки причиненного ущерба, сокращением расходов руководителями предприятий на охрану окружающей среды [5, с. 5].

Вопросы борьбы с экологическими преступлениями широко обсуждаются в юридической литературе по уголовному праву, а также рассматриваются в диссертационных исследованиях многими учеными-криминалистами (О.М. Головань, Л.А. Иванова, С.В. Кричун, Е.В. Осипова, С.А. Рузметов и др.).

Научные исследования по данной проблеме, несомненно, способствовали совершенствованию методики расследования экологических преступлений. В частности, в юридической литературе отмечено, что «криминалистические характеристики всех входящих в эту группу общественно опасных деяний имеют однотипные, во многом аналогичные черты и признаки. Они проявляются, в частности, в своеобразии поведения правонарушителей, обстановке, механизме и мотивах совершения данных преступлений, типологических чертах личности правонарушителей и характере ущерба» [6, с. 499].

Представляется, что высказанная ранее идея о необходимости разработки и обоснования на современном этапе новой концептуальной частной криминалистической теории «крими-

налистическое экологоведение» [7, с. 533–537] нашла свое подтверждение. Это, на наш взгляд, обусловлено отсутствием на современном этапе системного подхода в оптимизации расследования преступлений против экологической безопасности.

Криминалистическое экологоведение, наряду с имеющимися частными криминалистическими теориями (например, оружиеведение, взрывоведение и др.), должно занять достойное место в процессе своего дальнейшего развития и систематизации.

Объектом криминалистического экологоведения должна являться деятельность правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений против экологической безопасности, а также незаконная деятельность субъектов, совершающих преступления против окружающей природной среды.

Предметом криминалистического исследования являются закономерности совершения преступлений против экологической безопасности, а также основанные на познании данных закономерностей организационные и тактические особенности выявления и расследования правоохранительными органами экологических преступлений.

Целью криминалистического экологоведения как частной криминалистической теории является разработка обоснованных научных положений и эффективных методических рекомендаций, направленных на дальнейшее совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию экологических преступлений.

Реализация указанной цели предполагает решение следующих задач:

1) с учетом анализа структуры экологических преступлений, практики их расследования в России и международного опыта определить криминалистическую классификацию и характерные черты преступлений в сфере экологической безопасности, в том числе транснациональных; предложить пути разрешения возникших проблем;

2) разработать групповую криминалистическую характеристику экологических преступлений, выявить взаимосвязи и взаимозависимости между ее основными структурными элементами;

3) выявить проблемы криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования экологических преступлений;

4) выявить и рассмотреть содержание и классификацию типовых исходных следственных и оперативно-розыскных ситуаций, обуславливающих оптимальную систему эффективных

программ следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в расследовании экологических преступлений;

5) определить важнейшие направления взаимодействия правоохранительных, природоохранных и других органов, в том числе на международном уровне, в расследовании преступлений экологической безопасности;

6) с учетом международного опыта определить важнейшие направления международного сотрудничества в расследовании экологических преступлений;

7) выработать рекомендации для правоохранительных органов по совершенствованию раскрытия и расследования экологических пре-

ступлений, а также законодательных норм и ведомственных нормативных актов по пресечению и профилактике исследуемых преступлений.

Представляется, что разработка частной криминалистической теории «криминалистическое экологоведение» является одним из актуальных и приоритетных направлений в научных исследованиях и подтверждает необходимость разработки криминалистической концепции научного прогнозирования динамики совершения экологических преступлений и внедрения полученных результатов в практическую деятельность правоохранительных органов по оптимизации расследования преступлений против экологической безопасности человечества.

1. Яблоков Н.П. *Расследование экологических преступлений* // *Криминалистика: учеб. / отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 2005.*

2. Брылев В.И., Лях Л.А. *Ядерная и биологическая угроза со стороны террористов* // *Общество и право. 2011. № 5(37).*

3. Брылев В.И., Лях Л.А. *Экология и организованная преступность* // *Изв. Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2012. Вып. 1. Ч. 2: Юридические науки.*

4. Брылев В.И., Лях Л.А. *Борьба с экологическими преступлениями за рубежом* // *Юрид. вестн. Кубан. гос. ун-та. 2012. № 3(12).*

5. Осипова Е.В. *Теоретические и практические проблемы расследования экологических преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2005.*

6. Яблоков Н.П. *Расследование преступных нарушений правил охраны окружающей природной среды* // *Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. И.Ф. Герасимова. М., 1994.*

7. Брылев В.И., Лях Л.А. *Криминалистическое экологоведение* // *Экология и уголовное право: поиск гармонии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Геленджик, 6–9 окт. 2011 г.). Краснодар, 2011.*

1. Yablokov N.P. *Investigation of ecological crimes* // *Criminalistics: textbook / resp. ed. N.P. Yablokov. Moscow, 2005.*

2. Brylev V.I., Lyakh L.A. *Nuclear and biological threat from terrorists* // *Society and law. 2011. № 5(37).*

3. Brylev V.I., Lyakh L.A. *Ecology and organized crime* // *News of the Tula state university. Economics and jurisprudence. 2012. Iss. 1. Pt. 2: Jurisprudence.*

4. Brylev V.I., Lyakh L.A. *Fight against ecological crimes abroad* // *Legal bull. of the Kuban state university. 2012. № 3(12).*

5. Osipova E.V. *Theoretical and practical problems of investigation of ecological crimes: auth. abstr. ... Master of Law. Kaliningrad, 2005.*

6. Yablokov N.P. *Investigation of criminal violations of the rules of protection of surrounding environment* // *Criminalistics: textbook for higher education institutions / ed. by I.F. Gerasimov. Moscow, 1994.*

7. Brylev V.I., Lyakh L.A. *Criminalistic ecology science* // *Ecology and criminal law: harmony search: proc. of the Intern. sci.-pract. conf. (Gelendzhik, Oct. 6–9, 2011). Krasnodar, 2011.*

**Важенин Вячеслав Валерьевич**

кандидат юридических наук, доцент,  
начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности  
в органах внутренних дел  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79181919530)

**Баженов Сергей Викторович**

кандидат юридических наук,  
начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности  
органов внутренних дел  
Омской академии МВД России  
(тел.: +79131540275)

**Сафронов Андрей Алексеевич**

кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности  
в органах внутренних дел  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79615806985)

## *Гласное обследование: подготовка, проведение, использование результатов*

В статье раскрываются вопросы получения судебного решения и оформления письменного распоряжения на проведение гласного обследования, оформления результатов его проведения, изъятия в ходе обследования предметов, веществ и документов.

**Ключевые слова:** гласное обследование, судебное решение, письменное распоряжение, акт обследования, протокол изъятия.

**V.V. Vazhenin**, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79181919530;

**S.V. Bazhenov**, Master of Law, Head of a Chair of Operative and Detective Activity of Law-enforcement Bodies of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79131540275;

**A.A. Safronov**, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79615806985.

**Vowels survey: preparation, holding, use of results**

This article reveals how to obtain a judgement and a written order for a vowels survey, considers the results of the work, seizure of items, substances and documents during the survey.

**Key words:** vowels survey, judgement, written order, survey act, seizure protocol.

**В** настоящее время оперативно-розыскная деятельность имеет ярко выраженную тенденцию к кодификации. Издаётся множество нормативных правовых актов, многие из которых противоречат друг другу. При этом следует отметить, что если процедура проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), ограничивающих конституционные или охраняемые иными федеральными законами права и свободы

граждан, более-менее устоялась, то проведение многих гласных мероприятий такого рода требует решения значительного числа проблем. Мы предприняли попытку рассмотреть часть из них, касающуюся гласного обследования.

30 марта 2010 г. был принят приказ МВД России № 249 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий,

сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – Инструкция о проведении гласного обследования).

В приказе подробно расписан порядок оформления в ходе обследования протокола изъятия предметов, веществ или документов, однако каким документом оформляется само обследование, в нем не указано. В приказе содержится положение, в соответствии с которым его действие не распространяется на обследование жилых помещений. Кроме того, и в нем и в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] отсутствует само определение обследования.

Часть этих вопросов была снята после принятия в апреле 2013 г. ведомственного нормативного правового акта (приказа) МВД России, регламентирующего основы организации и тактики оперативно-розыскной деятельности (ОРД) органов внутренних дел, имеющего гриф ограниченного доступа.

В этом приказе было указано, что обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств – это ОРМ, которое заключается в гласном или негласном проникновении и осмотре указанных объектов с целью обнаружения следов преступления, орудий совершения преступления, иных предметов, веществ или документов, вероятно имеющих отношение к совершению преступления, а равно и для решения иных конкретных задач ОРД.

Обследование проводится гласно в случаях, не требующих сокрытия его целей. Если в ходе проведения гласного обследования получены сведения, распространение которых может привести к разглашению оперативно значимой информации, они отражаются в справке (рапорте), оформляемой в соответствии с требованиями режима секретности.

Из содержания приказа следует, что само проведение гласного обследования оформляется справкой или рапортом при его осуществлении сотрудником оперативного подразделения; актом при проведении зашифрованного оперативного осмотра с участием других лиц и специалистов, соответствующего требованиям, предъявляемым к составлению протокола осмотра места происшествия, или актом, форма которого установлена для ведомства (службы), под видом которого он проводился.

Проведение зашифрованного гласного обследования по требованиям, предъявляемым к составлению протокола осмотра места происшествия, на наш взгляд, неосуществимо. Скорее всего, слово «зашифрованного» в приказе относится только к последнему основанию для составления акта.

Таким образом, само проведение гласного обследования с участием иных лиц и специалистов оформляется актом, а проводимое в его ходе изъятие предметов, веществ или документов – протоколом изъятия.

При проведении обследования допустимо изъятие не только предметов и веществ, ограниченных или запрещенных в гражданском обороте, но и иных имеющих значение для решения задач ОРД по пресечению и раскрытию преступлений. Конституционный Суд РФ в определении от 15 июля 2004 г. № 304-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трифионовой Валентины Степановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”» [2] и в постановлении от 20 мая 1997 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 4 и 6 статьи 242 и статьи 280 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Новгородского областного суда» [3] признал конституционность изъятия имущества органами, осуществляющими ОРД, в ходе осуществления ОРМ. Он разъяснил, что оно носит временный характер, не приводит к его отчуждению и не порождает перехода права собственности к государству. Свое дальнейшее развитие это положение получило в последней редакции п. 1 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД, разрешающей производить при проведении ОРМ изъятие документов, предметов, материалов и сообщений.

В соответствии с требованиями Инструкции о проведении гласного обследования для принятия решения о назначении его проведения сотрудник подразделения органа внутренних дел, правомочный осуществлять ОРД, располагающий сведениями о влекущем уголовную ответственность нарушении законодательства Российской Федерации, в случае, если не имеется достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, с согласия непосредственного начальника представляет руководителю мотивированный рапорт.

В рамках возбужденного уголовного дела проведение обследования, по нашему мнению, не допускается. В случае необходимости осуществляются следственные действия «осмотр» или «обыск». Это положение закреплено в определении Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Фе-

дерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»», в котором сказано, что «проведение оперативно-розыскных мероприятий, сопровождающих производство предварительного расследования по уголовному делу, не может подменять процессуальные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом» [4].

Проведение обследования назначает должностное лицо органа внутренних дел путем вынесения соответствующего распоряжения по установленной форме. Распоряжение регистрируется в специальном журнале.

В приказе отсутствуют указания, что делать, если необходимо срочно провести обследование, а сотрудник находится далеко от помещения органа внутренних дел и от руководителя, имеющего право издавать распоряжение.

На наш взгляд, необходимо внести изменения в приказ МВД России № 249, предусмотрев возможность проведения обследования после устного согласования с руководителем с указанием в распоряжении времени согласования и данных лица, с которым оно было согласовано. В течение 24 часов после обследования такое распоряжение будет необходимо подписать у руководителя и зарегистрировать в соответствующем журнале.

Количество экземпляров распоряжения в приказе не предусмотрено, но из п. 6 Инструкции о порядке проведения гласного обследования вытекает, что копия распоряжения вручается под роспись представителю юридического лица либо физическому лицу для ознакомления.

Кроме того, в приказе МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» дан перечень ОРМ, подлинник постановления о проведении которых при представлении уполномоченным должностным лицам (органам) результатов ОРД представляется вместе с ними, а копии указанных постановлений подлежат хранению в материалах дела оперативного учета, материалах оперативной проверки либо, в случае их отсутствия, приобщаются к материалам номенклатурного (литерного) дела. Гласное обследование в этом перечне отсутствует, но, исходя из упомянутого выше п. 6 Инструкции о проведении гласного обследования, его необходимо в него включить.

Таким образом, полагаем, что распоряжение необходимо выносить в 3 экземплярах: первый

передается в следствие или дознание вместе с результатами ОРД, второй – обследуемому лицу, а третий (копия) – в материалы дела оперативного учета, материалы оперативной проверки либо, в случае их отсутствия, приобщается к материалам номенклатурного (литерного) дела.

Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация, когда идентифицирующие данные об объекте обследования или о его принадлежности неизвестны или установлены только частично. Это бывает, например, при проведении проверочной закупки, когда известны место и время сбыта, а сведения о сбытчике и его транспортном средстве отсутствуют. По нашему мнению, выходом из такой ситуации будет служить вынесение распоряжения о проведении гласного обследования автомашины, на которой сбытчик в определенное время прибудет в установленное место для сбыта товара.

Нельзя не обратить внимания и на противоречия между Федеральными законами «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О полиции» [5]. Пункт 16 ч. 1 ст. 13 последнего закрепляет право сотрудников полиции осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения. Считаем, что при проведении комплекса ОРМ необходимо проводить обследование по правилам оперативно-розыскного производства, максимально приближенным к уголовно-процессуальным требованиям, а при непосредственном обнаружении запрещенных предметов и веществ или получении информации о них сотрудниками неоперативных служб необходимо проводить досмотр по правилам административного законодательства.

Как мы уже упоминали, гласное обследование жилища под действие Инструкции о проведении гласного обследования не подпадает, однако, учитывая отсутствие его правового регулирования, суды обычно предъявляют требования к оформлению документов на его проведение аналогично предусмотренным в Инструкции, т.е. с составлением письменного распоряжения и регистрацией его в специальном журнале. На практике даже сейчас часто считается, что проведение гласного обследования жилища

допускается только с согласия присутствующих при этом или проживающих в нем совершеннолетних дееспособных лиц. Однако это положение содержалось только в уже отмененном ведомственном приказе и противоречит смыслу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1993 г. № 13 (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 6 февраля 2007 г. № 7) «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» [6], которое разрешает проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц на основании судебного решения и обязывает соответствующие суды рассматривать материалы, подтверждающие необходимость проникновения в жилище, если таковые представляются в суд. В определениях Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2003 г. № 498-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Чумакова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статей 123 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [7] и от 19 февраля 2009 г. № 114-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева Вячеслава Павловича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» [8] также указывается на допустимость проведения на основании судебного решения гласного обследования жилища против воли проживающего там лица.

Часть 1 ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указывает, что рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ осуществляется судом, как правило, по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении. В последнем случае оперативное подразделение-инициатор направляет поручение органу дознания по месту его проведения на проведение оперативно-розыскного мероприятия, прилагая к нему судебное решение.

Однако суд какого уровня должен рассматривать материалы, нигде не регламентировано. Согласно ст. 21.1 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в редакции от 21 декабря 2013 г.) «О государственной тайне» [9] все судьи имеют доступ к работе со сведениями, составляющими государственную тайну. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1993 г. № 13

рекомендует принимать к своему рассмотрению материалы, подтверждающие необходимость ограничения права гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, Верховному суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального подчинения, суду автономной области или автономного округа. Также оно указывает, что «исходя из того, что никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения, вышеназванные суды должны рассматривать материалы, подтверждающие необходимость проникновения в жилище, если таковые представляются в суд».

В большинстве областей России разрешение на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, дают председатель суда субъекта Федерации, его заместитель либо специально выделенный судья. Опрос сотрудников органов внутренних дел Сибирского и Центрального федеральных округов показал, что в ряде регионов России это разрешение может дать в случае необходимости (отдаленность от областного центра, пр.) председатель районного (окружного) суда, для чего он получает в вышестоящем суде журнал учета постановлений о выдаче разрешений на проведение оперативно-розыскных мероприятий. Это положение обосновывается тем, что в уже приводившемся выше постановлении от 24 декабря 1993 г. отмечено, что районные суды и гарнизонные военные суды не могут отказать в рассмотрении таких материалов в случае представления их в эти суды, а обеспечение надлежащего учета и хранения судебных решений по рассмотренным материалам возложено им на председателей судов.

При этом в результате интервьюирования руководства ряда судов Сибирского федерального округа было установлено, что они придерживаются позиции, согласно которой данное ими разрешение дает право сотрудникам полиции, если им отказываются открыть дверь квартиры, вскрыть ее. Действия сотрудников внутри помещения должны оцениваться отдельно. В случае необходимости проведения обследования с вскрытием или взломом запертых хранилищ, что относится и к обследованию помещений учреждений, организаций и т.п., это должно быть отражено в судебном решении. Поскольку постановление судьи предьявляется обследуемому лицу, оно должно носить несекретный характер, хотя постановление с ходатайством о его проведении может иметь гриф секретности.

Следует отметить, что проведение обследования с целью обнаружения информации, охраняемой иными федеральными законами, в настоящее время также допускается только на основании судебного решения. Это вытекает из требований ст. 89 УПК РФ, которая устанавливает, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом. Учитывая, что п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ гласит, что только суд правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, аналогичные требования должны предъявляться и к оперативно-розыскным мероприятиям.

Что же можно отнести к такой тайне? К ней в соответствии с Указом Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 (в редакции от 23 сентября 2005 г.) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» [10] относятся коммерческая, адвокатская тайны и др.

Кроме того, ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в редакции от 28 декабря 2013 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [11] предусматривает определенные ограничения доступа к информации. В ней указано, что информация, полученная гражданами (физическими лицами) при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности (профессиональная тайна), подлежит защите в случаях, если на эти лица федеральными законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации. Информация, составляющая профессиональную тайну, может быть предоставлена третьим лицам в соответствии с федеральными законами и (или) по решению суда.

Таким образом, на получение в ходе ОРМ сведений, содержащих коммерческую [12], аудиторскую [13], адвокатскую [14] тайну, тайну страхования [15], а также информации, полученной ломбардом от заемщика или поклажедателя в связи с заключением договора займа или договора хранения, за исключением наименования, описания технических, технологических и качественных характеристик не востребованной вещи, на которую в порядке, установленном ст. 12 Федерального закона от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ (в редакции от 2 ноября 2007 г.) «О ломбардах», обращено взыскание [16], также требуется решение суда.

Например, согласно ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» проведение обследования кабинета адвоката допускается только на основании судебного решения.

Пункт 12 Инструкции о порядке представления результатов ОРД в случае представления уполномоченным должностным лицам (органам) результатов ОРД, полученных при проведении ОРМ, которые ограничивают конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность жилища, требует, чтобы к ним прилагались копии судебных решений о проведении ОРМ.

Представление результатов ОРМ, ограничивающих права и свободы, охраняемые иными федеральными законами, в Инструкции не рассматривается, но мы считаем, что требования к ним должны быть аналогичными предъявляемым к тем, которые ограничивают конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность жилища. То есть вместе с результатами необходимо представлять копию судебного решения.

Необходимо учитывать, что условием для проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, предусмотренные ч. 2 ст. 23, ст. 25 Конституции РФ, служит указанное в ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД требование о наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно, а также о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно. Таким образом, проведение обследования жилища по факту, например, хранения оружия при отсутствии квалифицирующих признаков запрещено, т.к. расследование преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222 УК РФ, относится к компетенции органов дознания.

Наиболее противоречивым является применение на практике положений ст. 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в редакции от 2 ноября 2013 г.) «О противодействии терроризму» [17] о беспрепятственном проникновении лиц, проводящих контртеррористическую операцию, в жилые и иные принадлежащие физическим лицам помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещении организаций независимо от форм собственности для осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом. Фактически сотрудники правоохранительных органов проводят гласное обследование. Если в его ходе осуществляется проникновение в жилище, то в соответствии с

ч. 2 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» необходимо получить разрешение суда. Однако практика показывает, что при проведении поисковых мероприятий в масштабах населенного пункта судебное решение не выносится, а сотрудники действуют на основании боевого распоряжения или приказа, в ряде случаев согласованного с администрацией муниципального образования. Кроме того, согласно ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (в редакции от 7 февраля 2011 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» [18], орган по борьбе с терроризмом в течение 24 часов с момента ограничения права граждан на неприкосновенность жилища обязан уведомить об этом не суд, а прокурора. Тем не менее, гласное обследование отдельного жилища даже в ходе контртеррористической операции в настоящее время проводится на основании судебного решения.

В определении Конституционного Суда РФ от 24 января 2006 г. № 27-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киштыкова Далхата Карабашевича на нарушение его конституционных прав статьей 9 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”» [19] также указывается на допустимость проведения в ходе контртеррористической операции на основании судебного решения гласного обследования жилища против воли проживающего там лица. В нем указано, что «при принятии такого решения подлежат оценке и учету также иные обстоятельства, обуславливающие необходимость производства того или иного мероприятия, в том числе связанные с закрепленными Федеральным законом от 25 июля 1998 года “О борьбе с терроризмом”, а также нормативными правовыми актами, направленными на обеспечение законности на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, основаниями и условиями проведения антитеррористических операций и особенностями правового режима в зоне таких операций».

Следует отметить, что при изъятии имущества требуется соблюдать права и законные интересы граждан. Владельцу жилища для обеспечения возможного обжалования действий сотрудников органов внутренних дел должна быть оставлена копия протокола. Если при проведении гласных ОРМ изымаются документы или электронные носители информации, то с них изготавливаются копии, которые заверяются должностным лицом, изъявшим документы, и передаются лицу, у которого изымаются документы, о чем делается запись в протоколе.

В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что не допускается копирование документов и (или) информации, содержащейся на изымаемых электронных носителях информации, если это может воспрепятствовать осуществлению оперативно-розыскной деятельности. В научно-практическом комментарии к этому закону [20, с. 193–194] приводятся также ситуации, когда на документах или электронных носителях содержится противоправная информация (например, экстремистская литература) или информация ограниченного распространения (содержащая государственную тайну). Кроме того, в ряде случаев информация, записанная на электронном носителе, при копировании может быть уничтожена, изменена или повреждена.

На наш взгляд, в этом случае о данном факте должна быть сделана запись в протоколе изъятия. Авторы комментария предлагают также разъяснять обследуемому лицу его право на обжалование действий должностных лиц, осуществляющих ОРД, о чем тоже делать запись в протоколе.

Несмотря на большое количество противоречий в правовом регулировании и практике применения гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, это ОРМ является действенным орудием оперативных подразделений полиции для выявления, пресечения и раскрытия преступлений, задержания лиц, к ним причастных.

1. Собр. законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

2. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Вестн. Конституционного Суда РФ. 1997. № 4.

4. Там же. 2000. № 2.

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349.

2. The document was not published. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

3. Bull. of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1997. № 4.

4. Ibid. 2000. № 2.

5. Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
6. Бюл. Верховного Суда РФ. 1994. № 3.
7. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
8. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
9. Рос. газ. 1993. 21 сент.
10. Собр. законодательства РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.
11. Рос. газ. 2006. 29 июля.
12. О коммерческой тайне: федер. закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (в ред. от 11.07.2011) // Рос. газ. 2004. 5 авг.
13. Об аудиторской деятельности: федер. закон от 30 дек. 2008 г. № 307-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) // Рос. газ. 2008. 31 дек.
14. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 02.07.2013) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2. от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
16. Рос. газ. 2007. 31 июля.
17. Собр. законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
18. Там же. № 31, ч. 1. Ст. 3452.
19. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
20. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практ. коммент. / под ред. А.С. Бахты; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. Хабаровск, 2013.
5. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.
6. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994. № 3.
7. The document was not published. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».
8. The document was not published. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».
9. Rus. newsp. 1993. Sept. 21.
10. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1997. № 10. Art. 1127.
11. Rus. newsp. 2006. July 29.
12. On trade secrets: fed. law of July 29, 2004 № 98-FL (in ed. of July 11, 2011) // Rus. newsp. 2004. Aug. 5.
13. About auditor activity: fed. law of Dec. 30, 2008 № 307-FL (in ed. of 28.12.2013) // Rus. newsp. 2008. Dec. 31.
14. About lawyer activity and legal profession in the Russian Federation: fed. law of May 31, 2002 № 63-FL (in ed. of 02.07.2013) // Coll. of legislation of Russian Federation. 2002. № 23. Art. 2102.
15. Civil code of the Russian Federation. Pt. 2 of Jan. 26, 1996 № 14-FL (in ed. of 28.12.2013) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.
16. Rus. newsp. 2007. July 31.
17. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Art. 1146.
18. Ibid. № 31, pt. 1. Art. 3452.
19. The document was not published. Access from legal-reference system «Garant».
20. Federal law «About operative and detective activity»: sci.-pract. comment. / ed. by A.S. Bahta; Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. Khabarovsk, 2013.

**Герман Татьяна Валерьевна**

заместитель начальника курса (по работе с личным составом)  
факультета подготовки следователей  
Волгоградской академии МВД России  
(e-mail: Taniram\_8@mail.ru)

## Особенности организации расследования злоупотреблений должностными полномочиями

Статья посвящена особенностям организации расследования злоупотреблений должностными полномочиями на стадии возбуждения уголовного дела. Особое внимание уделяется точке зрения о предоставлении возможности производства обыска, выемки, осмотра предметов и документов уже на стадии возбуждения уголовного дела.

**Ключевые слова:** заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, обыск, выемка, осмотр предметов и документов.

**T.V. Herman**, Deputy Head of the Course (for Work with the Personnel) of the Faculty of Training of Investigators of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Taniram\_8@mail.ru

### Organization of special investigation abuse of official powers

The article is devoted to the peculiarities of the organization of the investigation abuse of official powers at the stage of excitation of criminal case. Special attention is paid perspective on provision of production of search, seizure, inspection of objects and documents already on a stage of excitation of criminal case.

**Key word:** statement about crime, voluntary surrender, message about committed or prepared crime, search, seizure, inspection of objects and documents.

**П**еред возбуждением любого уголовного дела обязательно проведение предварительной проверки, поэтому перед возбуждением уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, следует установить ряд обстоятельств, т.к. существует определенная специфика противоправной деятельности расследования данных видов преступлений [1]. Предварительная проверка [2, с. 11] производится только при наличии законных оснований, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством.

Согласно ч. 1 ст. 140 УПК РФ к поводам отнесены:

- 1) заявление о преступлении;
- 2) явка с повинной;
- 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

В связи с этим применительно к злоупотреблению должностными полномочиями обозначенный перечень [3, с. 9–11] поводов основан на неограниченном виде источников сведений о злоупотреблении должностными полномочиями и носит открытый характер.

Основными поводами к возбуждению уголовных дел по ст. 285 УК РФ являются:

1) заявление о преступлении (п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) – 49%;

2) явка с повинной (п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) – 3%;

3) сообщение о совершенном преступлении, полученное из иных источников (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) – 48%.

При проведении предварительной проверки не могут осуществляться следственные действия, но в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела могут быть произведены такие следственные действия, как осмотр места происшествия (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), осмотр трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ) и освидетельствование (ч. 1 ст. 179 УПК РФ).

Применительно к особенностям расследования злоупотребления должностными полномочиями многими учеными и практиками поддерживается точка зрения о предоставлении возможности производства обыска, выемки, осмотра предметов и документов. Такая необходимость производства обозначенных следственных действий до возбуждения уголовного дела обусловлена двумя обстоятельствами: во-первых, спецификой состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ; во-вторых, необходимостью исключения подмены следственных действий оперативно-розыскными

мероприятиями, которые на практике нередко проводятся «в целях» собирания доказательственной информации.

Для возбуждения уголовного дела по ст. 285 УК РФ, прежде всего, требуется установить, является ли лицо, предположительно совершившее данное деяние, его субъектом – должностным лицом. По ч. 1 ст. 285 УК РФ это должно быть лицо, осуществляющее функции представителя власти, выполняющее организационно-распорядительные или (и) административно-хозяйственные функции в государственном органе, органе местного самоуправления, государственном и муниципальном учреждениях, государственной корпорации, а также в Вооруженных силах РФ, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. При этом оно не должно занимать в указанных органах государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации.

Субъектом ч. 2 ст. 285 УК РФ должно быть лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации, установленную Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов, или лицо, занимающее должность, установленную Конституцией или уставом субъекта Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъекта Российской Федерации [4].

Субъектом ч. 2 ст. 285 УК РФ является и глава органа местного самоуправления, под которым следует понимать только главу муниципального образования – высшее должностное лицо муниципального образования, наделенное уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения [5, ст. 36].

При проведении предварительной проверки необходимо установить правовой статус заподозренного лица в данном преступлении, какими нормативными правовыми актами, а также иными правоустанавливающими документами регламентированы права и обязанности должностного лица.

При предварительной проверке должен быть установлен объем обязанностей лица, какими нормативными актами они определены и как должностное лицо использовало свое служебное положение вопреки им.

В связи с этим проводятся документальные проверки, исследуются документы (ст. 144 УПК

РФ). К числу таких документов относятся Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, конституции и уставы субъектов Российской Федерации, постановления губернатора, администрации субъекта Федерации, положения, контракты, должностные регламенты, приказы, распоряжения, указания.

Для решения вопроса о возбуждении уголовного дела о злоупотреблении должностными полномочиями необходимо производство большого количества непроцессуальных действий, направленных на предварительную проверку информации о совершенном преступлении, в которую входят: проверочные действия в целом, действия, направленные на обеспечение сохранности документов, могущих иметь отношение к преступлению, сбор информации о лицах, подозреваемых в совершении злоупотребления должностными полномочиями, ознакомление с нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, которыми существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства; ознакомление с особенностями деятельности соответствующего органа государственной власти или органа местного самоуправления.

Также возникает необходимость выяснить, не были ли действия должностного лица совершены во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ). В этих целях наряду с проведением следственных действий, предусмотренных УПК, следователи получают объяснения. Действующий уголовно-процессуальный закон не называет средства предварительной проверки, в том числе получение объяснений. Эта норма закреплена в п. 4 ст. 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О следственном комитете Российской Федерации». На основании изложенного получение объяснения нельзя рассматривать как следственное действие.

Т.Г. Алексеева и С.Ш. Исмаилян отмечают, что получение объяснений «не только один из эффективных способов проверки оснований для возбуждения уголовного дела, но и действие, определяющее тактические комбинации и операции при собирании доказательств как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при проведении предварительного расследования» [6, с. 74–86].

Таким образом, дополнение ст. 144 УПК РФ дает нам право на получение объяснения в целях проверки сообщений о преступлениях (за необходимость законодательной регламентации получения объяснений высказались 98% респондентов, оставшиеся 2% респондентов полагали, что получение объяснений предусмотрено УПК РФ), порядок его производства, круг лиц, у которых могут быть отобраны объяснения, содержание. В противном случае объяснение будет, по сути, представлять допрос, только проводимый до возбуждения уголовного дела.

Зная доказательственную ценность и силу документов, субъекты преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, стремятся уничтожить их, не останавливаясь иногда перед совершением для этого другого преступления (например, поджога, кражи и т.п.). В связи с этим в период производства предварительной проверки, как представляется, важным действием следователя является обеспечение сохранности следов совершения преступления (документов, представляющих собой основной источник доказательств). Как правило, практические работники данное действие связывают с производством «опечатывания».

Его целью являются создание условий для последующего производства следственных и иных действий (например, осмотра, ревизии и др.), сохранение следов и вещественных доказательств, которые могут быть утрачены как в результате действий заинтересованных лиц, так и хозяйственной деятельности. Опечатывание производит должностное лицо, осуществляющее предварительную проверку.

При производстве анализа материалов предварительных проверок сообщений о злоупотреблении должностными полномочиями, находящихся в уголовных делах, были выявлены проблемы, которые отрицательно сказываются на сроках принятия решения о возбуждении уголовного дела, эффективности сбора сведений, которые в последующем могут играть роль доказательств. К таким проблемам относятся:

1. Недостаточное уголовно-процессуальное регулирование проведения проверки со-

общений о злоупотреблении должностными полномочиями: а) отсутствует возможность назначения экспертиз до возбуждения уголовного дела; б) нет должной регламентации признания доказательствами данных, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

2. Отсутствие должной квалификации, профессионализма и специализации в расследовании деяний, предусмотренных ст. 285 УК РФ, не позволяет: а) устанавливать контакт с участниками рассматриваемого досудебного производства; б) определить документы и предметы, которые в последующем будут иметь первостепенное доказательственное значение.

3. Сложности конструкции ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями». Ее содержание не позволяет однозначно определить: а) что следует понимать под существенным нарушением прав и законных интересов; б) причинную связь между использованием лицом должностных полномочий вопреки интересам службы и наступлением существенных нарушений прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Основанием возбуждения уголовного дела о злоупотреблении должностными полномочиями являются сведения об использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы из корыстной или личной заинтересованности, что должно повлечь существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

2. Проверка информации о совершении лицом злоупотребления должностными полномочиями предполагает использование различных проверочных средств, а именно: объяснения заявителей, лиц, проводивших документальную проверку, ревизию и т.д., но необходимо отметить, что при длительном проведении проверки сохранность следов может быть нарушена.

1. Яшин В.Н., Победкин А.В. *Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: учеб. пособие для вузов.* М., 2002.

2. Шурунов Н.Г. *Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях: учеб. пособие.* М., 1985.

1. Yashin V.N., Pobedkin A.V. *Excitation of criminal case. Theory, practice, prospects: study aid for universities.* Moscow, 2002.

2. Shurunov N.G. *Preliminary check of statements and reports about crimes: study aid.* Moscow, 1985.

3. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела: учеб. пособие // Уголовный процесс: сб. учеб. пособий. Особенная часть. М., 2002. Вып. 2.

4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2009 г. № 19.

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ.

6. Алексеева Т.Г., Исмаилян С.Ш. Поводы и основания для возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы теории и практики противодействия наркопреступности на Дальнем Востоке: материалы междунар. науч.-практ. конф., 22–23 нояб. 2007 г. Хабаровск, 2008.

3. Grigoriev V.N. Excitation of criminal case: study aid // Criminal process: coll. of study aids. Special part. Moscow, 2002. Iss. 2.

4. On judicial practice in cases of abuse of office and exceeding official authority: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Oct. 16, 2009 № 19.

5. On general principles of organization of local government in the Russian Federation: fed. law of Oct. 6, 2003 № 131-FL.

6. Alekseeva T.G., Ismailyan S.Sh. Reasons and grounds for initiation of criminal proceedings // Actual problems of theory and practice of combating drug-related crimes in the Far East: proc. of intern. sci.-pract. conf., Nov. 22–23, 2007. Khabarovsk, 2008.

**Дараган Валерий Валерьевич**

кандидат юридических наук,  
старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности  
Днепропетровского государственного университета внутренних дел  
(тел.: +380937540048)

## *Особенности расследования преступлений в сфере государственных закупок, связанных с ремонтом асфальтобетонного покрытия, в Украине*

В статье рассмотрены особенности расследования преступлений, связанных с ремонтом асфальтобетонного покрытия за государственные средства, в Украине, а также особенности назначения следователем судебной строительно-технической экспертизы в рамках уголовного производства, связанного с завышением объема выполненных работ.

**Ключевые слова:** государственная закупка, расследование преступлений, асфальтобетонное покрытие, экспертиза, эксперт.

**V.V. Daragan**, Master of Law, Senior Teacher of a Chair of Operative and Detective Activity of the Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs; tel.: +380937540048.

### **Features of the investigation of crimes in public procurement related to the repair of asphalt concrete pavement in Ukraine**

The article describes the features of investigating crimes related to repair of asphalt concrete pavement for public funds in Ukraine, and also features destination investigator judicial construction and technical expertise in criminal proceedings related to the overestimation of the amount of work performed.

**Key words:** public procurement, crimes investigating, asphalt coating, expertise, expert.

**Н**а сегодняшний день тема ремонта украинских дорог довольно остро стоит в повестке дня Кабинета министров Украины. В марте 2013 г. Правительство запланировало израсходовать на ремонт и реконструкцию автомобильных дорог 7 млрд гривен, что составляет незначительную часть от суммы, необходимой для ремонта автомагистралей страны [1]. Как заявил премьер-министр Украины Николай Азаров, «мы хотим, 30 лет ничего не вкладывая, иметь дороги здесь и сразу. Мы сейчас посчитали, сколько нужно, чтобы хоть немного привести их к порядку, и получили колоссальную сумму – 500 миллиардов гривен нужно вложить, лишь бы наши дороги, наши транспортные коммуникации, которых 170 тысяч километров, привести в более или менее приличное состояние» [2].

Безусловно, такие значительные затраты государства на состояние дорожного полотна не могут не привлечь разного рода злоумышленников. Поэтому перед правоохранительными органами стоит задача не допустить разворывание государственных средств во время проведения ремонтных работ на автодорогах.

Проблемы профилактики, выявления и документирования преступлений в сфере государственных закупок в Украине рассматривались в работах многих ученых, среди которых А.В. Бабьяк, С.Н. Балина, И.Л. Близнюк, В.И. Василичук, Т.В. Дученко, В.В. Коряк, В.Е. Лукьянчикова, Ю.И. Пивовар, М.Г. Риков, О.Б. Сахарова, Л.П. Скалозуб, В.Р. Сливенко, В.П. Сокирко.

Несмотря на то, что проблемы борьбы с преступлениями в сфере государственных закупок в последнее время изучают все большее количество ученых и практиков, вопросы особенностей расследования преступлений, связанных с ремонтом асфальтобетонного покрытия за государственные средства, в Украине еще не изучались.

Целью статьи является разработка алгоритма действий следователя во время расследования преступлений, связанных с ремонтом асфальтобетонного покрытия за государственные средства в Украине.

Во втором полугодии 2012 г. в Укравтодоре прошла серия проверок. Выяснилось, что не все так честно, как описывали представители

Госагентства. Больше всего коррупционных схем проверки выявили в сфере госзакупок. Часть из них проводилась по завышенным ценам. В пресс-службе Генпрокуратуры сообщили, что общая сумма закупок, проведенных с нарушением тендерных процедур, – 433 млн гривен. Другая популярная среди должностных лиц Укравтодора коррупционная схема – завышение объемов и стоимости работ, для чего в некоторых случаях использовались фиктивные фирмы. Сумма нарушений – 177 млн гривен. По итогам прокурорских проверок в Единый реестр досудебных расследований внесены данные о совершении 105 уголовных преступлений [3].

Согласно положениям приказа Министерства юстиции Украины от 8 октября 1998 г. № 53/5 «Об утверждении Инструкции о назначении и проведении судебных экспертиз и Научно-методических рекомендаций по вопросам подготовки и назначения судебных экспертиз и экспертных исследований» основанием для проведения судебной строительно-технической экспертизы является предусмотренный законом процессуальный документ, а именно постановление следователя о назначении судебной строительно-технической экспертизы [4].

Перед составлением такого постановления следователю необходимо узнать, есть ли в экспертном учреждении, на территории регионального обслуживания которого находится объект, на котором производился ремонт асфальтобетонного покрытия, соответствующий эксперт. В случае отсутствия такого эксперта следователь имеет право прислать постановление в экспертное учреждение соседних зон регионального обслуживания, указав при этом причину такого решения.

В случае если соответствующий эксперт есть в штате экспертного учреждения по месту расположения объекта, целесообразно дать поручение работникам оперативного подразделения, осуществляющим оперативное сопровождение соответствующего дела уголовного производства, с целью установления возможных коррупционных связей между руководством организации, которая проводила работы по ремонту асфальтобетонного покрытия, и экспертами соответствующего экспертного учреждения. После получения соответствующей информации следователь принимает решение относительно учреждения, в котором будет проведена экспертиза.

Однако при этом нужно помнить, что согласно положениям п. 1.6 вышеуказанной Инструкции «экспертизы и исследования проводятся

экспертными учреждениями по зонам регионального обслуживания. При наличии обстоятельств, которые определяют невозможность или нецелесообразность проведения экспертизы в экспертном учреждении в зоне регионального обслуживания, орган (лицо), который (которое) назначает экспертизу (привлекает эксперта), имея соответствующие мотивы, поручает ее выполнение экспертам другого экспертного учреждения».

В частности, зоны регионального обслуживания распределены следующим образом: Днепропетровский научно-исследовательский институт судебных экспертиз (Днепропетровская и Запорожская области); Донецкий научно-исследовательский институт судебных экспертиз (Донецкая и Луганская области); Киевский научно-исследовательский институт судебных экспертиз (г. Киев, Винницкая, Житомирская, Киевская, Тернопольская, Хмельницкая, Черкасская и Черниговская области); Крымский научно-исследовательский институт судебных экспертиз (Автономная Республика Крым); Львовский научно-исследовательский институт судебных экспертиз (Волинская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская и Черновицкая области); Одесский научно-исследовательский институт судебных экспертиз (Кировоградская, Николаевская, Одесская и Херсонская области); Харьковский научно-исследовательский институт судебных экспертиз имени заслуженного профессора М.С. Бокариуса (Полтавская, Сумская, Харьковская области и г. Севастополь); Научно-исследовательский центр судебной экспертизы по вопросам интеллектуальной собственности (зона обслуживания распространяется на все регионы).

Поэтому, по нашему мнению, следователю перед направлением материалов в экспертное учреждение другой зоны регионального обслуживания было бы целесообразно связаться с руководителем такого учреждения с целью недопущения факта направления материалов по территориальности.

В постановлении о назначении судебной строительно-технической экспертизы следователь указывает вопросы, которые необходимо решить эксперту во время проведения экспертизы. Как показал опыт работы с экспертными учреждениями, наиболее распространенными вопросами, которые ставятся перед экспертом при проведении судебной строительно-технической экспертизы по объектам ремонта асфальтобетонного покрытия, являются:

1. Отвечает ли толщина асфальтобетонного покрытия толщине, указанной в проектно-сметной документации.

2. Установить размер денежных средств, необходимых для приведения толщины асфальтобетонного покрытия в соответствие с проектно-сметной документацией.

3. В случае когда имеется информация об использовании некачественных материалов при ремонте, ставится вопрос о соответствии использованных при ремонте материалов установленным требованиям ГОСТ.

Для решения последнего вопроса эксперту понадобится изъятие образцов асфальтобетонного покрытия. После принятия нового Уголовного процессуального кодекса Украины изъятие образцов для экспертного исследования проводится согласно положению о временном доступе к вещам и документам, которое предусматривает получение следователем соответствующего постановления у следственного судьи. Для этого следователь готовит ходатайство, в котором необходимо отобразить следующую информацию [5]:

1) краткое изложение обстоятельств уголовного правонарушения, в связи с которым подается ходатайство;

2) правовую квалификацию уголовного правонарушения с указанием статьи (части статьи) закона Украины об уголовной ответственности;

3) вещи и документы, временный доступ к которым планируется получить;

4) основания, которые дают возможность считать, что вещи и документы находятся или могут находиться во владении соответствующего физического или юридического лица;

5) значение вещей и документов для установления обстоятельств в уголовном производстве;

6) возможность использования в качестве доказательств сведений, которые содержатся в вещах и документах, и невозможность другими способами довести обстоятельства, кото-

рые предполагается доказать с помощью этих вещей и документов, в случае представления ходатайства о временном доступе к вещам и документам, которые содержат охраняемую законом тайну;

7) обоснование необходимости изъятия вещей и документов, если соответствующий вопрос поднимается стороной уголовного производства.

Кроме указанного постановления, следователь отправляет в экспертную организацию материалы уголовного производства, однако здесь есть некоторые особенности, касающиеся содержания таких материалов. Как правило, эксперты указывают на то, что в таких материалах в обязательном порядке должны быть следующие сведения:

проектно-сметная документация (если проводился ямочный ремонт, также необходимо наличие соответствующей схемы расположения на объекте ям);

справка об израсходованных ресурсах и их стоимости (в случае отсутствия такой необходимо взять справку о стоимости использованных для ремонта ресурсов в торгово-промышленной палате);

акт приема-передачи выполненных работ (форма КБ-2в);

акты на скрытые работы;

справка из учреждения, на балансе которого стоит соответствующее асфальтобетонное покрытие, в которой будет указано, что на соответствующем участке асфальтобетонного покрытия после ремонта не проводились ремонтные работы.

Приведенный нами алгоритм действий следователя во время расследования преступлений, связанных с ремонтом асфальтобетонного покрытия за государственные средства, не претендует на совершенство, но он может быть взят за основу и видоизменяться согласно поставленным перед следствием задачам.

1. URL: <http://ua.korrespondent.net/business/auto/1528296-zakatayut-asfalt-azarov-gotuebilshesemi-milyardiv-griven-na-dorogi.html> (date of access: 16.08.2013).

2. URL: <http://gazeta.ua/articles/politics/azarov-na-remont-ukrajinskih-dorig-treba-500-mlrd-grn/488589.html> (date of access: 16.08.2013).

3. URL: <http://focus.ua/society/261792/> (date of access: 16.08.2013).

4. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0705-98/conv.html> (date of access: 16.08.2013).

5. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4651-17/conv.html> (date of access: 16.08.2013).

**Можаева Ирина Павловна**

кандидат юридических наук,  
докторант кафедры управления органами расследования преступлений  
Академии управления МВД России  
(e-mail: mirina-crim@yandex.ru)

## *К вопросу о методологических основах криминалистического учения об организации расследования преступлений*

В статье рассматриваются методологические основы криминалистического учения об организации расследования преступлений. Предложено авторское видение концепции криминалистического учения об организации расследования преступлений. Представлены перспективы развития криминалистического учения об организации расследования.

**Ключевые слова:** криминалистика, организация расследования преступлений, криминалистическое учение об организации расследования преступлений.

**I.P. Mozhaeva**, Master of Law, Doctoral Candidate of a Chair of Crime Investigating Institutions Management of the Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia; e-mail: mirina-crim@yandex.ru

### **To the question about methodological basis of criminalistics doctrine of organization of crimes investigation**

This article discusses the methodological basis of the criminalistics doctrine of the organization of crimes investigation. The author's vision of the concept of criminalistics doctrine of the organization of crime investigation is suggested. Prospects of development of the doctrine of the organization of criminalistics investigation are considered.

**Key words:** criminalistics, organization of crimes investigation, criminalistics doctrine of organization of crimes investigation.

**М**етодологические положения криминалистики в целом распространяются на криминалистическое учение об организации расследования преступлений и, соответственно, на структурные элементы данного учения. Однако это не исключает существования собственных методологических основ криминалистического учения об организации расследования преступлений. Актуальность, сложность и многоплановость криминалистических проблем организации расследования преступлений, теоретическая и практическая значимость возникающих в связи с этим вопросов обусловили интерес к ним со стороны ученых и практиков.

На современном этапе развития криминалистики существуют объективные предпосылки формирования системы теоретических положений, образующих концепцию криминалистического учения об организации расследования преступлений, обусловленную закономерностями возникновения и развития идеи отрасли

научного знания; формирования и обоснования совокупности элементов, образующих объект и предмет познания; формирования и реализации методологических основ данной области криминалистических знаний; формирования и реализации научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию эффективности деятельности следователя; обоснования системы основополагающих законов функционирования внутренних связей отрасли научного знания и дальнейшего поступательного его развития [1].

В целях определения методологических основ криминалистического учения об организации расследования преступлений возможно тезисное представление наиболее значимых положений.

1. Организация расследования преступлений как совокупность теоретических построений с течением времени трансформировалась в частную криминалистическую теорию «Общие принципы организации деятельности по соби-

ранию, исследованию, оценке и использованию доказательств». Благодаря усилиям известных ученых (Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, С.А. Величкин, А.В. Дулов, В.Д. Зеленский, Г.Г. Зуйков, Л.М. Карнеева, В.В. Клочков, В.И. Ключанский, Ю.А. Кукушкин, В.Е. Коновалова, А.Ю. Корчагин, В.П. Лавров, А.М. Ларин, С.П. Митричев, В.А. Михайлов, Б.Я. Петелин, Н.И. Порубов, Н.А. Селиванов, Л.А. Соя-Серко, В.В. Степанов, С.С. Степичев, В.Ф. Статкус, А.Б. Соловьев, А.Г. Филиппов, С.И. Цветков, М.П. Шаламов, А.В. Шмонин и др.) теория организации расследования преступлений достигла состояния, позволяющего констатировать не только становление, но и достижение уровня достаточной исследованности проблемы, свидетельствующего о сформированности теоретической основы организации расследования преступлений, которая по мере накопления и развития научных знаний теоретического и прикладного характера трансформировалась в самостоятельное криминалистическое учение об организации расследования преступлений.

2. Исследование и четкое уяснение предпосылок формирования и развития криминалистического учения об организации расследования преступлений путем использования системно-исторического подхода позволяют осуществлять целенаправленный теоретический поиск, обеспечивая дальнейшее развитие этой отрасли научного знания и, как следствие, практическую деятельность эффективными рекомендациями, приемами, методами и средствами. Одним из положений системно-исторического подхода является точка зрения на процесс развития криминалистического учения об организации расследования преступлений как на поступательную смену этапов, каждый из которых рассматривается в качестве относительно устойчивого и завершенного.

Предварительный этап (середина XIX – начало XX в.). На организационный аспект деятельности органов расследования исследователи обратили внимание еще задолго до появления самой науки криминалистики и предпринимали попытки обеспечить эффективность деятельности в сфере борьбы с преступностью.

Первый этап (20-е – середина 30-х гг. XX в.). Происходит осознание, постановка научной проблемы; формирование идеи; формирование предпосылок нового знания на основе имеющихся достижений; получение первого опыта использования рекомендаций по организации расследования преступлений при проведении отдельных следственных действий и расследовании отдельных видов преступлений.

Второй этап (40-е – 60-е гг. XX в.). Окончательно оформилась идея о разработке в криминалистике организационных основ деятельности следователя с трансформацией на криминалистическую основу базовых положений таких наук, как теория организации, теория управления, общая теория научной организации труда и др.

Третий этап (70-е – 90-е гг. XX в.). Характеризуется активным развитием нового знания, повышением научного и практического интереса исследователей к организации расследования преступлений как с криминалистических, так и с управленческих позиций. Возросший интерес к проблемам организации расследования преступлений связан, в том числе, с кафедрой организации расследования преступлений, которая была создана в 1975 г. путем объединения сотрудников кафедр криминалистики и уголовного процесса в один коллектив при очередной реорганизации в Академии МВД СССР. В этот период появляются фундаментальные монографические работы, например В.Д. Зеленского, Н.И. Кулагина, в которых обосновываются теоретические положения организации расследования преступлений и предлагаются целенаправленные решения ряда проблем прикладного характера.

Современный этап (2000 г. – по настоящее время). Возобновление разноаспектного интереса к проблемам организации расследования преступлений; разработка теоретических положений и практических рекомендаций по организации расследования преступлений на основе накопленного эмпирического материала и творческого использования знаний базовых наук в данной области (теории организации, теории управления, общей теории НОТ, уголовного процесса, криминалистики и др.). Принятый в 2001 г. УПК РФ концептуально изменил структуру и содержание досудебного и судебного производства и определил новые принципы и направления организации применительно к различным видам деятельности, осуществляемой в сфере уголовного судопроизводства. Это породило множество подходов к проблемам организации расследования преступлений и особенностям их разрешения.

На сегодняшний день в исследованиях некоторых ученых (Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, С.В. Валов, В.Д. Зеленский, И.И. Колесников, А.Ю. Корчагин, В.П. Лавров, В.А. Михайлов, А.А. Модогоев, П.Т. Скорченко, В.В. Степанов, А.Г. Филиппов, А.В. Шмонин и др.) аргументирован вывод о том, что организация расследования преступлений – проблема многоаспектная и

многоуровневая. Применительно к организации расследования преступлений как отрасли научного знания и его практической реализации целесообразно выделять правовой, управленческий и криминалистический аспекты. Указанные аспекты имеют иерархическую структуру и четкое межуровневое деление, от правильного построения которых зависит не только определение сфер познания той или иной области научных знаний, но и эффективность разрабатываемых положений и рекомендаций, направленных на оптимизацию выявления, расследования и предупреждения преступлений [2].

3. Организация расследования преступлений может рассматриваться в трех значениях: как область научного знания, представляющая собой криминалистическое учение, как область практической реализации вышеуказанного знания и как учебная дисциплина. Организация расследования преступлений как криминалистическое учение – это структурный элемент криминалистики, объединяющий теоретические положения и основанные на их познании закономерности процесса формирования, внедрения и использования системы организационных, материально-технических и иных приемов, методов и средств, а также научно обоснованные рекомендации, обеспечивающие оптимально эффективную деятельность по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений.

Организация расследования преступлений как область практической реализации вышеуказанного знания – это непрерывная научно организованная и научно обоснованная деятельность, осуществляемая на основе рекомендаций по использованию системы организационных, материально-технических и иных приемов, методов и средств, обеспечивающих эффективное и оптимальное выявление, расследование и предупреждение преступлений.

Организация расследования преступлений как учебная дисциплина – это комплекс (совокупность) криминалистических знаний и умений по использованию системы организационных, материально-технических и иных приемов, методов и средств, необходимых для обеспечения эффективного и оптимального выявления, расследования и предупреждения преступлений.

4. Структура криминалистического учения об организации расследования преступлений объединяет общие и частные организационные положения. К общим положениям относятся: исторические аспекты возникновения и формирования криминалистического учения об организации расследования преступлений, объект, предмет, понятийный аппарат, принципы

криминалистического учения об организации расследования преступлений, функции, цели, задачи и методы криминалистического учения об организации расследования преступлений; структура и место криминалистического учения об организации расследования преступлений в системе криминалистики; научная организация деятельности следователя.

Совокупность частных положений, относящихся к конкретным направлениям организационной деятельности, включает: информационные основы расследования; ситуации расследования; криминалистическое прогнозирование; криминалистические решения; криминалистические версии; планирование расследования; программирование и алгоритмизацию расследования; использование компьютерных технологий в расследовании преступлений; криминалистическую операцию и криминалистическую комбинацию; организацию взаимодействия следователя с органами дознания и другими участниками выявления, расследования и предупреждения преступлений; участие населения в выявлении, расследовании и предупреждении преступлений; изучение личности в уголовном судопроизводстве; организацию розыскной деятельности следователя; преодоление противодействия расследованию; криминалистическую профилактику.

5. Объектом криминалистического учения об организации расследования преступлений являются, с одной стороны, общественные отношения, связанные с разработкой эффективных приемов, методов и средств осуществления познания криминальной деятельности, с другой – процессы, факты, явления объективной действительности, направленные на достижение максимальной эффективности при организации выявления, расследования и предупреждения преступлений.

6. Предмет криминалистического учения об организации расследования преступлений в широком значении включает закономерности применения организационно-технических, организационно-тактических и организационно-методических положений и рекомендаций при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений. При более узком, конкретном определении предмет криминалистического учения об организации расследования преступлений консолидирует закономерности отдельных взаимосвязанных организационных элементов.

7. Основопологающим началом криминалистического учения об организации расследования преступлений является совокупность общих и частных принципов. Целесообразно в качестве

общих принципов криминалистического учения об организации расследования преступлений выделить: законность, объективность, историзм, системность, научность, правовое обеспечение, экономичность, взаимосвязь теории и практики, непрерывность, комплексность.

Частные принципы криминалистического учения об организации расследования преступлений определяют основополагающие положения частных организационных элементов и подразделяются следующим образом: принципы, применяемые к отдельным элементам криминалистического учения об организации расследования преступлений (принципы научной организации деятельности следователя, принципы планирования расследования, принципы взаимодействия и т.д.); принципы, отражающие специфику отдельных форм организации деятельности следователя (принципы коллективной деятельности, специализации следователя и т.д.); принципы, действующие в ограниченной сфере внутри отдельного элемента криминалистического учения об организации расследования преступлений (например, основополагающие начала научной организации деятельности следователя – это принципы экономии ресурсов, принципы эргономичной организации рабочего места следователя как стационарного, так и мобильного характера и др.).

8. Цели криминалистического учения об организации расследования преступлений также следует рассматривать в трех значениях. Цель криминалистического учения об организации расследования преступлений как области научного знания – это получение знаний о реальности и оказание содействия своей научной продукцией в обеспечении эффективности деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений.

Цель криминалистического учения об организации расследования преступлений как области практической реализации вышеуказанного знания – это разработка и внедрение научно обоснованных рекомендаций, обеспечивающих эффективное и оптимальное выявление, расследование и предупреждение преступлений.

Цель криминалистического учения об организации расследования преступлений как учебной дисциплины – это обеспечение студентов и слушателей криминалистическими знаниями и умениями, необходимыми для достижения эффективности деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений.

9. Классификационная конструкция задач криминалистического учения об организации

расследования преступлений включает следующие основные блоки: задачи организации расследования преступлений как криминалистического учения; задачи правового обеспечения организации расследования преступлений; экономические задачи организации расследования преступлений; социальные задачи организации расследования преступлений; задачи организации расследования преступлений как области практической реализации положений криминалистического учения (практические задачи); задачи организации расследования преступлений как учебной дисциплины. В свою очередь, каждый из вышеуказанных блоков задач организации расследования преступлений подразделяется на общие, специальные и конкретные задачи.

10. Функции криминалистического учения об организации расследования преступлений – важная, относительно самостоятельная часть деятельности, характеризующаяся специфическим содержанием, определяемым поставленной целью или решаемой задачей. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений обладает совокупностью значимых функций, в числе которых можно выделить: информационную; объяснительную; прогностическую; синтезирующую; эвристическую; адаптационную; прикладную (практическую).

11. Методы криминалистического учения об организации расследования преступлений представляют собой совокупность приемов или операций теоретического или практического освоения действительности, подчиненных решению задачи повышения эффективности деятельности следователя. Методы обеспечивают познание всей совокупности элементов, составляющих область криминалистического учения об организации расследования преступлений, и подразделяются на всеобщий метод, частные методы и специальные методы.

Методологическое значение уяснения вышеизложенных взаимосвязанных категорий – понятия, объекта и предмета, основополагающих начал, целей, задач, функций и методов криминалистического учения об организации расследования преступлений – состоит в том, что только на основе их познания возможно всестороннее исследование как теоретических, так и практических организационных вопросов применительно к деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений, а также правильное определение перспектив и путей дальнейшего развития криминалистического учения.

Современная концепция методологических основ криминалистического учения об организации расследования преступлений должна обосновывать фундаментальные законы функционирования внутренних связей указанной области научного знания и дальнейшего поступательного его развития.

Перспективы развития криминалистического учения об организации расследования преступлений непосредственно направлены: на совершенствование общих и частных организационных положений учения; модернизацию комплекса научно обоснованных, научно-практических рекомендаций по организации расследования преступлений, отвечающих современным политическим, социально-эконо-

мическим и правовым условиям, направленных на совершенствование и интенсификацию деятельности, осуществляемой в сфере борьбы с преступностью; применение положений учения об организации расследования преступлений при разработке проблем криминалистики; использование положений криминалистического учения об организации расследования преступлений с целью разработки профильных рекомендаций для следователей и дознавателей, организующих расследование уголовного дела; специалистов и экспертов, организующих свою деятельность в процессе дачи суждения по отдельным вопросам, требующим использования специальных знаний; судей, организующих судебное следствие.

---

1. Можяева И.П. Концепция криминалистического учения об организации расследования преступлений. М., 2014.

2. Можяева И.П. Организация расследования преступлений: правовой, управленческий и криминалистический аспекты // Тр. Академии управления МВД России. 2013. № 4(28).

---

1. Mozhaeva I.P. The concept of forensic teachings about the organization of crime investigation. Moscow, 2014.

2. Mozhaeva I.P. Crime investigation process: legal, administrative and criminalistic aspects // Works of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia. 2013. № 4(28).

**Пахомов Сергей Валерьевич**

кандидат юридических наук, доцент,  
начальник кафедры криминалистики  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79604784400)

**Гусев Алексей Васильевич**

кандидат юридических наук, доцент,  
профессор кафедры криминалистики  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79183534517)

## *Использование геодезических спутниковых систем при эксцентрическом способе осмотра места происшествия*

В статье обозначаются перспективы использования геодезических спутниковых систем для обеспечения точности прямых измерений при производстве следственных действий. Предлагается новый подход к определению пространственных ориентиров расположения объектов, обладающих криминалистически значимой информацией, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия. Высказывается суждение о механизме прямых измерительных действий с использованием геодезических спутниковых систем при реализации эксцентрического способа осмотра места происшествия.

**Ключевые слова:** криминалистика, криминалистическая техника, следственные действия, измерение, измерительный прибор, геодезические спутниковые системы.

**S.V. Pakhomov**, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79604784400;

**A.V. Gusev**, Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183534517.

### **The use of geodesic satellite systems when eccentric method of examination of the scene**

The article deals with the prospects for the use of geodesic satellite systems to ensure the accuracy of direct measurements in investigative actions. A new approach to the definition of the spatial reference objects location with criminalistics significant information discovered during the examination of the scene. Expressed judgment on the mechanism of direct measurement activities with the use of geodesic satellite systems when implementing eccentric manner of the examination of the crime scene.

**Key words:** criminalistics, forensic equipment, investigations, measurement, measuring device, geodesic satellite systems.

**С**оздание глобальной (спутниковой) навигационной системы позволило в короткий промежуток времени определять точное место нахождения в пространстве различных объектов. Данные системы ГЛОНАСС (Россия), GPS (США), Galileo (Евросоюз) и других создают условия для установления с их помощью не только текущего местоположения (координат), но и даты, времени, траектории и скорости движения объектов на суше и на море, а также в околоземном пространстве.

Использование указанных систем в следственной деятельности, в первую очередь, создает условия для точного определения места расположения на местности объектов, обла-

дающих криминалистически значимой информацией. Точное установление их положения продиктовано криминалистическими требованиями к осуществлению основной и дополнительной форм фиксации информации.

Имеющиеся в криминалистике научные рекомендации по точному отражению в процессуальных и иных документах рассматриваемой информации основаны на необходимости проведения измерений как самих обнаруженных объектов, так и расстояний от них до иных неподвижных объектов, выбранных в качестве ориентиров. Для проведения таких измерений в ходе следственных действий применяются измерительные приборы сравнения (мерная

лента, рулетка и др.) [1, с. 79]. Результаты этих измерений, отраженные в протоколе следственного действия, а также на плане (схеме), формируют точное представление о следовой картине происшедшего события. В дальнейшем это позволяет в необходимых случаях реконструировать данное событие для проведения различных следственных действий.

Основным требованием проведения таких прямых измерений является использование единой точки отсчета (один и тот же угол неподвижного предмета, основания дерева) или единой базы (стены дома, условная линия между двумя постоянными точками неподвижных предметов) [2, с. 12]. В ряде случаев возникает такая ситуация проведения следственного действия, например осмотра места происшествия, в ходе которой невозможно определить единые точки отсчета измерений. Подобные случаи возникают при проведении следственного действия на открытых территориях степной или лесной (таежной) зон географического пространства.

Однако наличие на местности единых точек отсчета измерений еще не гарантирует того, что после определенного периода времени они будут сохранены в пространстве. Изменения в расположении данных точек могут происходить по причине их умышленного или стихийного разрушения.

Использование геодезических спутниковых систем снижает риски потери ориентиров до минимума. Вне зависимости от изменения материальной обстановки осматриваемого пространства с их помощью всегда можно определить исходные точки, позволяющие восстановить вещную обстановку изучаемого события. Вопросу о возможности использования данных систем в криминалистике уделялось и уделяется пристальное внимание ученых, что не умаляет актуальности выбранного направления исследования, особенно в вопросе дальнейшего развития теории и практики технико-криминалистического обеспечения предварительного расследования.

Несмотря на имеющиеся публикации по использованию геодезических спутниковых систем, нет четкого представления о том, какие из навигационных систем наиболее полно удовлетворяют потребностям фиксации доказательственной информации путем измерения. Как и нет единой точки зрения ученых о методах применения рассматриваемых систем в процессе производства следственных действий. Указанные обстоятельства с очевидностью свидетельствуют о необходимости про-

ведения более глубокого изучения технологии использования геодезических спутниковых систем в технико-криминалистической деятельности. Результаты таких исследований, как представляется, будут иметь решающее научное значение для формирования новых измерительных подходов, средств и методов такой деятельности в уголовном судопроизводстве.

Для определения вектора развития указанного знания – назовем его условно «криминалистическая навигация» – мы попробуем определить исходные точки научных исследований в обозначенной области, а также выскажем концептуальное суждение о механизме их применения. Отправной точкой использования спутниковых навигационных систем в следственных действиях, по нашему мнению, следует считать научную статью «Использование современных технологий позиционирования при производстве отдельных следственных действий», подготовленную в 2009 г. С.В. Пропастиным и В.А. Шепелем [3, с. 105–108].

Несмотря на очевидную значимость продолжения научных исследований в данной области, обозначенное направление исследования не получило своего широкого распространения. Так, остался без научного обсуждения вопрос о том, какие именно из рассматриваемых систем наиболее полно отвечают криминалистическим целям. Анализируя информацию о технических характеристиках рассматриваемых систем, следует сказать, что наиболее точную информацию о месте положения дают не «бытовые» приборы спутниковой навигации, а приборы специализированных геодезических спутниковых систем. Большинство фирм-производителей приборов GPS (англ. global positioning system – система глобального позиционирования, читается Джи Пи Эс – спутниковая система навигации, обеспечивающая измерение расстояния, времени и определяющая местоположение во всемирной системе координат) оценивают возможности своих приемников в диапазоне погрешностей от  $\pm 3$ –5 м до  $\pm 50$  м и более [4].

Как видим, их использование для криминалистических целей затруднено большой погрешностью измерения, недопустимой по отношению к требованиям фиксации доказательственной информации. Однако в работе геодезистов, строителей, геологов уже применяются геодезические спутниковые системы, позволяющие снизить погрешность измерения всего до нескольких миллиметров. В частности, такой прибор геодезической спутниковой системы, как «RTK GNSS Stonex s9gnss», по-

звоняет проводить измерения в статике по горизонтали:  $\pm 3 \text{ мм} + 1 \text{ мм/км}$ . По высоте:  $\pm 5 \text{ мм} + 1 \text{ мм/км}$  [5]. Фактически это 99,9% точности измерения точки в пространстве. Кроме того, такие приборы имеют карту памяти, содержащую подробную информацию о предыдущих измерениях.

Указанная точность измерения подобных приборов позволяет их использовать для точного определения места расположения объектов, обладающих криминалистически значимой информацией. Конечно, не все так просто в использовании данных приборов. Существуют правила измерения, определяемые каналами прохождения информации от базовой станции к измеряемой точке. Все это должно стать объектом криминалистического исследования не только для разработки рекомендаций по улучшению точности измерения при помощи приборов геодезических спутниковых систем, но и для обеспечения соответствия таких установочно-измерительных действий рекомендациям тактики производства следственных действий, в которых они могут использоваться.

Для применения приборов геодезических спутниковых систем в ходе производства следственных действий как способа определения места положения криминалистически значимых объектов необходимо разработать методические рекомендации. Анализ предложений, высказанных С.В. Пропастиным и В.А. Шепелем, по применению современных технологий позиционирования в следственной деятельности позволяет нам уточнить ряд вопросов по реализации метода прямого измерения.

Названные ученые предлагают, во-первых, путем последовательного ориентирования путевых точек в пространстве относительно сторон света зафиксировать их координаты, указанные на дисплее приемника, что в своей сумме сформирует пространственные границы осмотра. Во-вторых, относительно данных двух путевых точек определяется точка начала осмотра. В-третьих, фиксация места обнаружения предметов ориентируется относительно двух путевых точек [3, с. 105–108].

Высказанные предложения, безусловно, являются инновационными в криминалистике. Показана принципиально новая схема ориентирования пространства в криминалистических целях. Однако изучение предложенного механизма измерений порождает необходимость его дальнейшего совершенствования.

Необходимость применения в ходе отдельных следственных действий вообще и осмотра места происшествия в частности геодези-

ческих спутниковых систем возникает тогда, когда на местности, где проводится данное следственное действие, отсутствуют объекты, которые можно выбрать в качестве исходных точек отсчета. В этом случае на начальном этапе осмотра визуально следует определить расположение какого-либо объекта (группы объектов), воспринимаемого как следы преступления. Точка расположения этого объекта (объектов) на местности становится исходной для применения эксцентрического способа осмотра места происшествия [6, с. 81].

Дальнейшее использование геодезической спутниковой системы в ходе осмотра потребует определения точных координат данной исходной точки. После этого в данной исходной точке помещается прибор геодезической спутниковой системы (базовая станция). Для дальнейших прямых измерительных действий, проводимых по криминалистическим правилам, необходимо найти точно определенные на местности географические координаты вспомогательных точек начала измерений по отношению к точке расположения базовой станции.

С этой целью прибор геодезической спутниковой системы, оснащенный полевым приемником (ровером), последовательно перемещается на одинаково удаленные от базовой станции точки (вспомогательные точки), географические координаты которых корректируются при помощи базовой станции. Точное определение места расположения вспомогательной точки осуществляется по отношению к месту касания вешки прибора с поверхностью. В данной вспомогательной точке размещается ориентир одинакового диаметра с вешкой прибора, после чего полевой приемник (ровер) перемещается для определения следующей вспомогательной точки.

Минимальное количество вспомогательных точек ориентирования должно быть не меньше четырех. Их расположение должно быть строго ориентировано по сторонам света относительно точки расположения базовой станции. Удаление вспомогательных точек от базовой станции может выбираться произвольно лицом, производящим следственное действие, с учетом проходимости сигнала. Минимальное расстояние такого удаления целесообразно выбирать не меньше метра, поскольку сокращение расстояния между базовой точкой и вспомогательными точками может привести к неоправданной минимизации расстояний до расположения объекта измерения.

Последующий механизм измерения места расположения какого-либо объекта следует

осуществлять в соответствии с криминалистическими рекомендациями. При этом в качестве неподвижных точек привязки на местности будут выбираться ориентир базовой точки (место касания вешки базовой станции с поверхностью) и ориентир ближайшей к объекту вспомогательной точки (место касания вешки полевого приемника (ровера) с поверхностью). При необходимости можно выбрать не один, а несколько вспомогательных ориентиров, при этом расстояние до базового ориентира должно определяться всегда, вне зависимости от количества прямых измерений до вспомогательных точек.

Предложенный способ криминалистического определения места положения объекта в пространстве требует внесения изменений и в рекомендации по отражению этого процесса в протоколе следственного действия. В протокол следственного действия должны заноситься данные географических координат базовой станции и вспомогательных точек, определяемых полевым приемником (ровером). После этого указываются расстояния от точки соприкосновения вешки базовой станции с поверхностью до обнаруженного объекта, после чего указывается расстояние от вспомогательной точки до этого же объекта. Таким образом, обнаруженный объект получает точную пространственную фиксацию своего места расположения.

Для упрощения отражения в протоколе данных точек они могут обозначаться буквами, где точка базовой станции обозначается как буква «А». Первой из вспомогательных точек обозначается та, которая ориентирована строго на север – точка «N» (North). Далее определяется точка «S», которая ориентируется на Юг (South). Потом точка «E», ориентированная на Восток (East). В завершении определяется положение точки «W», ориентированной на Запад (West).

При необходимости могут быть выбраны иные вспомогательные точки, географические координаты которых располагаются между точками, ориентированными по сторонам. При этом необходимо произвести их иное обозначение, отличающееся от обозначений «А; N; S; E; W». В случае возникновения необходимости расширения границ осматриваемой территории следует продублировать расположение вспомогательных точек «N; S; E; W», а также иных дополнительно выбранных с этими. Рас-

положение новых вспомогательных точек с обозначением их наземным ориентиром должно осуществляться на одинаковом для них всех расстоянии от опорной точки «А». Новые вспомогательные точки получают обозначения «N2; S2; E2; W2».

Измерения в ходе следственного действия при помощи опорной точки «А» и вспомогательных точек «N; S; E; W» рекомендуется производить обычными измерительными приборами. Определяется расстояние от объекта до базовой точки «А» с одной стороны и до ближайшей опорной точки «N; S; E; W» с другой стороны. В случае определения расстояний за внешним пределом зоны вспомогательных точек «N; S; E; W» расстояние до объектов, соответственно, определяется от ближайшей из этих точек, а также ближайшей к объекту точки «N2; S2; E2; W2».

Такая система измерений на местности, не имеющей четких ориентиров, или в случае их большого удаления позволит точно определять местоположение обнаруживаемых объектов. Использование буквенных обозначений опорного и вспомогательных ориентиров позволит не повторять каждый раз в протоколе следственного действия географические координаты каждой из этих точек, к которым будет осуществляться «привязка» фиксируемых объектов поиска. В протоколе следственного действия, а также в составляемых планах (схемах) достаточно будет указать географические координаты этих точек и их буквенное «А; N; S; E; W» и буквенно-цифровое обозначение «N2; S2; E2; W2». Далее при описании с указанием на эти точки повторять уже известные их географические координаты будет нецелесообразно.

Предлагаемая технология использования приборов геодезической спутниковой системы охватывает своими рекомендациями только фиксацию объектов в процессе реализации эксцентрического способа осмотра. Использование данных приборов при осуществлении иных способов осмотра места происшествия, а также в процессе реализации рекомендаций тактики осуществления иных следственных действий может существенно менять процесс проведения измерений. Бесспорным является повышение условий качества фиксации доказательственной и розыскной информации в ходе прямых измерений.

1. Белкин Р.С. *Криминалистическая энциклопедия*. М., 1997.

1. Belkin R.S. *Criminalistic encyclopedia*. Moscow, 1997.

2. *Справочная книга криминалиста / отв. ред. Н.А. Селиванов. М., 2000.*

3. Пропастин С.В., Шепель В.А. *Использование современных технологий позиционирования при производстве отдельных следственных действий // Уголовное право. 2009. № 1.*

4. *Средства спутниковой навигации. URL: <http://www.k2x2.info> (дата обращения: 16.02.2014).*

5. *Оборудование для геодезии, строительства, изысканий и картографии. URL: <http://satellitgeo.pf> (дата обращения: 16.02.2014).*

6. *Криминалистика: учеб. для экспертов-криминалистов / под ред. А.Г. Филиппова. М., 2005.*

2. *Reference book of forensic / resp. ed. N.A. Selivanov. Moscow, 2000.*

3. Propastin S.V., Schepel V.A. *The use of modern technologies of positioning when certain investigative actions // Criminal law. 2009. № 1.*

4. *Satellite navigation equipment. URL: <http://www.k2x2.info> (date of access: 16.02.2014).*

5. *Equipment for geodesy, construction, surveying and cartography. URL: <http://satellitgeo.RF> (date of access: 16.02.2014).*

6. *Criminalistics: textbook for forensic experts / ed. by A.G. Filippov. Moscow, 2005.*

**Горбунов Алексей Николаевич**

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности  
в органах внутренних дел  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: alex9171977@mail.ru)

**Калюжный Константин Юрьевич**

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности  
в органах внутренних дел  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: iuzhnyi1974@mail.ru)

## *Особенности раскрытия и расследования карманных краж, совершаемых в общественном транспорте*

В статье обозначаются особенности раскрытия и расследования карманных краж, совершаемых в общественном транспорте.

**Ключевые слова:** кража, карманная кража, раскрытие и расследование преступления, оперативный сотрудник, следователь, дознаватель.

**A.N. Gorbunov**, Senior Teacher of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: alex9171977@mail.ru;

**K.Yu. Kalyuzhniy**, Senior Teacher of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: iuzhnyi1974@mail.ru

### **Peculiarities of disclosure and investigation of pickpocketing committed in public transport**

The article deals with the peculiarities of disclosure and investigation of pickpocketing committed in public transport.

**Key words:** theft, pickpocketing, disclosure and investigation of crime, operations officer, investigator, inquirer.

**П**рофессия вора-карманника имеет многовековую историю. Со времен зарождения общества «карманники» оттачивали свои навыки. Можно смело утверждать, что карманники появились тогда же, когда и сами карманы.

Местом совершения карманных краж, как правило, выступают территории, где имеется большое скопление людей, зоной повышенного риска чаще является общественный транспорт.

Раскрытие и расследование преступлений, в том числе и карманных краж, совершаемых в общественном транспорте, имеет комплексный характер, т.к. требует тесного взаимодействия оперативных подразделений полиции, органов дознания и предварительного следствия, умелого сочетания следственных действий с оперативно-розыскными мероприятиями для обнаружения карманных краж и лиц, их совершивших, широкого использования в оперативно-розыскной работе специальных знаний, научно-технических средств, а также привле-

чения к участию в раскрытии рассматриваемых преступлений специалистов и общественности.

Согласно ч. 2 ст. 158 УК РФ кража, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

Субъектами раскрытия и расследования карманных краж выступают следователи (дознатели), оперуполномоченные уголовного розыска и специалисты. Взаимодействие следователей (дознателей) с оперативными подразделениями в соответствии с УПК РФ и

Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] осуществляется главным образом в процессе предварительного расследования. Однако оно возможно и до возбуждения, и после приостановления предварительного следствия по уголовному делу [2].

Особенностью раскрытия и расследования карманных краж является то, что на его первоначальном этапе необходимо сделать акцент на производство следственных действий, направленных на установление объективной картины произошедшего события криминалистическими приемами и средствами. В последующем полученная следственным путем информация используется для раскрытия преступления. Данная закономерность предопределяет структуру работы.

Предметом посягательства краж указанной категории в большинстве случаев являются: портмоне (кошелек), банковская (кредитная) карта, деньги, сотовый телефон, аудиоплеер (MP3), драгоценные украшения, личные вещи (косметические средства, наручные часы) и фотоаппараты.

Раскрытие и расследование карманных краж, совершаемых в общественном транспорте, сложно в силу ограниченности первичной информации и латентности анализируемого преступления. Сотрудник оперативного подразделения совместно со следователем должны иметь представление обо всех обстоятельствах совершенного преступления, изучить данные о нем, выявить необходимую доказательственную информацию и принять меры к установлению виновных и местонахождения похищенного.

В первую очередь в ходе раскрытия карманных краж сотрудник оперативного подразделения совместно со следователем интересуются поступлением как процессуальной, так и не процессуальной информации. Далее для установления всех обстоятельств дела необходимо поставить перед собой следующие тактические задачи: установить место и время совершения карманной кражи; выявить свидетелей, очевидцев произошедшего; установить способ совершения карманной кражи; обнаружить и изъять следы преступления; выявить данные, подтверждающие или опровергающие виновность подозреваемого; установить и обнаружить похищенное имущество и др.

Средства решения указанных тактических задач состоят из производства отдельных следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками оперативных подразделений по поручению

следователя. К их числу относятся: задержание подозреваемого и его личный обыск; допрос потерпевшего; осмотр места происшествия; обыск, выемка; осмотр предметов, изъятых с места преступления у подозреваемого или потерпевшего, и приобщение их к уголовному делу; допрос подозреваемого; установление и допрос свидетелей о лице, совершившем кражу; назначение соответствующих судебных экспертиз; сбор иными средствами информации оперативного характера, касающейся конкретного преступления.

Основные усилия сотрудников оперативного подразделения и следователя должны быть направлены на срочный сбор данных о личности карманника. В результате полученной информации можно составить всестороннее и объективное мнение о подозреваемом.

Карманную кражу относят к категории преступлений, совершенных в условиях неочевидности, несмотря на то, что ее совершение предполагает непосредственный контакт с жертвой. Отсутствие достоверной информации о карманниках обусловлено некоторыми причинами: способом совершения и сокрытия преступления; отсутствием или некачественным проведением осмотра места происшествия; неэффективной организацией поиска очевидцев преступления.

На сегодняшний день повысить эффективность рассмотрения сообщения о карманной краже, совершенной в общественном транспорте из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, возможно следующими действиями: опрос (заявителя, очевидцев); осмотр места происшествия; освидетельствование лиц; направление обнаруженных предметов с характерными признаками преступления на исследование; сбор документов или видеофрагментов, относящихся к событию преступления; размещение информации о похищенном имуществе и лице, совершившем преступление, в оперативно-справочные учеты МВД России; составление ориентировки по приметам преступника и украденного имущества; письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий; задержание преступника; личный досмотр; опрос задержанного.

При поступлении заявления о преступлении, рапорта об обнаружении признаков преступления или явке с повинной представленный алгоритм действий на этапе возбуждения уголовного дела не только позволит наиболее качественно и полно собрать информацию, но и в целом определит дальнейший ход предварительного расследования [3].

При раскрытии и расследовании карманных краж следует уделять внимание особенностям организации взаимодействия в ходе поисковой и розыскной деятельности сотрудника оперативного подразделения и следователя.

Основными субъектами взаимодействия в ходе раскрытия и расследования карманных краж, совершаемых в общественном транспорте, выступают следователи и оперуполномоченные уголовного розыска в составе специально созданных оперативно-поисковых групп. Их взаимодействие, на наш взгляд, может осуществляться в процессуальной, организационной и организационно-методической формах. Важно отметить, что налаженное деловое взаимодействие с сотрудниками оперативных подразделений является одним из условий, обеспечивающих успешное раскрытие и расследование данных преступлений.

К процессуальным формам взаимодействия оперативных и следственных подразделений следует отнести: рассмотрение органом дознания заявлений и сообщений об указанных преступлениях, проверку наличия поводов и оснований к возбуждению уголовного дела; выполнение органом дознания поручений следователя (дознавателя); производство по возбужденному уголовному делу неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; содействие следователю (дознавателю) при производстве отдельных следственных действий и др.

Практический опыт показывает, что взаимодействие между оперативными и следственными подразделениями в процессе раскрытия и расследования карманных краж, совершаемых в общественном транспорте, до настоящего времени осуществляется на низком уровне. Отдельные поручения следователя (дознавателя) в порядке ст. 38, 152 УПК РФ в большинстве случаев исполняются формально, в результате чего информация обо всех лицах, причастных к совершению рассматриваемых преступлений, а также участвовавших в сбыте похищенного имущества, не устанавливается.

В свою очередь, необходимо отметить, что если в поручении следователя (дознавателя) конкретно указано, какие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия необходимо провести, точно определены их объем, место, время и другие необходимые для исполнения данные, то все это эффективно способствует формированию делового, добро-совестного отношения оперативного работника к данному поручению. Если же поручение носит

самый общий характер (например, если в нем указывается только на необходимость принятия мер к раскрытию преступления или установлению карманника, скрывшегося от следствия), оно чаще всего остается без фактического исполнения и следователь (дознаватель), соответственно, получает формальную отписку.

К организационным формам взаимодействия целесообразно отнести: совместное планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам о карманных кражах, совершаемых в общественном транспорте; совместный выезд следователя и сотрудников оперативного подразделения на место происшествия; оперативно-розыскное сопровождение расследования (причем оно должно осуществляться с момента появления повода и основания для возбуждения уголовного дела и до принятия по нему окончательного решения); взаимный обмен информацией о проведении оперативно-розыскных мероприятий и результатах следственных действий; проведение совместных совещаний субъектов взаимодействия для анализа результатов и определения мер по устранению выявленных недостатков и др.

К организационно-методическим формам взаимодействия можно отнести: совместное ознакомление и анализ материалов предварительной проверки; совместную разработку алгоритма следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, исходя из первичной информации, полученной в результате проведения неотложных следственных действий; анализ первоначального этапа расследования и полученной криминалистически значимой информации, а также изучение ее влияния на изменение следственной ситуации на последующем и заключительных этапах расследования и др.

Необходимость взаимодействия в процессе предварительного расследования возникает, как правило, тогда, когда после проведения необходимых следственных действий преступление остается нераскрытым или раскрыто не полностью.

Итак, формы и способы взаимодействия органов предварительного следствия с оперативными подразделениями при раскрытии и расследовании дел о карманных кражах могут быть самыми различными. Но в какой бы форме взаимодействие ни осуществлялось, оно должно учитывать складывающуюся обстановку и отвечать общим принципам и тактическим рекомендациям, детально изложенным в законодательстве и в криминалистической литературе [4].

Таким образом, анализ взаимодействия следственных и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании карманных краж, совершаемых в общественном транспорте, позволяет сделать следующие выводы.

1. Раскрытие и расследование анализируемых преступлений требует тесного взаимодействия оперативных и следственных подразделений, умелого сочетания следственных действий с оперативно-розыскными мероприятиями для обнаружения карманных краж и лиц, их совершивших, широкого использования в оперативно-розыскной работе и в уголовном процессе специальных знаний и научно-технических средств, а также привлечения к участию в раскрытии рассматриваемых преступлений специалистов, общественности.

2. Эффективность раскрытия, расследования и предотвращения карманных краж, совер-

шаемых в общественном транспорте, прежде всего зависит от успешности взаимодействия следственных и оперативных подразделений. Их тесная связь обусловлена наличием общих задач, касающихся раскрытия и расследования преступлений обозначенной категории, привлечения всех виновных к уголовной ответственности и установления всех обстоятельств произошедшего.

Однако взаимодействие следователей (дознавателей) и оперативных работников может быть эффективным лишь в том случае, если оно будет представлять собой не набор случайных бессвязных мероприятий, а глубоко продуманную совокупность строго упорядоченных, связанных друг с другом действий, разработанных с учетом конкретных задач, решаемых каждым из взаимодействующих субъектов при раскрытии и расследовании уголовных дел о карманных кражах.

---

1. Собр. законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 4-е изд. М., 2013.

3. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М., 2012.

4. Сидоров В.Е. Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. М., 2012.

---

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349.

2. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (article by article) / ed. by G.A. Esakov. 4th ed. Moscow, 2013.

3. Lopasheko N.A. Encroachment on property. Moscow, 2012.

4. Sidorov V.E. Initial stage of investigation: organization, interaction, tactics. Moscow, 2012.

**Дрога Анастасия Александровна**старший преподаватель кафедры криминалистики  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: madamdroga@yandex.ru)**Першин Сергей Петрович**кандидат экономических наук,  
заместитель начальника отдела документальных проверок и исследований –  
начальник отделения документальных исследований в сфере налогообложения  
Управления экономической безопасности и противодействия коррупции  
ГУ МВД России по Краснодарскому краю  
(e-mail: pershinsp@mail.ru)

## *Актуальные вопросы производства судебно-бухгалтерской экспертизы в современных условиях*

В статье рассмотрены этапы проведения судебно-бухгалтерских экспертиз и отдельные их особенности. В частности, указаны сложности использования электронных документов и баз данных учетных программ экономического субъекта при производстве судебно-бухгалтерских экспертиз. Отмечается необходимость регламентации порядка сбора и предоставления материалов для экспертизы, расширения методик и приемов экспертного исследования.

**Ключевые слова:** документ, экономические преступления, эксперт-бухгалтер, уголовное дело, судебно-бухгалтерские экспертизы.

**A.A. Droga**, Senior Teacher of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: madamdroga@yandex.ru;

**S.P. Pershin**, Master of Economics, Deputy Head of Department of Documentary Checks and Researches – Head of Office of Documentary Researches in Taxation Sphere of Department of Economic Security and Corruption Counteraction of General Directorate of the Ministry of the Interior of Russia in Krasnodar Region; e-mail: pershinsp@mail.ru

### **The present day actual questions of execution of judicial-account expertise**

This article is about the conducting stage of judicial-account expertizes and its peculiarities. Namely, complications and problems about use the computer data of automatic accounting information and execution of judicial-account expertizes are shown. The necessity of regulations of collecting and presenting materials for judicial-account expertise and the enlargement of method and techniques judicial-accounting expertizes is noticed.

**Key words:** document, economic crimes, accounting-expert, criminal case, judicial-account expertise.

**Р**асследование уголовного дела по экономическим преступлениям сопряжено с необходимостью производства судебно-бухгалтерской экспертизы. Цель такой экспертизы в большинстве случаев состоит в определении суммы ущерба, формируемой чаще всего в результате действий обвиняемого. Заключение эксперта является доказательством. Особенность судебно-бухгалтерской экспертизы составляет ее объект, т.е. факты хозяйственной жизни экономического субъекта, их документальное подтверждение и экономическое обоснование, состояние и результаты

его деятельности, а также движение денежных средств, исследование которых требует специальных познаний в области экономики и права, способности обобщить сведения и результаты исследования для формирования выводов, исходя из контекста расследуемого дела.

Судебно-бухгалтерская экспертиза может быть назначена по уголовным, гражданским и арбитражным делам. В связи с этим ее проведение регламентировано в той или иной части Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), Гражданско-процессуальным кодексом Российской Феде-

рации, Арбитражно-процессуальным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и другими нормативными актами.

Процедура назначения и производства экспертизы занимает продолжительное время и сопряжена с массой сложностей на различных этапах. Основными из них являются: выбор эксперта для производства экспертизы, сбор сведений и документов (в том числе дополнительных), необходимых для дачи заключения, расчет показателей и формирование выводов, представление результатов исследования. Рассмотрим основные особенности каждого из этапов.

Выбор эксперта и назначение экспертизы. Признав необходимым назначение экспертизы, следователь выносит об этом постановление. При этом судебная экспертиза проводится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями.

Согласно УПК РФ эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном данным Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» установлены профессиональные требования, предъявляемые к эксперту государственного судебно-экспертного учреждения.

Сочетание процессуально-правового и экономического содержания делает судебно-бухгалтерскую экспертизу достаточно трудоемкой. Эксперт должен обладать познаниями в области бухгалтерского учета, экономики, статистики, экономического анализа, аудита, финансовой математики и др. Следователю или иному лицу, назначившему экспертизу, установить фактическое соответствие эксперта указанным требованиям достаточно сложно. К тому же практика показывает, что уровень подготовки и способность объективной оценки самого следователя зачастую оказываются на недостаточном уровне. Он не всегда способен грамотно поставить вопросы экспертизы, тем самым либо обрекает себя на дополнительную работу, либо необоснованно повышает трудоемкость процедуры производства экспертизы. Так, ставя вопрос о суммах и направлениях движения денежных средств за три отчетных периода, хотя событие преступления заключается в недостоверности представленных

оправдательных документов, приложенных к конкретному авансовому отчету конкретного подотчетного лица, следователь вынуждает эксперта обработать массу первичных документов и регистров учета для формирования вывода на поставленный вопрос. Часто вопрос формулируется весьма обобщенно. Например: «Какова сумма не полностью исчисленных и уплаченных налогов общества?», тогда как событие преступления заключается в фальсификации расходных документов по конкретной сделке, что в соответствии с положениями ст. 252 НК РФ влечет невозможность учета соответствующей суммы расходов для целей исчисления налога на прибыль организаций.

Качество профессиональной подготовки существенно влияет на скорость производства экспертизы. Здесь и оптимальный запрос необходимых документов, и грамотность обобщения исходных данных, лаконичность и понятность выводов эксперта. Как бы стандартно ни звучали поставленные перед экспертом вопросы, каждое дело имеет существенные особенности, обусловленные и механизмом совершения преступления, и особенностями постановки ведения учета и отчетности, качеством представленных данных.

Следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением [1].

Особенность судебно-бухгалтерской экспертизы в данном случае заключается в наличии заинтересованности проведения экспертизы только у стороны обвинения. Обвиняемый зачастую не заинтересован в установлении суммы ущерба, т.к. понимает вину и не желает оказывать содействие следствию. Ввиду того что финансирование производства экспертиз бюджетом не предусмотрено, у следователя (иного лица или органа) имеется возможность назначить экспертизу по делам публичного обвинения только в государственном учреждении.

Отсутствие широких возможностей для выбора места проведения экспертизы (выбора эксперта) по делам публичного обвинения создает соблазн обжаловать результаты экспертизы стороной защиты под предлогом заинтересованности эксперта ввиду его профессиональной принадлежности к государству, т.е. стороне обвинения. Профессионализм эксперта, подкрепленный стажем работы не только непосредственно экспертной деятельности, но

и в совокупности с процедурой прохождения периодической профессиональной подготовки и аттестации, является залогом качественного исследования и достоверного результата.

Сбор сведений и документов (в том числе дополнительных), необходимых для дачи заключения, осуществляется на стадии оперативного расследования, предварительного следствия и в ходе судебного разбирательства. Дело в том, что Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ внесены изменения в ст. 195 УПК РФ, согласно которой судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела [1].

Следователь направляет материалы дела эксперту в порядке, установленном ст. 199 УПК РФ. Эксперт при получении материалов проводит оценку представленных документов и, при необходимости, в соответствии со ст. 57 УПК РФ ходатайствует о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов. Однако он не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования.

В зависимости от характера и источника необходимых сведений сбор материалов может занимать от нескольких дней до нескольких месяцев. Так, в рамках возбужденного уголовного дела у следователя есть возможность произвести выемку материалов согласно вынесенному постановлению либо произвести обыск по месту предполагаемого нахождения требуемых материалов. В случае необходимости истребования материалов, находящихся в распоряжении налогового органа, кредитной организации или контрагентов объекта исследования, процедура получения сведений растягивается на время подготовки необходимых сведений, их оформление, доставку. Нередки случаи необходимости получения пояснений учетных работников или иных ответственных лиц объекта исследования с приложением подтверждающих документов. Так, формирование сведений о затратах в отношении отдельного наименования производимого продукта требует значительного времени вследствие того, что ранее учетным работником такие операции не производились, а расчет значений показателей требует применения определенной методики распределения и обобщения затрат. Требования формирования актов взаимных расчетов с контрагентами также приводят к необходимости организации дополнительных мероприятий по сбору и обобщению сведений.

Сложности, приводящие к затягиванию процесса сбора необходимых сведений, возникают

также по объективным причинам, например в результате частой смены хозяйственником места фактического осуществления деятельности и юридического адреса, вследствие значительной территориальной удаленности контрагентов. Возникает несогласованность сведений, полученных из разных источников, что требует дополнительных процедур по их урегулированию. Нередки случаи ошибок и потери сведений государственными органами.

Отдельное внимание следует уделить сведениям, предоставляемым в электронном виде. Безусловно, использование таких материалов существенно ускоряет работу по поиску необходимых данных и их обобщению. К примеру, сведения о движении денежных средств по расчетным счетам экономического субъекта. Если необходимо отыскать определенные операции, то электронный поиск данных обеспечит выборку и группировку в соответствии с возможностями формата представленного материала. Здесь основной задачей является обеспечение сопоставимости формата исходных данных с программными возможностями средств эксперта. Выписка расчетов с бюджетом по налогам и сборам, формируемая налоговым органом в электронном виде, также позволит обобщить необходимые сведения в разрезе налоговых периодов, сроков подачи деклараций и уплаты налога.

Сегодня большинство хозяйственников используют специализированные программы для ведения учета, формирования отчетности, обмена информацией с налоговым органом и кредитной организацией. Максимально лоббируется вопрос о признании электронной формы первичного документа для целей признания расходов и налогообложения. Отправной точкой служит приказ Минфина России от 25 апреля 2011 г. № 50н «Об утверждении порядка выставления и получения счетов-фактур в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи с применением электронной цифровой подписи», согласно которому электронный счет-фактура может быть передан только через оператора электронного документооборота в установленном Федеральной налоговой службой формате [2].

Приказ ФНС России от 5 марта 2012 г. № ММВ-7-6/138, утвердивший данный формат, вступил в силу 23 мая 2012 г. Деятельность указанных операторов регламентируется приказом № ММВ-7-6/253@, однако счет-фактура в электронном виде должен быть выставлен по взаимному согласию сторон сделки. При этом необходимым условием является наличие совместимых тех-

нических средств и возможностей для приема и обработки счетов-фактур в соответствии с установленным форматом и порядком (абз. 2 п. 1 ст. 169 НК РФ) [3].

Форматы представления ряда документов, используемых при выставлении и получении счетов-фактур в электронном виде (например, форматы информационного сообщения об участнике электронного документооборота счетами-фактурами, извещения о получении электронного документа), утверждены приказом ФНС России от 30 января 2012 г. № ММВ-7-6/36@, счет-фактура в электронном виде должен быть заверен квалифицированной электронной подписью руководителя организации или ее уполномоченного лица. Получение такой подписи, используемой не только для целей подписи счетов-фактур в электронном виде, сопряжено с рядом признаков.

Новый закон о бухгалтерском учете предусматривает возможность составления первичных учетных документов в электронном виде.

В настоящее время Федеральной налоговой службой России ведется работа по стандартизации и созданию шаблонов электронных форматов таких документов. В перспективе – разработка универсального первичного документа на базе счета-фактуры для оформления реализации товарно-материальных ценностей [4].

При всех положительных сторонах применения электронного документа установленные условия обмена и его подписи не позволяют обеспечить широкое распространение данной формы. Следует иметь в виду, что это (условия) одновременно является средством обеспечения достоверности документа и факта совершения хозяйственной операции, и обвиняемый, преследующий злой умысел, не применяет предоставленные государством возможности, а, напротив, стремится к избеганию попадания сведений о совершенных операциях в коммуникационные сети и автоматизированные базы данных.

Исходя из вышеуказанного использование электронных документов для целей производства экспертизы должно быть сопряжено с возможностью эксперта подтвердить подлинность электронной подписи и факта поступления документа адресату. Чаще всего, такие документы хранятся в виде электронных копий в базе данных используемой экономическим субъектом программы для ведения бухгалтерского и налогового учета. Изъятие и представление такой базы данных для исследования также требует не только профессиональной подготовки в ее использовании, но и возможности программной

совместимости со средствами эксперта и обеспечения достоверности ее данных.

На практике в случае применения хозяйствующим субъектом бухгалтерской программы эксперт имеет право затребовать формы бухгалтерских отчетов и регистров учета, формируемые соответствующей версией программы. Существует также возможность распечатать отчетные формы, формат и содержание которых могло быть установлено в ходе исследования электронной базы данных, представленной на исследование.

Копия базы данных бухгалтерской программы содержит, как правило, сведения относительно всей хозяйственной деятельности экономического субъекта. Поэтому в случае исследования отдельного вопроса, будь то движение основных средств организации или операции по взаимоотношениям с отдельными контрагентами, в распоряжении эксперта оказывается масса дополнительных сведений. Это составляет некую сложность при обосновании необходимости изъятия электронной версии базы данных. Многие следователи во избежание противоречия со стороной обвинения игнорируют возможность предоставления для исследования учетной базы данных в ущерб времени и трудоемкости экспертизы. В то же время формирование выводов по вопросам, связанным с исследованием порядка формирования показателя, отражающего результат финансовой или производственной деятельности экономического субъекта, требует представления комплекса данных. Более того, в ходе исследования может возникнуть потребность в дополнительных сведениях, тем или иным образом оказавших влияние на формирование результата. Причем такая необходимость возникает именно в процессе исследования и не может быть заранее оговорена экспертом.

Немаловажное значение имеет соблюдение учетными работниками объекта исследования установленных правил отражения фактов хозяйственной жизни на счетах учета. Многочисленные ошибки, корректировки и исправления данных, их несогласованность с иными документами приводят к невозможности применения сведений для формирования достоверных выводов. Следователь на стадии предоставления материалов не может оценить качество и согласованность учетной информации, к тому же ее объем может быть умышленно ограничен ответственными лицами объекта исследования. В этом случае неоценима помощь специалиста-бухгалтера, что позволит исключить выемку ненужных материалов и обеспечит оптимальный состав документов.

Следует обратить внимание на требования, предъявляемые к порядку предоставления материалов для проведения экспертизы. Они прописаны в ведомственных нормативных актах с целью обеспечения процессуальных требований процессуального законодательства, сохранности, систематизации и полноты самих материалов. Зачастую следователи не уделяют должного внимания достоверности материалов дела в ходе производства выемки для целей экспертного исследования, считая это обязанностью эксперта, тогда как такая обязанность установлена ст. 87 УПК РФ.

Расчет показателей и формирование выводов по результатам исследования составляет основную часть производства судебно-бухгалтерской экспертизы. Эксперту необходимо обобщить сведения из представленных материалов в определенном формате, пригодном для достоверной оценки фактов хозяйственной жизни объекта исследования и формирования выводов на поставленные вопросы.

Согласно ст. 38 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» научно-методическое обеспечение производства судебных экспертиз, а также профессиональная подготовка и повышение квалификации государственных судебных экспертов возлагаются соответствующими федеральными органами исполнительной власти на государственные судебно-экспертные учреждения [5]. Методика эксперта весьма разнообразна и зависит от цели, задач и характера исследования. Здесь эксперт вправе применить методы исследования в соответствии со своей профессиональной подготовкой. Это общенаучные методы, методы экономического анализа, финансовой математики, статистики и др. Чаще всего эксперт оценивает ситуацию путем сравнения и сопоставления сведений, полученных из разных источников, производит пересчет показателей финансового результата, оценивает обоснованность и соответствие правилам отражения учетных объектов, соответствие записей бухгалтерского и налогового учета и отчетности действительному характеру фактов хозяйственной жизни.

Дилеммой для эксперта становится необходимость восстановления учетных показателей по данным первичного учета. Нередки случаи умышленного уничтожения подозреваемым документов бухгалтерского и налогового учета, отчетности, документов, отражающих факты и результаты взаимоотношений с контрагентами. В случае необходимости определения величины финансового результата такого хозяйствующего

субъекта эксперт вынужден восстанавливать учетные данные по сведениям, полученным в результате встречных проверок, из налогового органа, по данным выписок о движении денежных средств по расчетным счетам и другим документам. Это достаточно трудоемкая работа, более того, многие показатели зависят от содержания учетной политики экономического субъекта и особенностей его хозяйственной деятельности, что не позволяет однозначно установить требуемые величины. В противном случае ответить на поставленный вопрос становится невозможным. Применение расчетного метода, аналогичного методу, указанному в п. 7 ч. 1 ст. 31 НК РФ, в регламентирующих экспертную деятельность документах не предусмотрено. А его результаты легко оспариваются стороной защиты в ходе судебного заседания, т.к. не учитывают индивидуальные особенности и возможности совершения хозяйственных операций, возлагая бремя доказывания по делам публичного обвинения на сторону обвинения. Разрешением ситуации может стать грамотное формулирование и обоснование вопросов, их конкретизация в направлении уточнения периода исследования либо отдельных фактов хозяйственной жизни экономического субъекта.

Условия поступления материалов для проведения исследования также ограничивают возможность применения отдельных методов. Так, исключается возможность использования сведений, не подтвержденных документально, приемов оценки и прогнозирования, некоторых приемов факторного анализа. Важно обосновать применение того или иного специфичного метода, т.к. ход исследования может стать предметом дискуссии в ходе судебного заседания. Проведение одной экспертизы несколькими экспертами не всегда оправдано вследствие необходимости согласованности приемов исследования при формировании выводов на некоторые вопросы. Целесообразность комплексной экспертизы должна быть оценена руководителем экспертного учреждения или самим экспертом.

Представление результатов исследования. Оформление результатов исследования и представление их адресату (орган или лицо, назначившее экспертизу) составляют завершающий этап процедуры экспертизы. Заключение эксперта представляет собой письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом. Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью. Документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований, хра-

няться в государственном судебно-экспертном учреждении. По требованию органа или лица, назначившего судебную экспертизу, указанные документы предоставляются для приобщения к делу. Ответственность за дачу заведомо ложного заключения предусмотрена ст. 307 УК РФ.

Порядок документооборота независимого эксперта регламентируется локальными нормативными актами и правилами делового оборота, при этом требования о содержании заключения эксперта, установленные Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», распространяются и на этих лиц.

Результаты проведенного экспертного исследования зачастую становятся предметом споров и дискуссий сторон судебного процесса. Эксперт может быть также допрошен по вопросам экспертизы в ходе предварительного следствия и процессуального контроля. Это влечет особую ответственность эксперта на протяжении всего разбирательства по исследуемому делу.

Таким образом, производство судебно-бухгалтерской экспертизы – важный и ответственный элемент расследования, от которого зависят полнота, достоверность и объективность его

исхода. На сегодняшний день существует достаточно большое количество не в полной мере разрешенных моментов в процедуре проведения экспертного исследования. Следует уделить особое внимание возможности и регламентации порядка использования экспертом электронных документов и баз данных бухгалтерских программ экономического субъекта, подробному регламентированию порядка сбора, оценки и предоставления материалов для экспертизы, расширению набора методов и приемов экспертного исследования с возможностью специального использования сведений, базы данных которых ведут налоговые органы, Федеральная регистрационная служба и иные государственные органы. Безусловно, предлагаемые направления совершенствования экспертной деятельности не могут быть реализованы без соответствующей профессиональной подготовки и аттестации претендентов на замещение должности эксперта. Значение и авторитет экспертного заключения напрямую зависят от соблюдения незыблемых принципов ответственности, независимости, профессионального подхода и объективности их деятельности.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении порядка выставления и получения счетов-фактур в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи с применением электронной цифровой подписи: приказ Минфина России от 25 апр. 2011 г. № 50н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Моргунова А. Электронные счета-фактуры. URL: <http://www.klerk.ru/buh/articles/280582>

5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 71-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law of Dec. 18, 2001 № 174-FL. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

2. About the approval of the procedure of issuing and receiving of invoices in electronic form through telecommunication channels with the use of electronic digital signature: order of the Finance Ministry of the Russian Federation of Apr. 25, 2011 № 50n. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

3. Tax code of the Russian Federation (the second part) of Aug. 5, 2000 № 117-FL. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

4. Morgunova A. Electronic expense-invoices. URL: <http://www.klerk.ru/buh/articles/280582>

5. About the state judicial-expert activity in the Russian Federation: fed. law of May 31, 2001 № 71-FL. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

**Науменко Оксана Александровна**преподаватель кафедры предварительного расследования  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583268)

## *Особенности назначения судебных экспертиз при расследовании преступления, предусмотренного статьей 326 Уголовного кодекса Российской Федерации*

В статье рассмотрен порядок назначения судебных экспертиз при расследовании преступления, предусмотренного ст. 326 УК РФ. Автор предлагает перечень вопросов для различных экспертиз рассматриваемого состава преступления, обосновывая необходимость назначения комплексной экспертизы.

**Ключевые слова:** транспорт, экспертиза, расследование, постановление, уголовное дело.

**O.A. Naumenko**, Teacher of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583268.

### **Features purpose in forensic investigation crimes under article 326 of the Criminal code of the Russian Federation**

The article discusses the procedure for appointing judicial expertise in the investigation of a crime under art. 326 of the Criminal code of the Russian Federation. The author proposes a list of questions for the various examinations considered an offense justifying the need for a comprehensive examination of destination.

**Key words:** transport, examination, investigation, judgment, criminal case.

**П**о данным Информационного центра ГУ МВД России по Краснодарскому краю, в 2010 г. из 159 уголовных дел, возбужденных по ст. 326 УК РФ, только 2 направлены в суд, в 2011 г. из 128 – 2, в 2012 г. из 79 – 1 [1]. Статистические показатели свидетельствуют о низкой раскрываемости данной категории уголовных дел. Однако общественная опасность подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства состоит в том, что нарушается порядок идентификации ТС, зачастую для сокрытия других, более тяжких преступлений, связанных с хищениями транспорта.

На современном этапе осуществления реформ уголовного и уголовно-процессуального законодательства в России особую остроту приобрели проблемы, возникающие при проверке сообщения о преступлениях, связанных с проверкой легальности автомобильного транспорта. Особенности осуществления отдельных процессуальных действий при проведении проверки по сообщению о подделке идентификационного номера транспортного средства связаны с необходимостью дополнительных знаний о техническом устройстве автомобилей,

их характеристик и др. Кроме того, необходимо квалифицированно использовать дополнительные технические устройства для тщательного осмотра транспортного средства, грамотно оформлять процессуальные документы. От правильного выполнения задач по проверке сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 326 УК РФ, зависит быстрое раскрытие и расследование данного вида преступлений.

Для назначения судебных экспертиз при рассмотрении сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 326 УК РФ, необходимо грамотно и детально провести осмотр транспортного средства, целью которого является: обнаружение следов преступления и других вещественных доказательств, выяснение всех обстоятельств, имеющих значение для установления признаков преступления. Особенности проведения осмотра транспортного средства включают себя подготовительные мероприятия: ознакомление с технической документацией ТС, с терминологией при описании узлов и агрегатов ТС и уточнении необходимых данных завода – изготовителя ТС, подбор компетентных специалистов.

УПК РФ не выделяет осмотр транспортного средства в качестве объекта осмотра. Однако на практике осмотр ТС рассматривают как разновидность следственного осмотра, фиксация результатов которого осуществляется путем составления протокола с соблюдением требований ст. 180, 166 и 167 УПК РФ, который возможно производить до возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении.

Зачастую лица, производящие осмотр транспортного средства, уделяют внимание только вопросам изменения номерных обозначений. Такие факты, как перекрашивание кузова, отдельных кузовных деталей, полная или частичная замена кузовных деталей, нестандартная комплектация силового агрегата, компоновка кузова и салона автомобиля, отсутствие заводских паспортизирующих пластин или их нестандартное крепление и другие особенности, косвенно указывающие на возможное изменение знаков первичной маркировки [2], остаются неразрешенными.

В ходе осмотра следует применять специальные технико-криминалистические средства: вихревые дефекторы, позволяющие обнаружить изменения маркировки, магнитный толщиномер, средства освещения, оптические приборы, приборы для исследования в невидимых лучах спектра, средства измерения, средства изъятия, аппаратуру для фиксации хода следственного действия и др. Целесообразно привлечение специалиста-автотехника.

Результат производства экспертиз при проверке сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 326 УК РФ, зависит от правильности поставленных эксперту вопросов. Если вопрос не будет понятен либо поставлен неправильно по существу, то эксперт может отказаться от производства экспертизы. Вопросы в постановлении о назначении экспертизы должны быть детализированы и последовательно изложены.

Основные требования к вопросам при назначении экспертиз:

1. Вопросы не должны выходить за пределы знаний сведущего лица.
2. Вопросы не должны носить правовой характер.
3. Вопрос должен быть четко сформулированным, определенным, ясным и конкретным.
4. Перечень вопросов должен быть достаточно полным с тем, чтобы заключение эксперта носило исчерпывающий характер.
5. Вопросы надлежит перечислять в строгой логической последовательности, формулируя сначала те, от разрешения которых зависит решение других.

Примерный перечень вопросов при назначении технико-криминалистической экспертизы документов:

Типографским либо самодельным способом изготовлен представленный документ?

Каким способом нанесены отпечатки печати, штампа в данном документе?

Не подвергались ли записи в документе травлению, подчистке (указываются места расположения записей)?

Каково содержание обесцвечившихся записей в документе?

Для установления подлинности маркировочных обозначений ТС назначается автотехническая экспертиза.

Типичные вопросы при исследовании ТС:

Имеет ли представленное на исследование ТС рабочий объем двигателя более 50 куб. см, и способно ли оно развивать скорость более 50 км/ч?

Предназначено ли ТС для движения по автомобильным дорогам общего пользования?

Подлежит ли ТС маркировке?

В каких местах и каким способом нанесены знаки первичной идентификационной маркировки кузова (шасси), первичная маркировка блока цилиндров двигателя?

Для того чтобы достоверно установить, подвергались ли изменениям идентификационные номерные обозначения узлов и агрегатов транспортных средств, разработана специальная методика осмотра транспортного средства, позволяющая всесторонне и объективно выявить все несоответствия установленному стандарту.

Данная методика позволяет не только определить соответствие комплектации транспортного средства, предоставленного на экспертное исследование, нанесенному идентификационному номерному обозначению, соответствие пробега транспортного средства сроку и интенсивности его использования, выявить определенные несоответствия в комплектации двигателя, салона кузова автомобиля, но и получить информацию о переустановке отдельных узлов, агрегатов, комплектующего оборудования с другого аналогичного по модели автомобиля.

В ходе проведения экспертного исследования устанавливаются механизм изменения идентификационных номерных обозначений и обозначений узлов и агрегатов, способы и приспособления, использовавшиеся при внесении изменений в номерные обозначения, способы маскировки внесенных изменений, а также иных признаков, указывающих на условия, в которых было изменено идентификационное обозначение транспортного средства.

Все собранные и выявленные сведения в дальнейшем предназначаются как для доказывания вины правонарушителей, совершивших незаконное завладение транспортным средством, так и для установления так называемых «двойников», когда под имеющийся некриминальный автомобиль или мотоцикл угоняется аналогичный по модели и комплектации транспорт, на котором в дальнейшем производится видоизменение всех имеющихся номерных и маркировочных обозначений.

При исследовании идентификационного номера, номера кузова, шасси, двигателя ТС типичные вопросы следующие:

Соответствуют ли знаки первичной маркировки ГОСТу; если имеется несоответствие, то в чем оно выражается?

Каково происхождение имеющихся на маркировочной площадке следов (эксплуатационный, производственный брак)?

Являются ли имеющиеся на номере (маркировочной площадке) повреждения результатом подделки (уничтожения)?

Не подвергался ли номер каким-либо изменениям; если да, то какие элементы номера и как (каким способом) изменялись (удалялись)?

Какие инструменты, приспособления, механизмы, вещества, технические средства использовались при подделке (уничтожении)?

Каким способом нанесен идентификационный номер, номер кузова, шасси, двигателя ТС?

Каково первоначальное содержание имевшихся идентификационных обозначений кузова, шасси, двигателя?

Фабричным или кустарным способом изготовлены инструменты, приспособления, технические средства, оставившие следы на маркируемой площадке?

Однородны ли по химическому составу материал, на котором нанесен номер, и материал, представленный для сравнения (стружки, опилки и т.п.)?

В любом случае необходимо ставить вопрос о возможности восстановления уничтоженного или поддельного идентификационного номера.

При наличии материалов, относящихся к предмету экспертизы, их следует представлять эксперту (например, объяснения данных относительно обстоятельств подделки, уничтожения или сбыта ТС). Кроме того, для производства экспертизы может понадобиться документация о технологии нанесения предприятием-изготовителем идентификационных обозначений (в определенное время), которую необходимо истребовать в установленном порядке.

Необходимо назначать физико-химическую экспертизу лакокрасочных материалов. Перед экспертом целесообразно поставить следующие вопросы:

Являются ли представленные вещества лакокрасочными материалами; если да, то к какому виду они относятся?

Одинаковы ли по своему составу частицы лакокрасочного покрытия, изъятые с (указать место, откуда было изъято покрытие, государственный номер автомобиля), с краской, изъятой с (указать место, госномер автомобиля)?

Подвергалась ли поверхность предмета перекраске? Сколько раз производилась такая перекраска?

Каков способ нанесения лакокрасочного материала на предмет?

До возбуждения уголовного дела необходимо принять меры к сохранности изъятых транспортных средств, регистрационных и иных документов на АМТС.

Подводя итог особенностям назначения судебных экспертиз при расследовании преступления, предусмотренного ст. 326 УК РФ, отметим следующее. При рассмотрении вопроса о назначении судебных экспертиз по данному виду преступлений необходимо учитывать возможность назначения комплексной экспертизы, в производстве которой могут участвовать эксперты разных специальностей, поскольку одновременно могут быть исследованы документы на автотранспортное средство, лакокрасочное покрытие транспортного средства, а также сами узлы и агрегаты транспортного средства.

1. Архив Главного управления МВД России по Краснодарскому краю: докладные записки начальников подразделений дознания за период 2010–2012 гг.

2. Митричев Л.С. и др. Исследование маркировочных данных автотранспортных средств: учеб. пособие. М., 1990.

1. Archive of the Main Directorate of the Ministry of the Interior of Russia in Krasnodar Region: memos of heads of inquiry for the period 2010–2012.

2. Mitrichev L.S. et al. Study data marking of motor vehicles: study aid. Moscow, 1990.

**Сарычева Инна Викторовна**

адъюнкт кафедры криминалистики  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583181)

## *Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности*

Статья посвящена анализу личности экстремиста как элемента криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности. Рассматриваются социально-демографические и психологические свойства личности преступника.

**Ключевые слова:** криминалистическая характеристика преступлений, личность преступника, преступления экстремистской направленности.

**I.V. Sarycheva**, Adjunct of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583181.

### **The offender's personality as an element of criminalistic characteristic of crimes of extremist orientation**

The article is devoted to the analysis of the personality of an extremist as an element of criminalistic characteristic of crimes of an extremist orientation. Socio-demographic and psychological properties of the personality of the offender are considered.

**Key words:** criminalistic characteristic of crimes, offender's personality, crimes of extremist orientation.

**В** настоящее время экстремистская деятельность представляет собой одну из наиболее опасных угроз конституционному строю и безопасности государства. Несмотря на принятие в 2002 г. Закона «О противодействии экстремистской деятельности» и концентрацию внимания правоохранительных органов на данной проблеме, деятельность экстремистских организаций и группировок в настоящее время продолжает оставаться серьезным фактором дестабилизации социально-политической ситуации в Российской Федерации.

Поэтому вполне закономерен тот факт, что Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. определено, что Россия при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма и экстремизма наряду с другими преступными посягательствами.

Анализ современного состояния борьбы с указанными преступлениями свидетельствует

о том, что имеющиеся у практических работников методики расследования этих преступлений не в полной мере соответствуют насущным проблемам практики. Одной из причин «отставания» криминалистических рекомендаций является то, что они не отличаются конкретностью, устарели либо их разработка не всегда осуществлялась с учетом криминалистически значимых признаков этих преступлений. Указанная проблематика напрямую связана с концепцией криминалистической характеристики преступлений.

На наш взгляд, следует согласиться с мнением Т.С. Волчецкой, что в настоящее время «...необходим научный анализ целого ряда вопросов криминалистического противодействия и профилактики различного вида преступлений, связанных с экстремизмом. Речь идет об изучении массива расследованных уголовных дел ... с целью создания криминалистической характеристики этих преступлений» [1, с. 58].

Термин «криминалистическая характеристика преступлений» в результате длительного пути развития криминалистики прочно вошел в арсенал ее научного аппарата. Изучение мнений ученых свидетельствует о том, что о

понятии данной категории высказывались различные точки зрения. Следует отметить, что значение криминалистической характеристики для методики расследования отдельных видов и групп преступлений также определяется неоднозначно. Так, она была названа и «вероятностной моделью» [2, с. 24], «криминалистическим фантомом» [3, с. 219–224], и «кривым зеркалом преступной деятельности» [4, с. 73–79]. Такое отношение к данной категории свидетельствует о ее актуальности.

По нашему мнению, криминалистическую характеристику преступлений экстремистской направленности можно определить как систему взаимосвязанной и взаимозависимой информации о типичных признаках данного вида преступлений, обуславливающих применение соответствующих криминалистических методов, приемов и средств в целях своевременного и эффективного решения оперативно-розыскных, следственных и экспертных задач первоначального этапа расследования по конкретному уголовному делу.

Составные части криминалистической характеристики преступлений большинство авторов именуется элементами, которым присущи свои признаки, отражающие их содержание. Переходя к элементам структуры криминалистической характеристики преступлений, в первую очередь, отметим, что они находятся в зависимости от разнообразия совершаемых деяний и создаваемых научных методик по их выявлению, раскрытию и расследованию.

Определение структуры криминалистической характеристики относится к дискуссионным вопросам, и ученые пытаются ее унифицировать.

Так, А.В. Сергеева включает в криминалистическую характеристику преступлений экстремистской направленности данные об обстановке, о способах, мотивах и целях его совершения, а также о личности, совершающей преступление экстремистской направленности [5, с. 5].

По мнению И.В. Погодина, криминалистическая характеристика организованной экстремистской преступной деятельности (ЭПД) должна включать информацию:

- о типичных признаках организованной экстремистской преступной группы (ОЭПГ);
- об основных направлениях ЭПД;
- о типичных способах совершения преступлений в составе ОЭПГ;
- о типичных особенностях механизма следообразования;

- о типичных особенностях места, времени и обстановки совершения преступлений в составе ОЭПГ;

- о типичных особенностях личности потерпевших от преступлений, совершенных ОЭПГ;
- о типичной преступной деятельности участников ОЭПГ в целях ее жизнеобеспечения [6, с. 25].

Интерес представляют результаты исследования, проведенного Д.Н. Лозовским [7]. Так, по его мнению, в структуре криминалистической характеристики организованной преступной деятельности выделяются две группы элементов:

- а) элементы, характерные для структуры криминалистической характеристики группы преступлений, выделяемых на основании особого субъекта их совершения;
- б) элементы, характеризующие специфику организованной преступной деятельности, выходящие за пределы конкретных преступлений, совершаемых в составе ОПГ, относящиеся к обеспечению ее функционирования [8, с. 39].

В целом, нам представляется правильным мнение Р.С. Белкина и И.А. Возгина о том, что содержание криминалистической характеристики вида (группы) преступлений охватывает собой все элементы предмета доказывания с теми их особенностями, которые характерны для расследования конкретной категории преступлений [9, с. 359; 10].

Основываясь на эмпирической базе проведенного исследования, следует считать, что структура криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности представляет собой: данные о личности преступника; способы совершения преступной деятельности; сведения о личности потерпевшего; реальную окружающую среду (обстановку) совершения преступления и закономерные следы, оставляемые в процессе ее взаимодействия с другими элементами системы (механизм следообразования).

Одним из основных элементов криминалистической характеристики является личность экстремиста. Как верно заметил Р.Л. Ахмедшин, «криминалистическое изучение личности преступника должно быть преимущественно ориентировано на личность как носителя социально-психологических характеристик, выраженных в ее криминалистически значимых поведенческих реакциях, отражающихся в конкретных условиях преступного события» [11, с. 10].

В ходе проведенного исследования нами установлено, что экстремистами были в основном мужчины. Только в 8% случаев ими являлись женщины. Однако сегодня членами и даже лидерами молодежных экстремистских организаций (группировок) все чаще становятся молодые девушки. Так, по одному из изученных уголовных дел гр. К. размещала в сети Интернет сообщения экстремистского характера [12].

Возраст лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, распределялся следующим образом: до 18 лет – 24%, от 18 до 25 лет – 57%, от 25 до 30 лет – 8%, от 30 до 40 лет – 6%, старше 40 лет – 5%.

Данные показатели подтверждаются и другими учеными. Так, исследование, проведенное Д.Н. Ереминым, показало что подавляющее число экстремистов – лица молодого возраста (от 18 до 30 лет) – 70% [13, с. 17].

А.В. Сергеева среди лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, выделяет два основных вида личности. Первый – это лицо мужского пола, в возрасте от 25 до 37 лет, имеющее высшее или среднее специальное образование, работающее, обладающее ярко выраженными организаторскими способностями. Второй – лицо мужского пола, в возрасте до 20 лет, в том числе несовершеннолетнее, имеющее неоконченное среднее или среднее специальное образование, не работающее, обладающее высокой степенью внушаемости [5, с. 12].

Тот факт, что рассматриваемые преступления зачастую совершаются несовершеннолетними, объясняется тем, что именно возраст с 14 до 18 лет является оптимальным для восприятия радикальных националистических, ксенофобских и экстремистских идей. Поэтому указанных лиц проще всего идеологически подготовить для совершения экстремистских акций. Наиболее активные подростки зачастую являются не только исполнителями преступлений экстремистской направленности, но и их организаторами.

Большинство экстремистов имели среднее, среднее специальное образование – 32%; неполное среднее – 26%; высшее и неоконченное высшее – 32%. Наличие образования позволяет лицам, осуществляющим публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, организацию экстремистского сообщества, организации, на достаточно высоком организационном уровне осуществлять преступную

деятельность, оказывать воздействие на волю лиц, склонять их к участию в экстремистском сообществе, осуществлять публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждать ненависть, вражду и т.д.

По изученным нами уголовным делам 18% лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, на момент совершения преступления состояли в зарегистрированном браке.

В ходе проведенного исследования установлено, что около 85% экстремистов ранее не имели судимости и не привлекались к уголовной ответственности. Отсутствие судимостей у лиц, занимающихся экстремистской деятельностью, говорит об отсутствии стойкой противоправной направленности личности, эти лица вряд ли будут активно противодействовать расследованию, не знакомы с методами расследования и оперативно-розыскной деятельности, что в дальнейшем необходимо учитывать следователю при планировании расследования.

В ходе изучения уголовных дел было установлено, что большая часть из них совершается одним лицом, однако, исходя из объема выполненной обвиняемым работы по подготовке к совершению преступных действий (составление, редактирование, тиражирование большого количества листовок, организация шествий и пикетов, участие в разрешенных организациях), можно предположить, что соучастники преступления не были выявлены в ходе расследования.

Изучение связи личности преступника с местами совершения преступлений экстремистской направленности дало следующие результаты. Все преступления были совершены в пределах населенного пункта, где проживал осужденный. Более того, 34% преступлений были совершены в границах района города, где проживал осужденный. Почти все преступления были совершены в крупных городах. Очевидно, что преступления экстремистской направленности – это беда больших городов. В данном случае листовки, газеты изготавливались дома, на персональных компьютерах и хранились также дома.

Так, по одному из исследованных уголовных дел гр. П. распространял листовки и газеты экстремистского содержания по месту своего проживания в г. Новороссийске. Листовки и газеты он хранил по месту проживания [14].

Серьезного внимания заслуживает проблема выявления типичных мотивов и целей преступлений как важных компонентов, характеризующих личность преступников.

Преступления экстремистской направленности отличаются специфическими мотивами, такими как политическая, идеологическая, расовая, национальная, религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы. Результаты анализа материалов практики показали, что преступления против личности, совершенные по экстремистскому мотиву, наряду с мотивом ненависти или вражды, были сопряжены также с корыстными и хулиганскими побуждениями.

Именно выявление мотива преступного поведения позволяет субъекту доказывания разграничить преступления экстремистской направленности и смежные с ними преступные проявления и, исходя из этого, определить дальнейшую тактику ведения следствия и доказывания.

Нередко мотивы преступления скрываются или намеренно искажаются по причине того, что лица, совершающие преступления, как следует из материалов изученных уголовных дел, желают представить себя в более выгодном свете, доказать необходимость своих преступных действий, объяснить их более высокими побуждениями.

Основной целью указанных преступлений является:

возбуждение ненависти или вражды по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе;

унижение достоинства по тем же признакам;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

побуждение к указанной выше деятельности.

Указанные цели являются обязательным признаком субъективной стороны преступления.

Кроме того, могут присутствовать и такие факультативные цели:

получение материальной выгоды;  
причинение вреда здоровью;  
лишение жизни;  
нарушение общественного порядка и т.д.

Однако указанные цели носят дополнительный характер, и их наличие не обязательно.

Среди психологических качеств исполнителей экстремистских преступлений на основе мнений ученых можно выделить следующее:

1) яркая приверженность какой-либо идеологии, вплоть до фанатизма, и групповой нарциссизм предполагают наличие нарциссического радикала в структуре личности;

2) экстремальность деятельности и ее группоцентрический характер предполагают преобладание групповой идентичности над самоидентичностью и слабую выраженность последней;

3) ориентация на насилие и устрашение предполагает наличие выраженного параноидного радикала в структуре личности.

Указанные особенности в личности экстремиста будут весьма выраженными, а представленные в более мягкой форме, они будут проявляться в виде ксенофобии [15, с. 28].

Как верно заметил И.В. Погодин, «лица, совершающие преступления экстремистской направленности, в основном молодые люди, с несформировавшимися взглядами, сторонники вульгарной идеологии, борющиеся за “чистоту” расы, проповедующие религиозную нетерпимость, стремящиеся к установлению примитивного миропорядка, основанного исключительно на насилии. Характерной чертой идеологов экстремизма является их пренебрежение жизнью, как врагов, так и соратников» [16, с. 7].

Таким образом, на основании вышеизложенного необходимо высказать однозначное мнение о том, что криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности представляет большую практическую и инструментальную значимость для сотрудников правоохранительных органов, непосредственно ответственных за борьбу с экстремизмом, а характеристику личности экстремиста необходимо не только разрабатывать теоретически, но и шире применять на практике.

1. Волчецкая Т.С. Криминалистическое противодействие политическому экстремизму: современные проблемы // Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений:

1. Volchetskaya T.S. Forensic opposition political extremism: contemporary issues // Crime in Western Siberia: current problems of prevention and investigation of crimes: coll. of papers on the results of the All-Russian sci. and

- сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. (28 февр. – 1 марта 2013 г.). Тюмень, 2013.
2. Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск, 1983.
  3. Белкин Р.С. Фантомы криминалистики // Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.
  4. Захаров Г.К. Криминалистическая характеристика – «кривое зеркало» преступной деятельности // Вестн. криминалистики. М., 2008. Вып. 1(25).
  5. Сергеева А.В. Особенности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
  6. Погодин И.В. Преступления экстремистской направленности: методика доказывания. М., 2012.
  7. Лозовский Д.Н. Криминалистическое учение о методах расследования преступлений и его реализация в практике борьбы с организованной преступной деятельностью: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011.
  8. Лозовский Д.Н. Методы расследования организованной преступной деятельности. Майкоп, 2010.
  9. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 3.
  10. Криминалистика / под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб., 1995.
  11. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006.
  12. Архивное уголовное дело № 385355.
  13. Еремин Д.Н. Проблемы типизации личности экстремиста (по материалам Северо-Кавказского региона) // Вестн. Калининград. филиала С.-Петербур. ун-та МВД России. 2010. № 3.
  14. Архивное уголовное дело № 618624.
  15. Юрасова Е.Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии // Юридическая психология. 2008. № 4.
  16. Погодин И.В. Доказывание по делам о преступлениях экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
  - pract. conf. (Febr. 28 – March 1, 2013). Tyumen, 2013.
  2. Shikanov V.I. Theoretical foundations of tactical operations in the investigation of crimes. Irkutsk, 1983.
  3. Belkin R.S. Criminalistics phantoms // Forensics: today's problems. Moscow, 2001.
  4. Zakharov G.K. Forensic characterization – «distorting mirror» of criminal activity // Journal of criminalistics. Moscow, 2008. Iss. 1(25).
  5. Sergeeva A.V. Features of pretrial proceedings in criminal cases involving crimes of an extremist: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2012.
  6. Pogodin I.V. Crimes of extremist orientation: method of proof. Moscow, 2012.
  7. Lozovsky D.N. Doctrine of forensic crime investigation methods and its implementation in practice of the fight against organized crime: diss. ... Dr of Law. St. Petersburg, 2011.
  8. Lozovsky D.N. Methods of investigation of organized criminal activity. Maikop, 2010.
  9. Belkin R.S. Criminalistics course: in 3 vol. Moscow, 1997. Vol. 3.
  10. Criminalistics / ed. by T.A. Sedova, A.A. Eksarhopulo. St. Petersburg, 1995.
  11. Ahmedshin R.L. Forensic characteristic of offender: auth. abstr. ... Dr of Law. Tomsk, 2006.
  12. Archival criminal case № 385355.
  13. Eremin D.N. Problems typing extremist personality (based on the North Caucasus region) // Bull. of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg university of the Russian Interior Ministry. 2010. № 3.
  14. Archival criminal case № 618624.
  15. Yurasova E.N. Psychological characteristics of persons prone to extremism, terrorism and xenophobia // Legal psychology. 2008. № 4.
  16. Pogodin I.V. Proof of the crimes of an extremist: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2012.

**Зайцев Руслан Яковлевич**

кандидат юридических наук, доцент,  
старший преподаватель кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: zaytsev\_ruslan@mail.ru)

## *Остановка транспортных средств в целях проверки правомерности их использования*

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования оснований остановки автотранспортных средств в целях проверки правомерности их использования.

**Ключевые слова:** дорожно-патрульная служба, надзор за дорожным движением, остановка транспортных средств, проверка документов у водителей.

**R. Ya. Zaitsev**, Master of Law, Assistant Professor, Senior Teacher of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zaytsev\_ruslan@mail.ru

### **Vehicles stop in order to verify the legality of their use**

The article discusses the legal basis for regulation-making stopping of motor vehicles in order to verify legitimate use.

**Key words:** road patrol service, supervision of traffic, vehicles stop, verification of documents for drivers.

**В** 2002 г. профессор С.Н. Дмитриев констатировал: «Сегодня трудно найти хотя бы одну из предусмотренных действующим законодательством мер административного предупреждения, пресечения и обеспечения производства по делам об административных нарушениях в области дорожного движения, которая бы имела бы удовлетворительное правовое обеспечение. Причем это касается и таких простейших, на первый взгляд, действий, как остановка транспортных средств, проверка документов у их водителей...» [1, с. 100]. Надо сказать, что сегодня ситуация с остановкой транспортных средств в целях проверки правомерности их использования несколько не изменилась.

Среди административных мер контрольно-надзорной деятельности полиции по обеспечению безопасности дорожного движения остановка транспортных средств остается самой применяемой. Проверить документы у водителя или пассажиров, составить протокол за нарушение ПДД, провести досмотр, освидетельствование на состояние опьянения, осуществить задержание транспортного средства и т.д. – все это возможно после остановки транспортного средства. Поэтому от совершенства правового

регулирования данной меры во многом зависит, насколько эффективно полиция может выполнять задачи по обеспечению безопасности дорожного движения.

До конца 1990-х гг. правовые вопросы остановки транспортных средств (кто, когда и в каких случаях вправе останавливать) детально не регулировались. Действовавшее законодательство предоставляло право сотрудникам милиции останавливать транспортные средства для соответствующей проверки, как правило, по своему усмотрению [2, разд. IV п. 10; 3, п. 20 ст. 12; 4, п. 23 ст. 11]. Причем останавливать и составлять протоколы за нарушения ПДД могли не только сотрудники ГАИ, формально таким правом обладал любой сотрудник милиции, функциональные обязанности которого были связаны с составлением протоколов об административных правонарушениях.

Вступление России в стадию «взрывного роста» количества автомобилей (начало 90-х гг. XX в.) повлекло за собой активизацию деятельности на автодорогах сотрудников патрульно-постовой службы, вневедомственной охраны, инспекции по делам несовершеннолетних, которые стремились за счет выявления административных нарушений ПДД повысить показатели своей

служебной деятельности, поскольку главным являлось количество протоколов.

В результате образовалась далеко не профессиональная система тотального дорожного контроля. Водители транспортных средств подвергались массовым проверкам сотрудниками различных служб милиции, росло число конфликтов, жалоб, негативных публикаций в средствах массовой информации. Назрела острая необходимость определиться, кто именно должен останавливать транспортные средства, проверять документы у водителей и составлять протоколы за нарушения ПДД.

МВД России отреагировало на сложившуюся ситуацию принятием 1 июня 1998 г. приказа № 329 «О реформировании деятельности Госавтоинспекции МВД России».

Согласно данному документу контроль за соблюдением водителями транспортных средств ПДД становился исключительной компетенцией сотрудников Госавтоинспекции и участковых инспекторов милиции. Сотрудники других служб милиции могли осуществлять указанный контроль в случаях введения в действие специальных планов, а также выполнения совместно с сотрудниками Госавтоинспекции задач, связанных с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности, по решению руководителя органа внутренних дел.

Более того, в упомянутом приказе впервые были закреплены основания для остановки транспортных средств (нарушение ПДД, наличие ориентировки и т.д.) и, что самое главное, остановка по причине проверки документов разрешалась исключительно на стационарных постах ДПС (КПМ). Мобильные наряды Госавтоинспекции – самые эффективные формы организации контроля за дорожным движением – такого права были лишены, причем даже в период проведения различных специальных мероприятий. Превентивный контроль мобильных нарядов Госавтоинспекции, главным образом дорожно-патрульной службы, был упразднен.

Возникшая проблема была устранена приказом МВД России от 20 апреля 1999 г. № 297 «Об утверждении наставления по работе дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации», который предоставил право мобильным нарядам ДПС останавливать транспортные средства по причине проверки документов в период проведения специальных мероприятий.

Сегодня основания для остановки транспортных средств содержатся в «Административном регламенте Министерства внутренних дел

Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения» (далее – Административный регламент) [5]. Превентивная остановка транспортных средств с целью проверки документов по-прежнему разрешается только на стационарных постах, вне постов – при проведении специальных мероприятий. И это несмотря на то, что количество стационарных постов дорожно-патрульной службы сокращается [6].

Конкретизация оснований для остановки транспортных средств преследует своей целью исключить беспричинные проверки правомерности их использования. Но, как известно, дорожно-патрульная служба – это в основном мобильные наряды, которые не могут эффективно выполнять свои задачи без превентивного вмешательства в транспортный процесс. Естественно, МВД России это прекрасно понимает, поэтому и предусматривает такие основания для остановки, которые позволяют мобильным нарядам остановить и проверить практически любое транспортное средство.

Например, имеется универсальная причина для остановки – «проведение на основании распорядительных актов руководителей органов внутренних дел, органов управления специальных мероприятий, связанных с проверкой в соответствии с целями соответствующих специальных мероприятий транспортных средств, перемещающихся в них лиц и перевозимых грузов» (абз. 9 п. 63 Административного регламента).

Что понимать под «специальным мероприятием», официальное определение которому отсутствует? Это может быть розыск преступников, похищенных вещей, пресечение незаконной перевозки оружия, наркотиков, проведение различных оперативных планов («Антитеррор», «Перехват», «Путина» и т.д.). В сущности, все основные направления деятельности полиции (противодействие преступности, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности) реализуются посредством специальных мероприятий, которые, имея различный статус (федеральный, региональный, местный), проводятся практически постоянно. Специальные мероприятия – это функции полиции, и в этих мероприятиях регулярно участвуют сотрудники дорожно-патрульной службы.

Как было отмечено выше, специальные мероприятия должны проводиться на основании «распорядительных актов руководителей органов внутренних дел», к которым согласно

теории управления следует относить письменные (устные) приказы, распоряжения, указания.

Помимо специальных мероприятий, транспортное средство всегда можно остановить по подозрению, что оно находится в розыске (абз. 3 п. 63 Административного регламента). Информационная база МВД России содержит сведения о разыскиваемых автомобилях практически всех марок, моделей, цветов. При этом есть ориентировки очень скудного содержания, например, что в разбойном нападении подозревается легковой автомобиль светлого цвета или что определенный преступник может передвигаться автотранспортом.

Установленные МВД России основания для остановки транспортных средств в целом охватывают все причины и условия, при которых сотрудникам дорожно-патрульной службы необходимо прибегнуть к данной мере при выполнении своих задач. Но для чего тогда конкретизировать эти основания? Тем более что Закон «О полиции» [7] этого не предусматривает (п. 20 ст. 13).

Как показывает практика, конкретизация оснований для остановки транспортных средств в ведомственных нормативных правовых актах МВД России препятствует превентивному контролю в сфере дорожного движения, обостряет взаимоотношения между ГИБДД и водителями. Водители на свой лад толкуют основания для остановки, требуют мгновенно предъявлять неоспоримые доказательства нарушений, из-за которых их остановили, письменные подтверждения проводимых спецопераций или нахождения в розыске похожего автомобиля, отказываются передавать для проверки предусмотренные документы, заявляя о незаконной остановке. Интернет наводнен видеороликами, в которых после остановки автомобиля инспектор и водитель включают свои видеокамеры, достают кодексы, правила, регламенты и через приоткрытое окно (как правило, водители из автомобилей не выходят) начинают длительные беспредметные дискуссии о толковании тех или иных норм права. В результате проверки на дорогах превращаются в дуэльные лекции.

Конкретизировать основания для остановки транспортных средств целесообразно в учебных пособиях или методических рекомендациях для сотрудников полиции, но не в нормативно-правовых актах. Если Закон «О полиции» предоставляет право «останавливать транспортные средства, если это необходимо для выполнения возложенных на полицию обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения, проверять документы на право пользования и

управления ими, документы на транспортные средства и перевозимые грузы» (п. 20 ст. 13), следовательно, сотрудники дорожно-патрульной службы сами должны решать, когда необходимо прибегнуть к такому правомочию и по отношению к кому. И здесь не будет неправильного правоприменения, т.к. должностное лицо действует по усмотрению, на основании и в пределах законного полномочия и с той задачей, для достижения которой это полномочие предоставлено.

Следует обратить внимание, что в приведенной выше формулировке Закона «О полиции» остановка транспортных средств и проверка документов у водителей допускаются, «если это необходимо для выполнения возложенных на полицию обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения». Вместе с тем, под «обеспечением безопасности дорожного движения» понимается деятельность, направленная на предупреждение причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, снижение тяжести их последствий [8]. Из этого следует, что Закон «О полиции» не допускает останавливать транспортные средства и проверять правомерность их использования, если это не связано с обеспечением безопасности дорожного движения. В связи с чем из п. 63 Административного регламента следует исключить такие основания для остановки транспортных средств, как:

наличие данных (ориентировки, информация дежурного, других нарядов, участников дорожного движения, визуально зафиксированные обстоятельства), свидетельствующих о причастности водителя, пассажиров к совершению преступления;

наличие данных о том, что транспортное средство находится в розыске;

необходимость опроса водителя или пассажиров об обстоятельствах совершения административного правонарушения, преступления, очевидцами которого они являлись или являются;

необходимость привлечения участника дорожного движения в качестве понятого;

необходимость привлечения водителя для оказания помощи другим участникам дорожного движения или сотрудникам полиции.

При всем этом даже универсальная причина для остановки транспортных средств – «проведение специальных мероприятий» – ставится под сомнение, поскольку формально она не будет соответствовать п. 20 ст. 13 Закона «О полиции», если такие мероприятия не связаны с предупреждением причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, снижением тяжести их последствий.

1. Дмитриев С.Н. Проблемы организации дорожно-патрульной службы. М., 2002.

2. Положение о советской милиции: постановление Совета министров СССР от 8 июня 1973 г. № 385.

3. О советской милиции: закон СССР от 6 марта 1991 г.

4. О милиции: закон РСФСР от 18 апр. 1991 г.

5. Приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185.

6. Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: распоряжение Правительства РФ от 6 марта 2013 г. № 313-р.

7. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ.

8. О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10 дек. 1995 г. № 196-ФЗ.

1. Dmitriev S.N. Problems of the organization of traffic police. Moscow, 2002.

2. Provision about the Soviet militia: resolution of the Council of ministers of the USSR of June 8, 1973 № 385.

3. About the Soviet militia: law of the USSR of March 6, 1991.

4. About militia: law of the RSFSR of Apr. 18, 1991.

5. Order of the Ministry of the Interior of Russia of March 2, 2009 № 185.

6. State program of the Russian Federation «Providing a public order and crime counteraction»: order of the Government of the Russian Federation of March 6, 2013 № 313-o.

7. About police: fed. law of Febr. 7, 2011 № 3-FL.

8. About traffic safety: fed. law of Dec. 10, 1995 № 196-FL.

**Затолокин Александр Александрович**

кандидат юридических наук,  
преподаватель кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: zatolokin09@rambler.ru)

## Экстремизм как социальная болезнь

В статье автор осуществляет анализ этапов развития экстремизма, прослеживая эволюцию этого явления от девиантного поведения до радикального проявления, предлагает способы противодействия экстремизму.

**Ключевые слова:** правовой нигилизм, экстремизм, радикализм, терроризм, право, закон, административно-правовой анализ.

**A.A. Zatolokin**, Master of Law, Teacher of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zatolokin09@rambler.ru

### **Extremism as the social disease**

The author analyzes the stages of development of extremism, tracing its evolution from deviant behaviour to radical manifestations, offers methods of counteraction to extremism.

**Key words:** legal nihilism, extremism, radicalism, terrorism, right, law, administrative-legal analysis.

**В** 1941 г. на конференции Федерального союза в Оксфорде философ и социолог Карл Мангейм так охарактеризовал ситуацию в странах Европы на момент начала Второй мировой войны: «Давайте посмотрим на мир с точки зрения врача, пытающегося поставить научный диагноз нашей общей болезни. В том, что наше общество серьезно больно, сомнений нет» [1, с. 412]. Что можно сказать сегодня, по прошествии более полувека? Ситуацию, сложившуюся в настоящее время, можно охарактеризовать словами Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Мы живем в то время, когда большая часть общества больна и не сознает своей болезни» [2]. Современное общество тяжело больно, и назрела необходимость в его обследовании и лечении. На наш взгляд, одной из эпидемий современного общества является экстремизм. Ранее проявление экстремизма считалось признаком неблагополучия общества в социальном плане, однако теперь «экстремизм – это болезнь всего общества, как алкоголизм, наркомания, преступность и другие виды деградации личности» [3]. В современных условиях недостаточно лишь ставить диагноз, тем более что нельзя считать компетентным врача, который только констатирует диагноз и не назначает лечение. В настоящей работе, насколько это позволяют рамки научной статьи, проведем анализ развития девиантного поведения, его эволюционирования в террористические акты,

а также рассмотрим средства противодействия таким явлениям.

Представляется интересным мнение академика И.А. Гундарова в вопросе противодействия экстремизму, который сопоставляет методы профилактической медицины с методами борьбы с экстремизмом и выводит три подхода в противодействии социально значимым заболеваниям: «симптоматический (нейтрализация симптомов), патогенетический (блокировка механизмов распространения), этиологический (устранение причины)» [4]. Принимая за основу данный подход, проследим экикриз экстремизма как социального заболевания.

В предыдущих работах нами указывалось, что экстремизм берет начало от правового нигилизма [5, с. 140]. Проявление симптомов экстремизма на ранней стадии выражается в нивелировании общественно значимых норм и правил: в сквернословии, в нарушении правил дорожного движения, в распитии спиртных напитков на территории детских площадок, в выгуле собак без поводка и намордника, в стрельбе при проведении свадеб, в ночных танцах на проезжей части, в езде с флагами как субъектов Российской Федерации, так и зарубежных стран и пр.

В последнее время возросла общая правовая грамотность населения. Подтверждение этому можно найти на медиапросторах Интернета, в частности на сайте YouTube, который переполнен видеороликами различных «правозащит-

ников» с инструкциями по общению с сотрудниками полиции. В дополнение к сказанному необходимо отметить, что наша страна занимает лидирующее место в мире по количеству юристов. Так, по мнению члена Ассоциации юристов РФ, первого вице-спикера Совета Федерации Александра Торшина, «по количеству юристов на 100 тыс. населения мы в два раза опережаем США» [6]. Поэтому нельзя сказать, что граждане совершают правонарушения по незнанию закона. Отсюда следует, что отрицание общественных норм (правовой нигилизм) совершается сознательно, и единственный катализатор этого – чувство безнаказанности и вседозволенности. Подтверждением этих слов является случай, произошедший в 2013 г., связанный с избием депутата Государственной Думы. Нападавшими были выходцы из Республики Дагестан, которым ранее удалось избежать ответственности за вымогательство [7]. Напомним, что летом прошлого года уроженец Республики Дагестан, управляя автомобилем Toyota Land Cruiser, совершил опасный маневр, создав аварийную ситуацию с автомашиной под управлением депутата Государственной думы. Выйдя из машины, водитель Toyota и его попутчик избивали депутата и скрылись с места происшествия. Так вот именно безнаказанность и вседозволенность стали причиной этого инцидента.

Итак, на раннем этапе проявления экстремизма, когда позиционируемый субъект экстремистской деятельности находится на начальной, «зародышевой» стадии своего развития, в отношении его должен применяться весь спектр полицейских средств для пресечения попыток «наплевать» на устои общества, государства. То есть должен быть применен симптоматический подход – работа по устранению симптомов экстремизма, а именно – правового нигилизма. В арсенале полиции, кроме прочих мер, имеется гл. 27 КоАП РФ «Применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях». Использование данных мер, на наш взгляд, позволит кратно снизить экстремистские выпады нигилистов на этапе зарождения умысла на проявление отрицания общественных норм:

доставить исполнителя в отделение полиции;  
досмотреть подозрительного человека или транспортное средство;

отстранить от управления водителя и запретить эксплуатацию автомобиля, тем самым не допустить осуществление злого умысла.

Следующей ступенью в эволюции «болезни» выделим «чистый экстремизм». В Федеральном

законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в качестве определения понятия «экстремистской деятельности (экстремизма)» дается перечисление запрещенных поступков: насильственное изменение основ конституционного строя, терроризм и его оправдание, возбуждение розни и т.д. В борьбе с экстремизмом в чистом виде необходимо не только использовать патогенетический подход, но и применять комплекс мер, в который должны входить:

административно-правовые меры (доставление; административное задержание; личный допрос, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов; привлечение к административной ответственности и пр.);

оперативно-розыскные меры (опрос; наведение справок; наблюдение; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров и пр.);  
уголовно-правовые (привлечение к уголовной ответственности);

меры международного сотрудничества (в современных условиях, в связи с повышенной террористической активностью, особое внимание уделяется антитеррористической составляющей в деятельности МОУП) [8];

экономические (перекрытие каналов финансирования).

Именно применение комплексного «лечения» позволит на данном этапе не только заблокировать механизм распространения «болезни», но и остановить развитие экстремизма.

В том случае, когда зародыш экстремизма – правовой нигилизм – беспрепятственно развивается, укрепляя свои связи и обрастая сторонниками, он трансформируется в чистый вид, возбуждающий социальную, расовую, национальную рознь, пропагандирующий свою исключительность по различным признакам, а на пике своего развития он окончательно набирает силу и мутирует в политический экстремизм.

Обращает на себя внимание подход ученого-административиста Н.В. Башкирова [9] в рассмотрении проблем политического экстремизма. Им аргументируется вывод о том, что современный политический экстремизм применительно к конституционно-правовой системе государства приобретает форму социально-правового нигилизма. В целом, поддерживая мнение данного автора, мы все же склонны считать, что политический экстремизм в своем становлении про-

ходит несколько стадий (как отмечалось выше, правовой нигилизм и чистый экстремизм), хотя и берет свое начало из правового нигилизма.

В настоящее время на территории Российской Федерации одной из организаций, занимающихся политическим экстремизмом, является Иммарат Кавказ, базирующаяся на территории Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республик. Данная организация распространяет среди молодежи видеоролики экстремистского содержания с призывами к «джихаду». Выступающие в этих роликах «амиры» и «муждахеда» призывают бороться с «гяурами», оказывать поддержку бандам, перечислять финансовую помощь террористам, находящимся в тюрьмах, и помочь их семьям.

Административно-правовая обструкция рассматриваемой «болезни» – политического экстремизма – заключается в применении различных средств, но уже в рамках специальных режимов. В своих работах профессор Д.Н. Бахрах выделяет несколько видов режимов. В частности, к экстраординарным режимам он относит «особые правовые режимы жизнедеятельности населения, осуществления хозяйственной и иной деятельности организациями, а также функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления на территории, где возникла угроза безопасности и которая признана зоной чрезвычайной ситуации, зоной вооруженного конфликта, зоной военных действий» [10]. Также в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства может вводиться правовой режим контртеррористической операции.

Одним из примеров проявлений воинствующего ислама явилось совершение акта агрессии в Нальчике 13 октября 2005 г. Бандиты напали на восемь объектов: аэропорт, военкомат, погранотряд, здания УФСБ, ФСИН, полка ППС, здания ОМОНа и Центра «Т» МВД. Кроме того, боевики напали на охотничий магазин «Арсенал» в центре города и магазин «Сувениры». Нападению также подверглись 3 городских ОВД. Согласно официальным данным в столкновениях погибли 33 сотрудника правоохранительных органов и 12 мирных жителей. Еще более 100 человек, в подавляющем большинстве – также

сотрудники местных спецслужб, были ранены. Потери со стороны боевиков составили 92 человека, еще 13 были захвачены живыми. Среди уничтоженных в Нальчике боевиков есть жители практически всех регионов Северного Кавказа [11]. Согласно статистике МВД России Кабардино-Балкария является одним из лидеров среди российских регионов по «преступлениям террористического характера». За последнее время режим контртеррористической операции вводился в Кабардино-Балкарии уже несколько раз: 29 июня 2012 г. он действовал на части территории Урванского и Черекского муниципальных районов, а 1 апреля 2013 г. режим контртеррористической операции был введен на части Эльбрусского района Кабардино-Балкарии [11]. Введение режима контртеррористической операции позволило своевременно локализовать конфликт, предотвратить распространение бандгрупп в соседние районы и нейтрализовать бандитов.

В качестве еще одного примера можно привести события последних месяцев в соседней Украине. Очевидно, что непринятие соответствующих мер к казалось бы незначительному проявлению экстремизма украинских радикалов в рамках «мирной» демонстрации 21 ноября 2013 г. привело к деморализации политической власти в стране, анархии, разгулу бандитизма, ксенофобии, национализму, вплоть до откровенного нацизма. Отсутствие адекватной реакции на ситуацию на начальном этапе с помощью мер административного принуждения и обеспечения административного процесса, отсутствие воли по введению необходимого административно-правового режима в конечном итоге ставит под сомнение дальнейшую государственность Украины.

В завершение хотелось обратить внимание на то, что тяжесть вреда, причиняемого правовым нигилизмом и политическим экстремизмом, не сопоставима. Пропорционально степени вреда разнятся и антагонистичные меры правоприменительной деятельности. Если в первом случае с помощью мер обеспечения административного производства можно выявить симптомы экстремизма, провести своевременную энтропию, локализовать и нейтрализовать распространение болезни – правового нигилизма, то в случае прогрессирования болезни, без уделения ей должного внимания со стороны органов правопорядка, использования административных мер впоследствии явно недостаточно.

1. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

1. Mannheim K. *Diagnosis of our time*. Moscow, 1994.

2. URL: <http://cerkov.by/page/patriarh-kirill-my-zhivem-v-to-vremja-kogda-bolshaja-chast-obshhestva-bolna-i-ne-soznaet-svoej-bolezni>.
3. Алиханова З.-Б.Т. Духовность на пути противодействия терроризма и экстремизма. URL: <http://scienceport.ru/lib/Duhovnost-na-puti-protivodeystviya-terrorizma-i-ekstremizma.html>
4. URL: <http://lawinrussia.ru>
5. Затолокин А.А. Проблемы реализации административно-правовых мер, применяемых сотрудниками полиции в деятельности по противодействию экстремизму и терроризму // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности. 2014. № 1.
6. URL: <http://www.mos360.ru/communication/blog/mu360/165.php>.
7. URL: <http://www.newsru.com/russia/22jul2013/hoodyakov.html>
8. Стронский Д.Д., Затолокин А.А. К вопросу о кооперации усилий мирового сообщества по борьбе с международным терроризмом (организационно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты) // Расследование преступлений: теория и практика: информ. бюл. ГСУ при ГУВД Краснодарского края. 2004. Вып. 1–2. С. 88–92.
9. Башкиров Н.В. Меры административно-правового противодействия политическому экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
10. Бахрах Д.Н. Административное право. М., 2000.
11. URL: <http://www.mk.ru/old/article/2013/07/12/883074-v-nalchike-vveden-rezhim-kto.html>
2. URL: <http://cerkov.by/page/patriarh-kirill-my-zhivem-v-to-vremja-kogda-bolshaja-chast-obshhestva-bolna-i-ne-soznaet-svoej-bolezni>.
3. Alikhanov Z.-B.T. Spirituality on ways to combat terrorism and extremism. URL: <http://scienceport.ru/lib/Duhovnost-na-puti-protivodeystviya-terrorizma-i-ekstremizma.html>
4. URL: <http://lawinrussia.ru>
5. Zatolokin A.A. Problems of implementation of legal and administrative measures applied by the police in efforts to combat extremism and terrorism // Actual problems of operative-investigative and administrative activities. 2014. № 1.
6. URL: <http://www.mos360.ru/communication/blog/mu360/165.php>.
7. URL: <http://www.newsru.com/russia/22jul2013/hoodyakov.html>
8. Stronski D.D., Zatolokin A.A. To the issue of cooperation of efforts of the world community in combating international terrorism (organizational-legal and procedural aspects) // Investigation of crimes: theory and practice: newsletter of the DSU at GUV D of Krasnodar region. 2004. Iss. 1–2. P. 88–92.
9. Bashkirov N.V. Measures of administrative-legal counteraction to political extremism: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2005.
10. Bakhrakh D.N. Administrative law. Moscow, 2000.
11. URL: <http://www.mk.ru/old/article/2013/07/12/883074-v-nalchike-vveden-rezhim-kto.html>

**Сычев Евгений Анатольевич**

кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583770)

**Андрухов Вадим Алексеевич**

кандидат социологических наук  
(e-mail: Andruhovv@mail.ru)

## *Применение средств видеофиксации административных правонарушений в Краснодарском крае*

Статья посвящена рассмотрению одного из наиболее перспективных направлений деятельности ГИБДД по профилактике административных правонарушений водителями транспортных средств – видеофиксации административных правонарушений в области дорожного движения.

**Ключевые слова:** административное правонарушение, безопасность дорожного движения, видеофиксация, автоматизированные системы контроля, датчики.

**E.A. Sychev**, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583770;

**V.A. Andrukhov**, Master of Sociology; e-mail: Andruhovv@mail.ru

### **The use of means of video fixing of administrative offences in the Krasnodar region**

The article devoted to one of the most promising directions in the activity of the State traffic safety inspectorate for the prevention of administrative offences committed by drivers of vehicles – video administrative violations in the field of road safety.

**Key words:** administrative offence, road safety, video recording, automated control systems, sensors.

**П**роблема аварийности на автотранспорте приобрела особую остроту в последнее десятилетие в связи с несоответствием существующей дорожно-транспортной инфраструктуры потребностям общества и государства в безопасном дорожном движении, недостаточной эффективностью функционирования этой системы, а также крайне низкой дисциплиной участников дорожного движения.

Ежегодно в Российской Федерации в результате дорожно-транспортных происшествий погибают и получают ранения свыше 270 тыс. человек. На дорогах за последние 7 лет погибло 7900 детей в возрасте до 16 лет, были травмированы 166020 детей. Демографический ущерб от дорожно-транспортных происшествий и их последствий за 2004–2010 гг. составил суммарно 506246 человек, что в 2,3 раза больше, чем, например, численность российского населения, занятого в сельском хозяйстве [1].

«Решение проблемы обеспечения безопасности дорожного движения относится к наиболее

приоритетным задачам развития страны», – подчеркнул в своем Послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ В.В. Путин.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

создается комплексная система профилактики, позволяющая формировать у участников дорожного движения стереотипы законопослушного поведения и негативное отношение к правонарушениям в сфере дорожного движения;

осуществляется поддержка детских и молодежных организаций и объединений, участвующих в реализации социальных проектов в сфере воспитания;

создаются условия для значительного повышения качества подготовки водителей транспортных средств, совершенствования системы повышения их квалификации;

проводятся мероприятия по повышению правового сознания населения в целях соблюдения им норм и правил дорожного движения, эффективной организации контрольно-надзорной де-

тельности, внедрению новых форм и методов надзора, широкому применению современных автоматических систем и средств, оптимизации нормативно-правового регулирования;

ликвидируются места концентрации дорожно-транспортных происшествий, проводится оптимизация скоростных режимов движения на участках улично-дорожной сети, организация стоянок транспортных средств, применяются современные инженерные схемы организации дорожного движения, технических средств (светофоров и пр.) и автоматизированных систем управления движением, строительство подземных и надземных пешеходных переходов;

проводится коренная модернизация системы профилактики детского дорожно-транспортного травматизма, формирование у участников дорожного движения навыков безопасного поведения, построение оптимальных моделей управления системой безопасности дорожного движения на федеральном, региональном и местном уровнях, в том числе обеспечивающих экономическую заинтересованность субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в финансировании на доленой основе с федеральным бюджетом мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения в своих регионах и муниципальных образованиях.

Наряду с этим, в КоАП РФ также были внесены изменения, в частности появилась ст. 26.8 КоАП РФ «Показания специальных технических средств», которая указывает на то, что специальные технические средства – это измерительные приборы, утвержденные в установленном порядке в качестве средств измерения, имеющие соответствующие сертификаты и прошедшие метрологическую поверку (ч. 1 ст. 26.8 КоАП РФ). Показания специальных технических средств отражаются в протоколе об административном правонарушении или постановлении по делу об административном правонарушении, вынесенном в случае, предусмотренном ч. 3 ст. 26.8 настоящего Кодекса (ч. 2 ст. 26.8 КоАП РФ).

В редакции Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ определено, что в случае выявления административного правонарушения, предусмотренного гл. 12 настоящего Кодекса и зафиксированного с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело об

административном правонарушении, и оформляется в порядке, предусмотренном ст. 29.10 настоящего Кодекса. Копии постановления по делу об административном правонарушении и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, направляются лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, в течение 3 дней со дня вынесения указанного постановления.

В соответствии с изменениями и дополнениями в КоАП РФ, введенными Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ, с 1 июля 2008 г. стало возможным привлечение к административной ответственности владельцев транспортных средств, водители которых совершили нарушения Правил дорожного движения (ПДД), зафиксированные специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме и имеющими функции видео- и фото-записи.

Кроме того, на дорогах Кубани с середины 2013 г. перед камерами фиксации нарушений правил дорожного движения установлены знаки, предупреждающие водителей о видеонаблюдении. Как заявил премьер-министр РФ Дмитрий Медведев на совещании со своими заместителями, этот знак получит название «Видеофиксация» и сообщит автомобилистам, «что идет сбор доказательств».

Медведев назвал введение нового знака правильной идеей, «...потому что правила дорожного движения должны соблюдать не только водители, но и те, кто наблюдает за их надлежащим исполнением».

Для введения такого знака вносятся изменения в ПДД. Соответствующее постановление Правительства РФ подписано Медведевым и 28 января опубликовано на сайте кабмина. Постановлением предусмотрено введение нового знака дополнительной информации (таблички) «Фотовидеофиксация», а также соответствующей дорожной разметки. Они проинформируют водителей о том, что в зоне действия дорожного знака, с которым они применены, либо на данном участке дороги может осуществляться фиксация административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото-, киносъемки и видеозаписи.

Предполагается, что дорожная разметка может применяться как для дублирования соответствующего дорожного знака, так и

самостоятельно – в случаях, когда особые правила движения обусловлены категорией дороги или ее местоположением. Например, может осуществляться контроль за соблюдением установленного ограничения скорости движения, правил расположения транспортных средств на проезжей части, приоритета маршрутных транспортных средств. Осуществление этого постановления, указывают его авторы, будет способствовать повышению уровня безопасности дорожного движения и снижению смертности на дорогах.

В соответствии с действующим законодательством водитель может быть привлечен к административной ответственности, если с помощью видеозаписи было зафиксировано нарушение ПДД автомобилем, находящимся в его собственности. Если же автомобиль управлялся другим водителем по доверенности или находился в угоне, то водитель должен предоставить соответствующее подтверждение для того, чтобы избежать оплаты штрафа.

Согласно законодательству в настоящее время видеофиксация нарушений ПДД не может привести к лишению водительских прав.

Механизм видеофиксации нарушений правил дорожного движения довольно прост. Стационарные или мобильные видеокамеры фиксируют нарушение (обычно превышение скорости или проезд на красный свет), в результате фиксации получается изображение автомобиля, на котором четко видны номера и само нарушение, далее информация передается в процессинговый центр ГИБДД, а владелец автомобиля по почте получает квитанцию об оплате штрафа.

В соответствии с организационно-штатными изменениями в структуре МВД России в сентябре 2010 г. в структуре ГУВД создан центр автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения в г. Краснодаре численностью 51 человек.

Структура ЦАФ АПОДД выглядит следующим образом: начальник центра, заместитель начальника центра, отделение по исполнению административного законодательства, отделение по обеспечению производства по делам об административных правонарушениях, отделение обеспечения исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, отдел обмена и защиты информации, который включает в себя группу по обслуживанию технических средств и защиты информации и группу сопровождения программного обеспечения.

На сегодняшний день в Краснодарском крае установлено 446 датчиков автоматизированной фиксации нарушений ПДД, из которых:

146 находятся на балансе ГУ МВД России по Краснодарскому краю (осуществляется их передача на баланс Департамента транспорта Краснодарского края);

110 – на балансе Департамента транспорта Краснодарского края;

20 – на балансе ФКУ «Управление федеральных автомобильных дорог по Краснодарскому краю Федерального дорожного агентства»;

170 – на балансе муниципальных образований Краснодарского края (из них 159 приобретены в рамках ведомственной целевой программы «Создание системы комплексного обеспечения безопасности жизнедеятельности населения Краснодарского края на 2011–2013 годы» (СКОБЖ)).

Информация с камер поступает на сервер, находящийся в Центре автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения ГИБДД (место дислокации – г. Краснодар) ГУ МВД России по Краснодарскому краю, где она обрабатывается и по нарушениям ПДД выносятся постановления. Серверное оборудование Центра находится на балансе ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Весь процесс – с момента выявления административного правонарушения до момента конвертирования копии постановления в почтовом отделении – полностью автоматизирован, поэтому на процесс распознавания государственного регистрационного знака, марки, типа транспортного средства и т.д. человеческий фактор влияния не оказывает.

Все датчики фото- и видеофиксации нарушений ПДД, а также датчики фиксации проходящего транспорта «Ураган» интегрированы в единую систему, которая позволяет производить регистрацию всего транспорта, проходящего через зоны контроля, в online режиме.

Информация о проходящем транспорте, поступающая с камер видеофиксации, используется в качестве сегмента АПК «Безопасный город». С помощью специального программного обеспечения ситуационные мониторинговые центры муниципальных образований края могут осуществлять анализ интенсивности движения автотранспортных средств в местах установки комплексов, определять среднюю скорость движения транспортного потока и осуществлять прогнозирование развития дорожной обстановки, что позволяет, к примеру, оптимизировать работу дорожно-уборочной техники в периоды минимальной загрузки улично-дорожной сети, контролировать работу муниципального пассажирского транспорта, разрабатывать проектные решения по снижению загрузки улично-дорожной сети.

Также указанная система позволяет влиять на состояние преступности в городах и районах края, выявляя транспортные средства, находящиеся в розыске, а также транспортные средства, используемые при совершении преступлений, что позволяет принимать меры к их задержанию и раскрывать преступления по горячим следам.

Кроме того, на территории края установлено 180 камер фиксации проходящего транспорта «Ураган» (без функции выявления нарушений ПДД), приобретенных в рамках ведомственной целевой программы СКОБЖ, которые находятся на балансе муниципальных образований Краснодарского края.

Принцип действия камер основан на измерении разности частот между сигналом, излученным измерителем скорости, и сигналом, отраженным от находящегося в зоне контроля движущегося транспортного средства (эффект Доплера). Измеритель скорости измеряет скорость движения ТС в диапазоне от 20 до 250 км/ч. Пределы абсолютной допускаемой погрешности измерения скорости составляют не более 2 км/ч.

Учитывая, что многие водители в последнее время начали активно использовать детекторы излучения (антирадары), в большинстве случаев для снижения скорости транспортного потока достаточно применения муляжей камер видеофиксации с активным излучением, стоимость которых значительно ниже комплексов видеофиксации. Как показывает мировой опыт, наибольшего эффекта можно добиться при их совместном использовании с комплексами видеофиксации нарушений ПДД путем периодической ротации мест установки.

В 2013 г. вынесено свыше 2 млн постановлений об административных правонарушениях на общую сумму около 731 млн рублей. При этом по исполненным постановлениям было взыскано 262 млн рублей.

Согласно данным статистики в местах установки датчиков на территории Краснодарского края количество дорожно-транспортных происшествий снизилось более чем в 2,5 раза, а смертельных исходов – в 3 раза. Установка камер позволила в прошедшем году снизить количество ДТП с тяжкими последствиями на 20%, численность погибших пешеходов – на 15,4%, погибших детей – на 19,5%.

Эксплуатация датчиков фиксации показала, что в зоне расположения приборов резко снижается уровень аварийности и тяжесть последствий дорожно-транспортных происшествий.

В г. Краснодаре на 1319 км а/д «Дон» организован информационный пост ГИБДД, на котором участникам дорожного движения предоставляется информация о наличии административных штрафов, возможность оплаты штрафов и делается отметка о погашении административных штрафов. Также установлено три информационных панно «Информационный пост ГИБДД».

С целью выявления нарушений ПДД, связанных с нарушением правил парковки транспортных средств, в г. Краснодаре оборудовано 10 автомобилей патрулей ДПС системой «Тайфун».

«Тайфун» применяется для автоматической фиксации следующих нарушений ПДД:

нарушение правил остановки или стоянки ТС на проезжей части, где стоянка запрещена дорожными знаками или дорожной разметкой (ч. 1 ст. КоАП 12.19);

нарушение правил остановки или стоянки ТС на полосе для маршрутных транспортных средств (ч. 4 ст. КоАП 12.19);

нарушение правил остановки или стоянки ТС на тротуаре (ч. 3 ст. КоАП 12.19).

С 1 января 2013 г. благодаря данной системе было выявлено 5755 нарушений ПДД, сумма штрафов составила 1726500 рублей.

С помощью специального программного обеспечения «Горизонт» реализована возможность проводить анализ интенсивности движения автотранспортных средств в местах установки комплексов, определять среднюю скорость движения транспортного потока ТС и осуществлять прогнозирование развития дорожной обстановки.

Проводится работа по внедрению в систему видеофиксации таких нарушений ПДД, как выезд на полосу встречного движения, проезд на красный сигнал светофора и под знак «Движение запрещено». Разрабатываются комплексы видеофиксации нарушений перевозки тяжелых грузов. Реализуется проект автоматизированного оформления дорожно-транспортных происшествий, всестороннего анализа причин и условий их совершения, выявления очагов аварийности. На карте края в режиме реального времени отображается информация о каждом ДТП. При этом имеется возможность получить любую информацию, в том числе фотоматериал с места ДТП.

Совместно с СКЖД прорабатывается вопрос об установке датчиков фото-, видеофиксации на железнодорожных переездах.

Для информирования населения о работе ЦАФ были использованы возможности средств массовой коммуникации края.

Для повышения «взыскиваемости» штрафов подготовлен и размещен ролик на всех телеканалах края с кратким и доступным обращением, направлено письмо руководителю департамента СМИ, печати и массовых коммуникаций края о его размещении на всех телеканалах края на безвозмездной основе. Организована ежедневная трансляция информации о необходимости погашения штрафов и последствиях их неуплаты на краевых телеканалах ГТРК «Кубань» и «НТК», а также на каналах краевого центра (МТРК «Краснодар», СТС «Екатеринодар», «Фотон – Домашний») и телекомпаниях городов и районов края. Узнать о наличии штрафа можно быстрее, если зайти на официальный сайт ГУОБДД МВД России ([www.23.gibdd.ru](http://www.23.gibdd.ru)) в раздел «Штрафы» [2]. Имея свои данные (номер водительского удостоверения, свидетельства о регистрации транспортного средства), можно увидеть, в том числе, и фотофакт самого нарушения. В случае несогласия с чем-либо – подать заявление. Кроме того, тут же, на сайте, организована возможность оплаты штрафа (с последующим подтверждением), после осуществления которой ровно через сутки автоматическая система вносит отметку в базу данных ГИБДД, а затем удаляет штраф из «неоплаченных» на сайте.

В случае оплаты через банки или терминалы информация о платеже не всегда доходит до ГИБДД либо доходит с большим опозданием. Это обусловлено различными факторами: не все банки предоставляют сведения реестрами, оформляя все платежи одной суммой по одной статье и без указания сведений о постановлении, по которому произведена оплата; сведения проходят через Казначейство, затем бухгалтерии всех ОВД края и лишь после этого попадают в ГИБДД.

В случае неоплаты штрафов сведения подаются в службу судебных приставов, после чего на автомобиль владельца, допустившего нарушение, накладывается ограничение на регистрационные действия – так называемый «Арест». Также наличие неоплаченных штрафов может послужить причиной для отказа в предоставлении разрешения выезда за рубеж. Кроме того, на лиц, которые в установленные законом сроки не произвели оплату задолженности по штрафам, составляется административный материал по ст. 20.25 КоАП РФ, которая предусматривает наказание вплоть до 15 суток административного ареста.

Таким образом, главное достоинство автоматизированных систем контроля – возможность документального подтверждения пространственно-временных параметров конкретного правонарушения. Применение ламп-вспышек переменной мощности и инфракрасных излучателей обеспечивает высокую разрешающую способность работы автоматизированных систем контроля при любых условиях освещенности контролируемых участков автомобильных дорог. Автоматизированные системы контроля дают возможность существенно облегчить анализ и квалификацию правонарушений. Наглядность и детальность информации, представленной автоматизированными системами контроля, практически полностью устраняют жалобы участников дорожного движения по поводу предвзятости сотрудников ДПС ГИБДД, поскольку фиксируют с почти стопроцентной степенью достоверности весь ход попадаемых под его действие как мобильных, так и пешеходов участников дорожного движения [3].

1. Концепция Федеральной целевой программы повышения безопасности дорожного движения на 2013–2020 годы.

2. URL: <http://123gibdd.ru/videofix>

3. Управление деятельностью служб общественной безопасности: учеб. для слушателей Академии управления МВД России / под ред. Ю.Н. Ольховникова, И.В. Старковой. М., 2005. Ч. 1, 2.

1. The concept of the Federal target program of increase of safety of road traffic in 2013–2020.

2. URL: <http://123gibdd.ru/videofix>

3. Management of public security: textbook for students of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia / ed. by Yu.N. Olkhovnikov, I.V. Starkova. Moscow, 2005. Pt. 1, 2.

**Панфилова Лариса Борисовна**

преподаватель кафедры административной деятельности  
и организации деятельности ГИБДД  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: Panfilova77777@mail.ru)

## *Понятие и сущность общественной безопасности на водном транспорте*

В статье дан анализ понятия «транспортная безопасность». Особое внимание уделено проблемам правового регулирования обеспечения общественной безопасности на водном транспорте.

**Ключевые слова:** безопасность, транспортная безопасность, водный транспорт, порт, транспортная инфраструктура, состояние защищенности, угроза безопасности.

**L.B. Panfilova**, Teacher of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Panfilova77777@mail.ru

### **Concept and summary for public security on water transport**

This paper analyzes the concept of «safety of transport». Particular attention is paid to the problems of legal regulation of public safety on water transport.

**Key words:** security, transport security, water transport, port, transport infrastructure, security state, security threat.

**Е**диное универсальное понятие «безопасность» в отечественном законодательстве отсутствует. В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [1] определяется лишь содержание деятельности по обеспечению безопасности. В перечень таких действий входят: прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности; определение основных направлений государственной политики в этой сфере и т.д. (ст. 3).

В Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (в редакции от 23 июля 2013 г. № 225-ФЗ) «О транспортной безопасности» [2] под транспортной безопасностью понимается состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры, а также транспортных средств от актов незаконного вмешательства (п. 10 ст. 1). При этом обеспечение транспортной безопасности определяется как реализация государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства (п. 4 ст. 1).

Попытка законодателя объединить родовым понятием «транспортная безопасность» все ее виды представляется не вполне удачной. Так, понятие «авиационная безопасность» пред-

усмотрено ст. 83 Воздушного кодекса Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (в редакции от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ) [3] и определяется как «состояние защищенности авиации от незаконного вмешательства в деятельность в области авиации». Заметим, что оно соотносится с определением «транспортная безопасность» как часть и целое.

В законодательстве об отраслевых видах транспортной безопасности существуют иные дефиниции. В Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (в редакции от 23 июля 2013 г. № 225-ФЗ) [4] и Кодексе внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (в редакции от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ) [5] они отсутствуют, слово «безопасность» используется в основном в связке с термином «судоходство».

В плане нормотворчества после принятия Федерального закона № 16-ФЗ можно отметить попытку законодателя избавиться от каких-либо определений отдельных видов транспортной безопасности. В частности, понятие «морская безопасность» ранее содержалось в п. «б» ст. 3 Положения о федеральной системе защиты морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания, утвержденного постановлением

Правительства РФ от 11 апреля 2000 г. № 324 (в редакции от 14 июля 2006 г. № 425), которое в настоящее время утратило силу [6]. Оно означало состояние защищенности жизненно важных интересов личности, а также общества и государства в целом от угроз и негативных воздействий, связанных с морским судоходством.

В настоящее время действует приказ Министерства транспорта РФ от 8 февраля 2011 г. № 41 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта» [7], в котором понятие безопасности не раскрывается.

Следует учитывать, что защита объектов транспортной инфраструктуры обеспечивается комплексом мер самого различного характера: правового, организационного, оперативного, административного, режимного, военного и технического. Эти меры предусматривают: во-первых, создание и функционирование координационных органов и оперативных штабов различного уровня; во-вторых, охрану как судов, так и портовых сооружений; в-третьих, досмотр членов экипажей, обслуживающего персонала, пассажиров, багажа, грузов, средств технического обеспечения и продовольственного запаса.

Существенную роль в обеспечении общественной безопасности на водном транспорте играют органы общей компетенции. В частности, к ним относится Президент РФ, который определяет основные направления внутренней политики государства, в том числе и национальной безопасности [8]. Отдельные вопросы обеспечения общественной безопасности разрабатываются Правительством РФ и реализуются в подзаконных нормативных актах в сфере обеспечения безопасности на водном транспорте.

Положения Федерального закона № 16-ФЗ позволяют сделать вывод, что органы внутренних дел являются ключевым элементом системы обеспечения транспортной безопасности. Они обладают обширной компетенцией в части борьбы с преступностью на транспорте, административной юрисдикции. Вместе с тем, следует отметить и работу, которая проводится с 1998 г. с целью создания системы морской безопасности в составе Морских администраций портов. Впервые эксперимент был проведен в порту г. Новороссийска, где была создана служба морской безопасности Морской администрации порта. Одновременно была сформирована комиссия по морской безопасности,

включавшая в свой состав руководство всего административного и правоохранительного блока организаций и ведомств, работающих в морском порту и городе. Комиссией совместно с Морской администрацией порта была подготовлена методика оценки уязвимости портовых сооружений, судов, экипажей, пассажиров, разработана инструкция о действиях работников морского транспорта при захватах и угонах морских судов, при возникновении иных нештатных ситуаций.

Так же, как и в Новороссийске, активно развивается охранный комплекс Мурманского, Архангельского, Таганрогского морских торговых портов.

Дополнительным средством охраны может быть использование специализированных юридических лиц, имеющих соответствующие лицензии. Взаимодействие таких субъектов с администрацией морского порта осуществляется в рамках договоров гражданско-правового характера. Каждый порт самостоятельно определяет и устанавливает необходимость дополнительных мер охраны порта с учетом значимости охраняемых объектов, возможностей порта, а также имеющегося охранного оборудования.

Сказанное позволяет вести речь о нескольких видах безопасности:

1) транспортной безопасности как таковой, которую следует рассматривать как состояние защищенности судов, а также объектов инфраструктуры порта, находящихся на его территории людей, грузов и багажа от различных негативных факторов; к подобным негативным факторам, в первую очередь, относятся любые акты незаконного вмешательства, включая и террористические акты;

2) безопасности гидротехнических сооружений порта, предполагающей устранение угроз наиболее важным его элементам; непринятие мер в этой сфере может повлечь приостановление, а иногда и прекращение деятельности порта;

3) пожарной безопасности, которая заключается в обеспечении защищенности всех объектов инфраструктуры порта, судов, иного имущества порта, а также людей от уничтожения; данный вид является существенным, поскольку возгоранию подвержены практически все объекты транспортной инфраструктуры, это может повлечь причинение значительного ущерба, а в случае возгорания специфических грузов может привести к катастрофе (например, в случае возгорания нефтепродуктов);

4) экологической безопасности, которая предполагает обеспечение защищенности при-

родных объектов, ресурсов и комплексов от негативного воздействия; требования данного вида безопасности обусловлены реальностью и регламентированы нормативными правовыми актами, помимо этого, такие меры безопасности предусмотрены в качестве первоочередных мероприятий на международном уровне [9].

Указанный перечень является далеко не исчерпывающим. Действуют различные нормативные правовые акты об отдельных видах безопасности: дорожного движения, радиационной безопасности населения, промышленной безопасности опасных производственных объектов и т.д.

В связи с этим в отечественной доктрине содержание понятия «транспортная безопасность» раскрывается по-разному. Отдельными авторами оно оценивается в узком смысле, т.е. так, как его трактует законодатель. По мнению других ученых, это определение оказалось зауженным до технического обустройства объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств с точки зрения их антитеррористической защищенности и правоохранительной деятельности в этой сфере (административной и уголовной юрисдикции). Однако его можно рассматривать в качестве системы, которая включает в себя: 1) обеспечение транспортной безопасности; 2) обеспечение безопасности движения и эксплуатации

транспорта, включая защищенность от угроз техногенного, природного и иного несоциального характера [10, с. 94, 96–97].

В качестве эффективных механизмов совершенствования законодательства в этой сфере рассматриваются два пути. Первый – отмена Федерального закона «О транспортной безопасности» и принятие на его основе нового, в котором будут определены все виды безопасности на транспорте, субъекты их обеспечения, их правовой статус в этой области. Второй путь предполагает внесение изменений и дополнений в уже существующий Федеральный закон № 16-ФЗ. Понятие «транспортная безопасность» и само содержание закона должны обогатиться нормами о таких видах безопасности на транспорте, как «авиационная безопасность», «безопасность мореплавания», «безопасность судоходства на внутренних водных путях», «безопасность дорожного движения», «безопасность движения и эксплуатации железнодорожного транспорта» и т.д.

Резюмируя сказанное, полагаем, что понятие «транспортная безопасность» нуждается в унификации. Оно должно включать в себя защищенность от угроз самого различного характера, что позволит формулировать соответствующие дефиниции отдельных видов транспортной безопасности в отраслевом законодательстве.

1. *Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.*

2. *Там же. 2007. № 7. Ст. 837; 2013. № 30, ч. 1. Ст. 4058.*

3. *Там же. 1997. № 12. Ст. 1383; 2013. № 27. Ст. 3477.*

4. *Там же. 1999. № 18. Ст. 2207; 2013. № 30, ч. 1. Ст. 4058.*

5. *Там же. 2001. № 11. Ст. 1001; 2013. № 27. Ст. 3477.*

6. *Там же. 2000. № 16. Ст. 1714; Рос. газ. 2006. 24 июля.*

7. *Рос. газ. 2011. 16 марта.*

8. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собр. законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.*

9. *Бевзюк Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) / под ред. С.Ю. Морозова. Доступ*

1. *Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 2.*

2. *Ibid. 2007. № 7. Art. 837; 2013. № 30, pt. 1. Art. 4058.*

3. *Ibid. 1997. № 12. Art. 1383; 2013. № 27. Art. 3477.*

4. *Ibid. 1999. № 18. Art. 2207; 2013. № 30, pt. 1. Art. 4058.*

5. *Ibid. 2001. № 11. Art. 1001; 2013. № 27. Art. 3477.*

6. *Ibid. 2000. № 16. Art. 1714; Rus. newsp. 2006. July 24.*

7. *Rus. newsp. 2011. March 16.*

8. *About the National security strategy of the Russian Federation till 2020: decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 № 537 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2009. № 20. Art. 2444.*

9. *Bevzyuk E.A. Comment to the Federal law of November 8, 2007 № 261-FL «On the seaports of the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» (itemized) / ed. by S.Yu. Morozov. Access from legal-reference system «ConsultantPlus». 2010.*

из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». 2010.

10. Степаненко Ю.В. Административно-правовые проблемы обеспечения транспортной безопасности // Актуальные вопросы административного и информационного права: материалы науч.-практ. конф. (г. Москва, 12 апр. 2013 г.). М., 2013.

10. Stepanenko Yu.V. Administrative and legal problems of transport security // Actual questions of administrative and information law: proc. of sci.-pract. conf. (Moscow, Apr. 12, 2013). Moscow, 2013.

**Чепелева Лада Металловна**

кандидат психологических наук, доцент,  
заведующая кафедрой социальной работы, психологии  
и педагогики высшего образования  
Кубанского государственного университета  
(e-mail: lada-chep@mail.ru)

**Дружинина Элла Леонидовна**

аспирант кафедры социальной работы, психологии  
и педагогики высшего образования  
Кубанского государственного университета  
(e-mail: e-m-i-l-i-y-a-l-e-v@rambler.ru)

## Причины выбора суицидального поведения современными подростками

В статье анализируются многофакторность суицидальной мотивации подрастающего поколения, векторы суицидальной активности, эмоциональное отношение к жизни. Особое внимание обращено на меры профилактики и предотвращения суицидального поведения в подростковой среде.

**Ключевые слова:** подростковый суицид, манипуляция, ценность страдания, удовлетворение потребностей.

**L.M. Chepeleva**, Master of Psychology, Assistant Professor, Head of a Chair of Social Work, Psychology and Pedagogics of Higher Education of the Kuban State University; e-mail: lada-chep@mail.ru;

**E.L. Druzhinina**, Post-graduate of a Chair of Social Work, Psychology and Pedagogics of Higher Education of the Kuban State University; e-mail: e-m-i-l-i-y-a-l-e-v@rambler.ru

**Reasons for choosing suicidality modern teenagers**

The article analyzes the multifactor suicidal motivation younger generation, suicidal activity vectors, emotional attitude to life. Particular attention is paid to prevention of suicidal behavior among adolescents.

**Key words:** teenage suicide, manipulation, value of suffering, satisfaction of needs.

Отношение подростков к жизни и смерти – одна из актуальных проблем, с которой сталкивается современное общество. Эта проблема не только не разрешена, но и недостаточно изучена в науке. Следует искать, какое место занимают готовность к суициду и эмоции со знаком «минус» в глубинах психики детей, в их духовной и нравственной структуре.

Основательное изучение суицидального поведения подростков выявило многозначность в объяснении этого явления (А.Г. Амбрумова, В.Т. Лекомцев, Е.А. Панченко). Данный феномен широко используется для обозначения вида девиантной активности наряду с такими проявлениями, как взаимодействие личности со средой, опосредованное характерологическими особенностями и индивидуальностью (В.Д. Менделевич, Е.М. Вроно, Н.А. Ратинова, Е.Г. Трайнина). С точки зрения исследователей в области возрастной и педагогической психологии, ведущее место в формировании суицидальных тенденций занимают типичные для подросткового возраста личностные харак-

теристики – впечатлительность, внушаемость, когнитивная ригидность, низкая самооценка, отсутствие критичности к своему поведению, колебания настроения, импульсивность, а также поведенческие проблемы – изоляция, отстраненность, дезадаптация, беспомощность, месть, агрессия, употребление ПАВ, конфликты в семье, школе (А.Ю. Егоров, С.А. Игумнов, А.Г. Жезлова, А.А. Александров, Д.И. Фельдштейн, М.Е. Сандомирский). Все указанные особенности действительно являются «детальями» при формировании суицидальной модели поведения, но они лишь следствие основной, более глубинной причины. Важно учитывать и то, почему подросток выбирает определенный тип поведения, конструктивный или деструктивный способ реагирования на проблему, в результате чего выстраивается та или иная картина мира, в которой он существует. Иными словами, подросток оценивает происходящее, решает, к каким событиям и как следует приспособиться, чему (кому) можно противостоять, какие события можно игнорировать, чем (кем) можно манипулировать (Д. Саймон, Х. Брейкер).

По мнению ученых психоаналитического направления (З. Фрейд, М. Кляйн, К. Хорни, Н.Ф. Калина), основным критерием отношения ребенка к жизни является возможность или невозможность удовлетворения потребностей. При этом если изначально выбранный способ станет неэффективным, то он может отдать предпочтение социально неприемлемым вариантам реализации потребностей (девиантная адаптация, Е.В. Змановская). Использование девиантных способов реагирования при достижении желаемого сопряжено с чувством внутренней дисгармонии (стресс, тревожность) и понижает уровень удовлетворенности жизнью [1, с. 7].

Социологи (Э. Дюркгейм, Л.Ф. Уорд, Ф.Э. Шереги, Н. Смерзлер) исходят из положения о том, что способы реализации потребностей задаются обществом в соответствии с приемлемыми и распространенными в нем традициями и нормами. Поэтому любое знание о суициде, презентация суицидальных эпизодов в СМИ, бесстрастное отношение к этому феномену влекут трансформацию личностной реальности вступающего в жизнь подростка. В этом случае стратегии достижения «желаемого» качественно меняются и, являясь реальностью, становятся частью структуры личности. Например, желание изменить травмирующую ситуацию как цель удерживать власть над ситуацией; состояние эмоционального угнетения как самопрезентация своей персоны; манипуляция суицидальными средствами как нетерпимость к отказам. Стремление соответствовать требованиям времени выливается в потребительское отношение у подростков к родителям, к сверстникам, к любви и даже к смерти. Суицидальное поведение все больше приобретает характер извращенного способа шантажа, превращающего суицид в своеобразную «игру со смертью». Причиной суицидального поведения сегодня может стать родительский отказ купить ту или иную вещь. Подтверждает это и анонимное анкетирование подростков, в котором приняли участие 398 респондентов, проведенное нами в рамках исследования предрасположенности подростков к проявлению суицидальной активности. Результаты распределения ответов на незаконченное предложение «Чтобы получить то, что мне сильно хочется, я...» демонстрируют у подростков (как с суицидальными тенденциями, так и у подростков группы «норма») в целом повышенное стремление соответствовать кому-то и получать желаемое, отсутствие способности к терпению, самоконтролю и самоограничению.

Представленные результаты выявляют незначительные различия при выборе подростками способов влияния на взрослого.

Подростки группы «норма»:

Отказываюсь разговаривать: мальчики – 21%, девочки – 33%;

делаю несчастный вид: мальчики – 88%, девочки – 90%;

выполняю задания и жду: мальчики – 2,8%, девочки – 2,9%;

требую, мне должны: мальчики – 53%, девочки – 61%;

могу обмануть: мальчики – 91%, девочки – 93%;

делаю что-нибудь назло: мальчики – 28%, девочки – 20%;

делаю что-нибудь взамен: мальчики – 22%, девочки – 23%;

угрожаю навредить: мальчики – 19%, девочки – 22%;

сравниваю себя с другими: мальчики – 80%, девочки – 95%.

Подростки группы суицидального риска:

отказываюсь разговаривать: мальчики – 32%, девочки – 53%;

делаю несчастный вид: мальчики – 80%, девочки – 94%;

выполняю задания и жду: мальчики – 2,4%, девочки – 1,4%;

требую, мне должны: мальчики – 72%, девочки – 92%;

могу обмануть: мальчики – 99%, девочки – 74%;

делаю что-нибудь назло: мальчики – 34%, девочки – 47%;

делаю что-нибудь взамен: мальчики – 1,4%, девочки – 6,1%;

угрожаю навредить: мальчики – 17%, девочки – 24%;

сравниваю себя с другими: мальчики – 79%, девочки – 89%.

Современные СМИ и молодежные сериалы зачастую демонстрируют подростку деструктивные модели поведения в конфликтных ситуациях, при этом они мало соответствуют жизненной действительности. Современные сериалы и фильмы акцентируют внимание на эмоциональных реакциях героев в конфликтных ситуациях, на сиюминутном достижении желаемого без учета нравственности и приемлемости выбора средств и методов. Они не раскрывают глубину психологических отношений между людьми, причины явлений и не направлены на поиск конструктивных способов решения проблемы. Это приводит к мышлению стереотипами «что-то иметь» и «кому-то

подражать», соответственно поведение превращается в эффект «проблема – эмоции» [2, с. 31].

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что современные подростки в подавляющем большинстве находятся в пространстве эмоционального негативизма. В результате диагностики с использованием методик ММРІ – минимумльт, ПДО А.Е. Личко и 16РF опросника Кэттелла выявлено, что позитивный эмоциональный фон в генеральной совокупности обследованных подростков составляет 10,6%. Стремление к удовольствиям, нетерпимость к ущемлению своих интересов, избегание трудностей и ответственности – 29,1%. Негативный эмоциональный фон, пессимистичный жизненный настрой, отгороженность – 46%. Сравнение показателей шкалы депрессии в тестах ММРІ и ПДО демонстрирует в большей степени эмоциональную неустойчивость у подростков, чем депрессию. Лишь у 7% респондентов с суицидальной склонностью можно констатировать истинную депрессивную симптоматику.

Общими особенностями, характеризующими современных подростков, являются: пассивность, ригидность, эгоцентризм, радикализм, снижение способности к самостоятельному решению проблем. Отсутствие волевых проявлений, идеологии, убеждений, целей. Завышенные притязания, нетерпимость при неудовлетворенности потребностей, избегание трудностей.

Так, у девочек с суицидальными тенденциями шкала суицида статистически значимо коррелирует с эмансипацией ( $r = 1,0$ ), ригидностью ( $r = 0,50$ ), экспрессивностью ( $r = 1,0$ ), социальной пассивностью ( $r = 0,51$ ), общительностью ( $r = 0,95$ ), супер-Эго ( $r = 1,0$ ), эгоцентризмом ( $r = 0,63$ ), возбужденностью ( $r = 0,87$ ) –  $p < 0,01$ . У мальчиков – с независимостью ( $r = 0,71$ ), супер-Эго ( $r = 0,97$ ), стабильностью ( $r = 0,77$ ), радикализмом ( $r = 0,70$ ), чувствительностью ( $r = 0,61$ ), высоким самомнением ( $r = 0,97$ ), общительностью ( $r = 0,87$ ), эгоцентризмом ( $r = 0,92$ ), экстраверсией ( $r = 1,0$ ), конформностью ( $r = 1,0$ ), ПАВ ( $r = 0,1$ ) –  $p < 0,01$ .

Нетипичным является то, что почти половина суицидально предрасположенных подростков (37,9%) – выходцы из полных, обеспеченных семей. При детальном рассмотрении системы воспитательной практики родителей с помощью опросника «Подростки о родителях» (ПоР) Л.И. Вассермана, И.А. Горькавой, Е.Е. Ромициной были выявлены основные стратегии воспитания в семье. Уровень директивности

(75%), враждебности (80%), непоследовательности (85,7%) родителей. Отстраненность по отношению к мальчикам группы суицидального риска – 79,3%, к девочкам – 85,2%, к мальчикам группы «норма» – 3,3%, к девочкам – 2%. Регистрировался низкий позитивный интерес родителей по отношению к девочкам (5,5%), к мальчикам (10,1%). При внешнем социальном благополучии такие семьи можно условно назвать «семьями группы психологического риска». Родители подростков этой группы в большей степени переключают ответственность за воспитание детей на других лиц. Отсутствие интереса к заботам своего ребенка, неумение общаться родители подменяют отстраненностью, вседозволенностью и непоследовательным воспитанием, что допускает возможность бесконтрольного поведения, которое постепенно переходит во внутреннюю неспособность к самоограничению и самодисциплине [3, с. 100].

С целью предотвращения суицидальной активности среди подростков группы риска нами была разработана и апробирована программа «Психолого-педагогическая поддержка подростков, склонных к суициду, в профилактической и коррекционной работе». Реализация программных задач ориентирована на «ценностно-смысловой проект деятельности» [4, с. 257]. То есть в ценностно-смысловые внутренние связи подростка «ценность – смыслы – значимость» [4] важно встраивать здоровьесберегающую идеологию, нравственные установки, формировать волевые качества, психологическую выносливость, активную жизненную позицию, ответственность, дисциплинированность, способность к ограничению эмоциональной несдержанности, умение оценивать и контролировать свое поведение, речевую цензуру. В ходе реализации программных задач педагоги и специалисты мотивировали подростков к самостоятельному поиску решений поставленных задач, поддерживали подростков в реализации стремления к более глубокому и широкому пониманию происходящих событий. Обучали решать возникающие проблемы разными способами, критически оценивать поступающую информацию из различных источников, осмысливать взаимоотношения людей, погружаться в суть их поведения, формировать свое к ним отношение. Осваиваемые модели поведения, основанные на анекдотичности и притчевости рассказов, сказок русских классиков (А.П. Чехов, А.И. Куприн, А.С. Пушкин), позволили подросткам на интуитивном уровне улавливать характеры людей, закономерности поступков, способы реагирования.

В результате формирующего эксперимента у респондентов выявлена тенденция к снижению уровня показателей по шкалам социальной пассивности – на 14,7%, подавленности – на 16,9%, тревожности – на 19,9%, возбужденности – на 6,3%, радикализма – на 42,7%, эгоцентризма – на 18,7%, алкоголизации – на 60,1%, дезадаптации – на 95,3%, суицида – на 53,8%. Наблюдается повышение показателей по шкалам дипломатичности – на 13,7%, чувствительности – на 13,4%, супер-Эго – на 52,1%, социальной смелости – на 33,6%, силы Я – на 33,9%, общительности – на 19%, доминантности – на 37,2%.

Самое важное при поддержке суицидального подростка – это поведение взрослого,

его последовательность. Зачастую родители и педагоги поступают так, что конфликт только разгорается и пропасть в отношениях увеличивается. Подростки прибегают к крайним мерам манипулирования по нескольким причинам: чтобы получить свою порцию любви и внимания, скрыть проделки, получить то, что они хотят, и почувствовать свое влияние. Вся природа подросткового поведения – «вычислять», как реагируют на его поведение, делать разные вещи и наблюдать, какой отклик они вызывают. Взрослым важно обозначить границы, при этом не отдаляясь от подростка, и дать время, чтобы он усвоил разницу между победой и проигрышем, осознал, какая роль отведена ошибкам и неудачам.

---

1. Пятунин В.А. *Девиянтное поведение несовершеннолетних: современные тенденции*. М., 2010. Ч. 1.

2. Хагуров Т.А., Чепелева Л.М., Войнова Е.А., Резник А.П. *Трудные подростки: опыт социологического исследования нормативного сознания и образа жизни региональной молодежи 2000-х*. Краснодар, 2011.

3. *На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа): коллективная монография / под науч. ред. М.Е. Поздняковой и Т.А. Хагурова*. Краснодар, 2012.

4. *В поисках гуманистической реальности: сб. науч. тр. / науч. ред. В.П. Бедерханова*. Краснодар, 2007.

---

1. Pyatunin V.A. *Deviant behaviour of minors: modern trends*. Moscow, 2010. Pt. 1.

2. Hagurov T.A., Chepeleva L.M., Voynova E.A., Reznik A.P. *Difficult adolescents: experience of sociological research normative consciousness and lifestyle regional youth 2000*. Krasnodar, 2011.

3. *On the way to the crime: deviant behavior of teenagers and risks of growing up in modern Russia (experience of sociological analysis): collective monograph / sci. ed. by M.E. Pozdnyakova and T.A. Hagurov*. Krasnodar, 2012.

4. *In search of humanist reality: coll. of sci. works / sci. ed. by V.P. Bederhanova*. Krasnodar, 2007.

**Гирин Алексей Владимирович**

преподаватель кафедры психологии и педагогики  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: Alexodin12005@yandex.ru)

## *Формирование готовности курсантов к работе в поликультурной среде региона: компетентностный подход*

В статье представлен компетентностный подход к решению проблемы подготовки сотрудников полиции, готовых к взаимодействию с поликультурной средой региона.

**Ключевые слова:** этнокультура, поликультурное образование, диалог, компетентность, компетенция.

**A.V. Girin**, Teacher of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Alexodin12005@yandex.ru

**Forming of readiness of cadets to work in multicultural environment of region: competence approach**

In the article the competence approach to decision of problem of preparation of employees of police, ready to cooperating with the multicultural environment of region is considered.

**Key words:** ethnoculture, multicultural education, dialogue, competence, competence.

**И**сториико-культурной тенденцией развития современного общества является объективно обусловленное сближение стран и народов, усиление их взаимозависимости и взаимодействия. Динамика миграционных процессов, формирование новых социокультурных общностей влечет за собой повышение социальных рисков, связанных с феноменом взаимодействия этнических групп. Контакты этнических культур в условиях диалога – уникальный, сложный, полный противоречий процесс. В этих условиях вузы не всегда готовы к формированию специалистов, ориентированных на открытый диалог, к процессам интеграции в новую поликультурную среду.

Реалии сегодняшнего дня свидетельствуют, что отказ от подготовки специалистов, способных и готовых к участию в интеграционных процессах, приводит к росту уровня социальной напряженности, военных конфликтов, террористических актов и другим проявлениям межнационального противостояния.

Динамика роста культурно-этнического многообразия заметно растет в последнее десятилетие за счет притока мигрантов из стран бывшего Советского Союза, ищущих работу в российских регионах, прежде всего экономически успешных, например в Краснодарском крае. Это преимущественно молодые люди, ко-

торые за последние десятилетия суверенного существования государств утратили духовную и культурную связь с Россией.

Повышение уровня поликультурности в сочетании с сохраняющимися проблемами социально-экономического жизнеустройства, проявляющимися на фоне активизации национального самосознания, националистических настроений, как, например, это происходит в Украине, затрудняют интеграционные процессы, формируют предпосылки для дестабилизации в обществе, детерминируют тенденции к обострению существующих социальных рисков.

Растущее осознание обострения противоречия между повышением уровня поликультурности социальной среды и неготовностью к конструктивному вхождению в систему социальных отношений выдвинуло на первый план необходимость подготовки сотрудников полиции, готовых к работе в современной поликультурной среде региона.

В современных условиях важна интеграция курсантов вузов МВД России в поликультурную образовательную среду, основанную на общечеловеческих ценностях. Первоначальная оценка народных традиций, культур различных народов, анализ их значения с точки зрения воспитания, мировосприятия возможны лишь тогда, когда курсанты обладают определенным уровнем знаний в поликультурной области, в

том числе нравственных заповедей. Для вузов, ориентированных на подготовку специалистов, способных осуществлять свою профессиональную деятельность в социономической поликультурной среде, вышеперечисленные вопросы очень важны, ибо они знакомят учащихся с различными национальными культурами во взаимосвязи и взаимодействии.

В целом поликультурная проблематика относится к тем вопросам, при изучении которых учащимся важно ощущать, что педагог не столько «просвещает» их, сообщает им некоторые знания, сколько вместе с ними ищет наиболее эффективные и достойные решения. Преподавателю стоит периодически ставить перед собой вопрос, в какой мере его собственные взгляды не являются дискриминационными по отношению к той или иной общественной группе.

Следовательно, поликультурный аспект образования позволяет совершенствовать культуру межэтнического общения: он отвечает всем современным процессам, связанным с ростом национального самосознания народов Северного Кавказа и Краснодарского края, охватившим и сферу образования. Сложность практической реализации поликультурного аспекта образования заключается в том, что до сих пор не преодолена методологическая трудность.

Важным положением для определения векторов формирования готовности курсантов к работе в поликультурной среде стал тезис о самодостаточности культуры, ее способности к обособленному развитию. Ошибочное впечатление о самодостаточности культуры основывается на том, что внутри культур существуют свои эстетические, мировоззренческие оппозиции, как бы обеспечивающие саморазвитие без влияния извне. Взаимодействия между культурами могут проявляться на основе утилитарного отношения одной культуры к другой [1], отношения неприятия одной культуры другой, на основе отношения взаимодействия и взаимообогащения, т.е. отношения культур друг к другу как равноценным субъектам [2].

Анализ философско-педагогических и психологических детерминант позволяет выделить наиболее распространенные в мировой педагогике подходы к пониманию сущности поликультурного образования [3; 4].

На современном этапе основной задачей, стоящей перед образованием, является воспитание личности, способной к работе в поликультурной среде, умеющей познавать «другую» культуру путем диалогического общения,

обмена смыслами. Это требует от будущих специалистов высокого уровня коммуникативной компетенции, коммуникативной культуры, развитых навыков общения.

На современном этапе обучения в вузе МВД России существуют противоречия между требованиями, предъявляемыми к уровню развития межкультурных коммуникативных навыков курсантов, и их реальными способностями. Трудности, которые испытывают курсанты при взаимодействии с представителями разных культур, налаживании конструктивного диалога, организации полемики, пассивность в групповой и коллективной деятельности свидетельствуют об отсутствии комплексного педагогического подхода, направленного на системное развитие межкультурных коммуникативных навыков в процессе общения и готовности к работе в поликультурной среде региона.

Курсанты должны уметь работать с различными в культурном отношении людьми, правильно понимать человеческие различия, быть толерантными к ним, уметь утверждать своими личными делами и словами культурный плюрализм в обществе. С целью формирования такой готовности важен компетентностный подход в организации практико-ориентированной подготовки сотрудников полиции в процессе обучения в вузе.

В настоящее время компетентностный подход широко представлен в работах многих ученых (А.П. Андреев, О.Н. Арефьев, В.А. Болотов, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, Г.К. Селевко, В.А. Сластенин, А.И. Субетто, А.В. Хуторской, В.Я. Шадриков и др.). Применение компетентностного подхода в современном образовании продиктовано вхождением России в европейское образовательное пространство, недостаточностью использования знаниевого подхода в организации образовательной среды. Компетентностный подход актуализирует внимание на содержании образования, причем в качестве результата рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека действовать в различных социальных ситуациях [5, с. 13].

Компетентностный подход отчетливо обозначен в трудах отечественных психологов В.В. Давыдова, П.Я. Гальперина, И.С. Якиманской. Ориентация на усвоение обобщенных знаний, умений, способов деятельности была ведущей в их работах. В определении компетентности исследователи придерживаются различных точек зрения, определяя компетентностный подход как постепенную переориентацию доминирующей образовательной парадиг-

мы с преимущественной трансляцией знаний, формирование навыков на создание условий для овладения комплексом потенциалов, обозначающих потенциал, способности выпускника к выживанию и устойчивой жизнедеятельности в условиях современного многофакторного социально-политического, рыночно-экономического, информационно и коммуникационно насыщенного пространства [6, с. 138].

Существует точка зрения, что компетентностный подход представляет собой приоритетную направленность на цели-векторы образования: обучаемость, самоопределение, самоактуализацию, социализацию и развитие индивидуальности [7] или определенный уровень функциональной грамотности [8, с. 13]. Анализируя применение компетентностного подхода в проектах государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования, Ю.Г. Татур отмечает, что, учитывая обобщенный, интегральный характер понятия «компетентность» по отношению к используемым сегодня в образовательном стандарте терминам «знание», «умение», «владение», такой переход обеспечивает формирование обобщенной модели качества, абстрагированной от конкретных дисциплин и объектов труда, что позволяет говорить о более широком поле деятельности специалиста [9, с. 23]. Основными единицами обновления содержания образования в условиях модернизации принято считать компетентность и компетенции (В.И. Байденко, Э.Ф. Зеер, А.А. Субетто и др.). Компетенцию определяют как круг вопросов, явлений, в которых человек хорошо осведомлен, а компетентный специалист – это знающий, осведомленный, авторитетный в какой-либо области человек, обладающий компетенцией [10, с. 288]. Анализируя основные идеи и положения компетентностного подхода в образовании, мы опираемся на мнение И.А. Зимней [11, с. 6, 11–13], В.И. Байденко [12, с. 7] и других ученых о необходимости разграничения понятия «компетентность» и «компетенция», относя компетенцию к потенциальному качеству личности, а компетентность – к актуальному, формируемому качеству, другими словами, компетентность является собой уже актуализацию компетенций, определяющих содержание конкретной компетентности.

Исследователь И.А. Зимняя отмечает, что «компетентности – это содержательное обобщение теоретических и эмпирических знаний, представленных в форме понятий, принципов, смыслообразующих положений. Компетентности теоретического уровня обобщения отра-

жают внутренние связи и отношения явлений и предметов действительности, их конкретизация выражается в понятиях, законах, принципах. Эмпирические компетентности отражают внешние свойства предметов и явлений» [11, с. 28]. Вместе с тем, компетенции – это обобщение способов действий, обеспечивающих продуктивное выполнение профессиональной деятельности. Это способности человека реализовывать на практике свою компетентность.

В ряде исследований сформулированы требования к компетенциям будущих специалистов социономической сферы в соответствии с требованиями поликультурного образования. К таковым относятся: культура и плюрализм, существо культуры; разнообразие и особенности культур; соотношение культур; динамика культуры, культурные перемены, схождение культур; коммуникация и культурные барьеры; теория коммуникации; культура и разнообразие форм воспитания; основной язык и невербальная коммуникация; языки и разнообразие способов мышления, связанных с культурой; взаимопонимание культур, социополитические аспекты [13].

Главной целью поликультурного компонента образования является также выработка у будущих специалистов навыков поликультурной компетенции. К ним относятся: чувствительность к культурным различиям, уважение к уникальности культуры каждого народа, терпимость к необычному поведению, желание позитивно относиться ко всему неожиданному, готовность реагировать на изменения, гибкость в принятии альтернативных решений и отсутствие завышенных ожиданий от общения с представителями других культур. Эти навыки являются мостиками к пониманию представителей других культур и народов, урегулированию конфликтных ситуаций, а также основой для межнационального и межэтнического общения граждан России как внутри государства, так и за его пределами.

При отборе содержания поликультурного образования следует учитывать: социокультурное окружение студентов; индивидуальные интересы студентов к проблемам поликультурного общества в целом или отдельных социокультурных групп; изменяющуюся социокультурную ситуацию в регионе (процессы сближения стран, этнических и конфессиональных групп); этнические, социально-экономические особенности региона; методологические, методические и личностные возможности как каждого отдельного педагога, так и всего педагогического коллектива.

Таким образом, образование выступает как своеобразная модель соответствующей культуры, которая вбирает в себя множество разновременных пластов. Поликультурная среда позволяет воспитывать курсантов в духе толерантности в условиях реального диалога культур. Отсутствие должного внимания к поликультурной образованности индивида приводит к проявлению с его стороны социально-культурной нетерпимости и враждебности к окружающим его людям. Поликультурное образование пред-

полагает не стирание национальных различий между этносами, оно создает основу для взаимообогащения культур в учебно-воспитательном процессе. В процессе поликультурного образования должны решаться вопросы формирования у студентов представления о культуре и культурном многообразии, их приобщения к культурным ценностям, формирования позитивного отношения к своей культуре, воспитания у них толерантного отношения к культурным различиям.

1. Иванова И.Н. Социологический аспект понимания ценностей культуры // *Диалог в культуре*. М., 1989. Вып. 5. С. 52–58.

2. Архипкина Г.Д., Афанасьева Л.А., Базар Ч. Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур / ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова. Воронеж, 2004. Ч. 1.

3. Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования / ред. И.Д. Святская. М.; Ростов н/Д, 2004.

4. Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Суколов А.А. Этносоциология: учеб. пособие для вузов. М., 1999.

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984.

6. Селевко Г.К. Компетентность и ее классификация // *Народное образование*. 2004. № 4. С. 138–143.

7. Ильина А.В. Формирование познавательной самостоятельности студентов среднего профессионального учебного заведения в ходе изучения общепрофессиональных дисциплин: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2008.

8. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // *Педагогика*. 2003. № 10. С. 8–14.

9. Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // *Высшее образование сегодня*. 2004. № 3. С. 20–26.

10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Рос. академия наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2003.

11. Зимняя И.А. Компетентность человека – новое качество результата образования // *Проблемы качества образования: материалы XIII Всерос. совещания*. Уфа, 2003. Кн. 2.

1. Ivanova I.N. Sociological aspect understanding of cultural values // *Dialogue in culture*. Moscow, 1989. Iss. 5. P. 52–58.

2. Arkhipkina G.D., Afanasieva L.A., Bazar Ch. The culture of mutual understanding and mutual understanding of cultures / ed. L.I. Grishayeva, M.K. Popova. Voronezh, 2004. Pt. 1.

3. Borisenkov V.P., Gukalenko O.V., Danilyuk A.Ya. Multicultural educational space of Russia: history, theory, principles of design / ed. I.D. Svyatskaya. Moscow; Rostov-on-Don, 2004.

4. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Ethnosociology: study aid for universities. Moscow, 1999.

5. Ozhegov S.I. Russian dictionary / ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, 1984.

6. Selevko G.K. Competence and its classification // *Popular education*. 2004. № 4. P. 138–143.

7. Ilyina A.V. Formation of cognitive independence of students of secondary vocational training institutions during the study of general professional disciplines: auth. abstr. ... Master of Pedagogics. Chelyabinsk, 2008.

8. Bolotov V.A., Serikov V.V. Competence model: from the idea to the educational program // *Pedagogy*. 2003. № 10. P. 8–14.

9. Tatur Yu.G. Competence in the model structure the quality of training of specialist // *Higher education today*. 2004. № 3. P. 20–26.

10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and idiomatic expressions / Russian Academy of Sciences; Russian language institute of V.V. Vinogradov. 4th ed., add. Moscow, 2003.

11. Zimnyaya I.A. Competence of the person – a new quality of the education // *Problems of quality of education: proc. of the XIII All-Russian meeting*. Ufa, 2003. B. 2.

12. Baydenko V.I. Identifying the set of competences of graduates as a necessary stage of design SOS HPE new generation: methodical manual. Moscow, 2006.

12. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: метод. пособие. М., 2006.

13. Менская Т.Б. Поликультурное образование: программы и методы // Общество и образование в современном мире: сб. материалов из зарубежного опыта. М., 1993. Вып. 2. С. 4–12.

13. *Menskaya T.B. Multicultural education: programs and methods // Society and education in the modern world: coll. materials from foreign experience. Moscow, 1993. Iss. 2. P. 4–12.*

**Чанышев Руслан Ильмирович**

преподаватель-методист факультета профессионального обучения  
и дополнительного профессионального образования  
Казанского юридического института МВД России  
(e-mail: 89196887000@mail.ru)

## *О теоретической модели подготовки курсантов к педагогической профилактике подростковых девиаций*

В статье раскрываются научные основы предупреждения и профилактики девиантного поведения подростков, обосновывается теоретическая модель подготовки курсантов к работе по профилактике подростковых девиаций.

**Ключевые слова:** педагогика, профилактика, девиантное поведение, социокультурная деятельность, дидактическая модель, культурно-досуговая деятельность, технологический подход.

**R.I. Chanyshev**, Teacher-methodologist of the Faculty of Professional Training and Additional Professional Education of the Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: 89196887000@mail.ru

### **On the theoretical model of cadets training for pedagogical prevention of juvenile deviance**

The article reveals the scientific basis of preparation of experts for the prevention of deviant behavior of teenagers, the theoretical model of training cadets to work to prevent teen deviations is substantiated.

**Key words:** pedagogics, prevention, deviant behavior, sociocultural activity, didactic model, cultural and leisure activity, technological approach.

**Р**ассмотрению проблемы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних посвящено немало работ отечественных и зарубежных исследователей (М.А. Алемаскин, В.М. Андреева, Б.Н. Алмазов, В.А. Бачинин, Л.М. Васинцева, В.Ф. Габдулхаков, Я.И. Гишинский, Г.И. Забрянский, Ф.К. Зиннуров, И.А. Кузнецова, Л.И. Кундозерова, С.М. Милинис, Г.М. Миньковский, А.С. Новоселова, А.П. Полуэктов, В.И. Силенков, К.Н. Тараленко, Г.Г. Чанышева, Н.И. Шибанова и др.).

Проблема предупреждения преступности несовершеннолетних отражена в исследованиях Ю.М. Антоняна, Е.Г. Багреевой, Б.А. Базыровой, В.Н. Герасимова, С.А. Завражина, К.К. Кусниденова, Д.В. Майорова, Т.М. Чапурко и др.; индивидуальную профилактику правонарушений изучали И.А. Макаренко, Л.Л. Каневский и др.

Отдельные вопросы профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями на современном этапе раскрыты в работах А.Р. Аксаровой, Г.Г. Бочкаревой, Ф.К. Зиннурова, О.Г. Ковалева и др., а также в диссертационных исследованиях последних лет (И.А. Кузнецова, В.В. Кузьминов, И.А. Макаренко, Т.И. Помыткина, А.И. Савиных, В.П. Санников, Е.В. Фогель и др.).

Содержанию и технологии профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел

посвящены исследовательские работы таких авторов, как И.А. Колесников, В.Н. Котляр, А.И. Мищенко, Ю.А. Морозов, В.И. Постов, Н.Е. Щуркова и др.

Проблемы теоретической и практической подготовки к профессиональной деятельности рассмотрены в трудах Б.Г. Ананьева, А.П. Андруник, В.В. Журавлева, Л.В. Кондрашовой, Е.М. Федорова, А.Г. Чирикова и др.

Определение готовности к профессиональной деятельности, выявление ее специфических показателей нашли отражение в работах Е.В. Бондаревской, В.А. Демина, Н.Н. Нечаева, А.В. Хуторской и др.

Вопросы моделирования подготовки курсантов к профилактической работе с подростками девиантного типа проанализированы в работах Ф.К. Зиннурова [1]. Педагогическое моделирование является связующим звеном педагогической теории и практики. М.И. Махмутов, Ю.С. Тюнников и другие считали, что педагогическая теория рассматривается как инструмент моделирования. Она может быть взята непосредственно как модель (т.е. как целевая идея) или может быть только источником ее формирования.

Поэтому теоретическая модель подготовки курсантов юридических вузов к работе с подростками девиантного типа может рассматри-

ваться с разных сторон. Моделирование как метод исследования получил в настоящее время широкое распространение в различных научных областях и направлениях. Моделирование – это воспроизведение характеристик некоторого объекта на другом объекте, специально созданном для их изучения. Наличие отношений частичного подобия позволяет использовать модель в качестве заместителя или представителя изучаемой системы. Создание моделей – действенное средство проверки истинности и полноты теоретических представлений в различных отраслях знаний.

При этом следует различать модель и технологию. В.С. Смирнова считает, что термин «моделирование» пришел в педагогику из области технического знания. Благодаря моделированию педагогический процесс становится технологичным. В процессе и посредством моделирования создается педагогическая технология, обеспечивающая развитие участников педагогического процесса. Педагогическую технологию можно рассматривать как последовательное и непрерывное движение взаимосвязанных между собой компонентов, этапов педагогического процесса, действий и состояний его участников.

Разрабатывая модель формирования готовности курсанта к реализации воспитательных функций, В.С. Смирнова [2] дает обоснование целевому, содержательному, технологическому и методическому компонентам. Целевой компонент содержит цель процесса формирования готовности курсанта к реализации воспитательных функций. Содержательный компонент определяет направленность процесса на конкретные стороны готовности. Технологический компонент включает основные требования к исследуемому процессу и внутреннюю логику его организации. Методический – формы, методы, приемы, средства формирования готовности курсанта к реализации воспитательных функций.

Основной целью разработанной модели является осознанное, целенаправленное применение будущими офицерами основных компонентов готовности к реализации воспитательных функций, сформированной у них в образовательном пространстве военного вуза, в своей профессиональной деятельности.

Другой исследователь – И.И. Мельников [3] – выявил особенности подготовки курсантов к военно-управленческой деятельности. Им разработана модель подготовки курсантов к военно-управленческой деятельности (цели, принципы, содержание, формы организации, методы, средства), которая определяется содержанием и характером современной военно-профессио-

нальной деятельности (субъект и объект управления, экстремальность деятельности, тактика действий, средства вооруженной борьбы, современные средства управления и навигации и др.) в условиях изменения оборонных задач.

И.И. Мельников показывает, что поэтапная подготовка курсантов к военно-управленческой деятельности в образовательной и профессиональной деятельности, овладение курсантами системой естественнонаучных, гуманитарных, общетехнических, специальных знаний в области управления требуют использования конкретных методов обучения. Автор доказывает, что качество подготовки специалистов во многом зависит как от правильно поставленной цели, проектирования, отбора и структурирования содержания образования, так и от способов достижения поставленных целей, т.е. методов обучения.

Д.В. Кашеев [4] доказывает, что сущность профессионального воспитания курсантов заключается в определенной педагогической системе, в которой выступают в единстве профессиональное воспитание и обучение курсантов, обеспечивающие физическое развитие последних и их психофизическую подготовку к правоохранительной деятельности, формирование профессионально важных качеств, высокой нравственности и культуры поведения. Содержанием профессионального воспитания являются целевой, содержательный, методический, научно-педагогический и организационный компоненты; при этом автором выявлены комплекс педагогических условий и пути совершенствования профессионального воспитания курсантов в процессе физической подготовки: организация и использование комплексно-целевой программы для профессионального воспитания курсантов и обогащения комплекса профессионально важных качеств; целенаправленная работа преподавателей физической подготовки по воспитанию нравственных, физических и психофизических качеств курсантов, повышению мотивации к учебно-тренировочной деятельности во время учебных занятий и внеучебное время (спортивно-массовая работа).

Среди важных условий моделирования подготовки Д.В. Кашеев называет следующие: совершенствование системы начальной профессиональной подготовки курсантов с активизацией учебно-тренировочного процесса на усвоение моральных и нравственных норм, служебной этики поведения, уставного порядка и дисциплины; педагогический такт, достаточную эрудицию, высокую методическую и физическую подготовленность преподавателя физической

подготовки, сочетание физических упражнений с убеждением; диагностику и учет индивидуальных особенностей курсантов и особенностей коллектива (учебной группы) как условие индивидуализации образовательного процесса; своевременность воспитывающего воздействия, при этом нельзя оставлять без внимания случаи малейшего нарушения дисциплины или безнравственного поступка курсанта на территории учебного заведения и за его пределами; создание субъект-субъектных отношений на учебно-тренировочных занятиях между курсантами и преподавателями, обеспечивающих уважительное отношение к личности, ее ценностям, мнениям, выбору решений; моделирование на учебно-тренировочных занятиях ситуаций, приближенных к реальным экстремальным условиям, возникающих в оперативно-розыскной и служебно-боевой деятельности и требующих самостоятельного выбора, нравственно-волевых решений, поступков, творческой активности.

В ходе исследования Д.В. Кащеевым сконструирована и структурная схема профессионального воспитания курсантов, в которой отображается процессуальная сторона формирования модели, состоящая из следующих блоков: 1) цель – профессиональное воспитание курсантов средствами ФП; 2) задачи: воспитание высокой нравственности в профессиональной деятельности и повседневной жизни; развитие физических и психофизических качеств; укрепление и сохранение здоровья; усвоение специальных физкультурных знаний; 3) закономерности, в которых цель и содержание определяются потребностями общества и государства; результат профессиональной готовности зависит от степени развития сознания, мышления и культуры поведения курсанта; 4) основополагающие принципы профессионального воспитания в процессе физической подготовки: принципы воспитывающего обучения, гуманизма, единства общей и специальной подготовки, систематичности воспитательных воздействий; 5) методы профессионального воспитания средствами физической подготовки: моделирование профессиональных ситуаций в процессе учебно-тренировочных занятий; словесный, воздействующий на сознание (лекции, беседы, консультации); метод убеждения, упражнения (тренировки), состязательности, критики, поощрения, наказания; 6) критерии оценки: отношение к учебно-тренировочным занятиям, успеваемость, качество выполнения служебных обязанностей, стремление к самосовершенствованию; 7) диагностика и

прогнозирование процесса профессионального воспитания, выявляющие следующие его уровни: недопустимый, критический, допустимый и оптимальный.

Интересное исследование провел Р.В. Стрельцов [5]. На основе анализа теоретического и практического опыта при организации подготовки курсантов военного института ВВ МВД России к воспитанию у личного состава конфликтологической культуры он определил следующие детерминанты: эффективность деятельности будущих офицеров по воспитанию у подчиненных конфликтологической культуры обусловлена уровнем их готовности к данному виду профессиональной деятельности; подготовка курсантов к воспитанию у личного состава данного личностного образования более эффективна, если начинать ее с первого курса; профессиональная подготовка курсантов военного вуза является средством формирования у них готовности к воспитанию конфликтологической культуры, если в теоретический и практический аспекты педагогического процесса ввести конфликтологические компоненты, направленные на формирование указанной готовности.

Целевой блок у Р.В. Стрельцова отражает главный образовательный результат реализации теоретической модели – более высокий уровень подготовки курсантов к воспитанию у подчиненных конфликтологической культуры. Мотивационный блок заключается в осознании необходимости в подготовке курсантов военного вуза к воспитанию у личного состава данного интегративного образования. Содержательный блок предполагает совершенствование содержания, реализуемое в наполнении ряда учебных дисциплин знаниями о конфликтологической культуре и введении в образовательный процесс элективной дисциплины «Конфликтологическая культура», а также обогащение воспитательного процесса в форме информационно-воспитательной работы конфликтологическим содержанием. Процессуальный блок, включающий учебный и воспитательный процессы, должен обеспечить применение в педагогическом процессе современных активных методов, форм, технологий, а также совершенствование войсковой стажировки. Готовность будущего офицера к процессу воспитания у личного состава конфликтологической культуры отражает результативный блок. Компонентами готовности являются мотивационно-ценностный (наличие ценностных ориентаций), когнитивный (наличие знаний о методах, формах, средствах воспитания конфликтологической культуры) и

операционный (умение творчески использовать знания и умения по воспитанию у подчиненных конфликтологической культуры).

М.В. Чемодуров [6] доказывает, что курсанты военного вуза должны прежде всего проходить специальную адаптацию к условиям образовательной среды. Адаптация будущих специалистов к учебно-профессиональной деятельности должна обеспечиваться за счет повышения их профессиональной мотивации и перевода профессиональной компетентности в субъектную потребность и цель учебно-профессиональной деятельности. Эффективность данного процесса может быть значительно повышена при условии обеспечения осознания курсантами ценностей профессиональной деятельности специалиста; учебно-профессиональная деятельность курсантов военного вуза ориентирована на формирование межпредметных компетенций специалиста; организованы выявление, формирование и диагностика личностных новообразований, способствующих адаптации курсантов к учебно-профессиональной деятельности; обеспечивается создание специальной адаптивной образовательной среды вуза.

А.Н. Ширяевым [7] была разработана структурно-функциональная модель профессиональной подготовки курсантов. Модель содержит совокупность взаимосвязанных структурных компонентов: целевой (совокупность иерархических взаимосвязанных целей); мотивационно-ценностный (мотивационно-ценностные потребности к усвоению профессиональных служебно-боевых знаний и способов их применения, овладению умениями их использования в СБД, стремлению к саморазвитию, самосовершенствованию и самовоспитанию; эмоциональной устойчивости к преодолению трудностей в СБД подразделений спецназа); содержательный (система профессиональных служебно-боевых знаний, опыта деятельности и опыта отношений, усвоение которой обеспечивает формирование готовности курсантов к СБД в подразделениях СпН); процессуально-деятельностный (совокупность организационных форм, методов, средств, направленных на формирование готовности курсанта к СБД в подразделениях СпН); оценочно-рефлексивный (совокупность критериев, показателей, уровней эффективности процесса формирования готовности курсанта к СБД в подразделениях СпН).

К.А. Кунаш [8] тоже была разработана структурно-функциональная модель, но эта модель уже ориентирована на формирование готовности курсантов к профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями

и рассматривается автором как целостная система, под которой понимается некоторое целое, состоящее из взаимосвязанных элементов, причем порядок связи этих элементов образует внутреннюю структуру системы, а характер ее взаимодействия с окружающими условиями – ее функционирование. Данная структурно-функциональная модель формирования готовности курсантов к профилактической работе представляет систему взаимосвязанных структурно-функциональных блоков, состоящих из совокупности элементов: целевой (цель, задачи, принципы), содержательный (функции, механизмы, содержание), процессуальный (педагогические условия, этапы, формы, методы и приемы), оценочно-результативный (результат и критерии его оценки, уровни) блоки и системообразующие связи между ними.

Целевой блок модели обеспечивает ориентацию на максимальное личностное и профессиональное развитие будущих сотрудников ФСИН. Важнейшим его элементом является цель, сформулированная автором как формирование готовности курсантов к профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями.

К принципам формирования готовности курсантов к профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями мы относим: принцип гуманизма, принцип целостности, принцип непрерывности, принцип единства учебной, практической и исследовательской деятельности курсантов.

Содержательный блок включает в себя функции, механизмы, содержание подготовки курсантов к профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями.

Процессуальный блок включает педагогические условия, этапы, формы, методы и приемы подготовки курсантов к профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями. Процессуальный блок реализуется через взаимосвязанные и взаимообусловленные этапы формирования готовности курсантов к профилактической работе: предварительный, формирующий, итоговый.

Формирование готовности курсантов к профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями заключается в реализации разработанной модели, наполнении ее содержанием на основе выявленных педагогических условий, выборе эффективных форм, методов и средств обучения и воспитания в соответствии с современными целями высшего профессионального образования.

К педагогическим условиям процесса формирования готовности курсантов к профи-

лактической работе с несовершеннолетними правонарушителями мы отнесли: общетеоретическую правовую, психолого-педагогическую, криминологическую подготовку; специальную психолого-педагогическую подготовку; применение активных методов обучения; проектную деятельность курсантов; включение курсантов в различные организационные формы самообразовательной деятельности; внедрение педагогического практикума в программу производственной практики в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, анализ последних научных исследований и личный опыт подготовки курсантов к работе с подростками девиантного типа позволяет сделать выводы о том, что эта подготовка должна учитывать ряд дидактических принципов:

1. Принцип системности предполагает выделение целостной системы знаний и структурных компонентов, обнаружение связей между ними; определение способа регулирования системы; изучение механизмов функционирования и развития системы.

2. Принцип междисциплинарности предполагает рассмотрение вопросов профилактики и коррекции девиантного поведения и путей ее преодоления в соответствии с содержанием основных курсов базового учебного плана.

3. Принцип адекватности, т.е. соответствие содержания психофизиологическим особенностям курсантов.

Эффективность функционирования такой модели процесса подготовки курсантов юридического института МВД России к работе с подростками девиантного типа определяется:

1) организацией единого образовательного пространства путем интеграции учебной и воспитательной деятельности, пронизанной идеей подготовки курсантов к работе с подростками девиантного типа;

2) развитием положительной мотивации, направленной на осознание курсантами необходимости работы с трудными подростками как личностного образования;

3) организацией педагогического процесса с учетом собственной истории жизни курсанта, сформированных ценностных ориентаций, которые оказывают определяющее влияние на процесс приобщения будущего офицера к воспитанию у личного состава установок на работу с трудными подростками;

4) применением в образовательном процессе современных методов, форм, технологий, эффективно способствующих формированию готовности будущего офицера к воспитанию у личного состава конфликтологической культуры;

5) субъект-субъектными отношениями в системах «преподаватель – курсант», «офицер (командир) – курсант», «курсант – курсант».

В состав теоретической модели подготовки курсантов юридического вуза к работе с подростками девиантного типа должно входить три основных блока: целевой, содержательно-процессуальный и результативно-оценочный.

Первый из них – целевой – представлен требованиями социального заказа по подготовке соответствующего специалиста и вытекающими из них целями и задачами. В связи с тем, что в адаптации курсанта к учебно-профессиональной деятельности интегративную роль играет цель его подготовки, степень ее достижения выражает представление о результате становления и развития курсанта как профессионала – юриста, психолога, педагога. Цель в конкретных условиях формируется в виде задачи. Следовательно, достижение обозначенной выше цели – формирование профессионально-адаптированной личности выпускника юридического вуза – возможно при решении ранее обособленных задач по формированию профессиональной направленности, профессиональной компетентности, рефлексивных способностей, профессионального поведения.

Второй блок модели – содержательно-процессуальный – должен быть представлен системой методологических, теоретических, методических, технологических знаний, системой форм и методов активизации учебно-профессиональной деятельности курсантов. Процессуальная сторона адаптации курсантов заключается в представлении опыта, подлежащего усвоению в виде системы познавательных и практических задач, а также применении специальных дидактических процедур его усвоения (выбор организационных форм, методов, средств индивидуальной и коллективной учебной деятельности, имитационных моделей изучаемых процессов, учебно-деловых игр и т.п.). Создание условий для адаптации личности курсанта к учебно-профессиональной деятельности предоставляет также воспитательный процесс юридического вуза, в котором значительная роль отводится центральной фигуре образовательного процесса – профессорско-преподавательскому составу и офицерам курсового звена факультета. Их приоритетная роль в воспитании курсантов в ходе учебно-профессиональной деятельности обусловлена рядом объективных обстоятельств, а выбор форм, методов воспитательной работы осуществляется на основе глубокого и всестороннего изучения индивидуально-психологических особенностей и качеств личности обучающихся.

Третий блок – результативно-оценочный – должен быть представлен критериями и показателями, оценками уровня развития процесса подготовки курсантов к работе с трудными подростками. Судить о степени подготовленности курсанта к выполнению определенного направления будущей профессиональной деятельности позволяют следующие критерии и раскрывающие их показатели: мотивационная готовность к профессиональной деятельности (мотивы учебной, познавательной и профессиональной деятельности); профессионально-ценностные ориентации курсантов (ценности профессиональной деятельности); профессиональные способности (качество усвоения

профессиональных знаний, умений и навыков, прочность их усвоения, качество выполнения творческих заданий и работ при решении профессионально ориентированных задач), профессионально-рефлексивные способности (анализ учебно-профессиональных действий; оценка собственного профессионального образа), коммуникативные и организаторские способности (коммуникативные свойства и особенности профессионально-личностного взаимодействия). В процессе исследования нами были выделены четыре уровня подготовки курсантов к работе с подростками девиантного типа – высокий, средний, низкий и критический.

1. Зиннуров Ф.К. Педагогическая профилактика и коррекция девиантного поведения подростков в условиях социокультурной среды: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2012.

2. Смирнова В.С. Модель формирования готовности курсантов к реализации воспитательных функций в образовательном пространстве военного вуза // Теория и практика общественного развития. URL: [www.teoria-practica.ru](http://www.teoria-practica.ru)

3. Мельников И.И. Подготовка курсантов к военно-управленческой деятельности в условиях решения новых оборонных задач: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2005.

4. Кащеев Д.В. Профессиональное воспитание курсантов вузов МВД России в процессе физической подготовки: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2005.

5. Стрельцов Р.В. Модель процесса подготовки будущих офицеров к воспитанию у личного состава конфликтологической культуры // Теория и практика общественного развития. URL: [www.teoria-practica.ru](http://www.teoria-practica.ru)

6. Чемодуров М.В. Педагогические условия адаптации курсантов военного вуза к учебно-профессиональной деятельности (на материале подготовки специалистов по защите информации): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2009.

7. Ширяев А.Н. Формирование готовности курсантов к служебно-боевой деятельности в подразделениях специального назначения внутренних войск: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2013.

8. Кунаш К.А. Формирование готовности курсантов Института Федеральной службы исполнения наказаний к профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2007.

1. Zinnurov F.K. Pedagogical prevention and correction of deviant behavior of teenagers in conditions of a socio-cultural environment: auth. abstr. ... Dr of Pedagogics. Kazan, 2012.

2. Smirnova V.S. The model of formation of readiness of cadets to the implementation of educational functions in educational space of a military high school // Theory and practice of social development. URL: [www.teoria-practica.ru](http://www.teoria-practica.ru)

3. Melnikov I.I. Cadet training to military-administrative activity in the conditions of the solution of new defensive tasks: diss. ... Master of Pedagogics. Kazan, 2005.

4. Kascheev D.V. Professional education of students of universities of the Ministry of the Interior of Russia in the process of physical training: auth. abstr. ... Master of Pedagogics. Barnaul, 2005.

5. Streltsov R.V. Model of process of training of future officers to educate personnel conflictological culture // Theory and practice of social development. URL: [www.teoria-practica.ru](http://www.teoria-practica.ru)

6. Chemodurov M.V. Pedagogical conditions of adaptation of cadets of military higher educational institutions to the educational and professional activity (on the material of training specialists in information security): auth abstr. ... Master of Pedagogics. Kursk, 2009.

7. Shiryayev A.N. The formation of readiness of cadets to the service and combat activity in the special forces of internal troops: auth abstr. ... Master of Pedagogics. Chita, 2013.

8. Kunash K.A. The formation of readiness of students of Institute of Federal service of execution of punishment to preventive work with juvenile offenders: auth abstr. ... Master of Pedagogics. Novokuznetsk, 2007.

Гревцова Дарья Васильевна

Руководитель Центра изучения профсоюзов и протестных движений  
(e-mail: daria\_777@bk.ru)

## Профсоюзы на саммите G20

В статье рассматриваются вопросы, которые обсуждались группой Labour 20 на саммите стран большой «двадцатки». Подчеркивается, что профсоюзы становятся важными участниками в обсуждении острых проблем на уровне глобальных центров принятия решений.

**Ключевые слова:** профсоюзы, саммит G20, Labour 20, Международная организация труда, Федерация независимых профсоюзов России, Конфедерация труда России.

**D.V. Grevtsova**, Head of the Center for the Study of Trade Unions and Protest Movements; e-mail: daria\_777@bk.ru

### Trade unions at the summit G20

The article deals with the questions discussed by the group Labour 20 at the summit of the countries of «twenty». It is emphasized that the trade unions have become important participants in the discussion of acute problems at the level of global decision-making centres.

**Key words:** trade unions, G20 summit, Labour 20, International labour organization, Federation of independent trade unions of Russia, Confederation of labour of Russia.

**В** начале сентября в Санкт-Петербурге состоялся саммит стран большой «двадцатки» G20, на котором Российская Федерация впервые в истории была председателем. Дискуссии и обсуждения по острым социально-экономическим вопросам велись в нескольких тематических группах. Labour 20 (профсоюзная «двадцатка») являлась одной из таких групп и состояла из представителей профсоюзных организаций стран – участниц саммита. L20 поднимала вопросы, касающиеся защиты прав трудящихся и проблем в сфере занятости. Предложения Labour 20 были переданы шерпам, министрам и лидерам «двадцатки», а также были учтены бизнес-сообществом. Именно российским профсоюзам совместно с их иностранными коллегами предоставлялось право внести предложения по реформированию трудовых отношений министрам труда и главам государств большой «двадцатки». Все это подчеркивает важную роль профессиональных союзов как объединения, включающего в себя большинство жителей планеты, в формировании глобальной повестки дня.

Традиция зарождения профсоюзного диалога с деловой «двадцаткой» и лидерами стран в рамках саммита G20 появилась совсем недавно, что является важным достижением мировых профсоюзов.

Первая встреча «профсоюзной двадцатки» прошла в Каннах в 2011 г., и в ней приняли участие генеральные секретари и президенты профсоюзных объединений G20, ответственные

за защиту интересов трудящихся. Во время председательства Мексики в «Группе двадцати» в 2012 г. представители Labour 20 достаточно тесно сотрудничали с представителями бизнеса (Business 20) и подготовили совместное заявление, призывающее «Группу двадцати» к активным действиям в области инвестиций в инфраструктуру, качества профессиональной подготовки и защиты законных интересов трудящихся [1].

Важно отметить, что за полгода до проведения саммита при разговоре с руководством японских профсоюзов те выразили обеспокоенность дошедшей до них информацией об изменении формата встреч. Предполагалось объединение профсоюзов с участниками от некоммерческих организаций под эгидой Social 20 – так называемой гражданской «двадцатки», а Labour 20 отменить вовсе. Видимо, обращение к руководству и недовольство мировых профсоюзов таким решением сохранило группу профсоюзной «двадцатки», а значит, и задуманный изначально трехсторонний диалог профсоюзов, бизнеса и государства на саммите G20.

Под председательством России в 2013 г. была выдвинута инициатива о проведении совместной встречи так называемых социальных партнеров – Business 20 и Labour 20 – с министрами труда стран «Группы двадцати», чтобы передать совместные предложения в итоговую резолюцию саммита.

В этом году приоритетными темами L20 стали:

создание рабочих мест для большего экономического роста;

восстановление финансового регулирования и пресечение спекуляций;

формализация минимальных норм социальной защиты (SPFs);

развитие через создание рабочих мест [1].

Для более полного обсуждения этих вопросов и подготовки рекомендаций по ним 17 июля 2013 г. в Москве состоялся профсоюзный саммит «Группы двадцати». Встреча социальных партнеров – Business 20 и Labour 20 – проходила при поддержке немецкого фонда им. Фридриха Эберта, который активно занимается исследованиями по профсоюзной тематике. Основная дискуссия была связана с преодолением безработицы, особенно среди молодежи, и созданием новых достойных рабочих мест, обсуждались также пути выхода из глобального экономического кризиса и преодоления его негативных социальных последствий. Стоит отметить, что профсоюзный саммит проходил накануне первой в истории G20 совместной встречи министров финансов и министров труда и занятости. Такая инициатива России, по мнению экспертов, может оказать серьезное влияние на дальнейшую реализацию предложений профсоюзов и бизнеса, озвученных на этом саммите.

Председателем профсоюзной «двадцатки» был руководитель Федерации независимых профсоюзов России Михаил Шмаков, а председателем деловой «двадцатки» – президент Российского союза промышленников и предпринимателей Александр Шохин. Также на встрече присутствовали генеральный секретарь Международной конфедерации профсоюзов Шэрон Барроу, вице-президент Международной организации предпринимателей Даниэль Фюнес де Риоха и генеральный директор Международной организации труда (МОТ) Гай Райдер. Руководители ключевых организаций, компетентных в сфере трудовых отношений, собрались на единой площадке для обсуждения насущных вопросов.

Labour 20 осудила политику «жесткой экономики» и призвала страны G20 сместить акцент на инвестиции в создание рабочих мест, инфраструктуру, повышение профессиональных навыков, социальные отрасли экономики и «зеленый» рост, чтобы поддержать продуктивную экономическую деятельность, включая деятельность малых и средних предприятий. Глобальный опрос Международной конфедерации профсоюзов (МКП) ITUC Global Poll 2013 [2], специально подготовленный к встрече мини-

стров финансов и министров труда и занятости стран «Группы двадцати» и представленный на саммите L20, показал, что 80% участников опроса в странах G20 считают, что правительства не смогли побороть безработицу [3].

При обсуждении уделялось большое внимание разработке основных принципов качественного профессионального образования. Оно обязано быть максимально тесно связано с трудовой деятельностью, чтобы избежать роста молодежной безработицы. Каждому выпускнику обязательно должно быть гарантировано первое место работы. К созданию такого механизма должны прийти вместе профсоюзы, бизнес и государство, причем не только на уровне изменения национальных законодательств. Особенно важно отметить, что низкий профессионализм рабочих кадров является одним из препятствий быстрого экономического развития государств и повышения уровня жизни.

На саммите были затронуты темы реформирования налоговых систем, переноса налогообложения с занятости на экологически вредные и непроизводительные виды деятельности. Государства должны противодействовать переводу прибыли транснациональными компаниями, т.е. положить конец «безналоговому» статусу транснациональных компаний [4]. Особое внимание уделялось введению прогрессивных систем налогообложения.

По итогам «профсоюзного саммита» была создана рабочая группа по вопросам занятости «Группы двадцати», которая должна будет заниматься регулярным мониторингом хода реализации предыдущих договоренностей, чтобы «взятые на себя странами обязательства трансформировались в реальные действия на уровне правительств».

На встрече министров финансов с министрами труда и занятости была принята совместная декларация министров. Содержащиеся в ней пункты о проведении интегрированной политики в отношении рынка труда, создании новых рабочих мест через привлечение инвестиций говорят о выработке согласованной политики в сфере труда в странах «Группы двадцати» для обеспечения уверенного, устойчивого и сбалансированного роста. Такая встреча подтвердила, что сейчас социальное измерение экономики играет все более весомую роль и при разработке финансовой политики нельзя обходить обсуждения с представителями рабочего класса – профсоюзами и ассоциациями работодателей.

На заключительной встрече L20 и B20 с лидерами стран профсоюзы передали свои рекомендации. Особое внимание Михаил Шмаков и

Шэрон Барроу уделили введению глобального налога на финансовые операции. По их мнению, следует положить конец уклонению от налогов и выведению прибыли и перейти к справедливому прогрессивному налогообложению [5]. А Владимир Путин отметил, что встречи с профсоюзами и работодателями происходят регулярно по их собственной инициативе и что предложения деловой и профсоюзных «двадцаток» будут учтены.

Стоит отметить, что Михаил Шмаков указал на то, что на этом саммите не совсем равномерно были представлены профсоюзы и работодатели и что в дальнейшем эта диспропорция должна быть исправлена. Действительно, во встрече принимали участие 4 представителя профсоюзов и 35 представителей бизнеса. Отчего так произошло? Профсоюзы не активны или не верят в значимость результатов саммитов, в то, что поставленные проблемы будут не только услышаны, но и решены? По словам президента альтернативного ФНПР профсоюзного объединения «Конфедерация труда России» (КТР) Бориса Кравченко, ни представители его организации, ни лидеры DGB (Объединения немецких профсоюзов) и AFL-CIO (американские профсоюзы) не сочли эту встречу слишком значительной и отказались от участия. Его политическая позиция была сформулирована в Женеве на Всемирном конгрессе международного союза пищевиков, где Б. Кравченко призвал не вливаться в глобальный истеблишмент, тесно связанный с национальными неолиберальными режимами, а жестко ему противостоять, «оставить давосы, встречи в рамках G8 или G20 тем, кто их придумал, тем, чья многолетняя политика

терпит сокрушительное поражение» [6]. Но от их неучастия в саммите ничего не поменялось бы, в отличие от участия, где имеется прямая возможность высказать свою позицию и быть услышанным. Хотя представители КТР были на «профсоюзном саммите» 17 июля и высказали предложения по совершенствованию законодательства и практической защите права на свободу объединения. Такие проблемы наблюдаются не только в России, но и в других странах, однако на встрече социальных партнеров с лидерами G20 они подняты не были.

Таким образом, на состоявшемся саммите в результате работы L20 выявлены две разные стратегии мирового профсоюзного движения по отношению к глобальным центрам принятия решений. Умеренные, во главе с Международной организацией труда, надеются путем диалога скорректировать стратегию борьбы с кризисом в пользу труда. Более радикальные, во главе с американскими и немецкими профсоюзами, не хотят своим присутствием легитимизировать неолиберальную модель борьбы с кризисом, как заведомо ориентированную на рост в интересах корпораций за счет эксплуатации труда.

Однако участие профсоюзов в отдельной группе саммита G20 под названием Labour 20 говорит о них как о влиятельном институте гражданского общества, мнение которого хотят знать и к которому готовы прислушиваться. Встречи министров финансов и труда и занятости, рекомендации и их обсуждение с лидерами государств большой «двадцатки» дают возможность не только поставить проблему, но и найти общие пути решения, так необходимые глобализирующемуся миру.

1. Labour 20 // Russia G20. URL: [http://www.ru.g20russia.ru/labour\\_20.html](http://www.ru.g20russia.ru/labour_20.html)

2. International poll by L20 reveals 80% of voters think governments have failed to tackle unemployment // ITUC CSI IGB. 17 Juli 2013. URL: <http://www.ituc-csi.org/international-poll-by-l20-reveals?lang=en>

3. Итоги профсоюзного саммита «Группы двадцати» // Russia G20. 17 июля 2013. URL: [http://www.ru.g20russia.ru/events\\_summit/20130717/781593103.html](http://www.ru.g20russia.ru/events_summit/20130717/781593103.html)

4. Главные тезисы L20 // Russia G20. URL: [http://www.ru.g20russia.ru/events\\_summit/20130717/781593103.html](http://www.ru.g20russia.ru/events_summit/20130717/781593103.html)

5. Никита Кайзер. Профсоюзы обсудили проблемы рабочих на G20 / БалТПП. 6.09.2013. URL: [http://www.baltpp.ru/a/2013/09/06/Profsojuzi\\_obsudili\\_proble.html](http://www.baltpp.ru/a/2013/09/06/Profsojuzi_obsudili_proble.html)

1. Labour 20 // Russia G20. URL: [http://www.ru.g20russia.ru/labour\\_20.html](http://www.ru.g20russia.ru/labour_20.html)

2. International poll by L20 reveals 80% of voters think governments have failed to tackle unemployment // ITUC CSI IGB. 17 Juli 2013. URL: <http://www.ituc-csi.org/international-poll-by-l20-reveals?lang=en>

3. Results of the trade union summit of the «Group of Twenty» // Russia G20. July 17, 2013. URL: [http://www.ru.g20russia.ru/events\\_summit/20130717/781593103.html](http://www.ru.g20russia.ru/events_summit/20130717/781593103.html)

4. Main theses of L20 // Russia G20. URL: [http://www.ru.g20russia.ru/events\\_summit/20130717/781593103.html](http://www.ru.g20russia.ru/events_summit/20130717/781593103.html)

5. Nikita Kaiser. Trade unions discussed the problems of workers on G20 / BaltPP. 6.09.2013. URL: [http://www.baltpp.ru/a/2013/09/06/Profsojuzi\\_obsudili\\_proble.html](http://www.baltpp.ru/a/2013/09/06/Profsojuzi_obsudili_proble.html)

6. Борис Кравченко: «Не вливаться в глобальный истеблишмент, а жестко противостоять ему!» // Профсоюзы сегодня. 20.05.2013. URL: <http://www.unionstoday.ru/news/direct-speech/2012/05/20/16623.html>

6. Boris Kravchenko. «Do not join the global establishment and rigidly resist it!» // Trade unions today. 20.05.2013. URL: <http://www.unionstoday.ru/news/direct-speech/2012/05/20/16623.html>

**Бондаренко Галина Ивановна**

доктор социологических наук, доцент,  
профессор кафедры социологии и культурологии  
Кубанского государственного аграрного университета

**Берсиров Тембот Батырбиевич**

кандидат социологических наук, доцент,  
старший преподаватель кафедры теории,  
истории государства и права и политологии  
Адыгейского государственного университета

(e-mail: glbon@mail.ru)

## *Роль правосознания в формировании актора*

Статья посвящена институционально-функциональным особенностям формирования актора. В ней актуализированы проблемы изучения институциональной основы формирования правосознания. Авторы на основе социологического исследования приводят типологию правосознания и выявляют отношение респондентов к соблюдению законов.

**Ключевые слова:** правовое сознание, государство, закон, человеческий капитал, актор, гражданское общество, нормативно-правовые предписания, международный стандарт.

**G.I. Bondarenko**, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Professor of a Chair of Sociology and Culturology of the Kuban State Agrarian University;

**T.B. Bersirov**, Master of Sociology, Assistant Professor, Senior Teacher of a Chair of Theory, History of State and Law and Political Science of Adyghe State University; e-mail: glbon@mail.ru

### **Role of legal cognition in formation of the actor**

Article is devoted to institutional and functional features of formation of the actor. Problems of studying of institutional basis of formation of sense of justice are staticized in it. Authors on the basis of sociological research give typology of sense of justice and reveal the relation of respondents to observance of laws.

**Key words:** legal cognition, state, law, human capital, actor, civil society, standard and legal instructions, international standard.

**В** период проведения трансформаций, неопределенности в социально-экономических, политических, социокультурных сферах и постоянных изменений в деловом окружении основным ресурсом экономического преимущества становится не физический капитал (материальные и финансовые активы), а человеческий капитал (интеллектуальные активы), причем его качественные основы. Так, группа социологов (П. Штомпка [1], М. Арчер [2], А. Гидденс [3], А. Турен [4] и др.), представляющих деятельностную парадигму, в своих работах подробно исследуют трансформации структур, нестабильность социальных институтов, их поведение в переходной ситуации, развивают в своей методологии активистскую концепцию личности. Следует отметить, что взаимодействующие группы акторов обладают различными организационными способностями. Одни используют свои неравные властные ресурсы и разные социальные навыки (способность побуждать других акторов к сотрудни-

честву), чтобы стабилизировать или изменять существующие правила и культурные схемы, позволяющие интерпретировать ситуацию. Создаваемые ими институты, в свою очередь, ограничивают и одновременно стимулируют их действия [5, с. 7], причем выделяются, по крайней мере, два крупных сегмента активности: сфокусированная, целенаправленная, повышающая статусные позиции ее носителей и «бег на месте», ориентированный на сохранение статус-кво при расходовании значительной жизненной энергии [6, с. 35–42]. Действия актора снижаются дисфункциями государства, обесцениванием труда, принуждением к непрекращающемуся труду. (Экономическое принуждение: поскольку денег хватает всегда только на 1 месяц, современный рабочий вынужден работать всю жизнь до смерти. Пенсия также является большой фикцией, т.к. пенсионер отдает всю пенсию за жилье и еду, и у него не остается свободных денег. Формирующееся общество потребления: создание искусственного спроса на псевдонуж-

ные товары, которые навязываются с помощью ТВ-рекламы, пиара, расположения товаров на определенных местах магазина. Третьим скрытым механизмом является кредитная система, с «помощью» которой современные рабочие все больше и больше втягиваются в кредитную кабалу, через механизм «ссудного процента» и т.п.)

В данном аспекте правосознание, являясь на объективном уровне соционормативной структурно-функциональной системой регуляции общества, на субъективном уровне проявляется как фактор социально значимых стратегий поведения, обуславливающих различные типологии, и может быть основным критерием качественно-количественной характеристики человеческого капитала. Проблема в том, что ряд социально-экономических прав человека, входящих в международный стандарт, современное Российское государство обеспечить не может.

Так, по результатам исследований, проведенных в 2006–2011 гг. [5; 7; 8, с. 143–153; 9, с. 260–266; 10, с. 49–58], были выявлены следующие типологии правосознания в процессе формирования гражданского общества:

1) активно-позитивный тип правового сознания – респонденты этой группы характеризуются четко выраженным, позитивно направленным отношением к требованиям правовых норм (21% от общего числа опрошенных – 2007 г., 12% – 2012 г.);

2) традиционно-позитивный тип правового сознания – респонденты данной группы опираются в своих действиях чаще на традиционное право, характеризуются относительно чистым типом правового сознания, допуская возможность отступления от требований правовых предписаний, они во всех ситуациях оставались в границах одного, специфического для данной группы, неустойчивого типа правового сознания (13,4% опрошенных – 2007 г., 7% – 2012 г.);

3) пограничный тип правового сознания – в сознании респондентов содержатся структуры, определяющие неодобрительное отношение к нормативным предписаниям, но, вместе с тем, выполняющие их требования в силу нежелания наступления негативных для них последствий (3,4% опрошенных – 2007 г., 42% – 2012 г.).

По своим социальным параметрам все три группы не обладают стабильными характеристиками. Так, в первых двух большинство составили мужчины, в третьей, наоборот, женщины; в первой молодежи, например, значительно больше, чем в двух других группах. При всем разнообразии профессионально-квалификационных различий этих групп следует все же от-

метить, что большинство респондентов заняты на работах, связанных с квалифицированными видами ручного труда.

Для респондентов с активно-позитивным типом правового сознания превалирующим мотивом исполнения закона является прежде всего то, что закон охраняет и защищает интересы каждого человека (70,7%) и одновременно интересы личности, общества и государства (33,9%). Гражданские мотивы в реализации требований правовых предписаний у этой группы проявились в большей степени, чем у других групп (типов).

Для группы респондентов, обладающих традиционно-позитивным типом правового мышления и поведения, существенное значение при исполнении требований закона имеет привычка («так надо»). При выборе альтернатив они чаще всего обращались к суждениям, отражающим эту позицию (42,0%) и позицию, свидетельствующую о существенном значении для них собственных интересов (57,9%).

Для респондентов, обладающих пограничным типом правового сознания, превалирующим мотивом исполнения нормативно-правовых предписаний явилось нежелание наступления негативных последствий. Чаще всего они обращались к суждению, отражающему эту позицию (57,9%).

Для респондентов с неустойчивым типом правового сознания наиболее значимыми оказались суждения, свидетельствующие о том, что требования норм ими выполняются: 1) из-за нежелания быть привлеченным к ответственности (63,7%); 2) потому что закон защищает и охраняет личные интересы (40%); 3) потому что у людей сформировалось привычное отношение к требованиям закона (34,4%).

В науке существует достаточное число методов проверки обоснованности решения задач, связанных с классификацией соответствующих явлений или объектов. В нашем исследовании, например, применялась определенная система процедур, последовательное применение которых позволяет судить о степени обоснованности произведенной типологизации правового сознания опрашиваемых.

Одна из них состояла в привлечении дополнительных, не участвующих в классификации дифференцирующих признаков правового сознания. Так, для выявления мотивов выполнения требований нормативных предписаний в анкету был включен следующий вопрос: «Отметьте, пожалуйста, основную причину, по которой, по Вашему мнению, люди выполняют

требования закона (укажите не более двух причин)»).

Для респондентов традиционно-позитивного типа правосознания основной фактор выполнения правовых норм был сформулирован следующим образом: «Соблюдение закона должно происходить в интересах личности, общества и государства одновременно» – 30,8% в 2007 г.; «Закон охраняет права и интересы каждого человека» – 57,9% респондентов.

Для респондентов пограничного правосознания основным фактором являлось следующее: «Нарушение закона влечет за собой строгую ответственность» – 95% в 2007 г.; «Закон охраняет права и интересы каждого человека» – считали 32% респондентов в 2007 г. и 37% в 2013 г. Следует отметить, что в 2013 г. число респондентов, выбравших данную позицию, заметно уменьшилось: респонденты традиционно-позитивного типа правосознания – 23%; активно-позитивного типа правосознания – 32%; традиционно-позитивного типа правосознания – 79,9%.

Также отмечается значительная роль институтов власти в формировании и сохранении правовых норм. Так, респонденты пограничного правосознания отмечают, что «Нарушение закона влечет за собой строгую ответственность» – 95% в 2007 г., 79,9% – в 2013 г.; «Люди просто привыкли соблюдать закон» – 37% в 2007 г. и 39% – в 2013 г. При этом отмечается слабая роль общественного мнения в формировании и сохранении правосознания. Так, в 2007 г. «Нарушение закона аморально и осуждается людьми» отметили 7,8% респондентов активно-позитивного типа правосознания, 8% респондентов традиционно-позитивного типа правосознания, 7,6% респондентов пограничного типа правосознания. В 2013 г. данный фактор респонденты активно-позитивного типа правосознания совсем не отметили, среди респондентов традиционно-позитивного типа правосознания отметили 3%, пограничного типа правосознания – 1,6%.

Между тем, «Люди просто привыкли соблюдать закон» в 2007 г. отметили 75% респондентов активно-позитивного типа правосознания, 37% респондентов традиционно-позитивного типа правосознания, 80% пограничного типа правосознания. При этом различие кажется незначительным: 56% респондентов активно-позитивного типа правосознания, 39% традиционно-позитивного типа правосознания, 30,4%

пограничного типа правосознания. Но, по нашему мнению, особое внимание следует обратить на группу пограничного типа правосознания. Так, если в 2007 г. о привычке соблюдать закон говорили 80%, то в 2013 г. уже 30,4%. Из чего следует, что люди все чаще изменяют своим привычкам и морально-нравственным позициям.

Также значительно уменьшается количество тех, кто считал, что «Закон охраняет права и интересы каждого человека». Так, если в 2007 г. данную позицию отмечали 70% респондентов активно-позитивного типа правосознания, 57,9% респондентов традиционно-позитивного типа правосознания, 32% пограничного типа правосознания, то в 2013 г. из респондентов активно-позитивного типа правосознания отметили данную позицию 3,7%, из традиционно-позитивного типа правосознания – 2,4% респондентов, из пограничного типа правосознания – 3,7% респондентов.

В оценке степени общественной опасности уголовно-правовых нарушений респонденты, обладающие различным уровнем (типом) правового сознания, существенно образом различаются между собой, причем с годами наблюдаются сомнения в соблюдении норм закона.

Структура оценок (обыденное правосознание респонденты оценивают в обобщенном виде) опрашиваемых в значительной степени отлична от официальных оценок тяжести преступлений, содержащихся в законе. Проблема в том, что респондентам, обладающим активно-позитивным типом правового сознания, в наибольшей степени присущи черты ригоризма. Обобщенная оценка степени опасности отобранной совокупности преступных посягательств на основополагающие ценности у них значительно выше, чем у всех других групп. Самая низкая оценка степени общественной опасности преступных посягательств была дана группой респондентов, обладающих пограничным типом правового сознания.

Данная типология свидетельствует о том, что следует применять различные меры по формированию правосознания. Так, для активно-позитивной группы более значимым становится участие в принятии управленческих решений. Следует особое внимание обратить на пограничную группу, которая требует разработки особых социальных программ формирования человеческого капитала, особых законодательных мер.

1. Shtompka P. *Sociology of social changes*. M., 1996.

1. Shtompka P. *Sociology of social changes*. Moscow, 1996.

2. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4.

3. Гидденс Энтони // Сайт по дисциплине «Социология». URL: <http://sbiblio.com/biblio/persons.aspx?id=406>

4. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. Е.А. Самарской. М., 1998.

5. Берсиров Т.Б. Правосознание как основа формирования гражданского общества: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2007.

6. Бондаренко Г.И. Генезис методологических принципов исследования природы, структуры и форм человеческого капитала // Научная мысль Кавказа. Прил. 2005. № 5.

7. Бондаренко Г.И., Берсиров Т.Б. Институционализация гражданского общества через взаимодействие некоммерческих негосударственных организаций и власти. Майкоп, 2008.

8. Бондаренко Г.И., Берсиров Т.Б. Управление гражданским обществом в процессе формирования правосознания // Социально-экономические и общественные науки. 2012. № 3.

9. Бондаренко Г.И., Берсиров Т.Б. Правосознание населения современного российского общества // Общество и право. 2012. № 3(40).

10. Бондаренко Г.И., Берсиров Т.Б. Современное правосознание: основные тенденции развития // Вестн. Адыг. гос. ун-та. 2013. № 2.

2. Archer M. Realism and morphogenesis // Sociological magazine. 1994. № 4.

3. Giddens Anthony // Site on discipline «Sociology». URL: <http://sbiblio.com/biblio/persons.aspx?id=406>

4. Touraine A. Return of the person operating. Sociology essay / transl. from French by E.A. Samarskaya. Moscow, 1998.

5. Bersirov T.B. Legal cognition as basis of formation of civil society: sociological aspect: auth. abstr. ... Master of Sociology. Maikop, 2007.

6. Bondarenko G.I. Genesis of the methodological principles of research of the nature, structure and forms of the human capital // Scientific thought of the Caucasus. Appendix. 2005. № 5.

7. Bondarenko G.I., Bersirov T.B. The institutionalization of civil society through the interaction of non-commercial non-state organizations and authorities. Maykop, 2008.

8. Bondarenko G.I., Bersirov T.B. The management of the civil society in the process of development of consciousness // Socio-economic and the social sciences. 2012. № 3.

9. Bondarenko G.I., Bersirov T.B. Sense of justice of the population of the modern Russian society // Society and law. 2012. № 3(40).

10. Bondarenko G.I., Bersirov T.B. Modern legal cognition: the main trends of development // Bull. of Adyghe State University. 2013. № 2.

**Кубякин Евгений Олегович**доктор социологических наук,  
начальник кафедры философии и социологии  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: tspopz@yandex.ru)

## *Экстремальность и экстремизм: пропедевтика социального основания*

В статье рассматриваются социальные основания экстремальной деятельности как современного социального феномена. Предлагаются принципы дефиниции и оценки социального статуса личности, осуществляющей экстремальную деятельность, в процессе приобретения социальных характеристик.

**Ключевые слова:** экстремальная деятельность, экстремизм, экстремал, социальные основания.

**E.O. Kubyakin**, Doctor of Sociology, Head of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: tspopz@yandex.ru

### **Extremality and extremism: propaedeutics of social foundation**

In the article the social grounds of extreme activity are examined as the modern social phenomenon. Principles of definition and estimation of social status of personality of transmitter of extreme activity are offered in the process of acquisition of social descriptions.

**Key words:** extreme activity, extremism, extremeness, social grounds.

**С**оциальные основания экстремальной деятельности составляют одну из самых насущных проблем современного общества, в то время как психологические ее основания довольно широко изучены. Начиная с психоаналитической концепции Фрейда популяризовалась мысль о формах сублимации либидо и многообразии его проявлений. Танатическая, впрочем, как и эротическая, направленность либидо рассматривается как глобальная панацея в проблеме действующей природы индивида. Человек понимается и определяется через изначальные и приобретенные в течение жизни, в основном детства, психологические акты. Попытки учеников и последователей Фрейда социализировать индивида, выразить его природу в социальном и тем самым определить его как личность послужили только усложнению и размыванию границ проблемы социальной определенности личности. Непосредственное сведение психологического к социальному в понимании человека становится популярным стереотипом, одним из естественных элементов современной массовой культуры.

Стереотипизация социального основания экстремальной деятельности тоже существует. В силу новизны проблемы и ее актуальности в экономическом и политическом социальных институтах принято рассматривать основания экстремальной деятельности либо как этап социализации, либо как форму

проявления девиантного или делинквентного поведения, т.е. основания сводятся к общесоциальным. Стереотипизация здесь заключается в недифференцированном подходе и синдроме глобализации частных для социологии, а тем более для социальной философии, проблем.

Экстремальная деятельность личности как факт современного общества требует сугубого внимания и пристального изучения не только в силу актуальности проблемы и ее исходной стереотипизации, но и как социального явления, существование которого, возможно, демонстрирует действие социальных принципов, малоизученных или вовсе не исследованных в теоретической социологии.

Рассматривая экстремальную деятельность как социальное явление, следует прежде всего различать ее социальную определенность в динамике существования, выделяя как минимум три этапа: основания (социальные условия, предпосылки, среду и пр.), социальную реализацию (акт, явление, определенность) и следствия (влияние на социализацию, соцгруппу и т.п.). В данной статье предполагается рассмотреть общие принципы оснований экстремальной деятельности как социального явления, исходя из его внутренней дефиниции и социальной интенции.

Экстремальная деятельность личности с необходимостью понимается как проявление

в социуме таких статусов, которые выступают крайними формами социальной активности, конфликтующими или ставящими само существование личности по отношению к социуму проблематично. Наиболее типично в современной социальной ситуации проблематичность выражена в угрозе жизнедеятельности – экстремальные виды спорта (экстрим) и в угрозе существованию государства как конкретной социальной группе – экстремизм.

Согласно данной дефиниции спецификой экстремальной деятельности выступает деструктивное проявление социального в личности либо по отношению к себе, либо по отношению к социальной группе, в которой она определяется как часть.

Следующий очевидный вывод – различие социальных оснований экстремальной деятельности личности. По отношению к себе, в самоопределенности личность выступает как отличающаяся от социума единица формально, что позволяет ей проявлять себя в реальном критическом статусе. Совершая определенные действия, личность демонстрирует особые индивидуальные качества, которые вызывают местный социальный резонанс и позиционируют личность как исключительную. Важно понять, что такое поведение личности связано, прежде всего, с социальным, а не психологическим – экстремальным действиям необходимы социальная санкция, поощрение так же, как и среда. Личность таким конфликтным способом социализируется, актуализируя для себя и социальной группы свое существование, приобретая формально статус неформального лидера. Метафорически можно назвать подобное действие крайним протестом против «среднего человека», специфическим, но очевидным проявлением социальной интеграции. Подобные действия в своей причине содержат высокий уровень развития общественных связей, стабильность и во многом завершенность системы стратов. Основанием для экстрима служит как раз многоуровневая, стабильная и динамически развивающаяся социальная структура, социальные ожидания от которой определены и усвоены личностью в процессе социализации. В качестве более точной дефиниции оснований экстрима можно назвать способность социального прогресса конкретной социальной группы (человечества, государства, субкультуры и т.п.) к интеграции крайних проявлений личности как сферы экстенсивного саморазвития. Поскольку экстремальный спорт уже имеет свою социальную нишу и самоопределенность, т.е. контролируется основными социальными институтами, прежде других – образовательным и экономическим, о нем можно говорить с до-

статочной долей очевидности и выделять как нечто особенное в социальном процессе только номинально. Подобное отношение к экстриму социологически правомерно, но социально не закреплено ввиду исключительности и критичности действий экстремалов, т.е. единичности социального опыта. Деструктивный характер экстрима личностно определен и ограничен в своем существовании как социальный тип. Экстрим не может существовать как социальное явление в обществе вне единичности носителя действия: социальная группа экстремалов – это нонсенс современной массовой культуры, стереотип, генерированный СМИ. Экстремальный спорт единичен в носителе – такова его самоопределенность и социальная реальность; экстремалы как социальная группа существуют только во времени.

Однако с социологической точки зрения сама явленность экстрима как социального явления актуальна в силу своего социального условия – социального формирования экстремала, той социальной группы, где он формируется как социальный статус. Среда формирования экстремала располагается в различных социальных группах, не выделяющихся особыми свойствами, требующих только темпоральной устойчивости и определенности социального института (например: образование – школа – класс, экономика – торговая компания – офис и т.п.). Социологический интерес экстремалы представляют только через опосредование института СМИ, созидающего из них явную (темпоральную) и мнимую (стереотипную) социальную группу.

Экстремизм как социальное явление кардинально противоположен экстриму не только в виде определенности личности-носителя, но и в форме своего существования по отношению к социальным институтам.

Прежде всего, экстремизм – это реальное социальное явление, генератором которого выступает конкретная социальная группа в рамках политического института. Данная дефиниция носит принципиальный характер, ибо существенным здесь выступает деструктивное противостояние власти, а следовательно, проявление экстремизма в других социальных институтах, например религии или экономике, будет носить опосредованный характер.

Как социальное явление экстремизм получает реальность с развитием демократического мирового сообщества и является свидетельством актуализации народовластия как политической силы. Применение понятия «экстремизм» по отношению к социальной реальности до XX в. является очевидной ретроспекцией и не имеет достаточного социального основания.

В социологии экстремистская деятельность является проявлением действительной социальной силы, направленной на деструкцию действующей социальной системы, носителем этой деятельности выступает определенная идеологически социальная группа. В современных СМИ выработан и поддерживается стереотип об исключительной политической определенности экстремизма, действительным же фактом является социальная определенность этого явления.

Активной средой для формирования экстремистской группы выступает политический социальный институт, однако основания и причины заключаются в самой природе социального явления, а не в сфере его реализации.

Социальное основание экстремизма заключается в крайней форме проявления деструктивной действующей социальной силы социальной группы. Стабилизация социальных связей и закрепление социальной определенности страт вызывает социальный резонанс, который на уровне личности в крайней форме приводит к экстриму, а на уровне социальной группы, отчуждая единичное, – к противостоющему носителю и гаранту стабильности социума – государству.

Экстремист – явление не единичное, поскольку его стремления направлены не на личное отношение к социуму и предполагают системный характер, что принципиально отличает его от экстремала и преступника. Системность отношения и социальный характер, выраженные в устранении действующей системы социальных ценностей, делают экстремистскую деятельность деструктивной, прежде всего, не в политическом, а в социальном смысле.

Экстремист – генератор и носитель идеологии, содержание которой деструктивно по отношению к социальной системе прежде всего потому, что его социальные амбиции носят частный характер и противостоят обществу как системе частными средствами односторонне понимаемого социального института политики. Как социальное явление существование экстремизма не может быть обосновано как стремление к изменению принципов и форм власти, поскольку это – только идеологическое обоснование, а не исходное социальное основание.

Экстремистская деятельность деструктивна по своей социальной природе не только ввиду противостояния социальной модели, но и как принцип, подразумевающий противостояние самому себе такими же средствами. Другими словами, экстремизм как принцип порождает экстремизм по отношению к самому себе.

Очевидно, что ни один социальный феномен не может противоречить своей природе, ни одна социальная группа не может содержать в качестве своего действительного внесоци-

альное, следовательно, экстремистская группа только демонстрирует деструктивную природу, а не содержит ее. Социальная группа, осуществляющая экстремистскую деятельность, с необходимостью существует как социальное явление, только как часть более значительной социальной группы, часть системы, и рассматривать ее автономно и отдельно – политически обоснованно, но социологически неоправданно. Основными ситемообразующими источниками экстремизма выступают, в первую очередь, социальные институты, определяющие социализацию личности как наиболее активные созидующие социальную явление центры. В современном обществе это, прежде всего, политический и этический социальные институты в сфере идеологической определенности. Институты семьи и права не обладают достаточной для этого социальной потенцицией, экономика политически определена, а институт образования хотя и обладает достаточной социальной потенцицией, не является постоянным в динамике социальных амбиций и должен рассматриваться как латентная социальная среда для формирования экстремистских групп, а не их определения и использования.

Логично определяются, таким образом, две основные проблемы экстремизма в его социальном основании:

1) выявление принадлежности экстремистской группы к определенному социальному институту и выявление механизма ее существования, а через это – принципов социального контроля в системе государства;

2) определение специфики социальных оснований в конкретном процессе социализации личности с целью выявления предрасположенности к экстремистской деятельности как меры саморегуляции социальной системы.

В завершение статьи следует еще раз подчеркнуть различие социальных предпосылок в формировании экстремиста и экстремала – актуализацию структурных элементов человеческой природы. Как социально деятельные элементы, они отличаются аккредитацией в обществе: экстремалы – единичного, экстремисты – общего. Именно это и позволяет, как бы не казалось это банально вследствие девиантной деятельности СМИ в современной массовой культуре, различить две формы экстремальной деятельности не только по признаку наличия социальной группы, но и по приоритетам ценностного ядра личности – единство предпосылок в формировании экстремиста и экстремала – только психологизация социальной проблемы, которую еще предстоит осознать вне действующего стереотипа.

**Гринь Максим Валентинович**

кандидат юридических наук, доцент,  
проректор по административно-хозяйственной работе  
Кубанского государственного аграрного университета  
(тел.: +79182842222)

## «Постдемократия» К. Крауча и кризис западного демократического проекта

В статье анализируется концепция «постдемократии» современного британского социолога К. Крауча, исследующая факторы деформации западных демократических систем. Согласно основной идее концепции при формальном сохранении демократических институтов спектр их функций смещается с общенациональных на классовые интересы.

**Ключевые слова:** постдемократия, корпорация, демократия, рынок, коммерциализация, персонализация.

**M.V. Grin**, Master of Law, Assistant Professor, Vice Rector on Administrative and Economic Work of the Kuban State Agrarian University; tel.: +79182842222.

### Colin Crouch's «Post-democracy» and west democratic project crisis

The article analyzes the «post-democracy» concept of an modern English sociologist C. Crouch which studies the factors of the west democratic systems deformation. The main idea of the concept is that with the formal preservation of the democratic institutions the range of their functions shifts from the national interests to the class ones.

**Key words:** post-democracy, corporation, democracy, market, commercialization, personalization.

**Б**ыстрые темпы социальных изменений, которыми характеризуется глобальная эпоха, приобретают далеко не всегда приглядный вид, что вынуждены признать идейные сторонники рынка, демократии и в целом глобализации. К числу таких теоретиков следует отнести британского социолога Колина Крауча. Будучи явным приверженцем демократии, а шире – проекта Просвещения, в своих трудах он демонстрирует серьезную озабоченность судьбой принципов народовластия.

Показательно, что свой известный и относительно «свежий» труд он назвал «Постдемократия», где в весьма живой форме описал деформации социально-политического облика западного общества. При этом К. Крауч не склонен объяснять это вырождением элит, подобно некоторым другим ученым (К. Лэш, П. Карабущенко), хотя не спорит с подобным фактом. Но в трактовке британского мыслителя культурное падение элиты выступает скорее следствием объективных социальных сдвигов, побудивших лидеров западного мира сместить приоритеты внутренней политики.

Во-первых, принципиально изменилась геополитическая ситуация – исчез СССР, долгое время заставлявший крупных бизнес-дельцов умерять пыл и мириться с кейнсианской по-

литикой. Последняя в определенной степени вызвала инфляционный кризис, поскольку предполагала высокую покупательную способность населения. Уже с 70-х гг. начинается опробация новой политико-экономической модели, предполагающей совершенно иной расклад, который К. Крауч называет приватизированным кейнсианством. Отличие данной модели от кейнсианства заключается в том, что теперь стимулирование экономики происходит за счет растущих долгов простых людей, тогда как ранее в долги входило правительство [1, с. 161]. Отмечаемая британским ученым тенденция вполне согласуется с выводами других современных исследователей. Так, З. Бауман, У. Бек и отчасти Э. Гидденс констатируют своеобразную индивидуализацию, вызванную тем, что люди в современном обществе все более и более оказываются предоставлены самим себе [2].

Во-вторых, глобализация и постиндустриализм стимулировали ряд процессов, выгодных капиталу или, точнее, использованных последним в свою пользу, причем не только в экономическом, но и в политическом смысле. Это потоки дешевой рабочей силы из менее развитых стран, это структурные изменения рабочего класса (как в силу миграций, так и в силу оттока в сектор услуг), приведшие к

размыванию пролетарской идентичности и ослаблению социальной базы демократических движений; наконец, едва ли не самое важное – концентрация экономической мощи в руках не столь уж многочисленных корпораций, давно переросших национальный уровень. Последнее обстоятельство обуславливает тесный и все крепнущий союз лидеров экономики и политики со всеми отсюда вытекающими для социального большинства последствиями.

Следует отметить, что К. Крауч вовсе не намерен отождествлять либерализм и демократию. Это достаточно разные вещи и их конфликтный потенциал по отношению друг к другу достаточно высок. Однако конструктивные компромиссы здесь все же возможны [3, с. 102]. Гораздо ближе либерализму понятия «капитализм», «рынок». К. Крауч признает экономическую эффективность капиталистического рынка, но его безудержное распространение обязательно вступит в противоречие с демократическими принципами [3, с. 132]. Именно это и происходит сейчас в западных обществах, вроде бы относительно благополучных в социальном плане. Интересно, что британский ученый (по крайней мере, на момент написания книги) рассматривал данное обстоятельство не столько как уже свершившийся факт, сколько как весьма реальную угрозу, полагая, что процесс еще возможно повернуть вспять.

Итак, что же такое постдемократия? Автор данного термина определил черты рассматриваемого феномена следующим образом. Это не то чтобы отрицание собственно демократии. Приставка «пост-» используется так же, как она используется, например, в понятии «постиндустриализм». Ведь постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно так же постдемократические общества и дальше будут сохранять все формальные черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, публичные дебаты и т.п. «Но энергия и жизненная сила политики, – пишет К. Крауч, – вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, – к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии» [3, с. 8–9].

Подобная эрозия демократических институтов, с точки зрения Колина Крауча, вполне закономерна. Он констатирует явное ослабление общественного контроля за правительственными

институтами при одновременном усилении влияния со стороны деловых бизнес-кругов. Последние представлены экономическими (в первую очередь) структурами – корпорациями. В основном это крупные компании, действующие в глобальных масштабах. Отмечая господство на официальном уровне неолиберальной риторики, К. Крауч обоснованно отмечает неоднократно проявляющийся здесь двойной стандарт. Кредо неолибералов – концепция свободного рынка (Ф. Хайек) – фактически не работает на практике. В реальности происходит концентрация капиталов на уровне олигополий, или даже монополий, что вполне логично. Причем главным условием победы и выживания в глобальной конкуренции является взаимодействие с властями [3, с. 50]. Гибкие стратегии, новые технологии, о которых любят говорить постиндустриалисты, тоже имеют значение, но выстраивание отношений с государством выходит на первый план. По большому счету, это более простой и прибыльный способ закрепления на рынке.

К. Крауч в целом оспаривает тезис об исключительно международном статусе ТНК. Национальные рынки, как и национальные правительства, все так же существуют. Поэтому глобальный капитал не стоит объявлять целиком и полностью независимым – это будет явным преувеличением. Даже «транснациональные гиганты сильно ограничены в возможностях менять одну страну на другую в поисках самых низких налогов и минимальных требований по части трудового законодательства – этому препятствует сложившаяся структура инвестиций, кадров и деловых связей». Кроме того, переезд закономерно связан с большими затратами, которых лучше избежать [3, с. 52].

Все более тесное взаимодействие штаб-квартир компаний с правительственными структурами означает, по мнению К. Крауча, усиление давления первых на вторые. Политический процесс перерождается в систему деловых лобби – таков результат «свободного рынка», оставленный без внимания неолиберальными идеологами. В то же время принятие удобных корпорациям государственных решений – это еще не все. Хуже то, что функции государства начинают переходить именно к корпорациям. Британский социолог указывает на один из тезисов неолиберальной теории, заявивший о себе с 80-х гг. XX в., согласно которому бизнес может вмешиваться в дела государства, но не наоборот. Это обосновывается тем, что правительственные чиновники якобы менее компетентны в делах общественной проблематики, чем акулы бизнеса. «Правительство становится своего

рода институциональным идиотом – каждый его непродуманный ход заранее предсказывается хитрыми рыночными игроками и вследствие этого лишается смысла. Из этого следует ключевая политическая рекомендация современной экономической ортодоксии – государству лучше вообще ничего не делать, помимо выполнения своей роли гаранта свободного рынка» [3, с. 61]. В результате правительственные структуры теряют уверенность, что они могут справиться со своими обязанностями без руководства со стороны корпоративного сектора. Все больше обязанностей правительства, касающихся в основном заботы об общественных интересах, передаются в руки частных субподрядчиков, и, как считает К. Крауч, государство и в самом деле начинает терять компетентность в тех сферах, в которых ранее чувствовало себя как дома [3, с. 60]. Тем не менее коммерциализация гражданской сферы, традиционно остававшейся вне влияния бизнеса (образования, здравоохранения, социальных услуг и т.п.), вовсе не сказывается положительно на ее качестве. Ведь принципы социальной справедливости, которые должны быть во главе угла, вытесняются деловым расчетом.

Переход ряда государственных функций в ведение частного бизнеса значительно расширяет коррупционную базу, что британский ученый иллюстрирует раскрытием механизмов подрядов на социальные услуги. В то же время это еще один фактор переплетения корпоративных интересов с чаяниями политиков. Потребности крупных компаний все чаще идеологически отождествляются с нуждами всего общества, однако на практике расходятся с ними все больше.

К. Крауч с большим сожалением вынужден констатировать дискредитацию идеи государственной службы. Правительственным служащим долгое время предписывалась особая социальная этика, предполагающая постоянно помнить и заботиться об общественных интересах. По мнению британского исследователя, эти идеи, пусть скорее в теоретическом плане, существовали даже в период «дикого капитализма», а в период «государства всеобщего благоденствия» достигали многого и на практике. Сейчас же идея особого статуса государственной службы объявлена «нелепой и смехотворной, а высшей целью человеческого существования провозгласили стремление к личной наживе, политики, советники и все прочие предсказуемо стали считать продажу своего влияния важнейшим и абсолютно легитимным аспектом своего участия в политической жизни» [3, с. 96–97].

Вышеуказанное обстоятельство, а также глубокие изменения в социальной структуре предопределили изменения в политической жизни западных обществ. К. Крауч пишет о том, что в условиях постдемократии тип политической партии совершенно иной, нежели он был при демократии. Если во втором случае предполагается широкая социальная база партии, то в первом доминирует модель партии как узкой политической элиты. Вместо массовой социальной базы основной подпиткой современной политической партии служит поддержка крупных компаний. Именно через нее корпорации устанавливают прочные связи с государственными структурами. Корпоративное руководство финансирует решение ряда текущих проблем партии – организацию опросов общественного мнения, пиар-компании, предвыборную агитацию и т.п. Естественно, услуги политических советников и привлечение избирателей осуществляются в обмен на послушную интересам корпорации политику партии в случае ее прихода к власти. Партийные советники зачастую принимаются в опекающую партию компанию на работу в качестве штатных лоббистов.

Как пишет британский ученый, руководящее ядро партии-корпорации (собственно партийных лидеров) окружают многочисленные советники, лоббисты. Все эти три группы: партийные лидеры, советники, лоббисты – «разделены довольно четко, на практике отдельные лица постоянно переходят из одной группы в другую, совместно составляя особый слой политиков». Подобный механизм американский исследователь Д. Роткопф назвал принципом «вращающейся двери» [4].

Все это не могло не отразиться на характере избирательного процесса, в котором также произошли существенные сдвиги. Теперь, по словам К. Крауча, он стал все больше уподобляться «маркетинговой компании», целью которой выступает не столько объективное информирование, сколько введение в заблуждение общественного мнения. Политическое информационное пространство заполняется развлекательной продукцией, которая содержит ничтожно мало реальной информации, компенсируя это элементами шоу. Британский социолог говорит нам о принципиальном изменении языка политического дискурса в сравнении с не таким уж далеким прошлым. Так, политика и популярная журналистика ориентируются теперь на образ рекламы – используют очень краткие сообщения, а также яркие образы вместо аргументов, обращенных к разуму. Политическая

реклама делает ставку не на дискуссию (в ходе которой может произойти убеждение), но на навязывание. Другим фактом, свидетельствующим о деградации массовой политической коммуникации, является растущая персонализация электоральной политики. «Восхваление мнимых харизматических качеств партийного лидера, его фото- и видеоизображения в красивых позах с течением времени все больше подменяют дискуссию о насущных проблемах и конфликтах интересов» [3, с. 42–43].

Таким образом, публичная политика все больше делает акцент на представлении, чем на содержании, в силу чего превращается в вид своего рода шоу. Это, по мнению названного исследователя, извращает сам смысл западной демократии и ведет к дальнейшему измельчанию политических лидеров, что вовсе не так уж плохо для корпораций. В сущности действия политиков сводятся к тому, чтобы подороже продать себя, что они делают с помощью бренда и красивой упаковки [3, с. 129].

Ослабление социальной составляющей внутренней политики современных обществ неизбежно ведет к усилению расслоения и сокращению доходов большинства населения. Чтобы это не ударило по сфере массового потребления (как известно, выполняющей не только экономическую, но и идеологическую функцию), получила распространение система кредитования, которая давала возможность сохранять высокий уровень потребления даже при невысоких зарплатах. Кредитами могли воспользоваться практически все слои населения (среди богатых слоев большое распространение получили рынки деривативов и фьючерсов). Причем большая часть этих ипотечных и потребительских долгов была не обеспечена. «Займы под реальные гарантии, – пишет К. Крауч, – определенно не могли помочь группам населения, не имеющим высоких доходов, продолжать траты, несмотря на незащищенность на рынке труда. Широкое распространение пролонгируемых необеспеченных долгов стало возможным благодаря инновациям на финансовых рынках...». Среди экономически успешных слоев населения были распространены рынки рискованных активов – деривативов и фьючерсов. Эти активы покупались и продавались, будучи обеспеченными уверенностью покупателя, что и он, в свою очередь, найдет другого покупателя – благодаря той же уверенности. В результате риски распределялись между большим количеством игроков, тем самым осуществляя рискованные инвестиции. Данная модель, которую Колин Крауч обозначил как «приватизированное кейнсианство»,

упраздняла «зависимость капиталистической системы от роста зарплат, государства всеобщего благосостояния и управления спросом со стороны правительства» [1, с. 173].

Впервые приватизированное кейнсианство проявило себя в 80-е гг., пик этой модели приходится на 2000-е гг., а к 2008 г. отчетливо обнаружился ее кризис ввиду огромного роста объемов необеспеченных кредитов. Тем не менее за два десятилетия расширяющаяся система кредитов сделала свое дело, причем не только в экономическом, но и в социокультурном плане.

Подобная приспособляемость к демократической политической системе западных элит, сумевших где-то переориентировать работу ее механизмов с общественных интересов на корпоративные, облегчается сокращением возможностей общественного контроля. Последнее обстоятельство во многом диктуется заметными сдвигами в социальной структуре, на которые указывает британский социолог. Численность рабочего класса, служившего бесспорной опорой социал-демократических сил, стала существенно сокращаться, чему поспособствовали как логика капитализма, так и логика общественного развития в целом.

Так, автоматизация и дальнейшие технологические инновации объективно вели к сокращению занятого в производстве персонала. Одновременно росла занятость в административной сфере и в третьем секторе (сфере услуг). К. Крауч обоснованно отмечает здесь как «плюсы», так и «минусы». С одной стороны, автоматизация труда ведет к сокращению ручного труда и его физического облегчения, но с другой стороны, работа в быстрорастущем секторе личных услуг «влечет за собой подчинение трудящегося нанимателям и клиентам, возрождающее многие униженные черты прежнего мира домашней прислуги» [3, с. 88]. Кроме того, гибкость рынков ведет к постоянной нестабильности и социально-психологической напряженности – даже получатели высоких окладов испытывают постоянный стресс, проводя большую часть времени на работе.

В то же время глобализация весьма существенно расширила возможности быстрого перемещения рабочей силы, что повлекло частичную деиндустриализацию западных стран, а также наплыв дешевой рабочей силы. Все это существенно сократило шансы местных пролетарских групп в борьбе за улучшение условий труда. Ведь они оказались не только под давлением укрепившегося капиталистического класса, но и в состоянии конкуренции с приезжей рабочей силой, согласной на куда более скромные

условия. Дифференциация занятого населения объективно ведет к ослаблению единства пролетариата – главного условия его способности к сопротивлению заметно усиливающемуся капиталу. Численно сокращающийся рабочий класс осознает свои интересы все менее ясно, в чем виновата не только более гибкая система занятости, но и социокультурная ситуация в целом (общество потребления), поддерживаемая господствующими группами из политических соображений. Так, представители среднего класса (особенно его верхней половины), по мнению К. Крауча, никогда не были особенно благосклонны к социал-демократическим идеям. Правда, государственные служащие обычно ратуют за принципы государства всеобщего благосостояния больше, чем занятые в частном бизнесе. Что касается наиболее количественно представленных сейчас нижних слоев среднего класса, то они служат основным объектом политического манипулирования, что вполне закономерно. Действующие политики «почти маниакально одержимы именно этой группой и стараются отвечать на все ее запросы. Однако эти запросы так обрабатываются политической системой, что становятся неотличимы от запросов бизнеса» [3, с. 81].

Размывание классово-идентичности, касающееся социального большинства, а не верхов, которые как раз четко осознают свои интересы, есть еще одна черта постдемократии. При демократии дела обстояли противоположным образом – понимание собственной групповой принадлежности и соответствующих интересов было гораздо более ясным, постдемократия же сеет туман и неопределенность. К. Крауч именно в этом видит причину возрастания интереса к националистическим и даже расовым идеям, представляющим четко выраженные политические позиции в отношении иммигрантов из этнических меньшинств [3, с. 90].

Вследствие вполне закономерного кризиса рабочего движения пролетариат перешел от наступления к обороне. Ситуация поменялась на противоположную. К. Крауч пишет по этому поводу: «Рабочий класс вступил в XX век в качестве класса будущего, громко заявив о себе как

о выразителе коллективных интересов в эпоху, изуродованную индивидуализмом: он принес с собой обещание всеобщего гражданства и возможность массового потребления в обществе, которое знало только роскошь для богатых и существование на грани выживания для бедных. К концу века он стал классом проигравших: защита государства всеобщего благосостояния теперь опирается на призывы к состраданию, а не на требования всеобщего равноправия. За сто лет рабочий класс описал параболу» [3, с. 78].

Таким образом, Колин Крауч провел весьма удачный и объективный анализ обозначившихся в относительно благополучном западном обществе тенденций. С некоторой грустью он констатирует, что сложившаяся в третьей четверти XX столетия ситуация не могла продлиться долго. Она характеризовалась многими практическими воплощениями демократических эгалитарных принципов – высоким уровнем политического участия, неплохим материальным благосостоянием. Но вскоре приспособившиеся элиты вновь «научились управлять и манипулировать», тогда как пресытившийся демократическими институтами простой народ «разочаровался, заскучал или занялся частной жизнью». Притирка правящих групп к демократическим механизмам вызвала неизбежное их выхолащивание со всеми вытекающими отсюда последствиями – ослаблением общественного контроля за действиями элит, усилением социального расслоения ввиду требования финансовых воротил «приватизировать прибыли и социализировать убытки» [1, с. 179]. Классовый, а не общественный интерес становится доминирующим. В силу этих обстоятельств К. Крауч не уверен, что нынешний западный социум в дальнейшем можно будет определять как демократию. Ведь ее практика все больше сходит на нет, и от нее может остаться лишь пустая оболочка.

Хотя в самом начале своей книги британский мыслитель и определяет постдемократию более как угрозу, а не свершившийся факт, ход и тон его дальнейших рассуждений более наводит мысль о втором, нежели о первом. Сопоставление с другими работами и с общественной практикой в целом подтверждает данный вывод.

1. Крауч К. *Что последует за упадком приватизированного кейнсианства?* М., 2010.
2. Тамбиянц Ю.Г. *Общественная динамика в современных социологических теориях.* Краснодар, 2011.
3. Крауч К. *Постдемократия.* М., 2010.
4. Роткопф Д. *Суперкласс. Те, кто правит миром.* М., 2010.

1. Crouch C. *What will follow decline of the privatized keynesianism?* Moscow, 2010.
2. Tambiyants Yu.G. *Social dynamics in modern sociological theories.* Krasnodar, 2011.
3. Crouch C. *Post-democracy.* Moscow, 2010.
4. Rothkopf J. *Superclass. Those who rule the world.* Moscow, 2010.

**Лубский Роман Анатольевич**

кандидат философских наук, доцент,  
докторант кафедры философии и социологии  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79034065421)

## *Государственность и концепты модернизации в России*

Актуальность изучения государственности и концептов модернизации в России на рубеже веков обусловлена потребностью сформировать адекватные «ответы» на «вызовы» западноевропейской и североамериканской цивилизации в контексте осуществления постиндустриального транзита российской цивилизации от концепта «догоняющей» модернизации к модернизации «национально-суверенного типа», основанной на учете государственно-национальных интересов и цивилизационной специфики.

**Ключевые слова:** государственность, модернизация, концепт модернизации, «догоняющее» развитие, «имперская» модернизация.

**R.A. Lubsky**, Master of Philosophy, Assistant Professor, Doctoral Candidate of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79034065421.

### **Statehood and modernization concepts in Russia**

Relevance of studying of statehood and modernization concepts in Russia at the turn of the century is caused by requirement to create adequate «answers» to «calls» of the West European and North American civilization in a context of implementation of post-industrial transit of the Russian civilization from a concept of «catching-up» modernization to modernization of «national and sovereign type», based on the accounting of state and national interests and civilization specifics.

**Key words:** statehood, modernization, modernization concept, «catching-up» development, «imperia» modernization.

**А**ктуальность изучения государственности и концептов модернизации в России на рубеже веков обусловлена потребностью сформировать адекватные «ответы» на «вызовы» западноевропейской и североамериканской цивилизации в контексте осуществления постиндустриального транзита российской цивилизации от концепта «догоняющей» модернизации к модернизации «национально-суверенного» типа, основанной на учете государственных интересов, национальной специфики и особенностей цивилизационного развития [1]. Исследователи проблем модернизационных преобразований полагают, что вызов Запада как раз и проявляется в «необходимости всем странам реагировать на его существование путем изменений, ускоренного развития, даже независимо от того, вынуждает ли он их к этому или нет» [2, с. 127].

В геополитическом контексте этого вызова в свое время была разработана концепция «вторичной» модернизации и ее эшелонов, к одному из которых причисляют государства Юго-Восточной Азии и Восточной Европы, включая

Россию. В этих странах социокультурные предпосылки индустриализации по разным причинам отсутствуют, а сам процесс модернизации проходит под влиянием модернизационных тенденций в странах Западной Европы и Северной Америки. Это обстоятельство оказывает большое влияние на способы осуществления «вторичной» модернизации, которые обусловлены особенностями формирования региональных политических «ответов» на глобальные «вызовы» современности.

Специфика процесса модернизации в странах Юго-Восточной Азии и Восточной Европы состоит в том, что большинство модернизационных преобразований проходит в них под жестким контролем государства, которое в условиях угрозы утраты национальной идентичности осуществляет форсированную индустриализацию «сверху», активно заимствует опыт социально-экономического, социокультурного и технико-технологического развития передовых в этом отношении стран. Отличительные признаки «вторичной» модернизации заключаются не только в том, чтобы подчерк-

нуть особую роль государства в процессе социальной модернизации. Концепт «вторичной» модернизации позволяет обратить внимание на отличительные особенности процесса замены традиционных локальных типов универсальными формами, на основе которых происходит утверждение самой культуры «модернити».

В современной России социально-экономическая трансформация также осуществляется в рамках государственной политики «сверху» и на основе мобилизационного типа социально-экономического развития. При этом государственные учреждения власти и соответствующие им структуры государственного управления определяют стратегию и тактику модернизационных процессов, реализация которых напрямую зависит от действий различных представителей политической бюрократии и номенклатурной элиты, которые, как правило, не обладают столь необходимым для этого опытом, что приводит к перманентным провалам и срывам модернизационных проектов, описываемых по традиционной формуле проведения российских реформ: «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Отдельные аспекты государственности и модернизации различных сфер российского общества уже выступали в качестве предмета научного исследования. В этой взаимосвязи рассматривались проблемы социально-исторической и социокультурной динамики российской государственности (С.А. Авакьян, В.А. Артамонов, А.С. Ахизер, В.В. Ильин, Т.П. Коржихина, Л.С. Мамут, П.Н. Милюков, Б.Н. Миронов, В.Б. Пастухов, А.С. Сенин, А.А. Тимофеева, Б.Н. Чичерин, А.М. Яковлев), специфики и самобытности российской государственности (М.Н. Афанасьев, А.Б. Венгеров, А.А. Контарев, Е.А. Лукьянова, И.Л. Солоневич, Л.А. Тихомиров), институционально-правовых форм российской государственности (Ю.И. Литвинова, Е.Ю. Погожаева, В.Е. Чиркин, Л.М. Шураева), цивилизационных форм и традиций российской государственности (А.Н. Ерыгин, И.А. Исаев, С.П. Федоренко, М.А. Чешков), эволюционных форм христианской государственности (А.Н. Богданов, Митрополит Иоанн), соотношения Российского государства и российской государственности (А.Б. Венгеров, В.Б. Пастухов), российской государственности как качественного состояния государства (Е.А. Лукьянова, А.А. Тимофеева), российской государственности как элемента общественной структуры и как матрицы российской цивилизации (Т.Е. Ворожейкина,

А.В. Воронин, А.В. Лубский, С.Н. Рябинин), ментально-правового измерения российской государственности (А.Ю. Мордовцев), кризиса советской государственности (С.И. Метелкин), трансформации национальной государственности в условиях глобализации (О.И. Цуканова), а также концептуальных моделей российской государственности (Г.Б. Гавриш, А.А. Горшколепов, Ю.В. Крамаренко, Л.Н. Меньяло, С.П. Овчинникова, Е.В. Подберезный).

Модернизация, как и любые социально-экономические трансформации в России, неразрывно связана с регенерацией государствоцентричной матрицы развития российского общества, при которой государство играет центральную роль и выполняет системообразующую функцию в структурировании экономических, социально-политических и культурно-идеологических отношений [3, с. 60–61]. По мнению некоторых специалистов, это обусловлено особой значимостью государственности как государственно-организованной формы российского общества, включающей государственно-правовые структуры и институты, а также национально-государственную идею и социальные практики ее реализации [4; 5, с. 124–129].

Современное российское общество по своей сущности является обществом политического типа. В таком обществе политический капитал является основным видом символического капитала власти, который приносит прибыль, одновременно выступая в качестве критерия материального благополучия и финансового благосостояния, величина которого обусловлена местом человека в политической иерархии, структурирующей коммуникативное пространство на основе социального обмена и политического торга. В современной России именно обладание государственной властью, а не экономической собственностью всегда определяло и определяет вектор социально-экономического развития. В отличие от процесса модернизации на Западе в российском обществе именно государственные, а не рыночные механизмы рассматриваются в качестве основного способа приобретения материального благополучия и финансового благополучия. Это обусловлено тем, что в современной России экономические отношения стимулируются политикой, а приобретение материальных благ следует за приобретением власти, а не наоборот, как это происходит на Западе [6, с. 5]. В этой связи представляется достаточно интересным наблюдение отечественного исследователя

М.Н. Афанасьева, который пишет о «властечен-тризме», присущем России, выражающемся в «зацикленности социума на власти» и «властечен-тризме» либерального сознания, «постоянно выбирающего между позицией во власти и позицией против власти» [7, с. 9; 8, с. 211].

Генезис современного российского общества сопровождается продолжительными периодами политического развития, сменяющимися кратковременными периодами экономической модернизации, которая практически всегда заканчивается политическими реформами, восстанавливающими «социальный порядок» и усиливающими роль государства. Периоды тоталитаризма и авторитарных откатов в России наступают всегда после периодов экономического процветания, для которых характерно ослабление государственного контроля над экономикой и появление относительно независимого класса собственников. К примеру, последствием экономической модернизации конца XIX в. были революции 1905 и 1917 гг., а последствием политики нэпа – тоталитарный режим И.В. Сталина. Все периоды модернизации российской экономики подрывают основы государственного управления и контроля, создавая угрозы целостности государства, поэтому процессы экономической модернизации и социальной «оттепели» в России заканчиваются, как правило, периодами жесткого авторитарного, а иногда тоталитарного управления, призванного укрепить государственный порядок, установить государственный контроль над экономикой и восстановить государственность.

По отношению к истории России теория модернизации «приобрела» свое научное выражение в рамках социальных концептов «имперской» модернизации и «догоняющего» развития, предусматривающих мобилизационный характер социально-экономического роста.

В соответствии с концепцией «догоняющего» развития в России, по сравнению с рядом западноевропейских стран, на определенной исторической стадии ее эволюции происходит «задержка» в социокультурном и социально-экономическом развитии, которая объясняется долговременной зависимостью России от монголо-татарского ига и процессами «первичной» модернизации на Западе. Эволюция капиталистических отношений на Западе в XVII–XVIII вв., протекающая в рамках процессов «первичной» модернизации, одновременно сопровождается укреплением феодальных отношений в России, экспортирующей в основном сельскохозяйственные продукты и природные ресурсы,

потребность в которых постоянно увеличивается по мере стремительного роста темпов экономического развития промышленности и торговли. Пытаясь преодолеть «отставание» от экономически развитых западноевропейских стран, Российское государство систематически осуществляет политику модернизации страны «сверху», поэтому социально-экономическое развитие России в XVIII–XX вв. рассматривается как развитие «вдогонку». Развитие «вдогонку» как вид социально-экономического и технологического развития России на протяжении всего периода ее существования осуществляется на основе модернизации «сверху» и протекает в виде насильственной «вестернизации», приводящей к социальным катастрофам и перманентным срывам российской государственности, в связи с чем и само государство оказывается в тупике «догоняющего» развития [9].

В советской и постсоветской России ситуация не изменилась: социально-экономическое развитие происходит в рамках концепта «догоняющего развития», в ходе которого неожиданно возникает проблема. Как отмечают некоторые специалисты, необходимость политической и социально-экономической модернизации является несомненной, но в связи с тем, что процесс индустриализации уже завершен, именно приоритет индустриального развития определяет сущность модели «догоняющего» развития. Поэтому попытка применить модель, показавшую свою эффективность при индустриализации страны в целях политической и экономической модернизации, осуществляется по инерции и является неэффективной, что оборачивается социальным откатом, деиндустриализацией государства и приводит к уничтожению каких бы то ни было социальных предпосылок и экономических условий, способствующих переходу к постиндустриальному (информационному обществу), которое олицетворяют собой страны Западной Европы и Северной Америки на сегодняшний день [10, с. 229].

В соответствии с концепцией «имперской» модернизации социальные преобразования в России осуществляются, прежде всего, для укрепления военно-политического статуса и геополитического положения Российской империи, а также с целью усиления ее военнотехнического потенциала и сохранения национальной безопасности [11, с. 36–41]. В связи с тем, что в России отсутствует социальный слой, который бы мог инициировать процесс модернизации «снизу» (как это происходило и

происходит в странах Западной Европы и Северной Америки и по сей день), «имперская» модернизация осуществляется по инициативе интеллектуальной и наиболее активной части российской политической элиты, которая проводит ее с помощью государственно-властных и административно-хозяйственных ресурсов управления и планирования, а не на основе естественно сложившихся предпосылок к реализации поставленных задач. Основной целью «имперской» модернизации в России является создание мощной, боеспособной и современной армии, оснащенной новейшими образцами высокоточного вооружения и сетью предприятий военно-промышленного комплекса. Для этого заимствуются научные знания и западные инновационные технологии, которые могут использоваться в военной и иных видах оборонной промышленности. В свою очередь, это стимулирует развитие российской науки и техники и создает устойчивые предпосылки для роста ее научно-технического, технологического и информационного потенциала.

Специфика «имперской» модернизации, которая традиционно проводится представителями российской политической элиты «сверху», обусловлена мобилизационно-принудительными технологиями ее реализации, необходимыми для преодоления социального разрыва в рамках «догоняющего» развития. При сокращении разрыва между Россией и Западом до «терпимых» пределов мобилизационно-принудительное воздействие ослабевает. Очередной период «социальной модернизации», «перестройки», «коренной ломки», «глобальной реконструкции» или «глобальной трансформации всей системы общественных отношений» сменяется очередным периодом социальной стагнации, длящимся до тех пор, пока образовавшийся социальный разрыв не приобретает

актуальность в очередной раз. Проведение «имперской» модернизации на основе насильственной мобилизации гражданского населения позволяет некоторым специалистам сделать вывод о том, что она направлена не на улучшение условий и качества жизни, и даже не на обогащение правящей верхушки, хотя побочным ее продуктом является неимоверное «казнокрадство» [12].

Осуществление «имперской» модернизации представителями российской политической элиты в рамках политики «сверху» обуславливает ее «элитарный» характер, что способствует еще большему углублению социальных противоречий и отчуждению гражданского населения от провозглашенных целей и задач модернизации, которая воспринимается им как «инородное» явление. Весь этот процесс сопровождается дальнейшей эскалацией социально-политического конфликта, или, как пишет А.С. Ахиезер, потерей взаимопонимания двух слоев общества, один из которых был связан с народной почвой, другой – с оторванным от почвы стремлением к новому [13, с. 141–142].

Таким образом, концепт «имперской» модернизации предполагает устранение последствий экономического разрыва в рамках «догоняющего» развития и создает предпосылки для социокультурного раскола, который все более увеличивается в ходе нарастающего конфликтогенного потенциала общества. В связи с тем, что практически любой социальный конфликт в России в той или иной степени обусловлен социокультурным расколом, «имперская» модернизация в России постоянно сопровождается теми или иными социальными потрясениями, которые охватывают самые разнообразные слои и группы населения [14, с. 125–127].

1. Федотова В.Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект. URL: [http://www.perspektivy.info/rus/gos/ot\\_dogonajushhej\\_modernizacii\\_k\\_nacionalnoj\\_teoreticheskij aspekt 2007-12-07.htm](http://www.perspektivy.info/rus/gos/ot_dogonajushhej_modernizacii_k_nacionalnoj_teoreticheskij aspekt 2007-12-07.htm)

2. Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995.

3. Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России: исчерпание государствоцентричной матрицы развития // Политические исследования. 2002. № 4.

4. Лубский А.В. Государственность как матрица российской цивилизации // Гуманитарный ежегодник. Ростов н/Д, 2005. № 4.

1. Fedotova V.G. From catching-up modernization to the national: theoretical aspect. URL: [http://www.perspektivy.info/rus/gos/ot\\_dogonajushhej\\_modernizacii\\_k\\_nacionalnoj\\_teoreticheskij aspekt 2007-12-07.htm](http://www.perspektivy.info/rus/gos/ot_dogonajushhej_modernizacii_k_nacionalnoj_teoreticheskij aspekt 2007-12-07.htm)

2. Kozlowski V.V., Utkin A.I., Fedotova V.G. Modernization: from equality to freedom. St. Petersburg, 1995.

3. Vorozheykina T.E. The state and society in Russia: exhaustion of «the state in the center» matrix of development // Political researches. 2002. № 4.

4. Lubsky A.V. Statehood as matrix of the Russian civilization // Humanitarian year-book. Rostov-on-Don, 2005. № 4.

5. Лубский Р.А. *Российская государственность: методологические проблемы макросociологического исследования // Методология, теория и история социологии: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 23–24 нояб. 2012 г.). Ростов н/Д, 2012. Т. 3.*
6. Крыштановская О.В. *Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004. Т. XIII. № 4.*
7. Афанасьев М.Н. *От вольных орд до ханской ставки // Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 3.*
8. Афанасьев М.Н. *Невыносимая слабость государства: Очерки национальной политической теории. М., 2006.*
9. Плимак Е., Пантин И. *От смуты до смуты: Россия в тупике «догоняющего развития» // Октябрь. 1993. № 1.*
10. Федотова В.Г. *Теория модернизации и Россия // Гуманитарный ежегодник. Ростов н/Д., 2004. № 3.*
11. Хорос В.Г. *Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.*
12. Фроянов И.Я. *Молитва за Россию // Сов. Россия. 2000. 8 апр.*
13. Ахиезер А.С. *Россия. Критика исторического опыта. М., 1996. Т. 1.*
14. Кубякин Е.О. *Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 1.*
5. Lubsy R.A. *Russian statehood: methodological problems of macrosociological research // Methodology, theory and history of sociology: proc. of the All-Russian sci. conf. (Rostov-on-Don, Nov. 23–24, 2012). Rostov-on-Don, 2012. Vol. 3.*
6. Kryshchanovskaya O.V. *Modern concepts of political elite and Russian practice // World of Russia. 2004. № 4. Vol. XIII.*
7. Afanasyev M.N. *From free hordes to a khan rate // Pro et Contra. 1998. № 3. Vol. 3.*
8. Afanasyev M.N. *Intolerable weakness of the state: Sketches of the national political theory. Moscow, 2006.*
9. Plimak E., Pantin I. *From a distemper to a distemper: Russia at the deadlock of «catching-up development» // October. 1993. № 1.*
10. Fedotova V.G. *Theory of modernization and Russia // Humanitarian year-book. Rostov-on-Don, 2004. № 3.*
11. Horos V.G. *Russian history in comparative lighting. Moscow, 1996.*
12. Froyanov I.Ya. *Prayer for Russia // Soviet Russia. 2000. Apr. 8.*
13. Akhizezer A.S. *Russia. Criticism of historical experience. Moscow, 1996. Vol. 1.*
14. Kubyakin E.O. *Youth extremism in the conditions of informatization and society globalization: problem statement // Historical and social and educational thought. 2011. № 1.*

**Нарыкова Светлана Петровна**

докторант кафедры философии и социологии  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583516)

## *Политическая власть как естественный социальный процесс: к вопросу о раскрытии понятия через континуальность*

В статье анализируются возможности исследования специфики политической власти через анализ основных форм ее осуществления. На основе платоновской и аристотелевской методологии политическая власть рассматривается в статичной понятийной форме. Высказывается мысль о том, что анализ основных форм осуществления политической власти позволяет выделить их сущностные особенности, образующие понятие.

**Ключевые слова:** методология, политическая власть, государство, форма власти, политическое пространство, общество.

**S.P. Narykova**, Doctoral Candidate of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

**Political power as a natural social process: to the question of expanding the concept through continual nature**

The article analyzes the possibilities for research the specificity of political power through the analysis of the main forms of its implementation. On the basis of the Platonic and Aristotelian methodology of political power is seen static conceptual form. It is suggested that the analysis of the main forms of political power allows them to identify the essential features that make up the concept.

**Key words:** methodology, political power, state, power form, political space, society.

Достаточно широко представлены в научной литературе работы, посвященные изучению форм осуществления политической власти, безусловно, универсализируют принципы изучения института государства. При этом следует отметить, что форма как идеальная модель представляет собой статическое основание. Для социальной философии такое основание было бы удовлетворительно на уровне формальной логики, где истина, данная в предельных категориях, есть конечный результат. Но если принимать во внимание стремление философского мышления ко всеобщности и все возрастающий интерес к категории динамики, то лишь формальный аспект для нас есть только часть знания, тогда как всеобщность возможна в диалектическом единстве формы и содержания, понимаемом как процесс. Иными словами, форма осуществления политической власти не есть само осуществление, в котором имеет значение категория длительности.

С включением в категориальную систему понятия времени идеальное становится реальным или же укрепляется в собственной идеализации. Иными словами, актуализируется сфера естественного порядка и развития в детерминантах диалектики. Возникает необходимость реагировать на изменчивость мира. Движение времени, изменчивость истории, с одной стороны, вскрывает внутренние противоречия стабильных систем, с другой стороны, заставляет подстраиваться под специфику действительности и подстраивать действительность под собственную специфику. Происходит взаимодействие, суть которого во взаимном влиянии и изменении. Для стабильной системы изменение есть смерть [1]. Выявив этот фактор в тенденциях развития парадигм мышления, К. Поппер дополнил теорию верификации принципом фальсификации [2], добавив тем самым статичной теории элемент изменчивости и в силу этого – устойчивости.

Пространство и время составляют естественную систему координат, в рамках которой

происходят все процессы реальности. Поскольку политические процессы в дальнейшем будут рассматриваться именно как реальные, то необходимо показать динамику становления идеального в реальное.

Итак, для статичной политической системы время является разрушающим фактором, равно как и всякая динамика. По этому поводу Платон говорил, что для лучшего изменение недопустимо, оно есть путь к гибели и потере качества. Вместе с тем, система логическая есть идеал, структура, система принципов и понятийное основание. Общество развивается и усложняется. Возникает потребность в приспособлении к меняющейся реальности, появляются защитные механизмы, развивается процесс эволюции политических систем.

В связи с этим политическая власть также должна реагировать на разрушительную динамику времени. Появляется потребность к противодействию, приспособлению и самостоятельному развитию. При этом физический закон равенства сил действия и противодействия здесь вполне применим. Если политическая власть не выдерживает динамики социальных процессов, то это ведет к ее кризису и двойственной реакции: смена власти и деструкции государства. Отсюда актуализируются защитные механизмы политической системы, которые в рамках государства как обеспечивают жизнеспособность политической власти, так и способствуют органичному существованию общества.

Справедливо отметить, что политическая власть реагирует на изменение реальности во времени, тогда как деструктурирующие факторы можно разделить на несколько концептуальных отношений. Первый тип отношений: власть – народ. В данной схеме взаимодействия представлена полярность интересов. Власть заинтересована в управлении и утверждении собственных полномочий, тогда как народ стремится к получению максимума свободы. Функция власти противоречит воле народа (она призвана ограничивать свободу), при этом парадокс состоит в том, что власть возможна и необходима лишь тогда, когда есть народ. Народ при этом стремится к ограничению своей свободы и тем самым стремится к самоограничению посредством власти.

В этой диалектической системе есть один важный аспект. Дело в том, что противоречие между властью и народом обратно пропорционально культурному и социальному уровню общества. Иными словами, чем выше уровень народного сознания, тем более очевидным становится общность интересов власти и народа.

Соответственно, тем меньше энергии требуется для обеспечения властью стабильности государства. И наоборот, чем ниже культурный и социальный уровень общества, тем больше противоречий между политикой государства и населением.

В этом контексте интересны три формы существования государства, которые формально можно разделить на две модели: современную и традиционную. Для традиционной модели характерно противоречие между народом и государством, выражаемое в формуле «сильное государство – слабый народ» и противоположной – «сильное общество – слабое государство». Первая схема отношений иллюстрирует динамику взаимоотношения власти и народа, в частности, в Китае, в период расцвета легизма.

Понимая необходимость борьбы с народом в целях сохранения не только собственной власти, но и принципа государственности, основоположник законничества Шан Ян утверждал, что «ослабление народа – главная задача государства, идущего правильным путем» [3]. Для борьбы с народом политическая власть при его правлении максимально концентрировала средства управления в своих руках. В этом смысле первой задачей было устранение народа из понятийной системы управления. Позиционируя абсолютность закона, Шан Ян стремился к тому, чтобы источник или мотивы этого закона были непостижимы в народе. Закон запрещалось обсуждать, ругать и даже хвалить. Единственное, что было необходимо, – это следовать ему безоговорочно.

По мысли законников, народ представлял собой главного врага политической власти. Отсюда понятен смысл идеи легистов: «Победа над народом подобна работе горшечника над глиной» [3] – чем слабее народ, тем легче им управлять. Для ослабления народа использовались следующие методы: упразднение образования (народ должен мыслить единообразно, а легче всего это сделать на уровне ослабления образования), запрет мобильности (чем более народ статичен, тем легче его контролировать), запрет искусств и празднеств (ничто не должно отвлекать народ от работы), запрет имущественных отношений (народ должен понимать, что он есть имущество), обязать народ регулярно участвовать в войне (это ослабит его и укрепит традицию подчинения).

В данной схеме противоположность интересов власти и народа иллюстрирует ситуацию слабости политической власти. В самом деле, такой стиль правления не естественен по функции института политической власти, что

ведет к уничтожению и ослаблению институтов экономики, права, семьи и т.д. В результате, просуществовав пятнадцать лет в качестве политической власти, династия Цинь была свергнута массовым народным восстанием. Произошла естественная реакция самосохранения государства путем смены политической власти.

Данный пример иллюстративен и показателен. Смысл в том, что противоречие между властной структурой и интересами народа есть процесс деструктивный. Степень его интенсивности детерминирует скорость реакции государства. Так, сильный конфликт власти и народа ведет к их войне (в рамках государства – революции), слабый конфликт – основание для снижения КПД государства, его фактическое ослабление.

Вторая схема, согласно которой сильное общество является причиной слабости государства, также противоречива. Наиболее ярким примером подобной пропорции выступает средневековая Индия. Здесь исследователи отмечают слабость центральной власти при существенной стабильности социальных отношений. При этом справедливо и то, что централизованная политическая власть здесь осуществлялась на местном, локальном уровне. С опорой на сельскую общину и незыблемость многовековых традиций в обществе средневековой Индии институт религии стал основой регулирования общественных отношений. Отсюда слабость политической власти по отношению к силе иных доминантов общественных отношений.

Вместе с тем, средневековая Индия лишь условно может называться государством. Отсутствие единого языка, сложности коммуникации, междоусобные войны и отсутствие централизованной инфраструктуры говорят о раздробленности. При этом противоречие между интересами политической власти и народа все также актуальны, что и в Китае при правлении династии Цинь, с той лишь разницей, что здесь «победа» в борьбе власти и народа на стороне народа.

Современная модель существования государства содержит в своем основании категорию гражданского общества. На наш взгляд, преимущество ее перед традиционной моделью заключается в понимании общности интересов народа и государства. При этом следует понимать, что подлинная модель гражданского общества возможна только тогда, когда большинство народа обладает высоким социокультурным уровнем. В этом случае политическая власть получает опору на народ, в то время как народ получает социальные гарантии от власти. Требуется

значительно меньше энергии на сдерживание внутренних противоречий, тогда как высвобождающаяся энергия противодействия может быть использована на благо общества.

Здесь, однако, следует учитывать тот факт, что в реальности, в отличие от идеальной модели, происходит изменение социального бытия. Меняются ценности, запросы, приоритеты. В результате даже стабильная социальная модель взаимодействия народа и политической власти должна опираться на защитные механизмы, благодаря которым возможно противостоять темпоральному разрушению.

Так, в типе отношений «власть – народ» защитным механизмом выступает идеология, одно из наиболее сложных и противоречивых понятий политической науки. Исторически существует ряд определений и концепций идеологии, раскрывающих данный феномен в различных аспектах. По словам В.Л. Хмылева, «этимологически понятие идеологии родственно древнегреческому слову “наука о мысли”. Предполагаемая связь с античной традицией, однако, не уберегла его от забвения или произвольного толкования. Теоретические метаморфозы идеологии длились не одно столетие, на протяжении которых понятие идеологии неоднократно меняло свое содержание» [4].

К. Манхейм в книге «Идеология и утопия» полагал, что смысл идеологии в частичной фиксации реальности, которая показывает действительные процессы в контексте, выгодном той или иной властной структуре [5]. К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» показывают сущность идеологии в качестве ложного, иллюзорного восприятия социального бытия [6]. В системе отношений «власть – народ» источником такого заблуждения всегда выступает правящая элита, или политическая группировка, претендующая на получение максимальной власти. Для К. Маркса и Ф. Энгельса идеология представляет собой искусственно созданное политическое мышление, прагматически удовлетворяющее интересы определенного класса.

Также интересна версия интерпретации идеологического мышления, данная А. Дестютом де Траси в книге «Элементы идеологии». С точки зрения теоретика французской революции, «идеология как наука об идеях сможет исследовать природу человеческого мышления и сказать, что есть правда, а что ложь, обеспечить адекватное восприятие действительности и выявить реальные нужды людей, разрешив, таким образом, все проблемы общества» [7]. Впоследствии концепт идеологической науки, выраженный А. Дестютом де Траси, получил

интерпретацию своего рода «опиума для интеллектуалов» в одноименном исследовании Р. Арона [8]. Смысл, который Р. Арон вкладывал в интерпретацию идеологии, позволяет говорить о процессе мифологизации социального бытия, в контексте которого теоретики идеологии есть одновременно и первые обманутые ее заблуждениями.

В контексте изложенного выше нас интересует идеология в качестве защитного механизма, благодаря которому политическая власть понижает затраты энергии на управление обществом. Речь идет о том же стремлении к стабильности и жизнеспособности социальной структуры, при которой политическая власть способна выдерживать динамику времени.

Стабильность общества как предмет идеологии определяется рядом факторов – от идеи эффективности действия социальных институтов до системы ценностей и норм поведения, а также механизмов их трансляции в обществе. Каждая из этих проблем сама по себе заслуживает отдельного исследования, однако одно лишь рассмотрение специфики отдельных сторон бытия социума не раскрывает в полной мере вопрос об обеспечении стабильности общества. Один и тот же социальный механизм в одних условиях может носить конструктивный характер, в других – способствовать разрушению существующего социального порядка. Причина в данном случае состоит в системном характере общественных процессов, с учетом которого значение определенного фактора может быть адекватно оценено лишь с учетом его социального контекста. В этом отношении проблема стабильности общества обнаруживает глубокую взаимосвязь с идеей его систематичности, гармоничного сочетания различных сторон социального бытия.

В рамках проблемы оптимизации политической власти особое значение приобретает концепция идеологии как особого социального мировоззрения членов общества. В рамках идеально-гармоничного общества идеология представляет собой мировоззренческую систему, органично связанную с существующим социальным порядком. На этом уровне культурная составляющая жизни общества является одновременно основанием и результатом адекватного функционирования социальных институтов. Такой вид идеологии впервые был озвучен Платоном в книге «Государство», где автор показывает отсутствие необходимости управления обществом, граждане которого являются носителями идеала государства.

Однако реальное положение вещей показывает, что ситуация, описанная Платоном, чересчур идеальна. С течением времени историческое развитие общества может привести к ситуации, когда радикальным изменениям подвергается какая-то одна сторона жизни общества, в то время как остальные сохраняются в «неизменном» виде. Этот процесс неоднородности социального развития сопровождается возникновением социальных противоречий, связанных с несоответствием друг другу различных формальных и содержательных аспектов жизни общества. Так, например, коренные изменения в правовой сфере или в организации определенных социальных институтов могут вступить в противоречие с ценностной структурой индивидов, в результате чего процесс внедрения социальных изменений на уровне практики может натолкнуться на множество затруднений.

В этом отношении проблему идеологии можно рассматривать двояко: в ее идеальном рассмотрении, как важную сторону социальной жизни, находящуюся в тесной взаимосвязи с рядом сторон общественной жизни, и исторически – с точки зрения ее динамического отношения к налично существующему социальному контексту. Последнее предполагает системное рассмотрение идеологической модели, принятой в обществе в сопоставлении ее с общественной ситуацией. На этом уровне, в зависимости от степени их соответствия и взаимосвязи, можно судить о деструктивном и конструктивном значении идеологических оснований в жизни общества. При этом если органичное состояние общества предполагает естественное соответствие идеологии структурным особенностям социального порядка, то в рамках развития общества нередким является возникновение противоречия между преобразующей политикой государственной власти и существующими в рамках общества идеологическими основаниями.

На этом уровне стабилизация социальной системы требует целенаправленного изменения идеологических установок в обществе с целью устранения социальной противоречивости. Этим обусловлен феномен государственной идеологической политики, представляющей собой известное «навязывание» членам общества определенных ценностей и норм, соответствующих существующему социальному порядку. В этом отношении сущность идеологической деятельности государства состоит в активном привитии членам общества соответствующих элементов общественного сознания, обуславливающих адекватное существование общества.

На наш взгляд, излишне давать идеологии положительную или отрицательную оценку ввиду того, что она представляет собой естественный социальный процесс защиты интересов политической власти. При этом следует отметить, что

для социально и культурно развитого общества идеология может выполнять ряд конструктивных функций, тогда как низкий социокультурный уровень, как правило, увеличивает пропасть между интересами политической власти и общества.

1. Гегель Г.В.Ф. *Лекции по философии истории*. 1822–1831. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000388/> (дата обращения: 03.05.2014).

2. Поппер К. *Объективное знание. Эволюционный подход*. М., 2002.

3. Переломов Л.С. *Конфуцианство и легизм в политической истории Китая*. М., 1981.

4. Хмылев В.Л. *Идеология как концепт* // *Изв. ТПУ*. 2005. № 5.

5. Манхейм К. *Идеология и утопия* // Манхейм К. *Диагноз нашего времени* / пер. М.И. Левиной и др. М., 1994.

6. Маркс К., Энгельс Ф. *Избр. соч.: в 9 т.* М., 1985. Т. 2.

7. Destutt de Tracy A.L.CI. *Eléments d'idéologie: idéologie proprement dite. P. I. Idéologie*. Paris, 1995.

8. Aron R. *The Opium of the Intellectuals*. N.Y., 1962.

1. Gegel G.V.F. *Lectures on the philosophy of history*. 1822–1831. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000388/> (date of access: 03.05.2014).

2. Popper K. *Objective knowledge. An evolutionary approach*. Moscow, 2002.

3. Perelomov L.S. *Confucianism and legism in the political history of China*. Moscow, 1981.

4. Hmylev V.L. *Ideology as a concept* // *Bull. of the Tomsk Polytechnics University*. 2005. № 5.

5. Manheim K. *Ideology and utopia* // Manheim K. *Diagnosis of our time* / transl. by M.I. Levina et al. Moscow, 1994.

6. Marks K., Engels F. *Sel. works: in 9 vol.* Moscow, 1985. Vol. 2.

7. Destutt de Tracy A.L.CI. *Eléments d'idéologie: idéologie proprement dite. P. I. Idéologie*. Paris, 1995.

8. Aron R. *The Opium of the Intellectuals*. N.Y., 1962.

**Анастасов Владимир Давидович**  
аспирант кафедры философии  
Кубанского государственного аграрного университета  
(тел.: +79183219597)

## *Аксиологические ориентиры хозяйственной культуры*

Вопрос о хозяйственной культуре – это вопрос о том, что, помимо прагматических целей, движет экономической деятельностью человека, какие жизненные установки ее регулируют, каково ее нормативно-ценностное обоснование. Подход, сближающий экономику и культуру, основан на концепции «культурного капитала» и позволяет учитывать как материальные, так и нематериальные проявления культуры, которые представляют долгосрочные запасы ценностей для индивидов и групп.

**Ключевые слова:** хозяйственная культура, культурный капитал, ценности, целевые установки, экономика, культура.

**V.D. Anastasov**, Post-graduate of a Chair of Philosophy of the Kuban State Agrarian University; tel.: +79183219597.

### **Axiological landmarks of economic culture**

The problem of economic culture is the question of what, together with pragmatic purposes, drives economic activity of person, what social values and purposes it implements. An approach that embraces economic and culture is based on concept of «cultural capital» and it helps to take into account both material and non-material parts of culture that present long-term assets of values for individuals and social groups.

**Key words:** economic culture, cultural capital, values, target setting, economy, culture.

Ценностные ориентации, смыслы и нормы, обеспечивающие мотивацию и регулирующие хозяйственную деятельность, определяющие форму их осуществления и восприятия обществом, составляют суть хозяйственной культуры. Экономическая деятельность представляет собой только одну грань существования человека. Несомненно, она очень важна, но существуют и другие аспекты, которые нельзя игнорировать.

Вопрос о хозяйственной культуре – это вопрос о том, что, помимо чисто прагматических целей, движет экономической деятельностью человека, какие жизненные установки ее регулируют, каково ее нормативно-ценностное обоснование. «Ценность» имеет смысл, близкий к понятию «важность», «значение». Содержание ценностей зависит от сущности и характера культуры общества, его духовности, нравственности, общественного сознания. Ценности обусловлены культурным контекстом и содержат в себе некую нормативность, часто ценности отождествляют с культурно-историческими стандартами, жизненным стилем.

Труд входит во все разновидности ценностей: в социально-целевые ценности через знание и

мастерство; в социально-инструментальные как право на свободный труд; в персонально-инструментальные через силу, ловкость и ум; в субъективно-целевые через энергию и преобразование вещества и пространства.

Часть исследователей подчеркивает, что экономическая мысль на протяжении последних двух столетий основывается на индивидуализме, тогда как понятие культуры является проявлением группового или коллективного поведения [1, с. 32]. То есть культурное поведение не совпадает с экономическим. Хозяйственной этикой современной либеральной рыночной экономики является утилитарная хозяйственная этика. Эта этика морально оправдывает любые действия (в рамках действующего законодательства), если они рациональны с точки зрения главных целевых установок производителя и потребителя – максимизации прибыли и потребления. Это приводит к доминированию экономической рациональности над всеми духовными компонентами, лишая последних своей естественной уравнивающей функции.

Природа культуры выражает верования, устремления и идентификацию группы. Это желания, устремления и потребления, наце-

ленные на групповой опыт, а не на индивидуалистические устремления индивидов, составляющих группу. Культурная и экономическая политика дополняют друг друга и конфликтуют между собой: вопросы экономической и культурной ценности имеют решающее значение для разметки территории и принятия решений [1, с. 37]. Подход, который сближает экономику и культуру, основан на концепции «культурного капитала». Этот подход позволяет учитывать как материальные, так и нематериальные проявления культуры, представляющие долгосрочные запасы ценностей для индивидов и групп.

Культурный капитал в материальном своем воплощении может иметь сходные характеристики с физическим капиталом, т.к. он создается деятельностью человека, он может прийти в упадок, если не заниматься его поддержанием. В нематериальном воплощении он принимает форму интеллектуального капитала в виде идей, практик, верований, ценностей, которые разделяет группа той или иной культуры. Запас интеллектуального капитала из-за невнимания тоже может прийти в упадок и, напротив, увеличиться благодаря новым инвестициям. Поддержание существующего интеллектуального капитала, а также создание нового требует ресурсов. Запас культурных нравов и убеждений или запас языка имеют огромную культурную, но не имеют экономической ценности, в этом заключается особая специфика интеллектуального капитала [1, с. 75].

Дэвид Тросби проводит также параллель между природным и культурным капиталом. Еще представители политической экономии Дэвид Риккардо и Томас Мальтус заложили основы представлений об окружающей среде как о капитале. Концепция природного капитала относится к 1980-м гг., а рождение экологической экономики – к 1990-м. Природный и культурный капитал могут рассматриваться в качестве наследства, требующего от нынешнего поколения заботы. Также наблюдается сходство функции природных экосистем по поддержанию «природного равновесия» с тем, что можно назвать «культурными экосистемами» по поддержанию культурной жизни и жизнеспособности человеческой цивилизации. Понятие многообразия является не менее, а может, и более важным для культурных систем по сравнению с природными. Культурные блага уникальны, они основаны на производстве культурной ценности, именно поэтому у физического и культурного капитала будет, скорее всего, нулевая замещаемость [1, с. 82].

Взгляд на культуру как на капитал предполагает долгосрочную перспективу: не только использование его в настоящем и будущем, но и поддержание и увеличение его, т.е. управление им так, как этого требуют индивидуальные и коллективные цели. Д. Тросби выявляет критерии, которые определяют устойчивость применительно к культурному капиталу. Это материальное (производство материальных благ) и нематериальное благополучие (нематериальные выгоды, общественные блага), в целом это можно обозначить как улучшение качества жизни, которое обеспечивает культура. Это прежде всего межпоколенческая справедливость в распределении благосостояния, полезности ресурсов между поколениями. Для поддержания культурных систем важно культурное многообразие. Многообразие идей, верований, традиций, ценностей – важный атрибут культурного капитала.

Важен принцип предосторожности, который предупреждает о том, что уничтожение культурного капитала может привести к невосполнимой потере. Никогда нельзя применять окончательные решения, следует проявлять повышенную осторожность в тех случаях, когда речь идет о необратимых явлениях. Поддержание культурных систем и признание взаимозависимости побуждает признать то, что ни одна система не существует независимо от других частей. Культурный капитал вносит долгосрочный устойчивый вклад, который схож с вкладом природного капитала. Культурные ценности обеспечивают людей чувством идентичности, что приводит к повышению благосостояния и экономической производительности.

В истории культуры часто сталкиваются идеалы и абсолюты, например цивилизационные, национальные, политические, общественные и личные. В трудовой деятельности в периоды переходной экономики как раз это столкновение проявляется наиболее остро. Ценностные ориентации характеризуют предпочтения социума, определяют ценностные ориентиры и направленность целей. Разграничивают ценности-цели и ценности-средства. Здесь следует учитывать иерархию ценностей и предпочтений. Ценность не отделима от оценки, которая является результатом понимания происходящего, раскрывает смысл явлений и направляет дальнейшую деятельность человека.

Аксиологические исследования, анализирующие особенности функционирования ценностей в пространстве культуры, зависят от генетических оснований культуры, времени и предмета изучения. При этом для исследова-

ния привлекаются не только документальные источники, напрямую свидетельствующие об идеях рассматриваемого культурного мира, но и разнообразные свидетельства этнографического и лингвистического характера.

Концепты и законы экономических явлений установлены не природой, а конституированы людьми. Экономические законы не воспринимаются как нечто данное свыше на вечные времена, они зависят от ценностей. Ценность – это концепт, характеризующийся тремя уровнями: фактуальным, ментальным и языковым. Человек использует концепты, позволяющие ставить перед собой определенные цели. Ценности и цели – это разные, но не существующие друг без друга диспозиции концептов. Ценность по отношению к цели есть ее основание. В качестве смысловой мотивации ценность содержит в себе цель как свою динамическую возможность-перспективу. Цели и их реализация могут не совпадать. Ценности вырабатываются самим человеком в специфических для его природы областях деятельности, т.е. ментальности и языке.

Хозяйственный этос – это ценностно-нормативные представления о хозяйственной деятельности как сообществ, так и субъектов хозяйствования. Идеи свободы, добра, достойной жизни, справедливости наполняют хозяйственную деятельность смыслом, это ее главный мотив. Этические ценности, мотивируют и регулируют человеческое поведение и закладывают фундамент хозяйственной культуры,

они меняются в историко-культурном процессе и зависят от конкретных социокультурных условий. Ценность – это исток и мотивация всего экономического процесса [2, с. 139].

«Хозяйственный дух – это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйственную деятельность. Это все проявления интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйствующего человека» [3, с. 8–9].

Традиционная рыночная экономика управлялась особой хозяйственной этикой. Она и являлась «духом» хозяйственной жизни. Этический элемент доминировал в этой системе. Итогом стала стабильность и предсказуемость экономических показателей. В настоящее время следует создать такую хозяйственную этику, которая содержит механизм духовного самоограничения масштабов хозяйственных процессов и предупреждает глубокие кризисные коллапсы.

Там, где имеет место конфликтность рациональности и справедливости, начинается напряженный поиск новых нравственных императивов, которые, в конце концов, должны установить фундаментальное правило, по Ульриху, выраженное следующим образом: «Не может быть человеческим то, что не целесообразно, а подлинно целесообразное не должно вступать в противоречие с человеческим» [4, с. 452].

1. Тросби Дэвид. Экономика и культура / пер. И. Кушнарева. М., 2013.

2. Данилова М.И., Анастасов В.Д. Хозяйственный этос как социокультурный феномен // *Философия как познание и образ жизни: материалы XXIII Всемирного филос. конгресса, 4–10 авг. 2013 г., Афины*.

3. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М., 2004.

4. Рих А. Хозяйственная этика. М., 1996.

1. Throsby David. *Economy and culture* / transl. by I. Kushnaryova. Moscow, 2013.

2. Danilova M.I., Anastasov V.D. *Economic ethos as a sociocultural phenomenon* // *Philosophy as knowledge and way of life: materials of the XXIII World congress of philosophy, Aug. 4–10, 2013, Athens*.

3. Sombart V. *Bourgeois. Jews and economic life*. Moscow, 2004.

4. Rih A. *Economic ethics*. Moscow, 1996.

**Пилюгина Юлия Геннадьевна**

адъюнкт кафедры философии и социологии  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583516)

## *Синергетический анализ моделей корпоративного управления*

Статья посвящена исследованию моделей корпоративного управления сквозь призму синергетического метода. В ней выявляются аттрактивные состояния моделей корпоративного управления.

**Ключевые слова:** корпоративное управление, синергетика, корпорация, аттрактор, бифуркация, диссипация, модель корпоративного управления.

**Yu.G. Pilyugina**, Adjunct of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

### **Synergetic analysis of models of corporate governance**

Article is devoted to research of models of corporate governance through a prism of a synergetic method. Attractive conditions of models of corporate governance come to light in it.

**Key words:** corporate governance, synergetics, corporation, attractor, bifurcation, dissipation, model of corporate governance.

**А**ттрактором социальной системы является культура, поэтому и исследование моделей корпоративного управления будет во многом основано на исследовании социокультурной доминанты общества. Для исследования моделей корпоративного управления необходимо обратиться к моделям управления обществом и к тому, что лежит в основе конкретного социума. Мы исходим из тех соображений, что в обществе, как и в природе, все взаимосвязано. То есть как в природе все подсистемы зависят одна от другой, так и человеческое общество развивается как единый организм.

Синергетика постулирует, что саморазвивающимся системам присущи некоторые качества живых организмов. В этом смысле корпорация является живым организмом, который развивается как элемент макроструктуры другого живого организма – конкретного общества. В природе есть две формы сосуществования организмов. Одни существуют в симбиозе с теми, на чьей территории (теле) они находятся, другие развиваются как паразиты, питаясь и обогащаясь за чужой счет. Симбиозом в биологии именуют сожительство двух и более живых существ разных видов, приносящее им взаимную пользу. Мы придерживаемся именно биологического толкования в противовес психологическому (симбиоз как психологическое состояние – это состояние, в котором содержания личного бессознательно одного человека переживаются у другого [1]). Соответственно, и корпорация может быть на

теле культуры общества неким паразитом, от которого общество будет стремиться избавиться и которому организация будет приносить вред своим существованием. А может и находиться в симбиозе, т.е. как корпорация будет приносить пользу социуму, так и общество будет поддерживать силы корпорации. Мы считаем, что такой симбиоз возможен при условии совпадений аттракторов.

Модели управления формируются на основе существующей культуры, которая является аттрактивным состоянием системы. Аттрактивное состояние предполагает такое состояние саморазвивающейся системы, к которому она стремится. Это не означает, что инновациям нет места, но любая инновация трансформируется под влиянием аттрактора и усваивается системой в том случае, если она ему не противоречит, при этом она может качественно измениться. Диссипация – одно из свойств открытых нелинейных систем, представляющее собой процесс обмена системы с окружающей средой информацией, веществом, энергией, «переструктурирование чужого в свое и рассеивание лишнего» [2, с. 148]. Таким образом, то, что находится в зоне аттрактора, принимается системой, а то, что для него не характерно, переструктурируется, лишнее будет подвержено энтропии, т.е. рассеется. Соответственно, любое нововведение в корпорации, соответствующее культурному аттрактору, приживется, а несоответствующее разветвится. Поэтому, чтобы выявить адекватную

эффективную модель корпоративного управления, стоит очертить модели общества в целом.

То, что модель управления развивается в культурно заданной системе координат, не является для философии новой мыслью. Например, если развить главную идею баденской школы неокантианства, мы придем к такому же результату. Данной точки зрения без использования лексики синергетики придерживаются многие исследователи. Например, М. Вебер [3] еще в начале прошлого века основой капитализма видел протестантскую этику. Формирование нового образа жизни, основанного на принципиально отличных от средневековых ценностях, начинается в эпоху Реформации. Такие качества, как трудолюбие, упорство в достижении цели, прагматичность, бережливость, достоинство человека как венца Божьего творения, являются краеугольными для западного менталитета и модели управления.

То есть, говоря языком синергетики, аттрактором капиталистической модели управления будет протестантское мировоззрение и основанная на нем культура, при этом понимаются не только религиозные основания. Протестантизм является оформлением западного мышления и уже давно не имеет непосредственного отношения к религиозной составляющей жизни европейца или американца. При исчезновении веры остается методически-рациональная форма поведения. Вебер исследует современное ему общество, привлекая статистический материал, и делает заключение, что сложившейся модели хозяйствования не нужна санкция того или иного религиозного учения. Мировоззрение теперь определяется интересами торговли и социальной политики, капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему опору [3, с. 76]. То есть в хозяйственной деятельности атеист бессознательно руководствуется примерно такими же ценностями, как и верующий евангелист. Например, один из постулатов протестантизма заключается в том, что Бог видит человека изнутри и добропорядочным сопутствует удача, поэтому быть неудачником – значит быть не угодным Богу. Нищета, бедность рассматриваются как следствие собственной вины. Отсюда и наиболее тяжкое оскорбление в прозападном обществе – неудачник (looser), которого в российской действительности просто не существует (быть неудачливым не воспринимается россиянами как быть отвергнутым Богом и людьми, соответственно, это не является греховным или обидным). Протестантские, только религиозные изначально ценности трансформировались в культурный базис западного общества.

Профессионализм, рационализм являются основой капиталистического управления. По Веберу, капиталистическое управление основано на концепции рациональной бюрократии, а капитализм признается им как, в первую очередь, рациональный тип хозяйствования. Соответственно, если следовать его мысли, западная модель корпоративного управления базируется на рациональной бюрократии.

Корпорация – юридическое лицо, образованное благодаря объединению физических лиц – акционеров. Так как она сформировалась в недрах капитализма, то любой корпорации присущи черты рациональной бюрократии. Традиционно различают англо-американскую (аутсайдерскую), германскую (инсайдерскую) и японскую модели корпоративного управления. Некоторые аналитики говорят о японско-германской модели корпоративного управления.

В англоязычных странах используется, соответственно, англо-американская модель, в которой развита секуляризация капитала, наблюдается наличие различных мелких инвесторов с небольшими пакетами акций, в управлении корпорацией задействованы в основном наемные топ-менеджеры (аутсайдеры), которым запрещается владеть более чем 10% акций корпорации. Таким образом, к существенному плюсу данной модели относится то, что учитываются интересы корпорации в целом, а не основного держателя (держателей) акций. В японско-германской модели большинство акционеров (традиционно – владеющие 5% акций и более), а также другие заинтересованные в эффективной деятельности корпорации лица (менеджеры, банки, сотрудники, профсоюзы) имеют возможность в той или иной мере влиять на процесс принятия управленческих решений. «Англо-американская модель по характеру своего построения нацелена на поддержание высокой гибкости систем управления, приспособление компании к большей мобильности внешней среды. В противовес – японско-германская модель характеризуется большей стабильностью как внутренних, так и внешних для компании факторов, более низкими рисками банкротств и разрушительными “конфликтами интересов”» [4, с. 55].

Исследователи отмечают, что российская модель корпоративного управления не вписывается ни в рамки инсайдерской, ни в рамки аутсайдерской моделей, тяготея к японско-германской. При этом указанные модели корпоративного управления при переходном характере экономики могут взаимодополняться элементами друг друга. Мы предполагаем, что

формируют конечный вариант модели корпоративного управления принятый деловой оборот, социокультурные факторы и основанная на них организационная культура.

При разработке моделей корпоративного управления целесообразно обратиться к теории институциональных матриц. Она более развернуто и философски обосновывает различия западной формы хозяйствования и восточной. Данная теория позволит нам выявить социальную природу моделей корпоративного менеджмента.

Методологический аппарат теории институциональных матриц был разработан К. Поланьи (он ввел в научный оборот само понятие «институциональная матрица») и Д. Норт (лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г. «за возрождение исследований в области экономической истории, благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения» [5, с. 325]). По мнению К. Поланьи, институциональная матрица общества обусловлена социокультурной составляющей [6, р. 32]. В частности, он исследовал экономические процессы и пришел к выводу, что в основе их лежит одна из цивилизационных матриц.

Такой подход в философии и культурологии не нов. К примеру, Н.Я. Данилевский именовал бы цивилизационные матрицы культурно-историческим типом. Мы же вновь вспомним основополагающий для нас метод исследования – синергетику и назовем цивилизационную матрицу аттрактором. Н.Я. Данилевский предполагал одиннадцать значимых для человечества культурно-исторических типов, «душ» народов. В идеальном варианте культурно-исторический тип развивает четыре основы своего бытия: религию, культуру (в нее входят искусство, наука, производство), политику, экономику. Однако исторически культурам (в широком смысле) было свойственно делать упор на какую-то одну из основ, поэтому общества развивались неравномерно. Отметим, что будет не совсем корректно ставить знак равенства между цивилизационной матрицей, культурно-историческим типом и аттрактором саморазвивающегося общества. Полагаем, что понятие цивилизационной матрицы вбирает в себя объем понятия культурно-исторического типа. Чтобы пояснить, что мы имеем в виду, вернемся к рассмотрению теории цивилизационной матрицы.

Через полтора десятилетия после К. Поланьи его последователь Д. Норт истолковывает институциональную матрицу как комплекс взаимо-

связанных формальных и неформальных правил и ограничений, определяющий содержание и динамику экономических и политических институтов каждого конкретного общества [7]. Формальные и неформальные нормы, несомненно, являются основой общества. Культура разрешает нам что-либо делать, и так же культура ограничивает нас. То есть в основе каждого общества лежит определенная система допустимого для индивида поведения и запретов, нарушение которых будет обществом караться.

Пониманию того, что лежит в основе этих запретов и санкций, поможет обращение к теории институциональных матриц, детально проработанной российским ученым С.Г. Кирдиной. О научном авторитете в области теоретических и практических исследований Светланы Георгиевны Кирдиной говорит тот факт, что она избрана в Совет директоров Ассоциации эволюционной экономики на период 2014–2016 гг. С момента основания Ассоциации в 2002 г. это первый представитель России в ее руководящих структурах. Кроме того, С.Г. Кирдина удостоена премии международной Ассоциации эволюционной экономики – 2014 Clarence Ayres Scholar, присуждаемой ученым, работающим в области институциональной и эволюционной экономической теории за пределами американского континента [8]. В интерпретации С.Г. Кирдиной институциональная матрица выступает в качестве архетипической праформы общественного сознания. Она обуславливает, намечает общую канву сценария развития основных социальных сфер. Благодаря институциональной матрице, по мнению С.Г. Кирдиной, возможна сама социальная интеграция. «Институциональная матрица – это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих экономическую, политическую и идеологическую подсистемы общества» [9, с. 17].

В основе теоретической разработки С.Г. Кирдиной лежит идея о наличии всего двух базовых диаметрально противоположных институциональных матриц. Она называет их так же, как биологи именуют известные хромосомы, – X и Y-матрицами, или, соответственно, восточной и западной. Логически они находятся в отношении противоположности, поэтому можно смело сказать, что они взаимодополняют друг друга, как Инь и Ян в древнекитайской философии.

Мы не напрасно в начале статьи обратились к теории М. Вебера. По своим характеристикам институциональные X и Y-матрицы соответствуют веберовским «идеальным типам». С.Г. Кирдина изображает их следующим образом:

«Матрица Y (западная) в экономической сфере характеризуется институтами рынка, в политической – федеративным устройством, в идеологической – приоритетом личного над коллективным. Напротив, X (восточная) матрица в сфере экономики представлена нерыночными институтами, в сфере политики – унитарно-централизованными институтами, в сфере идеологии – приоритетом коллективного над личным (соборностью, коммунитарностью). Таким образом, указанные матрицы являются взаимодополняющими. Y-матрицы детерминируют общественное устройство США, Канады и большинства стран Европы, а X-матрицы – России, Китая и большинства стран Азии и Латинской Америки» [10, с. 23].

Таким образом, в основе общественного развития лежит одна из институциональных матриц. Российской действительности присуща матрица восточного типа (X-матрица). Если интерпретировать выводы С.Г. Кирдиной в синергетической терминологии, то X-матрица будет выступать социальным аттрактором для российского общества. «Заимствование элементов иной институциональной матрицы возможно, даже неизбежно и свойственно переходным периодам развития общества, однако со временем эти элементы ассимилируются базовой матрицей, и система общественных институтов возвращается к исходному типу, хотя и обогащенная некоторыми эффективными конструкциями дополняющей матрицы», – развивает свою мысль С.Г. Кирдина [10, с. 27].

Мы, в свою очередь, разовьем мысль о моделях корпоративного управления. Попытаемся экстраполировать выводы теории институциональных матриц на модели корпоративного управления, интерпретируя их в синергетическом ключе.

Стабильное состояние порядка в модели корпоративного менеджмента возможно при возвращении к основополагающему для корпорации состоянию институциональной матрицы X или Y. Внедрение деталей иной институциональной матрицы в корпоративном управлении возможно. В условиях глобализации мировой экономики это, конечно, неизбежно. Чаще всего такие «прививки» возможны в переходные периоды развития социума. Но, по законам синергетики, данные нововведения со временем попадут в зону аттрактора и изменятся под его влиянием. Далее система корпоративного управления в конкретной организации возвращается к своему исходному типу, дополненная отдельными результативными элементами диаметральной матрицы.

Синергетика предупреждает, что состояние покоя не может быть перманентным. Поэтому и состояние покоя в модели корпоративного управления довольно относительно и не является неперменным состоянием, к которому стремится система. Порядок рождается из хаоса. Один из ключевых моментов в острых дискуссиях, развернувшихся вокруг понятия диссипативной структуры, связан с тем, что Пригожин подчеркивает возможность спонтанного возникновения порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации [11]. Элементы противоположной матрицы, попадая в некую систему корпоративного управления, вызывают флуктуации («нарушения» или «возмущения»). Тем не менее если система находится в аттрактивном своем состоянии, то флуктуации не могут ее надолго вывести из равновесия. В этом случае элементы противоположной матрицы либо повысят эффективность модели корпоративного управления, либо подвергнутся процессу энтропии.

Совсем другой сценарий возможен, если система находится в состоянии особой чувствительности к изменениям. Если система будет находиться вблизи точки бифуркации, то она будет чрезвычайно чувствительна даже к слабым импульсам. Нельзя забывать, что для нелинейных процессов развития характерно явление «усиления флуктуации» или «разрастания малого».

«Можно сказать, что все системы содержат подсистемы, которые непрестанно флуктуируют. Иногда отдельная флуктуация или комбинация флуктуаций может стать (в результате положительной обратной связи) настолько сильной, что существовавшая прежде организация не выдерживает и разрушается. В этот переломный момент ... принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности или организации, который авторы называют диссипативной структурой» [11]. Применительно к модели корпоративного управления отметим, что привнесение элементов противоположной матрицы возможно в состоянии относительного покоя, чтобы система корпоративного менеджмента не разрушила саму себя, но стала более эффективной, жизнестойкой либо даже перешла на новый уровень развития.

Модель корпоративного управления, аттрактором которой будут выступать ценности X-матрицы, более склонна к патернализму, унитарно-

централизованным институтам управления. Например, в Японии этот принцип доведен до крайности. Корпорация – это не просто место работы, это вторая семья (которая по значимости в иерархии ценностей японца может быть и первой). Авторитет вышестоящих непререкаем, но даже рядовые сотрудники могут вносить свои предложения, в том числе в области менеджмента. При этом «окончательные решения руководителей и управляющих безоговорочно принимаются, даже если подчиненные не согласны с ними. В Японии в порядке вещей видеть, как младшие руководители носят портфели своих начальников» [12, с. 278]. Совсем как в образцовой семье, где мнение младших могут выслушать, но решение, принятое старшим в семье, не подлежит обсуждению. «В крупных японских корпорациях принята пожизненная занятость – сотрудникам гарантируется работа. Заработная плата и ответственность зависят от старшинства, от того, сколько лет сотрудник проработал в фирме, а не от конкурентной борьбы за продвижение по службе» [12, с. 276]. Действительно, ведь нельзя быть уволенным из собственной семьи, да и старшинство в семье можно заслужить только прожитыми годами и жизненным опытом.

Также для модели корпоративного управления, аттрактором которой будут выступать ценности X-матрицы, характерен приоритет коллективного над личным. Это выражается в том, что достижения и успехи своей группы ставятся выше своих личных успехов, по крайней мере, это будет декларироваться сотрудниками на всех уровнях. Вот почему многие из российских граждан не желают видеть свои фотографии на стенде «сотрудник месяца».

Для моделей корпоративного управления, аттрактором которых выступают ценности Y-матрицы (западной), более характерны отношения партнерства. Например, любой американский специалист мечтает добиться статуса партнера, а не сотрудника фирмы. Соответственно, и в дихотомии «коллективизм – персонализм» западный стиль руководства склоняется к персонализму, приоритету личного над коллективным. В заключение подчеркнем следующее. Модель корпоративного управления, аттрактором которой будут выступать ценности X-матрицы, более склонна к патернализму, унитарно-централизованным институтам управления, коллективизму.

Для моделей корпоративного управления, аттрактором которых выступают ценности Y-матрицы, более характерны отношения партнерства, приоритет личного над коллективным.

В условиях глобализации мировой экономики внедрение деталей иной институциональной матрицы в корпоративном управлении неизбежно. Это возможно в переходные периоды развития социума. Но, по законам синергетики, данные нововведения со временем попадут в зону аттрактора и изменятся под его влиянием. Далее система корпоративного управления в конкретной организации возвращается к своему исходному типу, дополненная отдельными результативными элементами диаметральной матрицы.

Применительно к модели корпоративного управления можно сказать, что привнесение элементов противоположной матрицы возможно в состоянии относительного покоя, чтобы система корпоративного менеджмента не разрушила саму себя, но стала более эффективной, жизнестойкой либо даже перешла на новый уровень развития.

1. Зеленский В. Словарь аналитической психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/11/word/simbioz>

2. Котельников Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика. Белгород, 2000.

3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения. М., 1998.

4. Тамазян М.В. Особенности формирования национальной модели корпоративного управления // Вестн. ВолГУ. Сер. 9. 2005. № 4–2.

5. Васина Л.Л. Нобелевские лауреаты XX века // Энциклопедический словарь. М., 2001.

6. Polany K. *The Livelihood of Man*. N.Y., 1977.

7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

1. Zelensky V. *Dictionary of analytical psychology* [Electronic resource]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/11/word/simbioz>

2. Kotelnikov G.A. *Theoretical and applied synergetics*. Belgorod, 2000.

3. Veber M. *The Protestant ethic and the spirit of capitalism* // *Sel. works*. Moscow, 1998.

4. Tamazyan M.V. *Peculiarities of formation of the national model of corporate governance* // *Bull. of VolSU*. Ser. 9. 2005. № 4–2.

5. Vasina L.L. *Nobel laureates of the XX century* // *Encyclopedic dictionary*. Moscow, 2001.

6. Polany K. *The Livelihood of Man*. N.Y., 1977.

7. Nort D. *Institutions, institutional change and economic functioning*. Moscow, 1997.

8. *Personal site of Svetlana Kirdina* [Electronic resource]. URL: <http://www.kirdina.ru/>

8. Персональный сайт Светланы Курдиной [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kirdina.ru/>
9. Курдина С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социологические исследования. 2001. № 2.
10. Курдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса [Электронный ресурс]. URL: [http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/prigojin\\_porjadok/00.aspx](http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/prigojin_porjadok/00.aspx)
12. Гидденс Э. Японские корпорации // Социология. М., 2007.
9. Kirdina S.G. *Institutional matrices: macro-sociological explanatory hypothesis* // *Sociological research*. 2001. № 2.
10. Kirdina S.G. *Institutional matrices and development of Russia*. Moscow, 2000.
11. Prigozhin I., Stengers I. *Order out of chaos* [Electronic resource]. URL: [http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/prigojin\\_porjadok/00.aspx](http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/prigojin_porjadok/00.aspx)
12. Giddens A. *Japan Corporation* // *Sociology*. Moscow, 2007.

**Савченко Дмитрий Владимирович**

адъюнкт кафедры философии и социологии  
Краснодарского университета МВД России  
(e-mail: tspopz@yandex.ru)

## *Социальные группы в структуре общества: теоретические концепции и управленческие модели*

Социальная группа – один из ключевых элементов социальной структуры социума, соответствующий его «атомарной» структуре. Современное общество состоит из множества социальных образований, в том числе и социальных групп. Социологическое познание структурных особенностей социума должно опираться на теоретический анализ имеющихся в научной литературе концептуальных объяснительных моделей социальных групп.

**Ключевые слова:** социальная структура, социальная группа, малая группа, управленческие модели.

**D.V. Savchenko**, Adjunct of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: tspopz@yandex.ru

### **Social groups in the structure of society: theoretical concepts and management models**

Social group is one of the key elements of the social structure of the society corresponds to its «atomic» structure. Modern society woven from a multitude of social formations, including social groups. Sociological knowledge of the structural features of society should be based on theoretical analysis of the available scientific literature conceptual explanatory models of social groups.

**Key words:** social structure, social group, small group, management models.

Уровень локализации социальных групп крайне многообразен – от групп численностью в несколько человек до многомиллионных социальных групп (например, молодежь). В этой ситуации крайне сложно выстроить объективную научно-управленческую модель, корректную по отношению к большим, средним и малым группам. Именно поэтому в основе нашего анализа – малая группа, являющаяся одной из разновидностей социальных групп.

Малая группа встроена в иерархическую систему, свойственную социальным группам современного социума. Именно поэтому теоретико-методологический анализ данной проблемной области не может ограничиваться только изучением собственно малой группы как социального и социально-психологического элемента структуры общества. С другой стороны, расширение сферы теоретического рассмотрения сущности социальной группы с неизбежностью приведет к «размытости», неконкретности и противоречивости выстраиваемой модели социальной группы.

Оптимальным решением сложившейся гносеологической проблемы будет четкое следование социологической методологии, разработанной в

рамках социологии управления применительно к анализу социальных групп, в том числе и малых.

Социальная группа – сложный объект междисциплинарного обществоведческого анализа, что подтверждается, едва ли не в первую очередь, неоднозначными и противоречивыми трактовками ключевого термина «социальная группа». Трудность для понимания сущности социальной группы детерминирована и значительными расхождениями между научными и обыденными представлениями. Кроме того, необходимо принимать во внимание тот факт, что с развитием и усложнением облика социума менялось и научное понимание групповых связей и взаимодействий людей, что создавало и создает по сей день существенный гносеологический вакуум, препятствующий научному прогрессу. В настоящее время также не представляется возможным говорить о каком-то стабильном терминологическом аппарате в междисциплинарной области научного познания сущности социальных групп.

С.П. Авдеев, на наш взгляд, справедливо констатирует, что у ученых нет полного согласия относительно определения понятия «социальная группа». Этому есть несколько причин. Во-пер-

вых, трудность возникает в связи с тем, что большинство понятий появляются в ходе социальной практики: они начинают применяться в науке после длительного их использования в жизни, и при этом им придается самое различное значение. Во-вторых, трудность обусловлена тем, что образуется множество видов сообществ, в результате чего для точного определения социальной группы необходимо выделить из этих сообществ определенные типы [1, с. 97].

По нашему мнению, сложившаяся ситуация детерминирована сложностью и многогранностью такого объекта научного познания, как социальная группа, которая, по сути, представляет собой основу «атомарной» структуры социума.

Стоит отметить, что изучение социальных групп с различных теоретико-методологических позиций осуществляется психологией, социологией, философией, социальным управлением и другими общественными науками. Рассмотрим специфику социологического и социально-психологического подходов к анализу социальных групп, как наиболее распространенных в междисциплинарной области научного познания данной проблемной области. Так, социологический подход отличает ряд особенностей. Следуя теоретико-методологическим основаниям институционального подхода (одного из наиболее распространенных и признаваемых в социологической науке), социологи стремятся обнаружить и описать объективный критерий идентификации и дифференциации групп, при этом отдавая себе отчет в том, что таких критериев может быть достаточно много. Различия социальных групп можно обнаружить в различных основаниях (этнических, религиозных, культурных). Принимая один из критериев за основу, социология анализирует каждую социальную группу, ее связь с обществом в целом, отдельными личностями, группами, общностями, институтами.

Также стоит подчеркнуть, что для социологического анализа определяющим выступает вопрос о том, по какому критерию следует отбирать группы для анализа из имеющегося многообразия различного рода объединений, которые имеют место в человеческом обществе.

Во многом социологическому подходу близок социально-психологический. Для него характерен несколько иной угол зрения, заключающийся в преимущественном рассмотрении лишь самого факта наличия некоторого множества лиц, в условиях которого протекает деятельность личности [2]. Социально-психологический подход сосредоточивается на анализе взаимодействия членов группы, а также позитивных

и негативных процессов, происходящих в социальной группе (вопросы, связанные с природой групп, закономерностями их развития и совершенствования, взаимодействия групп с индивидами, другими группами и институциональными образованиями) [3].

Актуальность использования социологического подхода для анализа сущности социальных групп объясняется тем, что современное общество представляет собой сложное диверсифицированное объединение множества разных людей, причем в этом множестве «возникают определенные группы, общности, которые отличаются друг от друга и находятся между собой и обществом в целом в разнообразных соотношениях» [4, с. 58]. Именно социологический подход наилучшим образом подходит для объективного и всестороннего анализа социальной структуры общества, в том числе в аспекте существования различных социальных групп.

Рассмотрим подробнее содержательную суть ключевого понятия «социальная группа», особенно учитывая тот факт, что, как уже отмечалось выше, здесь имеются немалые сложности.

Например, словарь «Современная западная социология» трактует социальную группу как «любую совокупность индивидов, объединенных общими интересами, находящимися во взаимодействии, оказывающих друг другу помощь в достижении личных целей» [5, с. 321–322].

Несколько более широкий смысл в рассматриваемую дефиницию вкладывается в «Социологическом энциклопедическом словаре», где она предстает как «совокупность индивидов, объединенных любым общим признаком: общим пространственным и временным бытием, деятельностью, экономическими, демографическими, психологическими и другими характеристиками» [6].

Таким образом, с позиций социологического подхода правомерно рассматривать социальную группу не просто как «совокупность людей, объединенных по формальным или неформальным признакам, а групповую социальную позицию, которую занимают люди» [7].

Однако люди объединяются в социальные группы не спонтанно, а под воздействием различных закономерностей, факторов. Именно социологический взгляд предполагает анализ социальных групп в системе общественных отношений более широкого порядка – как совокупности взаимодействий различных объединений людей, регулирующихся формальными или неформальными социальными институтами.

В качестве признаков социальной группы ученые чаще всего выделяют:

общность потребностей;  
наличие совместной деятельности;  
формирование собственной культуры;  
социальную идентификацию членов общности, их самопричисление к этой общности [7].

Кроме того, в числе отличительных признаков социальной группы отмечают и такие:

она развивается;  
для нее характерен определенный набор социальных норм, регулирующих взаимодействия;  
группа имеет свою ролевую структуру.

Таким образом, анализ этимологии понятия «социальная группа» позволяет нам утверждать, что социальная группа играет важную роль в современном обществе, главным образом потому, что интегрирует индивидов с различным социокультурным, социально-психологическим обликом и разными социально-демографическими признаками в объединения формального и неформального свойства. В данном случае имеет место сохранение культурной идентичности, удовлетворяются потребности и реализуются интересы людей. Однако едва ли не самое важное заключается в том, что происходит институционализация социальных действий и взаимодействий, т.е. так формируются и поддерживаются одни из основных элементов общественной жизни.

Социальные группы выполняют ряд важных функций в социуме. Н. Смелзер акцентирует внимание на следующих функциях социальных групп:

социализация: только в группе человек может обеспечить свое выживание и воспитание подрастающих поколений;

инструментальная: состоит в осуществлении той или иной деятельности людей;

экспрессивная: состоит в удовлетворении потребностей людей в одобрении, уважении и доверии;

поддерживающая: состоит в том, что люди стремятся к объединению в трудных для них ситуациях [8].

Поскольку объект нашего анализа максимально вариативен, не удивителен тот факт, что в научной литературе представлено множество вариантов классификации социальных групп по ряду значимых оснований – в зависимости от того или иного контекста анализа. Стоит отметить, что значительный вклад в теоретическое изучение социальных групп внесли представители символического интеракционизма (Ч. Кули, Дж. Мид). Так, Ч. Кули разделил социальные группы на первичные и вторичные. К первичным социолог относил те «группы, для которых характерны тесные личные связи и сотрудниче-

ство и которые определяют самым фундаментальным образом социальную природу и идеалы индивида... Идентификационное понятие мы является для такой группы естественным выражением ее сущности» [9]. С тех пор в социологии используются два термина применительно к социальной группе – «первичная (базовая) группа» и «вторичная группа» (словосочетание, которое Кули на самом деле не использовал, но которое появилось позже). Первый термин относится к тем личным отношениям, которые являются прямыми, лицом-к-лицу, относительно постоянными и глубокими, таким, как отношения в семье, группе близких друзей и т.п. [7]. Вторичная группа охватывает круг явлений, касающихся других лицом-к-лицу отношений, но особенно принадлежащих к таким группам или ассоциациям, как производственные, в которых человек относится к другим через формальные, часто юридические или договорные отношения [7]. Вторичными являются группы, в которых мы участвуем на инструментальных основаниях, для выполнения задач, не предполагающих близкие межличностные связи и высокую эмоциональность отношений.

Ч. Кули и Дж. Мид утверждали, что человек, действуя тем или иным образом, ориентируется на ценности своего непосредственного окружения, «первичной группы»: «...индивид накапливает опыт не сам по себе, не прямо, а только косвенно, складывая его из отдельных точек зрения других членов той же самой группы или извлекая его из обобщенной точки зрения социальной группы, к которой он принадлежит как таковой» [7]. Таким образом, референтные группы определялись классиками символического интеракционизма исключительно как те, к которым индивид принадлежит. Референтные группы – это социальные единицы, на которые индивид ориентируется при оценке и формировании своих взглядов, чувств и действий.

Р. Мертон также в своей теории выделил дефиницию «референтные группы». По мнению ученого, референтные группы – это «сообщества, представляющие интересы, установки, ценности, на которые ориентируются индивиды; такие группы, к которым индивид может принадлежать или не принадлежать, но на которые он ориентируется в формировании установок и конструировании своего поведения» [10].

П.А. Сорокин предложил два формальных критерия классификации социальных групп: односторонний и многосторонний. С помощью первого совокупность индивидов объединяется в единое, взаимодействующее целое (группу) по его одному какому-нибудь признаку, например

языковому, территориальному, профессиональному, возрастному, половому и т.п. Второй критерий предполагает сочетание двух или более признаков, в результате чего появляются «сложные» группы: нация, класс и др. Марксистскому пониманию класса Сорокин противопоставляет свое определение класса как социальной группы, сочетающей три главных признака (профессиональный, имущественный, правовой) и массу дополнительных, побочных (сходство вкусов, убеждений, образа жизни и т.п.) [11].

Существуют и другие классификации социальных групп. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что большинство из предложенных классификаций социальных групп насчитывают десятки лет истории, и сейчас налицо определенный гносеологический вакуум применительно к нынешнему времени – началу XXI в. У исследователей данной проблемной области нередко возникают сложности, обусловленные фактором устаревания концептуальных объяснений сущности и видов социальных групп.

Например, как классифицировать социальные группы, возникшие и развивающиеся в пространстве Интернета? Здесь набирают силу интеграции в так называемых социальных сетях – «В Контакте», «Одноклассники» и др. Ученые пока не дают однозначного ответа на вопрос о том, являются ли группы в социальных сетях разновидностью «классических» групп общества, подробно описанных науками об обществе, или мы имеем дело с некими новыми образованиями, присущими только виртуальной информационно-компьютерной среде. Стоит предположить, что бурное развитие информационно-компьютерных технологий в ближайшие годы может способствовать возникновению новых типов виртуальных социальных групп, деятельность которых будет происходить, главным образом, в Интернете. При этом главным, пожалуй, остается вопрос о том, можно ли «симуляционные» интернет-взаимодействия акторов приравнивать к традиционным взаимодействиям в физической реальности. Следовательно, уже сейчас представляется возможным сделать вывод о том, что технико-технологическая социокоммуникативная среда выступает своеобразным контекстом реализации социальных групп,

обладает способностью оказывать всестороннее обратное влияние на их деятельность.

Таким образом, социальная группа – очень широкое и многогранное понятие, этимологическая структура которого сформирована в основном в опоре на социологическую и психологическую методологию. Вследствие расхождения в теоретико-методологических позициях анализа данной проблемной области и содержательная суть ключевого понятия «социальная группа» часто носит «размытый», неконкретный и противоречивый характер (например, нередко исследователи отождествляют понятия «малая группа» и «социальная группа», что некорректно). Анализ различных определений понятия «социальная группа» показал, что ученые сходятся лишь в том, что это объединение (совокупность) людей, образовавшееся по различным основаниям тождества признаков. Причем эти основания настолько различны, что фактически можно говорить о десятках разновидностей социальных групп. В настоящее время правомерным будет утверждение о социальной группе как о малой группе и как о людях молодежного возраста (16–28 лет). Ясно, что в первом случае речь может идти о трех человеках, а во втором – о миллионах. Данное положение дел значительно усложняет научный анализ социальных групп, работу с научной и источниковой базой.

Также стоит отметить, что практически во всех крупных социологических теориях осуществляется рассмотрение социальной группы как сложного, многофакторного феномена социума. Социальные группы, как правило, характеризуют общность ценностей, норм, интересов состоящих в них членов, особый структурный порядок и регуляция взаимодействия элементов. Общими во многих социологических концепциях также являются классификация групп на малые и большие, первичные и вторичные, а также анализ внутригрупповых и межгрупповых взаимодействий, которые конструируют социальное пространство и влияют на процессы институционализации в социуме. Именно эти тенденции и закономерности, выявленные посредством социологического анализа, можно использовать в дальнейшем в работе.

1. Авдеев С.П. *Знание в связях социальности*. М., 2005.

2. URL: <http://www.psychologist.net/socpsy/00084.htm>

3. Левин К. *Динамическая психология: избр. тр. / под общ. ред. Д.А. Леонтьева и Е.Ю. Пятяевой*. М., 2001.

1. Avdeev S.P. *Knowledge of the relationships of sociality*. Moscow, 2005.

2. URL: <http://www.psychologist.net/socpsy/00084.htm>

3. Levin K. *Dynamic psychology: sel. works / gen. ed. by D.A. Leontiev and E.Yu. Pityaeva*. Moscow, 2001.

4. Каганович А.А. Социальная группа как объект социально-философского анализа // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 1(17).

5. Современная западная социология: словарь. М., 1990.

6. Социологический энциклопедический словарь. М., 1998.

7. URL: <http://ru.wikipedia.org>

8. Смелзер Н. Социология. М., 1994.

9. Cooley C.H. *Social organization: a study of the larger mind*. N.Y., 1909.

10. Merton Robert K. *Reference Group, Invisible colleges, and deviant behavior in Science* // *Surveying social life* / ed. by Hubert J. O'Gorman. Middletown, Connecticut, 1998.

11. Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008.

4. Kaganovich A.A. *Social group as an object of social-philosophical analysis* // *Scholar: actual problems of the humanities and education*. 2012. № 1(17).

5. *Modern Western sociology: dictionary*. Moscow, 1990.

6. *Sociological encyclopedic dictionary*. Moscow, 1998.

7. URL: <http://ru.wikipedia.org>

8. Smelzer N. *Sociology*. Moscow, 1994.

9. Cooley C.H. *Social Organization: a study of the larger mind*. N.Y., 1909.

10. Robert K. Merton *Reference Group, Invisible colleges, and deviant behavior in Science* // *Surveying Social Life* / Ed. by Hubert J. O'Gorman, Middletown, Connecticut, 1998.

11. Sorokin P.A. *System of sociology*. Moscow, 2008.

**Баранов Николай Сергеевич**  
кандидат экономических наук,  
начальник Управления совместных проектов с компанией «Статойл»  
ОАО «НК «Роснефть»  
(e-mail: n\_baranov@rosneft.ru)

## Стратегическое значение Севера для экономики России

В статье приводится обоснование приоритетности развития северных регионов России с позиции ускорения экономического роста в стране. Рассмотрены актуальные проблемы северных территорий, перспективы освоения природных ресурсов арктических морей.

**Ключевые слова:** северные регионы России, природные ресурсы, шельфовые месторождения, экономический рост, инвестиции.

**N.S. Baranov**, Master of Economics, Head of Statoil Joint Projects Division, Rosneft; e-mail: n\_baranov@rosneft.ru

### **Strategic role of northern territories for Russian economy**

The article justifies priority of offshore development of northern regions of Russia in terms of accelerating economical growth in the country. The paper describes actual problems of northern regions, perspectives of arctic oil and gas fields development.

**Key words:** northern regions of Russia, natural resources, offshore fields, economic growth, investment.

**В**ыбор направлений развития российской экономики должен исходить из глубокого анализа перспектив развития мировой экономики, выявления национальных конкурентных преимуществ, стимулирование которых обеспечит устойчивый и быстрый экономический рост, в этом вопросе необходимы и экономическая прозорливость, и сугубо рациональное понимание мировых тенденций.

Представляется, что одним из важных направлений в развитии национальной экономики, способных поставить страну на рельсы нового технологического уклада, должно стать освоение северных регионов России.

В Российской Федерации северные территории еще со времен М.В. Ломоносова рассматривались как стратегический резерв и опора для развития экономики и социальной сферы государства. Север занимает 2/3 территории России, на его территории производится более трети ВВП, но при этом постоянно проживает немногим более 10 млн человек.

Север России включает в себя 27 субъектов Российской Федерации, где расположены 70 городов, более 360 поселков городского типа и множество мелких поселений [1].

В 2008 г. Президент РФ Д.А. Медведев утвердил концепцию долгосрочного социально-экономического развития страны «Основы государственной политики Российской Федера-

ции в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», в которой возложил на северные регионы миссию поддержки перехода России на инновационный путь развития и дальнейшего движения в данном направлении.

В северных регионах сосредоточено почти 80% запасов всех полезных ископаемых страны. Здесь производится 18% электроэнергии, 25% лесной продукции, добывается более 90% природного газа, 75% нефти, 80% золота, 90% меди и никеля, почти все алмазы, кобальт, платиноиды, апатитовый концентрат. Разведанные в данном месте месторождения составляют 1/3 мировых запасов никеля, 1/10 меди, 15% кобальта и 30% платиноидов [2].

Для понимания перспективы региона с точки зрения долгосрочного углеводородного потенциала достаточно сказать, что начальные извлекаемые ресурсы нефти и газа только арктических морей России достигают 100 млрд т.у.т., в том числе – 13 млрд тонн нефти и 87 трлн куб. м газа, что соответствует 22–27% от общего объема углеводородных ресурсов шельфовых зон Мирового океана [3]. Это имеет ключевое значение для поддержания энергетической безопасности не только России, но и всего мира, учитывая истощение нефтегазовых месторождений на суше.

На Севере создана производственная и социальная инфраструктура преимущественно

сырьевых отраслей экономики, здесь функционируют крупные промышленные комплексы по добыче и переработке природных ресурсов, продукция которых является важнейшей составной частью экономики и основой экспортного потенциала России.

Динамично развивающаяся газовая отрасль обеспечивает производство синтетических материалов ценным сырьем, а промышленные предприятия, население городов и сельских поселков – удобным, относительно недорогим топливом, экспортная составляющая газовой промышленности – важный геополитический инструмент российского правительства и ключевой источник наполнения бюджета страны.

Общая стоимость минерального сырья в недрах арктических районов России и Сибири превышает более 900 трлн рублей, причем две трети этой суммы приходится на долю энергоносителей [4].

Сегодня Российское государство уделяет особое внимание углеводородным ресурсам арктического шельфа, что во многом связано с тем, что традиционные уникальные разрабатываемые регионы добычи, расположенные на суше, вступили в позднюю стадию разработки. Открытие новых регионов просто необходимо для поддержания уровня добычи. А он будет существенно снижаться, если не начать активную добычу на шельфе уже в ближайшие годы. В то же самое время освоение нефтегазовых ресурсов шельфа в современных условиях имеет смысл рассматривать как уникальную возможность для роста всей экономики страны. При разработке и реализации долгосрочной стратегии по освоению шельфовых месторождений, ориентированной на укрепление экономической мощи государства, возможно достижение мультипликативного эффекта, который обеспечит существенный рост ВВП страны в долгосрочной перспективе. При постепенной локализации производства нефтегазового оборудования возможно достичь резкого роста в развитии целой цепочки смежных отраслей (металлургии, судостроении, машиностроении, проектировании, строительстве и др.).

Только в рамках первых этапов реализации шельфовых проектов ожидаются заказы на десятки морских платформ, десятки ледоколов и танкеров, буровые суда, суда обеспечения и трубоукладчики. Будет создано более 100 тыс. новых рабочих мест, обеспечено развитие отстающих приморских регионов. Озвученный Правительством РФ и государственными нефтегазовыми компаниями высокий уровень локализации производства гарантирует рос-

сийской промышленности заказы более чем на 15 трлн руб. [5].

Первым российским проектом по добыче углеводородов, реализующимся в арктических условиях, стало Приразломное месторождение в Печорском море, в декабре 2013 г. на нем была добыта первая нефть, месторождение открыто еще в 1989 г., оно расположено в 60 км от берега (пос. Варандей), 320 км от речного порта Нарьян-Мар и 980 км от Мурманска. Глубина моря в районе месторождения составляет 19–20 м, запасы нефти – 72 млн т, что позволяет достичь годового уровня добычи 6,6 млн т. Важно отметить, что при строительстве морских объектов для месторождения активно привлекались российские производители: морская ледостойкая нефтедобывающая платформа «Приразломная» была построена ОАО «ПО «Севмаш» [6].

Освоение шельфа – вопрос не только энергетической безопасности, развитие морской добычи – это, прежде всего, уникальная возможность развития всей экономики страны. По примеру Норвегии в течение 10–15 лет возможно не только войти в число лидеров по уровню добычи углеводородов на шельфе, но выстроить систему предприятий нового технологического уклада, которые будут не только обеспечивать отечественную морскую отрасль, но и успешно конкурировать на мировом рынке, хороший задел в России для этого создан советской научной школой.

Позитивным примером работы в этом направлении может служить строительство судостроительной верфи на Дальнем Востоке и в Мурманской области, формирование особых экономических зон промышленно-производственного типа, специализирующихся на судостроении, в Астраханской, Нижегородской областях и Приморском крае. В авангарде этого движения стоит возглавляемая И.И. Сечиным компания «Роснефть», которая теперь занимается не только добычей и переработкой углеводородов, но и возрождением отечественного машиностроения – краугольного камня современной экономики.

Рыбохозяйственный комплекс арктической зоны обеспечивает до 15% вылова водных биоресурсов рыбной продукции России, где есть более 150 видов рыб, в том числе важнейшие для рыбного промысла треска и американская камбала [7].

В арктической морской среде есть множество уникальных видов животных, среди которых наиболее редкими являются белый медведь, нарвал, морж и белуха.

Исключительную роль для транспортной системы России играет Северный морской путь. Если провести модернизацию инфраструктуры Северного морского пути, то он окажется важнейшей международной транспортной магистралью, обеспечивающей кратчайший выход европейских стран и России на перспективные рынки Азиатско-Тихоокеанского региона.

На Севере живет большое число коренных народов, что делает Север общероссийской и мировой значимой территорией. Коренное население Севера (коми, ненцы и другие народы) издавна занимается традиционным хозяйством: оленеводством, охотой, рыболовством.

Освоение месторождений Севера несет множество проблем и требует больших инвестиций на реиндустриализацию на основе новейших технологий. Необходимость в реиндустриализации требует хорошо обдуманной и скоординированной общегосударственной программы, в которой должны объединяться потенциалы частного бизнеса в форме частно-государственного партнерства и государства.

Для полной реализации потенциала Севера необходимо осуществлять грамотную и долгосрочную политику в течение нескольких поколений. Ее успех отразится на подъеме всей страны и, безусловно, на динамичном социальном развитии самих северных территорий.

В настоящее время экономика северных территорий сильно монополизирована и моноориентирована. Дефицит региональных и местных бюджетов сохраняется в некоторых северных субъектах довольно длительное время. После перестройки появился высокий процент убыточных предприятий, который сохраняется по настоящее время. В некоторых регионах кризис в жилищно-коммунальных сферах и социальная неустроенность рождают миграционный отток и другие негативные демографические тенденции. Старые модели развития Севера сегодня перестали адекватно отвечать на современные условия функционирования экономики страны. Масштабные бюджетные вливания и размытые льготы в настоящее время не имеют положительного действия в решении проблем развития северных территорий. Напротив, они стали ослаблять позиции местных производителей и ведут к уменьшению инвестиционных ресурсов.

Переход к рыночным отношениям болезненно отразился на социальной обстановке в северных регионах России. Миграционные процессы стали неуправляемыми. Работой на Севере сегодня заинтересовать сложно. Действующую систему гарантий и компенсаций, в

основе которой лежат так называемые «северные надбавки» – коэффициенты к заработной плате, давно стоит реформировать.

Как правило, «северные надбавки» стимулируют только высокооплачиваемых работников и не могут сократить разрыва между уровнем доходов и стоимостью жизни. Необходимо разработать новую шкалу компенсаций и льгот для россиян, живущих в условиях северного климата, высокой стоимости жизни и оттока населения в более благополучные регионы.

Общая численность коренного населения Севера не превышает 200 тыс. человек. Именно для них сейчас остро стоят социальные и экономические проблемы. Уровень безработицы среди них составляет около 30–60% трудоспособного населения, что в 3–4 раза выше среднего показателя для северных субъектов Российской Федерации. Средняя продолжительность жизни всего 49 лет [7].

Любая деятельность, которая ведется без соблюдения специфических для конкретных территорий экологических, этнографических и социальных требований, может привести к ухудшению среды обитания и условий жизнедеятельности коренного населения, а также к сокращению ресурсной базы. В связи с этим в настоящее время назрела необходимость в усилении государственного контроля над эффективным решением всего спектра проблем коренного населения российского Севера.

Современные средства научно-технического прогресса помогут преодолеть тяжелые условия обитания. Жизнь людей в отдаленных краях облегчат новые средства коммуникаций. Не стоит забывать и о возможности возникновения новых отраслей хозяйства и сфер деятельности, требующих больших пространств (солнечная и ветровая энергетика, наземные объекты космонавтики).

Необходимо разработать методы государственной поддержки Севера, которые позволят высвободить внутренние факторы социально-экономического роста этих территорий.

Нужны четкие критерии районирования, которые позволят правильно дифференцировать территории Севера, учитывая все многообразие социально-экономических и климатических условий. Именно исходя из этого необходимо сформировать эффективную модель государственных гарантий для регулирования миграционных процессов. И в немалой степени – для укрепления сбалансированной системы межбюджетных отношений. Далее следует диверсифицирование структуры северной экономики. Причем, как заявил В.В. Путин на

заседании, посвященном основным направлениям государственной политики в отношении северных территорий, важнейшим фактором является учет существующей многоукладности северной экономики.

Приоритетными направлениями в развитии северных территорий должны стать проекты по освоению углеводородных ресурсов шельфа, в рамках этой задачи потребуются комплексное развитие инфраструктуры, строительство судостроительных заводов, развитие береговых объектов, что даст мощный импульс к развитию приморских регионов. Вслед за этим потянутся транспорт, энергетика, коммунальная система, системы связи и информации – вот толчок для развития северных регионов. Это основа не только подъема, но и интеграции экономики Севера в общенациональный рынок.

Северные территории играют ключевую роль в национальной экономике, в обеспечении безопасности и геополитических интересов России. От того, насколько комплексно и эффективно будут использованы геополитический, природно-ресурсный, экономический и интеллектуальный потенциалы северных территорий, будут зависеть перспективы Российского государства, обеспечение национальной безопасности России.

Север – это треть экологически чистой территории Земли, в этом отношении регион является глобальным экологическим и стратегическим резервом не только России, но и всей планеты.

После распада Советского Союза резко сократилась роль государственного регулирования экономики Севера. Это привело к закрытию многих градообразующих предприятий, сокращению численности воинских частей, что, в свою очередь, спровоцировало массовый отток населения из северных регионов. Из этого следует, что социально-демографические проблемы северных регионов тесно связаны с экономическими трудностями.

В последние годы в большинстве субъектов Российской Федерации, полностью или частично отнесенных к районам Севера, прослеживается более-менее положительная динамика экономических показателей. Доля отраслей добывающей промышленности повысилась практически во всех регионах Севера при резком свертывании производства в социально ориентированных отраслях.

Сегодня в России сложились уникальные условия для возможного экономического рывка, сама природа играет на нашей стороне. По данным Wall Street Journal, за последние

десятилетия средняя температура в Арктике увеличилась на 4 градуса по Цельсию, а в мире – всего лишь на 1 градус. Это климатическое явление в обозримом будущем может превратить Северный морской путь в ключевую транспортную артерию между Европой и Азией. Этот маршрут короче (путь от Роттердама до Шанхая сокращается на две недели), дешевле и безопаснее. Строительство заводов по производству СПГ в этом регионе приобретает теперь совсем иной геополитический акцент, открывая путь и в Европу, и в Азию, и позволит в целом государству вести более гибкую газовую коммерческую политику.

Для того чтобы использовать открывшееся окно возможностей, требуется концентрация инвестиций на прорывных направлениях, которые способны аккумулировать внутренний потенциал страны, стать локомотивом роста, потянув за собой другие отрасли экономики.

Ключевую роль в освоении потенциала Севера России уготовано сыграть именно нефтегазовому комплексу, который должен стать локомотивом роста экономики региона. На данном этапе существует целый ряд нормативных барьеров на пути эффективного освоения углеводородных ресурсов российского шельфа (сложная система получения разрешений, трудности в перемещении персонала, ограничения в работе иностранных операторов), но эти вопросы с подачи недропользователей решаются, существенным шагом вперед стало новое фискальное законодательство для шельфа в рамках принятого 30 сентября 2013 г. Федерального закона № 268-ФЗ, который установил один из самых мягких режимов для освоения новых шельфовых месторождений.

Однако следует отметить, что на пути амбициозной государственной программы по освоению Севера стоят куда более крупные системные проблемы. В северных приморских регионах отсутствует необходимая инфраструктура, российские производители сегодня не в состоянии удовлетворить растущий спрос на строительство морских объектов, требуемых для освоения капиталоемких и технически сложных проектов месторождений углеводородов российского шельфа, в стране отсутствуют передовые профильные технологии, не хватает специалистов, неэффективна и кредитно-денежная политика, в результате чего, обладая собственным потенциалом кредитования, российские компании зависимы от зарубежного финансирования. Для решения всего комплекса непростых задач нужна стратегия освоения Севера, нужны коренные изме-

нения в политике Центрального Банка, нужна крепкая государственная воля по приведению всех разрозненных экономических интересов в угодную стимулирующую экономическому росту, повышению уровня благосостояния региона и страны в целом.

Краеугольным камнем развития региона и всей России должна стать повсеместная активизация научно-технического потенциала, нацеленная на обновление всех отраслей эко-

номики. Несмотря на то, что в России за 20 лет были разрушены связи, обеспечивающие взаимодействие разработчиков новых технологий и инвесторов, в стране по-прежнему имеется серьезный научный потенциал, преимущественно в сфере фундаментальных исследований, и колоссальные природные богатства, обещающие в условиях правильного использования неуклонный рост благосостояния нашей страны.

1. Истомин А., Павлов К., Селин В. Экономика арктической зоны России // *Общество и экономика*. 2008. № 7.

2. Зернова Л. Дорога в белое безмолвие // *Новая газ*. 2012. № 2.

3. Баранов Н.С. Освоение шельфовых месторождений России. Экономическое стимулирование. Фискальное регулирование. М., 2014.

4. Юшкин Н.П. Арктика в стратегии реализации топливно-энергетических перспектив. М., 2012.

5. Баранов Н.С., Павлова Л.П. Добыча нефти и газа на континентальном шельфе: налоговые аспекты // *Бюджет*. 2014. № 4.

6. URL: [www.gazprom.ru](http://www.gazprom.ru)

7. Филиппов В.В., Жуков М.А. Проблемы экономического развития арктической зоны Российской Федерации // *НЭП – XXI век. Наука. Экономика. Промышленность*. 2012. № 2.

1. Istomin A., Pavlov K., Selin V. *Economics of the Arctic zone of Russia* // *Society and economics*. 2008. № 7.

2. Zernova L. *The road to the white silence* // *New newsp*. 2012. № 2.

3. Baranov N.S. *The development of shelf deposits of Russia. Economic incentives. The fiscal adjustment*. Moscow, 2014.

4. Yushkin N.P. *Arctic in the implementation strategy of the fuel and energy prospects*. Moscow, 2012.

5. Baranov N.S., Pavlova L.P. *Oil and gas on the continental shelf: tax aspects* // *Budget*. 2014. № 4.

6. URL: [www.gazprom.ru](http://www.gazprom.ru)

7. Filippov V.V., Zhukov M.A. *Problems of economic development of the Arctic zone of the Russian Federation* // *NEP – XXI century. Science. Economy. Industry*. 2012. № 2.

**Измеров Андрей Иванович**

кандидат социологических наук,  
заведующий кафедрой философии, истории и права  
Краснодарского филиала Института Правительства РФ  
(тел.: +78612583596)

## *Влияние модернизации на экономическое поведение россиян*

В статье представлен материал, содержащий сведения о влиянии модернизационного фактора на экономическое поведение жителей современной России. Автор формулирует собственную концепцию социологического исследования экономических практик жителей современной России и модернизации как значимого аспекта данного феномена.

**Ключевые слова:** экономическое поведение, модернизация, социум.

**A.I. Izmerov**, Master of Sociology, Head of a Chair of Philosophy, History and Law of Krasnodar branch of the Institute of the Government of the Russian Federation; tel.: +78612583596.

### **Influence of modernization on economic behavior of the Russians**

The material containing data on influence of modernization factor on economic behavior of inhabitants of modern Russia is presented in article. The author formulates own concept of sociological research economic the practician of inhabitants of modern Russia and modernization as significant aspect of this phenomenon.

**Key words:** economic behavior, modernization, society.

**А**ктуальность исследования экономического поведения населения в современном российском обществе обусловлена трансформационными процессами, набравшими ход в социально-экономической сфере социума. Прежние экономические отношения постепенно нивелировались, замещаясь рыночными взаимодействиями, что повлекло за собой фундаментальные институциональные и структурные изменения российского социального пространства. Модернизация России происходит в условиях глобальной рыночной экономики, наращивания процессов информатизации и компьютеризации экономической сферы, что напрямую затрагивает тенденции и явления российской экономики. В современной России процесс перехода от плановой к рыночной экономике сопровождался значительными трудностями, с которыми столкнулось население. Это обусловило специфический характер экономического поведения россиян, которое нередко выражалось в криминализации экономической сферы социума, большом секторе теневой экономики, экономических кризисах и спадах, особенно в 1990-е гг. XX в. В настоящее время государством предпринимаются меры по нейтрализации негативных факторов российской экономики, сокращению теневого сектора,

повышению инновационного потенциала. Все это закрепляется в Концепции социально-экономического развития России до 2020 г. «Цель разработки Концепции – определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе» [1, с. 124].

В середине XX столетия ситуация распада европейских колониальных империй и появления большого количества новых наций, перед которыми встала проблема последующего развития, обусловила появление модернизационной парадигмы. Программа модернизационных трансформаций была обоснована политиками США и Западной Европы как альтернатива коммунистической модели. В 1950-х – начале 1960-х гг. различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу (теорию, или точнее теории, модернизации) проблем развития, которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в эволюции стран Третьего мира. В дальнейшем, на протяжении второй половины XX в., в рамках модернизационной перспективы был накоплен

значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу. При этом модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, прошла длительный путь совершенствования. Модернизационная перспектива – пример теории, которая развивалась в постоянном взаимодействии с реальными процессами развития, вносящими коррективы в ее содержание [2, с. 146–168].

На наш взгляд, сегодняшнее экономическое поведение россиян можно рассматривать через призму фундаментального процесса, имеющего место в России, – модернизации. В 2000-е гг. в период правления президента Путина существенно улучшилась экономическая ситуация в стране и наметился стабильный экономический рост. В результате этого власть начала проводить политику постепенного модернизационного развития экономики, что выражается в создании новых рабочих мест и производственных мощностей, повышении инвестиционной привлекательности России для зарубежных инвесторов. Все это проецируется также на экономическое поведение россиян, которое из криминальной, теневой области начало постепенно переходить в легальное направление.

С точки зрения В.В. Коврыжко, важнейшая задача России в контексте модернизации состоит в переходе от экспортно-сырьевой экономики, характеризующейся «ресурсным проклятием», к экономике развития на основе инновационной стратегии роста. Ограничение возможности развития модернизации заключается в том, что Россия не обладает цивилизованными организационными и финансовыми технологиями роста (отсутствует механизм внедрения). В силу этого роль государства в системе модернизации экономики и обеспечении экономического роста состоит в эффективной организации среды функционирования частного бизнеса. Роль «проводника» модернизации в успешно модернизированных странах всегда выполняло государство: оно выступало инициатором отказа от тех норм и практик, которые считались вечными и традиционными [3].

Категория «модернизация» трактуется разными исследовательскими подходами с различных позиций, с точки зрения всевозможных критериев. Так, по мнению В. Гельмана, модернизация понимается, прежде всего, как меры социально-экономического курса, которые направлены на экономический рост, на повышение благосостоя-

ния, на стимулирование развития человеческого капитала. Это составляет узкое определение экономической модернизации. В отличие от нее, политическая модернизация предполагает процесс становления политических институтов, соответствующих современным демократиям. Согласно концепции Е. Ясина модернизация – «это не замена оборудования или обновление продукции... Речь идет о достижении мировой конкурентоспособности страны в целом и достаточно широкого круга отраслей, чтобы обеспечить ее устойчивое развитие и достойные позиции в ряду наиболее процветающих наций» [4, с. 8–12].

С точки зрения М.И. Кротова, консервативная модернизация, проводимая в России правительством Д.А. Медведева и В.В. Путина, означает качественный скачок в технологическом, экономическом и социально-политическом развитии страны, достигаемый ненасильственными методами, без единовременного революционного изменения общественного строя, без разрушения сложившейся веками культуры, на базе ценностей, традиционных для данной цивилизации. Такой скачок происходит на основе коалиции всех социальных групп, поддерживающих модернизацию, переход к новому технологическому и общественному укладу, с учетом их интересов, при активном использовании, но без механического копирования опыта других культур и цивилизаций. Либерально-консервативный характер модернизации российской экономики означает развитие и эффективное использование инициативы и способностей всех членов общества, их свободную самореализацию на базе частной собственности и государственно-частного партнерства, совместную интеграцию экономики России и других стран СНГ в мировой рынок, планомерное и основанное на прочном правовом фундаменте ограничение вмешательства государства в общественную жизнь, приватизацию значительной части государственного имущества [5].

А.М. Колосовский в своей концепции обосновал факторы успешной модернизации российской экономики. Главным из них, по мнению автора, как ни банально это звучит, является доверие в обществе, доверие к институтам и индивидам, доверие бизнеса к государству, доверие общества к государству, доверие государства к своему народу. Другими словами, речь идет о социальном капитале и его роли в модернизации экономики и страны в целом. Вторым по значимости фактором выступает давно имеющийся в стране инновационный сектор: российская наука, инженерный корпус – высоко-

качественный человеческий и интеллектуальный капиталы, способные (при надлежащем к ним отношении со стороны политической элиты) обеспечить решение вопроса модернизационного развития России [6].

По мнению П.Г. Россолова, в начале 2000-х гг., несмотря на растущее имущественное и социальное расслоение российского общества, происходила относительная унификация экономического поведения, принявшая форму теневизации последнего. Действительно, все большее число людей, экономически не только активных, но и пассивных, не только богатых, но и бедных, не только занятых в бизнесе, но и не имеющих к нему отношения, становились так или иначе связанными с теневыми экономическими отношениями. В силу действия ряда исследованных и описанных факторов как институционального, так и социокультурного ряда теневые формы экономической активности на всех уровнях становились доминирующими, приносили большее воздаяние и в силу этого обладали большей привлекательностью. Рост теневого сектора происходил в геометрической прогрессии, вовлекая в те или иные виды теневого поведения все больше акторов. Габитуализация и институционализация теневых форм экономического поведения, формирование на этой основе базовых траекторий действия означают качественную трансформацию социального пространства современной России, превращение ее в «теневое общество» [7]. На наш взгляд, за последние годы ситуация изменилась. Экономическая политика государства способствует легализации теневых форм экономического поведения, расширению налогового и правового контроля экономической сферы социума. Все это проецируется в экономический рост и повышение благосостояния населения. Немаловажную роль в данном аспекте занимает борьба с коррупцией, которая является существенной проблемой современного Российского государства. Однако коррупция до сих пор сохраняется в значительном объеме во всех эшелонах власти. Бюрократические барьеры для предпринимателей, по нашему мнению, влияют на сохранение значительной теневой компоненты в российской экономике.

По мнению З.Г. Антоновой, сегодня для модернизации экономики необходима инновационная активность государства, потенциал России по модернизации экономики надо претворить в жизнь, в реальную финансово-хозяйственную деятельность субъектов рынка, в частности и корпоративных структур, т.к. их производственный потенциал достаточно высок. Но эта

активность, способная поднять и показать весь потенциал конкурентоспособной экономики России, возможна лишь тогда, когда государство как субъект рынка выберет в качестве доминирующей промышленную стратегию развития экономики, направленную на экономический рост. З.Г. Антонова считает, что эффективность модернизации обусловливается следующим комплексом мер:

- использование возможности внешнеэкономической интеграции, расширение позиций на мировых рынках сбыта с учетом маркетингового анализа;

- усиление инновационной составляющей в социально-экономическом развитии страны, упразднение роли некоторых традиционно используемых факторов экономического роста;

- изучение спроса на наукоемкую продукцию, отладка ее производства;

- активизация политики государства как субъекта рынка для усиления национальной безопасности страны;

- эффективное использование природных ресурсов, т.к. они являются основой дальнейшего развития страны и их запасы с каждым днем уменьшаются.

Данные социологических исследований показывают, что модернизация российской экономики оказывает существенное влияние на экономическое поведение россиян в целом и молодежи как особой социально-демографической группы в частности. Так, по результатам исследований П.А. Князева было установлено, что ценностные ориентации российской молодежи основаны на стратегиях «рыночно-предпринимательского поведения населения западных стран с развитой рыночной экономикой»: работа («свое дело»), трудолюбие, личная ответственность, прибыль, сбережения, богатство (потребление), инновации, социальный успех (достижительность, престиж, статус). Данные исследования показали, что ценности большей части современной молодежи являются «квазирыночными»: доминируют потребление, богатство (78%), снижена значимость таких ценностей, как трудолюбие, работа, сбережения, общественная польза (14% в целом по выборке) [8].

Таким образом, на наш взгляд, экономическая модернизация требует существенной трансформации моделей экономического поведения граждан, которая обусловливается совершенствованием экономического сознания, профессионально-квалификационного уровня населения. Модернизация должна учитывать поведенческую специфику жителей страны, национальные и исторические

традиции, менталитет, культуру, самобытность и уникальность, что может существенно увеличить модернизационный потенциал социума. Но в российском обществе, несмотря на

позитивные тенденции последних лет, которые проявляются в модернизационном развитии, сохраняются негативные векторы экономического поведения.

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. М., 2009.

2. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л.И. Бородкина. М., 2002. Вып. 8.

3. Коврышко В.В. Экономическая модернизация трансформирующихся экономик // Вопросы регулирования экономики. 2010. № 1.

4. Белякова Г.Я., Батукова Л.Р. К вопросу о модернизации социально-экономических систем: теоретические основы и роль государства // Проблемы современной экономики. 2010. № 4.

5. Кротов М.И. Политико-экономические проблемы российской модернизации // Проблемы современной экономики. 2010. № 2.

6. Колосовский А.М. Кризис российской экономики и инновации: региональный и ментальный аспекты // Журнал институциональных исследований. 2011. № 2.

7. Россолов П.Г. Экономическое поведение россиян: институциональные и этносоциальные детерминанты развития: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2004.

8. Князев П.А. Экономическое поведение российской молодежи в период мирового финансового кризиса // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2.

1. The concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period to 2020. Moscow, 2009.

2. Poberezhnikov I.V. Modernization: theoretical and methodological approaches // Economic history. Review / ed. by L.I. Borodkin. Moscow, 2002. Iss. 8.

3. Kovryzhko V.V. Economic modernization of being transformed economy // Questions of regulation of economy. 2010. № 1.

4. Belyakova G.Ya., Batukova L.R. To a question of modernization of social and economic systems: theoretical bases and state role // Problems of modern economy. 2010. № 4.

5. Krotov M.I. Political and economic problems of the Russian modernization // Problems of modern economy. 2010. № 2.

6. Kolosovsky A.M. Crisis of the Russian economy and innovation: regional and mental aspects // Magazine of institutional researches. 2011. № 2.

7. Rossolov P.G. Economic behavior of Russians: institutional and ethno-social determinants of development: diss. ... Master of Sociology. Rostov-on-Don, 2004.

8. Knyazev P.A. Economic behavior of the Russian youth in the period of the world financial crisis // Theory and practice of social development. 2010. № 2.

**Сорокожердьев Василий Васильевич**

кандидат экономических наук,  
 президент Краснодарского регионального общественного благотворительного фонда  
 «Научно-образовательные инициативы Кубани»  
 (e-mail: sorich@mail.ru)

**Солони́на Светлана Викторовна**

кандидат экономических наук,  
 доцент кафедры экономики и финансов  
 Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве РФ  
 (e-mail: Svecic@mail.ru)

**Болдырева Любовь Валентиновна**

кандидат экономических наук,  
 доцент кафедры экономики и финансов  
 Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве РФ  
 (e-mail: blw75@mail.ru)

*Потенциал и перспективы  
 развития России в современном мире:  
 экономико-правовые аспекты*

В статье представлены основные положения докладов, сделанных на пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Проблемы, противоречия и перспективы развития России в современном мире: экономико-правовые аспекты», в рамках которой рассматривались актуальные экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России.

**Ключевые слова:** модернизация, экономическое развитие, правовые отношения, инвестиции, экономическая политика, международные отношения, интеграция.

**V.V. Sorokozherdiev**, Master of Economics, President of the Krasnodar Regional Public Charity Foundation «Scientific and Educational Initiatives of Kuban»; e-mail: sorich@mail.ru;

**S.V. Solonina**, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair of Economics and Finance of the Krasnodar branch of the Financial University of the Government of the Russian Federation; e-mail: Svecic@mail.ru;

**L.V. Boldyreva**, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair of Economics and Finance of the Krasnodar branch of the Financial University of the Government of the Russian Federation; e-mail: blw75@mail.ru

**Potential and prospects of development of Russia in the contemporary world: economic and legal aspects**

This article presents the main provisions of the presentations made at the plenary session of the International scientific-practical conference «Problems, contradictions and prospects for the development of Russia in the modern world: economic and legal aspects», which considered topical economic and legal aspects of the implementation of the strategy for the modernization of Russia.

**Key words:** modernization, economic development, legal relations, investment, economic policy, international relations, integration.

**С** 25 января по 1 февраля 2014 г. в Париже (Франция) состоялась Международная научно-практическая конференция «Проблемы, противоречия и перспективы развития России в современном мире: экономико-правовые аспекты», посвященная рассмотрению актуальных экономико-правовых

аспектов реализации стратегии модернизации России с учетом тенденций и возможностей, существующих в современной мировой экономике, и определению места России в международных экономических взаимодействиях. В качестве основных организаторов данной конференции выступили Финансовый универси-

тет при Правительстве Российской Федерации и Краснодарский региональный общественный благотворительный фонд «Научно-образовательные инициативы Кубани».

Приоритетное значение в организационном и научно-методическом обеспечении конференции имело содействие со стороны Центрального экономико-математического института РАН и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Также активно оказывали помощь в проведении конференции Международный союз экономистов и предпринимателей «Круг Кондратьева» (Франция) и Исследовательский центр Европа-Евразия, Иналко (Франция). Общественная поддержка в проведении конференции оказывалась со стороны Краснодарской региональной просветительской общественной организации «Общество «Знание», Краснодарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

В целом в работе конференции приняли участие представители экономической науки высшей школы из ряда авторитетных вузов России и Южного макрорегиона, а также правоведа, социологи и бизнесмены. Общее количество участников составило 50 человек, в том числе более 40 докторов и кандидатов наук.

В ходе работы конференции было проведено пленарное заседание, а также, помимо основной дискуссии по обсуждению докладов, заслушанных на пленарном заседании, состоялись заседания секций по следующим темам: «Необходимость и возможности формирования эффективной социально ориентированной модели хозяйственного развития России с учетом международного опыта», «Формирование политико-правовых основ современного динамичного социально ориентированного хозяйства», «Тенденции и механизмы регулирования и саморегулирования в области экономики, организации и управления предприятиями, отраслями, регионами, комплексами, в развитии предпринимательства». Также состоялись заседания круглых столов по следующим темам: «Прошлое и будущее российско-европейского экономического сотрудничества», «Проблемы и перспективы современного социально-экономического развития Южного макрорегиона России».

В рамках работы конференции состоялась рабочая поездка участников конференции в Исследовательский центр Европа-Евразия, Иналко (Франция), где были проведены рабочие заседания и встречи с ведущими специалистами и учеными.

С приветствием к участникам конференции обратились Василий Васильевич Сорокожердыев – кандидат экономических наук, президент КРОБФ «Научно-образовательные инициативы Кубани», сопредседатель оргкомитета (Краснодар), Жан-Луи Трюэль – профессор Университета Париж-12, вице-президент Международного союза экономистов и предпринимателей «Круг Кондратьева», сопредседатель Программного комитета (Франция), Давид Тертри – кандидат географических наук, исследователь, Исследовательский центр Европа-Евразия, Иналко (Франция), Сергей Александрович Марков – профессор, директор Института политических исследований, проректор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, член Общественной палаты РФ, сопредседатель Программного комитета (Москва), Светлана Сергеевна Галазова – доктор экономических наук, профессор, проректор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, сопредседатель организационного комитета (Владикавказ).

В ходе пленарного заседания с докладом на тему «Стратегии урегулирования социально-экономической ситуации в современной России» выступил профессор, директор института политических исследований, проректор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, член Общественной палаты РФ (Москва) С.А. Марков. В частности, рассматривая реформы в России начиная с конца 80-х гг. прошлого века и по настоящий период посткризисного развития, он акцентировал внимание на том, что за период современного реформирования можно отметить существенные достижения в социохозяйственном развитии страны, которые значительно перевешивают допущенные ошибки в проводимой экономической политике. Существующая относительная сплоченность современных политических элит вокруг лидера страны и достигнутый уровень социального благополучия населения позволяют достаточно оптимистично расценивать перспективы реформ в целом. Проанализировав различные аспекты осуществления и дальнейшего продолжения реформ, автор доклада сформулировал вывод о том, что европейский вектор международных взаимодействий России является приоритетным и в настоящее время, и в перспективе с учетом цивилизационно-исторического опыта и эволюционной динамики современных глобальных мирохозяйственных процессов.

В докладе на тему «Современные подходы в промышленной политике применительно к российско-французскому сотрудничеству» про-

фессор Университета Париж-12, вице-президент Международного союза экономистов и предпринимателей «Круг Кондратьева» Жан-Луи Трюэль (Франция) отметил, что в современной экономике все большее значение приобретает кластерный подход в организации хозяйственной деятельности, что позволяет существенно активизировать инвестиционную и инновационную деятельность. В российско-французском экономическом сотрудничестве позитивный опыт относится, прежде всего, к энергетической сфере, в то время как наибольший потенциал имеет развитие кооперации в высокотехнологических отраслях экономики, а также в отношении малого и среднего бизнеса. Данный подход позволит решить в обозримой перспективе ряд актуальных экономических задач, включая проблемы инновационного развития, проведения новой индустриализации, усиления конкуренции и развития малого бизнеса, способствовать существенному прогрессу в социальной сфере и подъему жизненного уровня населения.

Доклад доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета Л.П. Рассказова (Краснодар) на тему «Особенности цивилизационного развития российской правовой системы» был посвящен анализу историко-правовых аспектов реализации стратегии модернизации с учетом российского и зарубежного опыта. Автор доклада последовательно обосновал тезис о том, что каждому государству присуща своя национальная правовая система, характеризующая уровень развития страны; в то же время существуют черты, присущие многим государствам, что позволяет объединить правовые системы в типы правовых систем. В юридической литературе типы правовых систем называют по-разному: правовая система в широком смысле, семья правовых систем, форма правовых систем и др. Но наиболее распространен термин «правовая семья». Исходя из проведенного анализа, автор сформулировал вывод о том, что российская правовая система в силу особенностей цивилизационного развития России имеет характерные черты, которые позволяют говорить о ее уникальности. Некоторые из этих черт внешне (формально-юридически) похожи на соответствующие черты романо-германской правовой семьи. Но каждая из перечисленных черт в России имеет свои специфические особенности, которые подчеркивают уникальность российской цивилизации. В то же время в современной российской правовой системе имеются специфические черты, которые свойственны

только ей. И это неудивительно, ибо все составляющие элементы российской правовой системы имеют свои национальные (вернее многонациональные) основы, свой особый цивилизационный путь развития, которые делают ее уникальной, самобытной. Это не означает, что российская правовая система находится в каком-то изолированном круге, не связана с романо-германскими, англосаксонскими и другими правовыми семьями. Более того, в силу глобализационных процессов происходит сближение российской правовой системы с другими правовыми семьями.

Следующий иностранный участник конференции кандидат географических наук, исследователь, Исследовательский центр Европа-Евразия, Иналко (Франция) Давид Тертри, сделавший доклад на тему «ЕС и Евразийский союз: геополитическое соперничество или общеевропейская интеграция», акцентировал внимание на том, что процессы глобализации глубоко затронули все страны и различные сферы социохозяйственной деятельности. В то же время положительными плодами глобализации пользуются в основном развитые страны, а также наиболее сильные из развивающихся стран. В настоящее время существенно обострилась конкурентная борьба между ними. По мнению докладчика, существует значительный потенциал развития российско-европейского и российско-французского сотрудничества, особенно в высокотехнологичных отраслях, который должен быть использован в самое ближайшее время.

Доктор экономических наук, профессор, проректор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ) С.С. Галазова посвятила свой доклад «Проблемы гармонизации пространственного статуса региональных субъектов Российской Федерации» наиболее актуальным аспектам реализации стратегии модернизации России, связанным с развитием территорий, прежде всего на Юге России. С точки зрения автора доклада, процесс гармонизации территориального строения российской экономики не имеет своего однозначного и сиюминутного решения, поскольку представляет собой объективный эволюционный процесс становления российского федерализма, переосмысления возникающих новых институциональных факторов и условий пространственного развития российской экономики. Процессы автономизации, с одной стороны, и включенности регионов в единое социохозяйственное пространство – с другой, требуют соответствующих механизмов. При этом

методологическая специфика решения данной проблемы заключается в том, что гармонизация территориального строения российской экономики является многомерным явлением и сложно организованным управленческим процессом, базирующимся на принципах добровольности и взаимного учета институциональных интересов центра и региональных субъектов, требующим системного подхода и многофакторного анализа различных компонент институционализации российского экономического пространства, в том числе исторических предпосылок, условий и факторов федеративного развития страны.

На основе проведенного анализа сформулирован вывод о том, что процессы гармонизации пространственного статуса регионов Российской Федерации не являются законченными как с точки зрения целевых установок, методов управления федеральными округами, так и с позиции институциональной освоенности экономического пространства регионов в сетке федеральных округов. С одной стороны, федеральные округа структурировали взаимодействие центра и регионов на основе административно-финансовой, образовательной и стратегической составляющей макрорегиональной интеграции, а с другой – не разрешили полностью проблему гармонизации территориального управления на основе неадминистративной «сборки» российского экономического пространства с учетом правовой, социальной, этнокультурной компоненты регионального развития.

В докладе доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного университета (Краснодар) Е.Б. Лупарева «Административная юстиция как метод защиты экономических прав и свобод» нашли отражение актуальные аспекты реформы государственного управления экономикой, направленные на развитие рыночных отношений в этой сфере экономики в соответствии с положениями Конституции РФ; это требует теоретического осмысления новых форм и принципов взаимодействия исполнительных органов государственной власти Российской Федерации, ее субъектов и исполнительных органов местного самоуправления как между собой, так и с различными предприятиями и организациями, функционирующими в условиях конкуренции с иностранными и отечественными товаропроизводителями, как правило, негосударственных форм собственности. Необходимость такого рода анализа диктуется и возникающими на практике задачами разработки законодатель-

ных и подзаконных актов, направленных на обоснование компетенции и структуры органов управления хозяйством, совершенствование форм и методов их деятельности, отвечающих современным требованиям, с учетом специфических условий той или иной территории России.

Реальная практика управления и хозяйствования со всей убедительностью доказала несостоятельность монетаристской концепции управления хозяйством, ориентированной на противопоставление экономического саморегулирования государственному управлению. Гораздо более научно и практически обоснованной является концепция понимания государственного регулирования как одного из проявлений государственного управления, что как раз и позволяет государству реагировать на любые изменения конъюнктуры рынка с учетом интересов населения страны, используя как экономические, так и административные методы управления.

В совместном докладе доктора экономических наук, профессора, заведующей кафедрой мировой экономики и экономической теории Волгоградского государственного технического университета Л.С. Шаховской и кандидата экономических наук, доцента той же кафедры И.В. Аракеловой на тему «Партнерские программы лояльности как институциональная форма модернизации российского малого бизнеса» основной акцент был сделан на анализ проблематики общественных ресурсов экономического развития, понимаемых как нематериальный потенциал самого населения страны, выражающийся в его способности самостоятельно решать социально-экономические проблемы общества на различных уровнях существования и мотивировать все ветви власти на принятие и соблюдение законодательства в интересах всех слоев населения, а не отдельных социальных слоев или групп (правлящей элиты, олигархической верхушки, силовых органов и т.п.). С точки зрения авторов доклада, на сегодняшний день к наиболее сформировавшимся институциональным формам общественных ресурсов можно отнести гражданское общество (ГО), социальную ответственность бизнеса (СОБ) и отношения социального партнерства (СП). Причем в структуре общественных ресурсов все три формы неразрывно связаны, дополняя и обогащая друг друга. В частности, под СОБ следует понимать такую систему предпринимательской деятельности, которая отвечает интересам всех субъектов хозяйствования, включенных в воспроизводственный процесс в условиях ры-

ночной экономики (предпринимателей, наемных работников, государства). Формы проявления социальной ответственности бизнеса могут быть весьма разнообразны, но наиболее важной из них является социальное инвестирование – любые вложения в человеческое развитие и среду его обитания.

На основе проведенного анализа существующих практик реализации социальной ответственности бизнеса авторы доклада делают вывод о том, что объединение бизнес-партнеров в рамках партнерской программы лояльности требует наличия концепции реализации программы, единых стандартов, регламентов, оценки эффективности, разделяемых участниками партнерской программы. По своей сути партнерская программа лояльности – это современный инструмент обеспечения конкурентоспособности компаний малого и микробизнеса, «спасательный круг» в условиях экономического кризиса и высочайшей конкуренции. Прежде всего, это может происходить за счет наиболее полного удовлетворения имеющихся клиентов и привлечения новых.

Возможности восприятия позитивного опыта и обогащения аппарата сравнительного анализа различных правовых норм в историческом контексте были рассмотрены в докладе кандидата юридических наук, доцента кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета (Краснодар) Ю.В. Недилько «Проблемы совершенствования основных методов толкования права, выработанных в средневековой Европе». В данный период развивался ряд подходов в указанной сфере, причем толчок к развитию грамматического способа толкования в средневековой Европе дало исследование и использование на практике трудов римских юристов. В докладе отмечено, что совершенствование грамматического способа толкования – процесс непрерывный, связанный с развитием и совершенствованием языковых правил. Основная сложность при толковании с использованием грамматического метода состоит в изменении лексического значения слов, грамматических и фонетических правил. Поэтому целесообразно сочетать его с другими способами толкования, например с логическим и историческим.

Средневековая юриспруденция также способствовала развитию логического способа толкования, предполагающего использование разнообразных логических приемов для понимания смысла правовой нормы. Логический способ подлежит применению лишь после осу-

ществления грамматического толкования. Он способствует правильному пониманию правовой нормы, несмотря на ее лаконичную форму и, в некоторых случаях, на просчеты законодателя при формулировке правового предписания.

Превалирующее в настоящее время систематическое толкование способствовало и по настоящее время способствует появлению новой терминологии, институтов и отраслей права. Основными проблемами при применении и совершенствовании данного способа толкования, которое ориентировано не только на научную, но и на практическую деятельность, увязывая их в единое целое, являются чрезмерная громоздкость правовой базы и наличие коллизий правовых норм. Однако следует отметить, что во многих случаях систематическое толкование становится едва ли не единственным способом для разрешения подобных затруднений.

В докладе на тему «Теория “экономического спада” как актуализация нерешенных проблем современного общества постмодерна» доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры макроэкономики и макроэкономического регулирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва) М.Л. Альпидовская остановилась на специфике современного положения в мировой и российской экономике. По ее мнению, набирающий сегодня обороты мировой системный экономический кризис – обстоятельство объективное, обусловленное не только кризисом перепроизводства или перенакопления, но и перепотребления, более острого по возможным проявлениям и последствиям. Экономические условия господствующего ныне способа производства неминуемо вызывают неравномерное развитие отдельных составных частей теперь уже глобализированной экономики. Это объясняется принципами эгоцентризма, заложенными в основе государственной политики развитых экономик Запада. В соответствии с этими принципами страны-метрополии стремятся поддерживать и увеличивать высокий социальный уровень своего населения, стараются закрепить стандарты высоких норм жизнеобеспечения за счет дешевой рабочей силы, материальных и сырьевых ресурсов всей остальной части международного сообщества.

Современная социохозяйственная ситуация, сложившаяся в России, на взгляд автора доклада, предполагает активизацию серьезных теоретико-методологических разработок проблем социально-экономического развития современного общества с учетом бесплодности

и бесперспективности либерального подхода в организации общества и экономики.

По итогам конференции организована подготовка к опубликованию сборника статей по основным направлениям работы конференции, а также коллективная монография, где

размещаются материалы, представленные наиболее авторитетными ее участниками. Для подтверждения практической апробации представленных на конференции результатов научных исследований ее участникам были выданы соответствующие свидетельства.

**Ушаков Андрей Сергеевич**

кандидат экономических наук,  
заместитель руководителя Управления Федерального казначейства  
по г. Москве  
(e-mail: pochta1930@gmail.com)

## *Развитие виртуальных экономических отношений и воспроизводство фиктивного капитала*

В статье определены специфические способы реализации функции развития виртуальных отношений и воспроизводства фиктивного капитала, осуществляемой локальными финансовыми рынками в экономических системах депрессивного типа. Обобщение результатов исследования данных позволяет определить специфические способы реализации указанной функции.

**Ключевые слова:** функции, виртуальные отношения, воспроизводство, фиктивный капитал, локальные финансовые рынки, депрессивные регионы.

**A.S. Ushakov**, Master of Economics, Deputy Head of the Department of Federal Treasury for Moscow; e-mail: pochta1930@gmail.com

### **Development of virtual economic relations and reproduction of fictitious capital**

Specific ways to realize the function of development of virtual relations and reproduction of fictitious capital are defined in the presented article. The function is realized by local financial markets in economic systems of depressive type. Generalization of the results of research data let determine specific ways of realization of this function.

**Key words:** functions, virtual relations, reproduction, fictitious capital, local financial markets, depressive regions.

Раскрывая функцию развития виртуальных отношений, реализуемую в процессе воспроизводства фиктивного капитала на локальных финансовых рынках в региональных экономических системах депрессивного типа, уточним, что следует понимать под виртуальными экономическими отношениями. Речь идет о весьма популярном понятии, широкое использование которого нанесло ему вред, поскольку способствовало размыванию его содержания. В данном аспекте понятие виртуальных экономических отношений сродни понятию «институт», различные трактовки которого привели к существенному обесценению данного понятия в экономическом исследовании [1, с. 7–8].

Идеи, движение которых порождает новые идеи, в том числе концепции, планы, проекты, гипотезы, целевые ориентиры и т.п., представляют собой исходный пункт всего процесса виртуализации, которая в теории познания описывается с помощью категорий рефлексии, сознания и самосознания.

Г. Гегель отмечал, что наука со своей стороны требует от самосознания, чтобы оно поднялось

в сферу «знания в его общем виде», т.е. в сферу научных категорий [2, с. 20]. Но для такого подъема каждому человеку необходимы освоенные им знания и инструменты извлечения новых знаний. Отсюда следует простой вывод: виртуализация финансового рынка означает наполнение его отношений знанием, повышение его информативности.

Выделим круг явлений, с которым связаны виртуальные отношения. Очерчивая его, необходимо учитывать, что современный этап социально-экономического развития продуцирует быстро разрастающийся поток многообразных отраженных форм, в том числе:

самовозрастающие потоки данных, превращающие большую часть персонала в регистраторов, учетных работников, хранителей и распространителей информации;

производные ценные бумаги и валютные инструменты, владельцы которых не представляют, где именно и для чего используются инвестированные ими средства и какова природа получаемых ими доходов;

специфические услуги, не оставляющие ощутимых следов на объектах и субъектах

хозяйственного процесса, которым они адресованы, и др.

Преобладание указанных отраженных форм над обычными продуктами человеческого превращает экономику в виртуальный феномен, причем отраженный характер указанных форм вовсе не означает, что они не относятся к объективному миру. Напротив, объективный мир с появлением исследуемых нами феноменов обогащается и усложняется, поскольку надстройка виртуальных форм возвышается над прежним реальным базисом общественно-хозяйственной жизни и преобразует этот базис в соответствии с императивами современного развития: продукты обретают штрих-коды, коммерческие организации – бренды, индивидуальные субъекты – имидж. Выделим специфическую характеристику виртуальных форм: они способны многократно отражаться, порождая все новые и новые производные отражения. Возникает ощущение, что объективный мир как бы многократно отражается в каком-то особом зеркале, разветвляясь и обретая новую определенность [3].

Одним из важнейших уроков глобальной рецессии 2008–2009 гг. стало понимание того, что за безостановочным созданием и движением отраженных форм отношений скрыт процесс перехода к новому способу организации общественно-хозяйственной жизни, который многие исследователи определяют как экономику знаний [4]. В такой экономике потоки прирастающих знаний переплетаются с потоками возрастающей капитальной стоимости; соответственно, знания капитализируются, а капитальная стоимость понижается и наполняется новыми знаниями. Правомерно предположить, что определяющими факторами хозяйственного процесса в экономике знаний станут инновационные нематериальные активы и человеческий капитал.

Какую новую преобразующую силу несут в себе виртуальные отношения? Выделим здесь два аспекта. Во-первых, организационные механизмы движения финансового капитала, опираясь на различные инструменты виртуального характера, раздвигают горизонты стратегического планирования далеко за пределы жизненного цикла отдельных людей, а мощные компьютеры с легкостью справляются с расчетами разветвленных и рассчитанных на десятилетия инвестиционных проектов. Во-вторых, господство виртуальных форм изменяет основу существующих финансовых институтов, превращая деньги в виртуальный феномен, сближая их с ценными бумагами. Такое сближение вносит важную но-

важностью в инвестиционный процесс: чем больше становится в деньгах виртуального, тем значительнее роль концептуальных идей, лежащих в основании инвестиционных проектов, тем выше риск поставить потенциал финансового рынка на службу ложным проектным идеям или интересам узких групп, манипулирующих общностью людей, естественно связанной с той экономической системой, которой адресованы инвестиционные проекты. Данное положение имеет непосредственное отношение к роли виртуальных отношений в развитии локального рынка экономических систем депрессивного типа. Приведем необходимые аргументы.

В процессе расширенного воспроизводства финансового капитала на рынке появляются новые виртуальные товарные формы, поток которых в своем развитии значительно опережает потоки товаров на рынках реального сектора. При этом имеет место эффект разветвления финансового капитала:

каждый его элемент многократно отражается в пространстве рынка, создавая все новые и новые отраженные формы;

каждая отраженная форма обособляется от материнского элемента и продолжает движение как автономный производный финансовый инструмент (дериватив).

Отметим, что виртуальная надстройка утверждается над реальным хозяйственным базисом постольку, поскольку она востребована самим процессом развития современной экономической системы; все лишнее просто выпадает из движения циклов воспроизводства. Деривативы, которые ничего не дают экономической системе, в стратегическом плане остаются без востребования.

Мировой рынок деривативов обладает большим потенциалом роста. Отметим, что в своем развитии он значительно (в 3–4 раза) опережает рынки реального сектора. Вместе с тем, рынок деривативов весьма чувствителен к кризисным ситуациям – его сжатие в условиях глобальной рецессии в 2008–2012 гг. было значительно (в 1,4–1,6 раза) больше, чем у рынков энергетических ресурсов, металлов, зерна, цемента и др. [5].

Материальным условием осуществления ускоренного роста рынка деривативов является опережающее инвестирование инфраструктуры финансового рынка. В региональных экономических системах депрессивного типа такая инфраструктура редуцирована до инфраструктуры кредитного сектора; в таких системах практически отсутствует специальная, насыщенная высокими технологиями инфраструктура оценки,

фондового рынка, страхового рынка [6, с. 24]. Определенные надежды в формировании и развитии такой сложной инфраструктуры связываются с технопарками, где создается инфраструктура, стимулирующая обмен знаниями и технологиями между исследователями, университетами и корпорациями и способствующая развитию финансового рынка.

Однако за 2007–2010 гг. расходы федерального бюджета на реализацию программы технопарков составили 7 млрд рублей, внебюджетные инвестиции – 3 млрд рублей, чего явно недостаточно. В 2011 г. в России возникла Ассоциация технопарков в сфере высоких технологий, сложились новые перспективные формы сотрудничества с инновационным фондом «Сколково», корпорациями развития «Роснано», «Ростехнологии» и др. Вместе с тем, практически все технопарки локализованы в пространстве нескольких динамично развивающихся городов, что обрекает региональные экономические системы депрессивного типа на отчуждение от процесса формирования высокотехнологичной инфраструктуры, способной активизировать развитие в таких системах новых секторов локального финансового рынка.

Представляется, что следует весьма осторожно оценивать позитивный потенциал виртуальных отношений в развитии локального финансового рынка. Выделим здесь следующие аспекты. Во-первых, движение виртуальных форм на финансовом рынке продуктивно лишь в том случае, когда оно воплощается в развитии совокупного капитала экономической системы – его ускоренном обновлении, снижении совокупных издержек, формировании новых конкурентных преимуществ. Однако для реализации такого сценария в региональной экономической системе депрессивного типа имеется множество внутренних ограничений.

Во-вторых, наличие внутренних ограничений в экономической системе может способствовать реализации негативного сценария, при котором кругооборот виртуальных форм осуществляется на локальном финансовом рынке по замкнутой схеме, т.е. по принципу существования финансового капитала «для себя». Выделим некоторые результаты реализации такого сценария, поскольку они весьма значимы для региональных экономических систем депрессивного типа:

происходит разрастание сектора «превратных услуг» экономической системы депрессивного типа [7, с. 54–56];

указанное разрастание обеспечивает трансформацию ресурсов развития экономической системы в дополнительные транзакционные издержки, уменьшающие потенциал ее роста;

на локальном финансовом рынке складываются своеобразные «финансовые воронки», обеспечивающие внезаконное перераспределение инвестиционных ресурсов.

Выделим также особое направление негативного воздействия потока виртуальных финансовых форм на региональные экономические системы депрессивного типа – экстенсивное развитие финансовой надстройки, образующей весьма дорогостоящий «навес» над инерционным, практически не развивающимся базисом реального сектора.

Экстенсивное развитие финансовой надстройки под искажающим воздействием потока виртуальных форм отношений обуславливает следующие негативные эффекты в развитии локальных финансовых рынков.

1. Разрастание совокупного долгового обременения территории сверх меры ее доходных возможностей. Здесь действует механизм виртуализации долговых обязательств, что существенно искажает их восприятие и оценку; благодаря виртуальным долговым инструментам ответственность заемщика размывается, и он переходит некоторый «порог меры» в накоплении долговых обязательств. При этом в системе депрессивного типа дополнительно сказываются острый дефицит собственных средств и привычка экономических субъектов к постоянным масштабным заимствованиям; играют свою стимулирующую роль и периодические «списания» безнадежной задолженности [8].

Отметим, что в данном отношении системы депрессивного типа следуют общим курсом движения всей современной экономики, о чем свидетельствуют итоги глобальной рецессии. Так, в экономической системе США на каждый созданный доллар ВВП (2010 г.) пришлось более 8 долларов произведенных заимствований. Очевидно, что тем самым был перейден некоторый «порог меры», и неконтролируемый рост долговых обязательств привел к формированию чрезмерно высоких рисков и угроз нарушения финансовой устойчивости, что дестабилизировало инвестиционный процесс и запустило механизм развертывания рецессии.

В экономической системе депрессивного типа существуют аналогичные механизмы виртуального умножения совокупной задолженности. К сожалению, действующая методология статистического учета не позволяет учитывать совокупную накопленную задолженность в регионах – субъектах Российской Федерации.

Акцентируем внимание на качественном анализе последствий виртуального умножения

совокупной задолженности в региональных экономических системах депрессивного типа. Прежде всего, отметим, что такое умножение негативно отражается на воспроизводственных процессах в реальном секторе региональной системы, а следовательно, и на величине ВРП. При этом имеет место значительная переоценка ценностей: то, что ранее казалось фактором роста, в изменившихся условиях развития проявляет себя как фактор торможения, способный обеспечить переход в ситуацию рецессии. Строящиеся объекты, кредитовавшиеся с плечом заимствования 5 или 6 к 1, соинвесторы, вкладывавшие свои ресурсы в инвестиционные проекты, обладавшие такой структурой средств, такими тяжелыми условиями инвестирования и такими рисками, которые изначально гарантировали несостоятельность основного инвестора при малейшем ухудшении рыночной конъюнктуры, – все это свидетельствует о превращении обычных долговых инструментов в механизмы разрушения доверия на локальном финансовом рынке и подрыва инвестиционного процесса в региональной экономической системе депрессивного типа.

2. Формирование и разрастание финансово-инвестиционных «пузырей» на тех направлениях роста, где он подкреплен жизненно важными потребностями (строительство жилья, создание элементов жилищно-коммунальной инфраструктуры, предоставление образовательных услуг и др.). Характерен пример совокупности инвестиционных проектов строительства многоквартирных домов экономического класса, осуществлявшихся корпорацией «Социальная инициатива» в Республике Северная Осетия – Алания и ряде других регионов СКФО.

Привлечение «Социальной инициативой» нескольких тысяч соинвесторов и широкое использование приемов ложного финансового маркетинга привело корпорацию к банкротству, а региональные власти поставило перед проблемой защиты средств обманутых соинвесторов. Характерно, что на локальном финансовом рынке экономической системы депрессивного типа многие финансовые инновации способны к негативному перерождению – попытки реализации социально ориентированных инвестиционных проектов оборачиваются расширением корпуса обманутых вкладчиков, импульсы развития фондового рынка канализируются в русло создания аналогов «МММ» и др.

В оценке таких «пузырей» сохраняют конструктивность принципы финансового исследования, сформулированные А. Пигу еще в начале XX в. [9]:

все участники хозяйственной системы своими вложениями обеспечивают извлечение совокупного финансового результата, т.е. формируют национальный дивиденд; данный принцип консолидирует локальный финансовый рынок, не позволяет разделить его на чьи-то части или выделить некие островки «финансового благополучия» в кризисном финансовом пространстве;

следует разграничивать роли реальных и потенциальных инвесторов, поскольку они оказывают различное воздействие на эволюцию хозяйственной системы; в частности, приглашая потенциальных инвесторов в инвестиционный проект и обещая им явно несбыточные доходные возможности или иные бенефиции, мы заранее ставим под удар вложения тех реальных инвесторов, которые уже действуют в проекте; данный принцип прекрасно подтверждается практикой МММ и иных «финансовых пузырей»;

капитал выступает как основной фактор, формирующий рост хозяйственной системы и определяющий характер ее эволюции; формирование «финансового пузыря» означает перегрев локального финансового рынка, т.е. перенакопление на нем капитала; в этом случае кризисное сжатие рынка приводит к необходимой коррекции величины капитала на рынке;

инвестируемому капиталу внутренне присущи две следующие характеристики: отсрочка потребления, обусловленная тем, что доход от инвестирования поступает в пользу субъекта через определенный промежуток времени, причем этот доход меньше, чем инвестированный капитал; неопределенность, обусловленная дефицитом информации о результатах вложений в момент инвестирования капитала; при образовании «финансовых пузырей», как правило, имеет место ложное снижение неопределенности результатов вложений капитала, когда инвестору с помощью ложных оценок, завышенных прогнозов, недобросовестных экспертиз и иных превратных финансовых услуг предоставляются несбыточные обещания «гарантированно» высоких доходов;

обе указанные характеристики взвешиваются на «весах» финансового рынка, устанавливающих в итоге меру участия каждого экономического субъекта в распределении общего финансового результата; на локальном финансовом рынке экономической системы депрессивного типа такие «весы» либо не всегда действуют благодаря слабости сил, обеспечивающих рыночное равновесие, либо блокируются монопольными силами.

3. Изменение структуры транзакционных издержек локального финансового рынка в

пользу бюрократического (коррупционного) компонента. Феномен разрастания указанных издержек в свое время хорошо раскрыл В. Ойкен применительно к провалу антитрестовской экономической политики в США в первой половине XX в. [10, с. 33]. Он объяснил такой провал отсутствием необходимого конституированного пространства: концентрация реальной экономической власти в руках трестов стала непреодолимым препятствием для применявшихся государством тактических инструментов.

Вывод В. Ойкена из анализа провалов антитрестовской политики очевиден: следует бороться не с так называемыми злоупотреблениями экономической власти, а с концентрацией экономической власти, порождающей злоупотребления. Без изменения характера экономической политики даже новейшие тактические инструменты поставленную задачу решить не в состоянии.

Адаптируем данное положение к анализируемому аспекту научной проблемы развития локального финансового рынка. Высокий уровень коррупции в региональных экономических системах депрессивного типа поддерживается действующим механизмом сращивания финансовой и коррупционной ренты; преодоление коррупции невозможно без мощного импульса политической воли, способного разрушить указанный механизм, а также без изменения стратегической ориентации развития экономики России на извлечение природной ренты и трансформацию ее в финансовую ренту.

4. Ускорение инфляционных процессов, которые на локальном финансовом рынке экономической системы депрессивного типа обусловлены, прежде всего, низким уровнем развития, слабостью товарного покрытия, – реализация масштабного инвестиционного проекта, предоставление финансовой поддержки и другие варианты поступления финансовых ресурсов из внешней среды способны спровоцировать здесь скачок цен.

Обобщение результатов анализа данных, приведенных в Докладе о мировом развитии за 2010 год [5], позволяет определить специфические способы реализации функции развития виртуальных отношений и воспроизводства фиктивного капитала, осуществляемой локальными финансовыми рынками в экономических системах депрессивного типа:

структурная асимметрия воспроизводства виртуальных форм с преобладанием наиболее

простых инструментов (векселей, расписок по ценным бумагам и инвестиционным паям и др.), низкий уровень потребности в деривативах, что отчуждает инвестиционный процесс в регионе от глобального инвестиционного процесса, а также усугубляет острый дефицит финансовых ресурсов; необходимо инициировать потребности финансового рынка региона депрессивного типа в развитии применяемых финансовых инструментов;

интенсивное развитие финансового компонента сектора «превратных услуг», снижающее потенциал роста экономических систем; такому развитию в значительной мере способствует «колониальное» отношение вертикально интегрированных корпораций к территориям, где формируются их доходы; зачастую высокие барьеры, возводимые вертикально интегрированной корпорацией вокруг локальной «зоны роста» во внутренней среде региона, где осуществлены основные инвестиции, инициируют искаженное преломление в других частях территории тех финансовых инструментов, которые применяются в «зоне роста», а также предложение «превратных услуг» (в данном отношении показателен опыт развития АФК «Система», контролирующего ОАО «Башнефть», когда гигантская для г. Салават прибыль, получаемая заводом корпорации в данном городе (свыше 30 млрд рублей в 2011 г.), не использовалась для развития финансовой инфраструктуры города, в то время как здесь активно собирают средства населения многочисленные квазифинансовые организации, что создает основу для возникновения новых инвестиционных «пузырей») [11];

отсутствие мониторинга совокупного долгового обременения территории и его оценки по отношению к доходным возможностям региона; в данном отношении востребованы простые инструменты оперативного измерения указанного долгового обременения и критерии его оценки (например, отношение совокупного долгового обременения к величине ВРП);

перевод институциональных противоречий локальных финансовых рынков в фазу острого социально-экономического конфликта посредством формирования и развития финансово-инвестиционных «пузырей»; каждый такой пузырь несет в себе угрозу серьезной дестабилизации внутренней среды региона – субъекта депрессивного типа.

1. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): в 2 т. Волгоград, 2002. Т. 1.

1. Inshakov O.V., Frolov D.P. Institutionalism in the Russian economic thought (IX–XXI c.): in 2 vol. Volgograd, 2002. Vol. 1.

2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Философия истории. М., 2007.
  3. Ермоленко А.А. Погружение в виртуальность // Научная мысль Кавказа. 2011. № 4.
  4. Нейсбит Д. Мегатренды. М., 2003.
  5. Доклад о мировом развитии за 2010 год / Всемирный банк. Нью-Йорк, 2011.
  6. Отсутствие системного эффекта // Российский лидер. 2011. № 2.
  7. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004.
  8. Франц Е.В., Соловьева В.К., Илющенко Т.М. Инструменты развития региональной системы // Эконом. вестн. Ростов. гос. ун-та. 2008. Т. 6. № 4.
  9. Pigou A.C. *Industrial Fluctuations*. L., 1927.
  10. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995.
  11. Регионы России. М., 2011.
2. Gegel G.V.F. *Phenomenology of spirit. Philosophy of history*. Moscow, 2007.
  3. Ermolenko A.A. *Dive into virtuality* // *Scientific thought in the Caucasus*. 2011. № 4.
  4. Neysbit D. *Megatrends*. Moscow, 2003.
  5. *The world development report 2010* / World Bank. N.Y., 2011.
  6. *The lack of systematic effect* // *Russian leader*. 2011. № 2.
  7. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Global capital*. Moscow, 2004.
  8. Frants E.V., Solovyeva V.K., Ilyuschenko T.M. *The tools of development of the regional system* // *Economic bull. of Rostov state university*. 2008. Vol. 6. № 4.
  9. Pigou A.C. *Industrial Fluctuations*. L., 1927.
  10. Oyken V. *Basic principles of economic policy*. Moscow, 1995.
  11. *Regions of Russia*. Moscow, 2011.

**Герасименко Эмилия Васильевна**

аспирант кафедры современного русского языка

Кубанского государственного университета

(e-mail: emilia\_gerasimenko@mail.ru)

## *Проблемы языковой концептуализации в современном русском языке*

В статье рассматриваются актуальные для современной лингвистики вопросы языковой концептуализации в современном русском языке; анализируются основные подходы к пониманию терминов «концептуальная картина мира», «языковая картина мира», «концепт».

**Ключевые слова:** антропоцентризм, концептуальная картина мира, языковая картина мира, концепт.

**E.V. Gerasimenko**, Post-graduate of a Chair of Modern Russian Language of the Kuban State University; e-mail: emilia\_gerasimenko@mail.ru

### **Problems of language conceptualization in modern Russian language**

The article is devoted to the topical for modern linguistics questions of linguistic conceptualization in modern Russian language; the main approaches to understanding of such terms as «anthropocentrism», «conceptual world image», «linguistic world image», «concept» are analyzed.

**Key words:** anthropocentrism, conceptual world image, linguistic world image, concept.

**В** современной лингвистике актуальной является тенденция изучения языка как одного из основных способов выражения человеческой культуры. Интерес ученых переместился со структуры языка на условия и результаты его использования. Язык воспринимается одновременно и как орудие создания, развития, хранения культуры (в виде текстов), и как ее часть, поскольку с помощью языка создаются объективно существующие произведения материальной и духовной культуры.

В языке отражаются характерные черты народа, говорящего на нем, его поведение, психология. Специфические черты поведения фиксируются в соответствующих грамматических формах, в лексическом составе. Поэтому задача лингвиста, по мнению многих ученых-когнитологов, – определить меру воздействия языка на различные виды деятельности человека, изучить репрезентацию языка теми или иными структурами сознания.

Принципы историзма и системности, являвшиеся базовыми для исторического и структурного направлений лингвистики, привели к одностороннему увлечению языковой формой, вследствие чего язык был провозглашен закрытой системой.

Ученый-лингвист И.П. Сусов уже в 1989 г. писал: «Сегодня мы хорошо понимаем, как устарели наши представления о том, что язык

есть замкнутая в себе, противопоставленная речи, самодостаточная... система знаков и элементов» [1, с. 9].

Вышеперечисленные причины привели к тому, что в конце XX в. в отечественной филологии оформляется и интенсивно развивается новое направление – антропоцентрическая модель изучения языка.

Антропоцентризм в лингвистических исследованиях проявляется в том, «что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [2, с. 95]. Таким образом, антропоцентрическая модель изучения языка – это исследование языка через призму сознания его носителей и выделения в языковых объектах знаков культур. В последнее время в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания наиболее интересным и актуальным становится коммуникативно-прагматический подход.

Исследования коммуникативно-прагматических аспектов текста позволили современным исследователям выйти на более высокий уровень синтеза полученных данных, а полученные результаты с привлечением этнического компонента – сделать выводы, касающиеся не только лингвистики.

Одним из основных понятий, выражающих специфику отношений человека с окружающим его миром, является понятие (концептуальной)

картины мира (ККМ). Понятие ККМ относится к числу фундаментальных, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Кроме того, «человек как субъект познания является носителем определенной системы знаний, представлений, мнений об объективной действительности. Эта система в разных науках имеет свое название (картина мира, концептуальная система мира, модель мира, образ мира) и рассматривается в разных аспектах» [3]. Нередко (концептуальную) картину мира сравнивают с призмой, сквозь которую преломляется мир. В современной психологии картина (образ) мира понимается как отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями, соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии.

Лингвистика устанавливает связь ККМ и языка, изучает способы фиксации мыслительного содержания средствами языка. Язык не только является частью картины мира как одна из представленных в сознании семиотических систем, но и на его основе формируется языковая картина мира (ЯКМ).

Среди большого разброса мнений о сущности понятия ЯКМ бесспорным остается то, что языковое членение мира отличается у разных народов. В процессе деятельности в сознании человека возникает субъективное отражение существующего мира. Человек осваивает язык так же, как и окружающую действительность; при этом наряду с логической (понятийной) картиной мира возникает и языковая, которая не противоречит логической, но и не тождественна ей.

На основании вышесказанного ЯКМ определяется как языковые образы реальных предметов и отношений, периферийные участки вербальных представлений, которые становятся источником дополнительных сведений об окружающей нас действительности.

Однако стоит обратить внимание на то, что язык выступает формой овладения мира, но не формой особого мира. Эта точка зрения совпадает с высказыванием А.А. Леонтьева о том, что язык не является «демиургом картины мира» [4, с. 274], т.к. он подчинен мышлению. Человек понимает не то, что позволяет ему язык, а вербализирует субъективно актуальное для него в данной речевой ситуации содержание своей ККМ.

Отсюда можно заключить, что в психолингвистике под ККМ понимается совокупность знаний, мнений, представлений о мире, которая отражается в человеческой деятельности. ЯКМ –

составная часть ККМ и содержит, помимо знаний о языке, информацию, дополняющую содержание ККМ с помощью чисто языковых средств.

Итак, ККМ – это непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире.

При этом надо подчеркнуть, что концептуальная система отражает познавательный опыт носителя языка как на языковом, так и на доязыковом этапах. Ученый-лингвист Р.И. Павленис писал: «Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной (истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система» [5, с. 25–26]. Основными свойствами концептуальной системы ученый считает континуальность и последовательность введения концептов.

В любой науке существуют такие понятия, которые, с одной стороны, не имеют точного и общепринятого определения, а с другой – примерно одинаково понятны всем специалистам в данной области исследований. В таком состоянии находится и термин «концепт». Несмотря на такую неопределенность, этот термин употребляется в трудах современных ученых с завидной частотой. Это не удивительно, потому что «концепт» – один из наиболее популярных, можно сказать модных, терминов науки (и не только лингвистической), его использование свидетельствует о том, что автор исследования находится в числе лидеров научного прогресса. Однако частотность использования термина не только создает видимость ясности и прозрачности его значения, но зачастую приводит к переходу от качественных изменений в количественные, а также избавляет большинство авторов от необходимости четко определять, что же они понимают под тем или иным словом.

Так, Ю.Е. Прохоров в своей книге «В поисках концепта» иронически отмечает: «Практически каждый автор под словом “концепт” понимает нечто свое: концептосфера может быть и у языка, и у отдельной лексемы; она может быть связана с отдельным жанром, с отдельным аспектом человеческого бытия и с отдельным наименованием некоторого социального статуса; концепт может быть представлен в язы-

ковом сознании и в языковой картине мира, в художественной картине мира и в отдельном литературном жанре... Среди концептов есть еще и константы, а сам он может состоять из лингвокультурем... И все это вместе может помещаться “в район” ментальности (очевидно, там ему и место, так как понятие ментальности – еще более расплывчатое...)» [6, с. 9].

Из приведенной цитаты видно, что ситуация с определением термина «концепт» не сильно изменилась с тех пор, как С.А. Аскольдов писал: «Вопрос о природе общих понятий, или концептов, – старый вопрос, давно стоящий на очереди, но почти не тронутый в своем центральном пункте... Общее понятие остается до сих пор весьма загадочной величиной... концептуализм обыкновенно дальше утверждения концептов в человеческом уме не идет, и природа их до сих пор остается в достаточной мере загадочной» [7, с. 269].

Об особой значимости в исследованиях говорил и ученый А.А. Худяков, также отмечая при этом сложность, запутанность и незавершенность вопроса концепта: «Изучению природы концепта в современной лингвистике уделяется первостепенное значение. Однако любая попытка постичь природу концепта связана с осознанием факта существования целого ряда самых разнообразных точек зрения на нее. На наш взгляд, чрезвычайный разностью в подходе к анализу интенсивного, содержательного (в противоположность внешнему, формальному) плана языка обусловлен в первую очередь нерешенностью вопроса о разграничении схожих явлений и часто возникающей вследствие этого терминологической путаницей» [8, с. 97].

Интересен взгляд на проблему и современных ученых. Приведем лишь некоторые, наиболее интересные, на наш взгляд, высказывания на рассматриваемую тему.

«Термин “концепт”, как и ряд других терминов (“дискурс” или “языковая личность”, например), относятся к числу модных. Им пользуются многие авторы, но, к сожалению, далеко не все берут на себя труд объяснить, что же они имеют в виду и что, на их взгляд, стоит за самим термином...» [9, с. 266].

«Термин концепт определить трудно, так как у него есть содержание (существенные признаки), но пока не ясен объем» [10, с. 16].

Осложняется вопрос и тем, что концепт – термин не только лингвистический, но и литературоведческий, и логический, и философский, и культурологический и т.д. При этом данного слова практически нет в языке: оно (в отличие от слов «концептуальный» и «концептуализм») не представлено в словарях русского языка.

«В русском языке слово “концепт” возникает как транслитерация латинского “conceptus”, что означает буквально “собрание, восприятие, зачатие”» [11, с. 43]. В латинском языке слово «conceptus» употребляется редко и в значении «зачатый», а не «понятие». В немецком языке «концепт» фигурирует в значении «набросок», т.е. близко к русскому «конспект». В английском «концепт» употребляется как философский термин со значением «понятие a priori». В русском же языке термин «концепт» начинает часто использоваться с 1920-х гг., причем до середины 1970-х гг. чаще всего как полный синоним термина «понятие». Со временем слово «концепт» начинает употребляться в несколько ином значении, чем просто «понятие». Разграничение проходит по следующей линии: понятия – это то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью уверенности.

В таком истолковании значение термина «концепт» содержит идею «зачаточной истины», заложенной в латинском «conceptus» – «зачатый». Таким образом, концепт – это то, что «зачато», но в действительности чего мы можем убедиться только в результате реконструкции.

Своеобразная мода на термин «концепт» в научной и художественной литературе конца XX – начала XXI в. объясняется интересом к восстановлению тех сущностей в жизни человека, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни и не задумываемся над их истинным смыслом. Оказалось, что далеко не всегда можно «договориться» о понятиях: иногда проще и продуктивнее реконструировать привычные смыслы, или концепты, на основе уже имеющихся концептов и, не разрушая их, попытаться сконструировать новые понятия.

После рассмотрения этимологии термина и разведения слов «концепт» и «понятие» можно перейти к ознакомлению с взглядами ученых-лингвистов на проблему определения «концепта».

Сейчас в лингвистике можно выделить три основных подхода к пониманию концепта.

Представителем первого подхода является Ю.С. Степанов, называющий концепт «базовой единицей культуры» [11, с. 43]. При рассмотрении концепта большее внимание уделяется культурологическому аспекту, когда вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Следовательно, концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека. При таком понимании

термина «концепт» роль языка второстепенна, он является лишь вспомогательным средством – формой оязыковления сгустка культуры, концепта.

Второй подход (Н.Д. Арутюнова и ее школа, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев и др.) единственным средством формования содержания концепта считает привлечение в когнитивную лингвистику семантики языкового знака. Представители этого направления считают концепт «единицей языкового видения мира» [12, с. 4] и «продуктом национально-культурной ментальности» [13, с. 351]

Сторонниками третьего подхода являются Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова и др. ученые, которые считают, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека, т.е. является посредником между словами и действительностью.

Так, Е.С. Кубрякова при анализе концепта считает оправданным использование в лингвистике понятий фона и фигуры. Противопоставление фона и фигуры связано с осознанием человека себя как части целого, себя (фигуры) на каком-то фоне (среды, пространства) и таким же пониманием всех других тел/вещей в мире. Это значит, что в основе языка и его категорий лежит наглядный, телесный опыт человека и только через использование этого опыта человек выходит в более абстрактные сферы и строит свои представления о наблюдаемом непосредственно.

Общим для этих подходов является утверждение неоспоримой связи языка и культуры; расхождения обусловлены разным видением роли языка в формировании концепта.

Интересная теория концепта предложена и Л.Ю. Буяновой, которая предлагает трактовать концепт как «сложное вербально-деривационное единство, содержанием которого выступает вся совокупность тех имеющихся в языке смыслов, которые так или иначе связаны со всеми однокоренными словами той или иной лексемы, являющейся именем концепта» [14, с. 35–39]. При таком подходе, как считает исследователь, «языковая картина мира предстает структурированной не только по тематическому принципу... но и по деривационно-генетическому, отражающему все богатство и многообразие языковой концептуализации мира посредством постоянного развития, семантико-ассоциативного “разветвления” однокоренных слов» [14, с. 35–39].

Такое видение «концепта» необычно и интересно потому, что оно опирается не на культурологический или литературоведческий, а на языковой статус термина.

Поскольку концепт имеет «слоистое» (по определению Степанова) [11] строение и разные слои являются результатом культурной жизни разных эпох, то и метод изучения «концепта» должен быть совокупностью нескольких методов, точнее методик. В настоящее время исследователями разработано несколько методик описания и изучения «концептов»: теория профилирования Бартминского, теория вертикальных синтаксических полей Прохоровой, теория вертикального контекста Ахмановой и Гюббенет и многих других.

Использование тех или иных методов, а также методик, приемов и способов исследования в каждом конкретном случае зависит не только от сложности концепта, но и от целей и задач, которые ставит перед собой исследователь, а также от характера лингвистических источников, являющихся материалом для рассмотрения.

Подводя итог вышесказанному, кратко обозначим основные выводы.

Современная лингвистика – развитая в теоретическом и практическом аспектах и очень разветвленная наука, включающая в себя множество различных направлений исследований. Одним из наиболее ярких, прогрессивных и перспективных направлений в лингвистике на сегодняшний день, на наш взгляд, является коммуникативно-прагматическое.

Человек – самое важное существо и, следовательно, понятие для всего населения Земли. Антропоцентризм – стержень и основа коммуникативно-прагматического подхода. Кроме того, в работах данного направления слово изучается не изолированно и односторонне, а на стыке целого ряда гуманитарных знаний, что позволило выйти на совершенно иной, качественно более высокий уровень проведения научных исследований и получения данных.

В коммуникативно-прагматическом подходе основными понятиями являются следующие: концептуальная картина мира, языковая картина мира, концепт. Одно лишь перечисление основных терминов показывает масштабность и фундаментальность, на которые претендуют исследования данного направления лингвистики.

Понятие КМ являет собой результат переработки информации об отражении реального мира в сознании человека. ЯКМ рассматривается как важная составная часть общей ККМ

и определяется как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Наибольший интерес представляет ХКМ, поскольку за ней стоит оригинальная языковая

личность со своим мировосприятием. Такая КМ включает в себя концептуальный и языковой слои. Национальная ЯКМ интересна, прежде всего, как основа, на которой формируется индивидуально-авторская КМ.

1. Сусов И.П. *История языкознания: учеб. пособие для студентов старших курсов и аспирантов.* Тверь, 1999.

2. Кубрякова Е.С. *Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи.* М., 1995.

3. Босова Л.М. *Концептуальная картина мира как основа понимания смысла речевого произведения.* URL: [http://elib.altstu.ru:8080/Books/Files/1999-01/HTML/30/pap\\_30.html](http://elib.altstu.ru:8080/Books/Files/1999-01/HTML/30/pap_30.html)

4. Леонтьев А.А. *Основы психолингвистики.* М., 1997.

5. Павленис Р.И. *Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка.* М., 1983.

6. Прохоров Ю.Е. *В поисках концепта.* М., 2009.

7. Аскольдов С.А. *Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология.* М., 1997.

8. Худяков А.А. *Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр.* Волгоград; Архангельск, 1996.

9. Красных В.В. *«Свой» среди «чужих»: миф или реальность?* М., 2003.

10. Зиновьева Е.И. *Понятие «концепт» в рамках спецкурса «Языковая картина мира: концептосфера русского языка» // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного: сб. ст.* СПб., 2003.

11. Степанов Ю.С. *Константы: словарь русской культуры.* М., 1997.

12. Арутюнова Н.Д. *Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке.* М., 1999.

13. Апресян Ю.Д. *Избр. тр. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография.* М., 1995.

14. Буянова Л.Ю. *Концепт как вербально-derivационная комплексная единица // Дискурс: концептуальные признаки и особенности осмысления: межвуз. сб. науч. тр.* Краснодар, 2008. Вып. 4.

1. Susov I.P. *History of linguistics: study aid for students and postgraduates.* Tver, 1999.

2. Kubryakova E.S. *Human factor in language. Language and speech production.* Moscow, 1995.

3. Bosova L.M. *Conceptual world image as a basis for understanding the meaning of the voice work.* URL: [http://elib.altstu.ru:8080/Books/Files/1999-01/HTML/30/pap\\_30.html](http://elib.altstu.ru:8080/Books/Files/1999-01/HTML/30/pap_30.html)

4. Leontiev A.A. *Fundamentals of psycholinguistics.* Moscow, 1997.

5. Pavlenis R.I. *The problem of meaning: modern logical-philosophical analysis of language.* Moscow, 1983.

6. Prokhorov Yu.E. *In search of the concept.* Moscow, 2009.

7. Askoldov S.A. *Concept and word // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: anthology.* Moscow, 1997.

8. Hudyakov A.A. *Concept and meaning // Language identity: cultural concepts: coll. of sci. works.* Volgograd; Arkhangelsk, 1996.

9. Krasnykh V.V. *«Its» of «outsiders»: myth or reality?* Moscow, 2003.

10. Zinovieva E.I. *The concept of «concept» in course «Linguistic world image: conceptsphere of Russian language» // Linguistics, technique and culturology in teaching Russian as a foreign language: coll. of papers.* St. Petersburg, 2003.

11. Stepanov Yu.S. *Constants: dictionary of russian culture.* Moscow, 1997.

12. Arutyunova N.D. *Logical analysis of language: the image of man in culture and language.* Moscow, 1999.

13. Apresian Yu.D. *Sel. works. T. II: Integral description of language and systemic lexicography.* Moscow, 1995.

14. Buyanova L.Yu. *Concept as verbal derivational complex unit // Discourse: Conceptual understanding of the signs and features: interuniv. coll. of sci. works.* Krasnodar, 2008. Iss. 4.

**Шаров Евгений Николаевич**

преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки  
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +79187557012)

**Самойлов Сергей Федорович**

доктор философских наук, доцент,  
профессор кафедры философии и социологии  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612583957)

## *Теоретико-методологические аспекты социальной коммуникации сотрудников полиции с представителями мусульманской религии*

Статья посвящена исследованию структуры и содержания процесса взаимодействия сотрудников полиции с носителями религиозного сознания как одного из важнейших аспектов теоретико-методологического обеспечения профилактики религиозного экстремизма.

**Ключевые слова:** коммуникация, элементы коммуникации, правовые основания социальной коммуникации сотрудников полиции, профессиональные установки сотрудников полиции, коммуникационные барьеры, религиозное мировоззрение.

**E.N. Sharov**, Teacher of a Chair of Tactical and Special and Fire Preparation of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79187557012;

**S.F. Samoilov**, Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583957.

### **Theoretical and methodological aspects of social communication police officers with representatives of the Muslim religion**

Article is devoted to research of structure and the content of process of interaction of police officers with native religious consciousness as one of the most important aspects of theoretical and methodological support of the prevention of religious extremism.

**Key words:** communication, communication elements, legal basis of social communication of police officers, professional installations of police officers, communication barriers, religious worldview.

**В** настоящее время религиозный экстремизм представляет собой один из важнейших вызовов, с которыми столкнулось российское общество. Опасность и масштабность данной угрозы требует от правоохранительной системы привлечения к ее устранению широких слоев общественности и прежде всего верующих-мусульман, поскольку в настоящее время именно ислам используется экстремистами для разжигания конфессиональной и национальной ненависти, способной разрушить имеющийся правопорядок. В связи с этим возникает потребность в разработке целого комплекса мер по противодействию проявлениям как исламского экстремизма, так и экстремистских действий, направленных против мусульман. Важнейшим элементом системы мер, направленных на противодействие

экстремизму, является профилактика преступлений, связанных с разжиганием религиозной ненависти. В свою очередь, профилактика преступлений экстремистской направленности невозможна без активного взаимодействия сотрудников полиции с верующими-мусульманами. Такое взаимодействие включает в себя как общие черты социальной коммуникации с носителями любых религиозных мировоззрений, так и ряд особенностей, характерных только для носителей мусульманского мировоззрения. Рассмотрим оба момента более подробно. Взаимодействие сотрудников полиции с представителями различных религий имеет ряд следующих важнейших особенностей.

1. Возможность возникновения расхождений между мотивами и целями субъектов коммуникации.

Данная ситуация может сложиться в случае отсутствия подлинной личной заинтересованности субъектов коммуникации в установлении доверительных, личностных отношений. В этом случае взаимодействие между субъектами коммуникационного процесса в лучшем случае будет иметь формальный характер, а в худшем может принять конфронтационный характер или вообще прекратиться. Причины рассогласования целей и мотивов весьма разнообразны и могут иметь психологическую, ценностную или мировоззренческую природу. Примером психологической неприязни может стать оценка одним субъектом коммуникации другого как «агрессивного», «безвольного», «недостаточно авторитетного» и т.д. Опасность психологической несовместимости участников коммуникации заключается в том, что выносимые на ее основании оценки могут переноситься на всю профессиональную или религиозную группу. Поэтому отсутствие у участников коммуникации способностей к преодолению психологических стереотипов может нанести вред диалогу между государством и определенной религиозной конфессией. Снятие психологических противоречий может осуществляться посредством обнаружения у партнера наряду с «отрицательными» и положительных качеств, а также понимания функциональной необходимости «отрицательных» качеств собеседника для его пребывания в религиозной общине или профессиональной группе. Ценностные противоречия при взаимодействии с верующими чаще всего возникают из-за различия жизненных предпочтений, свойственных «мирскому» и «духовному» сознанию. Первое ориентировано преимущественно на достижение благополучия в реальном социальном мире, второе – на гуманистические ценности и воздаяние в потустороннем мире. Преодоление этих противоречий становится возможным при понимании того, что индивиду в силу его ограниченности и узко-профессиональной ориентации его мышления и деятельности открывается лишь часть доступных человеку ценностей. По этой причине всем субъектам данного вида межличностной коммуникации следует рассматривать ее как средство расширения представления о ценностях и гармонизации своего внутреннего мира, поскольку в идеале социальное и личностное начала в человеке должны не подавлять, а дополнять друг друга. Мировоззренческие противоречия в процессе взаимодействия сотрудников полиции с представителями религиозных конфессий могут возникать в связи с несовпадением картин мира, свойственных светскому

сознанию или сознанию, разделяющему иные религиозные взгляды (в случае если сотрудник полиции принадлежит к другой конфессии). Снятие мировоззренческих противоречий становится возможным благодаря пониманию субъективности любой картины мира, ее зависимости от психологических особенностей, нравственного развития и уровня образования индивида, благодаря чему участники коммуникации могут рассматривать различия своих картин мира как неизбежное проявление ограниченности человеческого разума, а не как нежелание собеседника понять очевидную истину. Преодоление психологических, ценностных и мировоззренческих противоречий, возникающих в процессе взаимодействия сотрудников полиции с представителями религиозных сообществ, является основным условием совпадения личных мотивов участников коммуникации с ее основной социально-правовой целью.

2. Необходимость научного и правового обеспечения процесса коммуникации.

Эффективное взаимодействие сотрудников полиции с представителями различных религий не может ограничиваться формальным проведением мероприятий, оно должно способствовать, с одной стороны, правовому просвещению верующих, а с другой – расширению знания сотрудников в области религии, необходимых для профилактики, предупреждения и раскрытия преступлений экстремистской и террористической направленности, а также преступлений, совершаемых псевдорелигиозными организациями. По этой причине большое значение имеют знания сотрудников полиции в области вероучения, культа, культурных традиций и правил этикета конфессии, с представителями которой он взаимодействует в силу служебной необходимости. Не меньшее значение для успешного взаимодействия с представителями религиозных групп имеет способность сотрудника в зависимости от ситуации разъяснять как рядовым верующим, так и руководителям религиозных групп различного ранга гражданские права и обязанности. Благодаря такому двухстороннему обмену информацией коммуникация получает информационную наполненность. Вместе с тем, осуществление научного и юридического обеспечения требует от сотрудников полиции постоянного повышения своего образования в областях религиоведения, социологии религии, правового регулирования религиозной жизни.

3. Многообразие субъектов коммуникационного процесса.

Одной из специфических черт процесса коммуникации сотрудников полиции с представителями религиозного сознания является неоднородность образовательного уровня верующих. Среди верующих можно встретить как высоконравственных, образованных людей, стремящихся реализовать религиозные идеалы в жизни, так и людей, усвоивших религиозные взгляды поверхностно и следующих лишь внешней стороне религиозных предписаний. Встречаются также те, кто неосознанно или, напротив, вполне сознательно использует религию либо в корыстных целях, либо для оправдания своих низменных побуждений. Данное обстоятельство приводит к тому, что сотрудник полиции под видом религиозных убеждений может столкнуться с явными суевериями, религиозными и национальными предрассудками, ханжеством, мракобесием и т.д. В такой ситуации важно не отождествлять отдельные негативные проявления неадекватного религиозного сознания с конкретной религиозной конфессией или религией в целом. Кроме того, необходимо помнить, что неоднородный состав верующих является главным условием преодоления негативных, в том числе экстремистских, проявлений в религиозной среде. Так, психологическая и морально-нравственная коррекция лиц, испытывающих на себе определенное воздействие религиозных идей, но при этом допускающих в своем поведении определенное отклонение от нормы, возможна путем обращения к помощи подлинно верующих людей.

4. Многообразие форм коммуникационного процесса.

Взаимодействие сотрудников полиции с представителями различных религий может принимать различные формы, важнейшими из них являются:

сотрудничество с руководителями религиозных общин по вопросам организации условий отправления религиозного культа и нормально-сосуществования верующих различных конфессий и лиц, не исповедующих определенной религии;

проведение с участием верующих различных мероприятий по поддержанию правопорядка и профилактике преступлений и административных правонарушений;

взаимодействие с официальными представителями религиозных организаций и рядовыми верующими в процессе охраны культовых сооружений, религиозных реликвий и проведения массовых мероприятий религиозного характера;

общение с верующими в процессе служебного делопроизводства;

участие верующих в работе с трудными подростками, лицами, проходящими реабилитацию и нуждающимися в психологической и социальной поддержке;

оказание верующими духовной и морально-психологической поддержки сотрудникам полиции и членам их семей в различных ситуациях, включая потерю близких;

повседневные, внеслужебные отношения между сотрудниками полиции и представителями различных конфессий, в процессе которых у верующих формируется определенное представление о работниках правоохранительной системы в целом.

5. Необходимость смены социальных ролей.

Многообразие форм взаимодействия сотрудников полиции с представителями различных религий требует от них способности гибко реагировать на изменение ситуации и играть различные социальные роли. Так, в одних ситуациях сотрудник полиции выступает от лица государства и с позиции силы, от него требуются обоснованность, твердость и однозначность решений, в других ситуациях он выступает как равноправный союзник духовных авторитетов, в третьих – является лицом, нуждающимся в помощи, но использующим полученные силы для реализации благих целей. От того насколько точно сотрудник полиции будет играть свою роль, зависит формирование общественного мнения о степени профессиональности и открытости деятельности полиции.

В процессе взаимодействия с лицами, исповедующими ислам, сотрудникам следует знать о следующих социокультурных и психологических особенностях верующих-мусульман.

Для мусульман религиозный долг имеет приоритет перед долгом гражданским. По этой причине в процессе побуждения граждан-мусульман к выполнению своих обязанностей перед государством и обществом необходимо подчеркнуть религиозную и нравственную необходимость совершения требуемого действия.

В сознании мусульманина власть представляет собой не столько грубую силу, сколько неотъемлемый атрибут Бога, посредством которой Он творит, поддерживает и судит мир. Лицо, причастное к власти, соприкасается с божественным началом и должно соответствовать возложенной на него ответственности. По этой причине сотрудник полиции как представитель власти должен в глазах верующих воплощать волю и мощь Всевышнего: быть спокойным, уверенным в своих силах, разумным в

своих суждениях и справедливым в решениях, а также опрятным и представительным.

Для мусульманина понятие религиозной чистоты неотъемлемо связано с необходимостью ее защитить. Данная черта мусульманского религиозного характера проявляется в решимости противостоять растлению и агрессивному злу. По этой причине сотрудник полиции, как правило, встречает и должен использовать поддержку верующих-мусульман в противодействии распространению наркотиков, незаконно произведенного алкоголя, проституции, незаконному игорному бизнесу, поскольку данные негативные проявления нарушают чистоту религиозного образа жизни и рассматриваются как проявления греха (харам).

Большое значение для людей, принадлежащих к арабо-мусульманской культуре, играют родственные связи. Мусульманин мыслит себя не столько как индивида, сколько как часть определенной семьи, рода. При негативном восприятии мусульманского коллективизма он определяется как клановость, при положительной оценке – как религиозный солидаризм, близкий по духу к православной церковности. Но в независимости от своей оценки коллективизм мусульманского сознания играет большую роль в социальной жизни и должен учитываться сотрудником полиции в его профессиональной деятельности.

Ислам является законодательной религией, в которой важнейшую роль играют признание и добровольное следование закону, ниспосланному людям самим Богом. Поэтому в психологии мусульман доминирует стремление к ведению жизни, соответствующей нормам Корана. При ведении девиантного образа жизни человек, традиционно принадлежащий к мусульманской религии, часто испытывает угрызения совести, которые приводят к возникновению в его сознании серьезного внутреннего конфликта. Сотрудник полиции должен учитывать, что желание преодолеть внутренний разлад между действительным и должным может стать для лица, традиционно принадлежащего к исламу и ведущего антиобщественный образ жизни, отправной точкой для исправления. Возвращение индивида в нормальное общество является главной задачей правоохранительных органов, которые призваны не столько карать, сколько исправлять людей. Большую помощь в этом благом деле сотрудникам правоохранительных органов могут оказать представители мусульманского духовенства и простые верующие. В этой ситуации задача сотрудника по-

лиции заключается в умении придать девианту веру в возможность исправления, а также в организации взаимодействия с мусульманским сообществом.

Трудности мировоззренческого характера, имеющие место в процессе взаимодействия сотрудников полиции с представителями мусульманской религии, проявляются в самых различных коммуникационных моделях. Наиболее важными из них следует признать следующие затруднения.

Ситуация предубеждения культур. Данное затруднение может возникнуть в коммуникационной модели, при которой сотрудник полиции не является мусульманином, но в силу своих обязанностей вынужден налаживать отношения с верующими-мусульманами. В этой ситуации непонимание обоих субъектов коммуникационного процесса, как правило, вызвано существующим в их сознании негативным образом иной культуры как таковой. Согласно этому представлению «другое» – это чуждое, инородное начало. Интерпретации инородности субъектами коммуникационного процесса могут быть различными, но, как правило, они сводятся к молчаливому представлению о мусульманах как о «варварах» и к соответствующему убеждению мусульман о сотрудниках полиции, не исповедующих ислам, как о духовно «нечистых» индивидах, «кафирах», неверующих. Преодоление данных предубеждений является важнейшим условием установления взаимопонимания между представителями мусульманской религии и сотрудниками полиции. Пути преодоления негативного образа собеседника могут быть различными, чаще всего они связаны с установлением доверительных, личностных отношений. Однако, несмотря на все положительные стороны установления межличностных отношений, данный путь преодоления культурных и мировоззренческих предрассудков имеет один существенный недостаток. Установив хорошие отношения с конкретным мусульманином или с конкретным полицейским, тот или иной субъект коммуникации способен по-прежнему негативно оценивать арабо-мусульманскую культуру, представителей других религий или светскую власть. По этой причине возникает необходимость кардинального изменения мировоззренческих установок субъектов коммуникационного процесса. Это изменение становится возможным только при восприятии «другого» в качестве дополняющего, а не враждебного начала, в качестве друга, а не врага. Изменение мировоз-

зренческих установок субъектов коммуникации может происходить следующим образом. Сотрудник полиции, разделяющий атеистическое мировоззрение, может прийти к признанию необходимости существования различных, в том числе консервативных и строго регламентированных, религиозных культур путем признания необходимости не только безличностного, но и личностного отношения к миру. Данная мировоззренческая установка хотя и не является (с атеистической точки зрения) истинной, позволяет избежать многих затруднений, характерных для западноевропейской цивилизации, таких как экологический кризис, проблемы алкоголизма, наркомании, непрочность семейных отношений, потеря смысла жизни, превращение потребления в главную ценность массовой культуры и т.д. В этом плане вера в Бога служит основанием гармоничного отношения с природой и залогом нравственного поведения. Сотрудник, исповедующий другую религию, признавая истинность своего вероисповедания, должен воспринимать ислам как усиленную попытку человеческого разума постигнуть абсолютное (божественное) сознание, которое самораскрылось в его религии. При этом он должен думать, что Бог не может покарать людей, искренне стремившихся к Нему и пытавшихся жить согласно своему представлению о Его законе. Помимо придания толерантного характера собственному мировоззрению, сотрудник полиции обязан стремиться к преодолению фундаменталистских установок верующих-мусульман. В частности, он должен объяснить воинственно настроенному верующему, что следует быть, в первую очередь, смиренным и не брать на себя функции Бога, не выносить поспешных решений о грешности и праведности людей, а больше думать о собственных грехах и путях их исправления и искупления. Понимание верующим собственного религиозного и нравственного несовершенства должно сделать его терпимее к носителям иных мировоззрений, поскольку общим и для верующих и для «неверных» является их греховность перед Аллахом. В этой ситуации доказывать свою праведность путем обличения чужих пороков при забвении своих грехов выглядит лицемерием и ханжеством, которые осуждаются Кораном. Таким образом, сотрудник полиции должен формировать культуру толерантности как в себе самом, так и в других людях.

Ситуация «рenegата». Данное, несколько экстравагантное название достаточно точно выражает коммуникационный барьер, возникающий между сотрудником полиции, испове-

дующим ислам или традиционно принадлежащим к нему, с одной стороны, и радикально настроенными верующими-мусульманами – с другой. Различие мировоззренческих установок мусульман, находящихся на государственной службе, с установками мусульман, не доверяющих светскому государству, как правило, выражается в обвинениях в адрес сотрудников полиции в том, что они предают свою религию, являются вероотступниками или ренегатами. В зависимости от культурного и интеллектуального уровня обвинителей данные нападки могут принимать форму как указаний на невозможность подчинения мусульманина иному закону, нежели шариату, так и нелепых обвинений в идолопоклонстве на основании ношения эмблем, шевронов, пуговиц с государственной символикой, которая содержит запретные в исламе изображения животных и людей. Одним из результатов такого рода обвинений может стать формирование у сотрудника полиции, исповедующего ислам, представления о себе как о неполноценном верующем, живущем по законам, противоречащим установлениям Бога. Преодолеть эти сомнения и одновременно попытаться наладить взаимодействие с радикально настроенными гражданами представляется возможным путем указания собеседнику на то, что одной из важнейших форм служения Богу является активное противодействие агрессивному злу. Профессиональная деятельность, направленная на охрану жизни, здоровья и имущества людей, не может быть богоборческой только на основании того, что она не выступает от имени какой-либо конкретной религии. Кроме этого, несоблюдение различных ритуальных установлений для религиозного сознания конечно важно, но еще более важным является для верующего человека умение жить в мире с окружающими его людьми и служить образцом нравственности для инакомыслящих. Другими словами, в религии дух закона важнее внешнего соблюдения его норм. При этом дух религии должен быть духом добра, а не агрессии. В противном случае религиозное сознание перерождается в фанатизм и отпадает от подлинного богосознания, для которого характерна любовь ко всем людям.

Главная особенность работы по противодействию распространению экстремизма в целом и религиозного экстремизма в частности заключается в том, что она имеет не только социальную, но и личную значимость. И действительно, сотрудник полиции, осуществляя мероприятия по профилактике распростране-

ния экстремизма, вынужден постоянно увеличивать свой багаж сведений в области мировоззренческого знания и формировать навыки общения с носителями различных религий и идеологий. Непосредственным результатом увеличения объема теоретического знания и коммуникационных навыков сотрудника служит возникновение у него собственной мировоззренческой позиции, подтвержденной научной

информацией и профессиональным опытом. С другой стороны, формирование специалистов в области профилактики и предупреждения преступлений экстремистской направленности неизбежно повысит авторитет полиции в обществе, поскольку оно предполагает появление в различных сферах профессиональной деятельности правоохранительных органов особого типа сотрудника – полицейского-интеллектуала.

**Щеголихин Евгений Николаевич**  
заместитель начальника отдела  
информационно-технического обеспечения учебного процесса  
Краснодарского университета МВД России  
(тел.: +78612584412)

## *Самореализация личности курсантов в мультимедийной образовательной среде образовательной организации МВД России: междисциплинарный анализ проблемы*

В статье представлен анализ важнейшей составляющей профессиональной подготовки курсантов – самореализации личности в мультимедийной образовательной среде образовательной организации МВД России.

**Ключевые слова:** информация, информационная компетентность, информационная культура, образовательная среда, мультимедийная образовательная среда.

**E.N. Shchegolikhin**, Deputy Head of Department of Information and Technical Support of Educational Process of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584412.

**Self-actualization of cadet personalities in multimedia educational environment of education organization of the Ministry of the Interior of Russia: interdisciplinary analysis of the problem**

The article presents the analysis of the most important component of cadets' vocational education – self-actualization of a personality in multimedia educational environment of the education organization of the Ministry of the Interior of Russia.

**Key words:** information, informational competence, information culture, educational environment, multimedia educational environment.

Современное высшее образование в сфере подготовки кадров для системы МВД России должно обеспечить интеграцию различных способов освоения мира и тем самым увеличить потенциал будущего сотрудника полиции для адекватной самореализации. В эпоху вступления человечества в информационную стадию развития идея обеспечения свободы выбора траектории обучения является основополагающей для системы образования. Идея основана на уникальном пути, посредством которого человек находит себя в этом мире и несет ответственность за свою собственную судьбу.

В процессе подготовки будущего сотрудника полиции необходимо учитывать, что личностные основы деятельности молодого человека при принятии ответственных решений становятся равнозначными или даже превосходящими технологические, узкопрофессиональные условия. Цель образования в таком контексте носит трехкомпонентный характер: в профессиональной области – профессиональная компетентность, в общественной

жизни – успешная социализация личности, в личностной сфере – осознание собственной самооценности, проявление рефлексии и активности в целеполагании и в деятельности в целом, самоидентификации [1]. Человек является не только объектом управления, но и сознательным субъектом, выбирающим свое направление самореализации. Следовательно, самопознание как жизненно необходимая потребность лежит в основе становления личности, ее самореализации, чему в немалой степени способствует оптимально организованная образовательная среда.

Категория «среда» широко представлена в исследованиях философов, социологов, психологов, педагогов, которые дают определение созидательного потенциала среды и ее влияния на становление и развитие личности обучающегося. Как правило, понятие «среда» трактуется как окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования, формирования и деятельности [2, с. 234]. Роль и значение среды как существующей реальности заключается в том, что она

оказывает влияние на личность обучающегося. В начале XX в. в России складывается научное направление «педагогика среды». Представителями этого направления были Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд, М.С. Иорданский, А.П. Пинкевич, В.Н. Шульгин и многие другие [3]. Главным вопросом данного направления было изучение воздействия окружающей среды на личность обучающегося, управление этим влиянием.

Существовали разные точки зрения на роль среды в развитии личности. Так, одни ученые отстаивали необходимость приспособления обучающихся к той или иной среде, другие считали, что обучающийся в меру своих сил и способностей может сам организовывать среду и влиять на нее, третьи предлагали рассматривать личность и среду обучающегося в единстве их характеристик, четвертые делали попытку рассмотреть среду как единую систему воздействия на обучаемых. Ученые отмечают, что среда существует только по отношению к определенному субъекту и становится средой, лишь вступая в деятельность субъекта [4, с. 165].

Образовательная среда в психолого-педагогической литературе рассматривается как фактор, условие, средство формирования личности и как предмет моделирования и проектирования личностного развития. Мы придерживаемся мнения, что образовательная среда является таким окружением субъекта, в котором создаются условия для формирования личности и ее профессиональных качеств. Образовательная среда представляет собой проектируемую и создаваемую субъектами образования (педагогами, курсантами) область их совместной деятельности, в которой в рамках учебно-воспитательного процесса выстраиваются определенные связи и отношения, обеспечивающие реализацию личных и социальных целей.

Развитие единой информационной образовательной среды вуза в XXI в. является решающим критерием оценки инновационности стратегии современной высшей школы и свободы личности в ее самореализации. Значение информатизации в образовании определяется общемировыми тенденциями перехода общества к постиндустриальной, информационной эпохе, где движущей силой становится производство информационного продукта, главным стратегическим ресурсом – информационные ресурсы и коммуникации, главным условием самореализации человека – его информационная культура в самой широкой интерпретации ее смысла [5].

В России с середины 90-х гг. прошлого века провозглашена необходимость активного внедрения информационных образовательных технологий [6]. Вместе с тем, отметим, что данный показатель в учебной сфере, в научно-исследовательской, воспитательной, организационно-управленческой деятельности в большинстве вузов далек от удовлетворительного состояния.

Время диктует необходимость в вузах МВД России перехода от применяемых сегодня разрозненных, эклектичных средств информатизации к целостной системе, способной выступать инструментом организации, управления и методического обеспечения образовательных программ вуза. В Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031001 Правоохранительная деятельность в качестве важнейшей указана способность курсантов работать с различными источниками информации, информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы, способы и средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации (ОК-16). Поэтому большое значение в профессиональной самореализации курсантов имеет информационная компетентность как составная часть профессиональной компетентности будущего сотрудника полиции, что связано с глобальным социальным процессом производства в современном мире и использованием информации как общественного ресурса.

На современном этапе вузовского образования одной из важнейших является проблема организации и развития единой образовательной информационной среды, разработка теоретической и практической системы [7]. Их опыт показал, что основой образовательной системы является высококачественная, высокотехнологичная информационно-образовательная среда. Именно она позволяет системе образования коренным образом модернизировать свой технологический базис, перейти к образовательной информационной технологии в широком смысле этого слова и осуществить прорыв, отвечающий требованиям постиндустриального общества.

Создание единого информационного пространства может стать ключом к решению проблем взаимодействия всех участников образовательного процесса, поэтому на сегодняшний день можно констатировать появление понятия «мультимедийная образовательная среда вуза», которая представляется как комплекс

мероприятий, связанных с проникновением во все звенья образовательной системы (обучение, воспитание, управление, дополнительное образование и др.) информационных средств, информационных технологий, информационной культуры. Только в условиях мультимедийного образовательного пространства вуза возможно формирование информационной культуры обучаемого, что связано с умением целенаправленно работать с информацией, получать, обрабатывать, передавать и хранить ее с помощью компьютерных информационных технологий.

Мультимедийное образовательное пространство вуза направлено на формирование информационной компетентности как важнейшего качества будущего сотрудника полиции. При ретроспективном анализе понятия «компетентность» выявлено, что предшествующим явлением стала «самоактуализация» [8]; компетентность рассматривается как специфическая способность для эффективного выполнения конкретных действий в конкретной предметной области [9], стремление реализовать, развивая, свои потенциальные возможности [10].

Когда говорят о компетенции, в частности об информационной компетенции будущего сотрудника полиции, имеют в виду человека опытного, квалифицированного, владеющего секретами профессионального мастерства, необходимыми умениями, навыками и способного их реализовать в практической деятельности. Сформированная в годы обучения компетентность дает возможность решения возникших сложностей и проблемных ситуаций в профессиональной деятельности. Следовательно, профессиональная информационная компетентность представляет готовность личности к эффективной профессиональной деятельности, основанной на имеющихся у данной личности знаниях и опыте, практических умениях. Существенной характеристикой будущего сотрудника полиции становится то, что он в совершенстве должен овладеть профессиональными навыками и знаниями в области информационных ресурсов, а в дальнейшей деятельности должен быть нацелен на профессиональное развитие и обновление знаний, умений и навыков. Следовательно, когда говорят об информационной компетентности, имеют в виду глубокие профессиональные знания, осведомленность в данной сфере деятельности, возможность самореализации личности в данном направлении.

В контексте самореализации курсантов в мультимедийном образовательном пространстве вуза МВД отметим сущностные черты компетентности, сформулированные А.В. Хуторским: способность и готовность личности выступать в качестве целостного совместного субъекта саморазвития системы «человек – мир»; субъективная позиция обучающегося в обучении, обеспечивающая реализацию личностных смыслов; имеет метапредметный характер; реализует дидактический принцип связи обучения с жизнью; проявляется и контролируется в процессе практического осуществления деятельности [11, с. 54].

Дефиниция «информационная компетентность» в исследованиях рассматривается с разных позиций. Первая позиция связана с формированием понятия «информационная компетентность» в узком смысле слова – использование компьютерных технологий, компьютерных средств общения и др. Вторая позиция состоит в том, что информационная компетентность рассматривается как процесс восприятия информации человеком, операции с информацией в профессиональной деятельности. В этом смысле информационная компетентность специалиста трактуется уже в широком смысле – как особый тип организации предметно-специальных знаний, позволяющих принимать эффективные решения в профессиональной деятельности [12].

Результатом целенаправленного формирования информационной компетентности является информационная культура [13], представляющая собой неотъемлемую составную часть общей культуры человека. Существует ряд определений понятия «информационная культура»:

термин, употребляемый для обозначения достигнутого уровня организации информационных процессов, степени удовлетворения в информационном общении, уровня эффективности создания, сбора, хранения, передачи, переработки и использования информации, обеспечивающей целостное видение мира, прогнозирование последствий принимаемых решений; информационная культура – это прежде всего проникновение в суть процессов обработки информации, причем достаточно глубокое, чтобы можно было решить различные задачи на персональном компьютере, подобно тому, как истинно грамотный человек может свободно читать и писать [14, с. 179–180];

свод правил поведения человека в информационном обществе, способы и нормы обще-

ния с системами искусственного интеллекта, ведение диалога в человеко-машинных системах «гибридного интеллекта», пользование глобальными и локальными информационно-вычислительными сетями, включает способность человека осознать и освоить информационную картину мира как систему символов и знаков, прямых и обратных информационных связей, свободно ориентироваться в информационном обществе, адаптироваться к нему; формирование информационной культуры личности осуществляется прежде всего в процессе организованного обучения информатике и информационным технологиям и во включении современных электронных средств передачи информации в учебно-воспитательный процесс [15, с. 68].

Если рассматривать информационную культуру будущего сотрудника полиции, то ее можно определить следующим образом: это сложное интегративное системное качество личности, характеризующееся способностью и готовностью к профессиональной деятельности в информационной среде. Сформировать информационную культуру курсантов можно в мультимедийной образовательной среде вуза.

В 1998 г. впервые в документах, посвященных информатизации образования, дано определение информационной среды как совокупности программно-аппаратных средств, информационных сетей связи, организационно-методических элементов системы высшей школы и прикладной информации о предметной области, понимаемой и применяемой различными пользователями [6]. Уже в начале XXI в. подробно определены цели, задачи, сроки, основные направления, перечень мероприятий по созданию единой информационно-образовательной среды [16]. Целостность образовательной среды является синонимом достижения системного эффекта, под которым понимается реализация комплексной цели обучения и воспитания на уровне непрерывного образования. Информационно-образовательная среда существует как определенная социальная общность, развивающая совокупность человеческих отношений в контексте широкой адаптации человека к информационному миру и наоборот.

Информационно-образовательная среда вуза обладает широким спектром модальности, формирующим разнообразие типов локальных сред. В оценочно-целевом планировании образовательные среды дают суммарный воспитательный эффект, причем вектор ценностных ориентаций заказывается с целевыми установ-

ками общего содержания образовательного процесса. Информационно-образовательная среда вуза выступает не только как условие, но и как средство обучения и воспитания, являясь процессом диалектического взаимодействия социальных, пространственно-предметных и психолого-дидактических компонент, которые влияют на педагогическое целенаправление.

Как свидетельствует практика организации мультимедийной образовательной среды вуза МВД России, аккумуляция информационных ресурсов сосредоточена на накоплении документированных и недокументированных информационных потоков, способствующих повышению качества информации для принятия стратегических и тактических решений. Совокупность информационных потоков, как правило, обеспечивает качество учебной деятельности курсантов и профессиональной работы преподавателей (учебной и научной), внедрение постоянно обновляющихся информационных техник и технологий в образовательную среду вуза, их интенсивное использование в учебно-научном процессе. Это система широкого доступа каждого курсанта к информационно-методическим фондам и базам данных, сетевым источникам информации, по содержанию соответствующим полному перечню учебных предметов, предполагающим наличие методических пособий и рекомендаций по всем видам деятельности, а также наглядных пособий, мультимедийных, аудио- и видеоматериалов. Средства информатизации и коммуникации образовательного назначения в вузе МВД включают в себя средства информационных и коммуникационных технологий, используемые вместе с учебно-методическими, нормативно-техническими и организационно-инструктивными материалами в учебно-воспитательном процессе, обеспечивающими реализацию оптимальной технологии их педагогического применения.

Мультимедийность, как следствие внедрения информатизации в образование, позволяет стратегически изменить весь ход образовательного процесса. Мультимедийные технологии относятся к разряду личностно-ориентированных по своей природе, направленных на процесс профессиональной самореализации обучаемого. Мультимедиа в максимальном своем проявлении (виртуальная реальность) – это эмуляция окружающей среды с помощью технических средств, при которой используется одновременная (параллельная) подача информации разных видов (звуковая, визуальная, сенсорная) [17].

Необходимость использования мультимедийных технологий в контексте создания мультимедийной образовательной среды в вузе диктуется несколькими обстоятельствами. К ним, прежде всего, следует отнести фундаментальные изменения последней трети XX в., поставившие на повестку дня вопрос о переходе к новой стратегии развития общества на основе знаний и перспективных высокоэффективных технологий. Приоритетное развитие получают информационные технологии, играющие роль катализатора как научно-технического, так и социально-экономического развития общества. Это обстоятельство предъявляет определенные требования к формированию новой модели учебно-воспитательного процесса, призванной научить курсантов самостоятельно приобретать и актуализировать знания, обеспечивающей сочетание достаточно обширной общеобразовательной подготовки с возможностью глубокого постижения специальных дисциплин, постоянного и целенаправленного процесса самореализации личности.

Решению этой проблемы, в частности, должно способствовать использование мультимедийных технологий в образовании, знаменующее собой подлинный технологический прорыв в методологии, организации и практической реализации образовательного процесса, обеспечивающее существенное повышение его дидактической ценности на всех уровнях системы обучения. Именно мультимедийные технологии соединяют в себе и возможность одновременного получения образа объекта, процесса в различных информационных представлениях: графика, звук, видео, и реализации динамизма движения, преобразования объектов в виде анимации. Актуальной для вузов МВД России стала задача разработки методик внедрения мультимедийных технологий в процесс познания, использование которых в образовании может внести значительный вклад в эффективность процесса образования, а следовательно, благоприятно повлиять на процесс самореализации личности курсантов.

1. Беляева А.П. Развитие системы профессионального образования // Педагогика. 2001. № 8. С. 3–8.

2. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М., 1989.

3. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики / сост. А.И. Пискунов. 2-е изд., перераб. М., 1981.

4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие по направлению и специальностям «Психология», «Клиническая психология» / науч. ред. и авт. предисл. Д.А. Леонтьев. М., 2004.

5. Дьячко А.Г., Крупин Ю.А., Муратова С.Ю. и др. Информационные технологии в планировании учебного процесса высшего образовательного учреждения: лекция-докл. М., 2000.

6. Концепция информатизации сферы образования Российской Федерации // Проблемы информатизации высшей школы: бюл. 1998. № 3–4.

7. Абросимов А.Г. Информационно-образовательная среда вуза: методические основы создания // Изв. Самар. науч. центра РАН. Спец. вып. «Актуальные проблемы экономики и права». 2003. С. 58–66.

8. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1999.

9. Зеер Э., Сыманюк Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального

1. Belyaeva A.P. Development of vocational education system // Pedagogics. 2001. № 8. P. 3–8.

2. Philosophical encyclopaedia / ed. board: S.S. Averintsev, E.A. Arab-Ogly, L.F. Ilyichev et al. 2nd ed. Moscow, 1989.

3. Reader on history of foreign pedagogics / comp. A.I. Piskunov. 2nd ed., rev. Moscow, 1981.

4. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality: study aid for discipline and special subjects «Psychology», «Clinical psychology» / sci. ed. and foreword by D.A. Leontiev. Moscow, 2004.

5. Dyachko A.G., Krupin Yu.A., Muratova S.Yu. et al. Information technologies in planning curriculum of the higher education institution: lecture-report. Moscow, 2000.

6. The Concept of informatization in the sphere of education of the Russian Federation // Problems of informatization of higher education: bull. 1998. № 3–4.

7. Abrosimov A.G. Information educational environment of the higher education institution: methodological basis of creation // Proc. of Samara Sci. Centre of the Russian Academy of Sciences. Spec. iss. «Actual Problems of Economics and Law». 2003. P. 58–66.

8. Maslow A.H. Outledge of human mind. St. Petersburg, 1999.

9. Zeer E., Symanyuk E. Competency building approach to modernization of vocational education // Higher education in Russia. 2005. № 4. P. 23–30.

образования // *Высшее образование в России*. 2005. № 4. С. 23–30.

10. Пидкасистый П.И. Педагогика. М., 2006.
11. Хуторской А.В. Педагогическая инноватика. М., 2008.
12. Зайцева Л.А. Человек в системе ценностей информационного общества: дис. ... канд. филос. наук. М., 1999.
13. Гречихин А.А. Информационная культура (опыт определения и типологического моделирования) // Проблемы информационной культуры: сб. ст. М., 1994. С. 12–38.
14. Хорунженко К.М. Культурология: энциклопедический словарь. Ростов н/Д, 1997.
15. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Словарь по педагогике. М.; Ростов н/Д, 2005.
16. Федеральная целевая программа «Развитие единой образовательной информационной среды (2001–2005 годы)»: утв. постановлением Правительства РФ от 28 авг. 2001 г. № 630 // ИПС «Гарант».
17. Осин А.В. Мультимедиа в образовании: контекст информатизации. М., 2004.

10. Pidakisty P.I. *Pedagogics*. Moscow, 2006.

11. Khutorskoy A.V. *Pedagogical innovations*. Moscow, 2008.
12. Zaytseva L.A. *Man in a system of values of the information-oriented society: diss. ... Master of Philosophy*. Moscow, 1999.
13. Grechikhin A.A. *Information culture (experience of definition and typological modeling)* // *Problems of information culture: coll. of papers*. Moscow, 1994. P. 12–38.
14. Khorunzhenko K.M. *Culturology: encyclopaedia*. Rostov-on-Don, 1997.
15. Kodzhaspirova G.M., Kodzhaspirov A.Yu. *Pedagogical dictionary*. Moscow; Rostov-on-Don, 2005.
16. *The Federal target programme «Development of unified educational information environment (2001–2005)»: approved by the resolution of the Government of the Russian Federation of Aug. 28, 2001 № 630* // IRS «Garant».
17. Osin A.V. *Multimedia in education: informatization context*. Moscow, 2004.

**Скрипкина Алина Вячеславовна**  
 доктор педагогических наук, доцент,  
 профессор кафедры педагогики и психологии  
 Краснодарского государственного университета культуры и искусств

**Щуров Евгений Андреевич**  
 кандидат юридических наук, доцент,  
 заместитель начальника кафедры криминалистики  
 Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612583360)

## *Профессиональное саморазвитие личности курсанта в условиях модернизации высшего образования*

В статье рассматриваются вопросы профессионального саморазвития личности курсанта в условиях модернизации высшего образования.

**Ключевые слова:** профессиональное саморазвитие, самореализация, системность, личностно-ориентированная направленность, компетентность, личность курсанта.

**A.V. Skripkina**, Doctor of Pedagogics, Assistant Professor, Professor of a Chair of Pedagogics and Psychology of the Krasnodar State University of Culture and Arts;

**E.A. Shchurov**, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583360.

### **Professional self-development identity of cadet in the modernization of higher education**

In the article questions of professional self-development of the identity of the cadet in the conditions of modernization of the higher education are considered.

**Key words:** professional self-development, self-realization, systemacity, personal focused orientation, competence, identity of cadet.

За последние годы в системе российского образования произошли серьезные изменения, направленные на ее модернизацию, вхождение в Болонский процесс, в рамках которого инициируется масштабная интернационализация высшего профессионального образования. При этом возрастает внимание к проблеме качества высшего профессионального образования как ключевому фактору успешности социально-экономических и политических преобразований любого государства: возникают новые социальные требования к самой системе образования, которые на первый план выдвигают требования эффективности подготовки профессиональных кадров, необходимость обеспечить соответствие целей и результатов образования современным социальным ожиданиям.

В исследованиях, посвященных проблемам отечественного образования, модернизацию рассматривают как «масштабную программу государства, осуществляемую при активном содействии общества. Она должна привести к достижению нового качества российского образования, которое определяется, прежде всего, его соответствием актуальным и перспективным запросам современной жизни» [1]. Одним из векторов становятся интеграционные процессы, направленные на создание единых культурно-образовательных пространств, различных видов образования, интеграцию в образование науки и культуры. В настоящее время в системе высшего образования открываются большие возможности и перспективы для интеграции в европейскую и мировую образовательную систему. Центральная зада-

ча модернизации образования заключается в том, чтобы обеспечить конкурентное качество на основе выстраивания эффективной образовательной системы с действенной экономикой и управлением. При этом следует осознавать фундаментальную задачу модернизации: образование становится не только важнейшей социальной сферой, но и важнейшей экономической отраслью. В современных условиях мирового развития главной движущей силой любого производства являются знания, информация и инновационные научные разработки, а наиболее ценными качествами специалистов – уровень образования, профессионализм, обучаемость, профессиональное самосовершенствование и саморазвитие.

Новые взгляды на роль человека в обществе обуславливают необходимость подготовки квалифицированного специалиста, не только владеющего профессиональными навыками деятельности и общения в информационной среде, но и способного к творческому саморазвитию и самосовершенствованию, умеющего грамотно, на высоком профессиональном уровне принимать решения, быстро адаптироваться к изменяющимся ситуациям профессиональной деятельности в условиях современной рыночной экономики.

Стратегической миссией вузов сегодня является подготовка конкурентоспособной саморазвивающейся личности, ориентированной на саморазвитие, самосовершенствование на протяжении всей профессиональной деятельности. Доминирование антропоцентризма проявляется в реализации принципов саморазвития курсантов вузов МВД России, в их личной инициативе на профессиональный рост. В этом контексте приоритетным становится создание соответствующей практико-ориентированной среды образования, которая не только предоставила бы условия для развития, но и обеспечивала бы поддержку изменений в системе высшего учебного заведения.

Одним из важнейших направлений модернизации вузов МВД России является постоянное совершенствование профессионального мастерства и личностных качеств сотрудников полиции, ориентированных на постоянное саморазвитие, которое является системообразующим для всего комплекса профессиональных качеств. Следует констатировать, что на практике наблюдается целый ряд негативных тенденций теоретико-методологического и психолого-педагогического характера, связанных с объективной необходимостью поиска новых путей, условий и средств професси-

онального саморазвития сотрудников полиции в практико-ориентированной подготовке в вузах МВД России.

Потребность в постоянном профессиональном саморазвитии сотрудников полиции обуславливает постановку соответствующих задач «Я-концепции»: необходимо осуществлять данный процесс посредством модернизации образовательной среды ведомственных вузов. Решение этой задачи становится конструктивным фактором и необходимым условием не только повышения эффективности функционирования системы высшего образования, обеспечивающей подготовку сотрудников полиции, но и успешного осуществления всей намеченной модернизации системы подготовки и повышения квалификации сотрудников системы МВД, определяющей социально-политическую стабильность страны.

Анализ практики правоохранительной деятельности свидетельствует о том, что модернизация системы МВД связана с проблемами личностного совершенствования и саморазвития сотрудника полиции: граждане России ожидают от правоохранительных органов эффективной борьбы с преступностью; работа органов внутренних дел должна отвечать новой ситуации. Сегодня сотрудники полиции должны более активно использовать все самые современные средства, поддерживать высокий уровень дисциплины, заботиться о своей профессиональной подготовке, стремиться к постоянному самосовершенствованию, саморазвитию.

Модернизация системы профессиональной подготовки специалистов МВД России связана с учетом сложившейся ситуации, целей и задач, стоящих перед Министерством внутренних дел на современном этапе. Ориентация на новые парадигмы образования (практико-ориентированная, личностно-ориентированная и др.) предъявляет новые требования к характеру и содержанию педагогической деятельности в условиях компетентностной направленности вуза. Процессы модернизации в сфере образования обусловлены проблемами в структурном и сущностном изменении содержания образования, его целей, приоритетов реформирования, проблемами развития, которые определяются общекультурным и общесоциальным контекстом, изменившимся в последние десятилетия как внутри страны, так и в мире.

Высшее образование ориентировано на запросы современного общества, которое характеризуется следующими чертами [2]: преобладание инноваций над традицией; светский

характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; выделенная персональность; преимущественная ориентации на инструментальные ценности; демократическая система власти; наличие отложенного спроса, т.е. способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; массовое образование; активный деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным и др.

Необходимость преобразований как ведомственной системы профессиональной подготовки, так и всей отечественной образовательной системы в целом отражает общенациональные интересы в сфере образования и основывается на общих тенденциях мирового развития. Следовательно, основное требование к модернизации системы высшего образования – переход к гуманистическому обществу. Проведенный анализ нормативных документов в области образования свидетельствует о несоответствии современной системы профессиональной подготовки специалистов МВД России, ориентированной на саморазвитие. Задача усложняется требованиями к профессиональным качествам сотрудника полиции, что требует от образования обновления его содержания и разработки качественно новых педагогических практико-ориентированных технологий, создания профессиональной среды подготовки специалиста, ориентированной на развитие личности. Следовательно, изменения должны затронуть не только саму систему ведомственного образования, методологию и технологию образовательного процесса, но, главным образом, цели образования, его стратегическую ориентацию. Среди проблем, затрагивающих профессиональное саморазвитие курсантов в процессе практико-ориентированной подготовки в вузах МВД России, главнейшими выступают образовательно-рефлексивная среда учебного заведения и системная организация практико-ориентированной подготовки, направленные на формирование ценностно-мировоззренческих ориентаций, профессиональную мотивацию, готовность к самообразованию, информационную грамотность и развитие профессионально значимых личностных качеств.

Категория «среда» является объектом исследования представителей разных наук (философов, социологов, психологов, педагогов), которые стремятся к выяснению созидатель-

ного потенциала среды и ее влияния на становление и развитие личности обучающегося. Процесс профессионального саморазвития курсантов вузов МВД России в условиях модернизации определяется множеством внешних средовых факторов, влияние которых будет тем более значительным и эффективным, если внешние условия профессионального саморазвития будут особым образом организованы, будет осуществляться постоянный мониторинг и контроль процесса саморазвития. Всю совокупность таких организованных форм внешних воздействий можно представить в виде их многоуровневой структуры.

Существует классификация уровней организованного влияния среды на личность: социетарное, институциональное, интерперсональное и интраперсональное [3, с. 16]. Организация внешних условий профессионального саморазвития на социетарном уровне определяется общегосударственной социальной политикой и стратегией подготовки профессиональных кадров, системой общих и специальных требований со стороны профессий, их социальной значимостью и персонализированной привлекательностью, всеми реальными аспектами профессиональной деятельности и условиями ее протекания. В качестве специально организованных условий, институциональных форм организации профессионального саморазвития на этапе профессиональной подготовки выступает процесс обучения в вузе. В рамках институциональных форм организации профессиональной подготовки относительно самостоятельную роль играют педагогические технологии как способы организации деятельности, направленной на профессиональное саморазвитие. Вся система внешних влияний осуществляется в таких организационных формах, которые способствуют переходу человека в субъектную позицию. При этом сам курсант становится организатором собственной деятельности и развития, в том числе и профессионального.

В условиях модернизации современной системы образования главной целью является необходимость перевода курсанта из объекта подготовки в субъекта процесса профессионального саморазвития. Переход к саморазвитию (интраперсональный уровень) способствует организации курсантом собственной деятельности. Это предопределяет формирование у него готовности к самостоятельному осуществлению избранной профессиональной деятельности, самоуправлению собственным развитием.

История изучения роли и значения среды как существующей реальности, оказывающей влияние на личность обучающегося, постоянно находится в поле зрения отечественных ученых. Еще К.Д. Ушинский считал, что для воспитания и развития важно знать человека «каков он есть в действительности со всеми его слабостями и во всем величии», надо знать «человека в семействе, среди народа, среди человечества... во всех возрастах, во всех классах...» [4]. В 20-е гг. прошлого столетия в России складывается целое научное направление – «педагогика среды», у истоков которого стояли педагоги и психологи Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд, М.С. Иорданский, А.П. Пинкевич, В.Н. Шульгин и многие другие [5]. В своих работах они рассматривали воздействие окружающей среды на личность обучающегося, управление этим влиянием.

Ряд ученых [6, с. 84] считали, что необходимо приспособляться в процессе обучения к той или иной среде. При этом обучающиеся в меру своих сил и способностей должны сами организовывать среду и влиять на нее. В контексте среды должна рассматриваться личность в единстве многоаспектных характеристик, учитывая, что среда представляет собой единую систему воздействия на обучающихся. В исследованиях представлен анализ среды, ее влияния на становление и развитие личности в контексте внешних факторов. Идея влияния специально организованной среды на педагогический процесс была развита и реализована в образовательной практике А.С. Макаренко [7], уделявшего внимание как объективным, так и субъективным характеристикам среды.

В середине XX в. интерес к проблемам образовательной среды возобновляется (В.А. Караковский, А.Т. Куракина, А.Н. Леонтьев, Л.И. Новикова, В.А. Сухомлинский и др.), становится объектом целостного системного анализа. Изучаются и исследуются «учебная среда», «внешкольная среда ученического коллектива», «домашняя среда», «среда социально-педагогического комплекса» и др. [8]. А.Н. Леонтьев отмечает, что среда существует только по отношению к определенному субъекту и становится средой, лишь вступая в деятельность субъекта. Ученый пишет, что «...отношение человека к среде определяется всякий раз не средой и не абстрактными свойствами его деятельности, уровнем ее развития... Ясно, что и субъект вне его деятельности по отношению к действительности, к его “среде” есть такая же абстракция, как и среда вне отношения ее к субъекту» [9, с. 165].

Идеей педагогики среды является положение о том, что человек, взаимодействуя со средой, не только адаптируется к ней, но и по мере возможности, организует среду, проявляя адаптирующую активность [10]. В.А. Якунин отмечает, что наиболее обобщенной формой отношения к профессии является профессиональная направленность сферы [11]. Профессиональная направленность определяется также как интерес к профессии и склонность заниматься ею и включает в себя представление о цели, мотивы, побуждающие к деятельности, эмоциональное отношение к этой деятельности, удовлетворенность ею [12]. В работах определены свойства профессиональной направленности: объектность, специфичность, обобщенность, валентность, удовлетворенность, сопротивляемость, устойчивость и др. Важной составляющей процесса становления образовательной среды является деятельность индивида, где каждый творит собственное образовательное пространство вхождения в культуру сообразно своим индивидуальным особенностям. Отмечается, что «не все то, что окружает человека, является действительной средой его развития. Влияют на этот процесс только те условия, с которыми он вступает в ту или иную действительную связь. Среда воздействует на развитие индивида через его деятельность» [13, с. 50]. В условиях модернизации системы подготовки кадров необходимо учитывать, что особенности профессионального саморазвития курсантов в образовательной среде определяются характером профессиональной деятельности, что согласуется с психологическим принципом деятельностного опосредования, который был раскрыт в работах В.В. Давыдова [14], А.Н. Леонтьева [9].

Таким образом, в условиях модернизации подготовки сотрудников полиции, ориентированной на профессиональное саморазвитие, мы рассматриваем образовательную среду как фактор, условие, средство формирования личности на основе реализации методов моделирования и проектирования. Профессионально направленная образовательная среда является таким окружением субъекта, в котором создаются условия для формирования личности и ее саморазвития. Профессиональная направленность как обобщенная форма отношения к профессии складывается из частных, локальных оценок субъектом степени личностной значимости различных аспектов, таких как возможность работать с людьми, соответствие профессии способностям и характеру, заработная плата, конкурентоспособность, возможность карьерно-

го роста и т.п. По мере подготовки и освоения профессиональной деятельности представления о разных ее сторонах изменяются, при этом важно, чтобы общее отношение курсантов

к профессии как к конечной цели обучения наполнялось смыслом относительно профессиональных целей практико-ориентированной подготовки в качестве средств их достижения.

1. Лебедев О.Е. Управление качеством образования: сб. метод. материалов. М., 2007.

2. Капитонов Э.А. Корпоративная культура. Стратегическое направление развития социально-трудовых отношений. Ростов н/Д, 2006.

3. Гинецинский В.И. Основы теоретической педагогики: учеб. пособие. СПб., 1992.

4. Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. М.; Л., 1948–1952. Т. 8.

5. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики / сост. А.И. Пискунов. 2-е изд., перераб. М., 1981.

6. Шацкий С.Т. Избр. пед. соч. М., 1980. Т. 1, 2.

7. Макаренко А.С. О воспитании / сост. и авт. вступ. ст. В.С. Хелемендик. М., 1988.

8. Бим-Бад Б.М. Обучение и воспитание через непосредственную среду: теория и практика // Тр. кафедры педагогики, истории образования и пед. антропологии ун-та РАО. 2001. № 3. С. 28–48.

9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

10. Назарова О.Л. Управление качеством образовательного процесса в профессионально-педагогическом колледже. Челябинск, 2003.

11. Якунин В.А. Современные методы обучения в высшей школе: учеб. пособие. Л., 1991.

12. Кузьмина Н.В., Реан А.А. Профессионализм педагогической деятельности. СПб., 1993.

13. Коджаспирова Г.М. Сущность профессионального самообразования // Профессиональное творчество педагога: материалы науч.-практ. конф., 20–21 окт. 1994 г. М., 1994. С. 125–130.

14. Давыдов В.В. Научно-исследовательская деятельность Российской академии образования // Педагогика. 1998. С. 3–11.

1. Lebedev O.E. Quality management education: coll. of methodical materials. Moscow, 2007.

2. Kapitonov E.A. Corporate culture. Strategic direction for the development of social and labor relations. Rostov-on-Don, 2006.

3. Ginetsinsky V.I. Foundations of theoretical pedagogy: study aid. St. Petersburg, 1992.

4. Ushinsky K.D. Coll. works: in 11 vol. Moscow; Leningrad, 1948–1952. Vol. 8.

5. Readings on the history of foreign pedagogy / comp. A.I. Piskunov. 2nd ed., rev. Moscow, 1981.

6. Shatsky S.T. Sel. pedagogical works. Moscow, 1980. Vol. 1, 2.

7. Makarenko A.S. On education / comp. and entered art. by V.S. Helemendik. Moscow, 1988.

8. Bim-Bad B.M. Training and education through direct environment: theory and practice // Proc. of the chair of pedagogics, history of education and educational anthropology of the University of RAE. 2001. № 3. P. 28–48.

9. Leontiev A.N. Activities. Consciousness. Personality. Moscow, 1975.

10. Nazarova O.L. Quality control of the educational process in vocational teacher training college. Chelyabinsk, 2003.

11. Yakunin V.A. Modern methods of teaching in higher education: study aid. Leningrad, 1991.

12. Kuzmina N.V., Rean A.A. Professionalism of teaching activity. St. Petersburg, 1993.

13. Kodzhaspirova G.M. The essence of professional self-education // Professional creativity teacher: proc. of sci.-pract. conf., Oct. 20–21, 1994. Moscow, 1994. P. 125–130.

14. Davydov V.V. Research activities of the Russian Academy of Education // Pedagogics. 1998. P. 3–11.

**Воробьев Валерий Викторович**  
 адъюнкт кафедры уголовного права  
 Краснодарского университета МВД России  
 (тел.: +78612584050)

## *Побуждение к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний: уголовно-правовое значение в составе преступления, предусмотренном частью 2 статьи 239 Уголовного кодекса Российской Федерации*

В статье рассматривается юридическое значение побуждения граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей в контексте состава создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан.

**Ключевые слова:** преступление, ответственность, некоммерческие организации, юридическое лицо, иностранные агенты.

**V.V. Vorobyev**, Adjunct of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584050.

**Encouraging to the refusal to perform civil duties or to commit other illegal acts: the penal value of the crime provided by part 2 of article 239 of the Criminal code of the Russian Federation**

The article considers the legal value of encouraging citizens to the refusal to perform civil duties in the context of the composition create a non-profit organization, encroaching on the person and rights of citizens.

**Key words:** crime, responsibility, non-profit organizations, legal entity, foreign agents.

Российским уголовным законом в числе обязательных признаков состава создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ч. 2 ст. 239 УК РФ), предусмотрено побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний. Ввиду того, что данный признак является составообразующим, его правильное понимание выступает одной из предпосылок для точной квалификации соответствующих общественно опасных деяний.

Прежде всего, необходимо определить содержание термина побуждение. Как пишет В.А. Бурковская, «побуждение представляет собой... самую мягкую форму психологического воздействия, поскольку оставляет объекту достаточно большую степень свободы выбора линии поведения. Психологическое содержание побуждений заключается в формировании у

лица желания, намерения поступить определенным образом. Общественная опасность побуждений в данном случае заключается в направленности его содержания, поскольку оно создает у индивида готовность, формирует установки на совершение противоправных деяний» [1, с. 61].

Как пишет В.В. Пилявец, «под побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей следует понимать такую деятельность, которая направлена на возбуждение желания у человека не выполнять предписываемых законом действий (независимо от способа возбуждения желания)» [2, с. 135].

Следовательно, данные авторы узловым в содержании понятия побуждения признают возбуждение у другого лица желания действовать определенным образом. Однако филологическое толкование рассматриваемого термина свидетельствует о том, что побуждение не

ограничивается лишь возбуждением желания. Так, в толковом словаре русского языка указывается, что под побуждением надлежит понимать «желание, намерение действовать» [3, с. 370]. В то же время данное значение относится к слову «побуждение» как к существительному. В анализируемом нами случае побуждение подразумевает действие, поэтому лексическое значение этого термина необходимо устанавливать с учетом его происхождения от слова «побудить», которое трактуется как «склонить к какому-нибудь действию» [3, с. 370]. Отсюда побуждение есть склонение к какому-нибудь действию.

Иными словами, побуждение не следует толковать как действия, инициирующие исключительно добровольное желание адресата поступать определенным образом. Представляется, что изложенные аргументы обуславливают более широкое понимание термина «побуждение». Так, по мнению Е.А. Димитровой, «понятие “побуждение” включает в себя понятие “принуждение”, последнее при этом гораздо уже по объему, поскольку немислимо без физического или психического насилия, и совершенно обоснованным является утверждение, что принуждение игнорирует волю потерпевшего, а побуждение использует ее» [4, с. 114].

Р.Д. Шарапов утверждает, что «побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей – это любые действия (уговоры, заверения, проповеди, советы, угрозы, физическое насилие и т.п.), направленные на возбуждение у другого лица желания не исполнять гражданские обязанности» [5, с. 57].

Как видно, данный автор прямо указывает на то, что побуждение может выражаться в широком спектре действий – от уговоров до физического принуждающего воздействия. То есть вполне возможно, что результатом побуждения выступает возникновение у лица субъективной решимости поступить так или иначе вследствие вынужденности. Поэтому констатация признаков побуждения возможна и в ситуациях существенного подавления свободы воли потерпевшего.

Немаловажным правоприменительным аспектом исследуемого состава преступления выступает то обстоятельство, что в тексте уголовного закона указывается на побуждение граждан во множественном числе, т.е. адресат побуждения представляет собой множество лиц. Этот момент подразумевает, что осуществление побуждения лишь одного лица не может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 239 УК РФ.

Таким образом, под побуждением в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 239 УК РФ,

следует понимать склонение нескольких человек к определенному варианту поведения путем психического или физического воздействия на них, в том числе посредством принуждения.

Вторым моментом при установлении признаков побуждения граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний является содержание поступков, к которым склоняются лица.

В юридической литературе отмечается, что «побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей признается склонение их к отказу от прохождения военной или альтернативной гражданской службы, от оказания материальной помощи несовершеннолетним детям и т.д.» [6, с. 499]. А.И. Чучаев полагает, что «под побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей понимается склонение их к отказу от исполнения конституционных обязанностей (уклонение от военной службы, от уплаты налогов, от выполнения родительских обязанностей и т.д.)» [7, с. 609]. Практически аналогичные разъяснения предлагаются и другими специалистами [8, с. 546].

Авторы единодушны в мнении о том, что содержанием побуждения выступает склонение к отказу от исполнения конституционных обязанностей. Однако здесь закономерно возникает вопрос о понимании соответствующих конституционных обязанностей. Конечно же, обязанности по несению военной службы, уплате налогов прямо закреплены в Основном законе РФ, и побуждение к их невыполнению в конкретных ситуациях может квалифицироваться по ч. 2 ст. 239 УК РФ.

Вместе с тем, практике известны случаи, когда констатируются факты побуждения к отказу от исполнения таких гражданских обязанностей, которые непосредственно в Конституции РФ не закреплены. В этом случае правоприменители нередко испытывают затруднения в части возможности квалификации содеянного виновным по ч. 2 ст. 239 УК РФ.

Р.Д. Шарапов по этому поводу пишет, что «побуждение граждан к отказу от исполнения других правовых обязанностей, возникающих в зависимости от их собственного поведения (исполнение обязательств по договору, трудовых обязанностей, несение ответственности за правонарушение и т.п.), может быть квалифицировано в качестве другого признака деятельности антиобщественного объединения – побуждение к совершению иных противоправных деяний» [5, с. 57–58].

На наш взгляд, предложенное рассуждение заслуживает поддержки. В тексте диспозиции

ч. 2 ст. 239 УК РФ указывается на побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний. Такая формулировка подчеркивает, что отказ от исполнения гражданских обязанностей является разновидностью противоправных действий. Именно поэтому побуждение к любым противоправным действиям при наличии иных необходимых признаков следует квалифицировать по ч. 2 ст. 239 УК РФ.

В связи с этим под побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний надлежит понимать склонение нескольких человек к такому варианту поведения в форме действий или бездействия, который противоречит нормам права.

А.И. Чучаев утверждает, что «побуждение к совершению иных противоправных действий предполагает подстрекательство к совершению различного вида правонарушений» [7, с. 609; 8, с. 546]. При этом автор указывает на необходимость дополнительной квалификации содеянного как подстрекательства к совершению кон-

кретного преступления в случаях, когда имело место побуждение другого лица к совершению преступления [7, с. 609].

Между тем, результаты проведенного нами исследования позволяют высказать некоторые уточнения. Побуждение граждан к совершению противоправных деяний предполагает склонение их не только к совершению правонарушений как таковых (преступлений, административных правонарушений), но и иных деликтов, в том числе и гражданско-правовых.

Что же касается вопроса о необходимости применения по совокупности в соответствующих случаях норм об ответственности за подстрекательство к совершению конкретного преступления, то здесь надо отметить следующее. В судебной практике выработано правило, согласно которому «подстрекателем может быть признан лишь тот, кто своим действием стремился возбудить у другого лица намерение или укрепить решимость совершить не какое-либо вообще противоправное деяние, а конкретное преступление, охватываемое умыслом подстрекателя» [9, с. 213; 10, с. 43].

1. Бурковская В.А. Уголовная ответственность за организацию объединения, посягающего на личность и права граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

2. Пилявец В.В. Уголовная ответственность за организацию и участие в объединениях, посягающих на личность и права граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2007.

4. Димитрова Е.А. Уголовная ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.

5. Шарапов Р.Д. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: науч.-практ. пособие. Тюмень, 2002.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации. Особенная часть: постатейный науч.-практ. коммент. / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М., 2012.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

1. Burkovskaya V.A. Criminal responsibility for the organization of the association, encroaching on the person and rights of citizens: diss. ... Master of Law. Moscow, 2000.

2. Pilyavets V.V. Criminal responsibility for the organization and participation in associations, encroaching on the person and rights of citizens: diss. ... Master of Law. Moscow, 1998.

3. Ozhegov S.I. Dictionary of Russian language: about 53000 words / gen. ed. by L.I. Skvortsov. 24th ed., corr. Moscow, 2007.

4. Dimitrova E.A. Criminal responsibility for the organization of a religious association, encroaching on the person and rights of citizens: diss. ... Master of Law. Krasnoyarsk, 2004.

5. Sharapov R.D. Crimes against public health and public morality: sci.-pract. manual. Tyumen, 2002.

6. Criminal code of the Russian Federation. The Special part: itemized sci.-pract. comment. / ed. by A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. Moscow, 2012.

7. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation / resp. ed. A.I. Rarog. 9th ed., rev. and add. Moscow, 2013.

8. Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook / ed. by A.I. Rarog. 7th ed., rev. and add. Moscow, 2012.

9. Pudovochkin Yu.E. The doctrine of the crime: sel. lectures. 2nd ed., corr. and add. Moscow, 2010.

9. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избр. лекции. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

10. Определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 11 сент. 1967 г. по делу Б. // Бюл. Верховного Суда СССР. 1967. № 5.

10. *The definition of the Judicial Collegium of the Supreme Court of the USSR of Sept. 11, 1967 on case B. // Bull. of the Supreme Court of the USSR. 1967. № 5.*

### Уважаемые коллеги!

Доводим до Вашего сведения, что отправка автором материала (статьи) в адрес редакции журнала «Общество и право» с предложением опубликовать статью в данном периодическом издании расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала «Общество и право», который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт); публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

Редакционной политикой редакции журнала «Общество и право», соответствующей законодательству Российской Федерации об авторских и смежных правах, предусмотрено право автора запретить редакции использовать материалы, предоставленные для публикации в данном издании, для воспроизведения их в других журналах и газетах редакции, а также в иных изданиях и справочных правовых системах.

Запрет автора на публикацию статьи в иных изданиях и справочных правовых системах должен быть выражен таким образом, из которого явственно следует несогласие автора на использование материалов в иных изданиях. Во всех иных случаях направление автором статьи на опубликование в журналах редакции расценивается как согласие автора с редакционной политикой журнала «Общество и право» и вышеперечисленными условиями.

## ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

**Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.**

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

- 1) фамилия, инициалы автора;
- 2) название источника;
- 3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тезисы докладов и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;
- 4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);
- 5) год издания;
- 6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);
- 7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

### ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

#### КНИГИ

Иванов И.И. Синтаксис. М., 1990.

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

#### СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ, СБОРНИКЕ, ГАЗЕТЕ

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер.: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ  
МВД РОССИИ**  
осуществляет подготовку научных и научно-педагогических кадров  
по следующим направлениям:

1. Обучение в очной докторантуре по следующим научным специальностям:

09.00.11 Социальная философия  
12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право  
12.00.09 Уголовный процесс  
22.00.04 Социальные структуры, социальные институты и процессы

2. Обучение в очной и заочной адъюнктуре по следующим научным специальностям:

08.00.01 Экономическая теория  
08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством  
09.00.11 Социальная философия  
12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве  
12.00.02 Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право  
12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право  
12.00.09 Уголовный процесс  
12.00.11 Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность  
12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность  
12.00.14 Административное право; административный процесс  
19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии  
19.00.13 Психология развития, акмеология  
22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы  
22.00.08 Социология управления  
23.00.02 Политические институты, политические процессы и технологии

Срок обучения в докторантуре – 3 года.

Срок обучения в адъюнктуре:

очно – 3 года;  
заочно – 4 года.

Справки и подробную информацию  
об условиях обучения можно получить по адресу:  
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128  
тел.: +78612584265, факс: 2584110  
web-сайт: [krdu-mvd.ru](http://krdu-mvd.ru)  
e-mail: [adjunctura@mail.ru](mailto:adjunctura@mail.ru)

**КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ  
ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ  
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ  
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ:**

**ПО ПРОГРАММАМ БАКАЛАВРИАТА:**

Юриспруденция  
Информационные системы и технологии

**ПО ПРОГРАММАМ СПЕЦИАЛИТЕТА:**

Правовое обеспечение национальной безопасности  
Юриспруденция  
Правоохранительная деятельность  
Экономическая безопасность  
Бухгалтерский учет, анализ и аудит  
Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере  
Психология служебной деятельности  
Психология  
Педагогика и психология девиантного поведения  
Судебная экспертиза

Дополнительное профессиональное образование осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки).

Информацию  
об условиях поступления можно получить по адресу:  
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,  
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128  
тел.: +78612582464

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ  
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации  
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий  
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946  
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 12.08.2014  
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 40,5  
Тираж 1050 экз. Заказ 77  
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе  
Краснодарского университета МВД России  
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,  
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128  
тел.: +78612583249